

XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2015

[Книга 3](#) (ISBN 978-5-7598-1238-8)

Настоящий материал содержит упоминание о лицах, признанных в Российской Федерации иностранными агентами. Лица, признанные иностранными агентами:

Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады», 05.09.2016, страницы 81, 123, 179, 180, 283, 383.

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ
ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО
ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XV

**АПРЕЛЬСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**
по проблемам развития
экономики и общества

3

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

XV АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В четырех книгах

*Ответственный редактор
Е.Г. Ясин*

3

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2015

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012
П99

*Идеи и выводы авторов не обязательно отражают
позиции представляемых ими организаций*

ISBN 978-5-7598-1238-8 (кн. 3)
ISBN 978-5-7598-1235-7

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОГРАФИЯ И РЫНКИ ТРУДА

Е.А. Бахренькова	
Общественный проект «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации» глазами юриста	11
О. Исупова, А. Белянин, А. Гусарева	
Модернизация «устоев и корней»: семья и новые репродуктивные технологии	19
Е.А. Кваша, Т.Л. Харьковца	
Смертность от несчастных случаев и насилия в России и на Западе.....	31
А. Кондаков	
Переопределение моральных границ гражданства в России: дискурс о гомосексуальности после распада СССР	43
Т.В. Кузьмицкая, Л.П. Шахотько	
Роль миграции в решении проблем социально-экономического и демографического развития Республики Беларусь	52
Н.В. Мкртчян	
Внутренняя трудовая миграция в России	62
М.С. Фабрикант	
Традиционное и современное в нормативных взглядах на семейно-гендерные отношения: россияне в сравнении с другими европейцами.....	69
Ю.Ф. Флоринская	
Невидимки на рынке труда: домашние работники-мигранты в России и Казахстане (сравнительный анализ по результатам исследования).....	82
В.В. Юмагузин	
Матрица Хэддона как инструмент снижения смертности от внешних причин	92
I. Kashnitsky	
Youth Migration Drives the Depopulation of Periphery	102

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

О.А. Гуркина, Е.М. Новикова

Использование виртуальных социальных сетей:
есть ли выбор у современных подростков? 115

В.А. Игнашин, И.Г. Ясавеев

Конструирование проблем насилия в полиции
и «исправительных» колониях в российской блогосфере 122

А.С. Колчина

Роль «Радио Свобода» в сохранении культурной идентичности
русской творческой эмиграции в 1950-е годы XX в. 131

П.А. Мейлахс, Ю.Г. Рыков

Онлайновое сообщество СПИД-диссидентов в социальной сети
«ВКонтакте»: структура и риторические стратегии 137

О.В. Мороз

Российское телевизионное мокументари как язык репрезентации:
о чем мы говорим? 147

А.А. Новикова, И.В. Кирия

Недоурбанизированная идентичность: компаративный анализ
медиапотребления сельских жителей Костромской и Ростовской областей .. 155

Е.В. Петрова

Функции журналистики в контексте трансформации системы медиа
(на материале исследования медиапотребления
жителей сельской местности) 164

С.А. Шомова

«Свой», «чужой» и «ничей»: маркеры культурной идентичности
в предвыборной кампании мэра Москвы 173

S.S. Bodrunova, O. Koltsova, S. Koltsov, S.I. Nikolenko

Mapping Ethnic Discourse in the Russian Blogosphere of 2010s 181

МЕНЕДЖМЕНТ

М.А. Бек, Н.Н. Бек

Инновационное развитие в странах БРИКС:
условия, результаты и задачи совершенствования управления 191

Я.В. Берлизова

Влияние организационной лояльности персонала
на бизнес-результат компании 202

А.К. Казанцев, А.С. Веселова	
Стратегическая ориентация и структурная конфигурация российских ТНК промышленного профиля	209
Т.В. Ветрова	
Современные маркетинговые практики: предварительный межстрановой анализ	218
Ю.И. Дуляк	
Эмпирический анализ влияния советов директоров на финансовые результаты деятельности российских компаний	230
Н.А. Колесник	
Функции создания ценности в межфирменных отношениях	241
А.Т. Юсупова	
Крупные корпорации: устойчивость и региональные особенности рыночных позиций	251

НАУКА И ИННОВАЦИИ

Е.С. Куценко, Е.Г. Нечаева	
Сравнительный анализ зарубежных и отечественных исследований в сфере измерения инноваций на региональном уровне	263
И.С. Никифорова, А.А. Вейхер	
Распределение Нобелевских премий в области науки: почему российских ученых не награждают Нобелевской премией?	275
А.С. Фролов	
Проблемы координации мер государственной инновационной политики	289
С. Халимова	
Оценка региональных различий развития инновационной деятельности	301

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЕМИНАР: ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (ПОДГОТОВЛЕН ИНСТИТУТОМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ НИУ ВШЭ)

Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык, В.В. Фейгина	
Взаимодействие российских компаний и научных организаций в инновационной сфере: может ли государство помочь и как?	313

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

М.В. Ефремова

Роль религиозности в стратегиях межкультурного взаимодействия
внутренних мигрантов и представителей принимающего населения 327

А.Б. Запольская

Производство визуального медиапродукта как социальная практика
(случай международных информагентств)..... 335

С.А. Коротаев

«Креативность»: проблема концептуализации и промежуточные итоги
исследования отечественных и зарубежных профессионалов,
работающих в смешанных трудовых коллективах в России 340

В. Костенко, П. Кузьмичёв, Э. Понарин

Отношение к гендерному равноправию и к демократии
на Арабском Востоке 350

В.С. Магун, Г.А. Монусова

Личные усилия и общественные блага в сознании
жителей европейских стран 360

А.А. Миронова

Влияние доверия как элемента социального капитала
на субъективное благополучие индивида..... 373

С.А. Никитин, М.Ю. Авдонина

Велоночь как метод формирования культурного кода Большого города 387

М.Г. Руднев, А.С. Савелькаева

Передача базовых ценностей внутри семьи:
концептуализация и пилотное исследование 397

С.Ю. Тарасова

Социально-психологические аспекты буллинга.
Профилактика агрессивного поведения подростков 407

N. Maslenkova

A Code and an E-reader: The Evolution of Readers' Practices
in the Context of New Media 413

ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Е.М. Авраамова

Направления социальной динамики: городские пижоны
или поколение оптимистов..... 423

С.С. Бирюкова	
Семейное устройство детей-сирот: специфика российского подхода в сравнении с опытом европейских стран	432
Е.Е. Гришина	
Совершенствование социальной поддержки малоимущих в России	442
О.А. Кракашова	
О комплексной оценке доступности приобретения, владения и пользования жилой недвижимостью	452
А. Лауринвичюс	
Тенденции социально-экономического развития и качество жизни жителей Литвы	464
С. Лефевр, И. Корчагина, Л. Прокофьева	
Последние изменения семейной политики и мнения о ней населения в России и Франции.....	474
С.В. Мареева	
Ценностные установки российских бедных	484
Л.И. Ниворожкина, Т.Г. Синявская, Т.В. Торопова	
Взаимосвязь характеристик бедности с кредитной нагрузкой домохозяйств.....	492
А.И. Пишняк	
Образ жизни и социальное самочувствие среднего класса в Москве.....	501
О.Г. Ракаускиене	
Социально-экономическое неравенство: Литва – лидер в Европейском союзе.....	505
Л.С. Ржаницына	
Как сегодня живут пенсионеры.....	516
А.К. Соловьев, М.А. Коржов, А.М. Курманов	
Векторы влияния новой пенсионной стратегии на трудовое и финансовое поведение населения.....	527
С.А. Тер-Акопов	
Оценка значимости социально-экономических факторов, способствующих деторождению в семьях разного типа, на основе сопоставления текущего и ретроспективного состояния семей с новорожденными детьми.....	535

ДЕМОГРАФИЯ И РЫНКИ ТРУДА

Е.А. Бахренькова

Инициативная группа
«За феминизм»,
независимая исследовательница

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ГЛАЗАМИ ЮРИСТА

В конце мая 2013 г. депутат, председатель Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулина представила Общественный проект «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Этот проект вызвал бурную реакцию в российском обществе – воодушевляющую среди традиционалистов и крайне возмущенную среди тех, кто желает дальнейшего развития российского общества в соответствии с принципами прав и свобод человека.

На момент написания данного доклада уполномоченным для подготовки такой концепции государственным органом – Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и созданной им межведомственной комиссией – опубликован для общественного обсуждения иной текст Концепции, в корне отличный от традиционалистской концепции Е.Б. Мизулиной, хотя и не лишенный ее следов.

Несмотря на то, что у Общественного проекта Концепции уже нет шансов стать нормативным документом, он отражает тенденцию российской власти к нравственной перестройке общества на основе консервативных традиционалистских ценностей, на основе религиозной этики. Поэтому его правовой анализ, анализ на соответствие правам и свободам человека представляется актуальным и важным, как и общее обозначение основных положений теории прав человека в семейной и частной сфере.

Основные положения традиционалистской Концепции заключаются в установлении в сфере семейной политики и через сферу семейной политики идеологии «традиционных семейных ценностей», к которым относится полное отождествление семьи с браком, заключенным между женщиной и мужчиной и имеющим целью рождение и воспитание трех и более детей. Такая

традиционная семья является многопоколенной, живущей под одним кровом, и основана на авторитете родительской власти. К «традиционным семейным ценностям» также относится негативное отношение к абортam, пропаганда такого негативного отношения и затруднение доступа к абортam. Концепция предполагает через участие в реализации семейной политики легитимизировать и усилить роль Русской православной церкви в политике России.

Концепция прямо противопоставляет идеологию традиционных семейных ценностей принципам прав и свобод человека, которые в тексте Концепции определены как «система отношений, свойственных западной цивилизации, с ее фетишизацией прав и свобод человека, в том числе прав сексуальных меньшинств» [Концепция государственной семейной политики..., 2013, с. 10].

Одним из основных принципов современного права является принцип приоритета прав человека. Конституция Российской Федерации признает права человека высшей ценностью и обязывает государство признавать эти права, соблюдать и защищать их, ограничивая в строго определенных целях. Концепция же на первое место ставит интересы государства – демографические показатели и статистику; возрождение дореволюционного семейного уклада; приобретение Россией статуса консервативной державы, основы возрожденной нравственности. Такие цели игнорируют особенности современного развития общества, личные цели и воззрения современных женщин и мужчин. Тем самым права и свободы человека приобретают подчиненное значение по отношению к целям государства, что лишает их большей части своего наполнения.

Ни международное право, ни российское право не содержат определения термина «семья». И российские, и международные нормы о браке и о семье – различные нормы. Право на брак признается в качестве права человека и отдельно от этого права признается право на уважение семейной жизни, на невмешательство в нее, утверждается обязанность государства обеспечивать защиту семьи.

Европейский суд по правам человека несколько раз в своих постановлениях высказался о том, что семья существует как в браке, так и вне брака, что существование семейных отношений является вопросом факта, реального наличия близких отношений, а не вопросом правового определения [Постановление ЕСПЧ..., 2004; Постановление ЕСПЧ..., 2005; Постановление ЕСПЧ..., 2007].

Навязывая обществу идеологию «традиционных семейных ценностей», Концепция стремится через нормативные установки изменить существующую социальную реальность и игнорирует естественные процессы, происходящие в области семейных отношений, в том числе появление новых форм

семей. Таким образом, создается ситуация приоритета права над биологической и социальной реальностью, которая признана Европейским судом по правам человека несовместимой с обязанностью государства обеспечивать эффективное уважение личной и семейной жизни [Постановление ЕСПЧ..., 2004].

Концепция предлагает дать четкое определение семье, перечислить ее признаки, отождествить семью с браком, зафиксировать брак как основу семейных ценностей и признать его «святость», т.е. предлагает заменить защиту семьи (а именно семья является объектом защиты и поддержки со стороны государства согласно ст. 7 и 38 Конституции Российской Федерации) защитой брака.

Пропаганда, защита и поддержка только одного вида семьи создает основу для маргинализации и дискриминации других видов семей (неполных, бездетных, основанных на фактических брачных отношениях, не являющихся союзом женщины и мужчины и т.д.).

Традиционалистские положения Концепции затрагивают права и интересы различных групп граждан. Сфера семейной политики как сфера, близко касающаяся частной жизни, оказывает влияние на такую чувствительную область, как гендерная идентичность.

Часть положений Концепции являются общедискриминационными для граждан независимо от их гендерной идентичности.

Это, в частности, насаждение со стороны государства обязательной идеологии (запрещено ст. 13 Конституции Российской Федерации), нарушение принципа отделения церкви от государства (принцип секулярности установлен в ст. 14 Конституции Российской Федерации), изменение приоритетов в связке личность – государство, нарушение принципа приоритета прав человека над интересами государства (принцип установлен в ст. 2 Конституции Российской Федерации), придание исключительной социальной значимости критерию состояния в браке и нахождения в традиционной семье (нарушение принципа запрета дискриминации – ст. 19 Конституции Российской Федерации, принципа уважения частной и семейной жизни – ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также принципа недопущения пропаганды какого-либо социального превосходства – ст. 29 Конституции Российской Федерации).

Другие положения Концепции затрагивают только определенные социальные группы.

Очень важно понимать, что дискриминация бывает прямой и косвенной. Прямая дискриминация очевидна, например, в определении семьи как союза мужчины и женщины, что отрицает возможность признания со стороны общества и государства семей, являющихся гомосексуальными союзами

или союзами людей любых вариантов гендерной идентичности. Требование регистрации брака как условия поддержки семьи или условия доступа к репродуктивным технологиям [Концепция государственной семейной политики..., 2013, с. 17] – прямая дискриминация лиц, не желающих вступать или регистрировать брак, или не имеющих возможности зарегистрировать брак в силу иных дискриминационных законодательных норм.

Понимание косвенной дискриминации важно при анализе влияния норм Концепции на женщин как социальную группу. Законодательство в семейной сфере достаточно давно избегает прямых дискриминационных норм в отношении женщин, однако страны – участницы Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, к числу которых относится и Россия, должны «обеспечить отсутствие» также и косвенной дискриминации [Общая рекомендация № 28 Комитета ООН..., п. 16].

Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин следующим образом описывает косвенную дискриминацию. «Косвенная дискриминация в отношении женщин имеет место тогда, когда законы, стратегии, программы или практики представляются нейтральными в той мере, в какой это касается мужчин и женщин, однако же на практике сопряжены с дискриминационными последствиями для женщин, ибо принятие, казалось бы, нейтральной меры не приводит к устранению ранее сложившихся факторов неравенства. Кроме того, косвенная дискриминация способна усугубить существующее неравенство ввиду отказа признать структурные и исторические модели дискриминации, а также неравенство прав и возможностей между женщинами и мужчинами» [Там же].

Применительно к Концепции это означает, что семейная сфера, традиционно относящаяся к женской сфере, представляет собой историческую и структурную дискриминацию женщин, отсутствие у них равных возможностей по сравнению с мужчинами.

Женщины получили право на образование, выбор профессии, возможность делать карьеру и участвовать в общественной жизни. Но груз работы по дому, уходу за детьми и воспитанию детей, уходу за недееспособными родственниками в полной мере и в большинстве случаев с женщин не снят, поэтому в отношении семейных работающих женщин говорят о двойной рабочей нагрузке, одна из которых формируется при выполнении служебных обязанностей, а другая – в процессе обслуживания семьи и работы по дому.

Источником традиционных семейных ценностей для авторов Концепции являются семейные ценности царской России, т.е. времени, когда большая часть населения, в том числе все женщины независимо от их социального статуса, не имела большинства гражданских прав, включая право

на образование, на участие в общественной и политической жизни. Женщины находились в подчиненном положении по отношению к мужчине (отцу, мужу), а также по отношению к церкви.

Рекомендации ООН призывают анализировать традиционные практики на предмет наличия в них прямой или косвенной дискриминации женщин и не поощрять их.

«В... странах, где фундаменталистские или иные экстремистские воззрения или экономические трудности способствовали возврату к старым ценностям и традициям, положение женщины в семье резко ухудшилось» [Общая рекомендация № 21..., п. 42].

«Выполнение возложенных на женщин обязанностей по воспитанию детей сказывается на их праве доступа к образованию, занятости и другим видам деятельности, обеспечивающим их развитие как личности. Кроме того, на женщин ложится в этой связи непомерно тяжелая ноша. На положении женщин, а также их детей, на их физическом и психическом здоровье сказываются такие факторы, как число детей и промежутки между их рождениями. В силу этих причин женщины вправе решать вопрос о числе детей и промежутках между их рождениями» [Там же].

Сокращение числа абортотворцев авторы Концепции рассматривают как меру стимулирования рождаемости и предлагают пропагандировать запрет аборта как традиционную семейную ценность, а сам аборт считать «актом ненависти к детям», не имеющим отношения к медицинским процедурам и медицинскому обслуживанию [Концепция государственной семейной политики..., 2013, с. 11, 14, 15]. В ходе преабортного консультирования как меры профилактики абортов фактически предлагается принуждать женщину сохранить нежелательную беременность посредством запугивания и психологического давления.

Меры сокращения числа абортов за счет предотвращения нежелательной беременности, такие как информирование молодежи и населения о средствах контрацепции, в том числе экстренной, их доступность и распространение среди малоимущих граждан, изменение отношения мужчин к контрацепции и проблеме нежелательной беременности как к исключительно женской проблеме, Концепция не артикулирует, так как контрацепция не относится к традиционным семейным ценностям.

Усложнение процедуры соблюдения условий доступа к аборту снижает безопасность легального аборта [Безопасный аборт..., с. 16], тем самым нарушая право женщин на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации), право на равный доступ к медицинскому обслуживанию (ст. 12 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). Психологическое давление на женщину

с целью изменить ее решение о прерывании беременности является недопустимым вмешательством в личную жизнь.

Идеология традиционных семейных ценностей предполагает разделение сфер жизнедеятельности на женские и мужские, где семья является женской сферой, а общественная жизнь, экономика и политика — мужской. В такой ситуации женщина находится в зависимости (в том числе экономической) от мужчины, лишена общественного веса и общественного представительства.

В современной России нет закона о домашнем насилии, практически нет механизмов его предотвращения, затруднены помощь жертвами насилия и процедуры преследования обидчика, не ведется официальная статистика жертв домашнего насилия, что часто затрудняет осознание масштабов этого явления [Насилие в отношении женщин в России..., 2010, с. 4–6]. Домашнее насилие является одной из актуальных проблем современной российской семьи, однако эта проблема осталась за рамками Концепции.

Традиционная семья является закрытой иерархичной структурой, идеализируемой в Концепции. Именно традиционные «узы», отсутствие экономической и психологической независимости, отсутствие равноправия между женщиной и мужчиной в браке и семье и терпимость к такому неравенству являются средой, способствующей возникновению, а также эскалации домашнего насилия [Насилие в отношении женщин..., 2013].

Проблема домашнего насилия не в меньшей степени касается детей, которые в системе традиционных семейных ценностей не получают защиты от него. Концепция называет одной из ценностей, которую необходимо возродить и пропагандировать, авторитет родительской власти, а в качестве негативного явления в современном российском обществе Концепция указывает привнесение в него «принципа приоритета прав ребенка, понимаемого как приоритет по отношению к правам родителей» [Концепция государственной семейной политики..., 2013, с. 10].

В Концепции предлагается своя трактовка Конвенции ООН о правах ребенка, в которой приоритет отдается нормам ст. 5 и 14 Конвенции, где сформулированы права и обязанность родителей должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении им своих прав.

При таком понимании игнорируется основной принцип Конвенции, сформулированный в ст. 3 и 18, о необходимости уделять первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка. Именно этот принцип часто подавляет родительские права и пресекает злоупотребления родителей в отношении ребенка, находящегося в зависимом от родителей и доверительном по отношению к ним состоянии.

Сокращение и унификация видов и форм семей, маргинализация семей, не соответствующих формальным признакам традиционной семьи, проти-

воречат интересам детей, так как лишают часть из них возможности жить и воспитываться в семье, а также создают условия для дискриминации ребенка из-за «ненормальности» и «неблагополучности» его семьи. Преамбула Конвенции о правах ребенка декларирует, что для полного и гармоничного развития личности ребенка ему необходимо расти в семейном окружении.

Среди детей отдельно следует выделить группу девочек, так как эта группа суммирует описанные выше негативные последствия реализации положений Концепции для женщин и для детей, а также имеет свои собственные особенности в системе традиционалистских ценностей. В частности, поощрение ранних беременностей может иметь негативное влияние на здоровье девочек и на их социальную и профессиональную реализацию.

Косвенная дискриминация девочек при возрождении традиционных семейных ценностей заключается и в исторически сложившемся и до сих пор поддерживаемом в обществе образе «маминой помощницы», что, особенно в ситуации многодетной и многопоколенной традиционной семьи, связано с выполнением чрезмерных семейных обязанностей и, соответственно, с лишением возможности участвовать в программах развития в раннем детстве и начального образования [Замечания общего порядка № 7..., пп. i) п. 11].

Чрезмерные домашние обязанности, протекционизм со стороны родителей, а также гендерные стереотипы, поддерживаемые идеологией традиционных семейных ценностей, в том числе в отношении игр и игрушек для девочек, ожиданий от девочек и их поведения, также нарушают право девочек на отдых, досуг и участие в играх [Замечания общего порядка № 17..., п. 48].

Часто говорят, что законы в России необязательны к выполнению, поэтому не стоит обращать внимание на то, что в них написано. Данное утверждение неверно, о чем свидетельствует современная история принятия законов о «пропаганде» нетрадиционной сексуальной ориентации, давшая основание, терминологию и толчок ненавистническим и дискриминационным заявлениям и даже действиям. Нормативные документы, пренебрегающие принципами равноправия и гендерной чувствительности, создают неравноправное общество, в котором никому не может быть гарантировано соблюдение прав и свобод человека.

Литература

Безопасный аборт: Рекомендации для систем здравоохранения по вопросам политики и практики / Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро <http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/125370/WQ440r.pdf>.

Замечания общего порядка № 7 «Осуществление прав ребенка в раннем детстве» Комитета ООН по правам ребенка. Официальный текст на русском языке: <http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f7%2fRev.1&Lang=ru>.

Замечания общего порядка № 17 «Право ребенка на отдых и досуг, право участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, и свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством» Комитета ООН по правам ребенка. Официальный текст на русском языке: <http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f17&Lang=ru>.

Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (общественный проект): в 3-х ч. / сост. Е.Б. Мизулина и др. М., 2013. Ч. 1 <<http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html>>.

Насилие в отношении женщин в России: Теневой доклад российских НКО для 46-й сессии международного комитета CEDAW / М. Писклакова-Паркер, А. Синельников, Е. Золотилова, Л. Понарина. М., 2010 <http://www.oprf.ru/files/Shadow_report_violence.doc>.

Насилие в отношении женщин. Насилие со стороны интимного партнера и сексуальное насилие в отношении женщин // Информационный бюллетень ВОЗ. 2013. № 239 <<http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs239/ru/>>.

Общая рекомендация № 21 «Равноправие в браке и семейных отношениях» Комитета ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Официальный текст на английском языке: <<http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm#recom21>>. Неофициальный перевод на русский язык: <<http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rgeneral21.html>>.

Общая рекомендация № 28 Комитета ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Официальный текст на русском языке: <<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/Recommendations.aspx>>.

Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2004 года по делу «Мерже и Крос против Франции» (Жалоба № 68864/01) // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ от 2 июня 2005 г. по делу «Знаменская против Российской Федерации» (Жалоба № 77785/01) // СПС «КонсультантПлюс».

Постановление ЕСПЧ от 13 декабря 2007 года по делу «Эмоне и другие против Швейцарии» (Жалоба № 39051/03) // СПС «КонсультантПлюс».

О. Исупова,
А. Белянин,
А. Гусарева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

МОДЕРНИЗАЦИЯ «УСТОЕВ И КОРНЕЙ»: СЕМЬЯ И НОВЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Степень изученности проблемы

Начиная с 1978 г. в мире с помощью ВРТ родилось более 5 млн детей. Социальные и демографические последствия этого, особенно в России, остаются слабо изученными. Пока доля рождений благодаря этим технологиям в ежегодной рождаемости в нашей стране не превышает 1%, но их роль, скорее всего, будет расти в перспективе, что ставит перед обществом задачи их разностороннего осмысления.

Представляется важным понять причины, по которым люди все чаще прибегают к ВРТ, оценить разнообразие позиций в этом поле и эволюцию ценностной системы в отношении «технологической» репродукции; оценить эффективность ВРТ с точки зрения наиболее значимых влияющих на нее факторов и их возможного демографического потенциала для решения проблемы первичного и, что, возможно, более важно, вторичного бесплодия.

Для системы ценностей пациентов важно модернизированное в связи с распространением ВРТ понимание родительства и родства. М. Стратерн и Р. Сноуден разработали концепции дисперсного родства, включающего желающих иметь ребенка (пару или индивида) и «помощников» в процессе его создания (медиков, доноров, суррогатных матерей [Strathern, 1995, p. 346–363]), и фрагментированного родительства: «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» (сочетающая все эти функции), «генетический отец», «социальный отец» и «обобщенный отец» [Snowden et al., 1983].

Есть оценки эффективности ВРТ с точки зрения долгосрочного влияния на экономику ВРТ-детей [Svensson et al., 2008; 2009]. Авторы показывают, что эти дети будут приносить обществу прибыль в виде разницы между расходами на них и налоговых поступлений от них, называемой нетто-налоговым доходом. При этом расходы будут в краткосрочной перспективе, а доходы в виде налогов – примерно через 30 лет после рождения ВРТ-детей.

Примерно половина всех субфертильных людей в развитых странах стремится преодолеть свое бесплодие, с течением времени эта пропорция растёт [Voivin et al., 2007; Moreau et al., 2008]. Тех, кто пользуется ВРТ, намного больше там, где есть государственные субсидии в этой области [Chambers et al., 2009].

Расчёты Й. Косоурковой, Б. Бурчина и Т. Фэйта показывают, что потребность в ВРТ в развитых странах, например в Чехии, будет расти в связи с тенденцией откладывания рождений, так что скоро составит более 2500 циклов на миллион населения в год.

Существует и ряд русскоязычных работ, посвящённых ВРТ [Ткач, 2013; Нартова, 2008; Исупова, 2011]. Н.Е. Русанова рассчитала, что при увеличении доступности ВРТ в 2006 г. до датского уровня (2106 на 1 млн населения) коэффициент суммарной рождаемости в России увеличился бы на 0,06 ребенка на одну женщину.

Информационная база исследования, методы сбора и анализа данных

Для выполнения качественного исследования основным методом работы было изучение интернет-сообщества пациентов ВРТ [Rheingold, 1993] – социальной сети индивидов, общающихся между собой посредством Интернета, объединённой наличием общих целей и задач.

Для изучения опыта пациентов ВРТ интернет-исследование – особо подходящий метод, так как данная область чрезвычайно чувствительна, включает демонстрацию не соответствующей норме «слабости», неспособности легко и просто выполнить «норматив» обязательного материнства.

Основные особенности исследования в Интернете [Kozinets, 2002] обусловлены квазианонимностью виртуального общения, текстуальным характером и бестелесностью коммуникаций.

Данные представляемого эмпирического исследования – это материалы дискуссий, происходивших на интернет-форуме «Пробирка.Ру» (сайт www.probirka.org) с 2005 г. по 2011 г. Этот форум представляет собой наиболее массовое и длительно существующее объединение пациентов ВРТ, общающихся на русском языке. Последней датой обращения к форуму является февраль 2014 г. На тот момент там было около 68213 пользователей.

Количественная часть исследования основана на методах статистического анализа данных о пациентках московской клиники X, обращавшихся туда с начала 2010 г. по конец 2013 г. Название клиники в статье не расшифровывается по условиям договорённости с ее представителями. Всего в базе

данных есть информация о 1340 лечебных циклах и 842 обратившихся в клинику индивидуальных пациентках.

Можно видеть, что около 50% из них прошли лишь через один лечебный цикл, и даже тех, кто сделал две попытки, уже гораздо меньше (23%); 65 человек (7,72%) после обращения в клинику пока, по тем или иным причинам, так и не приступили к лечению. Тех, кто сделал более 4–5 попыток, очень мало – 1,21% от всей совокупности.

Проводился анализ всей совокупности полученных данных. Клиника *X* – типичная московская ВРТ-клиника, пользуется популярностью и имеет хорошую репутацию у пациентов, по результативности соответствует средним мировым и российским показателям (табл. 2).

Из табл. 3 и 4 можно видеть, что далеко не все женщины, обращающиеся в клинику по поводу преодоления бесплодия, являются бездетными. Для многих (33,46%) причиной обращения стало желание иметь 2+ ребенка.

Разница между числом рождений и числом живых детей показывает, что возможной репродуктивной мотивацией иногда является смерть (в других случаях – тяжелая неизлечимая болезнь, о чем в базе тоже имеются данные) первого ребенка, но это далеко не всегда так. Часто желание родить 2+ ребенка возникает при смене брачного партнера, однако и это не объясняет всю совокупность случаев.

Таблица 1. Распределение пациенток по числу попыток лечения с помощью репродуктивных технологий

Количество попыток	Частота	Процент
0	65	7,72
1	435	51,66
2	194	23,04
3	79	9,38
4	37	4,39
5	21	2,5
6	8	0,95
7	2	0,24
9	1	0,2
Всего	842	100

Таблица 2. Исходы лечебных циклов в клинике X

	Лечебные циклы	%
Нет беременности	737	55
Клиническая беременность	399	30
Нет переноса	84	6,3
Нет ооцитов	58	4,3
Биохимическая беременность	34	2,5
Нет данных об исходе	28	2,1
Всего	1340	

Таблица 3. Распределение пациенток по числу рожденных детей к моменту начала лечения

Всего рождений у женщины	Частота встречаемости в выборке	Процент	Кумулятивный процент
0	507	65,25	65,25
1	235	30,24	95,5
2	30	3,86	99,36
3	4	0,51	99,87
4	1	0,13	100
Всего	777	100	

Таблица 4. Распределение пациенток по числу имеющихся у них живых детей к моменту начала лечения

Всего детей у женщины перед началом лечения	Частота встречаемости в выборке	Процент	Кумулятивный процент
0	517	66,54	66,54
1	229	29,47	96,01
2	27	3,47	99,49
3	4	0,51	100
Всего	777	100	

Можно предположить, что ВРТ при их более широком распространении обладают определенным дополнительным демографическим потенциалом в связи с тем, что у некоторой части людей может быть желание преодолеть не

только первичное, но и вторичное бесплодие, которое, возможно, не менее, а даже более распространено среди населения.

Анализ статистических данных проводился с помощью программы STATA. Были применены методы дескриптивной статистики и построены пробит-регрессии для выявления значимых для исхода лечения факторов.

Рассмотрена вероятностная модель успеха попытки в зависимости от характеристик индивида и метода ВРТ. Исход попытки обозначен бинарной переменной $Y = 1$, если попытка увенчалась успехом, и 0 – если она оказалась неудачной. В этом случае

$$Prob(Y = 1) = \Phi(X\beta), \quad (1)$$

где Φ – функция нормального распределения для пробит-модели вероятности успеха, а $X\beta$ – линейная комбинация объясняющих (независимых) переменных и коэффициентов, оцениваемых методом максимума правдоподобия.

В число объясняющих переменных включены:

birthall – число рожденных детей на момент начала текущей попытки (категориальная дамми-переменная);

age – возраст женщины на момент попытки;

marstatus – брачный статус (0 – в зарегистрированном браке (базовая категория), 1 – в незарегистрированном браке);

marnumber – номер брака (категориальная дамми-переменная);

attempt – номер попытки;

changeclin – дамми-переменная, равная 1 , если респондент меняла клинику (пришла в данную из какой-то другой), и 0 – в противном случае;

proscout – выбранная стратегия ВРТ.

Описательные статистики этих переменных представлены в табл. 5.

Таблица 5. Описательные статистики переменных

Статистические показатели	Исход	Роды всего	Возраст коррект.	Брачность	Номер союза	Попытка	Смена клиники
Число наблюдений	1318	1340	1282	1303	1251	1340	1340
Среднее значение	0,303	0,384	36,32	0,272	1,44	1,763	0,112
Медиана	0	0	36	0	1	1	0
Стандартное отклонение	0,46	0,579	5,316	0,552	0,598	1,131	0,315
Минимум	0	0	23	0	1	1	0
Максимум	1	4	54	2	5	9	1

Модель (1) описывает эффект характеристик на вероятность успеха в среднем, т.е. учитывая средние особенности лечения и характеристики пациентов. Эта модель, однако, игнорирует тот факт, что некоторые из характеристик одинаковы для всех тех наблюдений, которые относятся к одному и тому же пациенту. Чтобы учесть эти эффекты, целесообразно использовать панельную пробит-модель вида

$$Prob (Y = 1) = \Phi (Xb + ui), \quad (2)$$

где в дополнение к предыдущим объясняющим переменным возникает случайный член ui , отвечающий за ненаблюдаемые эффекты, относящиеся к одному и тому же респонденту, и также влияющие на вероятность успеха. Средние предельные эффекты для этой модели представлены в табл. 6. В данном случае мы не включаем в модель стратегию лечения, поскольку она также скоррелирована с индивидуальным случайным эффектом ui , поэтому ее включение заведомо привело бы к смещенности оценок.

Результаты

Факторы успешности лечения

Оказалось, что статистически значимы две переменные – возраст (чем женщина старше, тем ниже вероятность успеха, даже для донорских программ, где, по идее, возраст не должен влиять столь существенно) и номер брака/союза – наименее успешны попытки у состоящих во втором браке. Приближается к значимости также переменная «смена клиники», т.е. продолжение лечения в другом месте и у другого врача.

Таблица 6. Результаты расчетов по избранной модели

	dy/dx	Std. Err.	z	P > z	[95% Conf. Interval]	
Роды всего						
1	0,055	0,108	0,51	0,613	-0,157	0,267
2	0,106	0,285	0,37	0,71	-0,452	0,664
3	0,029	0,759	0,04	0,97	-1,458	1,516,
4	-4,899	485,167	-0,01	0,992	-955,808	946,01
Возраст коррект.	-0,022	0,01	-2,15	0,032	-0,041	-0,002
Брачный статус	0,027	0,131	0,2	0,84	-0,23	0,283

	dy/dx	Std. Err.	z	P > z	[95% Conf. Interval]	
Номер союза						
2	-0,227	0,109	-2,07	0,038	-0,44	-0,012
3	-0,112	0,233	-0,48	0,63	-0,568	0,344
5	6,062	290,004	0,02	0,983	-562,336	574,459
Попытка						
2	0,113	0,111	1,02	0,31	-0,105	0,332
3	-0,086	0,171	-0,51	0,613	-0,421	0,248
4	0,209	0,239	0,88	0,381	-0,259	0,677
5	0,35	0,333	1,05	0,293	-0,303	1,002
6	0,359	0,52	0,69	0,49	-0,661	1,378
7	0,887	1,048	0,85	0,397	-1,167	2,941
Смена клиники	0,247	0,168	1,47	0,143	-0,083	0,577

Не оказывают статистически значимого влияния ни номер попытки (хотя при другой методике расчетов и при исключении из выборки всех тех, кто сделал только одну попытку, каждый последующий цикл лечения становится крайне значимым – по крайней мере вплоть до 5-го, а 6–7-й попыток в выборке крайне мало), ни статус брачного союза (в сожительставах успешность такая же, как и в браках), ни наличие детей или родов в прошлом.

Таким образом, подтверждается гипотеза о достаточно высоком потенциале ВРТ для преодоления вторичного бесплодия – поскольку и обращаемость за первым ребенком в клинику, как мы видели выше, довольно высока (треть всех пациенток). Причины отрицательного влияния смены партнера, на наш взгляд, надо исследовать дополнительно.

Модернизация взглядов в семейной и репродуктивной области

Исследование дискуссий на форуме показывает, что пациентки ВРТ изначально ориентированы на традиционные семейные ценности, такие как семья с более чем одним ребенком, специфически российское гендерное разделение труда (обязанность мужчины – деньги в доме, обязанность женщины – все остальное, в том числе все, связанное с «детопроизводством»):

М., 9 августа 2011 г., 14:30:

Семья без ребенка – да, неполноценная, и стала считать так именно после рождения ребенка... теперь считаю, что семья с одним ребенком – не-

полноценная, так как мое понятие СЕМЬЯ — большая и шумная тусня кучи детей.

I., 5 августа 2011 г., 00:59:

...Я не чувствую себя одинокой в проблеме бесплодия только потому, что муж не присутствует на приеме (у врача. — *Примеч. авт.*)... Уже одно то, что я имею возможность не работать, а заниматься спокойно анализами и протоколами, для меня много значит.

На пути к исполнению своих репродуктивных желаний пациентки оказываются в инновационной среде, связанной с репродуктивными технологиями. Это вызывает необходимость как-то оправдать для себя и окружающих тот способ, с помощью которого у них появились дети.

Количественные данные клиники X (в этом они в главных тенденциях совпадают со статистикой по России в целом) показывают, что наиболее часто применяются такие процедуры, как ЭКО и ИКСИ, не предполагающие участия в репродукции третьих лиц (доноров или суррогатных матерей) (табл. 7). Однако донорство ооцитов применяется очень часто и следует сразу за ними, а вот суррогатное материнство используется очень редко.

С чем это связано — с готовностью ли женщин в нашем исследовании крайне легко отказаться от своей генетики, со сравнительно большей важностью для них процесса вынашивания ребенка, с гораздо более высокой стоимостью суррогатного материнства, с «невидимостью» донорства для окружающих, с возрастными особенностями выбирающих этот путь пациенток, ведь яйцеклетки с возрастом раньше теряют свою «жизненную силу», чем матка — на все эти вопросы цифры сами по себе не могут дать ответа. Имеющиеся данные не дают возможности судить о распространенности мужского донорства; вполне вероятно, что оно распространено не менее, чем женское, ведь оно так же «невидимо» и, следовательно, не имеет социального значения.

Попадая, в связи с избранным путем обзаведения детьми, в современную не только с технологической точки зрения среду, некоторые пациентки постепенно меняют свои взгляды. Они становятся менее традиционными, проходя эволюцию от попыток скрыть факт использования ВРТ до стремления открыто защищать себя и своих детей от возможной дискриминации:

F., 06 июля 2006 г., 15:05:

...Моя основная причина (скрывать ВРТ-лечение. — *Примеч. авт.*)... это, как ни прискорбно, именно ощущение собственной ущербности... Лично для меня есть также проблема в распространенном суждении «нет детей — Бог не дает», т.е. «не дает — значит не заслужила, значит в чем-то виновата...»

Таблица 7. Распространенность различных процедур вспомогательного зачатия в клинике X (Москва, Россия)

Процедура на исходе цикла лечения	Частота	Процент
ИКСИ	539	40,22
ЭКО	430	32,09
Донация ооцитов	163	12,16
Криоперенос замороженных эмбрионов	133	9,93
Искусственная инсеминация	39	2,91
Суррогатное материнство	16	1,19
Индукция овуляции	8	0,6
Биопсия яичек у мужчины	8	0,6
Материнство	3	0,22
ЭКО в естественном цикле	1	0,07
Всего	1340	100

Стремление к открытости усиливается, когда возникает потребность защитить детей от возможной демонизации со стороны общества в связи с участвовавшими за последнее время дискуссиями о «неестественности» ВРТ:

К2, 2009 г.:

У меня про ЭКО не знает никто, кроме мужа и доктора в ЖК, но молчать не буду, хоть и живу в военном городке, где все друг друга знают... Могут обвинить нас... людей, готовых себе отказывать во многом... хотят поставить вне закона, а экошных деток хотят объявить физическими и моральными уродами...

Выводы

Репродуктивные технологии активно используются для преодоления не только первичного, но и вторичного бесплодия: около трети всех обращений в московскую клинику X в 2010–2013 гг. связано именно со стремлением родить 2+ ребенка.

Статистические модели показывают, что значимыми факторами успеха являются возраст (вероятность успеха снижается с увеличением возраста) и «номер» брачного союза (отрицательно влияет второй брак). Но вероятность успеха не падает при увеличении числа попыток лечения, не падает и не растет при наличии у пациентки детей или родов в прошлом. Это позволяет го-

ворить о наличии у ВРТ некоторого потенциала для преодоления не только первичного, но и вторичного бесплодия.

Пациентки ВРТ, участвующие в интернет-форумах, изначально относятся к группе населения с традиционными взглядами. В процессе актуализации своих репродуктивных желаний они оказываются в фокусе инновационных технологий и часто начинают вынужденно защищать свою позицию от «обычных» людей. Стремление к открытости усиливается в ситуации консервативного поворота.

Литература

Исупова О.Г. Бесплодие и репродуктивные технологии в России: особенности развития и потенциальные возможности влияния на население // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. М.: ТЕИС, 2011.

Нартова Н. Кто кому мать? Проблематизация суррогатного материнства в дискурсе СМИ // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / ред. З.Х. Саралиева. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 146–148.

Русанова Н.Е. Репродуктивные возможности демографического развития. Автореферат ... докт. экон. наук / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2010.

Ткач О. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // ЖИСП. 2013. Т. 11. № 1. С. 50–68.

Boivin J., Bunting L., Collins J.A., Nygren K.G. International Estimates of Infertility Prevalence and Treatment-seeking: Potential Need and Demand for Infertility Medical Care // Human Reproduction. 2007. No. 22. P. 1506–1512.

Chambers G.M., Sullivan E.A., Ishihara O., Chapman M.G., Adamson G.D. The Economic Impact of Assisted Reproductive Technology: A Review of Selected Developed Countries // Fertility and Sterility. 2009. No. 91. P. 2281–2294.

Connolly M.P., Gallo F., Hoorens S., Ledger W. Assessing Long-term Economic Benefits Attributed to an IVF-conceived Singleton Based on Lifetime Net Tax Contributions in the UK // Human Reproduction. 2009. No. 24. P. 626–632.

Connolly M., Pollard M., Hoorens S., Kaplan B., Oskowitz S., Silber S. Long-term Economic Benefits Attributed to IVF-conceived Children: A Lifetime Tax Calculation // American Journal of Management and Care. 2008. No. 14. P. 598–604.

Kocourková J., Burcin B., Fait T. Demographic Causes and Implications of Increased Use of ART: The Case of the Czech Republic in the European Context / European Population Conference, 2010.

Kozinets R.V. The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities // Journal of Marketing Research. 2002 (February). No. 39. P. 61–72.

- Moreau C., Bouyer J., Ducot B., Spira A., Slama R. When do Involuntarily Infertile Couples Choose to Seek Medical Help? // Fertility and Sterility. 2008.
- Rheingold H. The Virtual Community. 1st ed. Addison-Wesley Publishers, 1993.
- Snowden R. et al. Artificial Reproduction. L.: Allen and Unwin, 1983.
- Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // Conceiving the New World Order / G. Faye, R. Rapp (eds). Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1995. P. 346–363.
- Svensson A., Connolly M., Hagglund L. Long-term Fiscal Implications of Subsidizing in vitro Fertilization in Sweden: A Lifetime Tax Perspective // Scandinavian Journal of Public Health. 2008. No. 36. P. 841–849.

Приложение 1. Глоссарий

1) *Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) позволяют получить зачатие человека вне организма матери с использованием или генетического материала родителей, или доноров (соответственно, методы – донация спермы и/или донация яйцеклетки); при необходимости вынашивать созданный в пробирке эмбрион может так называемая суррогатная мать.*

2) *ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение: яйцеклетка извлекается из тела матери с помощью пункции и в чашке Петри самостоятельно оплодотворяется одним из сперматозоидов.*

3) *ИКСИ – инъекция сперматозоида в яйцеклетку; применяется при тяжелых формах мужского бесплодия.*

4) *Лечебный цикл ЭКО – период времени, в течение которого (как правило) происходит гормональная стимуляция созревания яйцеклеток, затем с помощью пункции они извлекаются из организма женщины, соединяются со сперматозоидами, зреют от 2 до 6 дней в чашке Петри и помещаются в матку. Через 11–14 дней можно проверять, наступила ли беременность.*

5) *Искусственная инсеминация – применяется при не очень тяжелых формах мужского бесплодия, при этом яйцеклетки из тела женщины не извлекаются, но сперма вводится в ее организм искусственно.*

Приложение 2. Источники анализируемых качественных данных

Дискуссии на интернет-форуме «Пробирка.Ру»

Зачем нам нужны дети? <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=92&t=8632>>.

ДЯ или СМ <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=21&t=8534&start=25>>.

Усыновление – не решение проблемы бесплодия <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=9&t=24514&p=754126#p754126>>.

Дилемма: Эко или усыновление <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=9&t=24514&p=8468217#p8468217>>.

Как часто Вам рекомендовали усыновить? <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=92&t=5103&p=85565#p85565>>.

Что вы понимаете под бесплодием? <<http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=92&t=13129&p=327492#p327492>>.

Е.А. Кваша,
Т.Л. Харькова

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

СМЕРТНОСТЬ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И НАСИЛИЯ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ¹

Снижение смертности от внешних причин, особенно транспортных происшествий, давно занимает особое место среди первоочередных задач по увеличению ожидаемой продолжительности жизни в России². Это объясняется как низким средним возрастом смерти от этих причин – им в большей степени подвержены дети, молодежь и зрелые люди в возрасте до 50 лет, так и тем, что они относятся к категории устранимых причин смерти, для борьбы с которыми в России имеются неиспользованные резервы. В развитых странах, особенно европейских, проблемам высокой смертности от этих причин внимание стало уделяться значительно раньше. Например, в конце 1980-х годов в Европе был издан «Атлас предотвратимых смертей» [Holland, 1989], в котором анализировались и внешние причины смерти. С начала XXI в. к этой проблеме стала привлекать внимание и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). ВОЗ были изданы и продолжают издаваться доклады по проблемам насилия [ВОЗ, 2002], травматизму в целом и ДТП в частности (см., например, [ВОЗ, 2004; 2009; 2010; 2013] и т.д.).

Несмотря на то что внешние причины в целом во всех развитых странах занимают 3-е место среди всех причин смерти, уступая смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и новообразований (например, в России в 2012 г. от БСК умерли 1056 тыс. человек, от новообразований 291 тыс. человек, тогда как от внешних причин – всего 193 тыс.), они везде

---

¹ В докладе использованы результаты исследований, выполненных в рамках исследовательского проекта по гранту НИУ ВШЭ «Учитель – ученики» № 05-0029 «Внешние причины смерти в системе приоритетов борьбы за увеличение продолжительности жизни в России».

² За последнее десятилетие в России был принят ряд программ по повышению безопасности дорожного движения. С 2008 г. в рамках национального проекта «Здоровье» реализуются мероприятия, направленные на совершенствование организации медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях. Принимается множество мер по регулированию продажи алкогольной продукции и т.д.

занимают 1-е место среди причин преждевременной смертности. Наряду с общими чертами смертности от внешних причин, характерных для всех развитых стран, России присущи ярко выраженные специфические особенности.

В докладе представлены результаты сравнительного анализа смертности от несчастных случаев и насилия в России и ряде развитых стран за 1970–2012 г.г.: Германии, Польше, США, Франции, Швеции, Чешской Республике и Эстонии. Информационную базу исследования составляют данные российской государственной статистики и международной базы ВОЗ [WHO, 2014] по причинам смерти, на основе которых были рассчитаны различные коэффициенты смертности и определен вклад смертности от внешних причин в снижение или рост ожидаемой продолжительности жизни в России и западных странах в различные периоды.

Доля смертей от внешних причин в общем числе смертей в России значительно выше, чем в западных странах, как у мужчин, так и у женщин. Так, в 2012 г. в России она составляла 15,2% у мужчин и 4,8% у женщин, в Швеции в 2010 г. 6,6 и 3,7% соответственно. В отдельные годы (1993–1996 гг. и 1999 г.) доля умерших от внешних причин среди всех умерших мужчин в России достигала 16–18%, что вывело их на 2-е место в структуре смертности в эти годы.

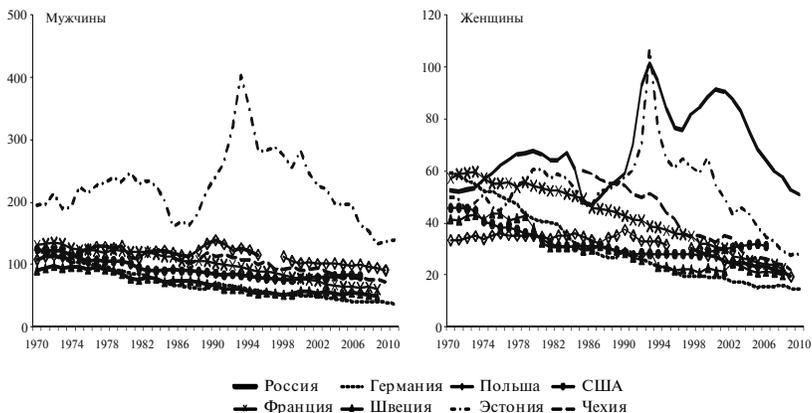
Смертность от внешних причин в России в целом значительно выше, чем в западных странах (рис. 1). Даже в начале 1970-х годов, когда разрыв был меньшим, стандартизованный коэффициент смертности³ (СКС) от внешних причин в России у мужчин был примерно в 2–3 раза выше, чем на Западе, несколько меньшим, но тоже значительным было превышение и у женщин. Однако дальнейшее снижение смертности от внешних причин в западных странах и одновременно ее рост в России резко увеличили разрыв: в отдельные годы СКС мужчин превосходил типичные западные уровни в 7–8 раз, а женщин – в 4–5 раз. В последние годы наметилось некоторое сближение, но различия еще достаточно велики: у мужчин в 4–5 раз, а у женщин в 2–4 раза.

В России по сравнению со странами Запада значимее выражены половые различия смертности от внешних причин, причем они больше, чем от большинства других классов причин смерти: в 2012 г. в России СКС от внешних причин у мужчин был выше в 4,2 раза, чем у женщин, тогда как в Германии и Швеции в 2010 г. лишь в 2,5 раза. При этом максимальное превышение смертности от внешних причин, достигающее более 5 раз, у мужчин по сравнению с женщинами отмечается в возрасте 25–34 лет. Однако

---

³ Использован Европейский стандарт ВОЗ.

по отдельным причинам, входящим в класс внешних причин, соотношение мужской и женской смертности различается еще сильнее.

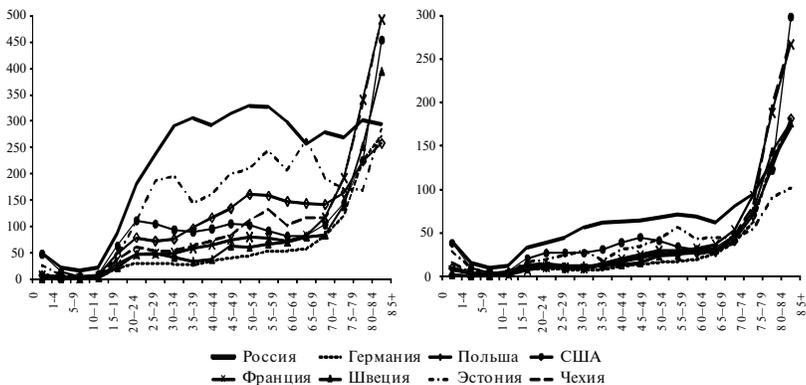

Рис. 1. Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин в России и некоторых западных странах, 1970–2012 гг., на 100 тыс. населения

Возрастные кривые смертности от внешних причин в целом в России и в западных странах и по уровню, и по форме особенно сильно различаются у мужчин. Различия есть и у женщин, но они не столь выражены. Как видно из рис. 2, основное отличие России в возрастном профиле смертности состоит в том, что на Западе наиболее высокая смертность от внешних причин регистрируется в более пожилых возрастах, тогда как в России это проблема, прежде всего, трудоспособного возраста, особенно у мужчин.

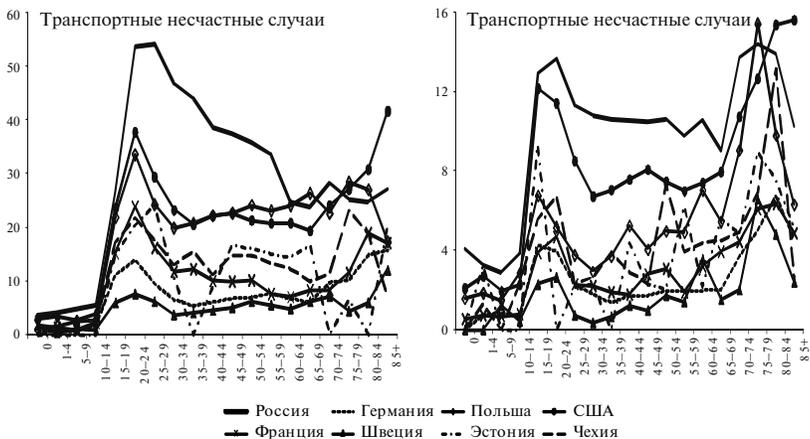
По отдельным группам внешних причин, прежде всего транспортным несчастным случаям, самоубийствам, убийствам и особенно повреждениям с неопределенными намерениями (ПНН), различия выражены еще более существенно (рис. 3). Вместе с тем необходимо помнить, что, согласно МКБ-10, повреждения с неопределенными намерениями⁴ — весьма неоднородная, размытая группа, которая формируется не на основе характера несчастного случая, а в зависимости от успешности его расследования, и может включать несчастные случаи, самоповреждения или убийства. Число случаев, классифицированных как ПНН, зависит от наличия достоверной информации

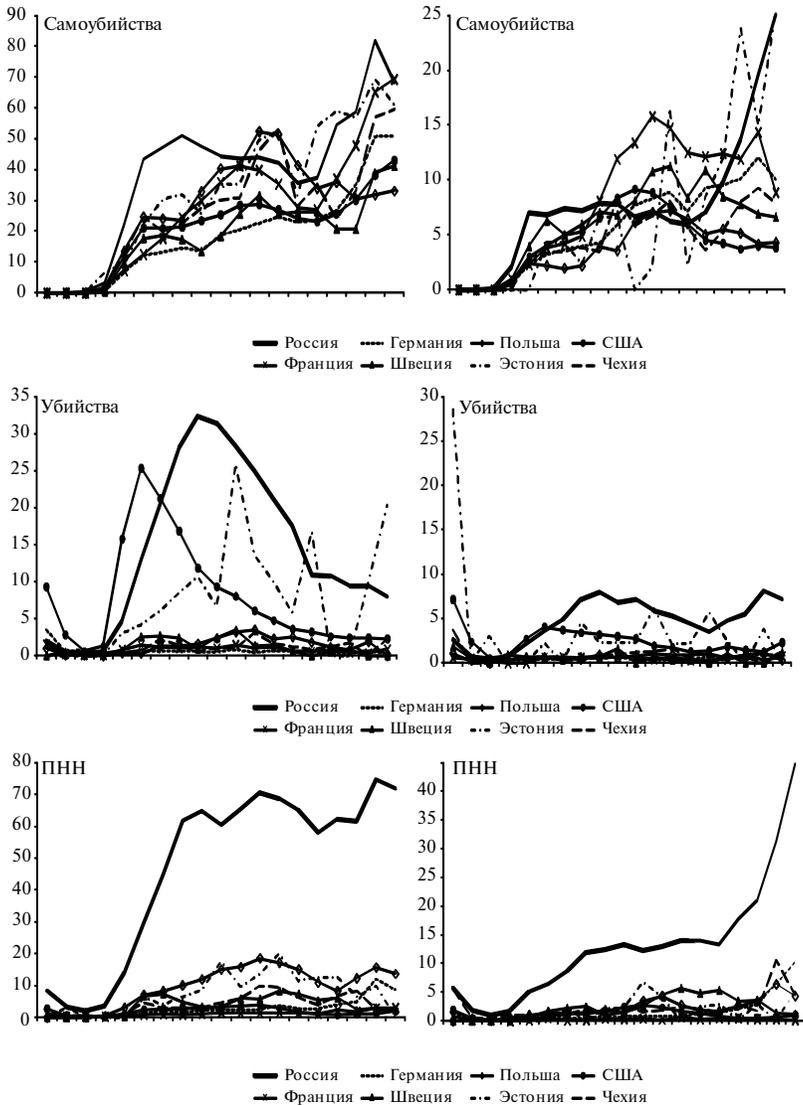
⁴ Вообще в данном случае было бы точнее «undetermined intent» перевести как «неустановленные намерения», но мы следуем официальному переводу.

Рис. 2. Возрастные коэффициенты смертности от внешних причин в России и некоторых западных странах, 2010 г., на 100 тыс. населения

о событии и работы следователей и судебно-медицинских экспертов, которые и должны сделать вывод о природе, насильственном или ненасильственном характере повреждений, а также от качества работы медицинских статистиков и сотрудников органов ЗАГС [Семенова, 2007]. При этом часть умерших от этой группы причин может попасть и в другую группу этого класса – «Другие внешние причины». Таким образом, значительное число случаев смерти, классифицированных как ПНН, с одной стороны, свидетельствует о низком качестве статистических данных, а с другой – о недооценке смертности от других внешних причин.

Рис. 3. Возрастные коэффициенты смертности от ряда внешних причин в России, Германии, Эстонии, 2012 г.; Польше, Чехии, 2011 г.; Франции, Швеции, 2010 г.; США, 2007 г. (мужчины – левая панель, женщины – правая панель), на 100 тыс. населения

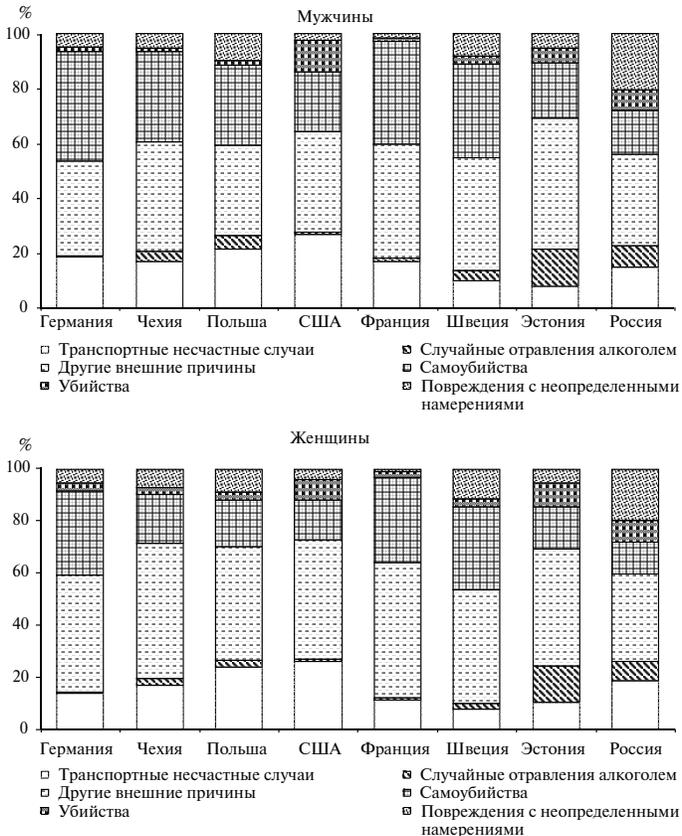
При огромных различиях в величине стандартизованного коэффициента смертности от внешних причин в России и в развитых странах велики также и различия в структуре этого показателя (рис. 4). К основным группам внешних причин смерти можно отнести самоубийства, случайные отравления алкоголем, транспортные несчастные случаи, убийства, случайные падения и повреждения с неопределенными намерениями. У мужчин 1-е место во Франции (2010 г.) и в Германии (2012 г.), т.е. в странах Западной Европы, занимают самоубийства (37,7% и 40,0% соответственно). Во всех других странах у мужчин 1-е место занимает разнородная группа внешних причин смерти, именуемая «Другие внешние причины». На 2-м месте в остальных европейских странах – самоубийства, на их долю в общей смертности от внешних причин в 2010–2012 гг. (в зависимости от наличия данных по странам) приходилось от 20,4% (в Эстонии) до 34,1% (в Чехии). А вот в США на 2-м месте транспортные происшествия (26,5%), а самоубийства только на 3-м месте (22%). У женщин во всех странах на 1-м месте «Другие внешние причины», а на 2-м месте в Германии, Чехии, Франции, Швеции и Эстонии самоубийства (соответственно от 16,1% (в Эстонии) до 31,2% (в Германии) и 32,0% (во Франции), а в США и Польше – транспортные происшествия).

Если рассматривать четыре конкретные причины смерти (самоубийства, случайные отравления алкоголем, транспортные несчастные случаи и убийства), то в России порядок причин тот же, что в выбранных странах, кроме Германии, но доля смертей, классифицированных как повреждения с неустановленными намерениями, в смертности российских мужчин (20,7% в 2012 г.) выше доли самоубийств (16,2%). Те же тенденции наблюдаются и у женщин: доля ПНН (19,6%) выше доли самоубийств (12,1%).

В России на 1-м месте в смертности мужчин от внешних причин, как и в большинстве рассматриваемых стран, находятся «Другие внешние причины» (33%), а вот далее идут повреждения с неустановленными намерениями (20,7%), а затем самоубийства (16,2%). У женщин 1-е и 2-е места занимают те же группы причин, что и у мужчин, а вот на 3-е место в 2012 г. по доле среди всех внешних причин «вышли» транспортные происшествия.

Отличительной особенностью России является и достаточно низкая доля умерших от случайных падений (эта причина входит в группу «Другие внешние причины») по сравнению с западными странами. Например, в Германии в 2012 г. эти доли во внешних причинах составляли 17,5% у мужчин и 24,5% – у женщин, а в Польше в 2011 г. 12,0% у мужчин и 20,7% – у женщин. К сожалению, в России этой причине смерти почти не уделяется внимания.

У мужчин в Чехии, Польше, Швеции и Эстонии убийства занимают последнее ранговое место, пропустив вперед случайные отравления алкоголем. В довольно много пьющей пиво Германии случайных отравлений алкоголем

Рис. 4. Структура стандартизованного коэффициента смертности от внешних причин в России, Германии, Эстонии, 2012 г.; Польше, Чехии, 2011 г.; Франции, Швеции, 2010 г.; США, 2007 г.

практически нет – СКС равен 1 на 1 млн. Но сходство порядка не означает близости долей и тем более СКС. В России СКС от убийств в 2,8 раз больше максимума по странам, доля убийств в 1,5 раза выше. СКС от алкогольных отравлений больше в 2 раза, но их доля несколько меньше, чем в Эстонии, но значительно больше, чем в остальных странах. У женщин в России СКС от убийств в 3,5 раза выше максимума по странам, а доля больше максимума по странам в 1,7 раза. СКС от транспортных несчастных случаев – в 2 раза выше, но доля на среднем уровне.

Успехи стран с относительно низкой смертностью в результате ДТП во многом связаны с тем, что им удалось практически преодолеть уязвимость наиболее незащищенных участников дорожного движения. Сейчас основная часть пострадавших в европейских и неевропейских странах с низким транспортным травматизмом – водители транспортных средств, в отличие от России в этих странах доля пешеходов и пассажиров среди погибших невелика и доля пешеходов все время снижается.

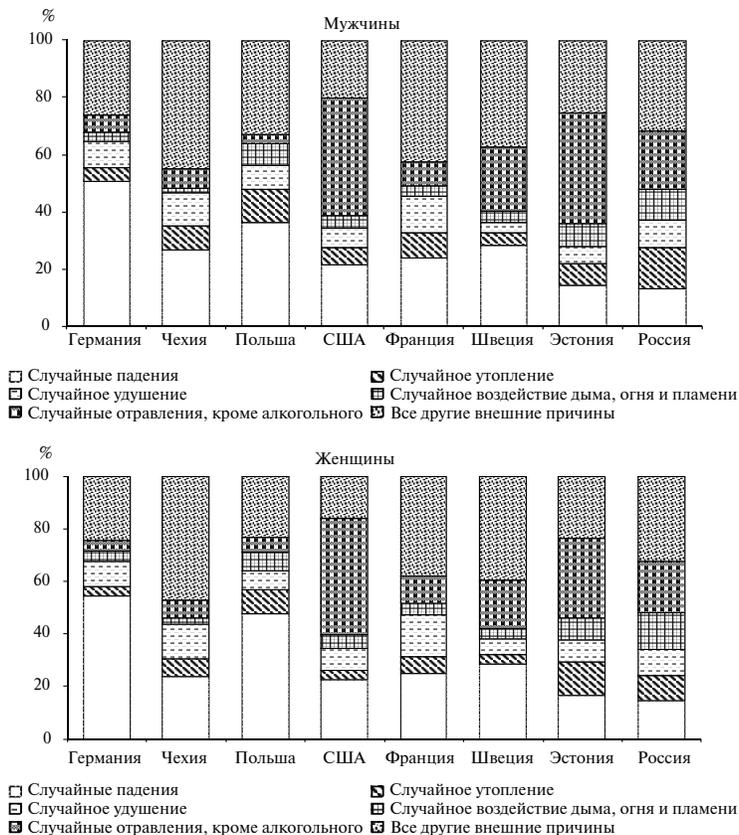
Высокий уровень дорожно-транспортного травматизма в России сильно зависит от человеческого фактора: поведенческих установок водителей, их недостаточной подготовленности, лихачества на дорогах, вождения в нетрезвом виде, нетрезвости пешеходов и нарушения ими правил дорожного движения, несоблюдения правил дорожной безопасности водителями и пешеходами, в некоторых случаях – от состояния здоровья тех и других и т.п.

Как видно из рис. 4, среди групп причин смерти, входящих в класс внешних причин смерти, выделяются так называемые «Другие внешние причины». Основу этой группы, как уже отмечалось, составляют случайные падения, доля которых в этой группе и у мужчин, и у женщин в Германии составляет более половины, более трети в Польше, а в России около 15% (рис. 5).

Также значительную долю в этой группе причин смерти в США и Эстонии занимают и случайные отравления, кроме алкогольных. Отчасти, скорее всего, это является следствием распространения наркотиков в обществе.

Проблема высокой смертности от внешних причин обычно связывается с населением трудоспособных возрастов. Незначительное число работ акцентируют внимание на проблемах высокой детской и подростковой смертности от внешних причин в России [Альбицкий и др., 2010; Иванова и др., 2011; Шурыгина, 2013]. Проблеме же смертности пожилых от внешних причин уделяется крайне мало внимания.

Это меньшее внимание к смертности от внешних причин в пожилых возрастах (обычно их объединяют в одну большую группу лиц старше 60 лет), чем в возрастах детских и трудоспособных, объясняется как тем, что в пожилых возрастах смерти от внешних причин составляют не такую большую долю в общем числе смертей, так и тем, что снижение смертности от внешних причин в молодых возрастах вносит больший вклад в увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Еще одна возможная причина отсутствия внимания к смертности пожилых от травм и отравлений в России – особенности практики кодирования смертей от случайных падений, на которые приходится немалая доля умерших в пожилых возрастах. Во многих развитых странах такие смерти относят к классу XX МКБ-10 «Внешние причины заболеваемости и смертности» или к рубрике W00-W19 «Случайные падения», или к рубрике X59.0 «Случайный перелом, вызванный воздействием неуточ-

Рис. 5. Структура стандартизованного коэффициента смертности от других внешних причин в России, Германии, Эстонии, 2012 г.; Польше, Чехии, 2011 г.; Франции, Швеции, 2010 г.; США, 2007 г., на 100 тыс. населения

ненного фактора». В России же случаи смерти пожилых людей, связанные с переломами, часто относят на счет последующих осложнений и кодируют как заболевания сердечно-сосудистой или дыхательной систем, что является нарушением рекомендаций по кодированию причин смерти ВОЗ. В итоге смертность пожилых от всего класса внешних причин смерти в России на фоне других стран совсем не так высока, как смертность в молодых возрастах (подробнее об этом см. [Данилова, 2013]).

С возрастом структура смертности от внешних причин существенно меняется, причем если в молодых возрастах определяющими для внешних причин смерти являются экзогенные факторы, связанные с небезопасностью окружающей среды, и факторы поведенческие, то в пожилом возрасте к ним прибавляются эндогенные факторы.

В пожилых возрастах в большинстве развитых стран, и особенно в возрастах после 75 лет, существенно увеличивается смертность от самоубийств, случайных падений, транспортных происшествий, в которых пострадал пешеход, несчастных случаев, связанных с воздействием дыма, огня или пламени, тогда как смертность от убийств, случайных отравлений алкоголем, транспортных происшествий, не связанных со смертью пешехода, случайных утоплений, напротив, снижается.

При этом для всех стран, кроме России, характерно значительное превышение смертности в возрастах после 75 лет над смертностью в возрасте 60–74 года. Для российских мужчин ситуация обратная, а у женщин коэффициент также растет при переходе к старшим возрастам, но не так существенно, как в других странах.

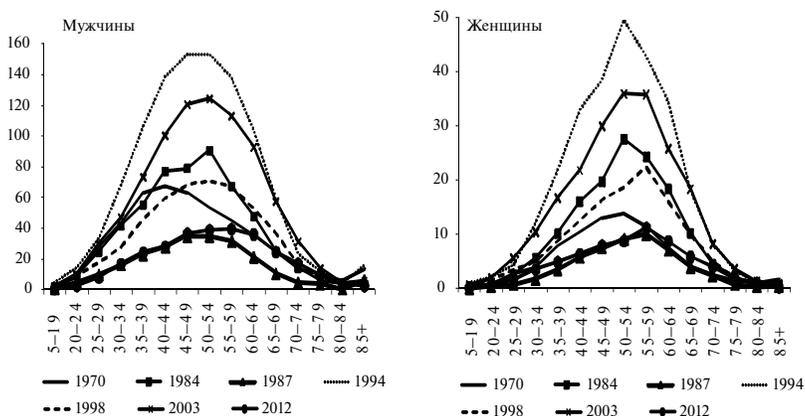
Большинство исследований, посвященных проблеме суицидов, выделяют пожилых как группу населения с повышенным риском [Conwell et al., 2002; O'Connell et al., 2004; WHO, 2012]. В 2012 г. в России самоубийства составили 19,7% от всех внешних причин смерти в пожилых возрастах у мужчин и 12,7% — у женщин. Главная особенность суицидов в пожилом возрасте — их доведение до конца. Если в среднем из 12 попыток самоубийства лишь одна оканчивается смертью, то в возрасте 75 лет и старше этот показатель составляет уже 4 : 1 [Vanlaere et al., 2007].

В пожилых же возрастах разница между Россией и другими странами сокращается, а в самых пожилых возрастах — старше 80 лет — уровень смертности от внешних причин в России даже ниже, чем в других странах. Анализ показывает, что такое благополучие России в пожилых возрастах связано всего с одной причиной — «случайными падениями», как уже отмечалось, низкий коэффициент смертности от этой причины смерти отражает не реально низкое число смертей, а особенности практики кодирования. Смертность же от других групп причин (убийств, самоубийств, пожаров, транспортных происшествий) в России и в пожилых возрастах достаточно высока, что свидетельствует о слабом внимании к качеству жизни пожилого населения в нашей стране, о низкой ценности жизни человека (и пожилого человека в частности) для общества.

Согласно официальной статистике, случайные алкогольные отравления в 2012 г. стали причиной более 15 тыс. смертей (11,9 тыс. мужчин и 3,4 тыс. женщин), на них пришлось около 8% смертей от всех внешних причин, как у мужчин, так и у женщин.

Достаточно наглядно изменения смертности от данной причины прослеживаются при сравнении возрастных кривых смертности от отравлений алкоголем взрослого населения (15 лет и старше) начиная с 1970 г. и далее в годы перелома тенденций ожидаемой продолжительности жизни.

Как видно из рис. 6, наиболее высокая смертность от алкогольных отравлений отмечалась в 1994 г., несколько менее значительная – в 2003 г. как у мужчин, так и у женщин. Начиная с 2004 г. уровень смертности от этой причины снижался и в 2012 г. практически вернулся к уровню 1987 г., причем у мужчин в молодых возрастах полностью, но в возрастах 50–79 лет показатели были несколько выше, где-то на уровне 1984 г. Разумеется, во все годы смертность от отравлений алкоголем была в 2–3 раза выше у мужчин, чем у женщин, но изменения смертности шли параллельно. Однако в последние годы наряду с проблемой дальнейшего снижения смертности от алкогольных отравлений на передний план может выйти проблема роста смертности от наркотических отравлений, прежде всего именно в молодых возрастах.

Рис. 6. Возрастные коэффициенты смертности от случайных отравлений алкоголем в России, 1970, 1984, 1987, 1994, 1998, 2003 и 2012 г., на 100 тыс. населения

Проведенный нами сравнительный анализ смертности от внешних причин в России и в развитых странах убедительно продемонстрировал важность и необходимость снижения смертности от несчастных случаев и насилия для достижения дальнейшего роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения отставания от развитых стран.

Литература

Альбицкий В.Ю., Иванова А.Е., Ильин А.Г., Терлецкая Р.Н. Смертность подростков в Российской Федерации. М.: ЮНИСЕФ, 2010.

ВОЗ. Насилие и его влияние на здоровье. Всемирная организация здравоохранения, 2002.

ВОЗ. Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма. Всемирная организация здравоохранения, 2004.

ВОЗ. Доклад о профилактике детского травматизма в Европе. Всемирная организация здравоохранения, 2009.

ВОЗ. Предупреждение травматизма в Европе: от международного сотрудничества к реализации на местах. Всемирная организация здравоохранения, 2010.

ВОЗ. Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире, 2013 г. Поддержать десятилетие действий. Всемирная организация здравоохранения, 2013.

Данилова И. Смертность пожилых от неестественных причин // Демоскоп Weekly. 2013. № 539–540 <<http://demoscope.ru/weekly/2013/0539/tema01.php>>.

Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Антонова О.И., Никитина С.Ю., Евдокушкина Г.Н., Черновавский М.В. Смертность российских подростков от самоубийств. М.: ЮНИСЕФ, 2011.

Семенова В.Г., Антонова О.И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения. 2007. № 2 <<http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/>>.

Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин // Демоскоп Weekly. 2013. № 537–538 <<http://demoscope.ru/weekly/2013/0537/tema01.php>>.

Conwell Y., Duberstein P.R., Caine E.D. Risk Factors for Suicide in Late Life // Society of Biological Psychiatry. 2002. P. 193–204.

Holland W. (ed.). European Community Atlas of «Avoidable Death». Commission of the European Communities Health Services Research Series. No. 3. Oxford: Oxford University Press, 1988.

O'Connell H., Chin A.V., Cunningham C., Lawlor B.A. Recent Developments: Suicide in Older People // British Medical Journal. 2004. Vol. 329.

Vanlaere L., Bouckaert F., Gastmans C. Care for Suicidal Older People: Current Clinical-Ethical Considerations // Journal of Medical Ethics. 2007. Vol. 33. No. 7. P. 376–381.

WHO. Public Health Action for the Prevention of Suicide: a Framework. World Health Organization, 2012.

WHO. WHO Mortality Data base. World Health Organization, 2014 <<http://www.who.int/whosis/mort/download/en/index.html>>.

А. Кондаков

Центр независимых
социологических
исследований,
Европейский
университет в Санкт-
Петербурге

ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ГРАНИЦ ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ: ДИСКУРС О ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

В 2013 г. в России на самом высоком уровне актуализировалась дискуссия по поводу гомосексуальности. Депутаты Государственной думы шестого созыва после серии обсуждений приняли закон, наказывающий штрафом «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений». Эта формулировка является результатом активного обсуждения законопроекта в российских СМИ и институтах власти, а также достаточно давно используется в российских судах для наименования гомосексуальных отношений (в рамках концепции так называемой нетрадиционной сексуальной ориентации). Кроме того, и данная формулировка, и интерес депутатов к теме гомосексуальности, на мой взгляд, являются маркерами нового витка переопределения моральных границ гражданства в России, которые раскрываются в моем исследовании сексуализированного гражданства. Основной характеристикой этого сексуализированного гражданства является знакомое из опыта советского прошлого «стыдливое» отношение к сексуальности. Так, новое оказывается знакомым старым.

Исследование режимов сексуализированного гражданства в СССР и современной России включает три уровня анализа. На первом уровне исследуются нормативные акты по поводу гомосексуальности (законы и политические программы). На втором уровне — институциональные практики (применение нормативных актов в судах и органами защиты правопорядка). Наконец, на третьем уровне анализа исследуется повседневность мужчин, имеющих сексуальные отношения с мужчинами, и женщин, имеющих сексуальные отношения с женщинами.

Историческая перспектива исследования позволяет оценить основания и динамику воспроизводства дискурсивной и институциональной логики, позволяющей сохранять непредставимость (*unintelligibility*) полного гражданства для гомосексуалов в России. Политика в отношении гомосексуальности в СССР находит свое отражение в современной России. Более того, связь

между повседневными практиками людей и институциональными условиями этих практик сохраняет черты советского прошлого. Историческая часть исследования основана на анализе вторичных данных (Хили, Здравомыслова, Темкина, Роткирх, Блум), а также на советском опыте, о котором рассказывали мои информанты в оригинальном исследовании. Эмпирический материал для анализа современной ситуации был собран автором в 2011–2013 гг. и составляет дискуссии и биографические интервью с 39 женщинами и мужчинами, позиционирующими себя в качестве гомосексуалов в социальных сетях, при помощи которых осуществлялся поиск респондентов.

В данном исследовании гражданство понимается не как формальное обладание паспортом страны, а как социальный процесс, включающий постоянные переговоры между государственным аппаратом, людьми и иными участниками по поводу прав и обязательств гражданина/гражданки. Эти переговоры ведут к формированию подвижной гражданской статусной позиции. Государственная бюрократия, конечно, играет ключевую роль в данном процессе, поскольку именно она контролирует основные институты, обеспечивающие полное гражданство через продвижение идеи об идеальном гражданине/гражданке [Turner, 2001, p. 190].

Следование идеальной модели вознаграждается через государственные социальные программы, предоставляющие права и привилегии, а отхождение от этих моделей наказывается либо отсутствием признания в качестве полноправного гражданина, либо институциональным применением насилия. Теоретики полагают, что гражданство сексуализировано всегда, а гражданский статус может быть подвергнут сомнению на основании сексуальности гражданина [Halperin, 1993, p. 418]. Так как гражданство (гетеро)сексуализировано, «те, чьи сексуальные наклонности считаются подозрительными, опасными или нежелательными, могут испытывать недостаток гражданских прав и благ, коль скоро политики и правительства стремятся переопределить моральные границы нации» [Hubbard, 2001, p. 52].

Когда проблемы сексуальности оказываются в спектре исследовательского интереса, еще одно напряжение, связанное с гражданством, должно быть рассмотрено с достаточной доскональностью: это отношения между приватным и публичным. В некоторых режимах гражданства государственная власть полагается «единственным источником публичного авторитета» [Turner, 1990, p. 207], в то время как в прочих публичная сфера может быть «ареной политического действия» для широкого спектра субъектов [Ibid.]. Применительно к гомосексуальности, данная проблема формулируется как степень открытости гомосексуалов в публичном пространстве, т.е. степень полноты их сексуализированного гражданства: толерантное отношение к лесбиянкам и геям сохраняется «до тех пор, пока они остаются в приватном

пространстве и не требуют публичного признания или членства в политической общности» [Richardson, 1998, p. 89].

Последнее важное обстоятельство концептуализации социальных подходов к гражданству — это практики сопротивления, которые ассоциируются с активным и активистским гражданством [Isin, 2008, p. 37]. Даже в самых авторитарных государствах гражданам остаются доступны стратегии сопротивления, несмотря на значительную степень репрессивности государственного аппарата принуждения. Как замечает К. Стычин, любому дисциплинарному режиму можно сопротивляться, поскольку эффекты гражданства и дискурса о правах человека непредсказуемы, их невозможно намеренно сконструировать путем изъявления воли, следовательно, эти эффекты могут выражаться и в сомнении в легитимности государственной власти [Stychin, 2003, p. 13]. Одно из общепринятых пониманий сопротивления гетеронормативным режимам гражданства — это культивация альтернативных культурных и/или политических идентичностей лесбиянок и геев, на основе которых строится публичная борьба за полноправное гражданство. Хаббард считает, что «основным гражданским правом является доступ в публичное пространство и право на использование определенных типов мест в рамках установленной территории» [Hubbard, 2001, p. 54]. Ограничение этого права — есть ситуация репрессии, которая в СССР и современной России оспаривается по-разному, но сохраняет некоторые общие черты.

Все эти характеристики гражданства рассматриваются в исследовании через изучение эффектов слов и значений на «образ действий»¹ граждан, формирующийся через дискурсивные механизмы умоуправления² [Foucault, 1994, p. 237]. Я рассматриваю гражданство не только в качестве конкретного идеологического дискурса, но и как неостанавливающийся процесс переговоров между государством, человеком и другими участниками (рынок, международные и локальные социальные движения, наднациональные ин-

---

¹ Под образом действий имеется в виду понятие Фуко «*conduire des conduites*», т.е. структурные рамки действий субъектов дискурса, которые либо преодолеваются, либо воспринимаются как руководство к действию (осознанно и неосознанно).

² В русскоязычной научной литературе термин Фуко «*gouvernementalité*» переводят по-разному. Один из распространенных вариантов — «правительственность» (в частности, в переводах работ самого Фуко на русский). На мой взгляд, такой перевод значительно искажает смысл термина, поскольку теория Фуко касается микровластей, а «правительственность» делает излишний акцент на государственной власти. Возможен другой распространенный вариант — «управленитет» [Романов, Ярская-Смирнова, 2008, с. 15]. Однако он упускает из виду вторую часть термина, связанную с «*mentalité*». Предлагаемый русскоязычный вариант, «умоуправление», позволяет включить именно те уровни анализа и сосредоточиться именно на тех модальностях власти, которые и предполагал автор этого понятия.

ституты и пр.). Следовательно, предстоящий анализ предполагает раскрытие дисциплинарных эффектов режимов гражданства в СССР и современной России, которые формируют субъектности советских и российских гомосексуалов.

Анализ советского прошлого базируется на периодизации гендерного гражданства, предложенной социологом Е. Здравомысловой: большевистский период (1918 – начало 1930-х) [Здравомыслова, 2004, с. 182]; период тоталитарной андрогинии (1930-е – середина 1950-х) [Там же, с. 185]; позднесоветский период (середина 1950-х – конец 1980-х) [Там же, с. 189]. Основной характеристикой первого режима гражданства, несмотря на замеченные тогда относительно эмансипаторные тенденции (отмена уголовного преследования за добровольные гомосексуальные связи), является его фокусирование на определяющей роли государственной бюрократии в общественной и политической жизни страны. Поэтому данный период называется исследователями этатистским [Здравомыслова, Темкина, 2003, с. 28].

В следующий период (1930-е – середина 1950-х годов) революционные идеи свободы были окончательно оттеснены, серьезные ограничения коснулись отношений между полами и половых отношений вообще [Здравомыслова, 2004, с. 185–189]. Правовые и политические реформы сталинского правительства строились на основаниях режима «сексуальной анорексии» – таких условий, при которых любое обсуждение секса становится склонением к сексу («пропагандой»), любые сексуальные отношения становятся избыточными, формируется стыдливое сексуализированное гражданство [Naiman, 1997, p. 224]. Один из основных эффектов данного режима гражданства – создание атмосферы умолчания вокруг гомосексуальности.

В следующий период (позднесоветский) формируется альтернативная публичность, которая канализирует протестные настроения граждан – пространство, в котором сосредотачиваются критика, альтернатива и игнорирование официального нормативного порядка. В. Воронков называет этот феномен «приватно-публичной сферой» [Voronkov, Chikadze, 2003, p. 243]. В этом пространстве происходит советская сексуальная революция [Роткирх, 2002, с. 452; Темкина, 2008, с. 14–15]. На уровне повседневных и институциональных практик данное пространство воплощается в городских местах встреч гомосексуалов – площадях и парках советских городов, где гомосексуалы, сотрудники КГБ, милиция и иные граждане собираются вместе, обладая особым знанием об этом месте, но не применяя насилия друг против друга.

В постсоветской России ситуация меняется. Новое правительство концептуализировало основания нового гражданства в терминах права человека (Конституция 1993 г.). Дискриминирующие законы и институциональные

практики (например, «лечение» лесбиянок в психиатрических клиниках) были отвергнуты. Кроме того, появились новые условия общественной и частной жизни – свободный рынок. Через его механизмы происходит коммерциализация гомосексуальных идентичностей: в некоторых городах России открыты ночные клубы и кафе для геев и лесбиянок, в театрах ставятся специальные постановки, существуют специализированные магазины [Essig, 1999, p. 82].

И все же качественных изменений в режиме сексуализированного гражданства на уровне официального дискурса не произошло. Прежде всего, следует признать, что режим гражданства постсоветской России остается в огромной степени гетеронормативным. Следовательно, российское право продолжает эксплицитно производить граждан второго сорта из российских гомосексуалов. Уголовный кодекс 1996 г. сохраняет гомосексуальность как непредставимое понятие, отделяя гомосексуальное изнасилование от изнасилования (ст. 131, 132). Схожая логика диктует текст другого правового акта – Приказа Минздрава РФ от 6 августа 1999 г. № 311 «Об утверждении клинического руководства “Модели диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств”». Этот приказ одновременно признает юрисдикцию МКБ-10 на территории России, которая предлагает понимать гомосексуальность в качестве одной из возможных норм сексуального поведения, и оспаривает ее через утверждение гетеросексуальности в качестве единственной нормы. Гетеронормативность остается основанием судебных решений, политических дискуссий и, наконец, новых законодательных инициатив о «пропаганде», эксплицитно возвращающих режим сексуальной анорексии.

В рамках эмпирического исследования, которое я провожу с 2011 г., данные феномены получают осмысление в биографических нарративах граждан. Различение советского и постсоветского периодов жизни особо отмечалось респондентами в ходе интервью. Собеседники восприняли идею существенного различия между старым и новым политическими режимами и воспроизводят ее в противопоставлении авторитаризма демократии. В их историях СССР описывается словарем репрессий, признается давление уголовного наказания за гомосексуальные связи, а новому государственному аппарату приписывается достижение по декриминализации гомосексуальности. Советский режим противопоставляется «свободе», и, следовательно, все постсоветское признается свободой.

Сравнивая актуальную ситуацию с социалистическим прошлым, респонденты описывают настоящее в более позитивных терминах. Схожая логика свойственна и тем из респондентов, кто родился после распада СССР. И тем не менее в современной России остаются основания для серьезного

недовольства, которое зачастую возникает в тех случаях, когда человек напрямую сталкивается с дискриминацией и насилием по отношению к себе.

Все же наиболее распространенные истории дискриминации не встречаются в описании конкретных случаев. Респонденты скорее описывают общий «дисконфорт», «аморфные ощущения» угнетения и «негативный фид-бэк» со стороны общества в качестве основных форм отношения к ним. Этот словарь свидетельствует о наличии регулятивных механизмов дискурса, которые оказывают едва различимое давление, свойственное гетеронормативности.

Участники исследования заявляют, что при некоторых обстоятельствах они осознанно идут на ведение «двойной жизни», чтобы избежать трудностей при общении с друзьями, родственниками и широкой публикой. Гетеронормативность производит особую этическую позицию: самоконтроль за поведением на публике (в школе, на работе, в университете или других общественных местах) заключается в том, чтобы не выглядеть гомосексуально. С одной стороны, основания для этого находятся в собственном опыте, а с другой, в таких основаниях респонденты не нуждаются – их скрытное поведение базируется на распространенных допущениях об опасностях окружающего мира.

Идеи о гомофобности окружения не всегда проистекают из реальных случаев агрессии в отношении респондентов, а скорее поддерживаются общим убеждением о том, что российское общество крайне негативно относится к лесбиянкам и геям. Как было отмечено ранее, существуют вполне очевидные основания для появления таких суждений, поскольку СМИ, политики и судьи часто воспроизводят гомофобные и гетеронормативные предрассудки. Однако это еще не свидетельствует об отношении прочих людей к гомосексуальности.

Гетеронормативность играет принципиальную роль в процессе осмысления лесбиянками и геями своего гражданского положения: речь о правах заходит в том случае, когда респонденты начинают описывать свои однополые семьи. Основой важнейшей депривации является идея о гетеросексуальной модели брака, санкционированного соответствующим государственным органом для предоставления положенных в этом случае прав и возникновения соответствующих взаимных обязательств между партнерами и охраняющим их союз государством. Биографические интервью показывают, что проблема прав и государственного признания возникает в контексте рассказов о постоянных брачных отношениях между однополыми партнерами.

Требования признания однополых брачных отношений принадлежат частной сфере, респонденты говорят, что не готовы выносить их на публичное обсуждение. Они предпочитают использовать другие формы сопро-

тивления, в том числе те ограниченные возможности, которые предоставляются свободным рынком для обладателей финансового капитала (покупка благ). Они способны выкупить индульгенцию и освободиться от государственного контроля через организацию собственного частного «гражданства» при помощи финансов. Конечно, такая ситуация имеет серьезные недостатки. Во-первых, условия рынка не могут быть одинаково доступны всем желающим, рынок производит новые (по сравнению с советским периодом) формы экономического неравенства. Во-вторых, частная организация собственного положения через возможности рынка воспроизводит неравенство на уровне общества, поскольку скрывает существующие элементы неравенства от публичного взора.

Кроме того, респонденты в основном предлагают «невидимые», «тихие» методы борьбы, напоминающие советские практики приватно-публичного активизма на кухнях частных квартир. Такая форма активного гражданства представляется респондентам наиболее адекватной в сложившихся обстоятельствах. Откровенный разговор с членами своих семей для некоторых является не меньшим активизмом, чем выход на улицу с транспарантом. Как десятилетия назад, когда революции в СССР совершались в пространствах кухонь, сегодняшний режим гражданства подрывается в частных квартирах активных и рефлексивных граждан, бросающих вызов монополии государственного аппарата на установление финальной истины по поводу их самих.

Советские и российские режимы гражданства базировались на риторике равенства с самого начала. Социалистическое общество должно было быть построено на бесклассовой структуре, а либеральная Россия – на приверженности принципам прав человека и индивидуального достоинства. Однако производимые дискурсы имели разные политические и социальные, осознанные и не вполне осознаваемые эффекты. Стремление к монополизации власти по контролю за публичностью оказалось движущей силой всех режимов гражданства. Такое положение дел создает впечатление, что складывавшиеся в тот или иной исторический период режимы гражданства являлись монолитными, авторитарными и жесткими, поскольку альтернативные точки зрения старательно выкорчевывались из публичной сферы. Однако и в этих режимах существовали пространства для активного сопротивления навязыванию норм и правил поведения, а также для культивирования альтернативных субъектностей. Часто сопротивление и альтернатива оставались делом частным, занимали приватно-публичные пространства.

Сексуализированное гражданство при этом остается подчиненным гетеронормативности. Хотя на первых порах советский режим гражданства предполагал равное отношение к гражданам, в том числе для мобилизации их трудовых способностей, более поздние конфигурации основывались на

производстве дисциплинированных граждан, способных в нужный момент проявлять лояльность и приверженность государственной идеологии, основывающейся на «сексуальной анорексии». Схожее положение сексуальности в дискурсе о гражданстве остается актуальным в постсоветский период. Индивидуальные нарративы также остаются подвержены гетеронормативным представлениям о сексуальности, а альтернативные суждения относятся к вопросам организации приватного пространства однополых семьи.

В современной России существенное влияние на организацию приватного пространства оказывает свободный рынок. Рынок предоставляет возможности для культивации гомосексуальных идентичностей, а также покупки благ, требуемых любому гражданину. Однако столь жесткое разделение на приватную и публичную сферу производит эффекты «социальной шизофрении» [Vorontov, Chikadze, 2003]: ведение «двойной жизни», мимикрия, притворство и скрытность, о которых сообщали информанты в своих интервью. Рынок не решает задач по освобождению от этих эффектов и окончательной эмансипации, а скорее, наоборот, воспроизводит сложившееся положение вещей.

Литература

Здравомыслова Е. Гендерное гражданство в советской России – практики абортотворения // Развитие государства благосостояния в Северной Европе и России: сравнительная перспектива / под ред. И. Григорьевой, Н. Килдал, С. Кюлле, В. Мининой. СПб.: Скифия-принт, 2004. С. 179–195.

Здравомыслова Е., Темкина А. Гендерное (gendered) гражданство и советский этакратический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики: материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям / под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара: Самарский университет, 2003. С. 27–61.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: ЦСПГИ, 2008.

Роткирх А. Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период // В поисках сексуальности: сб. статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 452–468.

Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2008.

Essig L. Queer in Russia. A Story of Sex, Self, and the Other. L.: Duke University Press, 1999.

Foucault M. Dits et écrits IV. Paris: Gallimard, 1994.

Halperin D. Is There a History of Sexuality? // The Lesbian and Gay Studies Reader / Н. Abelow, М.А. Barale, D. Halperin (eds). L.: Routledge, 1993. P. 416–431.

- Hubbard P.* Sex Zones: Intimacy, Citizenship and Public Space // *Sexualities*. 2001. Vol. 4. No. 1. P. 51–71.
- Isin E.F.* Theorizing Acts of Citizenship // *Acts of Citizenship* / E.F. Isin, G.M. Nielsen (eds). L.: Zed Books, 2008. P. 15–43.
- Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Richardson D.* Sexuality and Citizenship // *Sociology*. 1998. No. 32 (1). P. 83–100.
- Stychin C.* Governing Sexuality: The Changing Politics of Citizenship and Law Reform. Oxford: Hart, 2003.
- Turner B.* Outline of a Theory of Citizenship // *Sociology*. 1990. No. 24 (2). P. 189–217.
- Turner B.* The Erosion of Citizenship // *British Journal of Sociology*. 2001. No. 52 (2). P. 189–209.
- Voronkov V., Chikadze E.* 2003. Different Generations of Leningrad Jews in the Context of Public/Private Division: Paradoxes of Ethnicity // *Biographical Research in Eastern Europe / Altered Lives and Broken Biographies* / R. Humphrey, R. Miller, E. Zdravomyslova (eds). Hampshire: Ashgate, 2003. P. 239–262.

Т.В. Кузьмицкая,
Л.П. Шахотько

Институт экономики
НАН Беларуси, Минск

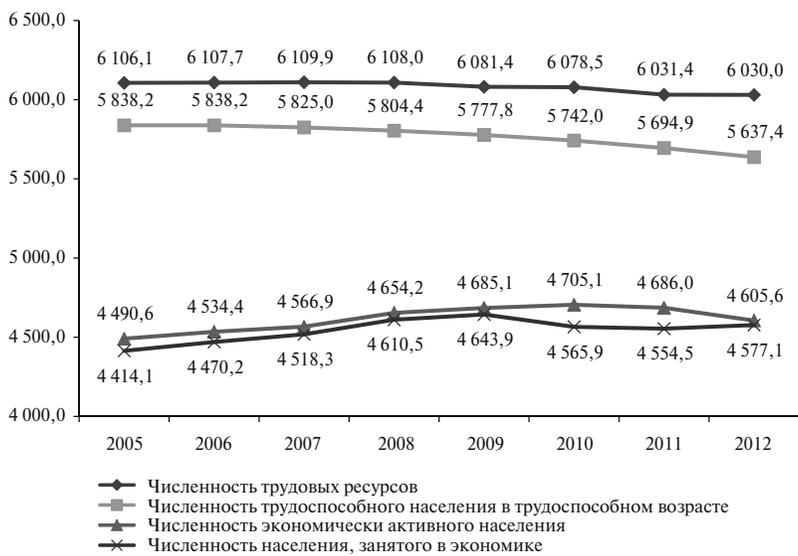
РОЛЬ МИГРАЦИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из важнейших факторов формирования постиндустриальной экономики страны является наличие квалифицированных трудовых ресурсов, численность которых в Республике Беларусь в настоящее время сокращается под воздействием ряда неблагоприятных демографических тенденций. В будущем дефицит трудовых ресурсов частично можно будет решать за счет их более эффективного использования путем повышения производительности труда, совершенствования системы пенсионного обеспечения, увеличения занятости инвалидов, повышения эффективности работы секторов бюджетной сферы и др. Вместе с тем в условиях обостряющейся глобальной борьбы за трудовые ресурсы значительно возрастает роль миграции как способа решения проблемы нехватки работников за счет роста территориальной мобильности как внутри республики, так и иммиграции, что обуславливает необходимость выработки продуманной миграционной политики.

Неблагоприятные тенденции в динамике рождаемости и смертности в 1990-е годы и начале первого десятилетия XXI в., приведшие к депопуляции и продолжающиеся уже два десятилетия, до последнего времени практически не оказывали негативного влияния на экономику Беларуси. Это связано с тем, что в стране продолжали расти как абсолютная численность населения трудоспособного возраста, так и его доля в общей численности. В последние годы ситуация изменилась. Уже на начало 2008 г. абсолютная численность населения трудоспособного возраста впервые уменьшилась, а с 2009 г. начала уменьшаться и доля населения трудоспособного возраста. Уже сейчас экономика страны ощущает существенный спад практически всех основных показателей, характеризующих состояние и использование трудовых ресурсов: численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, численности экономически активного населения и численности занятых. При

этом доля лиц старше трудоспособного возраста в составе трудовых ресурсов увеличилась почти в 1,5 раза — с 4,4% в 2005 г. до 6,5% в 2012 г., а количество вакансий начиная с 2007 г. превышает численность официально зарегистрированных безработных [Трудовая миграция..., 2013, с. 40–43]. Динамика показателей, характеризующих состояние и использование трудовых ресурсов, представлена на рис. 1.

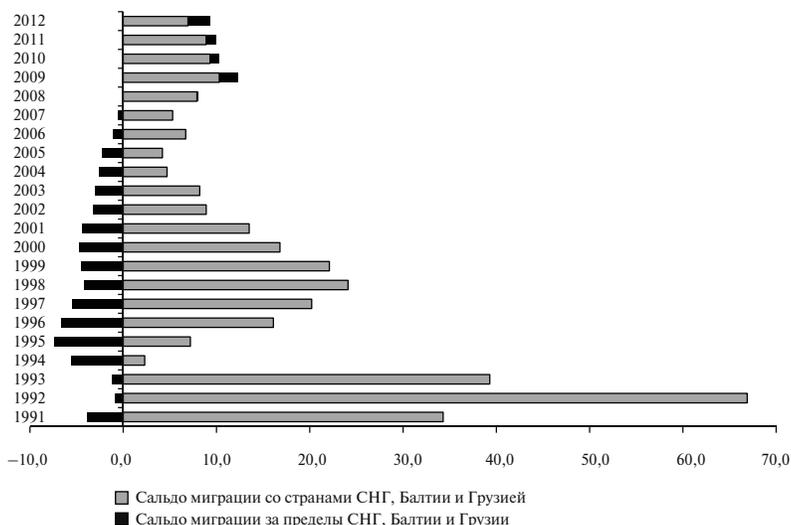

Рис. 1. Состояние и использование трудовых ресурсов в Республике Беларусь, 2005–2012 гг., тыс. человек

Новые тенденции сохранятся достаточно длительное время (примерно 15–20 лет), причем их темпы будут нарастать. Уменьшение численности населения трудоспособного возраста будет увеличивать демографическую нагрузку на трудоспособное население и может привести к дефициту кадров и усугубить структурные дисбалансы трудовых ресурсов, которые начинают проявляться уже в настоящее время. Поэтому если сегодня не корректировать проводимую политику, то в будущем это приведет к ряду негативных явлений социально-экономического характера. В последние годы ситуация в республике характеризовалась высоким уровнем занятости населения и низким уровнем официальной безработицы, ростом спроса на рабочую силу и снижением регистрации безработных. Вместе с тем в стране наблюдаются диспропорции по численности занятых по видам экономической деятель-

ности и неэффективная занятость. Несмотря на то что трудовые ресурсы страны формально обладают достаточно высоким образовательным и профессиональным потенциалом, социологические опросы более 2,4 тыс. организаций различных форм собственности, проведенные НИЭИ Минэкономики в 2012 г., показали, что, по мнению 60% опрошенных руководителей, дефицит квалифицированных кадров становится основным сдерживающим фактором развития организаций на перспективу.

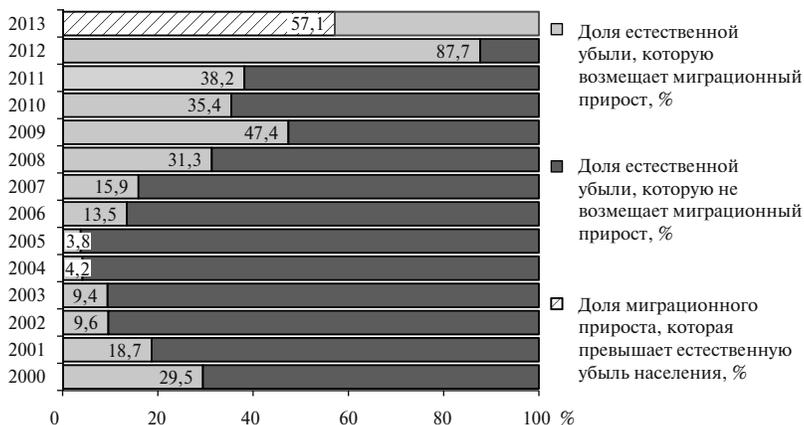
Для решения указанных проблем Беларусь стремится проводить эффективную миграционную политику, направленную на активное привлечение иммигрантов, особенно из стран СНГ, и их успешную интеграцию в белорусское общество. Миграционный прирост населения в Беларуси последние 20 лет оставался положительным [Демографический ежегодник..., 2013]. Как показано на рис. 2, в последние годы положительное сальдо миграции населения в Беларусь из стран СНГ и Балтии значительно увеличилось, а сальдо миграции с другими странами мира в целом стало тоже положительным.

Рис. 2. Динамика объемов сальдо внешней миграции населения Беларуси по основным потокам, тыс. человек

Однако, как показывают исследования последних лет, возможности у страны полностью погасить депопуляцию за счет притока молодежи из стран СНГ и Балтии практически отсутствуют [Шахотько, 2011].

В 2013 г. в Беларуси впервые за годы депопуляции миграционный прирост в 1,5 раза перекрыл убыль населения за счет естественного оттока. Динамика доли естественной убыли населения, которую возмещал миграционный прирост в 2005–2013 гг., показана на рис. 3.

Рис. 3. Доля естественной убыли населения, которую возместил миграционный прирост в 2005–2013 гг., %

Тем не менее этот прирост остается незначительным и нельзя рассчитывать на то, что он позволит длительное время полностью компенсировать естественную убыль населения страны, особенно когда естественная убыль начнет увеличиваться. Кроме того, следует изучить и хорошо взвесить все позитивные и негативные последствия миграции (как иммиграции, так и эмиграции) для социально-экономического и демографического развития Республики Беларусь. В некоторых случаях проблему дефицита трудовых ресурсов целесообразно решать другим путем, в частности, за счет перехода экономики на инновационный путь развития, модернизации производства, роста производительности труда, повышения квалификации и организации имеющегося трудового потенциала, более широкого использования посильного труда пенсионеров, инвалидов, учащейся молодежи, а также путем привлечения временных трудовых мигрантов.

Для того чтобы регулировать любой социально-экономический процесс, в том числе миграционный, необходимо знать текущее состояние объекта, тенденции его развития, пределы и инструменты возможного воздействия на этот процесс. Однако проведение комплексной оценки трудовой миграции в Республике Беларусь и определение ее влияния на социально-

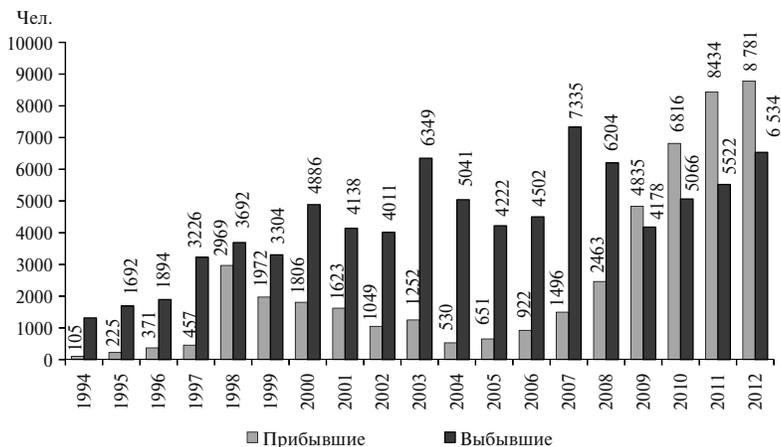
экономическое развитие в настоящее время затруднено по следующим причинам: отсутствует гармонизированное определение трудовой миграции, миграция гибко трансформируется в различные формы и виды, ни один из доступных способов учета трудовой миграции не обеспечивает полного охвата мигрантов.

Использование различных определений и отсутствие согласованных критериев отнесения к международным трудовым мигрантам в разных странах мира выражается в многообразии методик измерения миграции и существенно затрудняет международные сопоставления статистических данных. Поэтому вопрос гармонизации определений при определении миграции является особенно актуальным при анализе ее масштабов. Помимо этого, проблемы оценки международной миграции в значительной степени обусловлены высокой степенью эластичности составляющих ее видов и форм. Это связано с тем, что мигранты по социально-экономическим, политическим или экологическим причинам и трансформациям в стране прибытия или выбытия могут изменить свой статус. Так, безвозвратные мигранты (выехавшие в другую страну на постоянное место жительства как эмигранты) могут по каким-либо причинам принять решение о возвращении на родину. Трудовые мигранты, легально находящиеся и официально работающие в стране трудоустройства, могут захотеть остаться в стране сверх разрешенного срока или попытаться сменить место работы, невзирая на ограничения, прописанные в контракте, и таким образом превратятся в незаконных мигрантов. Незаконно находящиеся в стране иммигранты могут «попасть» под миграционную амнистию (т.е. государственную кампанию по легализации) и обрести законные основания для проживания и работы в стране. К сожалению, статистика международной миграции практически не учитывает такого рода факты, и выводы исследователей часто основываются на умозрительных заключениях [Чудиновских, 2013].

Одним из способов получения данных о потоках трудовой миграции является статистический учет выданных документов, необходимых для легального въезда и проживания в стране, однако при этом из поля зрения выпадают мигранты, въезжающие в страну без законного разрешения. Другим способом получения информации о международной трудовой миграции, как в странах, принимающих мигрантов, так и в странах, преимущественно отправляющих их, являются выборочные обследования домашних хозяйств. При этом страны приема получают информацию о численности трудовых мигрантов из других стран, их качественном составе и степени включенности в рынок труда, а страны выбытия – о причинах миграции и количественном и качественном составе выбывших, что позволяет провести оценку экономического эффекта от миграции. Выборочные обследования для изучения

миграции могут проводиться либо в форме специализированного самостоятельного исследования, либо как составная часть других исследований. Иногда страны, как это сделал Национальный статистический комитет Республики Беларусь в 2009 г., отдельные вопросы о трудовой миграции включают в программу переписей населения.

В настоящее время относительно точный статистический учет в Беларуси ведется департаментом по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь и органами статистики, но при этом учитываются только те трудовые мигранты, которые выезжают или въезжают в страну на основании официально заключенных в фирмах Республики Беларусь трудовых договоров и контрактов. По данным такого учета, за последние 4–5 лет приток трудовых мигрантов в Беларусь заметно активизировался, а в 2012 г. в страну прибыло 8,8 тыс. человек и выбыло в другие государства 6,5 тыс. человек (рис. 4) [Демографический ежегодник..., 2013].

Рис. 4. Динамика численности трудящихся мигрантов, выехавших из Беларуси и въехавших в страну на основе официальных договоров и контрактов 1994–2012 гг., человек

Следует отметить, что поскольку заключение трудовых договоров и контрактов через лицензированные агентства в Беларуси не является обязательной процедурой, зарегистрированная трудовая миграция демонстрирует нам лишь незначительную часть миграционных процессов. Как показывают обследования, не все трудовые мигранты, выезжающие или въезжающие в страну без официально заключенных договоров и контрактов, являются

нелегальными мигрантами в полном значении этого слова, так как многие из них заключают договоры и контракты не в своей стране, а в стране-реципиенте непосредственно с нанимателем. Причем помимо граждан Союзного государства России и Беларуси, которым не требуется оформления разрешения на работу, с началом функционирования Единого экономического пространства (ЕЭП) был принят пакет документов, защищающий права трудовых мигрантов на территории ЕЭП и предоставляющих им равные возможности с гражданами этих стран.

В соответствии с балансом трудовых ресурсов, при составлении которого использовались предварительные результаты выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения, в том числе и по вопросам, касающимся трудовой миграции, количество граждан Республики Беларусь трудоспособного возраста, работающих за границей, в 2012 г. составило 55,4 тыс. человек, или 0,9% от численности трудовых ресурсов [МОМ..., 2013]. Однако обследования домашних хозяйств как способ получения данных о миграции также имеют определенные недостатки. Во-первых, трудовые мигранты могут уехать в другую страну на работу, забрав с собой всю семью и в этом случае не у кого будет получить информацию. Во-вторых, несмотря на то, что органы государственной статистики гарантируют конфиденциальность информации, некоторые домохозяйства склонны к сокрытию сведений о родственниках-мигрантах, например, из опасения предъявления к уплате налогов из доходов, полученных за рубежом.

Несмотря на то что в связи с неполным учетом объемы зарегистрированной международной трудовой миграции как минимум на порядок ниже фактических значений, в Беларуси миграция не носит столь масштабного характера, как заявляют некоторые эксперты. Например, по словам представителя Международной организации по миграции (МОМ) в Беларуси Н. Жак, за рубежом в 2012 г. могло находиться от 800 тыс. до 1,2 млн граждан Беларуси трудоспособного возраста. «Это не значит, что они уехали навсегда и не возвращаются, – отметила эксперт. – Они уезжают, возвращаются, они выезжают на сезонные работы, потом опять возвращаются, т.е. это такая сезонная миграция» [По приблизительным данным..., 2013]. Во-первых, следует отметить, что значительная их часть по существующей классификации уже не является мигрантами, так как более года постоянно проживает за границей, но по тем или иным причинам не хочет или не может поменять гражданство. Во-вторых, в соответствии с балансом трудовых ресурсов за 2012 г. [МОМ..., 2013] названные цифры трудовых мигрантов выглядят явно завышенными. Так, в 2012 г. общая численность трудовых ресурсов в Беларуси составила 6030,0 тыс. человек, в том числе занятое население – 4577,1 тыс. человек; прочее трудоспособное население в трудоспособном возрасте –

1452,9 тыс. человек. В последнюю цифру (т.е. не занятое по трудовым договорам на предприятиях и в организациях Беларуси) включены 239,6 тыс. безработных, подсчитанных по методологии Международной организации труда (МОТ); 272,5 тыс. человек, находящихся в отпусках по беременности и родам или по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста и получающих пособие; 497,4 тыс. учащихся и студентов дневной (стационарной) формы обучения; 58,3 тыс. человек, получающих пособие по уходу за инвалидами или престарелыми: 16,2 тыс. человек, находящихся в заключении. Остается всего 368,9 тыс. человек, которые не имеют официальных источников доходов в Беларуси и не являются безработными. К ним относятся: лица, ведущие домашнее хозяйство (130,8 тыс.); лица, полагающие, что найти работу невозможно (42,0 тыс.); лица, не имеющие необходимости или желания ее искать (30,2 тыс.); прочие (110,5 тыс.) и собственно внешние трудовые мигранты (55,4 тыс.). Можно предположить, что граждан Республики Беларусь трудоспособного возраста, работающих за границей, несколько больше 55,4 тыс. человек, указанных в балансе трудовых ресурсов, так как, возможно, в ходе обследования домашних хозяйств не все опрошенные сообщили о себе достоверные сведения из боязни быть привлеченными к ответственности за неуплату налогов. Вместе с тем очевидно, что все официально незанятые в Беларуси граждане не могут быть внешними трудовыми мигрантами, так как часть их задействована в теневом секторе экономики, а часть действительно ведет домашнее хозяйство или не имеет необходимости, желания или возможности работать. По нашему мнению, в настоящее время правдоподобной представляется оценка внешней трудовой миграции в целом в размере не более 200–300 тыс. человек, или 4–5% трудовых ресурсов Беларуси. Эта цифра соответствует оценкам российских и белорусских компетентных органов [Сведения..., 2014].

Так как большинство трудовых мигрантов из Беларуси выезжают на работу в Россию, большой научный и практический интерес представляют данные российской статистики о мигрантах – гражданах Беларуси. По состоянию на 2 февраля 2014 г., согласно данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации [Шабунова и др., 2013], на территории России находились 391695 граждан Республики Беларусь, в том числе 245823 мужчины и 145872 женщины, что составляет более 4% от общей численности постоянного населения Беларуси, причем 342324 человека из них – в возрасте от 18 до 59 лет. Для сравнения, по состоянию на указанную дату в России находилось около 3,5% от численности постоянного населения Украины, Армении – более 14%, Киргизии – более 10%, Молдовы – более 15%, Таджикистана – более 14%. Очевидно, что не все они являются трудовыми мигрантами, но, вероятно, значительная их часть выехала в Россию с целью трудоустройства.

Исследования показывают, что в настоящее время в Республике Беларусь международная миграция не способна полностью решить проблемы социально-экономического и демографического развития, а потенциал внутренней миграции, мобильности и гибкости трудовых ресурсов, повышения эффективности и производительности труда не задействован в полной мере [Шахотько, 2009; Никитенко, Солодовников, Черныш, 2008]. Поэтому необходимо концептуально определить: когда, сколько, каких и куда конкретно мигрантов стране необходимо привлечь, и проводить политику выборочной миграции с использованием фильтров по специальностям и квалификации. При обострении дефицита трудовых ресурсов Республика Беларусь будет вынуждена привлекать трудовых мигрантов. Однако следует учитывать, что это должны быть квалифицированные работники и их труд должен оплачиваться так же, как труд граждан Беларуси. В противном случае будет тормозиться развитие прогресса в механизации тяжелого ручного труда, и, как свидетельствует международный опыт, сглаживание таким способом проблемы в краткосрочном периоде не решает ее в долгосрочной перспективе и может привести к обострению социальной обстановки в стране. Сопоставление данных, полученных из разных источников (оценки на основе переписи населения, выборочные обследования домохозяйств, российские статистические данные), позволяет сделать вывод, что отток незарегистрированных трудовых мигрантов как минимум на порядок превышает зарегистрированную трудовую миграцию из страны. И хотя отток трудовых ресурсов из Беларуси за границу не такой высокий, как в некоторых странах (Таджикистан, Молдова, Киргизия, Армения), тем не менее он достаточно существенный, поэтому вопрос о выработке миграционной политики в стране чрезвычайно актуален.

Литература

Демографический ежегодник Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2013.

МОМ: Миллион белорусов работает за границей, 2013 <<http://belanews.ru/2013/01/05/33834/>>.

Никитенко П.Г., Солодовников С.Ю., Черныш С.Л. Демографическая безопасность и внешняя миграция населения // Общество и экономика. 2008. № 6. С. 3–11.

По приблизительным данным, около 300 тысяч белорусов осуществляют трудовую деятельность за рубежом, 2013 <http://belapan.com/archive/2013/11/21/media_migration_v2/>.

Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 2 февраля

2014 г.) // Федеральная миграционная служба, 2014 <<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>>.

Статистический бюллетень «Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2012 году» / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2013.

Трудовая миграция в союзном государстве – состояние и перспективы: информационный материал экспертно-медийного семинара (26 сентября), 2013. С. 40–43.

Чудиновских О. Статистика трудовой миграции в странах сети МИРПАЛ / Всемирный банк (The World Bank Group), 2013 <<http://siteresources.worldbank.org/INTECA/Resources/ChudinovskikhDec19Rus.doc>>.

Шабунова А.А., Шахотько Л.П., Боброва А.Г., Калачикова О.Н. Демографическое развитие Республики Беларусь и Российской Федерации в контексте национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 106–117.

Шахотько Л.П. Международные миграционные процессы и миграционная политика на территории Беларуси // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. С. 44–57.

Шахотько Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь. Минск: Беларусь. наука, 2009.

Н.В. Мкртчян

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ВНУТРЕННЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ¹

Временная трудовая миграция россиян в пределах страны, пожалуй, самая малоизученная форма миграции в современной России. В начале 2000-х годов ее масштабы оценивались в 3 млн человек, основой для данной оценки послужило обследование домохозяйств в семи малых и средних городах, проведенное под руководством Ж.А. Зайончковской [Зайончковская, 2001, с. 21]. Ни данные НОБУС 2003 г., ни более поздние обследования, по сути, не могли изменить наше представление о распространенности данного явления. Совсем недавно появились оценки, согласно которым в процесс временной трудовой миграции (отходничества) вовлечены чуть ли не 20 млн человек [Поехали?..., 2013; Журенков, Портнягина, 2013].

Однако с недавнего времени у исследователей появился новый источник информации о временной трудовой миграции – результаты разработки ответов членов российских домохозяйств о месте работы, содержащиеся в регулярных обследованиях населения по проблемам занятости (ОНПЗ). Такая возможность появилась в том числе потому, что содержащиеся ранее в вопроснике ОНПЗ позиции относительно места работы были дополнены возможностью получения информации о частоте поездок. Масштабы временной трудовой миграции россиян, которые могло фиксировать государственное обследование, проводимое Росстатом, – это, скорее, самая нижняя граница в оценке ее реальных размеров, тем не менее эти данные представляют интерес прежде всего как характеристика структурных особенностей данного вида миграции, ее пространственных аспектов.

Данные обследования позволяют выделить тех жителей России в возрасте 15–72 лет, чье место работы находилось в другом регионе страны. В 2012 г. численность работавших за пределами своего региона составила 2,3 млн человек, если же исключить тех, кто осуществлял поездки в ежедневном режиме (т.е. в режиме суточной (маятниковой) миграции), численность

---

¹ В настоящей работе использованы результаты проекта «Совершенствование механизмов привлечения и использования иностранных работников в Российской Федерации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг.

временных трудовых мигрантов составляла 1563 тыс. человек. Из них 19% посещали дом один раз в неделю, 39% – 1–2 раза в месяц, 42% – реже одного раза в месяц. Недельный ритм миграции некоторые исследователи также относят к маятниковой миграции, более редкие посещения дома, несомненно, надо относить к временной трудовой миграции. В настоящей статье миграция в режиме поездок недельного ритма отнесена к временной трудовой миграции.

Согласно данным ОНПЗ, в трудовую миграцию было вовлечено 1,4% российского населения в возрасте 15–72 года, или 2,2% занятого населения. Соотнесение численности трудовых мигрантов с занятым населением тех регионов, постоянными жителями которых они являются, показывает сильные межрегиональные различия. В Калмыкии они составляли 12,7% занятого населения, в Чувашии – 11,7% (т.е. в этих регионах трудовые мигранты есть в каждом пятом домохозяйстве), еще в 13 регионах – от 5 до 10%. В населении регионов севера и востока страны, а также в Москве и в Санкт-Петербурге доля трудовых мигрантов не превышала 1% занятого населения. Надо отметить, что в трудовую миграцию больше вовлечено население, проживающее в сельской местности, а среди городского населения – жители малых городов.

Если же соотнести численность трудовых мигрантов с занятым населением регионов, где они осуществляют трудовую деятельность, различия также велики. Доля трудовых мигрантов из других регионов страны во всем занятом населении Тюменской области, Ханты-Мансийского АО и Ямало-Ненецкого АО составляет 14,4%, в Москве – 10,1%, в Ненецком АО – 5,3%. Выше среднего по стране доля «неместных» работников в Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Краснодарском крае, Республиках Коми и Саха, на Чукотке и в Камчатском крае. Во многих регионах европейской части страны и Западной Сибири доля временных трудовых мигрантов не превышает 1% от всего занятого населения.

Почти половина (48,7%) всех временных трудовых перемещений осуществляется в пределах федеральных округов, остальная часть перераспределяет рабочую силу между округами (табл. 1). Самые мощные потоки трудовых мигрантов в 2012 г. были в Центральном округе, а также между Приволжским и Центральным, Приволжским и Уральским округами. Основной переток осуществляется в пользу Центрального и Уральского округов, самый явный «донор» – Приволжский округ. Дальневосточный округ находился в стороне от основных потоков временной трудовой миграции россиян.

Как и в долгосрочной миграции, главный центр притяжения трудовых мигрантов – Москва и Московская область. Оба региона в 2012 г. привлекли 822 тыс. работников из других регионов России (без учета маятниковых мигрантов). Половина трудовых мигрантов приезжает в столичный регион

Таблица 1. Трудовая миграция между федеральными округами России, 2012 г., тыс. человек*

Территория постоянного проживания трудовых мигрантов	Территория работы трудовых мигрантов								
	Россия	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Россия	1563,4	851,7	132,2	79,4	21,5	69,9	303,9	54,6	50,2
Центральный	495,5	462,3	17,3	6,1	1,0	4,2	3,4	0,5	0,7
Северо-Западный	89,2	11,2	73,9	0,3	0,7	0,5	2,0	0,4	0,2
Южный	139,0	67,7	10,9	35,8	6,0	2,6	11,0	2,3	2,6
Северо-Кавказский	87,1	38,5	3,8	20,7	11,9	1,3	8,3	1,4	1,2
Приволжский	538,4	266,4	23,2	11,3	1,1	57,8	166,3	6,3	6,1
Уральский	63,5	2,6	1,1	0,7	0,4	1,9	54,9	1,3	0,6
Сибирский	124,3	2,7	1,1	4,4	0,3	1,4	57,8	41,2	15,4
Дальневосточный	26,3	0,3	0,7	0,1	0,0	0,2	0,1	1,3	23,5

* Ежедневные поездки исключены.

Источник: Данные ОНПЗ.

из других областей Центрального округа, еще 34% – из Приволжского округа. Основными регионами-донорами рабочей силы выступают Тульская область, Чувашская Республика, Пензенская, Ивановская, Тамбовская, Брянская, Владимирская, Нижегородская области, Республика Марий Эл и Смоленская область, эта первая десятка регионов обеспечивает более половины притока трудовых мигрантов в Москву и Московскую область.

Мощным центром притяжения трудовых мигрантов-россиян является Тюменская область, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО. Распределение потоков во второй по значимости центр притяжения трудовых мигрантов – Тюменскую область, ХМАО и ЯНАО – иное: 54% работников приезжают из Приволжья, 22% – из регионов Сибири, 15% – из других регионов Уральского округа, трудовых мигрантов из других частей страны здесь мало. Основные «доноры» рабочей силы для этих нефтегазовых регионов – Республика Башкортостан (с большим отрывом от других регионов), Омская, Свердловская, Курганская области, Татарстан, Удмуртия, Челябинская, Новосибирская, Кировская, Оренбургская области. Третий по значимости

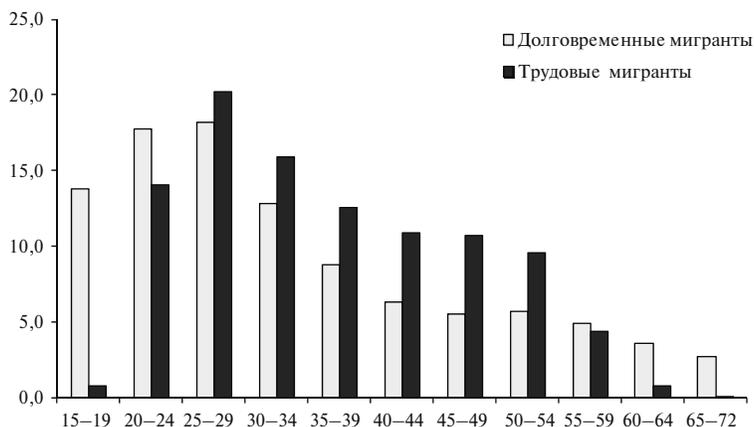
центр притяжения временных мигрантов – Санкт-Петербург (около 70 тыс. временных трудовых мигрантов), его влияние распространяется прежде всего на ближайшие области Северо-Запада России.

Значительная территория страны «поделена» между этими центрами притяжения мигрантов, выступая по отношению к ним как донор рабочих рук. Есть и иные центры притяжения временных трудовых мигрантов, например, Краснодарский и Красноярский края, республики Саха и Коми, но по размерам притока они несопоставимы с названными выше.

Появление уже упомянутых регионов Уральского ФО среди центров притяжения трудовых мигрантов в какой-то мере меняет наши представления о миграционной привлекательности регионов нашей страны для мигрантов. Если лидерство Москвы, столичного региона по привлекательности для долгосрочных мигрантов бесспорно и не вызывает сомнений, то по привлекательности для трудовых мигрантов эти регионы вполне составляют столице «конкуренцию». Это было ясно и до данных ОНПЗ, но последние позволили оценить, хотя бы приблизительно, количественное соотношение влияния этих центров, очертить круг регионов, ориентирующихся на каждый из них. «Водораздел» проходит по территории Приволжского округа.

В отличие от долговременной миграции, трудовая миграция по-прежнему в большей мере удел мужчин, их доля в общем потоке составляет 83%. Возрастной профиль трудовой миграции отличается от такового у долговременных мигрантов, он сдвинут к более старшим возрастам (рис. 1). При этом среди трудовых мигрантов достаточно велика доля никогда не состоявших в браке – 31,2% среди мужчин (20,3% у «немигрантов») и 42,4% среди женщин (14,5% соответственно), и эти различия воспроизводятся во всех возрастных группах. Само состояние трудовой миграции оттягивает вступление в брак (в случае мужчин), в отношении женщин, по-видимому, имеет место избирательный характер трудовой миграции, в нее вовлекаются в большей мере женщины, которые находятся в затруднительной жизненной ситуации, вынужденные в одиночку воспитывать детей.

Среди трудовых мигрантов-мужчин меньше лиц с высшим и послевузовским образованием, и больше – с начальным профессиональным и средним общим образованием, чем среди работающих в своем регионе («немигрантов»), и среди всего населения России. Трудовые мигранты-женщины отличаются несколько пониженной долей имеющих среднее профессиональное образование в пользу среднего общего. Образовательный состав трудовых мигрантов связан с особенностями их распределения по отраслям экономики и основным занятиям. В традиционно мигрантской сфере занятости – строительстве – сконцентрировано 40% трудовых мигрантов, их выделяет также большая доля занятых в сфере добычи полезных ископаемых.

Рис. 1. Распределение долговременных и трудовых мигрантов по возрасту, % от общей численности мигрантов 15–72 лет, Россия, 2012 г.

Источник: ОНПЗ; Росстат, данные текущей статистики миграции.

В огромном строительном комплексе Москвы каждый третий занятый мужчина – трудовой мигрант из другого региона страны (не считая маятниковых мигрантов). Иностранцы также концентрируются в этой отрасли [Население России..., 2011], а если учесть нелегальную составляющую иностранной рабочей силы, можно с уверенностью сказать, что Москву строят мигранты. Женщины-мигранты выделяются занятостью в торговле, гостиничном и ресторанном обслуживании, а также в строительстве.

Трудовые мигранты сконцентрированы не только в отдельных отраслях, но и в отдельных занятиях. Из 447 наименований перечня занятий, применяемых для кодирования в ОНПЗ, 50% мужчин – «немигрантов» сконцентрированы в 53, или в 11,9% основных; в то же время, 50% мужчин-трудовых мигрантов заняты всего по восьми профессиям, т.е. в 1,7% всех занятий применяемого перечня. Половина женщин – «немигрантов» представляют 79 самых распространенных занятий, 17,8% от общего числа представленных в перечне, 50% женщин-мигрантов – в 13 профессиях, или 2,9% всех возможных.

В первой десятке занятий мужчин – трудовых мигрантов четыре непосредственно связаны со строительством, в первой двадцатке – восемь. Особо стоит выделить такую категорию, как «другие работники служб, осуществляющие защиту граждан и собственности», – те самые «охранники» – традиционно мигрантский вид деятельности, популярный в том числе

тем, что охранник часто имеет возможность проживания на рабочем месте. Мигранты-женщины отличаются от всего населения большей долей поваров, официанток и буфетчиц, проводниц железнодорожных составов и стюардесс, продавцов палаток и рынков, штукатуров.

Естественно, иные занятия, распространенные среди всего российского населения, отодвигаются на более низкие места. Среди мигрантов-мужчин меньше, чем среди «немигрантов», доля продавцов, работников наиболее распространенных специальностей промышленности и сельского хозяйства. Среди женщин менее популярны такие занятия, как учителя и врачи, парикмахеры и косметологи, служащие государственной власти и управления. В целом мигранты-россияне в сравнении со всеми российскими работниками реже представлены на руководящих должностях и на должностях, совсем не требующих квалификации, таких как «уборщики» (исключение – строительство, которое, видимо, совсем немислимо без труда мигрантов). Видимо, последняя ниша занята мигрантами-иностранцами, в том числе по причине низких зарплат. Мигранты-россияне не готовы переезжать в другие регионы страны на самые низкооплачиваемые работы, так как хорошо представляют себе издержки, с которыми им предстоит столкнуться. Согласно данным опроса безработных и лиц, ищущих работу, даже в кризисном 2009 г. россияне готовы были переезжать в другой регион в поисках работы, если их заработок (в среднем) превысит зарплату по последнему месту работы более чем в 3 раза [Денисенко М., Карачурина Л., Мкртчян Н., 2010].

По данным ОНПЗ можно проследить практики неформальной занятости, характерные в целом для работников-мигрантов, конечно, в большей мере – для иностранцев. Но и мигранты-россияне чаще, чем «немигранты», работают не по договору, а на основе «устной договоренности». 10,7% мигрантов-россиян работали без договора и только 3,6% «немигрантов». К этому стоит добавить, что рабочая неделя трудовых мигрантов – 43,7 часа – более продолжительна, чем у россиян, не участвующих в миграции – 39,2 часа. Возможно, это связано с особенностями отраслевого распределения работников – мигрантов. Но скорее всего, имеет место одно их специфических отличий мигрантского труда. Согласно опросам, рабочая неделя мигрантов-иностранцев существенно продолжительнее, чем у россиян [Миграция и демографический кризис..., 2010, с. 45]. Как россияне, так и иностранцы, вовлеченные в трудовую миграцию, работают больше, чем «местные» работники, с этим в немалой мере связана привлекательность работников-мигрантов для работодателей.

Таким образом, как и иностранные работники, мигранты-россияне занимают определенные ниши на российском рынке труда. У мужчин это строительство и близкая к этой сфере по тяжести и напряженности труда

добыча полезных ископаемых, у женщин — отдельные отрасли сферы услуг. Во многом это мигрантские ниши, именно здесь находят работу мигранты-иностранцы. Согласно ряду опросов последних, примерно 30% работали «бок о бок с россиянами» [Миграция и демографический кризис..., 2010, с. 14], видимо, прежде всего с внутренними мигрантами. В отличие от мигрантов-иностранцев, которые сконцентрированы на самых малооплачиваемых и непрестижных рабочих местах, мигранты-россияне занимают в основном «среднюю» часть трудовой пирамиды, на работах, требующих средней квалификации. В значительной мере их труд взаимодополняем, что снижает возможную конкуренцию.

Литература

Денисенко М., Карачурина Л., Мкртчян Н. Готовы ли российские безработные ехать за работой? // Демоскоп Weekly. 2010. № 445–446 <<http://demoscope.ru/weekly/2010/0445/demoscope0445.pdf>>.

Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Миграция населения. Вып. 2. Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России / под общ. ред. О.Д. Воробьевой. М., 2001. С. 21.

Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишне夫斯基. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 271–272.

Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 45.

Поехали? // «Эхо Москвы». 2013. 5 ноября; *Журенков К., Портнягина М.* За дальним рублем // Огонек. 2013. 11 ноября.

М.С. Фабрикант

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В НОРМАТИВНЫХ ВЗГЛЯДАХ НА СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: РОССИЯНЕ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ЕВРОПЕЙЦАМИ

Нуклеаризация семьи и изменение ее функций, фундаментальные изменения в детской смертности и рождаемости, индивидуализация образа жизни людей – все эти процессы, разворачивающиеся в России и в мире в рамках демографической модернизации [Вишневский, Захаров, Иванова, 2005], связаны с появлением новых стереотипов поведения и новых социальных норм.

Демографическая модернизация включает и модернизацию гендерных отношений, выражающуюся, прежде всего, в эмансипации женщин. На смену традиционным жестким гендерным нормам приходит не другой, но столь же жесткий и универсальный нормативный образ «современной женщины», а либерализация норм и легитимация свободы индивидуального выбора [Freedman, 2007; Gill, 2007].

Изменения, которые отмечают исследователями демографической модернизации в качестве ключевых для характеристики первого и второго демографических переходов, включают размывание социального института брака и распространение новых форм легитимного партнерства, таких как сожительство; выдвигание в центр семейной жизни отношений любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи; формирование в связи с этим терпимого отношения к разводам; прогресс в сфере равноправия женщин, мужчин, представителей сексуальных меньшинств [Lesthaeghe, 1995]. Смысл всех этих изменений – в снятии существовавших в традиционном институте брака ограничений, в расширении возможностей личного выбора – как между различными формами организации семейной жизни, так и между семьей и другими сферами жизни, – в движении к равновысокой социальной ценности и социальному достоинству всех членов общества. В бо-

лее широком плане, по мнению американских исследователей А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, речь идет о дальнейшем и более последовательном воплощении в жизнь выдвинутых Просвещением идеалов свободы, равенства и терпимости [Thornton, Young-DeMarco, 2001].

В разных странах мира эти процессы в целом характеризуются одинаковой направленностью [Вишне夫斯基, 2011], но стартовали они в разное время и протекают с разной скоростью. В связи с этим особый интерес приобретают межстрановые сравнения. В России эти модернизационные изменения начались позже, чем, например, в Скандинавских и западноевропейских странах, хотя развиваются они по той же траектории. Благодаря этому межстрановые сопоставления могут показать тенденцию будущего развития института семьи и гендера в нашей стране.

Сравнительное исследование, проведенное на базе данных Европейского исследования ценностей по России и Франции, показало, что нормативные представления образуют общий фактор [Магун, 2009], куда вошли следующие переменные: «Брак — это устаревший вид отношений»; «Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться»; «Брак — это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать»; «Для полной самореализации у женщины должны быть дети»; «Для полной самореализации у мужчины должны быть дети»; «Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть отец и мать»; «Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной»; «У однополых пар должны быть те же права, что и у разнополых»; «Для пары лучше, когда мужчина старше женщины», т.е. почти все переменные, которые были отобраны для факторного анализа на основании содержательной связи с тематикой гендерно-семейных отношений. В получившемся двухфакторном решении первый фактор (22% объясненной дисперсии) не только является емким, но и имеет практически одинаковый состав переменных для обеих их сравниваемых стран — России и Франции. В обоих случаях значения данного фактора соответствуют общему уровню традиционности-современности, что позволяет сделать вывод о возможности эмпирического межстранового сравнения по данному критерию.

Модернизационные изменения в демографической сфере являются важным элементом общего процесса модернизации [Вишне夫斯基, 2010]. Не случайно поэтому Р. Инглхарт и его коллеги, рассматривая модернизационные изменения ценностей и норм в процессе развития человеческих обществ, включают нормативные взгляды, относящиеся к сфере семейных, сексуальных и гендерных отношений, в число важнейших индикаторов этих процессов [Inglehart, 1997; Inglehart, Welzel, 2005].

Во всех странах исследователи сталкиваются со значительной внутри-страновой неоднородностью рассматриваемых нормативных взглядов. Это связано, в частности, с тем, что процессы демографической модернизации развиваются постепенно, неравномерно охватывая разные сегменты общества. Кроме того, сама динамика этих процессов порождает контрмодернизационные тенденции. При анализе динамики нормативного сознания американцев А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко обнаружили, что бурный рост в 1960–1980-х годах новых семейных норм и практик вызвал в качестве реакции усиление противоположного по смыслу типа нормативного сознания, т.е. укрепление и рост популярности консервативных взглядов на семейные отношения. Радикальные новаторы сами порождают радикальных консерваторов!

Цель данного исследования – выявить, какое место занимает Россия среди других европейских стран по степени традиционности-современности взглядов на гендерные и семейные нормы. Мы предполагаем, что Россия является консервативной страной и что этот уровень консервативности неодинаков для различных норм, регулирующих сферу гендерных и семейных отношений.

Данные и методы

В работе использованы данные Европейского исследования ценностей (European Values Study) 2008 г., т.е. последней волны из проведенных к настоящему времени. Весь массив содержит данные, полученные на национальных репрезентативных выборках в 48 странах¹ Европы. Размеры страновых выборок колеблются от 500 (Северный Кипр, Северная Ирландия) до 2255 (Турция), всего опрошено 67 786 респондентов². Взвешивания данных не проводилось.

Всего в массиве 378 переменных. Для данного исследования были отобраны 9 ключевых переменных, отражающих различные представления людей о гендерных и семейных нормах. Эти переменные можно разделить на две группы – относящиеся к «горизонтальным» отношениям между партнерами и относящиеся к «вертикальным» отношениям между родителями и детьми; вторая группа может, в свою очередь, быть разделена на более раннюю по времени возникновения проблематику (различные причины иметь

---

¹ Сбор данных проводился отдельно для ряда регионов – Восточной и Западной Германии, Кипра и Северного Кипра, Косово, Северной Ирландии.

² См.: <<http://www.europeanvaluesstudy.eu/evs/data-and-downloads/>>.

или не иметь ребенка) и более позднюю, ставшую актуальной в последнее время и определяющую текущую повестку дня по вопросам модернизации в области гендерных и семейных норм (допустимость аборт, права гомосексуалистов). По каждой переменной одни варианты ответа соответствуют более традиционным, консервативным ценностям, а другие, напротив, более современным, либеральным. Для удобства обработки и интерпретации данных числовые обозначения для всех переменных были перекодированы таким образом, чтобы обозначения для каждой переменной находились в диапазоне от 0 до 1, т.е. наименьшее значение для каждой переменной обозначалось как 0, наибольшее – как 1, а все промежуточные, при их наличии, своими обозначениями делили диапазон от 0 до 1 на равные промежутки (эта система кодирования успешно использована в работе Кр. Вельцеля [Welzel, 2013]). При этом меньшим значениям соответствует более традиционная нормативная ориентация, а большим – более современная.

К числу переменных – индикаторов «горизонтальных» норм относятся следующие.

Переменная, которая в базе данных указана под номером **v150**, соответствует следующему вопросу анкеты: *«Согласны Вы или нет со следующим утверждением: “Брак – это устаревший способ организации семьи”?»* Варианты ответа: *«1 – Согласен. 2 – Не согласен»*. Согласие с утверждением, что брак устарел, соответствует более современным нормам, несогласие – более консервативным. Соответственно, данная дихотомия была перекодирована следующим образом: *«0 – Не согласен. 1 – Согласен»*.

Переменная **v153** в анкете соответствует следующей формулировке вопроса: *«Я зачитаю некоторые утверждения. По каждому скажите, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них?.. Брак или длительные постоянные отношения необходимы, чтобы быть счастливым»*. Варианты ответа: *«1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Не согласен. 5 – Полностью не согласен»*. Согласие с утверждением о необходимости постоянных отношений соответствует более традиционным нормам, несогласие – более современным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: *«0 – Полностью согласен. 0,25 – Согласен. 0,5 – Ни то, ни другое. 0,75 – Не согласен. 1 – Полностью не согласен»*.

Переменная **v155** соответствует следующей формулировке вопроса анкеты: *«Я зачитаю некоторые утверждения. По каждому скажите, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них?.. Я считаю нормальным совместное проживание без заключения брака»*. Варианты ответа: *«1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Не согласен. 5 – Полностью не согласен»*. Согласие с приемлемостью внебрачного сожительства соответствует более современным нормам, несогласие – более традиционным. Поэтому в перекодированном виде обозначения вариантов ответов выглядят следую-

щим образом: «0 – Полностью не согласен. 0,25 – Не согласен. 0,5 – Ни то, ни другое. 0,75 – Согласен. 1 – Полностью согласен».

Ко второй группе относятся шесть переменных – индикаторов различных норм отношения к детям. Прежде всего, это четыре переменные, которым соответствуют нормы, ставшие предметом обсуждения сравнительно давно.

Переменная **v149** представлена в анкете следующей формулировкой вопроса: «Как Вы считаете, необходимо ли женщине для того, чтобы чувствовать себя полноценной, иметь детей или это не обязательно?» Варианты ответа: «1 – Необходимо иметь детей. 2 – Не обязательно». Согласие с необходимостью для женщины иметь детей соответствует более традиционным нормам, несогласие – более современным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: «0 – Необходимо иметь детей. 1 – Не обязательно».

Переменная **v151** соответствует следующему вопросу анкеты: «Если женщина хочет иметь ребенка, не желая при этом устанавливать прочные отношения с мужчиной, одобряете Вы это или нет?» Варианты ответа: «1 – Одобряю. 2 – Не одобряю. 3 – Смотря по обстоятельствам». Одобрение матерей-одиночек соответствует более современным нормам, неодобрение – более традиционным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: «0 – Не одобряю. 0,5 – Смотря по обстоятельствам. 1 – Одобряю».

Переменная **v152** соответствует следующей формулировке вопроса анкеты: «Я зачитаю некоторые утверждения. По каждому скажите, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них?.. Мужчина должен иметь детей, для того чтобы чувствовать себя полноценным». Варианты ответа: «1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Не согласен. 5 – Полностью не согласен». Согласие с необходимостью для мужчины иметь детей соответствует более традиционным нормам, несогласие – более современным. Поэтому в перекодированном виде обозначения вариантов ответа выглядят следующим образом: «0 – Полностью согласен. 0,25 – Согласен. 0,5 – Ни то, ни другое. 0,75 – Не согласен. 1 – Полностью не согласен».

Переменная **v161** соответствует следующей формулировке вопроса анкеты: «Работа – это хорошо, но в действительности большинство женщин хотят иметь дом и детей». Варианты ответа: «1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Не согласен. 4 – Полностью не согласен». Согласие с утверждением, что дом и дети, а не работа, – подлинная потребность женщины, соответствует более традиционным ценностям, а несогласие – более современным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: «0 – Полностью согласен. 0,33 – Согласен. 0,66 – Не согласен. 1 – Полностью не согласен».

Следующие две переменные отражают отношение к нормам, которые находятся в процессе формирования, толерантность к социальным явлениям, которые регулируются посредством этих норм, возникла относительно недавно, и поэтому они представляют собой своего рода «передний край» модернизации. Переменная **v154** соответствует следующему вопросу анкеты: *«Я зачитаю некоторые утверждения. По каждому скажите, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них?.. Гомосексуальные пары должны иметь возможность усыновлять детей»*. Варианты ответа: *«1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Не согласен. 5 – Полностью не согласен»*. Согласие с правом на усыновление для гомосексуальных пар соответствует более современным ценностям, несогласие – более традиционным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: *«0 – Полностью не согласен. 0,25 – Не согласен. 0,5 – Ни то, ни другое. 0,75 – Согласен. 1 – Полностью согласен»*.

Переменная **v185** соответствует следующей формулировке вопроса анкеты: *«Скажите, Вы одобряете или не одобряете аборт в следующих обстоятельствах?... Когда супружеская пара не хочет больше иметь детей»*. Варианты ответа: *«1 – Одобряю. 2 – Не одобряю»*. Одобрение права на аборт соответствует более современным нормам, неодобрение – более традиционным. Поэтому обозначения вариантов ответа были перекодированы следующим образом: *«0 – Не одобряю. 1 – Одобряю»*.

Результаты анализа данных излагаются следующим образом. Вначале приводится результат факторного анализа для выявления основных интегральных переменных (факторов), описывающих гендерные и семейные нормативные взгляды. Затем указаны средние страновые значения по первому фактору, соответствующему общему уровню традиционности и современности, с обозначением стран, чьи показатели статистически значимо не отличаются от российских. Затем приводятся результаты аналогичной процедуры сравнения с Россией отдельно для каждой переменной с указанием того, сколько стран имеют по каждой из переменных более традиционные, более современные или близкие к России нормативные взгляды. Исходя из этого для каждой страны дается ее индекс сходства с Россией по нормативным взглядам на гендерно-семейные отношения.

Результаты

Для выявления общей позиции России по степени традиционности-современности по отношению к другим европейским странам была поставлена задача выявить основную интегральную переменную, описывающую

гендерные и семейные нормативные взгляды, и провести сравнение стран по этой переменной.

Для ее решения был проведен факторный анализ методом главных компонент. Факторный анализ проводился на индивидуальном уровне для всего массива данных по Европе. Из анализа исключались все кейсы, в которых были пропущенные значения хотя бы по одному из девяти пунктов (исключение listwise). В результате была получена двухфакторная модель, которая суммарно объясняет 47,1% дисперсии переменных. Факторные нагрузки для обоих факторов по каждой переменной представлены в табл. 1. Получившаяся структура достаточно близко воспроизводит аналогичные результаты исследования Магуна [Магун, 2009], что подтверждает надежность получившегося параметра сравнения.

Первый фактор объясняет 32,1% дисперсии и включает все девять переменных, на которых проводился факторный анализ. Факторные нагрузки всех пунктов положительные. В данном случае это означает, что респонденты, имеющие более высокие значения первого фактора, придерживаются более современных взглядов по каждому из вопросов анкеты, а респонденты с более низкими значениями фактора, напротив, более традиционных. Таким образом, данный фактор является обобщенным параметром степени традиционности-современности нормативных взглядов людей на гендерные и семейные отношения.

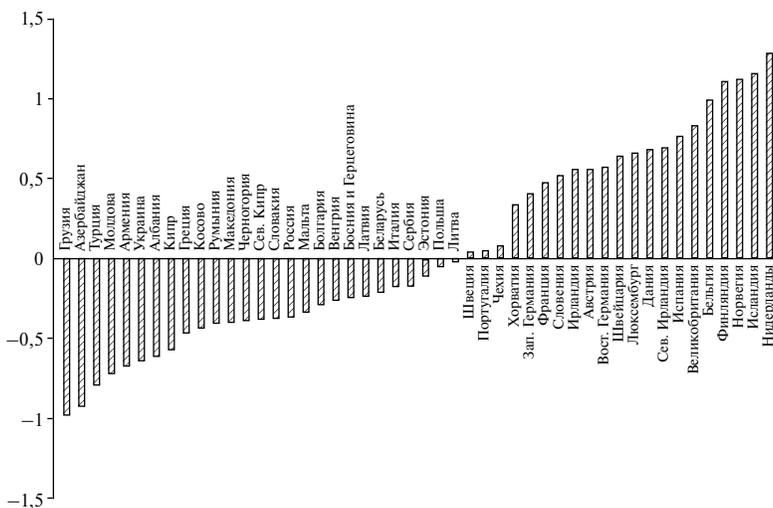
Таблица 1. Факторная структура нормативных взглядов на семейно-гендерные отношения (население 48 европейских стран, $N = 48\ 913$)

Названия переменных	Компонента 1, информативность 32%	Компонента 2, информативность 15%
Нет необходимости в детях для женщины	0,66	-0,44
Институт брака устарел	0,34	0,33
Допустимость матерей-одиночек	0,50	0,51
Нет необходимости в детях для мужчины	0,72	-0,45
Нет необходимости в постоянных отношениях	0,66	-0,33
Право гомосексуальных пар на усыновление	0,55	0,22
Допустимость сожительства	0,64	0,38
Неверно, что большинство женщин хотят дом и детей	0,55	-0,15
Аборт, когда пара не хочет больше детей	0,37	0,50

Примечание. Все переменные перекодированы так, что наименьшие значения соответствуют более традиционным взглядам, наибольшие – более современным. Соот-

ответственно, положительная факторная нагрузка означает, что респонденты с более высокими значениями данного фактора имеют более современные взгляды по данному пункту, а респонденты с более низкими значениями фактора – более традиционные взгляды по данному пункту.

На рис. 1 представлены страновые средние по первому фактору для каждой страны. Наиболее традиционной страной в Европе по рассматриваемым гендерным и семейным нормам является Грузия ($-0,98$), наиболее современной – Швеция ($1,29$), ближе всего к среднему по Европе значению Литва ($0,02$). Значение первого фактора для России равно $-0,36$. По сравнению с другими европейскими странами Россия является традиционалистской. Близкие (статистически значимо не отличающиеся) средние показатели имеют еще 11 стран, почти все они – постсоциалистические (Греция, Косово, Румыния, Македония, Черногория, Северный Кипр, Словакия, Мальта, Болгария, Венгрия, Босния и Герцеговина), восемь стран более консервативны, чем Россия, и 28 стран – более либеральны.

Рис. 1. Средние значения первого фактора в европейских странах (выделены страны, средние которых статистически значимо не отличаются от России; средние по странам варьируют от $-0,98$ до $1,29$ ($N = 48\ 913$))

Аналогичный частотный анализ был проведен также отдельно по каждой из девяти переменных. Для краткости в рамках данного текста вместо 18 графиков частотных распределений по средним и стандартным отклоне-

ниям приводятся обобщенные данные о том, сколько стран имеют более традиционные, сколько – более современные и сколько – близкие в российским взгляды по каждой норме.

Таблица 2. Гендерные и семейные нормы в России по сравнению с другими европейскими странами

Переменная	Число стран, более консервативных, чем Россия	Число стран, статистически не отличающихся по средним от России	Число стран, менее консервативных, чем Россия
«Институт брака устарел»	7	31	9
«Необходимость постоянных отношений»	6	7	34
«Допустимость сожителства»	11	14	22
«Необходимость детей для женщины»	2	6	39
«Необходимость детей для мужчины»	7	9	31
«Одобрение матерей-одиночек»	27	15	5
«Большинство женщин хотят дом и детей»	2	5	40
«Право гомосексуальных пар на усыновление»	18	10	19
«Аборт, когда пара не хочет больше детей»	27	12	8
Интегральный параметр (фактор) «традиционность – современность»			

Из приведенных в табл. 2 результатов видно, что Россия занимает одну из наиболее консервативных в Европе позиций по большинству проанализированных нормативных взглядов, – прежде всего в том, что касается необходимости иметь детей, причем как для женщины, так и для мужчины, актуальности брака как социального института и гендерно-специфического представления о том, что традиционно приписываемая женщинам гендерная роль соответствует их подлинным желаниям. На этом фоне интересно, что Россия по сравнению с другими европейскими странами, является традиционалистской не по тем нормам, которые самими российскими поборниками традиционных ценностей позиционируются в публичном пространстве как

наиболее значимые и наиболее специфические для России в противовес современной Европе. Как раз по этим нормам – регулирование прав гомосексуалистов или права на аборт – Россия оказывается на средних для Европы или даже более либеральных позициях. Высокая средняя приверженность традиционным нормам, по сравнению с другими европейскими странами, проявляется у россиян применительно к норме детности в различных ее проявлениях и норме асимметричности гендерных ролей по параметру «дом – работа».

Дополнительно на основании проведенного анализа страновых средних для каждой страны был подсчитан индекс ее сходства с Россией – количество переменных, по которым среднее значение для данной страны статистически значимо не отличается от среднего для России (табл. 3).

Таблица 3. Индексы сходства европейских стран с Россией по гендерным и семейным нормам

Страна	Индекс сходства с Россией (число переменных, по которым нет статистически значимых различий между страновыми средними величинами)
Румыния	8
Албания	5
Латвия	5
Сербия	5
Беларусь	4
Болгария	4
Венгрия	4
Литва	4
Македония	4
Украина	4
Азербайджан	3
Босния и Герцеговина	3
Чехия	3
Эстония	3
Черногория	3
Северный Кипр	3
Польша	3
Словения	3
Хорватия	2

Страна	Индекс сходства с Россией (число переменных, по которым нет статистически значимых различий между страновыми средними величинами)
Финляндия	2
Франция	2
Великобритания	2
Греция	2
Италия	2
Косово	2
Молдова	2
Северная Ирландия	2
Норвегия	2
Португалия	2
Турция	2
Армения	1
Бельгия	1
Кипр	1
Грузия	1
Восточная Германия	1
Западная Германия	1
Исландия	1
Ирландия	1
Люксембург	1
Нидерланды	1
Словакия	1
Швеция	1
Швейцария	1
Австрия	0
Дания	0
Мальта	0
Испания	0

Восемнадцать первых мест по степени сходства занимают (с одним исключением) только бывшие социалистические страны (в том числе часть республик бывшего Советского Союза), они дают не менее трех совпадений по средним значениям рассматриваемых в отчете нормативных взглядов.

На 1-м месте по этому показателю находится Румыния (индекс равен 8 из 9 возможных – по числу переменных) – бывшая страна социалистического лагеря, в которой наблюдалось, пожалуй, наибольшее, по сравнению с другими «странами народной демократии», вмешательство режима в частную жизнь. На 2-м месте по степени сходства с Россией находятся две другие балканские страны – Албания и Сербия, а также Латвия (по пять совпадений средних величин).

Низкую степень сходства с Россией демонстрируют Скандинавские и западноевропейские страны, но также и страны Средиземноморья, которые по многим другим показателям массового сознания демонстрируют значительную близость к России и другим постсоциалистическим странам. Наименьшую степень сходства с Россией имеют четыре страны, средние по которым ни разу не совпадают с российскими; к ним относятся Австрия, Дания, Испания и Мальта.

Выводы

Предположение о существовании интегрального показателя традиционности-современности гендерных и семейных норм полностью подтвердилось. В результате факторного анализа был выявлен первый фактор, который объясняет около 32% дисперсии и включает все девять переменных так, что для каждой переменной более высокие значения фактора соответствуют более современным нормативным взглядам, а более низкие – более традиционным. По этому показателю семь стран консервативнее России, 29 – либеральнее и 11 имеют статистически значимо не отличающиеся от России показатели.

Предположение о консервативности России в сравнении с другими европейскими странами подтвердилось. Число более консервативных, чем Россия, стран превышает число менее консервативных только для двух из девяти признаков – одобрения матерей-одиночек и одобрения права на аборт для пар, которые не хотят больше иметь детей. Наибольшая на фоне других европейских стран консервативность проявляется в России применительно к нормам детности (необходимость детей, причем как для женщины, так и для мужчины) и значимости семьи (необходимость постоянных отношений и идея, что большинство женщин на самом деле хотят дом и детей). Вместе с тем Россия занимает умеренную – среднюю для Европы – позицию по степени поддержки самой радикальной нормы из рассмотренных в исследовании – признании права гомосексуальных пар на усыновление. Таким образом, несмотря на относительную неравномерность в уровне традиционности-современности гендерных и семейных ценностей, Россию

следует считать консервативной по европейским стандартам страной, наиболее близкой к тем постсоциалистическим странам, в которых имеется прошлый опыт особенно жесткого вмешательства государства в частную жизнь граждан для проведения репрессивной демографической политики.

Литература

Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.

Вишневский А.Г. Цивилизация, культура и демография // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2.

Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Обновление семьи и брака // *Демографическая модернизация в России, 1900–2000* / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2005.

Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя. 1989–1999. Предварительные итоги сравнительного исследования / ВЦИОМ, 1999 <<http://polit.ru>>.

Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М., 2009.

Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2013.

Freedman E. No Turning Back: The History of Feminism and the Future of Women. Random House Digital, Inc., 2007.

Gill R. Postfeminist Media Culture Elements of a Sensibility // *European Journal of Cultural Studies*. 2007. Vol. 10. No. 2. P. 147–166.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997. Vol. 19.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.

Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation // *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. 1995. P. 17–62.

Thornton A., Young-DeMarco L. Four Decades of Trends in Attitudes Toward Family Issues in the United States: The 1960s Through the 1990s // *Journal of Marriage and Family*. 2001 (November). Vol. 63. P. 1009–1037.

Weber M. Wirtschaft und gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie. Mohr Siebeck, 1980.

Ю.Ф. Флоринская

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

НЕВИДИМКИ НА РЫНКЕ ТРУДА: ДОМАШНИЕ РАБОТНИКИ- МИГРАНТЫ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ (сравнительный анализ по результатам исследования)

Исследование положения домашних работников-мигрантов на рынке труда было выполнено Центром миграционных исследований в 2013 г. в рамках проекта «Идентификация статуса нужд и потребностей домашних работников в России и Казахстане» (ЦМИ при поддержке ООН-Женщины). Проект осуществлялся в двух основных принимающих мигрантов странах на пространстве СНГ – России (Москва и Санкт-Петербург) и Казахстане (Алматы, Астана). Это первое подобное исследование на территории СНГ.

Исследование включало:

- Количественный опрос мигрантов – домашних работников (250 в России и 155 в Казахстане). Главной целевой группой были женщины (90% от всех опрошенных), не имеющие российского (в России) или казахстанского (в Казахстане) гражданства. Референтную группу представляли внутренние мигранты в каждой из стран – размер ее в общей выборке составил 12%. Опрашивались домашние работники-мигранты, занятые у частных лиц, с опытом работы в этой сфере не менее трех месяцев.
- Фокус-группы с женщинами-мигрантами, занятыми в качестве домашних работников в Москве.
- Глубинные интервью в России и в Казахстане с работодателями, нанимающими домашних работников, с агентствами занятости, нацеленными на трудоустройство домашних работников, с самими домашними работниками-мигрантами.

Среди опрошенных в России и Казахстане домашних работников преобладали няни (гувернантки) – чуть более 30%, домработницы – 24%, сиделки и уборщицы – по 10%. Такое преобладание «женских» профессий вполне

объяснимо, так как в опросе существенно преобладали именно респонденты-женщины. Ниши домашней работы для мужчин – это водители (около 3%), охранники (3%), садовники, работники на дачном участке (5%). Кроме того, как мужчины, так и женщины работают поварами (6%). Остальная занятость так или иначе связана с перечисленными группами.

Как показало исследование, положение домашних работников в России и в Казахстане имеет больше общих черт, чем отличий. Это позволило объединить результаты по двум странам в один текст, с выделением страновых особенностей, если они проявлялись.

Ниже приведены ключевые выводы исследования, касающиеся поиска домашней работы, взаимоотношений домашних работников и работодателей, уровня зарплат, условий труда.

• *Поиск домашней работы у частных лиц еще менее формализован, чем поиск работы у юридических лиц.*

Согласно опросу женщин-мигрантов, проведенному Центром миграционных исследований в 2010 г. [Тюрюканова и др., 2011], с помощью родственников и друзей находили работу 64% респондентов, занятых у юридических лиц. Среди домашних работников такой путь устройства на работу использовали более двух третей опрошенных (табл. 1).

Таблица 1. Как Вы нашли эту работу?

	Число ответивших	Процент
С помощью родственников, друзей, знакомых	306	75,6
Через посредника или вербовщика	26	6,4
Через частное агентство занятости, фирму по трудоустройству	19	4,7
Через объявление в газете, по радио, телевидению	19	4,7
Через объявление или рекламу в Интернете	28	6,9
Другое	7	1,7
Итого	405	100,0

«Хозяйева дом доделывали и искали проверенных людей, не со стороны. А муж хорошо с ними общался. Я вообще была на родине, он меня оттуда вызвал в качестве домработницы».

«У меня раньше тетя у этих хозяев домработницей работала, она меня им и порекомендовала, и они меня взяли».

Из интервью с мигрантами и по материалам фокус-группы с женщинами – домашними работниками

В Казахстане неформальные каналы развиты еще больше, чем в России: 79% ищут работу через родственников и знакомых и еще 10% – через посредника, вербовщика (в России – 73% и 4% соответственно).

• *Большинство приезжающих на работу мигрантов ищут хоть какую-то работу, не имея особых предпочтений, т.е. выбор домашней работы более чем в половине случаев – случайность.*

О желании найти работу именно у частного лица заявили 40% респондентов, а 57% – что это вышло случайно. В Казахстане эти две группы почти равны – 45% и 49% соответственно, а в России элемент случайности значительно выше – 62% «случайно» оказались домашними работниками против 38%, стремившихся к этому изначально.

Средний срок работы в частном секторе – чуть более трех лет, около 4% занимаются домашней работой уже более 10 лет. Средний срок работы у последнего работодателя – 1,8 года, 10% работают в одном и том же домохозяйстве пять лет и больше.

• *Рынок домашнего труда практически полностью функционирует на устных договоренностях работника и работодателя.*

Только 13% респондентов заявили, что имеют письменный договор (табл. 2). Этот показатель в 4 раза ниже, чем по данным опроса женщин-мигрантов, занятых в основном у юридических лиц (56% имели письменный договор; ЦМИ, 2010 г.).

Таблица 2. Есть ли у вас письменный договор с работодателем, %

	Всего	Россия	Казахстан
Да	13,3	15,6	9,7
Нет	86,7	84,4	90,3

N = 405.

Отсутствие письменного договора в большинстве случаев – сознательный выбор мигранта – домашнего работника. Более 60% респондентов заявили, что договор им не нужен. В России доля таких ответов выше, чем в Казахстане: 68% против 52%.

Даже гипотетическая возможность заключения письменного контракта не очень привлекает домашних работников – только 18% из тех, у кого нет письменного договора, заявили, что хотели бы его заключить; при этом 37% сказали твердое «нет», а 45% – «мне все равно».

Большинство работодателей, со своей стороны, также не считают нужным заключать письменный договор с работником, так как не видят в нем смысла и возможной защиты в случае конфликта (иногда ссылаются при этом на свой или чужой негативный опыт, когда письменный документ ничего не дал в споре с работником).

Письменный договор юридически зарегистрирован только у 15 работников в Москве (22% от всех, имеющих письменный договор, или 6% от всех московских респондентов) и у двух работников в Казахстане (7% и 1% соответственно). Трудовой кодекс Российской Федерации требует регистрации договора в органе местного самоуправления по месту жительства (Трудовой кодекс Казахстана такого требования не содержит, это, видимо, остается на усмотрение работодателя). После заключения договора работодатель обязан также уплачивать все страховые взносы за работника (в том числе пенсионные), установленные федеральным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, само наличие письменного договора еще не делает его полностью официальным документом и не избавляет от рисков как работника, так и работодателя.

• Домашние работники крайне редко участвуют в обсуждении содержания договора – в большинстве случаев это прерогатива работодателя, который просто ставит работника перед фактом.

В целом круг вопросов, который прописывают или обговаривают работник и работодатель, не очень широк. Большинство договаривается о размере заработной платы (хотя 17% даже этого не обсуждают заранее!), сроках ее выплаты и основных обязанностях работника (табл. 3). Такие вопросы, как продолжительность рабочего времени, условия труда, заранее обсуждают чуть менее половины работников, а вопросы об отпуске, больничном, оплате сверхурочных – совсем небольшой процент работников – от 6 до 15%.

При этом ответы на вопрос о предпочтениях самого работника относительно содержания контракта («Если бы это зависело от Вас, что Вы бы прописали в договоре?») не показали больших отличий от существующей ситуации. Большинство обговорило бы зарплату, сроки ее выплаты, круг обязанностей. Больше половины также обратили бы внимание на продолжительность рабочего времени и условия труда. Остальные пункты интересны 20–30% респондентов (что, конечно, больше, чем доля обговоривших это в существующих договорах, но все-таки такое недостаточное внимание большинства к вопросам отпуска, больничного, условий расторжения договора вызывает удивление). Исключением стал вопрос о сверхурочных – он важен почти для половины респондентов, хотя реально его обсуждали со своими

Таблица 3. Содержание договора с работодателем, устного или письменного, % отметивших каждую позицию среди всех респондентов

	Что прописано (оговорено) в Вашем договоре – устном или письменном?	Если бы это зависело от Вас, что Вы бы прописали в договоре?
Размер ежемесячной/ почасовой зарплаты	83	81
Срок выплаты зарплаты	62	78
Круг обязанностей	74	75
Продолжительность рабочего дня	44	64
Условия труда	43	50
Оплата отпуска	10	33
Оплата больничного	6	30
Оплата сверхурочных	15	49
Условия расторжения договора	14	19

$N = 405$.

работодателями только 15%. Видимо, опыт работы показывает, что переработки случаются часто, а оплата за них не поступает.

Более 90% опрошенных домашних работников заявили, что содержание договора было предложено работодателем (в Казахстане – более 80%), при этом в 40% случаев работодатель предварительно вообще ничего не обсуждал с работником, т.е. просто поставил его «перед фактом» (в Казахстане в такой ситуации оказались больше 50% домашних работников).

• *Работники не имеют практически никаких гарантий, кроме честного слова и порядочности работодателя, т.е. полагаются целиком на человеческий фактор.*

Поскольку большинство заключенных договоров между домашним работником и работодателем не имеет никакой юридической силы, то и гарантий его исполнения нет практически никаких – все основано только на доверии: 62% опрошенных заявили, что соблюдение условий договора им гарантирует только «честное слово и порядочность работодателя», а 24% – что у них вообще «нет никаких гарантий» (табл. 4).

Работодатели, чтобы обезопасить себя от каких-либо неприятностей с работниками, иногда идут на явно противозаконные меры – например, отбирают паспорт у домашнего работника. Так, среди опрошенных почти каж-

Таблица 4. Что гарантирует Вам соблюдение условий договора, % ответивших от всех респондентов

	Всего	Россия	Казахстан
У меня нет никаких гарантий	23,8	20,5	29,7
Честное слово и порядочность работодателя (Я ему верю)	61,5	63,9	57,2
Официальный письменный договор	10,7	14,8	3,6
Я надеюсь на обращение в суд в случае несоблюдения договора	0,8	0,4	1,4
Другое	3,1	0,4	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0

N = 405.

дый пятый отдал свой паспорт работодателю (19%). В Москве такие случаи происходят реже – 9%, в Казахстане чаще – 36%. Это довольно высокие цифры в сравнении с ситуацией для работающих на фирмах и в организациях. В России, например, практика отбора паспортов у мигрантов, работающих у юридических лиц, процветавшая в начале 2000-х, постепенно сошла на нет.

• Сфера домашнего труда – в целом более высокооплачиваемая, чем работа на предприятиях и в организациях. Но и здесь практически полностью отсутствует социальный пакет.

Размер почасовой оплаты в Москве в среднем составляет около 180 руб. (медиана – 200 руб.); минимальная почасовая оплата – 100 руб., максимальная – 300 руб. в час. Те работники, кто получает заработную плату сразу за месяц, в среднем зарабатывают 27 250 руб. (медиана – 25 000 руб.); минимальная месячная заработная плата – 10 000 руб., максимальная – 60 000 руб. (няня с Украины). Всего по массиву, с учетом получающих почасовую, суточную, недельную и месячную заработную плату, средний месячный заработок составил 25 511 руб. (по опросу ЦМИ женщин-мигрантов (2010 г.), средняя заработная плата составляла 15 172 руб. в месяц).

При опросе в Москве выявлена четкая иерархия в оплате труда домашних работников в зависимости от их гражданства. На одном полюсе находятся более высокооплачиваемые граждане России, Белоруссии и Украины, а на другом – значительно менее оплачиваемые работники из Средней Азии. Так, для граждан России среднемесячная заработная плата составляет 28 867 руб., Белоруссии – 28 727 руб., Украины – 28 719 руб., Узбекистана – 22 857 руб., Таджикистана – 23 083 руб., Киргизии – 20 200 руб. (учитывались те, кто получает заработную плату сразу за месяц, – 130 человек).

Размер почасовой оплаты в Алматы и Астане в среднем составляет около 375 тенге (медиана – 375 тенге); минимальная почасовая оплата – 250 тенге, максимальная – 500 тенге¹. Казахстанские работники, получающие месячную заработную плату, в среднем зарабатывают 53 807 тенге (по курсу сентября 2013 г. это примерно 11 257 руб., или 350 долл. США) (медиана – 50 000 тенге); минимальная месячная заработная плата – 15 000 тенге, максимальная – 100 000 тенге (такую заработную плату получают две домработницы, одна – гражданка Казахстана, другая – Киргизии). Всего средний месячный заработок (с учетом почасовой, суточной, недельной и месячной оплаты) составляет в Казахстане 50785 тенге.

Как и в России, оплата труда связана с гражданством работника: средняя месячная зарплата домашних работников², имеющих гражданство Казахстана, существенно выше средней по массиву – 63 611 тенге (средняя по массиву для тех, кто получает зарплату сразу за месяц, – 53 807 тенге).

Из всего социального пакета, который предоставляют работодатели своим домашним работникам, широкое распространение получила только еда по месту работы – ответ «кормит» выбрали 73% опрошенных (табл. 5) и около половины отметили предоставление жилья.

Таблица 5. Что делает для Вас работодатель, помимо выплаты заработной платы, % отметивших каждую позицию среди всех респондентов

	Всего	Россия	Казахстан
Предоставляет жилье	50	46	56
Регистрирует у себя	33	24	49
Покупает медстраховку	0	0	0
Оплачивает медосмотр	3	3	2
Оплачивает лечение в случае болезни	7	3	13
Оплачивает патент	1	1	—*
Предоставляет спецодежду	16	17	14
Кормит	73	71	76
Оплачивает больничный	2	3	1
Оплачивает отпуск	4	4	2
Оплачивает сверхурочные	15	16	12

* В Казахстане патенты для работы у физических лиц на момент опроса не были введены.

¹ По курсу на 27 сентября 2013 г., 1 долл. США = 153,67 тенге; 1 руб. = 4,78 тенге.

² Расчет велся для тех, кто получает заработную плату за месяц.

• *Сфера домашнего труда – одна из конкурентных сфер занятости: местные работники, в том числе работники из российских и казахстанских регионов, готовы работать в этой сфере, так как она достаточно хорошо оплачивается.*

Если по опросу женщин-мигрантов, занятых преимущественно у юридических лиц [Тюрюканова и др., 2011 г.], 17% респондентов отвечали, что «местные работники также претендуют на это рабочее место», то среди домашних работников в данном опросе такой вариант ответа выбрали уже 27% респондентов в Москве и 22% в Казахстане.

На выбор работника – местного или иностранного – влияет несколько факторов. С одной стороны, иностранная рабочая сила стоит дешевле (см. выше), с другой стороны, иногда местный работник предпочтительнее, так как работодатель считает себя в большей безопасности, пуская в дом соотечественника, которого легче проверить на предмет «темных пятен» биографии.

«Если питерский персонал можно проверить через милицию, через какие-то моменты доступные, то приезжих мы берем в основном по рекомендации, это или живущие в Петербурге родственники, которые дают свои паспортные данные, или пишут поручительство».

«Одна треть клиентов, и это те клиенты, которые официально прописывают домашний персонал, те требуют гражданство РФ... У нас есть заказы, в которых прописано, что они должны быть с нормальными документами РФ, получать зарплату на карточку, платить налоги. У них, соответственно, высокие требования к работе».

Из интервью с работниками кадровых агентств

Кроме того, есть позиции, на которые работодатели вообще не готовы брать мигрантов, особенно из Средней Азии, так как существуют определенные проблемы с языком, менталитетом, культурными традициями. Чаше это касается нянь к взрослым детям (с которыми, например, надо вместе делать уроки, читать им книжки и т.д.), хотя иногда высокие требования предъявляют и к домработницам.

Но в определенных обстоятельствах «другой» менталитет мигрантов играет, наоборот, притягивающую роль для работодателей – с ними проще найти общий язык, они менее требовательны в быту, спокойнее относятся к дополнительным просьбам и, иногда, переработкам.

«Приезжие няни, они, как правило, более теплые, более открытые, и они не испорчены звездностью, чем иногда страдают питерские няни».

«Что хорошо у восточных людей, так это то, что они понимают дистанцию хозяин — работник. Этого качества нет в русских работниках».

Из интервью с работодателями

В целом присутствие как местных, так и иностранных работников на рынке домашнего труда и, соответственно, возникающую между ними конкуренцию за рабочие места можно оценивать двояко. С одной стороны, мигранты снижают уровень зарплат в этой сфере и в результате занимают места, которые могли бы занять местные жители или приезжие из других регионов той же страны. С другой стороны, только благодаря существующей конкуренции существенно расширился круг людей, получивших доступ к таким услугам, и у них появилась возможность выбора подходящего именно им домашнего работника.

• Рабочий день у домашнего работника ненормированный и длится в среднем 10 часов, те, кто живет у работодателей, работают существенно дольше.

Рабочий день у домашнего работника длится в среднем 10 часов, в Москве чуть больше — 10,4 часа, в Казахстане чуть меньше — 9,9 часа. При этом за неделю, наоборот, в Москве чуть больше времени приходится на отдых, чем в Казахстане: в среднем в неделю приходится работать 6 дней, в Москве — 5,5, в Казахстане — 6,1 дня.

Продолжительность рабочего времени у тех, кто проживает у своего работодателя, как правило, больше. Так, в среднем рабочий день у тех, кто живет у работодателя, длится 12,2 часа, а у тех, кто на работу приходит и живет отдельно, — 8,4 часа, 8% тех, кто проживает у работодателя, заявили, что работают круглосуточно, вообще без выходных (табл. 6), еще 12% работают все время, кроме выходного, 34% — все время, кроме ночей.

Таблица 6. Сколько длится Ваше рабочее время,
% ответивших среди проживающих у работодателя

Столько часов ежедневно, сколько оговорено при поступлении	35
Я работаю все время, кроме ночей	34
Я работаю все время, кроме выходного дня	12
Я работаю круглосуточно без выходных	8
Другое	11
Итого	100,0

$N = 208$.

Около 50% домашних работников выполняют дополнительную работу, кроме той, которая была обговорена с работодателем при найме, — 42% опрошенных по всему массиву, при этом в России этот показатель в 2 раза ниже, чем в Казахстане — 31% и 60% соответственно. Имеется в виду работа в выходные, дополнительные просьбы, не связанные с основной занятостью, ремонтные работы и т.д. — «в выходные дни часто работодатель просит в его магазине помочь поработать»; «гуляю с собачкой хозяев»; «даже ремонтирую сантехнику»; «иногда делаю уколы, массаж»; «иногда помогаю встречать гостей»; «меня могут послать убирать дом родственницы работодателя»; «ухаживаю за внуками, когда они у работодателя».

Значительно чаще такие дополнительные работы приходится выполнять тем, кто живет у работодателя. Среди них больше половины (51%) отметили наличие дополнительной, не обговоренной при найме работы, а среди тех, кто не проживает у работодателя, таких только треть (32%).

***

В целом проведенное исследование показало, что домашняя работа воспринимается самими работниками как менее тяжелая по сравнению с работой у юридических лиц. К одному работодателю легче приспособиться, договориться с ним, чем с множеством людей в коллективе. С другой стороны, домашняя работа требует от работников определенного психологического склада характера, готовности иметь ограниченный круг общения только с членами того домохозяйства, в котором они трудятся.

Литература

Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б. и др. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.

В.В. Юмагузин

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

МАТРИЦА ХЭДДОНА КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН

Несмотря на то, что смерти от внешних причин часто характеризуют словами «случайные» или «несчастные случаи», далеко не всегда они таковыми являются. Существуют определенные факторы риска, которые прямо или косвенно приводят, например, к алкогольному отравлению, ДТП, убийству и другим видам внешних причин смерти. Именно возможность развитых стран ограничить негативное влияние различных факторов риска внешних причин смерти позволило отнести их к группе преимущественно предотвратимых смертей. Анализ российской смертности от внешних причин показывает, что она обуславливает существенные демографические потери как в годах жизни, так и в избыточных смертях [Юмагузин, 2012]. Поэтому на повышение ожидаемой продолжительности жизни за счет уменьшения травматической смертности, особенно в трудоспособном возрасте, должны быть направлены основные усилия.

В статье на основе докладов ВОЗ, ЮНИСЕФ, Всемирного банка, ПРООН и других международных организаций проведена классификация факторов риска смерти от внешних причин с помощью матрицы Хэддона.

В ограничении существующих факторов риска смерти от внешних причин возможны несколько направлений действий. Одно из них звучит как «3 E's»: education, engineering modifications, enforcement/enactment (образование, инженерные изменения, принятие законов). Некоторые организации, как, например, Safe Kids Worldwide («Спасем детей во всем мире») расширили список до 6 «E's», включив также evaluation, economic incentives and empowerment (оценка, экономические стимулы, расширение прав и возможностей). В целом стратегия по снижению смертности от внешних причин должна быть направлена:

- 1) на развитие здорового образа жизни и формирование витального поведения;
- 2) создание благоприятной и безопасной физической и социальной среды труда, отдыха и поездок;
- 3) снижение уровня бедности и неравенства.

В каждом из этих направлений факторы риска и инструменты для их подавления необходимо классифицировать и анализировать в зависимости от пола и возраста человека, уровня организации общества (человек, семья, трудовой коллектив, общество), места возникновения происшествия (дом, работа, отдых, поездки) и др. Одним из эффективных инструментов борьбы за снижение смертности от внешних причин является применение матрицы Хэддона, которая впервые была предложена американским врачом и инженером У. Хэддоном в 1972 г. и впоследствии активно использовалась в развитых странах. Данная матрица систематизирует факторы риска и меры по их ограничению в зависимости от времени возникновения происшествия (до происшествия, во время и после). Она показывает, что в первой фазе необходимы предупреждающие меры, во второй – меры, снижающие травматизм и вероятность смерти, в третьей – меры, связанные с лечением и реабилитацией, а также анализ причин, приведших к несчастному случаю. Первоначально такая матрица применялась для структурирования факторов риска травматизма от ДТП и включала дополнительную классификацию по отношению к «эпидемиологической триаде» – человек, транспортное средство, окружающая среда. Впоследствии матрица Хэддона использовалась для анализа других видов внешних причин: падений, воздействий дыма, огня и пламени, воздействий электрическим током, отравлений ядовитыми веществами, утоплений [Baker, 1974]. В работе мы дополнили матрицу такими видами внешних причин, как отравления алкоголем, убийства и самоубийства, а также скорректировали выделенные ранее факторы риска и добавили новые.

Среди основных профилактических мер, направленных на снижение смертности от ДТП, стоит выделить обучение, предупреждение управления автомобилем в опасных состояниях, использование активных средств предупреждения ДТП, строительство более безопасной инфраструктуры. Во время аварии снизить травматизм и сохранить жизнь позволяет использование ремней безопасности, более безопасный дизайн транспортных средств, срабатывание противоударных ограждений. В случае ДТП важными являются способность применить навыки первой помощи, наличие средств по оказанию спасательных действий, легкий доступ к месту происшествия и доступность травматологических и реабилитационных центров (табл. 1).

Доля смертей в результате ДТП от общего числа смертей в транспортных несчастных случаях наибольшая (около 80%). Однако помимо факторов ДТП важно ограничивать факторы риска также от недорожных транспортных несчастных случаев, несчастных случаев на водном транспорте, несчастных случаев на воздушном транспорте и при космических полетах, неуточненных транспортных несчастных случаев и др.

Таблица 1. Планирование мер для предупреждения травматизма от ДТП, минимизации его тяжести и ликвидации последствий

	Фаза		
	До	Во время	После
Человек	Информирование. Обучение. Поведенческие установки. Предупреждение управления автомобилем в опасных состояниях. Профилактика употребления алкоголя. Контроль соблюдения правил	Использование пассивного защитного оборудования (ремни безопасности, шлемы, детские удерживающие устройства, подушки безопасности, внешние подушки безопасности). Неотвратимость наказания	Навыки оказания первой доврачебной помощи. Доступ к медицинской помощи
Транспортное средство и оборудование	Использование активных средств предупреждения ДТП (зимние шины, ABS, ближний свет фар). Внедрение систем, не позволяющих начать движение, если водитель находится в состоянии алкогольного опьянения, не пристегнут ремень безопасности и пр.	Срабатывание защитных ресурсов автомобиля (особенности дизайна, масса, бампера, каркас). Наличие и срабатывание оборудования пассивной защиты. Наличие заметных, безопасных при авариях «интеллектуальных» систем	Наличие средств по оказанию спасательных действий собственными силами (аптечки, огнетушители). Минимизация риска возгорания
Окружающая среда	Эксплуатационная пригодность дороги. Повышение плавности движения транспортных потоков. Строительство более безопасной дорожной инфраструктуры для уязвимых участников дорожного движения. Установка дорожных знаков и нанесение разметки на дорогу. Выявление участков концентрации ДТП и их устранение. Обустройство дорог и установка системы сигнализации. Удобства для пешеходов	Срабатывание дорожных объектов, предотвращающих аварии (барьерные ограждения, противоударные устройства для опор дорожных сооружений)	Быстрое информирование о ДТП. Наличие служб спасения. Легкий доступ к месту происшествия. Наличие реабилитационных служб. Создание травматологических центров на базе больниц

Примечание. Таблица составлена на основе источников, указанных в конце статьи.

Среди основных мер, направленных на снижение потребления алкоголя, необходимо выделить профилактику, пропаганду по вопросам, связанным с алкоголем, экономическое регулирование доступности, регулирование доступности в пространстве, во времени и по возрасту, а также раннюю диагностику и лечение и др. Данные направления должны сопровождаться борьбой с производством и продажей нелегального алкоголя. К мерам по снижению алкогольной смертности следует также отнести переориентирование населения с потребления крепких алкогольных напитков на слабоалкогольные. В целом алкогольная политика должна быть ориентирована на снижение спроса, а не предложения. Вероятность отравления будет ниже, если будет произведена денатурация спирта, снижено содержание алкоголя в напитке и др. Сохранить жизнь человека при отравлении позволит наличие аптечки первой помощи, доступность наркологических центров и др. (табл. 2)

Таблица 2. Планирование мер для предупреждения отравлений алкоголем, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
Программы по профилактике употребления алкоголя. Экономическое регулирование доступности в пространстве, во времени и по возрасту. Просвещение, пропаганда по вопросам, связанным с алкоголем. Ранняя диагностика и лечение. Программы борьбы с алкоголизмом. Снижение уровня насилия в семье. Борьба с нелегальным оборотом алкоголя. Выявление групп риска. Смена традиционных гендерных ролей	Денатурация спирта. Снижение содержания алкоголя в напитке. Фасовка алкоголя в малых объемах	Наличие аптечки первой помощи при отравлении. Наличие наркологических центров. Использование навыков при отравлении

* См. примечание к табл. 1.

Стоит отметить, что профилактика чрезмерного употребления алкоголя позволит не только сократить алкогольную смертность, но также смертность и от других видов внешних причин (убийств, самоубийств, ДТП, падений, утоплений и др.), а также других классов причин смерти (болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения и др.).

В снижении смертности от других случайных отравлений большую роль также играет профилактика чрезмерного употребления алкоголя и наркома-

нии. Важно также использовать безопасную тару, которую трудно открыть детям. Минимизации тяжести последствий способствуют такие меры, как, например, продажа и хранение ядовитых веществ в малых дозах, замена жидких ядов на твердые, наличие аптечки первой помощи при отравлении (табл. 3).

Таблица 3. Планирование мер для предупреждения других отравлений, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
Профилактика чрезмерного употребления алкоголя. Профилактика наркомании. Хранение препаратов в недоступных для детей местах. Использование укупорочных средств, крышек типа push-pull и push-roll, которые не могут открыть дети. Отсутствие паров газа CO ₂ в кабине автомобиля. Выявление групп риска	Снижение токсичности ядосодержащих средств. Продажа и хранение ядовитых веществ в малых дозах. Замена жидких ядов на твердые. Добавление денатурирующих веществ	Наличие аптечки первой помощи при отравлении. Информационные центры, дающие информацию о ядовитых веществах. Центры детоксификации

* См. примечание к табл. 1.

К основным мерам профилактики убийств можно отнести виктимологическую профилактику, внедрение программ по преодолению конфликтного и рискованного поведения, борьбу с нелегальным оборотом оружия, укрепление полицейской и судебной системы и др. Снизить тяжесть травмы и вероятность нападения может установка кнопок быстрого реагирования, камер наружного видеонаблюдения, освещение дворов и улиц. В случае получения травмы в результате нападения важна доступность реабилитационной помощи (табл. 4).

Предотвращение суицидальных попыток возможно с помощью программ снижения стресса, развития социальных навыков, патронажа на дому и др. Вероятность самоповреждения понижается, если работают «телефоны доверия» и имеется возможность оперативного сообщения о происшествии в службу спасения. В случае самоповреждения или попытки его совершить важно, как и в случае с насилием, наличие травматологических и реабилитационных центров (табл. 5).

Таблица 4. Планирование мер для предупреждения травматизма от нападений и убийств, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
<p>Снижение потребления алкоголя и незаконных психоактивных субстанций. Виктимологическая профилактика. Принятие законов о криминализации всех форм насилия. Обучение работников здравоохранения выявлению и ведению случаев насилия против женщин, детей и пожилых людей. Программы по преодолению конфликтного и рискованного поведения. Школы молодых родителей. Программы патронажа на дому. Борьба с нелегальным оборотом оружия. Предотвращение нежелательной беременности. Пропаганда безопасного хранения и усиление контроля за ношением и применением огнестрельного оружия. Деконцентрация бедности и уменьшение неравенства. Снижение уровня насилия в семье. Уменьшение изображения сцен насилия в СМИ. Снижение гендерного неравенства. Укрепление полицейской и судебной систем</p>	<p>Возможность оперативно сообщить о происшествии в службу спасения. Наличие кнопок экстренного вызова, камер наружного наблюдения в общественных местах. Освещение улиц и дворов. Неотвратимость наказания</p>	<p>Наличие служб спасения. Навыки оказания первой помощи при ранениях. Наличие реабилитационных центров. Программы лечения жертв насилия. Наличие травматологических центров на базе больниц</p>

* См. примечание к табл. 1.

Мероприятия по снижению травматизма в результате падений должны быть направлены в первую очередь на детей и пожилых. Так, необходимо, к примеру, использование защитных устройств на окнах и безопасное оборудование детских площадок, с одной стороны, и, с другой стороны, обучение пожилых людей физической активности и поддержанию равновесия, а также профилактика остеопороза (табл. 6).

Мероприятия по снижению смертности от утоплений должны включать повышение информированности об опасных участках вблизи водоемов, обучение плаванию и навыкам по спасению жизни и др. Одной из важнейших задач является поддержание в исправном техническом состоянии техники и оборудования (табл. 7).

Таблица 5. Планирование мер для предупреждения травматизма от самоповреждений и самоубийств, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
<p>Выявление групп риска. Снижение потребления алкоголя и незаконных психоактивных субстанций. Программы по борьбе со стрессом. Формирование адекватного отношения к жизни и смерти. Программы по развитию социальных навыков у детей и подростков, инвалидов. Снижение уровня насилия в семье. Школы молодых родителей. Программы патронажа на дому. Организация социальной поддержки. Переобучение безработных, пожилых. Повышение социального единства общества. Предотвращение нежелательной беременности</p>	<p>Возможность оперативно сообщить о происшествии в службу спасения. Дестигматизация суицидентов и людей, испытывающих психологические проблемы. Наличие «телефонов доверия» и «телефонов здоровья»</p>	<p>Наличие реабилитационных центров. Наличие сети суицидологических учреждений (суицидологических кабинетов). Программы лечения жертв насилия. Создание травматологических центров на базе больниц</p>

* См. примечание к табл. 1.

Таблица 6. Планирование мер для предупреждения травматизма от падений, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
<p>Профилактика чрезмерного употребления алкоголя. Установка перил и поручней на лестницах. Установка решеток, защитных устройств на окнах. Ограничение доступа на крышу зданий. Освещение территорий. Уборка территорий от снега и льда. Обучение пожилых людей физической активности и поддержанию равновесия. Внедрение нормативов техники безопасности. Соблюдение техники безопасности</p>	<p>Возможность оперативно сообщить о происшествии в службу спасения. Использование прорезиненных материалов на игровых площадках. Изменение стандартов детской мебели, конструкций игровых площадок. Профилактика остеопороза</p>	<p>Доступ к медицинской помощи. Хорошо подготовленные команды на санитарном транспорте. Хорошо оборудованные машины «скорой помощи». Использование пневматических, воздушных шин</p>

* См. примечание к табл. 1.

Таблица 7. Планирование мер для предупреждения травматизма от утоплений, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
Профилактика чрезмерного употребления алкоголя. Соблюдение техники безопасности. Техническая и физическая подготовка. Установка ограждений вокруг мест для плавания. Ограждение колодцев и котлованов. Закрытие крышками или ликвидация водных резервуаров. Дренаживание прудов. Обучение плаванию. Проведение тренингов по спасению жизни. Информирование о глубине водоема, толщине льда, направлении ветра, ближайших населенных пунктах. Своевременное предупреждение о шторме, наводнении	Наличие и доступность персональных спасательных средств (круги, жилеты) на плавательных средствах и в местах плавания. Исправное состояние водозащитного снаряжения. Наличие сигнальных ракет	Навыки сердечно-легочной реанимации. Навыки первой помощи при гипотермии. Создание травматологических центров на базе больниц

* См. примечание к табл. 1.

С целью снижения смертности и травматизма от воздействий электрического тока необходимо соблюдение техники безопасности, эксплуатация исправных розеток. При повышении напряжения в сети необходимо наличие и срабатывание устройств размыкания сети и пробок. В случае наступления происшествия важно грамотно оказать первую помощь (табл. 8).

Таблица 8. Планирование мер для предупреждения травматизма от воздействий электрического тока, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

Фаза		
До	Во время	После
Эксплуатация закрытых и исправных электрических розеток. Изоляция подручного инструмента и электропроводки. Использование заглушек на розетки. Соблюдение техники безопасности	Устройства размыкания сети. Установка пробок	Навыки сердечно-легочной реанимации. Наличие реанимационного оборудования

* См. примечание к табл. 1.

Снижение смертности и травматизма в результате пожаров является еще одним важным направлением в борьбе с внешними причинами. Для этого необходимы профилактика чрезмерного употребления алкоголя, соблюдение техники безопасности и др. Опасность распространения огня существенно снизится, если в материалах стен будет использован антипирен и установлены датчики дыма (табл. 9).

Таблица 9. Планирование мер для предупреждения травматизма от воздействий огня, дыма и пламени, минимизации их тяжести и ликвидации последствий*

	Фаза	
	До	Во время
Профилактика чрезмерного употребления алкоголя. Недоступность спичек для детей. Производство зажигалок, недоступных для использования детьми. Аннулирование напольных обогревателей. Наличие вентиляции. Ограничение производства и продажи фейерверков. Соблюдение техники безопасности	Использование антипирена в материалах. Снижение температуры поверхности обогревателей. Наличие огнетушителей и пожарных выходов в зданиях. Ношение огнестойкой одежды. Установка детекторов дыма. Применение дымовой сигнализации	Наличие ожоговых центров. Наличие реабилитационных центров. Возможности проведения операций по кожной пластике

* См. примечание к табл. 1.

Таким образом, существует множество факторов риска травматизма и смерти от различных внешних причин. При этом, как видно из таблиц, основная часть факторов риска и мер по их ограничению расположилась именно в первом столбце матрицы Хэддона, что свидетельствует о важности профилактических мероприятий в самых разных областях жизнедеятельности человека и общества (в том числе принятие новых законов, снижение неравенства в доходах и др.). С другой стороны, важно уменьшить воздействие факторов внешних причин и во время, и после наступления несчастного случая. Все это позволит сократить не только число смертей, но и большое число травмированных.

Многие меры требуют слаженных действий различных ведомств, общества в целом. Несмотря на то что стратегия борьбы с внешними причинами отличается сложностью, с помощью матрицы Хэддона задачи по ограниче-

нию факторов риска становятся более структурированными, комплексными и в конечном счете более эффективными.

Литература

Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма / Всемирная организация здравоохранения, 2004 <www.who.int/publications/list/9241562609/ru/>.

Всемирный доклад о профилактике детского травматизма. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2008 <whqlibdoc.who.int/hq/2008/WHO_NMH_VIP08.01_rus.pdf>.

Принципы и инструменты для повышения безопасности дорожного движения на дорогах общего пользования. Международный опыт / ООО «Автодорожный Консалтинг». Архангельск, 2008 <bdd-lenobl.ru/comission/seminar/11.zip>.

Разорвать замкнутый круг: рассмотрение проблем межличностного насилия в Российской Федерации с точки зрения общественного здоровья. Программный документ. Программа по профилактике насилия и травматизма / Европейское региональное бюро ВОЗ. Копенгаген, 2006 <www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/98793/E89855r.pdf>.

Сысоев С. Матрица Хэддона // Демоскоп Weekly. 2008. № 331–332 <www.demoscope.ru/weekly/2008/0331/student01.php>.

Травматизм и насилие в Европе. В чем важность этой проблемы и что можно сделать. Резюме / Всемирная организация здравоохранения, 2006 <www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/98405/E87321R.pdf>.

Юмагузин В.В. Оценка демографических потерь России от повышенной смертности от внешних причин в 1990–2009 гг. // Россия в современном мире. М.: ИНИОН РАН, 2012. Т. 10. С. 822–841.

Baker S.P., Haddon W.Jr. Reducing Injuries and Their Results: The Scientific Approach // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1974. Vol. 52. No. 4. P. 380.

Haddon's Matrix. Queensland Government. 2012 <www.health.qld.gov.au/chipp/what_is/matrix.asp>.

YOUTH MIGRATION DRIVES THE DEPOPULATION OF PERIPHERY

Introduction

Migration has a huge influence on demographic structure formation both in donor and host areas. And this factor is eventually becoming more and more important with populations' demographic development. According to the idea of the Third Demographic Transition, migration is becoming the main driver of population dynamics in the most demographically developed countries [Coleman, 2006]. This tendency became clear on the international level only in the last several decades when, after the Second World War, the developed countries experienced a great inflow of international migrants [Borjas, 1989; Fassmann, Munz, 1992; Massey et al., 1993; Filipov, Schuster, 2010; Wilson et al., 2013]. The phenomenon took time to be noticed because of difficulties in migration statistics record. The effect of migration on demographic structure formation is much more significant at subnational level. That is why it was noticed and studied firstly for the internal migration [Ravestein, 1985; Zipf, 1946; Hurenium, 1951; Lee, 1966; Zelinsky, 1971; Fielding, 1989; Champion et al., 1998].

In this research we are studying the impact of migration on demographic structures at sub-regional level of administrative division using census data. We are focusing our prime attention on the youth migration because their relocation determines the greatest changes in the demographic structure. Migration is the lot of young. This thesis is very well known. The selectiveness of migration was noted even in Ravestein's «Lows of migration» [Ravestein, 1985]. The term of «differential mobility» was firstly introduced by Dorothy Thomas [Thomas, 1938]. Empirical support for this finding was provided later [Castro, Rogers, 1983; Bailey, 1993; Millington, 2000; Rogers, Raymer, Willekens, 2002].

Visual analysis and hypothesis

The hypothesis about the remarkable role of internal migration in the process of demographic structure formation was caused and supported by visual analysis of

Russian Census 2010 maps. The maps were built at the sub-regional level of administrative division. At the moment of Census 2010 there were 83 regions in Russia and more than 2300 municipal districts. The choice of the level of municipal districts gives us the unique possibility to study intraregional migration.

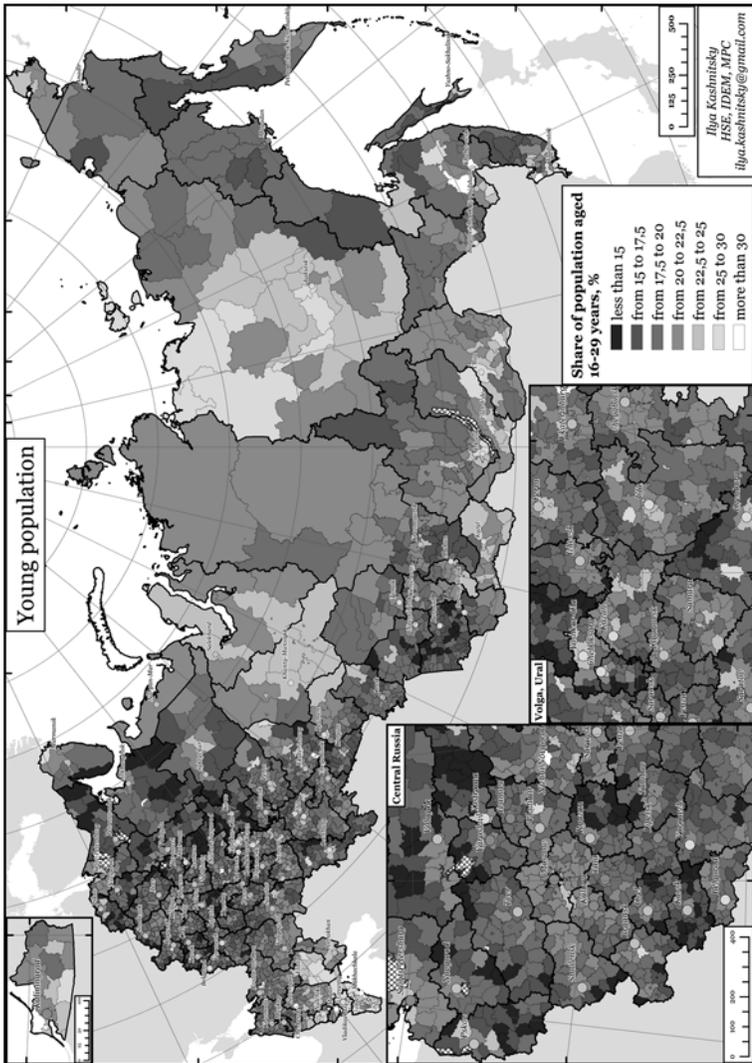
The idea of our hypothesis formation is clear. Census provides us with the demographic structure of the population. The demographic structure itself shows the result of long-lasting influence of demographic processes. Diversity in the levels of fertility and mortality persist but are not able to explain huge differences within regions. So the internal spatial difference of demographic structure characteristics could be seen as a clear imprint of migration due to the mentioned above age selectiveness of the demographic process. We would like to show here just one of the number of Russian Census maps. For the whole gallery of maps see the link in Appendix (maps No. 1–8), see also [Kashnitsky, 2014].

It is obvious that every regional center is much younger than the surrounding inner periphery. Here we tend to see the clear impact of migration, mainly internal but also interregional and even international. Our further cohort-wise investigation of intraregional migration is aimed to support this hypothesis.

Data and methods

In this paper we present the cohort research on Russian youth intraregional migration. The main method is «survival method» [Wunsch, Termote, 1978; Bogue, 1982] also known in Russia as «method of shifting ages». The prime data source is Russian Census 2002 and 2010 data. We also use current mortality record to access the impact of mortality on cohort size and current migration record to compare it with our migration evaluations based on Census data.

The natural question is why do we use Census data in this research. The first and main reason for such choice is already mentioned above. Only Census data allows us to analyze spatial mobility of the population at the sub-regional level. But there is another very important reason. It lies in the problems with current migration record that Russian statistics faced after the fall of the Soviet Union. The liberalization of the rules of tabulation by place of residence in Russia caused huge inaccuracy in migration statistics [Chudinovskikh, 2004]. Naturally, the most problematic group proved to be the youths, especially the so called «student ages» (usually at age of 17–19). Some positive changes in migration record happened only in 2011 which leave the intercensus period internal migration to be verified. The comparison of two main sources of migration statistics brings us new valuable information.

Fig. 1. Share of young population (aged 16–29) by Russian municipal districts, Census 2010

Statistics discrepancy

To compare our two sources of migration statistics, Census data and current record, let us see which part of change in cohort size registered with Census data (Table 1, row No. 3) could not be explained with the current migration and mortality record (Table 1, rows No. 4, 5). Here and further we took for deeper research 5 regions (Altai Krai, Kostroma, Kursk, Rostov and Bashkortostan) and 5 one-year birth cohorts (1988–1992). Each of these cohorts has experienced the 18-years peak of migration activity during the period between the Censuses 2002 and 2010. At the moment of Census 2002 they were 10–14. Naturally, during the intercensus period they grew older and reached the age of 18–22 («student» ages) by the Census 2010.

The idea of the method is quite simple. People can live, die or move, not vanish. So we can evaluate the migration balance by the comparison of the Censuses data considering mortality. This method is known as «survival method» or «method of shifting ages».

The most important results are in the row No. 7 of the Table 1.

Table 1. The discrepancy in youth migration statistics, thousands, Census 2002, 2010, current mortality and migration record 2003–2010

Row	Birth cohorts 1988–1992	Region				
		Altai Krai	Kostroma	Kursk	Rostov	Bashkortostan
1	Population in 2002	183,5	51,4	84,4	297,5	346,4
2	Population in 2010	172,5	44,4	74,4	335,3	324,3
3	Change by the Censuses	–11,0	–7,0	–10,0	37,8	–22,1
4	Dead in 2003–2010	–1,6	–0,4	–0,6	–2,0	–3,0
5	Registered migration in 2003–2010	–5,9	–1,4	–0,6	1,4	–1,1
6	Discrepancy	–3,5	–5,1	–8,8	38,3	–18,1
7	Unexplained change, %	31,7	73,2	88,3	101,4	81,7
8	Unaccounted cohort change, %	–1,9	–9,9	–10,5	12,9	–5,2

The discrepancy strikes. The two sources of migration statistics are incomparable. The official statistics fails to record almost the whole decrease in cohort size registered with Census data (Table 1, row No. 7). The unaccounted cohort change

reaches are than 10 per cent of the original cohort size (row No. 8). And we need to remember that the picture is given for the regions, not municipal district – current record data is only available at region scale. In the most depressive municipal districts the share of migration unseen by the current record could be terrible. The situation is only slightly better in Altai Krai region where the share of rural population is still very significant. In the Rostov region current record even failed to catch the direction of change in cohort size, so the unexplained change is more than 100 per cent.

Does the current record fail only «student ages»?

The next logical question is whether such poor performance of current migration record is typical only for «student ages» or is the problem much wider. To investigate this question we applied the same calculations for the birth cohort 1980–1984. These persons were 18–22 in 2002 and became 26–30 in 2010. Due to the data limitations we took only Kostroma and Kursk regions.

If the unexplained change in these older cohorts would be the same as for the birth cohort 1988–1992 we could conclude that the problem with the current migration record is not age-specified. But it seems that the current migration record really fails only «student ages» (Table 2).

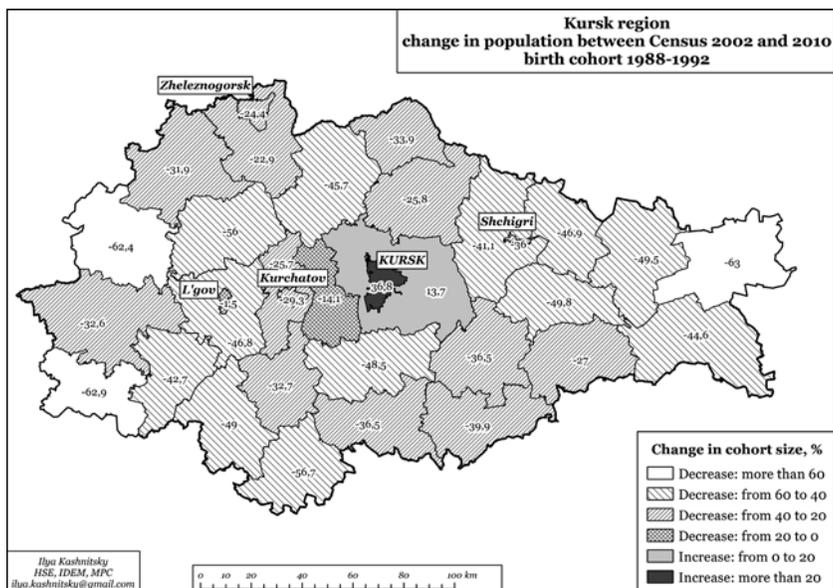
Table 2. Comparison of the current migration record accuracy for «student ages» and «post-student ages», Census 2002, 2010, current mortality and migration record 2003–2010

	Census change	International migration	Interregional migration	Mortality	Discrepancy	
KURSK					abs	%
Cohort 1988–1992	–9998	823	–1406	587	–8828	88,3
Cohort 1980–1984	–4199	1779	–4576	1663	261	6,2
KOSTROMA						
Cohort 1988–1992	–6966	223	–1658	430	–5101	73,2
Cohort 1980–1984	–2782	626	–2140	1285	17	0,6

The unexplained change in the cohort size is almost insignificant for the older cohort. We have to conclude that current migration record is absolutely inappropriate to study youth migration during the intercensus period 2003–2010.

Estimation of youth intraregional migration

The scale of the research allows us to look at the intercensal cohort losses of regional periphery by every municipal district. Here we want to note that these losses are almost precisely migrational. The change in cohort size due to mortality at the ages 10–22 is less than 1 per cent.

Fig. 2. Change in cohort size, Kursk region, birth cohort 1988–1992, Census 2002, 2010

And the picture is really horrible (Fig. 2). Up to 70 percent of the youths (cohort 1988–1992) leave the periphery after the school graduation! We can only imagine the future of the population where just 30 percent of the youths are willing to stay.

The maps for all of the selected regions (see Appendix, maps No. 9–13) show that only big cities can attract the youths. In case of Kursk and Kostroma regions, when regional centers are relatively small, only the regional center is attractive enough for the young. The hinterland’s perspective is not cheerful.

The research for the previous period between two Censuses in Russia (1989–2002) showed that up to 40 percent of school graduates leave regional periphery in

the search of better opportunities [Mkrtychyan, 2012]. Our research demonstrates that the migration situation in Russian hinterland is becoming more and more negative.

Do the young movers come back later?

It is just natural for the young to move from the periphery in search for education and better life opportunities. But the crucial question is whether the young movers come back to the periphery. True, the demographic situation is not so tragic if there is a compensative return migration to the inner periphery. There are several conceptions of life-circle migration describing the balance of migration between periphery and center through the lifespan of cohorts. We would like to note the «escalator region» concept by Anthony Fielding [Fielding, 1989; 1993]. Such concept has a number of evidences from the developed countries. We guess that the key factor here is the stage of urbanization completion. The migration balance between core and periphery is quite similar to the urbanization/suburbanization balance. But in Russia the urbanization is not nearly completed yet. Apart from usual lag in demographic development here we may also see the result of deep agricultural crisis in rural areas after the fall of the Soviet Union. The only analogue of «escalator region» migration in Russia is the life-circle population exchange between Far North and the Southern regions. But this phenomenon is beyond the scope of our research. The whole concept does not work at the interregional level. Hence, we expect to see no significant return of the «post-student» aged population to the inner periphery.

In order to find answer for the proposed question we decided to study the intraregional migration of the birth cohort 1980–1984 (Fig. 3). They were in «student ages» at the moment of Census 2002 and grew into young working ages by Census 2010. As we do not have long time series to trace the real cohorts through the «student ages» and on to the young working ages we are forced to make some synthetic cohort assumptions. We are going to apply survival ratios of birth cohort 1980–1984 in the 2003–2010 intercensus period to our current «students» – birth cohort 1988–1992. In other words, we impose a synthetic cohort assumption due to the data limitations.

The picture (Fig. 3, see also Appendix) gives us the impression about the return rate of the young movers from periphery. We can see no massive return. True, some peripheral districts experience a slight influx of young migrants. But let us not forget that this inflow of migrants follows a huge out-migration earlier. The most depressive districts continue to sustain serious losses of young population. Interesting remark: it seems like regional centers face surplus of «high school graduates». They suffer a slight loss of young population in the «post-student ages».

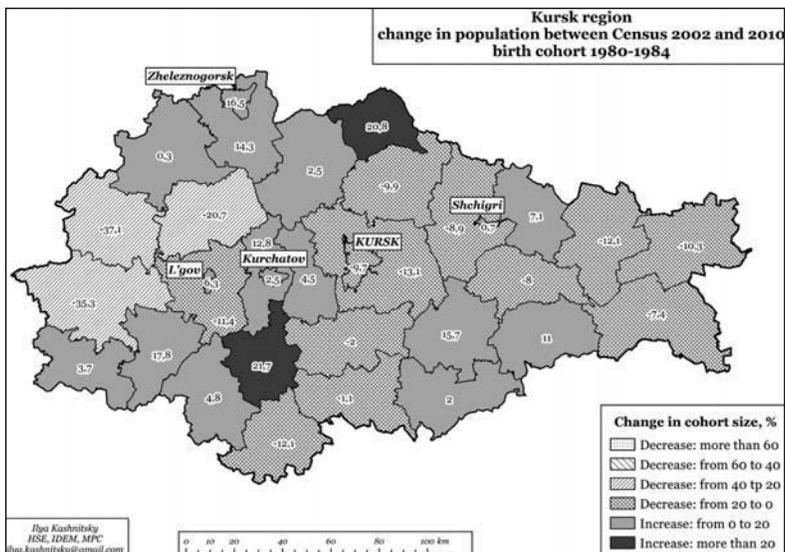

Fig. 3. Change in cohort size, Kursk region, birth cohort 1980–1984, Census 2002, 2010

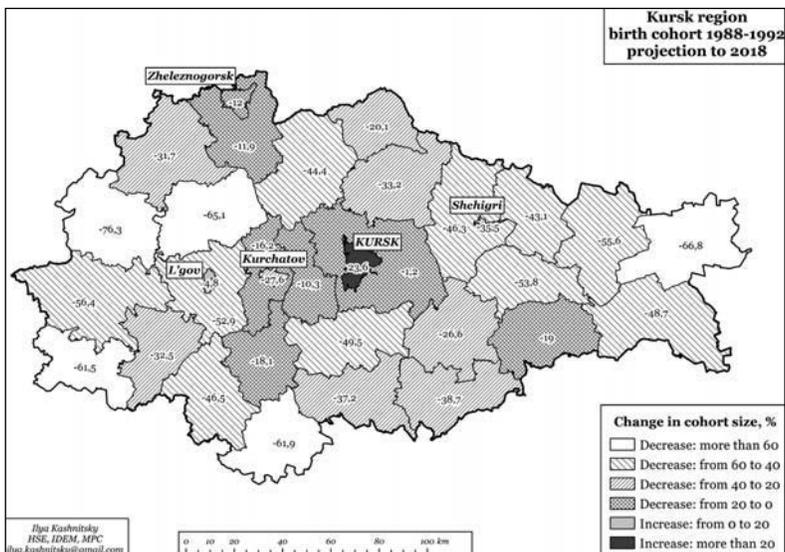

Fig. 4. Projection to 2018, Kursk region, birth cohort 1988–1992, Census 2002, 2010

The projection for the birth cohort 1988–1992 (Fig. 4, see also Appendix) shows that the summary impact of youth interregional migration is fatal for the inner periphery.

We would also like to note that our research showed the increase in «students'» centripetal migration comparing with the previous intercensus period. It is likely that the intensity of intraregional centripetal movement in «post-student ages» has also increased. In other words the real cohort depletion of the periphery could turn out to be even more terrible than the projection for the synthetic cohort.

Conclusion

This research focuses on the way the demographic structures form under the influence of migration. In this paper we consider mainly the internal migration (more intraregional, less interregional) as the key factor. The research is held on the level of municipal districts, which allow us to analyze the intraregional migration dynamics.

Census data proves to be the only eligible source of information to study intraregional youth migration and to verify the intensity of youth migration during the last intercensus period. Current migration record seems to fail exceptionally «student ages».

We note the increase in the intensity of the centripetal movement in the regions. The pace of the depopulation in the hinterland is accelerating. The most depressive districts have lost more than 60 percent of school graduates during the last intercensus period. Migration proves to be the main factor of changes in the demographic structures.

There is no compensative return migration of young adults to the inner periphery. Relatively small regional centers face surplus of young adults in the «post-student ages».

The remoteness of the peripheral district determines the level of its depressiveness as well as the attractive power of the center. Every big center of migration attraction forms a depressive ring around itself. This is the result of «migration exhaustion».

Acknowledgement

The author of the paper expresses his sincere gratitude to his scientific adviser Nikita Mkrtchan and to his brother Yury Kashnitsky for help with data processing.

Support from the Russian Foundation for Basic Research grants No. 12-06-00310, #14-07-00920 is gratefully acknowledged.

References

- Bailey A.J.* Migration History, Migration Behavior and Selectivity // *The Annals of Regional Science*. 1993. Vol. 27 (4). P. 315–326.
- Bogue D.* Techniques of Estimating Net Migration. Community and Family Study Center, 1982.
- Borjas G.J.* Economic Theory and International Migration / *Ökonomische Theorie und Internationale Wanderung* // *International Migration Review*. 1989. No. 3. P. 457.
- Castro L.J., Rogers A.* What the Age Composition of Migrants Can Tell Us // *Population Bulletin of the United Nations*. 1983. No. 15. P. 63–79.
- Champion A.G.* University of Newcastle upon Tyne, Department of Geography, and University of Leeds // *The Determinants of Migration Flows in England: A Review of Existing Data and Evidence: A Report Prepared for the Department of the Environment, Transport and the Regions*. Newcastle upon Tyne: Department of Geography, University of Newcastle upon Tyne, 1998.
- Chudinovskikh O.S.* O Kriticheskom Sostoyanii Ucheta Migracii v Rossii // *Vo-prosi Statistiki*. 2004. No. 10 (October). P. 27–36.
- Coleman D.* Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition // *Population & Development Review*. 2006. Vol. 32 (3). P. 401–446 (doi:10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x).
- Fassmann H., Munz R.* Patterns and Trends of International Migration in Western Europe // *Population and Development Review*. 1992. Vol. 18 (3). P. 457 (doi: 10.2307/1973654).
- Fielding A.J.* Inter-Regional Migration and Social Change: A Study of South East England Based upon Data from the Longitudinal Study // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1989. Vol. 14 (1). P. 24 (doi: 10.2307/622340).
- Fielding A.J.* Migration and the Metropolis: Recent Research on the Causes of Migration to Southeast England // *Progress in Human Geography*. 1993. Vol. 17 (2). P. 195–212 (doi: 10.1177/030913259301700204).
- Filipov D., Schuster J.* Effect of Migration on Population Size and Age Composition in Europe. Vienna Inst. of Demography, 2010.
- Hyrenius H.* Reproduction and Replacement // *Population Studies*. 1951. Vol. 4 (4). P. 421 (doi: 10.2307/2172392).
- Kashnitsky I.S.* Chto v Vozraste Tebe Moyom? // *Demoscope Weekly*. 2014. P. 581–582. <<http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/tema01.php>>.
- Lee E.S.* A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3 (1). P. 47–57.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Théories Sur La Migration Internationale : Bilan et Evaluation*. 1993. Vol. 19 (3). P. 431–66.
- Millington J.* Migration and Age: The Effect of Age on Sensitivity to Migration Stimuli // *Regional Studies*. 2000. Vol. 34 (6). P. 521–533 (doi: 10.1080/00343400050085648).

Mkrtychyan N.V. Vliyanie Migracii na Vozrastnoi Sostav Naseleniya Gorodov i Regionov Rossii: Ocenka na Osnove Dannikh Perepisei Naseleniya 1989 i 2002 gg. // Regional'nie Issledovaniya. 2012. No. 2. P. 66–76.

Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. No. 2. P. 167 (doi: 10.2307/2979181).

Rogers A., Raymer J., Willekens F. Capturing the Age and Spatial Structures of Migration // Environment and Planning A. 2002. Vol. 34 (2). P. 341–359 (doi: 10.1068/a33226).

Thomas D.S. Research Memorandum on Migration Differentials : With Contrib. by Rudolf Heberle. A Report of the Committee on Migration Differentials. Social Science Research Council: Bulletin 43, 1938.

Wilson Ch., Sobotka T., Williamson L., Boyle P. Migration and Intergenerational Replacement in Europe // Population and Development Review. 2013. Vol. 39 (1). P. 131–157.

Wunsch G.J., Termote M. Introduction to Demographic Analysis: Principles and Methods. Plenum Press, 1978.

Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. 1971. No. 61 (2). P. 219–249 (doi:10.2307/213996).

Zipf G.K. The P1 P2/D Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. Vol. 11 (6). P. 677–686 (doi: 10.2307/2087063).

Appendix (links to maps)

The whole gallery of maps (17) can be viewed and downloaded here: <https://drive.google.com/folderview?id=0B1Cid1hm5YLRSExOZ0VwVU8zWkE&usp=sharing>

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

О.А. Гуркина

Московский городской
психолого-педагогический
университет,

Е.М. Новикова

Московский городской
психолого-педагогический
университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ЕСТЬ ЛИ ВЫБОР У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ?

Социальные сети на протяжении нескольких лет являются лидерами популярности среди ряда социальных медиа. По частоте использования социальные сети догоняют такие популярные интернет-ресурсы, как поисковый сервис Яндекс и почтовый сервис mail.ru [Исследование аудитории...]. Осенью 2012 г. из 61 млн российских интернет-пользователей 82% были зарегистрированы в социальных сетях [Россияне в сети..., 2012].

Особое значение социальные сети имеют для подростков, так как там сконцентрированы практически все возможные инструменты самовыражения, общения, поиска друзей. Как утверждают некоторые исследователи, «для подростка гораздо опаснее не общаться в социальных сетях, чем находиться в них» [Regan, Steeves, 2010]. Согласно данным исследования «Дети России онлайн», в 2010 г. более 75% российских детей имели профиль в социальных сетях, треть опрошенных – больше одного профиля на различных социальных сервисах [Зотова, Солдатова, 2011, с. 50]. Примечательно, что по данному показателю российские дети опережают Европу, где число пользователей социальных сетей среди детской интернет-аудитории составляет 60% [Там же, с. 51].

При такой популярности социальных сетей есть ли выбор у современных подростков: быть в социальных сетях или нет? Если быть, то какие социальные сети использовать и почему? Что даст использование данных сервисов? Исследование Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета «Роль виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника» позволило отчасти ответить на данные вопросы.

Основной целью исследования было изучение функциональной роли онлайн-взаимодействий в жизни школьников и мотивации участия в виртуальных социальных сетях. Эмпирической базой послужил массовый ан-

кетный опрос учащихся 10-х классов в девяти московских школах. Итоговая реализованная выборочная совокупность исследования составила 356 человек.

Выбор «быть или не быть»

Среди задействованных в исследовании старшеклассников обнаружилось буквально 2–3 человека, которые отказались принять участие в исследовании в силу того, что они не зарегистрированы в социальных сетях. Это наилучшим образом продемонстрировало то, что вопрос выбора «быть или не быть» в социальных сетях не встает: подавляющее большинство подростков уже давно и активно включены в пространство социальных сетей.

Какие ресурсы использовать?

По приблизительным подсчетам [Список социальных сетей...], в мире существует порядка 23 наиболее крупных по численности социальных сетей. Данные опроса показали, что большинство школьников (72%) регулярно использует лишь одну или две сети (42% и 30% респондентов соответственно). Тремя и четырьмя социальными сетями регулярно пользуется гораздо меньшая доля старшеклассников – 15% и 8% соответственно. Таким образом, многообразие социальных сетей на деле привлекает лишь крайне небольшую группу подростков. При этом практически все отечественные подростки сосредоточены в одной социальной сети – Вконтакте. Данный ресурс является абсолютным лидером по частоте использования (регулярно там проверяют свою страницу 95% респондентов), а для 85% респондентов данная сеть была выбрана и в качестве основной, т.е. самой главной, самой важной из всех остальных, где зарегистрирован респондент.

Абсолютное большинство опрошенных школьников заявили, что посещают свою страничку в основной социальной сети как минимум один раз в день и чаще (90%). Лишь 10% учащихся посещают свою страничку несколько раз в неделю и реже.

По вопросу, сколько обычно времени в день школьники проводят в социальных сетях, были выявлены различные группы. К первой группе можно отнести респондентов, отметивших, что они обычно проводят в сети меньше 1 часа в день (16%), а ко второй – от 1 до 3 часов в день (44%), что в сумме составляет 60% школьников. Среди оставшихся 40% респондентов половина (21%) посвящает социальным сетям от 3 до 5 часов в день (третья группа),

а оставшиеся 19% (четвертая группа) — от 5 и более часов (их них 11% — от 5 до 8 часов в день, 5% — больше 8, но меньше 12 часов, и 3% — более 12 часов).

С кем общаться?

По данным исследования «Дети России онлайн», каждый пятый российский ребенок имеет больше 100 друзей в социальной сети. «С возрастом это количество друзей в сети увеличивается, что говорит о росте интенсивности их общения» [Зотов, Солдатова, 2011, с. 51]. Однако британский антрополог Р. Данбар выявил, что хотя социальные сети позволяют нам заводить больше отношений, но число существенных дружеских связей неизменно и составляет около 150 человек: «Интересное наблюдение состоит в том, что даже если у пользователя 1500 друзей, изучение трафика на сайтах показывает, что люди поддерживают связь с тем же ближайшим кругом друзей, охватывающим приблизительно 150 человек, которых мы наблюдаем в реальном мире» [Число Данбара..., 2011]. Также ученый утверждает, что «людям, очевидно, нравится престижность обладания сотнями друзей в социальных сетях, но в реальности большинство из них вряд ли станут чем-то большим, чем друзья из Facebook'a» [Там же].

Для того чтобы выявить, насколько связано количество друзей у школьников в реальной жизни с количеством друзей в виртуальной жизни, в исследовании была предпринята попытка сравнить эти два показателя.

Результаты исследования показали, что 40% опрошенных имеют более 100 друзей в своей основной социальной сети (из них 32% — до 300, а 8% — от 301 до 1000 и даже более). Основные же 60% респондентов разделяются на две группы: 26% школьников имеют менее 50 друзей, а 34% — более 50, но менее 100 друзей в своей социальной сети.

Интересно сравнить эти данные с количеством друзей в «реальности». По данным опроса, 43% школьников отметили, что в «реальной», «невиртуальной» жизни имеют до 10 друзей (из них 22% — от 1 до 5, а 21% — от 6 до 10 друзей). Чуть большая часть, 58% респондентов, отметили, что имеют более 10 друзей (10% — от 11 до 15, 38% — более 15). Об отсутствии друзей (*вариант «Друзей нет, только знакомые»*) заявили всего 3% школьников. Конечно, нужно учитывать, что разные люди могут закладывать в понятие дружбы разные условия и характеристики, но в целом можно сказать, что социальный круг общения школьников является весьма широким.

При этом из ответа на вопрос о согласии с утверждением «*Я немного завидую людям, у которых больше 1000 друзей и подписчиков*», можно сделать косвенный вывод, что абсолютное большинство школьников (95%) не

стремится к тому, чтобы приобрести как можно больше френдов и подписчиков.

Одной из главных характеристик аудитории общения в социальной сети является наличие реального знакомства с «френдом». Как показали данные, более половины пользователей-десятиклассников (67%) знакомы *со всеми или практически со всеми своими друзьями из сети (за исключением одного-двух человек)*. Более чем с половиной своих виртуальных друзей знакома пятая часть респондентов (21%), а менее чем с половиной – всего около 10%. Таким образом, абсолютное большинство школьников не склонны иметь в друзьях незнакомых им людей.

Общение в социальных сетях чаще всего происходит *с близкими друзьями и знакомыми из реальной жизни (одноклассниками, друзьями друзей, ребятами со двора)*, об этом заявили 94% школьников. *С родителями, сестрами или другими родственниками* с помощью социальных сетей часто общаются лишь 14% учащихся. Только 15% старшеклассников отметили, что поддерживают общение *с виртуальными друзьями и другими пользователями сети, с которыми не знакомы в реальной жизни*. Такое общение происходит через различные группы, сообщества по интересам.

Почему использовать?

В ходе исследования школьникам задавался вопрос о том, чем их привлекает социальная сеть, отмеченная ими в качестве основной. По полученным данным, 82% отметили, что в этой социальной сети *зарегистрировано большинство их друзей и знакомых*. Этот пункт можно трактовать двояко: с одной стороны, школьник может руководствоваться мотивом *«у всех есть, почему бы и мне не сделать»*; с другой стороны – на первый план здесь может выходить коммуникативный мотив – *«в этой социальной сети удобнее всего общаться с большинством друзей»*. В обоих случаях социальные сети можно представить как некую воронку, в которую по спирали друг за другом засасывает все новых и новых пользователей.

Богатый выбор *функциональных возможностей* привлекает 67% опрошенных школьников (здесь также примешан *развлекательный мотив* (прослушивание музыки, просмотр фильмов)). *Технические характеристики* социальной сети, такие как удобство использования, важны для 44% школьников. *Вмешательство со стороны модераторов*, по мнению ряда экспертов лишшающее социальные сети некоторой свободой, ничуть не беспокоит школьников: данную позицию выбрали всего 4% опрошенных. Но в то же время вариант

«в этой сети следят за качеством выкладываемой информации и нарушениями правил поведения» также не входит в зону приоритетов школьников (5%), т.е. при выборе сети об этом весьма важном пункте они не задумываются.

Как использовать?

По данным исследования, чаще всего социальные сети используются школьниками для «прослушивания/скачивания музыки и аудиокниг» (91% респондентов) и «общения с друзьями» (81%). Более половины школьников заявили, что часто «просматривают/скачивают кино» (66%) и «посещают/читают паблики» (58%). Также практически каждый второй учащийся отметил, что использует социальные сети как источник информации о друзьях, событиях в мире (43%). «Выкладыванием своих фотографий» занимается треть всех учащихся, примерно такая же часть использует социальную сеть для удовлетворения образовательной потребности, для «поиска информации по учебе». То есть половина из используемых функций, как правило, связана с потреблением контента (развлечением) и с общением.

Социальные сети предоставляют различные возможности: писать заметки, оставлять комментарии, выкладывать фотографии и видео, делать репост информации, ставить «лайки» («нравится»), менять статусы и т.п. Однако, как показали данные, школьники не так часто используют все эти возможности. Наиболее популярным занятием является «делать репосты и ставить лайки». Школьники, просматривая информацию, отбирают наиболее интересную, с их точки зрения, и делятся ею с друзьями, или же, просматривая фотографии, сообщения, ставят «лайк», т.е. выражают свое отношение к опубликованной информации: так поступают более трети (36%) школьников каждый день, а еще четверть – несколько раз в неделю. Следующим по популярности занятием является добавление музыки/видео: четверть школьников заявили, что занимаются этим каждый день, а более трети (36%) – один раз в неделю, еще одна пятая – реже одного раза в неделю. Возможность комментирования информации, будь то информация в сообществах или обновление на страницах друзей, в основном пользуется меньшей популярностью и используется реже, чем раз в неделю. Следует отметить, что для 40% школьников вообще не свойственно оставлять комментарии в сообществах по интересам, так же как и для 22% учащихся не свойственно комментировать обновления на страницах друзей. Менее популярным занятием является написание заметок про себя и свою жизнь: большинство (69%) школьников сказали, что не делают этого. Те, кто все же пишет о себе, в основном

это делают в исключительных случаях, крайне редко (одна пятая школьников). Придумывать и менять статусы также редкое занятие для школьников: 44% отметили, что не занимаются этим вообще, тогда как другие 40% – крайне редко, в исключительных случаях. Фотографии выкладывают школьники тоже довольно редко: реже одного раза в неделю – треть школьников, крайне редко, в исключительных случаях – 39% школьников. Однако лишь 14% сказали, что не делают этого вообще, т.е. большинство все-таки, так или иначе, выкладывает, пусть и нечасто, свои фотографии.

Таким образом, функция самовыражения (которая может проявляться в заметках о себе и комментариях, статусах, выкладывании фото) практически не используется или используется школьниками довольно редко. Новой формой сообщения своего мнения о чем-либо стало использование «лайка», эта функция частично заменила собой комментарии и выражает общее отношение к чему-либо, что понравилось или заинтересовало пользователя социальных сетей. К тому же часто всю понравившуюся информацию можно опубликовать (перепостить) на своей странице, что очень удобно для того, чтобы делиться ею с друзьями. Данную функцию использует большинство школьников (61%) не реже нескольких раз в неделю. То есть, по сути, большинство подростков предпочитает *количественное* распространение контента *качественному* наполнению сети новой информацией, какими-либо данными.

Итак, при изучении деклараций подростков касательно их поведения в социальных сетях было выявлено, что использование социальных сетей по ряду базовых показателей является довольно однообразным. По всей видимости, не стоит объяснять подобное явление отсутствием фантазии у школьников: социальные сети давно стали одним из основных средств коммуникации наряду с мобильным телефоном, и их использование зачастую обусловлено сугубо утилитарными целями. Так, большинство подростков сосредоточено в одной социальной сети – «ВКонтакте»: по заявлениям самих школьников, на этом ресурсе находятся их сверстники, а значит, там удобнее всего с ними общаться. Что касается временного режима использования социальных сетей и аудитории общения школьников, то здесь, вероятно, можно говорить о формировании нормированного поведения: «нормой» может считаться частая проверка своей страницы в соцсетях или общение исключительно с близким кругом друзей. Преобладание потребления контента в социальных сетях над его производством также может свидетельствовать о выборе в пользу более «простого» и «удобного» поведения.

Литература

Зотова Е., Солдатова Г. Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации // Дети в информационном обществе. 2011. № 7. С. 46–55.

Исследование аудитории российских социальных сетей – CMS magazine. Аналитический портал рынка web-разработок <<http://research.cmsmagazine.ru/audience-research-russian-social-networks/>>.

Россияне в сети. Рейтинг популярности социальных медиа – ВЦИОМ. 13.02.2012 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476>>.

Список социальных сетей <http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_социальных_сетей>.

Число Данбара – максимальное число друзей. Социальные сети от А до Я. 29.06.2011 <<http://www.social-networking.ru/article/Dunbars-Number>>.

Regan P., Steeves V. Kids R Us: Online Social Networking and the Potential for Empowerment // Surveillance & Society. 2010. Vol. 8 (2). P. 157.

В.А. Игнашин,
И.Г. Ясавеев

Казанский федеральный
университет

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ НАСИЛИЯ В ПОЛИЦИИ И «ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ» КОЛОНИЯХ В РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ¹

В докладе представлены результаты исследования, в фокусе которого находится конструирование проблем государственного насилия в российских блогах (на примере Живого журнала). Исследование основано на двух кейсах: насилия по отношению к задержанному С. Назарову в отделе полиции «Дальний» в Казани в марте 2012 г., ставшего причиной его смерти, и открытых писем участницы Pussy Riot Н. Толоконниковой из «исправительной» колонии ИК-14, находящейся в Мордовии, в сентябре и октябре 2013 г.

Исследование осуществлялось в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам [Blumer, 1971; Spector, Kitsuse, 1977; Best, 1989; Loseke, 2003; Полач, 2010], с позиций которого последние понимаются как *выдвижение требований* изменения ситуации (claims-making). Все более значимой публичной ареной, на которой происходит конструирование социальных проблем, становится блогосфера. Социологи-конструкционисты [Maratea, 2008] обнаружили, что для этой арены характерны большая пропускная способность, большая скорость конструирования проблем и меньшая вероятность потери проблемами новизны по сравнению с традиционными публичными аренами (о публичных аренах конструирования социальных проблем см. [Хилгартнер, Боск, 2008]). Представляемая работа была выполнена на основе исследовательской программы П. Ибарры и Дж. Китсьюза [Ibarrá, Kitsuse, 2003]. Ибарра и Китсьюз очертили четыре измерения *риторики требовательного характера*: 1) риторические идиомы – дефинициональные комплексы, посредством которых вырабатывается проблематичный

---

¹ Авторы выражают признательность заведующей Лабораторией интернет-исследований (ЛИНИС) НИУ ВШЭ О.Ю. Кольцовой и ее сотрудникам С.Н. Кольцову, К.А. Маслинскому и Т.Г. Ефимовой за предоставление массива данных, ценные советы и замечания в ходе исследования.

статус ситуаций (риторика утраты, риторика опасности, риторика неразумности, риторика наделения правом, риторика бедствия); 2) контрриторика – дискурсивные стратегии противодействия конструированию проблемы (натурализация, контрриторика затрат, декларация бессилия, перспективизация, критика тактики, антитипизация, опровергающие истории, контрриторика неискренности, контрриторика истерии); 3) лейтмотивы – фигуры речи, выражающие главный аспект социальной проблемы или ее динамику; 4) стили выдвижения требований: научный, комический (саркастический), театральный, гражданский, правовой или субкультурный.

Одной из актуальных проблем для России, конструирование которой в блогах не исследовалось, является проблема насилия «правоохранительных» органов по отношению к гражданам. Напрямую оценить масштаб этого явления крайне трудно (эта задача выходит за рамки строгого конструкционистского исследования), но существуют косвенные опросные данные. Доверие к полиции в России составляет около 7% (данные Фонда «Общественное мнение», 2013 г.), к «правоохранительным» органам в целом – не выше 30% (данные Левада-Центра, 2010 г.), в то время как в западных странах – не ниже 50%. От четверти до трети людей полагают, что физическое насилие является проблемой «правоохранительных» органов. Высокий уровень критичности населения объясняется не столько личным опытом [Гудков и др., 2004], сколько общими установками российского общественного мнения. В рамках данного исследования было важно проверить, к чему ближе дискурс блогосферы – к критическому общественному мнению или к защитной позиции, которую в СМИ обычно занимают представители самих «правоохранительных» органов.

Ключевые вопросы исследования заключались в следующем: какие риторические идиомы, лейтмотивы и стили доминируют в текстах российской блогосферы о насилии по отношению к задержанным полицией и заключенным? доминирует ли по отношению к последним *риторика наделения правом*, которая используется при проблематизации тех или иных форм дискриминации? каковы стратегии противодействия проблематизации ситуации с насилием в полицейских участках и колониях, используемые блогерами? интерпретируется ли блогерами положение дел в мордовской колонии, описываемое Н. Толоконниковой в ее открытых письмах, как исключительный случай или как явление, типичное для российской пенитенциарной системы? легитимируют ли блогеры жестокость обращения с заключенными и, если да, то каким образом?

В ходе исследования было выявлено, что записи о насилии в полиции и в пенитенциарной системе периодически образуют отдельные темы, которые входят в число наиболее значимых тем российской блогосферы. В 2012 г.

и 2013 г. в качестве темообразующих выступали, в частности, такие события, как сексуальное насилие по отношению к задержанному С. Назарову в отделе полиции «Дальний» в Казани и его смерть и открытые письма Н. Толоконниковой об обращении с заключенными женщинами в мордовской колонии ИК-14.

Эмпирическую базу исследования составили выборки постов блогеров на темы полицейского насилия и насилия по отношению к заключенным². На первом этапе исследования анализировались посты блогеров Живого журнала, входящих в топ-2000 рейтинга ЖЖ по социальному капиталу, опубликованные в течение месяца после смерти С. Назарова и отобранные по ключевым словам «Назаров» и «Дальний», а также первые 100 текстов темы полицейского насилия, полученных в результате тематического моделирования (на программном обеспечении, разработанном ЛИНИС НИУ ВШЭ) с 4 марта по 10 апреля 2012 г., с максимальной вероятностью принадлежности текстов к теме.

На втором этапе анализировались первые 100 текстов двух тем вокруг писем Н. Толоконниковой. Тексты были получены в результате тематического моделирования с 16 сентября по 14 октября 2013 г. В обоих случаях тематическое моделирование проводилось с помощью алгоритма латентного размещения Дирихле с сэмплированием Гиббса — это вероятностный метод, сходный с нечеткой кластеризацией; его результатом являются списки текстов, упорядоченные по вероятности принадлежности к той или иной теме. Также использовался массив текстов топ-2000 блогов, полученных по ключевым словам «Толоконникова» и «Толокно» в указанный временной период (использовался поисковый сервис «Яндекс-блоги»).

В ходе исследования были получены данные, подтверждающие положение о доминировании ретрансляционных практик в блогосфере. Большинство записей на темы полицейского насилия и насилия по отношению к заключенным не имели исключительно авторского характера, представляя собой воспроизведение текстов других блогеров и СМИ со своими «подводками» (например, *«Все понимаю: шесть судимостей, рецидивист, но зачем же на кол сажать?..»*, *«Нет, это не мемуары заключенного сталинских лагерей и не воспоминания узника Освенцима. Это выдержки из письма Надежды Толоконниковой. Первая четверть 21 века»*) и комментариями. Особенно это проявилось в случае с темами, образованными письмами Н. Толоконниковой из колонии. Обе темы представляли собой фактически «войну обращений и ин-

---

² Выборки были сформированы Лабораторией интернет-исследований (ЛИНИС) НИУ ВШЭ посредством программного обеспечения, разработанного совместно с Koltran Labs.

тервью». Основу подавляющего большинства постов составили тексты писем Толоконниковой, текст А. Навального, интервью с другими заключенными. Письмам Толоконниковой в качестве «опровергающей истории» противопоставлялось интервью с Е. Хасис, содержащейся в той же колонии. А посту Навального о владельце высокодоходного бизнеса с использованием труда заключенных (В. Головнёве) противопоставлялось интервью с Н. Стариковой, предприятие которой также заказывало продукцию швейным цехам в колониях. В свою очередь оценки происходящего в колонии Толоконниковой подтверждались посредством распространения текста интервью с Н. Мануйленковой, отбывавшей наказание в той же ИК-14.

В случае со смертью задержанного в отделе полиции «Дальний» было обнаружено, что данное событие рассматривается блогерами в контексте насилия в полиции в целом и служит катализатором для актуализации назревшего латентного напряжения. В значительной части авторских записей блогеры выходили за рамки комментирования данного случая и сопоставляли смерть С. Назарова со случаями полицейского насилия в целом ряде других российских городов и регионов (в Белгороде, Санкт-Петербурге, Ижевске, Перми, Томске, Чувашской Республике, в Кемеровской, Свердловской, Ленинградской и Московской областях, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае).

В постах блогеров на тему полицейского насилия доминируют такие риторические идиомы, как *риторика опасности*, представляющая полицию как угрозу гражданам, *риторика наделения правом* по отношению к людям, имеющим судимости, и *риторика бедствия*, связывающая случай в Казани и полицейское насилие как феномен с качествами государственной власти в России в целом и с президентством В. Путина в частности. Среди лейтмотивов проблематизирующей риторики выделяются такие, как «насилие», «пытки», «садизм», «полицай», а стиль авторских записей можно охарактеризовать как саркастический и гражданский [Кольцова, Ясавеев, 2013]. Случаев солидаризации с полицией и использования стратегий депроблематизации ситуации (контрриторики) выявлено не было.

В текстах тем, образованных письмами Толоконниковой, блогеры используют те же риторические идиомы, что и в случае с полицейским насилием: 1) риторику наделения правом — антидискриминационную риторику по отношению к заключенным независимо от того, за какой поступок они были лишены свободы («Можно, конечно, по-разному относиться к богородица-путина-прогни... ну, давайте убьем ее теперь», «я понимаю, что заключенные провинились, но то, как с ними обращаются, — это полное нарушение прав человека»); 2) риторику опасности, грозящей заключенным со стороны руководства колоний («Толоконникову пытаются убить в колонии», «Оставаться

в мордовской колонии смертельно опасно... Тот факт, что девушку оградил от других эчек и поместил в ШИЗО (или одиночку, что ситуации не меняет), не гарантия ее безопасности. Именно в изолированных помещениях необъяснимо велик процент тюремного суицида, смертей от сердечного приступа или желудочного кровотечения); 3) риторику бедствия в качестве президентства В. Путина («...да друзья, это надо прочитать. Бандитская власть держится вот на этой бандитской системе. И не говорите, что Путин не при чем, что он ничего не знает», «Я удивляюсь, как в Путине уживаются такие супербойцовские качества и отстаивание интересов России, когда дело касается международной политики, и полное безразличие к самому народу внутри страны?»).

Характерно, что в значительной части авторских текстов на темы насилия по отношению к заключенным и унижительных условий их содержания так же, как и в темах полицейского насилия, используются факты, свидетельствующие о том, что ситуация в мордовской колонии № 14 является не исключительной, а типичной для системы исполнения наказаний в России. В дополнение к письмам Толоконниковой приводятся свидетельства женщин, отбывавших наказания в колониях, — С. Бахминой, Н. Мануйленковой, З. Муртазалиевой.

«Я полностью согласна со словами Светланы Бахминой о том, что проблема не в конкретных тюремщиках, проблема — в системе. Нет, есть, разумеется, отмороженные садисты, без них и не может быть, есть они и среди сотрудников, и среди заключенных, — но они, их вседозволенность, — порождение системы. Той, где люди полностью бесправны, где их кормят и моют, как свиней, где практикуется рабский труд (ну, привет всем таджикам), а главное — все должны молчать. Не жаловаться. Не пытаться добиться справедливости, иначе тебя сломают. Так или иначе... Это не Мордовия, это не Копейск, это не Красноярск, это — повсеместно. Это — наша страна».

Часть блогеров комментирует письмо Толоконниковой, используя историческую перспективу, что также свидетельствует о системном восприятии ситуации:

«Один день Ивана Денисовича продолжается...»

«В правопреемнице СССР — Российской Федерации — поменялась вывеска, но не методы, люди и уникальный механизм настройки, который, к сожалению для ОПГ-ФСИН, не дает им возможности убивать людей постоянно,

зато дает широчайшие возможности для применения пыток, звериной жестокости и садистского сладострастия от творимой безнаказанности».

«Система в целом останется такой, какой сформировалась еще во времена ГУЛАГА. В фундаменте такой системы — абсолютное бесправие осужденных, и абсолютная безнаказанность надзирателей».

«Письмо Надежды Толоконниковой из мордовского Мордора — письмо “с того света”. Письмо из другого мира, который, казалось, навсегда остался на страницах “Архипелага ГУЛАГ”. Похороненная где-то в прошлом память о страданиях миллионов русских людей вернулась к нам».

Контрриторические стратегии авторов, критически настроенных по отношению к письмам Толоконниковой, сводятся к использованию единственной «опровергающей истории» — интервью с заключенной Е. Хасис, а также к контрриторике неискренности («очередная пиар-акция Толоконниковой»). Стоит отметить, что контрриторическая стратегия натурализации, хотя и присутствует, но доминирующей не является, и сводится к позиции «*тюрьма — не курорт*».

Однако в ходе исследования была выявлена тенденция, находящаяся в контексте контрриторики (депроблематизации), однако не укладывающаяся ни в одну из представленных в модели Ибарры и Китсьюза стратегий. Она получила условное название *контрриторики отсутствия морального права*. Сторонники данной стратегии не отрицают ни наличие проблемы, ни необходимость ее решения, ни правдивость участника, конструирующего проблему (выдвигающего требования). Однако этому участнику отказывается в праве на конструирование проблемы в силу его «сомнительного прошлого». В случае с Толоконниковой некоторые блогеры в качестве такого «сомнительного прошлого» указывают на ее участие в акциях групп «Война» и «Pussy Riot».

«А что, до своих аморальных панк-молебнов участницы группы не подозревали, что колония — это не курорт? Или, быть может, считали, что на их вандализм столичная общественность глаза закроет? Самовыражаться можно разными способами, и чтобы привлечь внимание, вовсе не обязательно преступить рамки закона, причем в такой вульгарной форме. Целью Pussy Riot был легкий и быстрый пиар, они хотели славы Герострата — они ее получили».

«Я определенно занимаю сторону противников панк-группы, а значит, тех, кто не считает ее участников борцами за нашу и вашу свободу».

Основным лейтмотивом записей в блогах, проблематизирующих положение дел в российских колониях, являются слова *«рабство»* и *«рабский труд»* [заключенных]. Кроме того, в своих подводках к письму Толоконниковой часть блогеров использует обозначения *«письмо из Мордора»* и *«мордорские фашисты»* (Мордор — область зла в произведениях Дж. Толкиена).

Что касается стилей записей блогеров, инициированных письмами Толоконниковой, то обращает на себя внимание тот факт, что тексты, конструирующие проблему насилия и унижительных условий содержания в местах лишения свободы, написаны исключительно в гражданском стиле. Согласно Ибарре и Китсьюзу, отличительными признаками данного стиля являются чрезвычайно сильное моральное возмущение, «неотшлифованность» и «нестилизованность», «искренность» и «прямота» «обычных порядочных людей» (*«Не является тайной то, что к заключенным в России относятся, как к мусору. Но вот чтобы ТАК! Просто не укладывается в голове. КАК ТАКОЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ??? КАКОЙ ЗЛОБНЫЙ САТАНИНСКИЙ УМ ВЫСТРОИЛ ПОДОБНУЮ СИСТЕМУ?»*). В то же время текстам контрриторического характера присущ саркастический стиль (*«Не до перформансов... Ах, как все весело и креативно начиналось! Концептуальное протестное искусство! Проклятые сатрапы...»*).

Несмотря на то что темы, образованные письмами Толоконниковой, непосредственно касаются тюремного быта, субкультурный стиль, выраженный в терминах «тюремного» или «воровского» жаргона, в текстах встречается редко и, как правило, сопровождается объяснениями. При этом часть терминов представляет собой названия элементов тюремного быта («чайхана», «бендяк», «промка»). Использование этих слов фрагментарно (т.е. нет предположений, в которых тюремная лексика была бы базовой).

Следует отметить, что в обоих случаях — в рамках тем полицейского насилия и насилия в колониях — попытки мобилизации действий посредством записей в блогах были единичными. Блогеры формулируют значимые вопросы (*«Какой же выход? Для того, кто попал в эту ловушку и стал заложником, выход один: стиснуть зубы, молчать и терпеть. А для нас?»*). Но призывы предпринять какие-либо шаги — например, принять участие в митинге против насилия со стороны сотрудников МВД или подписать петицию — чрезвычайно редки. Предполагается, что мобилизационная функция в целом не характерна для блогосферы и может быть смещена в социальные сети.

В заключение следует отметить, что в ходе данного исследования была предпринята попытка выйти за пределы конкретного случая конструирова-

ния социальных проблем блогерами и сопоставить различные кейсы — темы блогосферы, образованные смертью задержанного С. Назарова вследствие насилия в полиции и письмами заключенной Н. Толоконниковой. Полученные данные свидетельствует, во-первых, о доминирующей ретрансляционной функции блогосферы³ и ее слабой мобилизующей функции, во-вторых, о сходстве риторических идиом, используемых при проблематизации ситуаций, в частности, использовании риторики опасности со стороны властных структур и риторики бедствия, в качестве которого выступает президентство В. Путина, в-третьих, о невыраженности репрессивных установок и попыток легитимировать насилие по отношению к задержанным и заключенным, в-четвертых, о распространенности системного восприятия блогерами процессов, происходящих в российской полиции и сфере исполнения наказаний, тенденции к типизациям и обобщениям, в-пятых, о доминировании гражданского и саркастического стилей конструирования социальных проблем в блогосфере.

Выявленная специфика блогосферы как публичной арены конструирования социальных проблем полицейского насилия и насилия в отношении заключенных делает возможной формулировку вопроса о том, являются ли данные черты доминирующими для практик конструирования проблем в российской блогосфере в целом.

Часть исследования была поддержана Программой фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики в 2012 г.

Литература

Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 31–47.

Кольцова О.Ю., Ясавеев И.Г. Конструирование проблемы полицейского насилия в российской блогосфере: риторика, лейтмотивы и стили // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 81–100.

Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 7–12.

---

³ Стоит отметить, что ретрансляция в блогосфере может быть разделена на два «направления»: внутреннюю, т.е. «репост» оригинальных записей, и «внешнюю» — «репост» публикаций вне блогов в свой журнал. В полученном нами массиве значительную часть «репостов» составляли именно «внешние» т.е. содержательно сформированные вне блогосферы.

Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2008. № 2. С. 73–94.

Best J. (ed.) Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1989. (*Бест Дж.* Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности – II / сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань, 2001. С. 164–175.)

Blumer H. Social Problems as Collective Behavior // Social Problems. 1971. Vol. 18. P. 298–306. (*Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань, 2007. С. 11–25.)

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making Discourse and Vernacular Resources // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems / J.A. Holstein, G. Miller (ed.). Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. P. 17–50. (*Ибарра П., Китсюз Дж.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань, 2007. С. 55–114.)

Loseke D.R. Thinking about Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003.

Maratea R. The e-rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena // Social Problems. 2008. Vol. 55. No. 1. P. 139–159.

Spector M., Kitsuse J.I. Constructing Social Problems. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977. (*Спектор М., Китсюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II / сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань, 2001. С. 160–163.

А.С. Колчина

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

РОЛЬ «РАДИО СВОБОДА» В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1950-е ГОДЫ XX В.

Родина не есть условность территории,
а непреложность памяти и крови»

Марина Цветаева

*(анкета пражского журнала
«Своими путями», 1925 г.)*

В 2013 г. «Радио Свобода» (РС) исполнилось 60 лет¹.

К юбилею РС историк И. Толстой в рамках своей программы «Поверх барьеров» подготовил циклы архивных передач². Новое звучание старых записей, в случае с РС – записей уникальных, – одно из самых интересных направлений современного РС. Уже несколько лет в штаб-квартире радио в Праге идет сложный процесс перевода старых пленок в цифровой вид. Авто-

---

¹ В 1951 г. в Нью-Йорке была сформирована частная организация, называвшаяся Амкомлиб (Американский Комитет по освобождению народов Советского Союза от большевизма). Рабочим инструментом Амкомлиба должна была стать радиостанция, вещающая на СССР. Радио было запланировано как эмигрантское и должно было служить орудием разрушения коммунистической идеологии. На очень короткое время, с поздней осени 1952 г. и до лета 1953 г. политическую международную эмиграцию американцам удалось объединить в так называемый Координационный центр анти-большевистской борьбы, созданный 16 октября 1952 г. на конференции в Висбадене (ФРГ) под эгидой Амкомлиба. Центр открыл «Радио Освобождение» (финансировалось Конгрессом США через Центральное разведывательное управление). Первая программа РС (до 1 июля 1959 г. радиостанция называлась «Радио Освобождение») вышла в эфир 1 марта 1953 г. из Мюнхена.

² См. подробнее <http://www.svoboda.org/archive/ru_bz_otb_eh/latest/896/211.html>.

ры, используя фрагменты архива, формируют новые программы, таким образом актуализируя историческое содержание, а аудитория Свободы, в свою очередь, возвращает для себя культурное наследие XX в.

На протяжении нескольких десятков лет РС, так же как и другие *эмигрантские* редакции, сохраняло русскую культуру вне России. Эмиграция создала сеть средств массовой информации на Западе, в задачи которой входило сохранение культурной идентичности, «сохранение русской культуры для того, чтобы вернуть ее в Россию, когда она освободится от большевиков» [Интервью автора..., 2014]. Эмигрантов объединяло чувство осознания себя в контексте русской культуры и русского языка. Многие авторы РС одновременно издавались и в «Новом Журнале»³, вокруг которого в 1950-е годы была сосредоточена культурная жизнь русской эмиграции. Журнал был основан в 1942 г. писателями М. Алдановым и М. Цетлиным при участии И. Бунина. Рассказывает главный редактор «Нового Журнала» М. Адамович: «Духовное состояние общества требовало самосознания. Нужен был центр, некая интеллектуальная трибуна, чтобы можно было выразить себя и, таким образом, сформировать цельное общество. Эмигранты должны были осознать свое новое место, свою судьбу, а главное, как дальше быть и как выполнить главную задачу — сохранить свою национальную культуру внутри других национальных культур. В первом же номере “Нового журнала” была заявлена основная концепция — Россия, Свобода, Эмиграция... Журнал был открыт абсолютно для всех, любая эстетика, кроме двух исключений — нацизм и коммунизм...» [Там же, 2014].

В послевоенные годы в Европе и Америке собрались тысячи политических эмигрантов из России, в том числе эмигранты первой волны, убежавшие от революции, которые присоединялись к эмигрантским послевоенным группам для того, чтобы влиять, воздействовать, искать союзников и создавать общественные объединения. Американская дипломатия, увидев такую концентрацию сил, решила ею воспользоваться в своих политических целях. С самого начала «холодной войны» американским правительством разрабатывалась четкая структура ведения идеологической пропаганды, и, естественно, большая роль отводилась русской эмиграции, которая была по

---

³ Авторами журнала были И. Бунин, А. Солженицын, И. Бродский, а также поэты, прозаики, философы, художники и политические деятели: В. Набоков, Г. Адамович, Г. Иванов, Б. Зайцев, М. Добужинский (автор обложки НЖ), А. Толстая, Г. Газданов, В. Варшавский, Н. Берберова, А. Шмеман, В. Максимов и др. При помощи «Нового Журнала» в свое время на базе Columbia University, New York, был создан Бахметевский архив. На страницах НЖ впервые по-русски были напечатаны «Темные аллеи» И. Бунина, главы из «Доктора Живаго» Б. Пастернака, «Колымские рассказы» В. Шаламова и др. См. подробнее <<http://www.newreviewinc.com>>.

своей сути антикоммунистической. РС, задуманное и созданное как пропагандистское, было заинтересовано в привлечении этих людей к работе. Задача РС состояла в том, чтобы с помощью эмигрантов, хорошо знающих свою страну и имеющих родственников и коллег в Советском Союзе, вести пропаганду западных, демократических ценностей.

М. Адамович рассказывает: «Совпадая в антикоммунистической направленности с деятельностью американских организаций, русские эмигранты сумели расширить все эти образования и институты... Расширить и усложнить их задачи. Например, “Новый Журнал” никогда не был политическим журналом. Он был запрещен в Советском Союзе, стоял двойной гриф секретности. Но он никогда не был политическим, он всегда оставался интеллектуальным, т.е. культурологическим изданием. И материалы носили более основательный характер... Россия и Советский Союз — два разных пространства. Для эмигрантов важно было их отделить, потому что в западном сознании (после победы над фашизмом) возникла некая иллюзия перерождения Советского Союза. Когда на страницах «Нового Журнала» объясняли отличия между русским и советским — это была не политическая задача, а более сложная, которая объясняет взаимоотношения культур...» [Интервью автора..., 2014].

В аудиоархиве РС сохранились записи эмигрантов первой волны, которые не только выступали у микрофона РС, но и становились штатными сотрудниками русской службы американского радио. Среди них известные литературные критики, писатели: А. Бахрах, Б. Зайцев, Г. Газданов, Г. Адамович, В. Вейдле. Американское руководство станции не вмешивалось в программу литературного вещания радио, и эта сторона деятельности РС была полностью отдана редакторам. Формирование литературной традиции и сохранение наследия русскоязычных писателей — отличительная черта вещания РС, которое изначально сложилось как «писательское радио».

В строчках М. Цветаевой, взятых эпиграфом к этому докладу, выражено общеэмигрантское сознание того времени. Продолжение этой цитаты такое: «...лирикам же, эпикам и сказочникам, самой природой творчества своего дальнорюким, лучше видеть Россию издалека — всю — от князя Игоря до Ленина, — чем кипящей в сомнительном и слепящем котле настоящего. Кроме того, писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать (дышать)». Но кроме необходимости свободы самовыражения, эмиграции нужен был отклик соотечественников и связь с родиной, которая с середины 1950-х годов стала осуществляться через радио.

Нельзя также забывать, что переезд эмигрантов в чужую страну, а тем более устройство на работу, были крайне затруднены. РС позволило эмигрантам самореализоваться. Значительная часть эфирного времени уделялась чтению

самиздата и книг писателей русского зарубежья (часто в авторском исполнении). Кроме того, выступая перед микрофоном РС, писатели-эмигранты нередко обращались к слушателям с публицистическими выступлениями, писали специально для радио очерки, рассказы и фельетоны. Поэтому ценность для исследования русскоязычной радиопублицистики представляет не только литературное наследие, но и радиокomentarии и размышления у микрофона писателей и поэтов, которые придавали эфиру РС жанровое и программное своеобразие.

Российской эмиграции первой волны было присуще противодействие процессам ассимиляции в инациональной среде. На уровне «обыденного национального сознания» это проявлялось в стремлении эмигрантов создать за границей малую Россию со своим образом жизни и устоями, родным языком [Косорукова, 2004]. Они считали, что миссия русской эмиграции заключается «в передаче освобожденной от большевиков России высокого дореволюционного наследия» [Мартынов, 2005, с. 7]. На уровне «теоретического национального сознания» указанная тенденция выразилась в обращении писателей и философов к проблеме национальной идеи, «оказавшейся тем стержнем, который позволил культуре, созданной российской эмиграцией в 1920–1930-х годах, обрести статус культуры национальной» [Косорукова, 2004]. Исследователь русской эмиграции А.В. Прохоренко отмечает, что на чужбине обострился интерес эмигрантов к своей родной культуре, «появилось стремление сохранить ее лучшие достижения, преумножить их и передать следующим поколениям» [Прохоренко, 2010, с. 14]. Тот факт, что писатели-эмигранты продолжали творить на родном языке, обусловлен в первую очередь национальным самосознанием. В контексте разговора о стремлении эмигрантов сохранить русскую культуру вне страны важно сказать об основных факторах, способствующих сохранению русского языка. Также это важно для того, чтобы правильно оценить значимость для эмигрантов возможности работать не на иностранном, а на русском языке – в русской редакции РС. Исследователь Е.А. Земская полагает, что основным фактором, влияющим на сохранение родного языка в иноязычном окружении, является профессия, требующая постоянного использования русского языка. «В этом случае человек следит за своим языком, бережет его. Важнейшее значение имеет установка (намеренность) каждого конкретного человека на сохранение русского языка», – отмечает Земская [Земская, 2001, с. 209].

РС предоставляло эмигрантам работу не только творческую и оплачиваемую, но и работу на родном языке, связанную с российской аудиторией. То есть фактически стимулировало литературную жизнь русской эмиграции, предоставляя микрофон десяткам писателей, находившихся в изгнании. Известно, что деятели первой волны эмиграции восприняли как заповедь из-

вестные слова, принадлежавшие Н. Берберовой, но часто приписываемые кругу Мережковского и Гиппиус: «Я не в изгнании, я — в послании». Их целью являлось сохранение русской культуры, продолжение и развитие традиций классической русской литературы — вопреки формированию литературы новой, советской. В речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., И. Бунин говорил: «Мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России... Поистине действуем мы от имени России подъяремной, страждущей, но все же не до конца покоренной»⁴.

Для эмигрантов, оказавшихся в вынужденном изгнании, встал вопрос о сохранении своей культурной идентичности в инокультурном пространстве.

Сегодня, когда в России напечатаны книги авторов, долгие годы издававшихся в эмигрантских журналах и выступавших у микрофона РС с надеждой быть услышанными и без надежды увидеть свои произведения на полках книжных магазинов и библиотек в России, важно правильно оценить вклад РС в сохранение наследия русскоязычных писателей, в сохранение культурной идентичности русской творческой эмиграции XX в.

Литература

Аудиоархив русской службы «Радио Свобода» в штаб-квартире радио в Праге (1953—1970-е годы).

Земская Е.А. Факторы, способствующие сохранению русского языка // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: колл. монография. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001.

Интервью автора доклада с историком Иваном Толстым, сотрудником пражского бюро «Радио Свобода» (серия интервью 2010—2013 гг.); с главным редактором «Нового Журнала» Мариной Адамович (2014 г.).

---

⁴ Одна из легенд РС связана с именем И. Бунина. Считается, что он выступал у микрофона РС, однако документального подтверждения этому в расписании передач 1953 г. нет. Сотрудник РС историк И. Толстой рассказывает: «Кто-то из ветеранов утверждал даже, что собственными руками чистил пленку перед эфиром. И ведь и впрямь мог выступить, полгода было на это у писателя. Выступал же в 1953-м другой парижанин, бунинский сосед Б. Зайцев («старейший русский писатель из Парижа» — так его представляли в эфире, он постоянно выступал у микрофона РС в 1953—1971 гг.). Престарелым и больным классикам радиожурналисты шли навстречу и привозили с собою для записи громоздкие магнитофоны. Так, в частности, за два дня до кончины был в 1957 г. записан в своем доме под Нью-Йорком художник М. Добужинский».

Колчина А.С. Социокультурный феномен «Радио Свобода» в информационном пространстве современной России: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Медиаскоп. 2011. С. 1–23.

Косорукова М.И. Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России: 1920–1930 гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Мартынов А. Литературно-философские проблемы русской эмиграции. М.: Посев, 2005.

Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / под ред. В.В. Журавлева; отв. секр. А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.

Официальный сайт РС <<http://www.svoboda.org/>>.

Официальный сайт РС до 2006 г. <www.archive.svoboda.org>.

Официальный сайт «Нового Журнала» <http://www.newreviewinc.com>.

Прохоренко А.В. Очерки по истории философии культуры русского зарубежья. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 14.

П.А. Мейлахс

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург,

Ю.Г. Рыков

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург,
Центр социологических
и интернет-исследований
СПбГУ

ОНЛАЙНОВОЕ СООБЩЕСТВО СПИД-ДИССИДЕНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: СТРУКТУРА И РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

В то время как некоторые из антимицинских движений, например, противопрививочное движение, являлись объектами достаточно многочисленных научных исследований (например, [Kata, 2010; Wilson, Keelan, 2010]), одно из них – движение СПИД-диссидентов, или СПИД-отрицателей – получило довольно мало внимания со стороны социальной науки, несмотря на то, что это движение часто оказывалось в центре внимания общественных скандалов. Движение СПИД-диссидентов, основанное на отрицании существования вируса ВИЧ, связи между ВИЧ и СПИДом или отрицании самого СПИДа, является серьезной проблемой для общественного здоровья. Влияние взглядов СПИД-диссидентов приводит к отказу части населения от тестирования на ВИЧ, отказу от приема жизненно важных антиретровирусных препаратов (замедляющих развитие СПИДа) и другим практикам, следствием которых является повышенная смертность от СПИДа и сопутствующих заболеваний и дальнейшее распространение ВИЧ среди населения. К настоящему моменту не было опубликовано ни одной работы, посвященной этому движению в России или странах бывшего Советского Союза. Кроме того, нет научных работ, посвященных активности СПИД-диссидентов в Интернете и социальных сетях. Ввиду этого изучение сообщества СПИД-диссидентов в социальных сетях имеет как научную, так и социальную актуальность.

Проект «СПИД-диссиденты в Интернете»¹ представляет собой эксплоративное кейс-стади самого многочисленного онлайн-сообщества СПИД-диссидентов (более 13 тыс. членов на момент начала исследования) в самой

---

¹ Проект выполнен при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

популярной службе социальных сетей в России – «ВКонтакте». Исследование ставит перед собой следующие цели: 1) получить представление о сетевой структуре и коммуникативной активности данного сообщества; 2) выявить риторические стратегии, которые используют СПИД-диссиденты для убеждения новичков и других пользователей в истинности своих взглядов. Таким образом, исследование опирается как на количественные методы, включая классическую статистику и метод анализа социальных сетей (social network analysis), так и на качественные – метод сетевой этнографии (netnography).

Задачи, поставленные в рамках количественной части исследования, связаны со сбором данных разного типа, доступных по API сервера «ВКонтакте». Для сбора требуемых данных на базе Лаборатории интернет-исследований НИУ ВШЭ было разработано специальное программное обеспечение – «VKminer». С его помощью мы загрузили: 1) полные данные² со «стены» онлайн-группы СПИД-диссидентов за все время ее существования на момент исследования (начиная с даты публикации самого раннего поста – 2 декабря 2008 г., и до 4 декабря 2013 г.); 2) метаданные о пользователях – членах группы и данные об отношениях виртуальной «дружбы», существующей между участниками сообщества.

После сбора данных мы сравнили по составу два множества пользователей: с одной стороны, формальные члены группы (пользователи, отображающиеся в списке членов группы), насчитывающие 13131 пользователя, с другой – участники публичной коммуникации (пользователи, проявившие активность на «стене» группы в виде поста, комментария или «лайка»³) – 4828 пользователей. Оказалось, что два этих множества пересекаются лишь отчасти и имеют совсем небольшой сегмент общих пользователей (1234 пользователя). Этот факт указывает на существенное различие между двумя возможными формами участия в онлайн-сообществе, и в зависимости от того, какую форму считать более важной, меняется операциональное определение границ виртуального сообщества и, соответственно, изучаемого объекта.

Применительно к социальным интернет-сетям можно выделить два концептуальных подхода к определению границ виртуального сообщества. Первый можно условно назвать формалистским или номинальным подходом, так как в его рамках сообществом называются пользователи, которые формально состоят в онлайн-группе – являются ее официальными членами

---

² Полные данные включают информацию об авторах, содержании и даты публикации постов, комментариев и «лайков».

³ Исследуемая группа является «открытой», что позволяет не только членам группы просматривать ее «стену» и писать посты, комментарии и ставить «лайки».

или «подписчиками». Важно заметить, что онлайн-группа как таковая технически является лишь каналом коммуникации, площадкой, на которой возможна публичная коммуникация, и формалистский подход обозначает тех, кто подключен к этому каналу, как некую социальную общность.

Другой подход к пониманию и определению границ онлайн-сообщества восходит к понятию «виртуального сообщества» Г. Рейнгольда, его можно условно назвать активистским. Рейнгольд дает следующее определение: виртуальное сообщество — это социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве [Rheingold, 2003]. Отсюда в рамках активистского подхода главным критерием членства является непосредственная интеракция и участие в публичной коммуникации, что больше соответствует социальной интенции понятия сообщество [Smith, Kollock, 1999]. Активистский подход имеет свои ограничения — из фокуса исследования удаляется присутствие пассивной аудитории, так называемых «луркеров», которые, будучи лишь «подписаны» на группу, тем не менее получают обновляемую информацию и могут быть подвержены ее влиянию. В перспективе оптимальным вариантом является объединение этих множеств пользователей в одно, составляющее объект исследования.

С точки зрения анализа коммуникации интерес представляет, как распределены (насколько неравномерно) различные виды коммуникативной активности между пользователями. Для оценки неравномерности распределения мы использовали классическое соотношение Парето, фиксирующее, что лишь 80% общего объема некоторого ресурса принадлежат лишь 20% населения. В группе СПИД-диссидентов на момент сбора данных было написано 31824 поста и комментария силами 1413 пользователей-авторов, и поставлено 38628 «лайков» от 4018 разных пользователей. Мы установили, что 80% всех постов и комментариев на «стене» группы написано лишь 113 пользователями, что составляет 8% от тех, кто опубликовал хотя бы один пост или комментарий. Также вычислили, что всего 120 пользователей генерируют 80% исходящего потока внимания («лайков»), доля которых равна лишь 3% от всех тех, кто поставил хотя бы 1 «лайк». Хотя лайкающих пользователей в несколько раз больше, чем постящих и комментирующих, круги самых активных из них приблизительно одинаковы по величине. Наконец, 21% пользователей получает в ответ 80% от всех оставленных «лайков» и комментариев. Лайки и комментарии, получаемые в ответ на сообщения пользователя, отражают объем внимания, который этому пользователю удается получить. Исходя из такой неравномерности участия, мы предполагаем, что существует ядро наи-

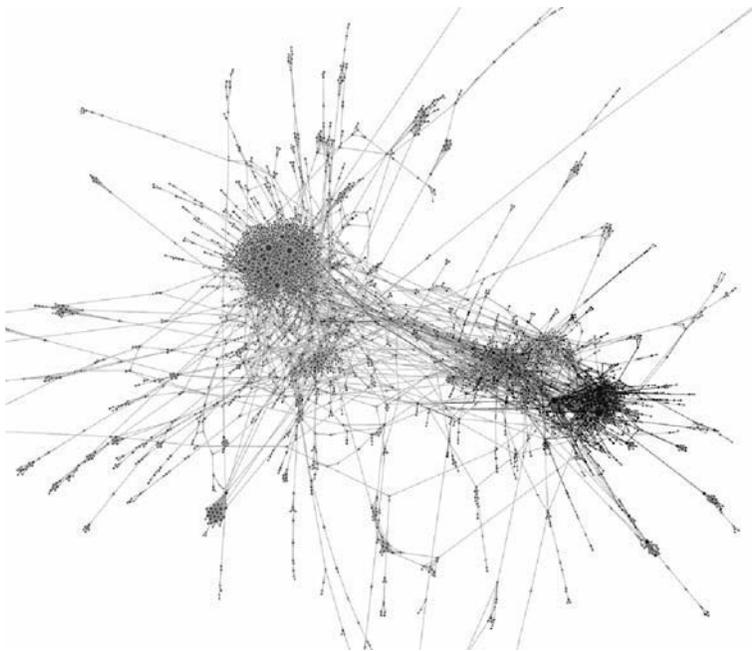
более активных участников, которые одновременно производят и потребляют основной объем контента (посты и комментарии) и внимания (лайки).

Для изучения структуры сообщества мы проанализировали и визуализировали две сети «дружбы», первая — существующая между формальными членами группы, и вторая — существующая между пользователями, проявившими активность на «стене» группы. Информация о «дружеских» связях в случае СПИД-диссидентов является важной по ряду причин. С точки зрения пользователя, наличие виртуальных «друзей» (знакомых), их число, а также структура этих отношений (т.е. включенность пользователя в различные «дружеские» субсообщества) могут влиять на его взгляды и поведение, делать его более убежденным в СПИД-диссидентской теории, а также определяют шансы на его разубеждение. Позиция пользователя в сети «дружбы» определяет социальный (сетевой) капитал, которым он располагает в рамках данного сообщества и который влияет на его неформальное положение в сообществе. С точки зрения самого сообщества, изучение сетей «дружбы» дает представление о неформальном строении этой группы, о ее сплоченности, существующих в ней субсообществах и каналах распространения информации.

Анализ сети «дружбы» формальных членов группы показал, что 61% среди всех членов сообщества являются изолянтами — не «дружасими» ни с кем из других членов сообщества. Изолянты — пользователи, выключенные из сети отношений, и поэтому, вероятно, наименее убежденные в СПИД-диссидентских взглядах. Визуализация сети показала (рис. 1), что сообщество, основанное на формальном членстве, состоит по меньшей мере из двух крупных «дружеских» подгрупп, которые распознаются не только визуально, но и алгоритмами community detection (алгоритмы Louvain, Clauset-Newman-Moore).

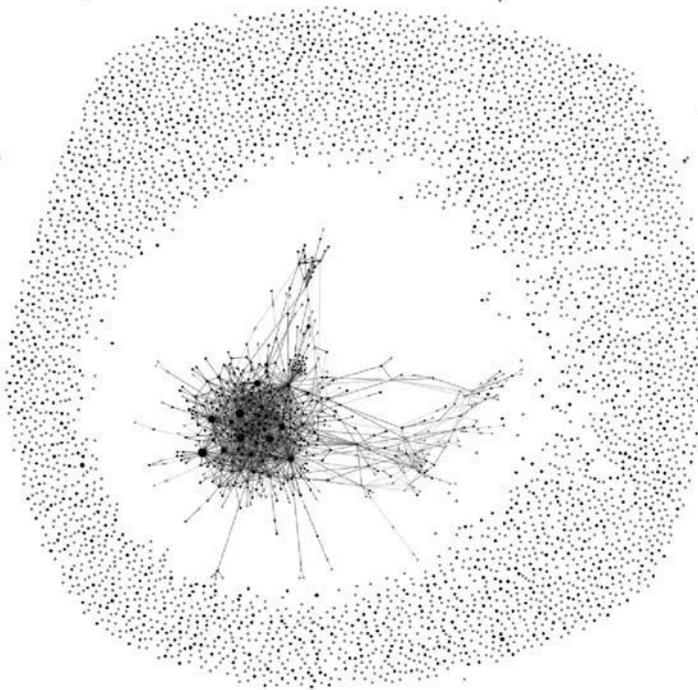
Для объяснения такой структуры на сеть «дружбы» были нанесены данные о коммуникативной активности пользователей. В результате анализа обогащенных данных мы пришли к выводу, что одно из этих субсообществ является ложным — входящие в эту подгруппу пользователи не проявляют никакой активности, а аккаунты многих из них «заморожены». Обнаружение ложного субсообщества может свидетельствовать о том, что администрация группы использовала услуги по «накрутке» численности, и в группу добавилась масса «мертвых душ».

Структура сети заметно меняется при переходе от формального к активистскому определению границ онлайн-сообщества. Анализ и визуализация сети «дружбы» активных участников группы показывает, что полная сеть состоит из 85% изолянтов, а наибольший соединенный компонент состоит из одного тесно сплоченного ядра (рис. 2). Структура данной сети сходна с другими сетями, найденными в онлайн-сообществах, посвященных теме здоровья (например, [Cobb et al., 2010]).

Рис. 1. Наибольший соединенный компонент сети «дружбы» между формальными членами группы СПИД-диссидентов (чем более активен пользователь, тем темнее его цвет на карте)

Наконец, данный анализ позволяет определить, как связаны между собой структура сообщества и коммуникативная активность участников. Граф на рис. 2 показывает, что те участники, которые ставят лишь «лайки» (выражают свое одобрение контенту группы), являются «атомизированной» аудиторией, а более активные участники сообщества, создающие контент, склонны к образованию единого и сплоченного «дружеского» сообщества. Это укрепляет гипотезу о существовании активного и сплоченного ядра участников. Кроме того, мы предполагаем наличие связи между коммуникативной активностью и сетевой центральностью пользователей: чем активнее пользователь участвует в создании контента и чем больший объем внимания получает, тем центральнее его положение в сети «дружбы». Для проверки этой гипотезы были рассчитаны коэффициенты корреляции для основных видов коммуникативной активности и различных метрик сетевой центральности (табл. 1).

Рис. 2. Сеть «дружбы» между активными участниками группы СПИД-диссидентов (размер вершин пропорционален количеству полученных «лайков»; цвета вершин: черный – пишущие (посты и/или комментарии), серый – только лайкающие)

Таблица 1. Коэффициенты корреляции Пирсона для оценки связи сетевой центральности и активности пользователей

Коэффициент корреляции Пирсона				
	Posts+comments	Received comments	Received likes	Likes
Degree centrality	0,592**	0,615**	0,653**	0,369**
Betweenness centrality	0,375**	0,422**	0,445**	0,171**
Page Rank	0,544**	0,573**	0,602**	0,331**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.)

Полученные коэффициенты говорят о том, что существует тесная связь между центральностью и коммуникативной активностью, причем наиболее сильная связь наблюдается между количеством «друзей» пользователя, участвующих в сообществе, и количеством получаемых пользователем «лайков».

В рамках качественного анализа со «стены» группы СПИД-диссидентов был закачан 5021 пост. С помощью методологии «обоснованной теории» (Grounded theory) были проведены кодирование и анализ постов, с целью выявления риторических стратегий, используемых СПИД-диссидентами для убеждения новичков или сомневающихся в истинности своих тезисов. Было обнаружено, что реакция сообщества зависит от того, с кем оно имеет дело. Если новички уже выражают симпатию к диссидентским тезисам, то члены группы оказывают эмоциональную поддержку, выражают солидарность, дают советы, рассказывают собственные истории, которые помогают новичку идентифицироваться с членами группы (например, как они сами сначала верили «спидологам» (медикам из Центров СПИД), а потом поняли, что ВИЧ – большой обман). Такие риторические стратегии можно назвать «стратегиями подкрепления». Если новички – сомневающиеся в истинности взглядов СПИД-диссидентов, то им могут либо практически полностью отказать во внимании и, например, сказать «почитайте материалы группы сначала, а потом обращайтесь», либо попробовать убедить их в своей правоте, используя различные риторические стратегии. Этот тип риторических стратегий можно назвать «стратегиями убеждения». Риторические стратегии, используемые для убеждения новичков или сомневающихся, представляют собой шесть сценариев.

1. «Научные аргументы». Основным аргументом этой стратегии является утверждение, что мировое научное сообщество не обладает доказательствами существования вируса ВИЧ, а приводимые учеными доказательства либо неубедительны, либо сфальсифицированы. Центральным в «научной» аргументации диссидентов является утверждение об отсутствии фотографии вируса ВИЧ (несмотря на то, что представители научного сообщества заявляют, что такие фотографии имеются). Как утверждает Анна в своей полемике с Женей-«ортодоксом»:

«Настоящих фото ВИЧ – не существует. Везде так называемый “Фейк” или вирус Э. Барра или герпеса или просто лейкоциты».

2. Идеологические аргументы, представляемые в различных версиях, такие как: ВИЧ появился в результате заговора «мирового правительства», которое хочет уничтожить население и свести его к «золотому миллиарду»,

заговор фармацевтических компаний и научного сообщества, или и то и другое вместе. При этом, обвиняя научное сообщество в заговоре, диссиденты противопоставляют им героев-ученых, которые не поддались на подкуп, не испугались угроз, а поставили на карту свои карьеры (или даже принесли их в жертву) для того, чтобы разоблачить заговор. В этом идеологические аргументы пересекаются с «научными», поскольку герои-ученые представляют «подлинную науку» и олицетворяют ее авторитет. Алиса:

«Да какой там пиар, кому это надо? что этот пиар дает? вы хоть знаете, с каким монстром приходится бороться? там многомиллиардная индустрия, они такие деньги зарабатывают, и все на смертях невинных людей, детишек... те врачи и ученые, которые придерживаются диссидентских взглядов рискуют своей карьерой, им урезают финансирование, прикрывают кислород, так сказать. Пиарятся те, кому этот пиар приносит денег, а диссиденты ни копейки за свои труды не получают, Дюсбергу и нашему Агееву, Саоновой никто ни копейки не платит за то, что он говорит людям правду, наоборот, угрожают расправой...».

3. Аргументы, основывающиеся на противоречии или видимости такого принятой в научном сообществе теории ВИЧ. Лена, убеждая «сомневающегося» Женю, говорит, что вопрос о существовании (точнее отсутствии) вируса ВИЧ — очень прост, приводя как аргумент, противоречия с теорией «спидологов».

«Женя, скажите, а зачем такие сложности, кто Вам мешает следить за такими, как я, которые живут с мужем МИНУС, родили здоровых детей, ни дня не глотали Ваарт и таких семей теперь уже очень много».

4. Важность личного опыта, по сравнению с абстрактным медицинским знанием. Эта риторическая стратегия во многом схожа с предыдущей, однако в то время как в стратегии противоречия со СПИД-метанарративом акцент делается на содержании опыта (часто личного) — расхождении с «ортодоксальной» теорией, в этой стратегии упор делается на личном опыте как способе приобретения истинного знания — своего рода «бытовом эмпиризме» по сравнению с абстрактным медицинским знанием, подчерпнутом из учебников, или абстрактным знанием, содержащимся в месседжах кампаний общественного здоровья.

«А что вы так переживаете за антимицинскую пропаганду в этой группе? Создайте свою промедицинскую группу и рекламируйте там то, что

считаете нужным. Здесь люди, которые пришли к таким выводам не на основе пропаганды, а на основе ЛИЧНОГО опыта. И заметьте, КОНКРЕТНЫХ врачей здесь не обсуждают, а обсуждают фармБИЗНЕС, построенный на смерти, и тех медиков, которые в погоне за наживой убивают других людей».

5. Заинтересованность «спидологов», их продажность в сравнении с финансовой незаинтересованностью диссидентов. Алла поясняет Игорю, поставившему под сомнение теорию заговора о ВИЧ:

«1. В каждой стране существуют НИИ и медлаборатории, которые финансируются государством (надо же науку поддерживать), которое на этом пилит бюджет. 2. Государство (чиновники) закупает у фармкомпаний лекарства на большие суммы и имеет с этого %.

В то же время Руслан апеллирует к финансовой незаинтересованности диссидентов в отстаивании своих взглядов как аргумент для убеждения «сомневающегося» новичка: *«Что мы втюхиваем? и какова наша выгода? и что они втюхивают? Всем понятно что втюхивают терапию. И выгода у них более реальна. Так что думайте, кто шарлатан, а кто нет».*

6. Бесполезность и токсичность антиретровирусной терапии. Так, Лена пишет: *«Кончатся ОГРОМНЫЕ деньги – кончится и вич!!! и не работает ВААРТ [высокоактивная антиретровирусная терапия, синоним АРТ] – сколько уже ушло на тот свет людей – кому помог??? никому!».* Еще больше постов о крайне высокой токсичности АРТ; стандартный диссидентский тезис заключается не просто в том, что АРТ – токсична, а в том, что она настолько токсична, что вызывает смерть. По словам Людмилы, *«...ВИЧ – это лженаучный терроризм. А люди умирают от СПИДа, синдрома приобретенного иммунодефицита, который они получают от наркотиков или от ядовитой терапии, которую назначают как лечение».* Алла предупреждает новичка, который написал, что принимает АРТ: *«Как все запущено... Вы хоть читали материалы группы? Да будет Вам известно, на этих таблетках Вы долго не протяните, а врач получит надбавку за очередную галочку в спидостатистике!!!».*

Итак, изученная онлайн-группа является не просто технической площадкой и каналом распространения информации в социальной интернет-сети, а настоящим виртуальным сообществом СПИД-диссидентов. Для интерпретации структуры данного сообщества можно использовать метафору «луковицы», означающую, что сообщество дифференцировано по принципу «центр – периферия» [Borgatti, Everett, 2000] и состоит из нескольких «слоев»

пользователей, различающихся по форме и интенсивности своего участия, а также по укорененности в сетях «дружбы». С помощью качественных методов мы определили основные риторические «стратегии убеждения», которые диссиденты используют для убеждения новичков, а также «сомневающихся», «бросающих вызов» и других неопределившихся в вопросе о существовании вируса ВИЧ, которые читают материалы группы.

Литература

Borgatti S., Everett M. Models of Core/Periphery Structures // *Social Networks*. 2000. Vol. 21 (4). P. 375–395.

Cobb N.K., Graham A.L., Abrams D.B. Social Network Structure of a Large Online Community for Smoking Cessation // *American Journal of Public Health*. 2010. Vol. 100 (7). P. 1282–1289.

Kata A. A Postmodern Pandora's Box: Anti-vaccination Misinformation on the Internet // *Vaccine*. 2010. Vol. 28 (7). P. 1709–1716.

Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. 10.04.2014 <<http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html>>.

Smith M.A., Kollok P. *Communities in Cyberspace*. Routledge, 1999.

Wilson K., Keelan J. Social Media and the Empowering of Opponents of Medical Technologies: The Case of Anti-Vaccinationism // *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 15 (5).

О.В. Мороз

Российский
государственный
гуманитарный
университет,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации

РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ МОКЬЮМЕНТАРИ КАК ЯЗЫК РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ?

Анализ телевизионного языка неизбежно возвращает нас к вопросу о восприятии телевидения как (ангажированного) медиатора. Конечно, нельзя не признать, что появление на российском телевидении так называемых «нулевых» целого ряда телешоу, жанрово, содержательно и концептуально отличных от прежних программ, маркировало изменение формируемых зрительских запросов, а значит – и информационно-коммуникативной, дискурсивной среды [Elliott, 1999]. В свою очередь, современный сетевой способ коммуникации привел к распространению пользовательского контента и технологий персонального журнализма, изменил представления о методах и возможностях производства и горизонтального обмена информацией [Gillmor, 2006]. Однако последние политические события в России и соответствующий им социальный отклик продемонстрировали – в отличие от форм цифрового альтернативного контента (например, программ спутникового телевидения, количественно и качественно расширяющих дискурсивный потенциал эфирного ТВ) или интерактивного интернета, – телевидение до сих пор остается en masse платформой прогосударственного дискурса. Гражданский активизм, идеология молекулярной революции как способы трансформации системы, как альтернатива центральной политической программе здесь функционируют только в контексте принятой профессиональной этики.

К сожалению, эта ригидность отчасти объясняется законодательной базой российских медиа. Закреплением логики государственного контроля за ТВ-контентом стало указание в ст. 32.1 обновленного в 2011 г. Закона о СМИ на то, что «в целях сохранения и обеспечения единого информационного пространства Российской Федерации и обеспечения населения социально значимой информацией Президент Российской Федерации утверждает перечень общероссийских обязательных общедоступных телеканалов... распространяемых для неопределенного круга лиц без взимания платы... за право просмотра» [Закон РФ «О средствах массовой информации», 2013]. Правда,

к каналам, попавшим в менее престижный пакет, необязательный для бесплатного распространения, не применяются столь жесткие требования соответствия государственному социокультурному регулированию. Им рекомендуется осуществлять круглосуточное ежедневное вещание, обеспечивать хотя бы незначительное превалирование российских передач над купленным за рубежом контентом и т.д. Однако тот факт, что конкурс на включение в этот пакет проводился в 2012 г. Роскомнадзором, не позволяет всерьез говорить о возможности медиапрофессионалов игнорировать государственную точку зрения и практику получения властного разрешения. Более того, приобретение права на вещание даже для тех каналов, которые не попали в одобренные списки и сохраняют статус коммерческих, так или иначе связано с необходимой процедурой лицензирования. И даже удачное участие в мероприятиях по государственной «авторизации» вовсе не гарантирует перманентную лояльность со стороны государства¹.

Кроме того, нельзя забывать, что влияние государства на профессиональный кодекс и редакционную политику телевидения в российских реалиях реализуется и с помощью своеобразной практики распределения прав владения на медиакомпаниях. Каналы федерального значения, напрямую или через сложную систему бенефициарного владения, принадлежат государству. А неконкурентоспособность общественного телевидения или платных онлайн-трансляций вынуждает нас констатировать: неудачное соперничество независимых медиапродюсеров с гигантами, олицетворяющими государственную монополию на телевизионный контент, указывает на невозможность продолжительного существования нефинансируемого властью хоть сколько-нибудь значимого ТВ-пространства. В то же время очевидно, что такая финансовая и административная подчиненность руководства каналов необходимо находит выражение в дискурсивной и идеологической преданности профессионалов.

В российском медиапространстве функционирует определенная атмосфера подчинения, при которой российское телевидение крайне редко целенаправленно работает над формулированием схем репрезентации, альтернативных одобряемой «сверху» повестке дня. Этот набор формул, тривиальностей и мнимостей, призванный не только отобразить, но и сконструировать культурную/социальную идентичность, пространство «своих» и «других» аудиторий, серьезнейшим образом привязан к приписываемым обществу представлениям о нормальном и девиантном/делинквентном. В наиболее ригидных форматах российское телевидение функционирует как

---

¹ Например, см. конфликты канала «2×2» с Россвязьохранкультурой (2008 г.), Генпрокуратурой (2008 г.), Роскомнадзором (2013 г.).

жонглиж приемлемыми знаками и символами, как сложенная семантическая система выборки «хороших» культурных артефактов и/или дискурсивная система контроля над трансляцией этих «прецедентных» текстов культуры. При этом не стоит забывать, что отечественное телевизионное пространство начала XXI в. вынуждено функционировать в ситуации идентификационной неудачи, провоцирующей постоянное конструирование национальной, социальной, культурной картины мира. Работая над экспликацией общих норм и ценностей как культуры, так и ее носителей, создатели ТВ-контента стабильно сталкиваются с необходимостью обращения к массиву тем, сюжетов, интонаций, табуированных артикулированными и скрытыми компенсаторными механизмами культуры. В итоге профессионалы встают перед необходимостью «воспитания» или «просвещения» аудитории в соответствии с некоторыми идеологическими императивами и в то же время с требованием удовлетворения общественных запросов. Впрочем, как показывает игнорирование общественностью опубликованного в «Известиях» проекта программы «Основы государственной культурной политики», государственная ориентация на консервативную «культурно-цивилизационную идентичность России» не провоцирует внимающие аудитории на серьезный критический отклик [Известия, 2014].

Во многом даже минимально присутствующее несогласие с дискурсивными практиками выстраивания коллективной российской идентичности практически снимается с помощью трансформации федерального ТВ в провокативное пространство, необходимое для эскалации *социального конфликта*. Казалось бы, институциализация конфликта посредством медиа, по мнению специалистов, характерна для развитого демократического общества, стремящегося к разрешению различных социальных, политических противостояний. Собственно, информационные войны, в которых стороны максимально задействуют все виды социального и культурного капитала/ресурсов, необходимо приводят к диагностике причин конфликта и совместно-му поиску путей его преодоления.

Однако в российском медиaprостранстве мы не наблюдаем главного условия разрешения социального недовольства, а именно обоюдной заинтересованности сторон в его прекращении. Любое решение власти и связанная с ним общественная реакция практически не подлежат свободному обсуждению на телевидении. Запрограммированное на определенное восприятие освещение проблем на российском федеральном телевидении все реже подвергается профессиональному анализу, производимому собственно медиа-продюсерами. Так, редким случаем острого и представленного на суд широкой общественности анализа идеологического воздействия на ТВ-контент

можно считать проект М. Каца «Антипропаганда», просуществовавший в форме ежедневных кейс-исследований не более полутора месяцев.

При этом темы, избираемые ньюсмейкерами, в последнее время связаны с вызывающими наибольший отклик элементами повестки дня, которые буквально провоцируют активацию практик гражданской ответственности и требуют сиюминутной, быстрой и аффективной реакции. Заметное ухудшение «экологичности» телевизионной журналистики выражается и в методах подачи этой новостной «junk food». Замалчивание, намеренная подтасовка фактов, тяготение к черно-белой оптике в «нулевые» возвращает к жизни прежних героев телевидения – медиакиллеров и muckrakers, специализирующихся на «скандалах, интригах, расследованиях» и циничных рассуждениях о любых оппозиционных настроениях относительно «суверенной демократии»².

В фильмах А. Мамонтова, аналитических обзорах М. Леонтьева, словесных «Поединках» В. Соловьева мы можем увидеть, что конструирование «своей» аудитории в наиболее репрезентативных для федерального телевидения высказываниях полностью подчинено логике языка вражды. Агрессивная манера подачи компрометирующей информации, использование эвфемизмов и специфических речевых актов (например, обвинения) для создания уничижительных ярлыков, произвольные смещения по семантическому полю указывают на тяготение ТВ-контента к дискриминационным практикам, требующим внимательного критического дискурса-анализа [ван Дейк, 2014].

В результате таких менторских действий федерального телевидения реализуется основное требование государственной культурной и социальной политики, а именно создание согласной и молчаливо внимающей медиапублики. Апорийность ситуации заключается же в том, что кратко перечисленные выше привычные методы формулирования повестки дня ведут к нарастанию напряженности в обществе, к его все большему дискурсивному расколу, к политической глоссолалии. В ответ на агрессивные, хотя и стереотипные по форме и содержанию выпады телевизионных СМИ возникает фидбек в социальных медиа. И если холивары «сетевых хомячков» государство, тяготеющее к информационному консерватизму, предпочитает не слышать или цензурировать, то активность старых негосударственных медиа, правозащитных организаций и Совета по правам человека пока игнорировать слож-

---

² Этот обновленный способ ТВ-киллерства представлен фильмами «Анатомия протеста-1, 2» (2011–2012 гг., реж. С. Кисляков, Д. Ларченко, Ю. Устинов), фильмом-расследованием «Провокаторы» А. Мамонтова (2012 г., Россия-1, производство ВГТРК) и т.д.

но [Архангельский, 2014]. Так, примером неизбежной эскалации конфликта может выступать общественная и медийная реакция, возникшая как ответ на фрагмент программы «Вести недели» с Д. Киселевым от 16 февраля 2014 г. Напомним, скандал разгорелся из-за некорректного комментария представителей федерального ТВ на запись в блоге В. Шендеровича, в которой сатирик позволил себе сравнить патриотический эффект от действий современной российской власти с пропагандистским капиталом атлетов фашистской летней Олимпиады 1936 г. [Шендерович, 2014]. В ремарке Киселева звучали такие оценочные суждения, как «очередная порция чуши от писателя Виктора Шендеровича», «ну не подонок ли?» и пассаж про то, что «поэту Иртеньеву (в миру – Игорю Моисеевичу Рабиновичу)... грех превозносить довоенную жизнь в Германии при Гитлере. Евреев там разорвали и изгоняли. Оставшихся отправляли в концлагеря. Не было бы там текстов Шендеровича или Иртеньева, не было бы и их самих» [Киселев, 2014]. Буквально на следующий день на «Радио Свобода/Свободная Европа» появилась программа «Лицом к событию» Е. Рыковцевой, в которой ведущая с писателем С. Калединым обсуждала, насколько «кампания травли российских литераторов В. Шендеровича и И. Иртеньева на российских государственных каналах по стилистике напоминает сталинскую кампанию по борьбе с “безродными космополитами”» [Кругом враги, 2014]. Не замедлила себя ждать и возмущенная реакция Российского еврейского конгресса на продемонстрированный федеральным ТВ прием «использования национальности как аргумента для критики» [РЕК, 2014].

Постоянное умножение медиатекстов, перманентно длящееся идеологическое, мировоззренческое размежевание указывают на ключевую властную интенцию власти: ни решение конфликта, ни привычное для авторитаризма подавление несогласных методами государственного террора, по разным причинам, невозможны. В гораздо большей степени властным структурам импонирует наличие информационного шума, затрудняющего ведение корректной дискуссии и, соответственно, возможную консолидацию оппонентов. Агрессивные выпады в адрес Других, некоторым образом отражающие настроения в целом консервативно ориентированного российского общества, гораздо безопаснее, нежели прямые столкновения со сторонниками идеологии прямого действия и при этом отвечают принципу *divide et impera*. Манипулятивность подобного способа общения с аудиторией очевидна и свидетельствует о неуверенном положении власти как совокупности представителей доминирующих в обществе элит.

Однако ситуация в российских медиа, и в частности на телевидении, была бы слишком проста, если бы границы и маркеры повседневности вы-

страивались только с помощью методов пропаганды для продвижения «правильных» смыслов.

Нередко дискурсивный порядок устанавливается с помощью инструментов «шоковой терапии», имеющей определенное «лечебное» воздействие на ту часть публики, которая тяготеет к более ответственным практикам восприятия медиа. Так, обращение к потребителям контента в форме мокьюментари (псевдодокументалистики), ироничное и, зачастую, неполиткорректное обсуждение особенностей того или иного общества, ориентировано на экстравагантное рассказывание историй, поддельвающееся под любой медийный формат.

Наиболее известный пример языка ТВ-мокьюментари можно встретить у британского комика Саши Барона Коэна, которого широкая публика знает не по ТВ-шоу «Da Ali G Show», а по полнометражным мокьюментари-фильмам «Али-Джи в Парламенте», «Борат: культурные исследования Америки в пользу славного государства Казахстан» и «Бруно». Коэн кристаллизует формат мокьюментари, существующий уже почти век: подвергая осмеянию нормы и конвенции, принятые в определенном обществе, он не демонстрирует специальные маркеры, выделяющие псевдодокументальный абсурд и фантазм из потока серьезной информации. Смешной глум и троллинг, в случае Коэна работающие в полном соответствии с форматом игрового кино, вскрывают крайне неприятные основания повседневности и позволяют перейти границы табуированных в современном обществе тем. Внешнее принципиальное следование техникам реалистического высказывания при сохранении пародийно заряженного, «острого» содержания и является ключевой жанровой характеристикой мокьюментари.

При этом отсутствие маркировки «true or false» не является признаком дискурсивной слабости мокьюментари. Напротив, этот сатирический жанр, получивший максимально распространение со все большей демократизацией медиа, корректно функционирует в ситуации горизонтальной, открытой коммуникации, при которой право на существование приобретает любая оптика. И если игровое конструирование «псевдособытий» оказывается успешным, значит, в обществе есть запрос на альтернативное видение реальности и альтернативные языки репрезентации.

В качестве основной цели создатели контента указывают ответственное стремление научить аудиторию рефлексивному отношению к действительности. По этой причине, в первую очередь, целевой аудиторией псевдодокументалистики являются зрители, использующие по возможности разные медиа в качестве источника информации о мире, предпочитающие постоянной погруженности в серьезный дискурс игровую, смешную, но не инфантильную реальность и с удовольствием принимающие приглашения эту реаль-

ность критиковать, дополнять и форматировать в произвольном направлении. Кроме того, в желании научить публику рефлексивному отношению к действительности псевдодокументалисты ориентируются и на менее искушенного зрителя, которому необходимо показать весь спектр критической оптики, с помощью которой можно обсуждать проблемы идентичности.

Впрочем, в России проекты мокьюментари не напоминают оригинальный микс китча, кэмп и актуального искусства, составляющий основу гибридных оппозиционных практик и в таком качестве активно используемый в арт-бизнесе. Российская псевдодокументалистика, несмотря на довольно широкое распространение (программа «Россия. Полное затмение» А. Лощака, «Реутов-ТВ» и «Модный девайс» творческого объединения «Письмошная», «Новости на 2×2»), локализована в юмористическом «секторе» ТВ-контента. Иными словами, производители псевдодокументального дискурса стремятся выхолостить критическую риторику в пользу развлекательных интенций.

Так, авторы проекта «“Реутов-ТВ” открывает Россию» предлагали свою, довольно вольную трактовку онтологических и аксиоматических проблем российского, устаревшего в своем патернализме, быта. Перестав снимать «Реутов-ТВ» и переключившись на передачу «Модный девайс», они сконцентрировались на жестком осмеянии сетевого общества, представители которого выглядят фриками в российском «дисциплинированном» обществе, регулируемом многочисленными дисциплинарными предписаниями. Таким образом, в новой версии мокьюментари от Письмошной есть однозначная сатирическая критика тех, кто до сих пор не подвергся нормализации, но нет места ответственной и критической оценке искусственного дисциплинирования, которую так ждала аудитория их первых псевдодокументальных проектов.

Примеры редуцированного использования инструментов псевдодокументалистики на российском телевидении можно множить. Общий вывод таков: наблюдаемое превращение мокьюментари из маргинальной практики в разрабатываемый телевизионный шоу-формат в значительной мере спровоцировало становление нового метода нормализации наиболее оппозиционно настроенных граждан, который все больше сближается инструментально с языком вражды. И все же в некоторых случаях мокьюментари-проекты, изначально представлявшие себя как ответвление исключительно сатирического жанра, могут переломить ситуацию.

Так, хотя шоу «Новости на 2×2» в значительной мере является интернет-проектом, его присутствие в старых медиа позволяет говорить об артикулированном желании выработать иной способ говорения о культуре, иной способ проживания в ней и даже иные нормы ее бытования. Эта передача,

отсылающая к новостному формату, внешне похожа на стандартные короткие информационные отбивки. Если в представленных выше передачах «Письмошной» основным инструментом мокьюментари в конечном итоге стала пародия на стили жизни, довольно специфические модели поведения, то псевдодокументальность «Хобостей» выражается, в первую очередь, в травестировании российской действительности. Удача авторов заключается в том, что это обыгрывание не всегда угадывается в силу абсурдности реально происходящего в стране. Возможно, в играх «Хобостей» и сложно усмотреть глобальные интенции, связанные с трансформацией смотрящей публики. Однако сложный, полихромный язык, с помощью которого альтернативные ньюсмейкеры репрезентируют реальность, указывает на возможные изменения если не властной, то хотя бы критической позиции.

Литература

Антипропаганда – анализ выпусков новостей // Facebook <https://www.facebook.com/net.propagande?skip_nax_wizard=true>.

Архангельский А. С чистого стоп-листа, или Информационный консерватизм // Colta.ru. 2014. 21 января <<http://www.colta.ru/articles/media/1749>>.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть. М.: Либроком, 2014.

Закон РФ «О средствах массовой информации» (о СМИ) от 27.12.1991 N 2124-1 // КонсультантПлюс. 2014. 19 мая <http://www.consultant.ru/popular/smi/42_3.html>.

Киселев Д. «Биохимия предательства»: что такое технология измены // Вести недели. 2014. 16 февраля <<http://vesti7.ru/news?id=42166>>.

Кругом враги // Лицом к событию. Радиogramмы и подкасты «Радио Свобода». 2014. 17 февраля <<http://www.svoboda.org/content/transcript/25266426.html>>.

Минкультуры изложило «Основы государственной культурной политики» // Известия. 2014. 10 апреля <<http://izvestia.ru/news/569016>>.

Человек по фамилии Рабинович // Российский еврейский конгресс. Заявления, обращения <<http://help.rjc.ru/site.aspx?SECTIONID=91208&IID=2540774>>.

Шендерович В. Путин и девочка на коньках // Эхо Москвы. Блог. 2014. 10 февраля <<http://www.echo.msk.ru/blog/shenderovich/1255508-echo/>>.

Elliott D.W. Reality-based Television as Pseudo-documentary. University of Minnesota, 1999.

Gillmor D. We the Media: Grassroots Journalism by the People, for the People. O'Reilly Media, Inc., 2006.

А.А. Новикова,
И.В. Кирия

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

НЕДОУРБАНИЗИРОВАННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

XX в. был временем активной урбанизации во многих регионах мира. В контексте нашего исследования мы рассматриваем, прежде всего, культурный аспект урбанизации – появление специфических городских повседневных практик и формирование массовой культуры, отвечающей потребностям «новых горожан».

В России процесс урбанизации был осложнен, среди прочего, революционными социальными преобразованиями, размером территории и разнообразием этнической и культурной идентичности населяющих ее людей. Государственная монополия в сфере СМИ, сформировавшаяся в СССР и в определенной мере сохраняющаяся до сих пор, с одной стороны, позволила эффективно использовать медиа как инструмент формирования и поддержания советской идентичности – идентичности «нового горожанина», в определенной мере снимающей остроту этнокультурных противоречий и экономико-географической неоднородности республик СССР. С другой стороны, уже в советское время поддерживаемая СМИ советская коллективная идентичность тормозила процессы культурной модернизации и спецификации в «сложных» районах, что приводило как к формированию контркультуры, так и к зарождению политических, социальных и этнических протестных групп, внесших свою лепту в развал СССР.

Медиапотребление двух рассматриваемых нами регионов во многом обусловлено их исторической, географической, демографической, культурной спецификой. Костромская область относится к категории нечерноземных регионов без ярко выраженной национальной специфики и с ориентацией населения на сельское хозяйство. Кроме того, Костромская область относится к категории средних по доходу. Ростовская область относится к категории относительно развитых по доходу [Зубаревич, Сафронов, 2005]. Это регион с ярко выраженной культурной спецификой (связанной с культу-

рой казаков), здесь меньше выражена депопуляция сельских районов и изначально села более густо заселены. Станицы многолюдные и не ориентированы на коллективное земледелие.

Сельское поселение Угоры расположено достаточно далеко от областного центра – Костромы. Однако оно имеет древнюю историю [Нефедова, 2006]. Близлежащий административный центр Мантурово тоже не близко и не может обеспечить работой сельских жителей. Сельское хозяйство (колхозы) находится в упадке. Жители вынуждены ориентироваться на индивидуальное крестьянское хозяйство и пенсии старшего поколения. В данном случае мы имеем дело с депрессивным регионом, о чем уже писали ранее [Кирия, Новикова, 2013].

Сельское поселение Коксовый находится ближе к областному центру – Ростову и ближе к районному центру Белая Калитва. Поселок не имеет древних корней, не связан с сельским хозяйством и крестьянской культурой, он основан в 1932 г. на месте хутора Ольховский как шахтерский поселок городского типа. Шахты, вокруг которых образовывался в свое время поселок, по большей части закрыты, но некоторые по-прежнему действуют. В Белой Калитве на близлежащих территориях есть несколько заводов, обеспечивающих местных жителей работой и зарплатой. В литературе подобный тип населенных пунктов описывается как находящиеся на грани городской и сельской типологий [Ковалев, 1963].

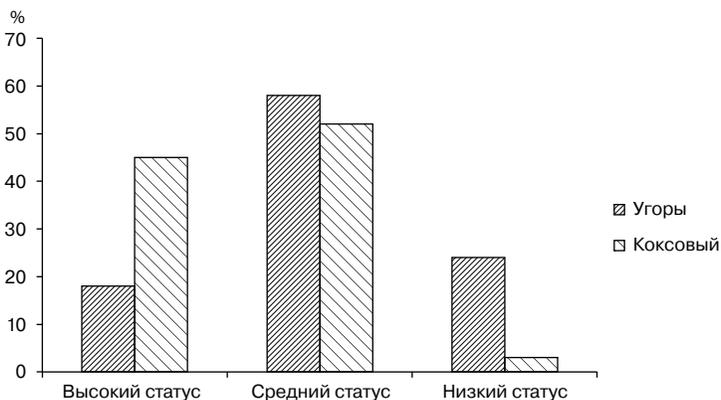
Экономико-географические и историко-культурные особенности сопоставляемых сельских поселений оказали влияние на уровень технической и культурной оснащенности домохозяйств, на основании которого мы определяли их социокультурный статус¹. В Коксовом значительно больше, чем в Угорах, домохозяйств с высоким социокультурным статусом и значительно меньше – с низким.

При этом основная часть опрошенных в обоих сельских поселениях считает уровень своих доходов средним: хватает денег на еду и одежду, но было бы трудно купить холодильник и/или стиральную машину без привлечения заемных средств; хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новый автомобиль без привлечения заемных средств. Так оценивают свои материальные возможности и респонденты из домохозяйств с высоким социокультурным статусом, и со средним.

Исходя из этого мы делаем вывод, что решение о покупке тех или иных предметов бытовой техники, культуры или медиаустройств респонденты

---

¹ Социокультурный статус присваивался нами домохозяйствам на основании наличия у них определенного количества предметов из трех категорий: бытовой техники, предметов традиционной культуры и медиатехники.

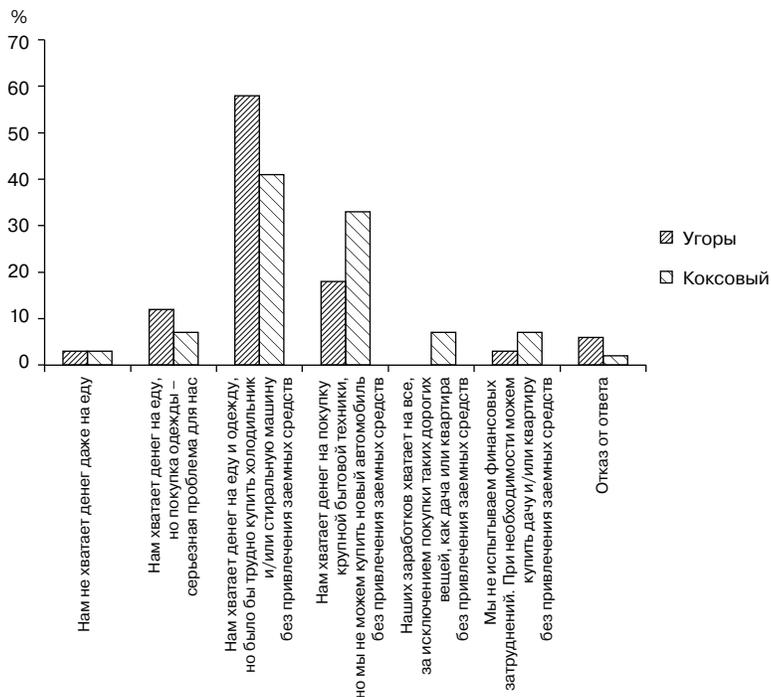
Рис. 1. Соотношение социокультурных статусов домохозяйств сельских поселений Угоры и Коксовый

принимают без определяющей оглядки на доходы. Главным оказывается желание пользоваться теми или иными благами цивилизации и культуры.

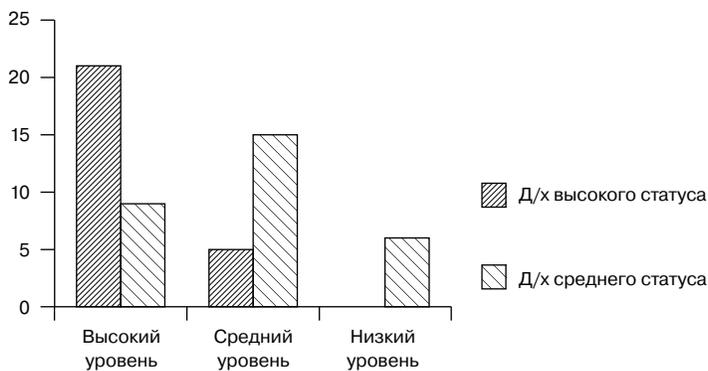
Очевидно, что жители Ростовской области в своей повседневной жизни придают большее значение предметам традиционной и медиакультуры, но доминируют здесь все-таки предметы традиционной культуры: библиотека, видеотека, аудиотека, фотографии, картины, календари, иконы, сувениры, награды.

Большая часть (81%) домохозяйств высокого социокультурного статуса в пос. Коксовый имеют высокую оснащенность предметами культуры. В 23% домохозяйств общий статус повышается за счет оснащенности предметами культуры. Поскольку значительная часть этих предметов приобретена не сейчас, а собиралась в семье десятилетиями, можно говорить о том, что мы видим результат культурной модернизации этой местности в советский период. Причем, разумеется, что и литература, и видеофильмы, и фотографии, и картины, которые присутствуют в домах респондентов, в подавляющем большинстве случаев не имеют отношения к искусству. Это артефакты советской и постсоветской массовой культуры на традиционных носителях.

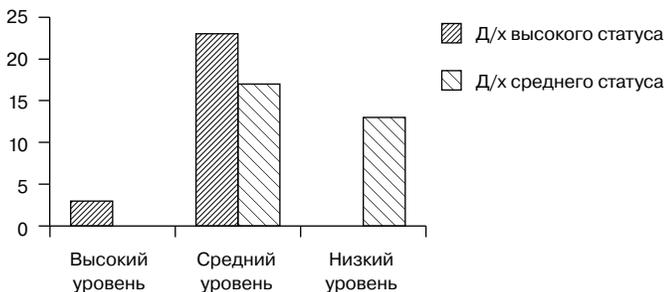
Что же касается современного витка технической и культурной модернизации, который должен найти, по нашей гипотезе, отражение в оснащенности медиаустройствами, то даже среди домохозяйств с высоким социокультурным статусом подавляющее большинство оснащено медиаустройствами на среднем уровне. Домохозяйства же со средним социокультурным статусом оснащены медиаустройствами и вовсе слабо.

Рис. 2. Соотношение материальных статусов домохозяйств сельских поселений Угоры и Коксовый

Рис. 3. Уровень оснащённости домохозяйств поселения Коксовый предметами традиционной культуры

Рис. 4. Уровень оснащённости домохозяйств поселения Коксовый медиаустройствами

Тематические предпочтения позволяют говорить о том, что интересы респондентов очевидно тяготеют скорее к сфере массовой культуры, связанной с культурой потребления: юмор, музыка, природа/животные, кино/история/обустройство и ремонт. Вероятно, большую часть информационных и культурных потребностей респонденты пока удовлетворяют с помощью телевидения.

В сельском поселении Угоры в целом ситуация аналогичная. Уровень оснащения медиатехникой, как правило, на одну позицию ниже, чем статус домохозяйства в целом. Однако в обоих регионах существуют домохозяйства со средним статусом (в Угорах – 6%, в Коксовом – 7%), в которых оснащение предметами традиционной культуры низкое (иногда нулевое) и среднее – медиатехникой. Вероятно, мы имеем дело с сознательным отказом от традиционных культурных практик и переходом на потребление культуры исключительно с помощью медиа.

Поскольку доминирующим медиаприбором продолжает оставаться телевизор (91% опрошенных в Коксовом смотрели его хотя бы один раз в неделю), а лидерами популярности – каналы «большой тройки»: «Первый», «Россия 1» и НТВ (лишь респонденты из домохозяйств с высоким социокультурным статусом расширили круг каналов-фаворитов, уравнив «Первый» с СТС и выведя на 3-е место ТНТ), то именно они более других оказывают влияние на формирование у сельских телезрителей идентичности.

	Высокий статус	Средние показатели
1-е место	Первый канал / СТС	Первый канал
2-е место	«Россия 1»	«Россия 1»
3-е место	ТНТ	НТВ

При этом основная часть контента Первого канала и «Россия 1» формирует представление о российской идентичности как идентичности жителей больших городов [Новикова, 2013], тогда как каналы СТС и ТНТ формируют игровую идентичность форматных программ, которую исследователи считают псевдоидентичностью [Кондаков, Соколов, Хренов, 2011]. Она никак не связана ни со страной проживания (форматы – результат глобализации культуры), ни со средой обитания (действие форматных программ разворачивается в студийном пространстве). Упрощение отношений, клиширование ситуаций и ирония, свойственные игровой идентичности форматных программ, приводят к тому, что никто из сельских респондентов не может с ее помощью идентифицировать себя и «своих», но с ней легко идентифицировать «чужих», т.е. городских. Таким образом, идентичность сельских жителей формируется через отрицание, т.е. как негативная идентичность [Гудков, 2004].

Анализируя глубинные интервью респондентов, мы попытались сопоставить их ценности и медиапредпочтения с предпочтениями групп, выделенных немецкой исследовательской группой SINUS². Исследователи SINUS предполагают, что в современном обществе существуют четыре среды: *ведущая социальная среда* (состоящая из старой элиты, либералов, имеющих постматериалистические ценности, и молодой элиты, ориентированной на успех), *традиционная среда* (состоящая из консерваторов, защитников традиций и людей, испытывающих ностальгию по ГДР), *основная среда* (люди, ориентированные на статус, и потребители-материалисты) и *гедонистическая среда* (богема и гедонисты). При этом каждый из типов имеет свои предпочтения в сфере медиапотребления.

Очевидно, что все многообразие типов можно увидеть только в большом городе.

Среди опрошенных нами жителей сельских поселений в старшей возрастной группе доминируют ностальгирующие по СССР, после распада которого они во многом проиграли. Главные ценности для них – справедливость и солидарность, предпочтительный контент – телеканалы, демонстрирующие советское кино. Респонденты средних лет (30–50) придерживаются традиционалистских взглядов, которые, по мнению исследователей из Германии, свойственны мелкой буржуазии и традиционной рабочей культуре. Главные ценности для них – уверенность и порядок. Они самые активные телезрители, предпочитающие музыкальные передачи (народные песни и, в российском случае, советскую эстраду, во многом заменившую фольклор), викторины, отечественные сериалы и фильмы, развлекательные программы и ток-шоу.

---

² Официальный сайт SINUS <<http://www.sinus-institut.de/loesungen/sinus-milieus.html>>.

В исследовании, проведенном немецкими учеными, эти люди по возрасту чуть старше (они дети Второй мировой войны), поэтому они не особо интересуются Интернетом, но читают желтую прессу, медицинские справочники и т.п. Наши респонденты, имеющие сходные ценности, несколько моложе, так что они потребляют ту же информацию – сплетни, потребительскую информацию, советы – не только с помощью газет и журналов, но и с помощью Интернета.

Молодые люди (до 30 лет) и часть респондентов среднего возраста ориентированы на ценности, свойственные группе потребителей-материалистов. Это малообеспеченный слой с потребительскими ценностями, цель которых – достичь городского стандарта потребления и компенсировать таким образом свое социально непривлекательное положение. Они охотно смотрят телевизор, предпочитая развлекательные программы, развлечения ищут и в Интернете.

В частности, респондентов обоих исследованных нами регионов *объединяют представления* о том, что в городе жить хуже, чем в деревне. Причины они называют следующие:

- в городе разрушена связь с природой, а в деревне она сохранилась;
- в городе разрушены связи между людьми (семейные, соседские, дружеские), а в деревне они сохранились;
- в городе потеряны нравственные ориентиры (убийства, насилие, безнравственность, жестокость по отношению к детям).

В то же время значительная часть респондентов полагает:

- детям надо уезжать в города, потому что на селе нет работы и у села нет перспектив;
- надо стремиться организовать быт на городской манер, приобретая материальные блага в кредит.

Ни в интервью респондентов, ни в наблюдениях за их повседневными практиками мы не заметили признаков сохранения традиционной народной культуры. Они говорят о том, что раньше было принято выходить на улицу и петь, а теперь все сидят по домам и смотрят телевизор. Религиозность респондентов выражается в наличии икон в интерьерах, но в интервью религиозное мировоззрение проявляется мало, оценки телевизионного контента и информационных поводов даются исходя из секулярных ценностей.

Респонденты всех возрастов *настроены очень критично по отношению к современному миру*:

- винят в бедах города и села власти – центральные (от тех, кто развалил СССР, до Путина и Медведева) и региональные (отношение к местным властям разное);
- возможности личного участия в улучшении жизни не видят;

- гражданскую активность в городах (протесты) считают несерьезной (протестующие не знают жизни, а им самим протестовать некогда, выживать надо);
- молодые люди декларируют аполитичность и интерес к «фэнтези» и мистике.

При этом *жители Угор* определяют себя как носителей «крестьянской» культуры, заявляют о своей готовности жить «своим умом», чтобы власти только не мешали и платили пенсии. Они не очень хотят путешествовать, так как не могут оставить хозяйство, которое имеет для них большое значение. Они связаны с лесом и традиционными здесь лесозаготовками, занимаются охотой, рыбалкой, сбором ягод (предпочтения – канал «Охота и рыбалка»). Зрители всех возрастов предпочитают советские фильмы, где отражена сельская жизнь и коллективная идентичность советских колхозников.

Жители Коксового связывают свою жизнь с работой на шахте, хотя шахты и закрылись. Хозяйства у них почти нет. Они охотно путешествуют, активнее интересуются жизнью за рубежом. У них меньше выражена ностальгия по СССР, хотя она тоже есть. Они сравнивают свою жизнь с казачьим укладом, но не ориентируются на него в повседневных практиках. Из телевизионного контента предпочитают российское кино (не сериалы), передачи «про отношения» и юмор каналов СТС, ТНТ, «Перец». Но предлагаемые ими модели поведения осуждают. Очень жестко настроены по отношению к «чужим»: мигрантам, сексуальным меньшинствам, нарушителям традиционной морали (типа «Пусси Райот»).

На наш взгляд, принципиальное отличие проанализированной нами сельской местности от городской состоит в том, что в ней почти нет представителей *ведущей социальной среды*, т.е. элиты, формирующей ядро культуры и являющейся движущей силой культурной модернизации. Нет *основной среды*, молодой, ориентированной на статус, профессионально и социально устойчивое положение (видят в отечественных сериалах в кичевом виде). Нет *гедонистической среды* (богема и людей, ориентированных только на получение удовольствий; все они – жители больших городов, соответственно, сельские жители при формировании индивидуальной и коллективной идентичности не могут учитывать ценности и культурные практики, присущие этим социальным средам, столь значимым для формирования коллективной идентичности горожан, для которых важно столкновение разных «других». Жители села видят их только на телеэкране, в клишированной и идеологизированной интерпретации общественно-политических программ, сериалов или развлекательных программ, что приводит, как упоминалось ранее, к их восприятию в качестве «чужих».

В итоге у сельских формируется «недоурбанизированная идентичность», ставшая следствием «раскрестьянивания» сельских жителей на протяжении всего XX в. С одной стороны, в ней сохраняются черты сельской идентичности, характеризующиеся господством личных и семейных связей, доминированием «мы» над «я», нетерпимостью к «другим» и пр. [Shanin, 1989]. С другой стороны, урбанизационные процессы стимулируют диффузию городской и сельской культуры, а телевидение и новые медиа подстегивают эти процессы. Только подталкивают они сельское население не к участию в конструировании социальной реальности с помощью медиа, а к использованию компенсаторной функции медиа.

Литература

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Зубаревич Н., Сафронов С. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем. М.: Независимый институт социальной политики, 2005.

Кирия И., Новикова А. Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений сельских жителей) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 6. С. 154–167.

Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во Московского университета, 1963 <<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php>>.

Кондаков И., Соколов К., Хренов Н. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М.: Прогресс-Традиция, 2011.

Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области и России // Российский северный вектор / под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006 <<http://www.ugory.ru/eksped/2007-2.htm>>.

Новикова А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

Shanin T. Peasants and Peasant Societies. L.: Penguin Book, 1989.

Е.В. Петрова

Донской государственный
технический университет

ФУНКЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕДИА (на материале исследования медиапотребления жителей сельской местности)

Вопрос о функциях традиционно считается одним из основных в теоретическом курсе журналистики. В научной литературе зафиксирован ряд проработанных концепций этого направления. Но в связи с принципиально важными трансформационными процессами сферы медиа дискуссия о социальных обязанностях журналистики продолжает быть острой и актуальной.

Обращение к работам таких авторов, как Л.П. Апполонова, Е.В. Ахмадулин, С.Г. Корконосенко, Е.П. Прохоров, О.Н. Савинова, А.Н. Соколова, И.Д. Фомичева [Аполлонова, 2008; Ахмадулин, 2008; Корконосенко, 2001; Прохоров, 1998; Савинова, 2010; Соколова, 2009; Фомичева, 2007], позволяет выявить широкий спектр взглядов на классификацию функций в журналистике. Как подчеркивает проф. Е.П. Прохоров, функции журналистики характеризуют совокупность ее обязанностей и выполненных ею задач, способ жизнедеятельности в обществе [Корконосенко, 2001, с. 44]. О.Н. Савинова, рассуждая о многообразии классификаций и подходов в этом вопросе, выделяет ряд общепринятых функций СМИ: информационная, коммуникационная, идеологическая (в некоторых интерпретациях – ценностно-ориентационная), культурно-образовательная, организаторская, релаксации [Савинова, 2010]. Многие исследователи отмечают значимую роль журналистики в социализации личности.

Ведущие ученые акцентируют внимание на серьезных изменениях роли журналистики в медийной системе. Е.Л. Вартанова отмечает, что на протяжении XX в. из профессии, практически полностью поставляющей содержание

для СМИ, журналистика превратилась хотя и в одну из центральных, но не единственную такую профессию. «Анализ показывает, что чем исторически “взрослее” и технологически традиционнее СМИ, тем больше в них содержания, созданного журналистами» [Вартанова, 2010]. В системе новых медиа журналистского контента становится все меньше, при этом общественная нагрузка, социальные обязанности, которые выполняет журналистика, по-прежнему принципиально значимы.

В представляемом докладе предложено анализировать трансформацию функций журналистики через призму современного медиапотребления. То есть акцент ставится не только на том, какие роли предписаны журналистике в реалиях сегодняшнего дня, но особенно важно то, как они реализованы, каковы медийные практики в этом направлении.

Обратим внимание и на еще один отличительный аспект предлагаемого доклада. Он опирается на эмпирический материал, полученный в сельской местности. Медиапотребление российской глубинки долгое время являлось заповедной зоной для исследовательских коллективов, занимающихся этой темой. С 2012 г. последовательно реализуется проект Лаборатории медиаисследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», направленный на изучение медиапотребления жителей сельской местности. В 2013 г. исследование проводилось в Коксовском сельском поселении Ростовской области. Партнером проекта выступил Донской государственный технический университет.

Характеристика исследования

Как было упомянуто ранее, исследование проводилось в Коксовском сельском поселении (Ростовская область, 2013 г.), численность населения 8050 жителей (см.: <<http://www.koksovadm.ru>>), до 2004 г. имевшем статус поселка городского типа. Ближайший город – Белая Калитва – находится в 15 км, до областного центра – Ростова-на-Дону – 160 км. Многие жители этого сельского поселения заняты на производстве, в связи с чем частное хозяйство не рассматривается ими в качестве основного источника средств к существованию. В ходе исследования было собрано 64 глубинных интервью жителей 59 домохозяйств. В материалы исследования был включен гайд наблюдателя, позволяющий собрать информацию об особенностях вещной среды респондентов. Особую ценность представляет обширный фотоматериал домохозяйств респондентов, который удалось собрать в результате исследования.

Основные результаты исследования в рамках заявленной темы

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что медиапрактики жителей сельской местности в целом имеют тенденцию к расширению, при этом в сельской среде российской глубинки продемонстрированы серьезные трансформации функционального восприятия медиа в целом и журналистики в частности. Сельские жители адаптируют медийные возможности под свои представления и устои; копируют городские модели восприятия, при этом содержательно оставаясь в привычной им парадигме.

Система получения информации жителями сельской местности имеет несколько уровней. Парадоксально, но значительную часть информации по темам, широко обсуждаемым в медиа, респонденты получают из немедийных источников. К интернет-ресурсам обращаются, чтобы добрать информацию о проблеме. Интересно, что в такой системе в телевизионном контенте ищут не столько информацию, сколько трактовку этой информации, признанное лидерами мнений отношение, которое охотно считывается респондентами и значительно влияет на их понимание ситуации.

Рекреационная составляющая выходит на первый план. Среди общепринятых функций СМИ рекреативная (релаксационная), как правило, входит в число основных, но не первичных, в то время как исследование медиапотребления показывает ее доминантное значение. Особенно это характерно для потребления телевизионного контента. Сами респонденты говорят об этом так:

«По телевизору хочется отдохнуть».

«Пришел, посмотрел и спать спокойно лег – не нервничаешь, не переживаешь».

На материале исследования медиапотребления жителей сельской местности продемонстрирована специфика этого восприятия. В телевидении ищут не только возможность отдохнуть (хотя говорят об этом), но это еще и способ заполнить информационное пространство, которое не может пустовать, упрощенными, привычными формами («*Без телевизора тяжело, когда в доме ничего не работает*»; «*Телевизор почему смотрю? Да делать больше нечего тут!*»).

Парадоксально, но информационная функция для современного телевизионного контента уходит на второй план. Многие респонденты ждут от телевидения не столько новой информации, сколько отражения, интерпретации ранее знакомого контента. В том же случае, когда информация является совершенно незнакомой респондентам, они часто не сразу воспринима-

ют ее, ищут подтверждения, дополнения в других источниках. В этой связке интересно восприятие возможностей сети Интернет. К ресурсам сети часто обращаются за дополнительной информацией по интересующим темам.

«Если там что-то в новостях мельком покажут, я, конечно, уже в Интернете ищу подробности. Развод Путина, за нашу аварию – в Белой Калитве».

«Когда кто-то мне сказал: “Ты слышала?” – “Нет, – я говорю, – не слышала”. Быстренько в Интернет – посмотрела, почитала, что в стране творится».

«Что по телевизору, например, краем уха услышала, о том пытаешься больше информации найти».

Еще совсем недавно эксперты сомневались, «станет ли развлечение одной из основных социальных функций Сети». При этом отмечалось, что развитие Сети «переживает такой этап, когда в силу массовизации аудитории отношения ее с Интернетом теряют былую «серьезность». Скорее всего, в условиях конкуренции интернет-СМИ в той или иной мере будут включать развлечения в свои функции» [Фомичева, 2005]. Материалы исследования позволяют в качестве основной выделить рекреационную (развлекательную) функцию интернет-среды.

Из интервью респондентов становится понятно, что многие понимают новостной потенциал интернет-ресурсов. Но если попытаться расставить приоритеты, то новостная функция будет следовать за рекреационной, коммуникативной и информационно-справочной.

Ценностно-ориентационная и организаторская функции журналистики.

Большинство респондентов в разных вариантах давали понять, что нуждаются в интерпретации медийных сообщений. Таким образом, может быть реализована на практике ценностно-ориентационная функция журналистики. Респондентов не отталкивает то, что при интерпретации сообщение может быть искажено. Они интуитивно отдают журналистам право адаптировать для них информацию.

«Мы же тоже показываем особняки в кинофильмах, а у людей заборов нет».

«Зачем эта правда? Вы знаете, что у нас нация сейчас очень больна... у всех давление, гипертония. А телевизор-то работает... Пусть правду знают те, кому ее положено знать, – МВД, Следственный комитет, Прокуратура, Администрация... Не всем нужна правда».

На материале представленного исследования трудно охарактеризовать практическую реализацию организаторской функции журналистики. Только в нескольких интервью респонденты рассказывали об опыте организации взаимодействия с властями, почерпнутом ими из СМИ (письма в Админи-

страцию, обращения на сайт Президента, попытки добиться личного приема).

Культурно-образовательная функция журналистики практически не осознается респондентами. На прямые вопросы на эту тему респонденты, как правило, начинали рассказывать либо о той части своей биографии, которая связана с обучением, либо об опыте своих детей и внуков. Респонденты осознают значимость журналистской информации в формировании культурно-образовательной реальности, но на практике не демонстрируют востребованность такого контента. Формирование картины мира, наполненной различными деталями культурно-образовательного контента, происходит под влиянием медиа, но не осознается респондентами.

Интересна трансформация функций печатных медиа. В монографии «Драматургия качественного полевого исследования» В.И. Ильина в классификации объектов выделены так называемые «стигматизированные объекты». Они «ассоциируются со смущением, являются социально неприемлемыми или маргинальными» [Ильин, 2006, с. 127]. Жители Коксовского сельского поселения неоднократно рассказывали интервьюерам, что хранят свои книги в кладовых, сараях, сундуках и т.д. Парадоксально, что на вербальном уровне респонденты демонстрируют почтительное отношение к книгам, толстым журналам, именно с ними связано осознание культурно-образовательной функции медиа в целом и журналистики в частности. Но по факту, используя классификацию Ильина, такие медиа можно отнести к стигматизированным источникам. С некоторым обобщением можно говорить, что книги в сельской среде отторгаются современной системой медийных предпочтений сельских жителей, становясь диковинным источником знаний.

Восприятие печатных периодических изданий серьезно изменилось. К примеру, их периодичность является практически стертой характеристикой. Газеты и журналы появляются в домах сельских жителей время от времени, случайным образом, их не рассматривают как постоянный источник информации.

«...журналы еще старые у меня... иногда мне подарят... сестра подарит, невестка мне дарила».

«Как-то шел сериал “Чапаяв”, новый. У меня сын был в восторге! Он заставил нас книгу найти! Книгу найти! Понимаете?».

« – А почему сейчас перестали печатные издания выписывать?»

– Кому их сейчас выписывать?.. Книжку вон купили ей (внучке. – Примеч. авт.) – она ее всю раскурочила».

Стирание такой важнейшей характеристики печатных медиа, как периодичность, значительно снижает их ценность в восприятии респондентов.

Они не рассматриваются жителями сельской местности как важные источники информации, новых знаний, а отождествляются с эпизодическим досугом.

Социализация через медиа. В исследовательской традиции одна из базовых функций СМИ – функция социализации. Через медийную информацию формируется самоидентификация в социальной системе. Как правило, выявление этой функции в исследовательской традиции происходит в системе медийного контента, а не медиапотребления как такового. В этой связи интересной представляется следующая тенденция, выявленная в ходе исследования в Коксовском сельском поселении Ростовской области. Для респондентов ценность представляет сам факт появления в их жизни прогрессивного технического устройства. В системе ценностей респондентов оно позволяет им причислить себя к более значимой социальной группе. В то же время необладание желаемым устройством создает у респондентов ощущение обделенности чем-то важным в жизни, информационной неполноценности, снижает уверенность оценок респондентов.

«Девки пришли в магазин, у них Интернеты. Они включили. Говорят: “Ты что, не знала, у Путина спортсменка?” А я говорю: “А я почему знала, не знала. По телевизору только что передали, то мы с мужем увидели”. А я говорю внуку: “Что ж ты мне за Путина молчишь?” “Да он мне нужен? Что я из-за него буду включать Интернет. Я же с ребятами в Интернете общаюсь, он мне нужен, этот Путин?” А я говорю: “Видишь, что значит у многих компьютеры, даже в таком возрасте, в нашем».

Для жителей сельской местности характерна очень мощная ориентация на мнение окружающих. Они предпочитают не выделяться, выбирать то, что уже принято односельчанами. В интервью жителей как мотив к приобретению новых медийных устройств звучат фразы *«все купили и я купил»*, *«у соседа есть, а чем я хуже»*, *«купи сенсорный, как все»* и т.д. В интервью респонденты смущаются, если становится ясно, что они не используют прогрессивные, на их взгляд, технические новинки или их функции. В то же время охотно бравируют терминологией, явно с удовольствием показывают свои знания в области новых медийных технологий. Не вникая особенно в суть происходящих медийных трансформаций, жители сельской местности наделяют эти перемены особой значимостью. Эта тема для многих из них становится основой социальной классификации, деления на лидеров и последователей, смысловой идентификации элиты.

В медиа респонденты ищут подтверждение собственного опыта, утверждая таким образом себя в реальности. Они транслируют то, что смогли понять, именно это составляет основу воспринятого ими медийного контента.

«Вот как, допустим, как ошарашили, сказали... сижу телевизор гляжу... Путин развелся со своей. Да, я думаю, тьфу, брехня, наверное. Потом другой канал. Точно. Своей кричу: "Путин разошелся". Она мне: "Ты че, тоже собрался расходиться?". А мы с ним одного года. Мы с Путиным одного года. Ага. Да я не собрался!».

«Мне нравится Андрей Малахов, нравится, как он ведет, он более правдиво показывает наше общество, я считаю. Ужасное сейчас общество, запущенное, женщины сейчас вообще ведут себя ужасно. Пить, курить...

И: То есть это достоверная передача?

Р: Да, более правдивая из всех передач, я считаю».

«Путин этот... Как начнет растютюживать... "концепция", вот объясни это бабке моей, что такое концепция? Я сам не знаю, что такое концепция. Куда цеплять чего. А он такое слово скажет, что... ну че он сказал? Да здоровствует наш король и его жена Конституция».

Верификацию проходят только те сообщения, которые близки и понятны респондентам. Не находя образов понятных и близких, респонденты отстраняют такой контент от себя. Возникает внутренний барьер, при котором информация остается непонятой, отторгается, на следующих этапах восприятия вызывает раздражение.

«...ну вот встреча Путина на каком-нибудь заводе. Там нет народа... у меня такое впечатление, что там все избранные, все только поддерживающие... таких нет, чтобы ему сказали напрямую, вот, Владимир Владимирович, у нас вот то-то. Мне так кажется. Я ощущаю вот это по выпускам новостей, по этим, что вот связи с народом особой нету... Даже для таких вот темных людей, как мы, и то понятно».

«Вообще все преувеличено, все так хорошо, а я знаю, что это все плохо. Я же старый человек, я понимаю, что это неправда».

«Р: Криминал смотрю. Больше ни о чем. Путина, Медведева не смотрю. Мне на них параллельно. Криминал, новости. ЧП какие-нибудь.

И: А почему не смотрите про Путина и Медведева?

Р: Не нравятся они мне. Никакой пользы. А что про них смотреть? Что набрешут еще? Я ж все-таки не где-то за границей живу: знаю, что здесь творится на самом деле».

Противоречия в восприятии информации СМИ. Вместе с тем, легко считывая привычные картинки, респонденты не проявляют к ним интереса, если не ощущают противоречия, парадокса, конфликта. *«Я этот Дон (региональное телевидение «Дон-ТР». — Примеч. авт.) никогда не смотрю. Деревня натуральная»,* — говорит жительница Коксовского поселения Ростовской области, которая ведет, по сути, традиционный деревенский образ жизни. Ее землячка при просмотре фильма «Зима уходит» оживляется, когда видит

приезд М. Прохорова в деревню. Респонденту известно, что это миллионер. В фильме были кадры его роскошного предвыборного досуга. К деревенской картинке респондент, чувствуя парадоксальность ситуации, проявляет интерес, комментируя это так: *«Такой человек повернулся к деревне»*.

Многие респонденты, постоянные потребители медиа, отмечали, что ищут легкого контента, «чтобы отдохнуть». При этом в интервью пересказывали информацию совсем другого характера. То, что выходит за пределы их привычного восприятия, запоминается больше всего, становится предметом обсуждения. «Функция массмедиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений», — отмечает Н. Луман в работе «Реальность массмедиа». Именно массмедиа становятся для большинства респондентов источником информации о конфликтах, протестах, недовольствах. Именно медийная информация заставляет респондентов испытывать сильные эмоции, сопереживать. Как при восприятии медийной информации респонденты прежде всего опираются на собственный опыт, так и при формировании этого опыта они опираются на медийную информацию. Даже те респонденты, которые негативно относятся к массмедиа, во время интервью воспроизводили сообщения из медийных источников, полученные ими напрямую или опосредованно (через лидеров мнений).

Выводы. Очевидно, что на современном этапе на функциональные характеристики журналистики влияют особенности восприятия медиа в целом. Жители сельской местности не склонны классифицировать контент, анализировать источники информации. Соответственно, грань между профессиональным контентом и любым другим для них практически стерта.

Многие функции, предписанные журналистике, имеющие принципиально важное значение для развития общества, не реализуются в системе восприятия медийного контента жителями сельской местности. Важнейшие направления остаются невостребованными, в то время как информационные потребности респондентов удовлетворяются хаотично, зачастую контентом не самого высокого качества.

Литература

Аполлонова Л.П. Журналистика как социальный институт. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2008.

Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: МарТ, 2008.

Вартанова Е.Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Электронный журнал «Медиаскоп». 2010. № 1 <<http://www.mediascope.ru/node/521>>.

Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006 <<http://socioline.ru/pages/ilin-vi-dramaturngiya-kachestvennogo-polevogo-issledovaniya>>.

Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2001.

Луман Н. Реальность массмедиа». М.: Праксис, 2005 <http://socioline.ru/files/5/84/luman_realnost_massmedia_0.pdf>.

Официальный сайт администрации Коксовского сельского поселения <<http://www.koksovadm.ru>>.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М., 1998.

Савинова О.Н. К вопросу о трансформации функций журналистики // Электронный журнал «Медиаскоп». 2010. № 4 <<http://www.mediascope.ru/node/660>>.

Соколова А. Функции журналистики: подходы и проблемы // Меди@льманах. 2009. № 1.

Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2007.

Фомичева И.Д. Социология Интернет-СМИ: учеб. пособие. Серия «Интернет-журналистика». Вып. 2. М., 2005.

С.А. Шомова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

«СВОЙ», «ЧУЖОЙ» И «НИЧЕЙ»: МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ МЭРА МОСКВЫ

Поиск своего места в мире и собственной «ниши» в обществе, самоидентификация, самоотождествление с теми или иными ценностями, идеями, социальными группами — одна из главных человеческих потребностей, закономерный фундамент личности. Обозначаемый в современном гуманитарном знании термином «идентичность» этот феномен по-разному трактуется философами, психологами, культурантропологами, но, обрстая многочисленными и разнообразными сопутствующими эпитетами (этническая, гендерная и прочая идентичность), он так или иначе неизменно оказывается в фокусе пристального внимания теоретиков.

Крайне интересные преломления обнаруживает категория идентичности в политических коммуникациях. Именно потому, что электоральное взаимодействие предполагает противостояние политических соперников, претендующих на внимание и голос избирателя, для него крайне важными оказываются такие ключевые характеристики идентичности, как ее способность стать основой, движущей силой организованной социальной активности и ее устойчивая склонность детерминировать окружающий мир на друзей и врагов. Дихотомическое противопоставление «Свой — чужой» относится к излюбленным вариантам конструирования различных вариантов предвыборного взаимодействия с избирателем. При этом «свой» в рамках социокультурной идентичности понимается как человек, соответствующий нормам и ценностям, близким самому индивиду. Что же касается «чужого», то это, прежде всего, нечто незнакомое, непознанное. Самое же главное — это то, что «чужой» всегда существует в оппозиции к «своему/родному», а следовательно, из него проще всего лепится образ врага, столь удобно используемый в политической коммуникации.

Анализируя дискурс российских выборов разного уровня конца XX — начала XXI в., можно с уверенностью сказать, что большинство политиков

так или иначе разыгрывают карту идентичности в своих коммуникативных кампаниях. И чаще всего в их электоральном взаимодействии с избирателем отрабатываются именно культурные маркеры «своего» и «чужого». Однако в последние годы наметился еще один маркер дифференциации социума, который мы предложили бы обозначить условным термином «ничей». Речь идет о невыявленной политической причастности либо о людях, по той или иной причине отсекающих от себя различные формы принадлежности, затрудняющихся в обретении или признании собственной идентичности. Так, в исследовании самовосприятия россиян, проведенном недавно некоммерческой исследовательской службой «Среда», «ничьи люди» выделены в отдельную социальную группу. В эту категорию попали респонденты, называющие себя «нерусскими», «неверующими», «одиночками», «безработными» и т.п., — все они крайне низко оценили свою принадлежность по всем предложенным в опросе пунктам, т.е. затруднились соотнести себя практически с любыми предложенными социальными кластерами [Среда. Исследовательская служба, 2013].

С нашей точки зрения, позиция «ничей» в наши дни обретает все более уверенное право гражданства в политических коммуникациях наряду с культурными маркерами «свой» и «чужой». Это, в частности, показывает исследование медиатекстов одной из последних по времени крупных избирательных кампаний — выборов мэра Москвы. Для исследования набора идентичностей, характерных для коммуникационной политики разных претендентов на эту должность, были выбраны несколько активных кампаний представителей власти и оппозиции — С. Собянина, А. Навального и Н. Левичева.

Первый коммуникационный поток, попавший в наше поле зрения, связан с массивом «официальной информации» — новостными сюжетами федеральных телеканалов, сводками информагентств и иными формальными способами предъявления медиаобразов политиков, в которых достаточно зримо ощущается позиция власти по отношению к каждому из кандидатов. Второй коммуникационный поток представляет собой комплекс рекламных и PR-обращений к избирателю самих участников мэрской гонки; это их собственный выбор идентичностей, с которыми они себя ассоциируют. Отметим, что при анализе всех векторов распространения сообщений обнаружилась интересная «игра идентичностями», своего рода калейдоскоп маркеров социокультурной принадлежности, активно используемых кандидатами и образующих особое поле напряжения в предвыборной борьбе.

Наиболее предсказуемым и однозначным можно считать первый из выделенных нами коммуникационных потоков мэрской гонки в Москве 2013 г. Начнем с политика, исполняющего на тот момент обязанности мэра Москвы. В официальной хронике новостных телевизионных сюжетов, радиосообще-

ний, фотоизображений на официальном сайте С. Собянин предстает перед нами в классической патерналистской роли. Вот он осматривает строящуюся станцию метро «Жулебино»; вот посещает больницу; встречается с учителями и даже подписывает Соглашение о сотрудничестве с Союзом садоводов России... Собственно, пытаясь представить Собянина «своим» для разных категорий москвичей, пропаганда использует не что иное, как прием кластеризации, хорошо известный в западной политико-коммуникационной практике. Суть его в том, что PR-специалисты дробят общие программные установки политика на элементы, каждый из которых нацелен на конкретный социальный слой; для любого кластера есть свой «план подкупа». «Что нужно сделать для американцев ирландского происхождения? – Выпить с ними пива. – Что для китайцев? – Провести вечер в Чайна-тауне... Какие слова найти для медиков, парикмахеров, а какие для женщин-ученых?.. Все это продумывается заранее», – так описывает данную технологию выстраивания «правильной» для каждого кластера идентичности Т. Соссе (цит. по: [Миронов, 2001, с. 30]).

Заметим, что «своим» Собянин предстает в официальных коммуникационных сюжетах и по отношению к высшим государственным чинам. Его регулярно показывают пожимающим руку министрам, присутствующим на важных совещаниях у Медведева или стоящим на пасхальном богослужении рядом с Путиным... На визуальном языке власти подобная пространственная «близость» знаменует собой еще один маркер, подчеркивающий «свойство» Собянина для чиновничьих эшелонов, его готовность разделить их ценности и ведущую государственную идеологию.

Совсем иным – хотя опять-таки вполне предсказуемым – выглядит в предвыборном телеэфире медиаобраз А. Навального. В зале суда по делу «Кировлеса»; в сюжетах, связанных с мошенничеством и отмыванием денег; вынужденный оправдываться по поводу наличия фирмы за рубежом или «незаконного получения статуса адвоката»... На вооружение берется все, что способно представить известного блогера и борца с коррупцией лицемером и двурушником. Добавим, что медиаобраз оппозиционера включает в себя фоновые (со времен митингов на Болотной) черты «ставленника Госдепа», что позволяет замарать его неприемлемыми для массовой аудитории красками и наклеить на политика вполне зримый для электората ярлык «чужой».

Что же касается третьего интересующего нас претендента на пост мэра Москвы, Н. Левичева, то в потоке информации, представляющем «официальную точку» зрения, его образ не окрашен ни в традиционные белые, ни в принципиально черные тона. Этот политик добросовестно участвовал в теледебатах, давал интервью разнообразным СМИ, однако это не мешало с завидным постоянством всплывать в различных медиатекстах одному

и тому же вопросу: откуда и с какой целью появился на арене российской политики этот человек, довольно долгое время остававшийся в тени другого лидера «Справедливой России. Журналисты называли его «третьей силой» [Лебедева, 2013], «непубличным функционером, работавшим на партию, на Миронова» [Налбандян, 2013]; отмечали, что отдельные шаги его кампании противоречат выбранному им имиджу (в истории со штурмом квартиры Навального «органичнее смотрелся бы Жириновский» [Отпугнуть избирателя..., 2013]) и т.д. Поскольку ни «своим», ни «чужим» для серьезных политических сил и массовой аудитории он так и не стал, справедливо было бы сказать, на наш взгляд, что в данном коммуникационном потоке Н. Левичева скорее всего можно было бы охарактеризовать маркером «ничей».

Таким образом, можно отметить, что первый рассмотренный нами коммуникационный поток, связанный с «официальным представлением» в СМИ кандидатов в мэры Москвы, не отличается многомерностью, объемом позиций и взглядов. Гораздо интереснее для осмысления следующий массив материалов, представленный собственными обращениями политиков к избирателям.

Логично было бы предположить, что и.о. мэра Москвы, столь активно маркируемый официальной медиапропагандой как «свой» для власти и лояльного ей широкого электората, и в собственной коммуникации станет эксплуатировать именно этот идентификационный посыл. Тем более, что сам С. Собянин никогда не скрывал своей внутренней близости ни к российским властным структурам в целом, ни к партии власти в частности. «За несколько недель до выборов городские стройки оказались увешаны социальной рекламой, по стилю перекликающейся с листовками, агитирующими за Собянина... — писала Газета.Ru. — Плакаты выполнены на зеленом или белом фоне, шрифт надписей разноцветный — от того же зеленого до ярко-розового. Вместе с тем листовки, которые раздают собянинские агитаторы, перекликаются с этими баннерами по стилю: шрифт идентичен, на белом фоне яркими красками изображены силуэты городских зданий, базовые цвета — все тот же ярко-зеленый и белый» [Винокурова, 2013]. Подобные технологии, позволяющие сформировать четкую ассоциацию образа конкретного политика с образом города или страны в целом, часто используются на выборах для продвижения кандидата от власти. Впрочем, заметным явлением в предвыборной агитации эти материалы (в силу своей шаблонности) не стали, они абсолютно «растворились» среди обращений более харизматичных кандидатов.

Зато много разговоров и откликов вызвали те коммуникационные акции С. Собянина, которые весьма своеобразно жонглируют набором идентичностей различных социальных кластеров столицы. Речь идет, скажем, об огромном плакате со слоганом «Театр с Вами!», расположенном на фоне

портрета Собянина и украшавшем в августе фасад одного из столичных театров. Или о песне, спетой Собяниным с группой «Мурзилки» и представляющей пародию на советский пропагандистский хит «Солнечному миру — да, да, да!..». «Утром на участок?.. Да, да, да! С вечера на дачу? Нет, нет, нет!..» Солидаризируясь с представителями разных социальных слоев, политик пытается показаться «своим» то для деятелей культуры, то для «огородников и дачников».

Однако все же не эксплуатация маркера «свой» более всего выделила С. Собянина из когорты других кандидатов. Возможно, понимая, что для Москвы он по-настоящему так и не успел стать «своим», политик (или же его предвыборная команда) предпринял наиболее удачные коммуникативные шаги совсем в другой идентификационной плоскости. Самая запоминающаяся (и по-своему весьма удачная) PR-акция Собянина — это серия вирусных роликов под общим названием «Кто угодно, только не Собянин!», размещенная в сети Интернет и собравшая несколько миллионов просмотров. Воспринимаемые на первый взгляд как агитация *против* Собянина, на деле эти коммуникационные обращения позволили кандидату «размежеваться» с теми лицами и социальными стратами, которые наиболее неприятны среднему москвичу, и — тем самым — произвести эффективную отстройку от «чужих» в глазах избирателя.

Один из этих роликов представляет собой монолог продавца шаурмы, рассказывающего, как прекрасна была его жизнь до прихода в Москву Собянина, который им все «испортил». «Вот здесь стоял — стеклянный, красивый... — мечтательно показывает он место на асфальте, где находился его ларек. — Кому мешал?.. Ты из метро вышел, пивка купил, закусь хочешь — пожалуйста тебе: вкусный, питательный шаурма...». Воплощая в себе все, что так долго вызывало раздражение у москвичей (узкие проходы у метро, давка в часы пик, молодежь с пивом в руках, некачественный фастфуд из непонятного мяса), да еще умножая эту негативную коннотацию на характерную внешность гастарбайтера и кавказский акцент, герой ролика буквально обречен вызывать антипатию, а его «враг» Собянин — напротив, невольное уважение зрителя. Однако особенно «убедителен» продавец шаурмы, когда жалуется на «притеснения» московского мэра: «То справку покажи, то лицензию делай, то медкнижку покажи... Достал! — и, как вывод: — Кто угодно, только не Собянин!»

Центральные образы этой предвыборной рекламы (кавказец в тренировочных штанах и с классической барсеткой; гайшник, ностальгирующий по временам, когда перед его поборами все были одинаково бессильны) — типичные представители «чужих». И главный посыл вирусных роликов вполне понятен: золотое время этих персонажей закончилось, когда «пришел Собянин». В результате социальные сети и Youtube запестрели откликами

посмотревших ролики горожан: «Ну, теперь точно буду за нашего мэра» и «Молодец, мужик». Отмечая, что подобные вирусные ролики вполне способны привлечь избирателя (особенно молодого), эксперты определяют и их электоральный КПД: «Несколько процентов голосов такие ролики вполне способны дать Собянину» [Орешкин, 2013]. А это значит, что эксплуатация маркеров идентичности по принципу «НЕ-чужой» может оказаться в предвыборной коммуникации не менее действенной, нежели прямолинейная попытка утверждения «свой».

Некоторые элементы подобной технологии взаимодействия с избирателем обнаруживаются и в обращениях других участников мэрской гонки 2013 г. (например, в обращениях Навального очевидна постоянная отстройка от властных структур и партии «Единая Россия», а в выступлениях Н. Левицева – заявления, что «Навальный – это кремлевский проект»), но основной акцент они все-таки делают на постулировании близости к «своему» избирателю.

Что касается А. Навального, то тексты предвыборных листовок зачастую предельно лаконичны и просты; типичные среди них – «Навальный. Марино» или «Навальный наш мэр»... Однако, несмотря на краткость, подстройка под определенную идентичность (региональную или социокультурную) в них вполне ощутима. Можно сказать, что чем активнее официальная медийная пропаганда пыталась представить этого участника мэрской гонки «чужим», тем «симметричнее» и активнее был его ответ. «Один из нас» – так называется целая полоса в одном из номеров газеты «Навальный»; центральный ее материал активно утверждает образ оппозиционного политика как человека «из соседнего подъезда»: «Навальный в отличие от чиновников и главарей партии “Единая Россия” живет жизнью обычного москвича. Его жена водит детей в муниципальную школу и детский сад, а сам Алексей стоит в очередях в районную поликлинику, в многочасовых пробках по дороге на работу...» [Кто такой Навальный? Один из нас, 2013].

Эта же страница буквально пестрит подзаголовками от первого лица: «Знаем, как сделать плохие дороги лучше», «Умеем побеждать воровство в госзакупках»... Упорное использование местоимения «мы» отмечается и в публичных речах политика. Так, на митинге 9 сентября 2013 г. на Болотной площади (завершение выборной кампании мэра Москвы) количество фраз в речи Навального, начинающихся с этого слова, превосходило все мыслимые пределы. «Мы верим в свою победу!», «Мы еще поработаем», «Мы здесь власть!», «Мы главная политическая сила в этой стране»... Подобный метод коммуникации – использование местоимения «мы», обращение к адресату «от первого лица», апелляция к его проблемам и ценностям – именуется спе-

циалистами «стратегией солидаризации» и считается одним из главных механизмов утверждения идентификационного типа «свой».

Логично предположить, что этот же, столь удобный и эффективный прием будет использоваться в предвыборной PR-коммуникации и другими кандидатами. И действительно, Н. Левичев также активно эксплуатировал различные технологии создания образа «свой» в своих обращениях к аудитории. Однако, анализируя как риторику, так и другие виды публичных текстов данного лидера, невольно приходишь к выводу о том, что маркер «свой» зачастую естественным образом эволюционирует в них в утверждение «для всех», что являет собой уже несколько иной тип культурной самоидентификации.

Вот цитата из одного из его предвыборных выступлений: «Мы будем выбирать фигуру, способную отстоять интересы мегаполиса и граждан Москвы на федеральной политической площадке» [Гонка слов..., 2013]. Неопределенный адресат, не так ли? «Мегаполис» и «граждане Москвы» – более чем размытый указатель на тот кластер, с которым самоидентифицирует себя политик. Возможно, подобная неопределенность – вполне осознанный шаг, позволяющий, по мнению Н. Левичева, максимально «расширить» электоральную аудиторию?.. Но в результате москвичи отвечают ему такой же невинной позицией. По данным августовских опросов Левада-центра, Н. Левичев, является, с одной стороны, политиком, собравшим едва ли не меньше всего ответов на вопрос «За кого из этих кандидатов вы готовы проголосовать на выборах мэра Москвы» (меньше него, 2% от числа намеренных голосовать и определившихся с выбором, набрал только М. Дегтярев); а с другой – он же является политиком, набравшим меньше всего процентов голосов в ответе на вопрос «За кого из этих кандидатов вы бы ни за что не проголосовали на выборах мэра Москвы?» [Левада-Центр, 2013]. Ни любви, ни ненависти – такая вот *roman'sland*, «ничья земля».

Маркер «ничей» довольно хорошо, с нашей точки зрения, просматривается и в мироощущении тех людей, в уста которых вложена агитация за Н. Левичева в его предвыборных материалах. Возьмем, например, печатное средство информации, агитирующее за политика, – газету «За справедливое будущее». В одном из номеров газеты выбрать «справедливого мэра» – Н. Левичева предлагает 79-летняя Т.А. Либерман, одна из немногих оставшихся в живых «детей войны». В исполненном горечью (вполне справедливой) материале она говорит: «Мы поднимали разрушенную войной страну... Но почему ни один из законов не содержит понятия “дети войны”? Нет закона – значит, нет проблемы...» [Мы должны выбрать..., 2013]. «Нас нет» – общий посыл этого текста, его центральный месседж. Но подобное мировосприятие характерно не только для названной статьи, но и для других материалов в разных номерах этой газеты. Требования социальной справедливости совер-

шенно оправданны, и в электоральной коммуникации, безусловно, можно делать ставку на защиту обездоленных. Однако в этом случае, по-видимому, необходимо точнее выбирать аргументацию агитационных материалов; самоидентификация же политика по принципу «ничей» в той или иной степени маргинализирует его нишу на рынке политического маркетинга и неизбежно «размывает» электоральную аудиторию.

Таким образом, можно заключить, что идентификационные маркеры используются в предвыборной коммуникации не столь однозначно и прямолинейно, как это можно было бы предположить, исходя из устоявшихся представлений о дихотомии «свой – чужой» в политической борьбе. Думается, технологии эксплуатации данных образов (как и способы отработки маркера «ничей») могут варьироваться с достаточно большим разнообразием и заслуживают дальнейшего изучения гуманитарной наукой.

Литература

Винокурова Е. Собянин смешал цвета. 01.11.2013 <http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/20_a_5599273.shtml>.

Гонка слов. Какие программы у кандидатов в мэры Москвы? 18.10.2013 <<http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/241638-gonka-slov-kakie-programmy-u-kandidatov-v-mery-moskvy/photo/6>>.

Орешкин Д. Вирусные ролики с кавказским торговцем и «правильным ментом» привлекут к выборам молодежь. 05.11.2013 <<http://www.rosbalt.ru/moscow/2013/08/08/1162174.html>>.

Кто такой Навальный? Один из нас // Навальный. 2013. С. 4.

Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 18.10.2013 <<http://www.levada.ru/01-09-2013/rezultaty-predvybornogo-oprosa-v-moskve>>.

Лебедева И. Мэр Москвы от «Справедливой России». 01.11.2013 <http://www.smibpress.ru/news/kandidat_v_mehry_moskvy_ot_spravedlivoj_rossii/2013-07-18-1226>.

Мионов А. Раздувай и властвуй. Практическое руководство по технологиям «мягкой» пропаганды. М., 2001.

Мы должны выбрать справедливого мэра // За справедливое будущее. 2013. С. 8.

Налбандян Л. Николай Левичев: Мне угрожают физической расправой. 01.11.2013 <<http://sobesednik.ru/politics/20130820-nikolai-levichev-mne-ugrozhayut-fizicheskoi-raspravoi>>.

Отпугнуть избирателя. Эксперты об ошибках участников теледебатов. 05.11.2013 <<http://www.aif.ru/politics/russia/46090>>.

Среда. Исследовательская служба. 01.11.2013 <<http://sreda.org/opros/46-lyudinarashvat-vs-nichi-lyudi-k-voprosu-ob-identichnosti-cherez-analiz-prinadlezhnosti-patrioty-i-potentsialnyie-emigranty>>.

S.S. Bodrunova^{1,2},
O. Koltsova¹,
S. Koltsov¹,
S.I. Nikolenko^{1,3}

MAPPING ETHNIC DISCOURSE IN THE RUSSIAN BLOGOSPHERE OF 2010s⁴

Research premises

Ethnic attitudes have long been a huge area of research that may be conventionally divided into essentialist and constructivist fields [Hutchinson, Smith, 1996]. Among other issues, links between intergroup relations and ethnic perceptions have been thoroughly studied; public attitudes towards ethnic groups are believed to be a factor influencing the spill-over potential in an ethnic conflict [LeVine, Campbell, 1972].

The basic concepts of «ethnicity» and «ethnonym» need to be defined here for further discussion of ethnic attitudes. Literature review provides us with definitions of «ethnicity» understood as 1) socially constructed out-group characteristic based on «us vs. them» dichotomy and mentally connected to group features like common past, origin, cultural imaginaries, and traditions [Smith, 1986, ch. 2]; 2) a group of people that corresponds to this characteristic (including ethnos, sub-ethnos, and meta-ethnic community [Tanatova, 2010, p. 14]). Ethnonym is a lexical unit representing an ethnicity [Nikonov, 1970], including pejoratives.

Ethnicity is the concept that has long been contextualized with the help of similar concepts. Several research lines put «ethnicity» into the context of «ritualized» sides of life (appearance, traditions, customs, social habits, or everyday behavior patterns). Though being criticized as primordialist in the Academe, they remain significant ethnic markers in popular mind. Within another line of contextualization, the concept of «nation» is, in contrast, often built upon linkages between ethnic community and territorial polity (e.g. in case of nation states or ethnic regions within them), which politicizes our understanding of ethnicity [Eriksen, 1993, p. 5–7] and allows for interpreting ethnicities as political social imaginaries [Anderson, 1983] –

---

¹ National Research University Higher School of Economics.

² St. Petersburg State University.

³ Steklov Mathematical Institute.

⁴ The research is supported by the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics, Russia.

collective actors on world arenas pursuing unified political and economic goals. This interpretation is also believed to be important for an ordinary person [Prazauskas, 2000]. The «ritual» and the «political» create two poles of strangeness (culturally differing communities / geopolitical antagonists). Several studies have shown that the «political – ritual(ized)» axis exists in self-perception of the European nations [Krejčí, Velimsky, 1981] and in perception of out-groups; for the latter, several variables are believed to be influencing attitude formation. Among those, experience of ethnic conflict is crucial for forming politicized attitudes, while for the ‘ritualized’ ones experience of co-living and neighboring (from individual collaboration to nation-wide competition) is a natural fostering factor [Drobizheva, 2010].

This paradigm was challenged by a range of researchers, first and foremost by Stewart Hall [Hall, 1997]. Thus, it is interesting to know whether the «political – ritualized» axis exists within the public discourse *en masse*; today, big data methods allow testing it.

Ethnic attitudes are believed to be represented online as well as offline. With the growth of Internet in 1990s, hopes arose that the negative ethnic attitudes online would be gradually diminishing; but soon it was clear enough that negative perceptions of ethnic communities persist in online communication [Nakamura, 2002]. Being, in general, an under-researched area until recently [Daniels, 2013], today, ethnic Internet studies occupy growing space and pose the questions on how ethnic attitudes are expressed, whether traditional fostering factors work online, or what the role of a given platform in forming ethnic attitudes is. By far, as Daniels claims, people tend to reproduce pre-existing ethnic attitudes online; thus, studies on Rунet data could be, at least to some extent, generalized to the Russian-speaking community offline.

Ethnicity in the USSR, Russia and Rунet

The duality described above as the axis of ethnic perceptions has been documented for the USSR, starting from the classic works by Yulian Bromley [Bromley, 1973]. Western researchers also spotted this axis in development of «nationhood» policy in the Soviet Union [Brubaker, 1994]. Thus, it is interesting to know to what extent the axis is seen in the online discourse of the Russian-speaking population 25 years after the fall of the USSR and what factors shape it now.

Soviet policies have left a controversial imprint on ethnic attitudes in Russia. On the one hand, ethnic diversity and equality was perceived as an indicator of «Soviet democracy»; thus, «peoples» friendship’ rhetoric was adopted, and ethnic cultures supported. On the other hand, actual policing included policies aimed at assimilation of smaller ethnic groups and the formation of the Soviet quasi-national identity

Today, this contradiction reinvents itself in the «post-imperial vs. ethnic nation» building in the Russian modernization and transition studies [Mukomel, Payin, 1999; Payin, 2003; Gavrov, 2009]. Being a fundamentally fragmented society, Russia has post-Soviet migrant and North Caucasian population as one of «four Russias» – a distinct social milieu neither absorbed nor accepted as «inherently Russian» by the urban post-industrial, post-Soviet industrial, and rural «Russias» [Zubarevich, 2011]. This milieu is in rapid growth, especially in absence of a sound migration policy that could combine freedom of movement with crime control and efficient integration measures. The recent decade has been marked by resonant conflicts between residents and diasporas on the local level including those in Kondopoga (2006) and in Moscow (2010, 2013), all involving the growing migrant population in urban and suburban areas, especially Central Asians and North Caucasians both perceived as immigrants.

In Russian ethnic studies, all the traditions of contextualization of ethnicity are represented. However, often studies of ethnic attitudes use the «binary» approach that studies perception of one nation by another one. There are attempts to map ethnic attitudes within a territory or a social stratum [Ryzhakova, Zavyalova, 2008; Osadchaya, 2011; Huhlaev, 2011]. Research of attitudes towards multiple ethnic groups is usually based on the data from polls.

Thus, we will be trying to map the ethnic attitudes in the Russian blogosphere, as blogs provide enough material to do that: the texts are long enough, and the speech online is described in literature as «oral-written» [Lutovinova, 2008], that is, spontaneous, dialogue-oriented, and non-regulated in comparison, e.g., to media speech. Beside alleged positive implications to freedom of speech, blogs not being under state regulation till 2014 also had (arguable) negative implications, as it led to growth of extremist and racist discourse in Runet [Salimovsky, Ermakova, 2011]. Thus, we expect the collected content to represent well-outspoken attitudes towards ethnic groups in their spontaneously expressed connection to the factors that shape them.

Research questions and hypotheses

In our research, we try to map the ethnic attitudes in the Russian blogosphere via mixed methods, including enriched topic modeling and manual framing analysis. Our general research question is whether the «political – ritual» axis shows up as the principle of cognitive mapping in the Runet and what factors might be connected to reproducing the axis in the public mind – or, if it does not show up, what other principles of mapping may be suggested.

Based on this, we have four research hypotheses.

H1. There are ethnic out-groups that cause discussion in the Russian blogosphere; thus, in our sample, these ethnonyms will go much over their normal word frequency in the Russian language. There will be detectable dominant groupings of ethnonyms depending on geography; dominance of a given group will directly depend on geographical proximity to Russia.

H2. Based on earlier findings on agenda in Russian LiveJournal [Koltsova, Koltcov, 2013], we assume that ethnic discourse in Russian blogs is robust enough to form stable topics detectable via automated topic modeling.

H3. The «political – ritual» axis is sound in the cognitive mapping of ethnic attitudes in the Russian blogosphere; that is, other thematic/conceptual contexts (like economics, social issues, or personal relations) will be less relevant for mapping. It will be able to spread the ethnonyms along the «political – ritual» axis controlling for other thematic contexts of posts.

H4. Another visible mapping axis will be «dominant – subordinate» positioning of ethnic groups; this reflects the post-imperial state of the current public discourse on ethnicity in Russia. Combination of the two axes and geography will create interpretable groups of ethnicities with shared imposed attitudes.

Research design and sampling

In this research, we focus on LiveJournal, the blogging platform that, for Russia, has in early 2000s become the most significant one in terms of the public sphere [Gorny, 2004, 2009], in contrast to other popular platforms de-politicized and overwhelmed with trivial content. The basic sample is the full collection of posts of top 2,000 LiveJournal Russian-language bloggers (listed as leaders in the LiveJournal «social capital» rating) of February to May 2013 (11 weeks, 363,580 texts, 1,072,283 lemmas). This period is «calm», as no ethnic-related events (except for Easter) were salient in the public agenda.

To detect what ethnic groups are discussed, if any, and in which context, we use an approach of automatic topic modeling that breaks a text collection into a pre-set number of topics based on word co-occurrence in texts. The output is probabilities of belonging of each text and each word to each topic; the latter is understood as a latent variable akin to a factor. In this research we use LDA algorithm with Gibbs sampling [Griffiths, Steyvers, 2004], that we successfully applied to the LiveJournal earlier [Koltsova, Koltsov, 2013], as well as developed an extension of it [Bodrunova et al., 2013]. Since ethnic topics did not show up with few topics being preset, we empirically found the number of topics at which they appear, and it was 400.

As our tests have revealed, LDA is not stable and its different runs on the same data give different results [Koltsov et al., 2014]. While genuine stabilization of LDA is still waiting for its development, here we propose a semi-automated methodology of detecting the most stable topics from multiple runs of the algorithm. All thresholds in this methodology are conventional but derived from empirical observations. At first, after five runs of the algorithm have been performed, all 2,000 topics were compared pairwise with Jaccard and Kullback-Leibler measures. The most similar topics from different runs were combined into topic sets if their similarity was detected by both measures or if the Jaccard coefficient was not less than 0,150. After that, if at least one topic of a set contained words possibly related to ethnicity (e.g. ethnonyms, country names, traditional subjects etc.) among its top ten most probable words, the entire set became the subject of further scrutiny. All topics within it were checked manually to contain ethnonyms with probability of no less than 0,002, thus producing 291 topics within 154 sets. Finally, 33 topics were left in the analysis based on the index of their «real repeatability». To construct the index, we manually defined if each set constituted a single «real» theme or a number of related «real» themes (e.g. for the French, French cuisine and Napoleon wars) and divided the number of the ethnic-related topics in the set by the number of the «real» themes in it. It were 35 topics that acquired the index of over 50%, but one of them was repost-based and one was based on very few texts; these were filtered out, and 33 sets remained.

From each of these 33 sets, one representative topic was chosen for further analysis. Its top 30 relevant texts were selected for manual coding. A 30-question codesheet was elaborated and tested with five human coders. This work is in progress, but preliminary conclusions may be drawn from the pilot coding and from the experience of topic selection.

Preliminary findings

General statistics available at this stage of the research is quite informative. 166 ethnonyms and quasi-ethnonyms were discovered in the word list of the 5,000 most frequent lemmas of our text collection via manual search. For 58 of those, it was possible to calculate whether their use goes beyond average, as their frequency was stated in the frequency vocabularies of the Russian language. Of those, 48 go above average. In the word lists of 33 selected topics, 33 ethnonyms were found to appear with probability of more than 0,002, although often more than one ethnonym showed up in a single topic. 23 of those are found among the 48 most frequent ethnonyms; thus, almost the half (48%) of the most discussed ethnic groups form stable topics. They are the following (ranged by frequency): British, Tajik, Ukrainian, European, Chinese, Caucasian (pejorative), Uzbek, Spanish, (American) Indian, Korean,

American, Pole, Japanese, Palestinian, Jew, Israeli, Arab, Czech, Cossack, English, Chechen, French, Tatar.

H1. There are, indeed, ethnic groups that are discussed up to 5,5 times over average in terms of word frequency; there are 23 ethnic groups that are discussed more than on average *and* form stable topics. Among those, five groups may be traced, but the dominance of in-Russian and post-Soviet ethnic groups is absent (see H3).

H2. Stable topics are, indeed, detectable. Of 2,000 topics, 291 (15%) were ethnicity-related. Stability of ethnic discourse does not differ much from the average. Thus, LiveJournal is, obviously, not very much concerned of ethnic topics; but they constitute stable discussion milieu.

Analysis of top words showed that there are three types of ethnicity-related topics: «chronical», issue-based and event-based. In the 33 topics, the proportion was 24:6:3 (with one topic non-defined). This is counter-intuitive, as event-oriented topics in other web 2.0 media tend to occupy more space.

H3. By far, the «political – ritual» axis is very evident in the content. Top words showed that proportion of political, «ritual», both, other, and non-definable topics was 16:5:5:4:3. Thus, 79% of the topics seem to be located within this axis; interpretative reading will show if this is true.

H4. While there is no data yet for the «dominant – subordinate» axis, the post-empirical nature of the discourse is evident. Of 166 ethnicities found, in-Russian are just 39 (28% of the 139 indigenous nationalities registered by the 2010 census), and most small nationalities are absent. While this is explainable, more surprising is that, counter-intuitively, of the 23 stably discussed nations, European, distant (Chinese, Japanese, American, American Indian), Middle East & North African, in-Russian, and post-Soviet nations are 8:4:4:3:3, the discourse being oriented to past and current armed conflicts, international politics, immigrants, and border issues rather than to internal nationalities and their agendas.

Thus, in general, mapping of ethnic attitudes is possible; stable discussion detected via LDA is sufficient but less event-oriented than expected; and the «political – ritual» axis still shapes the ethnic discourse in blogs. In future, we may also need a more refined LDA methodology to discover event-oriented topics.

References

Anderson B. Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983.

Bodrunova S., Koltsov S., Koltsova O., Nikolenko S., Shimorina A. Interval Semi-Supervised LDA: Classifying Needles in a Haystack: Proceedings of the 12th Mexican

International Conference on Artificial Intelligence (MICAI'2013). Lecture Notes in Artificial Intelligence. Vol. 8265. P. 265–274.

Bromley Y.V. Ethnos and Ethnography. M.: Nauka, 1973.

Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society. 1994. Vol. 23. Issue 1. P. 47–78.

Daniels J. Race and Racism in Internet Studies: A Review and Critique // New Media & Society. 2013. Vol. 15. Issue 5. P. 695–719.

Drobizheva L.M. Identity and Ethnic Attitudes of Russians in their Own and Alternative Ethnic Environment // Socis (Social Research). 2010. Vol. 12. P. 49–58. (In Russian.)

Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L.: Pluto Press, 1993.

Gavrov S.N. Modernization of Russia: Post-Imperial Transit. Lincoln: Nebraska 4-H Clubs: Historical Materials and Publications, 2009 <<http://digitalcommons.unl.edu/a4hhhistory/21>>.

Gorny E. Russian Livejournal: National Specifics in the Development of a Virtual Community // Russian-Cyberspace.org. 2004. May 13. <http://www.ruhr-unibochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf.html>.

Gorny E. Understanding the Real Impact of Russian Blogs // Russian Analytical Digest. 2009. Vol. 69. P. 8–11 <http://www.laender-analysen.de/russland/rad/pdf/Russian_Analytical_Digest_69.pdf.html>.

Griffiths T., Steyvers M. Finding Scientific Topics // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2004. Vol. 101. Suppl. 1. P. 5228–5335.

Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. L.: SAGE Publications, 1997.

Huhlaev O.E. Ethnonational Attitudes of Today's Russian Youth // Voprosy Psichologii. 2011. Vol. 1. P. 46–57. (In Russian.)

Hutchinson J., Smith A.D. Ethnicity. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Koltsov S., Koltsova O., Nikolenko S. Latent Dirichlet Allocation: Stability and Applications to Studies of User-Generated Content. Proceedings of WebSci 2014 (forthcoming).

Koltsova O., Koltsov S. Mapping the Public Agenda with Topic Modeling: The Case of the Russian Livejournal // Policy and Internet. 2013. Vol. 5. Issue 2. P. 207–227.

Krejči Y., Velimsky V. Ethnic and Political Nations. L.: Croom Helm, 1981.

LeVine R.A., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behavior. L.: John Wiley & Sons, 1972.

Lutovinova O.V. Internet as a New «Oral-Written» Communication System // Bulletin of Russian State Pedagogical University n.a. Herzen. 2008. Vol. 71. P. 58–65. (In Russian.)

Masov R. The History of a National Catastrophe. Dushanbe: Ifron, 1996.

Mukomel V., Payin E. The Causes and Demographic-Social Consequences of Interethnic and Regional Conflicts in the Post-Soviet Union // Population Under Duress:

The Geodemography of Post-Soviet Russia / G.J. Demko, G. Ioffe, Z. Zayonchkovskaya (eds). Boulder: Westview Press, 1999. P. 177–183.

Nakamura L. Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet. L.: Routledge, 2002.

Nikonov V.A. (ed.) Ethnonyms. M.: Nauka, 1970. (In Russian.)

Osadchaya G.I. Values, Aims and Stereotypes of Ethnic Behavior of Young Muscovites // Social Policy and Sociology. 2011. Vol. 11. P. 86–105. (In Russian.)

Payin E.A. Between Empire and Nation: Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russian National Policy. M.: Liberal Mission Foundation, 2003.

Prazauskas A.A. Ethnos and Politics: A Reader. Moscow: URAO, 2000. (In Russian.)

Ryzhakova S.I., Zavyalova M.V. Ethnic Images and Stereotypes: upon Materials of Comparative Research Among youth of Latvia and Lithuania. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2008. (In Russian.)

Salimovsky V.A., Ermakova L.M. Extremist Discourse in Runet Communication // Rossiyskaya i Zarubezhnaya Fililogia. 2011. Vol. 3. Issue 15. P. 71–80. (In Russian.)

Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. L.: Wiley and Sons, 1986.

Tanatova D.K. Ethnosocial Research in Russia and Abroad: Comparative Analysis // Social Policy and Sociology. 2010. Vol. 1. P. 13–34. (In Russian.)

Zubarevich N. Four Russias // Vedomosti. 2011. December 30. (In Russian.)
<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii.html>.

МЕНЕДЖМЕНТ

М.А. Бек,
Н.Н. Бек

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ БРИКС: УСЛОВИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗАДАЧИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Характерные для последнего десятилетия существенные различия стран мира по темпам и характеру изменения ВВП объясняют растущий интерес к исследованиям экономического роста [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2005; Бальцеревич, Жоньца, 2012; Спенс, 2013; Хепман, 2011]. Особый интерес вызывают развивающиеся страны, многие из которых заметно сократили отставание от развитых стран по уровню развития экономики. В статье представлены новые результаты начатого в 2011 г. сравнительного анализа экономического развития группы стран БРИКС, включающей Бразилию, Индию, Китай, Россию и Южную Африку¹.

Одной из важных предпосылок ускорения экономического развития экономики авторы считают создание условий для повышения предпринимательской активности и инновационного развития бизнеса. Эта точка зрения опирается на результаты полевого исследования внешней среды бизнеса, имитационного моделирования процессов развития и деградации инновационных фирм и межфирменных сетей, межстранового сравнения условий и результатов инновационного развития с использованием оценок Всемирного экономического форума, которые позволили в определенной мере понять и объяснить причины низкой инновационной активности российского бизнеса и их влияния на развитие отдельных фирм и межфирменных сетей [Бек, Бек, 2012; Bek et al., 2013; Бек, Бек, 2014]. Однако взаимосвязь темпов экономического роста развивающихся стран с условиями и результатами инновационного развития, исследованная пока недостаточно, заслуживает дополнительного изучения. Авторы расширили ранее принятую постановку за-

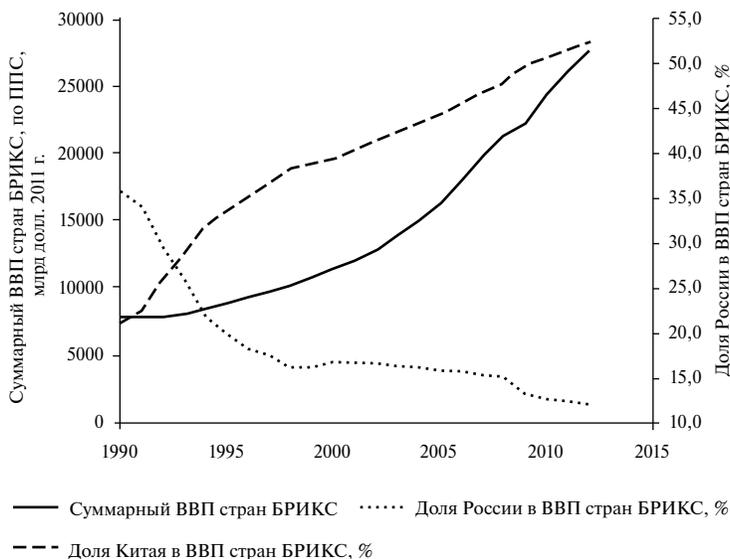
---

¹ При подготовке публикации использованы результаты исследований, выполненных авторами в Лаборатории сетевых форм организации факультета менеджмента НИУ ВШЭ в 2011–2012 гг.

дачи, включив в рассмотрение показатели, характеризующие, наряду с долей валового накопления в ВВП, производство знаний в сфере исследований и разработок и условия инновационной деятельности, предпринимательскую активность и качество институтов.

Данные о динамике экономического развития стран БРИКС (рис. 1) свидетельствуют об увеличении их вклада в ВВП мировой экономики и об отставании России от основных партнеров по БРИКС по темпам роста ВВП. За период с 1990 г. по 2012 г. суммарный ВВП стран БРИКС по ППС в долларах 2011 г. увеличился почти в 4 раза – с 7970,52 до 27589,26 млрд долл.

В значительной мере это было достигнуто за счет впечатляющего роста ВВП Китая со среднегодовым темпом более 10% в год. Отрицательные темпы роста ВВП России в 1991–1998 гг. привели к тому, что ВВП России стал меньше, чем ВВП Китая в 1993 г., Индии в 1994 г. и Бразилии в 1996 г. После 1998 г. отставание России по темпам роста от партнеров по БРИКС заметно уменьшилось, но отставание от Китая и Индии по величине ВВП продолжает возрастать.

Рис. 1. Экономический рост стран БРИКС в период с 1990 г.

Источник: Данные Всемирного банка.

Доля Китая и России в суммарном ВВП стран БРИКС в 1990 г. составляла 21,2% и 35,9% соответственно; к 2012 г. доля России снизилась до 12,1%, а доля Китая возросла до 52,7%. Таким образом, если в конце 1990-х годов Россия превосходила Китай по величине ВВП примерно в 2 раза, четверть века спустя она отстает от партнера по БРИКС более чем в 4 раза.

Характерная для стран БРИКС тесная взаимосвязь темпов роста ВВП и доли в ВВП валового накопления (валовых внутренних инвестиций) иллюстрируется данными табл. 1 и выявленными на основе этих данных закономерностями (рис. 2). Различия между странами по доле валовых накоплений в ВВП, как следует из рассмотрения представленной на рис. 2 линейной линии тренда, практически полностью объясняют различия по темпам экономического роста в 2001–2012 гг. Уравнение линейной линии тренда, приведенной на рис. 2, характеризуется близким к максимально возможному коэффициентом детерминации $R^2 = 0,999$:

$$J_{GDP} = 0,27 \times GCF - 1,43,$$

где J_{GDP} – среднегодовой темп роста ВВП в 2001–2012 гг.;

GCF – среднегодовой уровень валового накопления в % от ВВП (Gross capital formation, % of GDP) в 2001–2012 гг.

Оценки по уравнению линии тренда показывают, что в среднем увеличение доли валовых накоплений в ВВП на 10% в рассмотренный период вело к увеличению темпа роста ВВП стран БРИКС на 2,7%.

Таблица 1. Валовое накопление и экономический рост стран БРИКС

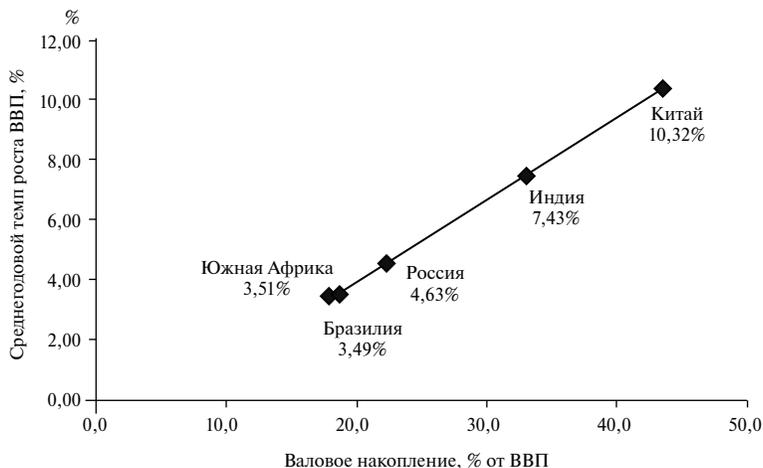
Страны БРИКС	Валовое накопление (% от ВВП) в среднем за год, 2001–2012 гг.	Валовое накопление (% от ВВП) в среднем за год, 2006–2012 гг.	Среднегодовой темп роста ВВП, %	
			За период с 2001 г., %	За период с 2006 г., %
Бразилия	17,9	18,9	3,49	3,64
Китай	43,5	46,0	10,32	10,07
Индия	33,1	36,3	7,43	7,27
Россия	22,3	23,4	4,63	2,90
Южная Африка	18,8	20,1	3,51	2,77

Источник: Данные Всемирного банка.

Как следует из данных табл. 2, в последние годы доля валовых накоплений в ВВП во всех странах БРИКС несколько возросла. А темпы роста

ВВП снизились во всех странах БРИКС, кроме Бразилии, более заметно – в России. При этом теснота связи между темпом роста ВВП и долей валовых накоплений в ВВП в период после 2006 г. несколько снизилась, но осталась достаточно высокой, $R^2 = 0,945$.

Значительные различия стран БРИКС по доле валовых накоплений в ВВП и темпам роста ВВП можно рассматривать как концентрированный результат совместного влияния широкого круга показателей, характеризующих качество институтов, определяющих инвестиционный климат и эффективность инвестиций, условия, возможности и результаты инновационного развития, производство знаний в сфере исследований и разработок, предпринимательскую активность.

Рис. 2. Зависимость среднегодовых темпов роста ВВП стран БРИКС от доли валовых накоплений в ВВП, 2001–2012 гг.

Рассматривая темп роста ВВП и долю валовых накоплений в ВВП как результирующие показатели, авторы провели статистический анализ их взаимосвязей с индикаторами и показателями, характеризующими предпринимательскую активность, условия ведения бизнеса с использованием базы данных Всемирного банка, опубликованных материалов доклада Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности [The Global Competitiveness Report..., 2013] и последнего отчета UNIDO [The Industrial Competitiveness..., 2013] по оценке конкурентоспособности промышленности стран мира, а также отчетов по международным проектам по глобальному

мониторингу предпринимательства, GEM [Верховская, Дорохина, 2010] Doing Business.

Полученные оценки, некоторые из которых представлены в табл. 2, позволяют утверждать, что в группе стран БРИКС темпы роста ВВП и склонность к накоплению тесно взаимосвязаны с развитием производства и природой конкурентных преимуществ, с предпринимательской активностью, с ростом числа заявок на патенты (характеризующим развитие сферы НИОКР, производство знаний и новаций) и способностью к инновациям. В табл. 2 приведены коэффициенты корреляции, характеризующие тесноту взаимосвязи ряда показателей и индикаторов с темпом роста ВВП и определяющей эти темпы долей накоплений в ВВП. Строки в таблице приведены в порядке уменьшения величины коэффициентов корреляции. В табл. 2 не был включен ряд показателей, теснота взаимосвязи которых с темпом роста ВВП значительна. Например, из ряда показателей предпринимательской активности, оцениваемой в проекте GEM по результатам ежегодных опросов взрослого трудоспособного населения, мы отобрали только показатель активности устоявшихся предпринимателей, к которым при опросах относят владельцев и управляющих устоявшегося бизнеса, выплачивающего заработную плату более 3,5 лет. Но почти так же тесно связаны с темпом роста другие показатели, в частности индекс ранней предпринимательской активности и общий уровень предпринимательской активности. Из ряда наблюдаемых показателей, характеризующих условия и результаты производства знаний и инноваций, развитие сферы исследований и разработок, мы выбрали количество заявок на патенты и темпы их роста.

Из совокупности оцененных в отчете UNIDO [The Industrial Competitiveness..., 2013] показателей, характеризующих конкурентоспособность промышленности стран мира, был выбран вклад страны в добавленную стоимость производства в мире и среднегодовой темп его роста.

В отчете Всемирного экономического форума [The Global Competitiveness Report..., 2012] приведены оценки по 144 странам мира четырех ключевых индикаторов, 12 обобщающих показателей (по некоторым из которых Россия существенно уступает партнерам по БРИКС, включая институты, развитие финансового рынка и др.) и 113 индикаторов, тесную взаимосвязь части которых (например, защиты прав собственности) с некоторыми вошедшими в таблицу показателями мы рассматривали ранее [Бек, Бек, 2012].

Отметим, что по многим включенным и не представленным в табл. 2 показателям и индикаторам Россия существенно уступает партнерам по БРИКС. Исследование выявленных разрывов и возможностей их сокращения можно рассматривать как актуальную задачу для продолжения иссле-

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа взаимосвязей показателей темпа роста ВВП и доли инвестиций в ВВП с оценками других показателей и индикаторов

Показатели и индикаторы, тесно взаимосвязанные с результирующими показателями	Оценки коэффициентов корреляции с результирующими показателями	
	Среднегодовой темп роста ВВП, 2001–2012 гг.	Доля валовых накопленных в ВВП, 2001–2012 гг.
Среднегодовой рост вклада страны в добавленную стоимость производства в мире в 1995–2010 гг.	0,99	0,99
Среднегодовой рост числа заявок на патенты в 2001–2012 гг.	0,97	0,97
Вклад страны в добавленную стоимость производства в мире в 2010 г.	0,83	0,82
Среднегодовое число патентов в 2001–2012 гг.	0,83	0,82
Природа конкурентных преимуществ	0,82	0,83
Активность устоявшихся предпринимателей по отчету 2009 г.	0,75	0,75
Способность к инновациям	0,68	0,67
Степень участия экспортеров в цепочках создания ценности	0,50	0,50
Степень развития кластеров	0,44	0,44
Количество местных поставщиков	0,25	0,25
Doing Business 2011 рейтинг	0,16	0,14

Источник: данные для проведения расчетов [Верховская, Дорохина, 2010; The Global Competitiveness..., 2012; The Industrial Competitiveness..., 2013].

дования и конкретизации предложений по совершенствованию управления инновационным развитием.

Например, результаты глобального мониторинга предпринимательства по проекту GEM [Верховская, Дорохина, 2010], приведенные в табл. 3, показывают, что Россию от основных партнеров по БРИКС (и от большинства стран – участников проекта GEM) отличают уникально низкие показатели предпринимательской активности.

Представляется достаточно актуальным и перспективным исследование причин наблюдаемых в этой важной сфере разрывов между Россией и ее основными партнерами по БРИКС. Темпы экономического роста в странах БРИКС, судя по полученным результатам, существенно зависят от предпринимательской активности, снижению которой мы обязаны сложившимся

Таблица 3. Уровень предпринимательской активности в странах БРИКС

Страны БРИКС	Уровень ранней предпринимательской активности на ранних стадиях, ТЕА	Уровень активности устоявшихся предпринимателей	Общий уровень предпринимательской активности
Бразилия	15,3	11,8	27,1
Китай	18,8	17,2	36,0
Индия*	11,5	16,5	28,0
Россия	3,9	2,3	6,2
Южная Африка	5,9	1,4	7,3

* Для всех стран оценки даны по проекту [Верховская, Дорохина, 2010], в котором Индия не принимала участия; для нее приведены оценки из проекта предыдущего года.

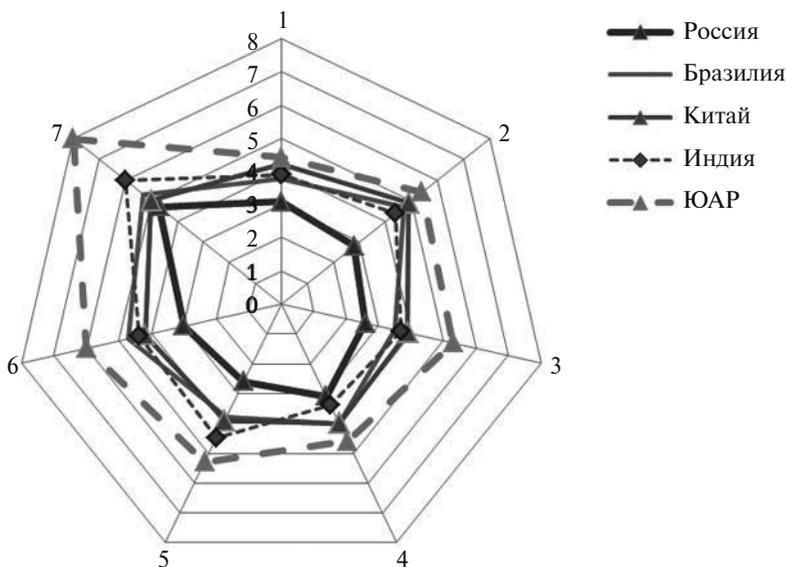
в российском обществе неблагоприятным для развития предпринимательства представлениям о предпринимательской деятельности. Свой вклад в замедление роста вносит низкое качество институтов, уровня защиты прав собственности, которые, как было показано ранее [Бек, Бек, 2012; Bek et al., 2013; Бек, Бек, 2014], снижают стимулы и ограничивают возможности для инновационного развития бизнеса и предпринимательства.

Отставание России от партнеров по БРИКС по оценкам из доклада [The Global Competitiveness..., 2012] обобщающего показателя «Институты» и несколькими характеризующим его индикаторам иллюстрируется лепестковой диаграммой на рис. 3. Номера осей на диаграмме соответствуют номерам показателей и индикаторов в следующем перечне:

- 1) обобщающий показатель «Институты»;
- 2) защита прав собственности;
- 3) защита интеллектуальной собственности;
- 4) незаконные платежи и взятки;
- 5) независимость судей;
- 6) защита интересов миноритарных акционеров;
- 7) сила защиты прав инвесторов (по 10-балльной шкале).

Все показатели и индикаторы, кроме последнего, в перечне оценивались по 7-балльной шкале.

Как видно из рис. 3, оценки практически всех индикаторов по 7-балльной шкале для России хуже, чем для партнеров по БРИКС. Оценки некоторых индикаторов (защита прав собственности, независимость судей) для России ниже, чем максимальная оценка по странам БРИКС, на 2,6–2,7 балла.

Рис. 3. Оценки качества институтов в странах БРИКС в докладе [The Global Competitiveness..., 2012]

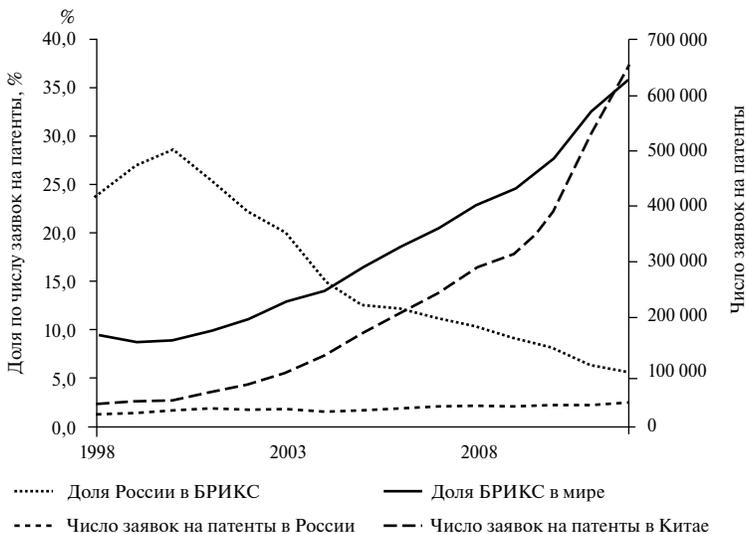
Не менее значительны разрывы оценок по индикаторам, характеризующим развитие финансового рынка, соответствие производства современным требованиям. Эти разрывы существенно ухудшают условия развития предпринимательства и инновационного бизнеса. Исследование путей снижения их отрицательного влияния представляется весьма актуальным и практически важным.

Для предварительной проверки устойчивости получаемых результатов к изменениям состава выборки мы сравнивали оценки тесноты взаимосвязей отдельных показателей по небольшой выборке стран БРИКС с оценками по более представительным выборкам, в частности по совокупности 144 стран, рассмотренной в докладе [The Global Competitiveness..., 2012], и по группе стран с крупной экономикой, по составу примерно соответствующей G20. По многим рассмотренным взаимосвязям оценки коэффициентов корреляции получились близкими. И это в определенной мере снижает опасность того, что полученные оценки искажены малым размером выборки. В ряде случаев заметны различия оценок, которые представляются интересным сигналом о необходимости учета особенностей выборки стран БРИКС. В част-

ности, по результатам корреляционного анализа оценок по совокупности 144 стран, рассмотренной в докладе [The Global Competitiveness..., 2012], степень участия экспортеров в цепочках создания ценности теснее взаимосвязана с индикатором качества местных поставщиков (коэффициент корреляции $R = 0,78$), а не с их количеством ($R = 0,57$). По выборке стран БРИКС теснота взаимосвязи индикатора участия экспортеров в цепочках создания ценности с качеством местных поставщиков существенно ниже ($R = 0,27$), а с количеством поставщиков выше ($R = 0,74$). Вероятно, это может быть обусловлено местом стран БРИКС в цепочках создания ценности.

Процессы инновационного экономического роста многомерны, и во многих важных измерениях наблюдаются тенденции, аналогичные представленным на рис. 1. Это можно проиллюстрировать на примере анализа процессов, связанных с производством, трансфертом и коммерциализацией знаний и инноваций. Концепция национального инновационного потенциала, предложенная в статье М. Портера и соавторов [Furman, Porter, Stern, 2002] подчеркивает особое значение создания защищенных патентами инноваций высокого уровня новизны. Инновационный потенциал, согласно этой концепции, определяет «способность страны осуществлять производство и коммерциализацию потока новых для мира технологий в долгосрочной перспективе» и отражает фундаментальные детерминанты инновационного процесса, определяет межстрановые различия в инновационной политике поддержки проведения исследований и разработок, в эффективности межфирменного взаимодействия, в правовой охране объектов интеллектуальной собственности.

Как видно на рис. 4, динамика изменения вклада стран БРИКС в разработку патентов и вклада России в общее число заявок на патенты в странах БРИКС аналогична показанной на рис. 1 динамике экономического роста. Доля стран БРИКС в общем числе заявок на патенты в мире растет: с 9,4% в 1998 г. до 35,9% в 2012 г. Доля России в суммарном числе заявок на патенты по странам БРИКС, составлявшая 23,7% в 1998 г., несколько возросла в начале 2000-х годов, но к 2012 г. снизилась до 5,7%. Количество заявок на патенты в России за период 1998–2012 гг. выросло в 1,79 раза (среднегодовой темп роста составил 4,2%), а в Китае в 13,77 раза (среднегодовой темп роста был выше, чем в России почти в 5 раз и составил 20,6%). Отметим, что процессы создания защищенных патентами инноваций высокого уровня новизны и их влияния на инновационное развитие лишь в определенной мере характеризуются динамикой роста числа заявок на патенты, показанной на рис. 4. Ситуация с созданием и коммерциализацией инноваций мирового уровня в России заслуживает отдельного исследования.

Рис. 4. Динамика роста числа заявок на патенты в России и странах БРИКС

Выявленные в процессе анализа и рассмотренные в статье неблагоприятные тенденции следует рассматривать как серьезные вызовы, требующие совершенствования институтов и повышения качества стратегического управления развитием инновационных систем как на национальном и региональном уровне, так и на уровне межфирменных сетей, корпораций и фирм. Продолжение исследования задач совершенствования управления инновационным развитием бизнеса и предпринимательства требует развития концептуальной модели с отражением в ней задач стратегического управления инновационным потенциалом и расширения эмпирической базы исследования.

Литература

Бальцерович Л., Жоньца А. (науч. ред.) Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы — сравнительный анализ / пер. с польск. М.: Мысль, 2012.

Бек М.А., Бек Н.Н. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС: роль инвестиций, инноваций, менеджмента и институтов // Менеджмент инноваций. 2013. № 3. С. 190–204.

Бек М.А., Бек Н.Н. Условия развития инновационных кластеров в России // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2012. Кн. 2. С. 186–196.

Бек М.А., Бек Н.Н. Инновационные сети и кластеры. Анализ условий формирования и перспектив развития // Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / науч. ред. М.Ю. Шерешева. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 267–327.

Верховская О.Р., Дорохина М.В. (ред. и сост). Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2009». СПб.: ВШМ СПбГУ, 2010.

Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Хелман Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / P. Aghion, S. Durlauf (eds). North-Holland, 2005 <<http://economics.mit.edu/files/4469>>.

Bek M.A., Bek N.N., Sheresheva M.Y., Johnston W. Perspectives of SME Innovation Clusters Development in Russia // Journal of Business and Industrial Marketing. 2013. Vol. 28. No. 3. P. 240–259.

Furman J.L., Porter M.E., Stern S. The Determinants of National Innovative Capacity // Research Policy. 2002. No. 31 (6). P. 899–933.

The Global Competitiveness Report 2012–2013. World Economic Forum. Geneva, 2012.

The Industrial Competitiveness of Nations. Looking Back, Forging Ahead. Competitive Industrial Performance Report 2012/2013. UNIDO. Vienna, 2013.

Я.В. Берлизова,

ООО «Мобильные
финансы»

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА НА БИЗНЕС-РЕЗУЛЬТАТ КОМПАНИИ

В современном обществе значительно меняется взгляд на персонал и значимость данного ресурса для успеха компании. Персонал становится одним из ключевых звеньев взаимосвязанных элементов компании, оказывающих непосредственное влияние на ее бизнес-результаты. Осознание важности удержания и развития сотрудников обусловлено рядом причин.

Во-первых, в рамках функционирования рынка труда наблюдается серьезная конкуренция за квалифицированный персонал. Более того, конкуренция отчетливо прослеживается на ранних этапах определения профессиональной области и формирования компетенций способных студентов младших и старших курсов.

Во-вторых, удержание персонала сопряжено со снижением расходов компании и сохранением внутренней информации о ее функционировании.

И наконец, понимание персонала как одного из ресурсов достижения целевых бизнес-результатов компании связано с оценкой эффективности данного ресурса. Иными словами, необходимо принимать во внимание факторы, оказывающие положительное влияние на рост эффективности персонала и, как следствие, бизнес-результаты компании в целом.

В настоящей статье в качестве одного из факторов, способных оказать влияние на бизнес-результат компании через повышение производительности и формирование положительного имиджа, рассматривается лояльность персонала. Так как понятие «лояльность» употребляется в контексте поведенческой характеристики персонала организации, наиболее корректным, на наш взгляд, будет использование терминов «организационная лояльность» и «лояльность персонала» как синонимичных.

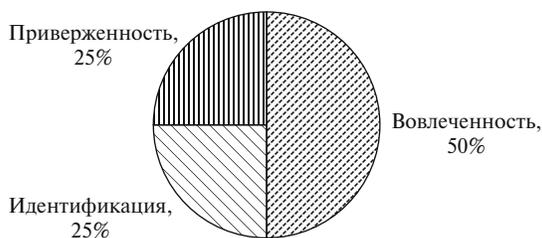
Ряд исследователей определяют лояльность как отождествление работника с группой, в частности с фирмой или организацией [Ефимов, 2004, с. 25]. Одно из наиболее распространенных определений организационной лояльности принадлежит Л. Портеру и его коллегам. Они определяют лояльность как «готовность сотрудника прилагать большие усилия в инте-

ресах организации, сильное желание оставаться в организации и принятие ее основных целей и ценностей» [Buchanan, 1974, p. 538]. В работах других исследователей лояльность определяется как «состояние, в котором человек идентифицирует себя с организацией и ее целями и желает поддержать принадлежность к ней, чтобы облегчить достижение этих целей» [Rucci, 1998, p. 56]. Степень выраженности организационной лояльности рассматривается как относительная сила идентификации человека с организацией и вовлеченности его в эту организацию и включает:

- 1) силу убеждения и принятия целей и ценностей организации;
- 2) степень готовности проявлять значительные усилия от имени организации;
- 3) силу желания поддерживать принадлежность организации [Mowday, Porter, Steers, 1982; Porter, 1974, p. 605].

Рассматривая упомянутые выше определения лояльности, можно проследить упоминание отдельных терминов, таких как идентификация, вовлеченность. Таким образом, для цели настоящего исследования мы будем рассматривать лояльность как совокупность конструктов вовлеченности, приверженности и идентификации. Приверженность (commitment) и лояльность в ряде источников употребляются как синонимичные понятия [Доминьяк, 2003; Park, 1996; Buchanan, 1985; Jacoby, Купер, 1973]. Однако другие авторы считают приверженность отдельным конструктом, предшествующим лояльности и оказывающим значительное влияние на ее формирование [Pritchard, Havitz, 1999; Kim, Scott, 1997].

Говоря о более детальной операционализации понятия лояльности персонала, целесообразно выделить такие термины, как эмоциональная привязанность, удовлетворенность, причастность, преданность и пр. Однако, с нашей точки зрения, их доля в составе термина менее значима. По нашему мнению, вовлеченность оказывает более сильное влияние на организационную лояльность по сравнению с идентификацией и приверженностью (рис. 1).

Рис. 1. Операционализация понятия лояльности персонала

Влияние лояльности на производительность

Для цели исследования нами был выбран один показатель, характеризующий бизнес-результаты компании, – производительность персонала (валовая выручка) торговой компании. Данный показатель использован в связи с тем, что не для всех категорий персонала и должностей целесообразно проводить (и представляется возможным, в целом) сопоставление по паре «эффективность работы – рост финансовых показателей» в связи со сложностью количественной оценки. Более вероятно и показательно, с нашей точки зрения, подобные исследования проводить на контактном или сервисном персонале: продавцы-консультанты, менеджеры по продажам и пр., в связи с возможностью оценки объема продаж, выполнения плановых показателей и других количественных индикаторов эффективности.

С нашей точки зрения, производительность для большинства торговых и сервисных компаний является ключевым источником получения прибыли, а следовательно, значимым фактором оценки.

Исходя из представленной операционализации термина организационной лояльности, вовлеченность, приверженность и идентификация представляются нам в качестве конструкторов. Рассмотрим отдельно каждую составляющую в контексте оценки влияния на бизнес результат компании.

Идентификация

В отношении идентификации стоит отметить тот факт, что отдельно этот показатель редко рассматривается в контексте влияния на производительность персонала. С нашей точки зрения, это детерминант, усиливающий уровень лояльности, а следовательно, повышающий производительность персонала.

Вовлеченность

Следует отметить, что ряд авторов вовлеченность рассматривают как перевод двух разных англоязычных терминов, таких как «involvement», в частности «jobinvolvement» [Buachanan, 1974; Berry, 1987; O'Driscoll, 1999], что дословно переводится как «участие, вовлеченность», и термин «engagement» [Appelbaum, 2000; Aon Hewitt Agency, 2013], т.е. «зацепление», «обязательство», «помолвка» и «включение». Таким образом, в данной статье мы будем приводить данные о влиянии вовлеченности и включенности на бизнес-результат компании, принимая во внимание статьи, содержащие оба англоязычных понятия. Само понятие «включенность» описывается как вовлеченность, приверженность и удовлетворенность работой [Smith, 1969]. Важно отметить, что разницу между понятиями «включенность» и «вовлеченность» стоит рассмотреть отдельно в других работах.

Анализируя влияние вовлеченности на бизнес-результат компании, следует отметить исследования Hay Group [2002], по результатам которой в компаниях с уровнем вовлеченности персонала выше среднего производительность выше на 43% [Hay Group..., 2002]. Существенная разница отмечается в индивидуальной производительности труда исходя из сложности работы (табл. 1), особенно в отношении контактного персонала. С нашей точки зрения, столь значительная разница обусловлена более прозрачной системой числовой оценки производительности персонала, задействованного в сфере продаж.

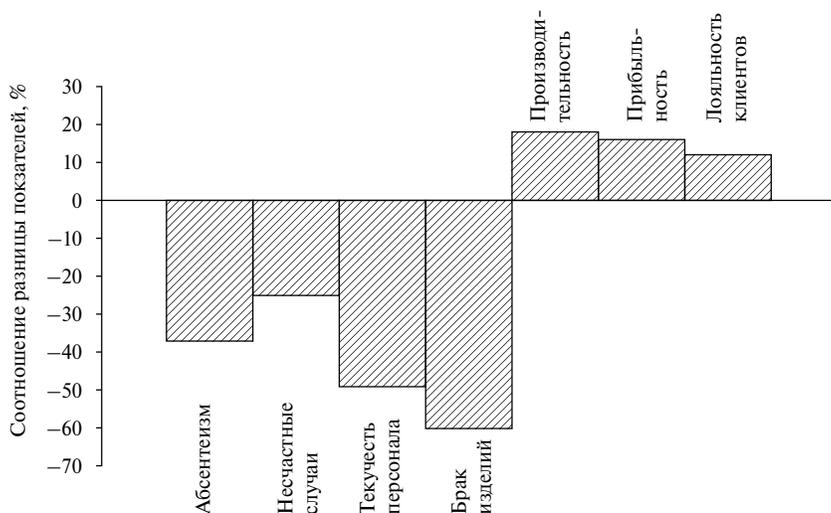
Таблица 1. Разница в производительности между «высокововлеченными» и «слабововлеченными» сотрудниками в зависимости от типа работ, % [Hay Group]

№	Тип работы	Разница, %
1	Низкая степень сложности	19
2	Работа средней сложности	32
3	Высокоинтеллектуальная работа	48
4	Продажи/обслуживание клиентов	48–120

Еще одним значимым, по нашему мнению, исследованием, посвященным оценке влияния вовлеченности персонала на бизнес-результаты компании (лояльность клиентов, прибыльность, производительность, текучесть персонала, количество несчастных случаев и др.), является отчет Gallup 2006 [Harter, Schmidt, 2006], который включал опрос персонала 13751 компании (бизнес-единицы) и проводился по методике Q12 meta-analysis. В результате исследования была выявлена разница между компаниями, находящимися в верхнем квартиле по уровню вовлеченности по сравнению со средним медианным значением: на 18% выше уровень производительности персонала и на 12% выше показатель прибыльности (рис. 2) [Harter, 2001, p. 270].

Приверженность

Анализируя англоязычные источники, можно отметить, что «commitment», переводимый на русский язык как «приверженность», «обязательство», используется в первоисточниках часто как синонимичный термин «лояльности». По мнению В. Доминьяка [Доминьяк, 2001], существенных различий в применении понятий «organizational commitment» (организационная приверженность) и «employee loyalty» (лояльность персонала) нет, и часто они используются как синонимы или как сходные конструкты (напри-

Рис. 2. Разница в показателях между бизнес-единицами, находящимися в верхнем и нижнем квартиле по уровню вовлеченности персонала, %

мер, [Steen, 1999; Kalbaugh, 1999; Goman, 2006; Hardy, 2002; Fullagar, Barling, 1991; Barling et al., 1992; Fuller et al., 2003; McElroy, Morrow, Laczniak, 2001; Доминьяк, 2001, с. 31]). Доминьяк [Доминьяк, 2001, с. 31] отметил, что в научной литературе чаще встречается термин «organizational commitment», в популярной – «employee loyalty». С нашей точки зрения, эти понятия несут различную смысловую нагрузку.

Существующие исследования влияния приверженности на производительность и прибыльность компании являются описанием продолженной, аффективной и нормативной лояльности [Meuer, 1997, р. 51]. Однако в ряде источников, направленных на изучение лояльности клиентов, приверженность является предшествующим лояльности понятием.

Для оценки влияния лояльности персонала на валовую выручку предполагается провести исследование с привлечением сотрудников, непосредственно задействованных в сфере продаж в розничной компании.

Согласно приведенному обзору литературы, нами сформулирована гипотеза о влиянии лояльности персонала на производительность.

Гипотеза: Существует положительная корреляция между уровнем лояльности персонала, задействованного в сфере продаж, и индивидуальной производительностью.

Для измерения лояльности в целом предполагается использование опросника организационной лояльности Л. Портера (Organizational Commitment Questionnaire – OCQ), поскольку, с нашей точки зрения, этот опросник наиболее комплексно раскрывает понятие лояльности и частично включает элементы вовлеченности, идентификации и приверженности компании.

Индивидуальная производительность будет измерена с помощью показателя выполнения индивидуального плана продаж каждым респондентом (данный показатель измеряется в процентах). В связи с участием в опросе персонала разных торговых компаний необходимо, на наш взгляд, ввести понятие напряженности плана и сопоставления среднего выполнения плана между компаниями. После сбора данных по результатам анкетирования автор планирует применить частотный анализ и анализ пропущенных значений. Далее для проверки гипотезы планируется использовать предварительный корреляционный анализ и последующий регрессионный анализ. Результаты будут отражены в следующих публикациях.

Литература

Доминяк В.И. Различные подходы к феномену лояльности и безопасности организации // Теория и практика становления и развития школы безопасности (научные, учебные, методические и организационные аспекты) // Сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции, 2001. С. 31–37.

Ефимов А.И., Вихорев С.В. Практические советы менеджеру или руководителю службы безопасности // Информация с официального сайта Гостехкомиссии РФ.

Изотов В. Лояльность персонала // Работа и зарплата. 2004. № 11. С. 25.

Ковров А. Лояльность персонала: что и как изучается в организации // Мир и безопасность. 1998. № 2.

Магура М.И. Патриотизм персонала по отношению к своей организации – решающее конкурентное преимущество // Управление персоналом. 1998. № 11.

Магура М.И. Патриотизм по отношению к своей организации. Миф или реальность? // Директор. 1997. № 7.

Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. СПб.: Питер, 2003.

Berman B. Developing an Effective Customer Loyalty Program // California Management Review. 2006. No. 49. Issue 1. P. 123.

Berry L. The Employee as Customer // Journal of Retail Banking. 1981. No. 3 (March). P. 33–40, 112.

Brumbach G.B. Some Ideas and Predictions about Performance Management. Public Personnel Management. 1998. P. 387–402.

Buchanan B. Building Organizational Commitment: The Socialization of Managers in Work Organizations // Administrative Science Quarterly. 1974. Vol. 19. P. 533–546.

Eskildsen J.K., Dahlggaard J.J. A Causal Model of Employee Satisfaction // Total Quality Management. 2000. No. 11 (8).

Gallup Consulting: Harter J.K., Schmidt F.L., Hayes T.L. Business-unit-level Relationship between Employee Satisfaction, Employee Engagement, and Business Outcomes: A Metaanalysis // Journal of Applied Psychology. 2006. P. 268–279.

Gounaris S. The Notion of Internal Market Orientation and Employee Job Satisfaction: Some Preliminary Evidence // J. Serv. Market. 2008. No. 22 (1).

Hay Group Engage Employees and Boost Performance, 2002. Archived from the original on 2006-11-23. Retrieved 2006-11-09.

Long M.M., Schiffman L.G. Consumption Values and Relationships Segmenting the Market for Frequency Programs // Journal of Consumer Marketing. 2000. No. 3.

Meyer J.P., Allen N.J. Commitment in the Workplace: Theory, Research and Application. L.: Sage Publications, 1997. No. 1.

Pollock R.B. Linking Marketing and Human Resources in the New Employment Contract // Employment Relations Today. 2002. No. 22 (1).

Porter L.W., Steers R.M., Mowday R.T., Boulian P.V. Organizational Commitment, Job Satisfaction, and Turnover Among Psychiatric Technicians // Journal of Applied Psychology. 1974. Vol. 59. P. 603–609.

Rucci A., Kirn S.P., Quinn R.T. The Employee-customer-profit Chain at Sears // Harvard Business Review. 1998. January–February.

А.К. Казанцев,
А.С. Веселова

Высшая школа
менеджмента
Санкт-Петербургского
государственного
университета

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И СТРУКТУРНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ТНК ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОФИЛЯ

Введение

Транснациональные корпорации (ТНК) по праву считаются наиболее важными игроками в условиях современной глобальной экономики. Постоянно растет масштаб их операций, а также география их деятельности. Они оказывают огромное влияние на различные аспекты как бизнес-среды, так и общества в целом. Они являются важными агентами передачи знаний и технологий, а также активными участниками политической жизни как страны происхождения, так и принимающих стран. Все это порождает неподдельный интерес исследователей из разных научных дисциплин к изучению их природы, различных аспектов деятельности и внутренней организации.

Начало 2000-х годов ознаменовалось значительным усилением влияния и активности российских ТНК. По данным Института мировой экономики и международных отношений РАН, зарубежные активы двадцати крупнейших российских ТНК нефинансового сектора в 2011 г. составили более 110 млрд долл., их зарубежные продажи превысили 380 млрд долл., а численность сотрудников, работающих в зарубежных дочерних предприятиях, достигла 230 тыс. человек [ИМЕМО, 2013]. Данные тенденции поставили перед менеджментом современных российских корпораций ряд новых сложных стратегических задач: создание успешной глобальной компании, выбор правильной стратегической ориентации, создание эффективной конфигурации глобальной цепочки ценности, распределение полномочий и ответственности между материнской компанией и дочерними предприятиями, расположенными в различных географических точках. Решение настоящих задач оказывает прямое влияние на внутреннюю конфигурацию корпораций, а их успешная реализация во многом зависит от того, насколько эффективно функционирует организационная структура ТНК.

Проектируя организационную структуру, ТНК сталкиваются с противоречивыми требованиями: с одной стороны, они должны дифференцировать организацию в такой степени, чтобы достичь высокого уровня специализации и получить конкурентное преимущество, а также высокую степень конкурентоспособности на локальных рынках; с другой стороны, они остро нуждаются в интеграции и координации дифференцированных организационных единиц. Активная интеграция российских ТНК в глобальную бизнес-среду, их участие в крупных международных сделках, сетях делового сотрудничества по всему миру, различного рода альянсах и других формах организации выдвигает вопросы эффективной структурной конфигурации на первый план. Более того, их сравнительно молодой возраст, историческое прошлое и недостаток опыта ведения бизнеса за рубежом в рамках одной корпорации создают дополнительное давление на членов организации, участвующих в процессе принятия решений.

Постановка задачи

Некоторые авторы понимают организационную структуру как способ распределения ответственности и властных полномочий между членами организации при реализации ими различных рабочих процедур [Blau, 1970; Dewar, Werbel, 1979; Germain, Gitterman, 1996]. Роббинс [Robbins, 1990], развивая эту идею, определяет организационную структуру как способ распределения задач, направления подчиненности, установления формальных координационных механизмов и правил взаимодействия. Организационная структура определяет то, каким образом организация координирует свою деятельность, а также устанавливает и выполняет свои задачи независимо от различий между отдельными членами организации [Brockman, Morgan, 2003]. С развитием теории стратегического менеджмента при рассмотрении вопросов внутренней организации авторы все чаще обращаются к понятию организационного дизайна, которое помимо организационных структур как таковых включает также системы оценки и вознаграждения. Одной из наиболее известных моделей по организационному дизайну является модель «Звезды» Дж. Гэлбрайта [Galbraith, 2012]. Она включает пять элементов, которые тесно взаимосвязаны между собой: стратегию, структуру, процессы, имеющие дело с потоками информации, системы вознаграждения, а также кадровые политики, определяющие общие ценности и компетенции.

Хотя организационные структуры имеют множество различных характеристик, большинство авторов особо выделяют централизацию, формализацию и сложность [Aiken, Hage, 1971; Daft, 2001; Daft, Lewin, 2008]. Лоренс

и Лорш [Lawrence, Lorsch, 1967] утверждают, что наиболее эффективными будут те компании, которые смогли дифференцировать свои функции настолько, чтобы суметь адаптироваться к функциональным средам, и в то же время разработали механизмы для интеграции дифференцированных функций с целью взаимодействия с общей корпоративной конкурентной средой. Считается, что простые стратегии могут быть реализованы с помощью формальных механизмов координации, однако более сложные стратегии требуют использования как формальных, так и неформальных механизмов. При этом неформальные механизмы координации включают горизонтальное взаимодействие (*lateral relationships*), неформальную коммуникацию (сети), организационную культуру (институционализацию) и др. [Martinez, Jarillo, 1989]. В последнее время особый интерес исследователей вызывают вопросы горизонтального взаимодействия и нормативной интеграции, а также предпосылки создания департаментов, комитетов и команд для выполнения интегративных функций [Alfoldi, Clegg, McGaughey, 2012; Foss, Foss, Nell, 2012].

Различные конфигурации значений указанных выше признаков обусловлены рядом факторов влияния, среди которых, по признанию многих исследователей, определяющую роль играет стратегический фактор. Среди наиболее известных моделей взаимосвязи стратегии и структуры ТНК можно выделить модели Стопфорда и Уэллша [Stopford, Wells, 1972], Эгельхоффа [Egelhoff, 1982], Бартлетта и Гошала [Bartlett, Ghoshal, 1989]. Первые две модели используют стандартную типологию организационных структур, основанную на принципе горизонтальной дифференциации. Они выделяют функциональную, продуктовую/географическую дивизиональную и матричную структуры, отмечая превосходство последней при реализации комплексных стратегий компаний, оперирующих на различных рынках и производящих широкую номенклатуру продукции. Ключевым элементом модели Эгельхоффа выступает критерий информационного требования, выражающийся в утверждении, что соответствие между структурой и стратегией наблюдается тогда, когда требования стратегии компании относительно обработки информации обеспечиваются структурными возможностями обработки данной информации. Модель Бартлетта и Гошала существенно отличается от остальных как с точки зрения подхода к классификации стратегических ориентаций, так и структурных конфигураций. На основе таких критериев, как степень потребности в адаптации к локальным рынкам и необходимость интеграции и координации деятельности компании в целом, авторы выделяют четыре типа стратегий компании: глобальная, международная, мультинациональная и транснациональная. Кроме того, каждому типу стратегии приводится в соответствие определенный тип структурной

конфигурации согласно авторской классификации – централизованный хаб, централизованная федеративная структура, децентрализованная федеративная структура и интегрированная сетевая структура. В отличие от предыдущих исследований классификация структур, предложенная Бартлеттом и Гошалом, основывается не на принципе департаментализации, а на распределении ответственности и полномочий между материнской компанией и ее дочерними предприятиями, что, несомненно, является ее существенным преимуществом.

Данные теории неоднократно тестировались с помощью эмпирических данных, однако большинство эмпирических исследований фокусируется на ТНК из развитых стран. Несмотря на возрастающий интерес к ТНК из растущих экономик в целом, российские ТНК все еще остаются в тени ТНК из других стран БРИК и крайне редко становятся объектом исследований. Важность исследования российских ТНК заключается в ряде их специфических характеристик, которые являются уникальными и оказывают значительное влияние на полученные результаты.

Методология исследования

Настоящее исследование преимущественно опирается на ситуационный подход (*contingency approach*), который получил широкое распространение в 1960-е годы и до сих пор остается доминирующим в исследованиях организационных структур. Ситуационный подход предполагает наличие «соответствия» между организационной структурой и другими переменными. Ситуационная теория утверждает, что для осуществления успешной деятельности компания должна обладать внутренним и внешним соответствием [Venkatraman, Camillus, 1984]. Процесс достижения соответствия предполагает достижение согласованности между организационными ресурсами и возможностями и угрозами со стороны окружающей среды [Gammeltoft et al., 2012], а также между организационными ресурсами и внутренними потребностями организации. Структурная конфигурация компании может быть обусловлена целым набором ситуационных факторов, к которым обычно относят стратегию [Bartlett, Ghoshal, 1989; Miles et al., 1978; Egelhoff et al., 2013], используемую технологию [Woodward, 1965; Barley, 1990], внешнюю среду [Lawrence, Lorsch, 1967; Kostova et al., 2008; Volberda et al., 2012], стиль управления, размер, структуру собственности и ряд других переменных [Burton, Obel, 1998]. Лишь те компании, которые смогли достичь согласованности между организационной структурой и ситуационными факторами, могут

рассчитывать на успех. Отличительной особенностью ТНК является многомерность указанных выше факторов. ТНК представляет собой сложную организационную форму: с одной стороны, корпорация имеет общую корпоративную стратегию, с другой стороны, бизнес и функциональные стратегии ее дочерних предприятий могут значительно различаться. Кроме того, международные аспекты деятельности ТНК приобретают особую важность и оказывают значительное влияние как на корпоративную стратегию ТНК, так и на ее структурную конфигурацию. Поэтому при рассмотрении влияния стратегии на структуру помимо корпоративной стратегии необходимо учитывать стратегию интернационализации, которой следует ТНК. Внешняя среда ТНК также является крайне многомерной, поскольку каждое из дочерних предприятий функционирует в своей внешней среде, и внешние среды различных дочерних предприятий могут быть не просто различными, но довольно противоречивыми.

Соответствие стратегической ориентации и структурной конфигурации ТНК изучается с использованием морфологического анализа ситуаций, на основе которого методом логического обоснования строятся структурные и стратегические паттерны, анализируется их соответствие. Метод морфологического анализа основывается на выделении элементов (параметров) и определении их возможных значений, формировании морфологических матриц и генерировании возможных альтернатив путем перебора сочетаний значений этих элементов.

В настоящем исследовании в качестве элементов стратегической ориентации ТНК выступают конкурентная ориентация и международная ориентация. Конкурентная ориентация может принимать следующие значения: лидерство по издержкам, дифференцирование, фокусирование [Porter, 1980]. Возможные значения международной ориентации: локальный оптимизатор, бюджетный партнер, глобальный консолидатор, вертикальный интегратор природных ресурсов, глобальный первопроходец [Rammamurti, 2012]. Элементы структурной конфигурации включают департаментализацию, централизацию, формализацию, горизонтальную коммуникацию, контроль, неформальные механизмы интеграции и координации (рис. 1). Значение элемента «департаментализация» отражает принцип, по которому в организационной структуре управления сгруппированы отделы/департаменты/дивизионы (функциональная, продуктовая, географическая). Остальные элементы принимают значения в зависимости от степени их использования – «низкая», «умеренная», «высокая».

Рис. 1. Взаимосвязь стратегической ориентации и структурной конфигурации ТНК

Результаты

Анализ различных комбинаций значений конкурентной ориентации и международной ориентации с точки зрения необходимости интеграции и потребности к адаптации показал, что в зависимости от конкретной комбинации значений потребность в адаптации к рынку различается от низкой до высокой, в то время как необходимость интеграции для абсолютного большинства комбинаций значений варьирует от умеренной до высокой. Данный вывод во многом объясняет тот факт, что в большинстве российских ТНК вне зависимости от рода их деятельности и географии их операций роль центра всегда остается определяющей.

Кроме того, одной и той же комбинации значений конкурентной ориентации и международной ориентации могут соответствовать различные комбинации значений элементов структурной конфигурации. Сопоставление морфологических матриц стратегической ориентации и структурной конфигурации определяет множество комбинаций значений признаков, которые, в свою очередь, также формируют комплексную матрицу, выдержка из которой приведена в табл. 1.

Комбинация «фокусирование» + «локальный оптимизатор» предполагает, что компания фокусируется на узком сегменте рынка, что не требует значительной адаптации продукции, а также ставит приоритетом сокращение издержек, что требует высокой степени интеграции. Для реализации подобной стратегической ориентации ТНК необходима структура, обеспечивающая высокую степень интеграции, что, в свою очередь, может быть достигнуто с использованием нескольких структурных конфигураций. ТНК может выбрать функциональную структуру с высокой степенью централизации

Таблица 1. Соответствие стратегической ориентации и структурной конфигурации ТНК

Стратегическая ориентация	Структурная конфигурация					
Комбинация «фокусирование + локальный оптимизатор»	Департаментализация	Централизация	Формализация	Горизонтальная коммуникация	Контроль	Неформальные механизмы интеграции и координации
	Функц.	Выс.	Умерен.	Низ.	Выс.	Низ.
	Дивизион.	Умерен.	Умерен.	Выс.	Умерен.	Выс.

и контроля, при этом степень формализации, интенсивности горизонтальной коммуникации и использования неформальных механизмов интеграции и координации может оставаться в значениях от «низкой» до «умеренной», что также поможет сократить административные издержки. Кроме того, данная стратегическая ориентация может быть реализована посредством продуктовой/географической дивизиональной структуры с централизацией отдельных функций, либо с высокой степенью использования неформальных механизмов интеграции и координации. Следует отметить, что в исследовании организационных структур ТНК важным видится смещение акцентов с рассмотрения принципов их департаментализации на значения других элементов структурной конфигурации, поскольку они в большей степени влияют на успешную реализацию стратегии ТНК.

Важно понимать, что стратегическая ориентация ТНК не является статичной, происходят постоянные изменения как в окружающей (внешней) среде компании, так и в ее внутренней среде. Поэтому существует необходимость регулярной оценки наличия соответствия между стратегической ориентацией и структурной конфигурацией. При этом у менеджмента ТНК существует несколько альтернатив: с одной стороны, можно проводить незначительные корректировки структурной конфигурации с определенной частотой, что позволит постепенно снизить предельные затраты на проведение данных мероприятий; или, с другой стороны, функционировать в состоянии несоответствия до тех пор, пока ущерб от несоответствия не превысит затраты на осуществление структурных преобразований, однако, как правило, в таком случае возникнет необходимость проведения серьезного реинжиниринга основных бизнес-процессов, что, несомненно, приведет к значительно более высоким затратам.

Литература

Aiken M., Hage J. The Organic Organization and Innovation // *Sociology*. 1971. Vol. 5. No. 1. P. 63–82.

Alfoldi E.A., Clegg L.J., McGaughey S.L. Coordination at the Edge of the Empire: The Delegation of Headquarters Functions through Regional Management Mandates // *Journal of International Management*. 2012. No. 18. P. 276–292.

Barley S.R. The Alignment of Technology and Structure through Roles and Networks // *Administrative Science Quarterly*. 1990. Vol. 35. No. 1. P. 61–103.

Bartlett C.A., Ghoshal S. Managing Across Borders: The Transnational Solution. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 1989.

Bfau P.M. A Formal Theory of Differentiation in Organizations // *American Sociological Review*. 1970. No. 35. P. 201–218.

Brockman B.K., Morgan R.M. The Role of Existing Knowledge in New Product Innovativeness and Performance // *Decision Sciences*. 2003. Vol. 34. No. 2. P. 385–419.

Burton R., Obel B. Organizational Analysis for Strategic Change. 2nd ed. Dodrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998.

Chandler A.D. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise. MIT Press: Cambridge, MA, 1962.

Daft R.L. Essentials of Organization Theory & Design. South-Western College Pub, 2001.

Daft R.L., Lewin A.Y. Rigor and Relevance in Organization Studies: Idea Migration and Academic Journal Evolution // *Organization Science*. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 177–183.

Dewar R., Werbel J. Universalistic and Contingency Predictions of Employee Satisfaction and Conflict // *Administrative Science Quarterly*. 1979. No. 3. P. 426–448.

Egelhoff W.G. Strategy and Structure in Multinational Corporations: An Information Processing Approach // *Administrative Science Quarterly*. 1982. No. 27. P. 435–458.

Egelhoff W.G., Wolf J., Adzic M. Designing Matrix Structures to Fit MNC Strategy // *Global Strategy Journal*. 2013. No. 3. P. 205–226.

Foss K., Foss N.J., Nell P.C. MNC Organizational Form and Subsidiary Motivation Problems: Controlling Interventional Hazards in the Network MNC // *Journal of International Management*. 2012. No. 18. P. 247–259.

Gammeltoft P., Filatotchev I., Hobdari B. Emerging Multinational Companies and Strategic Fit: Contingency Framework and Future Research Agenda // *European Management Journal*. 2012. Vol. 30. No. 3. P. 175–188.

Germain C.B., Gitterman A. The Life Model of Social Work Practice: Advances in Theory & Practice. N. Y.: Columbia University Press, 1996.

Global Expansion of Russian Multinationals after the Crisis: Results of 2011. IMEMO, 2013.

Galbraith J.R. The Future of Organization Design // *Journal of Organization Design*. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 3–6.

Kostova T., Roth K., Dacin M.T. Institutional Theory in the Study of Multinational Corporations: A Critique and New Directions // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. No. 4. P. 994–1006.

Lawrence P., Lorsch J. *Organization and Environment*. Boston: Division of Research, Harvard Business School, 1967.

Martinez J.I., Jarillo F.J.C. The Evolution of Research on Coordination Mechanisms in Multinational Corporations // *Journal of International Business Studies*. 1989. No. 3. P. 489–514.

Miles R.E., Snow C.C., Meyer A.D., Coleman H.J. Organizational Strategy, Structure, and Process // *Academy of Management Review*. 1978. Vol. 3.No. 3. P. 546–562.

Porter M. *Competitive Strategy*. N.Y.: Free Press, 1980.

Ramamurti R. Competing with Emerging Market Multinationals // *Business Horizons*. 2012. No. 55. P. 241–249.

Robbins S.P. *Organization Theory: Structure, Design and Applications*. NJ: Prentice Hall, 1990.

Stopford J., Wells L.T. *Managing the Multinational Enterprise*. N.Y.: Basic Books, 1972.

Venkatraman N., Camillus J.C. Exploring the Concept of «Fit» in Strategic Management // *Academy of Management Review*. 1984. Vol. 9. No. 3. P. 513–525.

Volberda H.W., Weerdt N.P., Verwaal E. Van der, Stienstra M. Contingency Fit, Institutional Fit and Firm Performance: A Meta-fit Approach to Organization Environment Relationships // *Organization Science*. 2012. Vol. 23. No. 4. P. 1040–1054.

Woodward J. *Industrial Organization: Theory and Practice*. Oxford University Press, 1965.

Т.В. Ветрова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СОВРЕМЕННЫЕ МАРКЕТИНГОВЫЕ ПРАКТИКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ МЕЖСТРАНОВОЙ АНАЛИЗ

Введение

В настоящее время существует дисбаланс между количеством научных исследований в области маркетинга на развитых и развивающихся рынках. Более развита данная дисциплина, несомненно, на развитых рынках, хотя все больше ученых указывают на необходимость изучения развивающихся рынков, которые становятся все более привлекательными для международных компаний в силу их растущего значения на мировой арене [Sheth, 2011]. С одной стороны, международные компании, начиная работать в развивающихся странах, способствуют повышению их конкурентоспособности, используя научно-технические и менеджерские технологии развитых рынков, с другой – необходима адаптация этих технологий к специфике развивающихся рынков: их высокой турбулентности, большому социальному расслоению, коррумпированности экономики и т.д.

Рассматриваемое нами исследование «Современные маркетинговые практики»¹ (Contemporary marketing practices, далее – СМР) – международный проект, обладающий комплексной методологией и динамично развивающийся с 1997 г. как на развитых, так и на развивающихся рынках [Coviello et al., 1997; Ветрова, 2014 а, б]. Согласно различным данным, в СМР-проекте участвуют от 17 до 22 стран [Brodie et al., 2008]. Наиболее активно СМР-исследования на развивающихся рынках стали проводиться с начала XXI в. Так, исследования проведены в Индии, Таиланде, Аргентине, Бангладеш, странах Западной Африки и т.д. [Kallol, 2009; Pels, Brodie, 2004; Ferdous, Hossain, 2011; Dadzie, Wesley, Pels, 2008]. Более того, опубликованы работы, в которых сравниваются маркетинговые практики развитых и развивающихся стран [Dadzie, Johnston, Pels, 2008; Pels, Brodie, Johnsto, 2004; Dadzie

---

¹ Данное научное исследование (проект № 13-05-0048) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

et al., 2008]. Однако системно представленной сравнительной информации по странам-участницам в настоящее время нет. Кроме того, во всех исследованиях ученые концентрируются, как правило, на изучении маркетинговых практик своих стран, обобщение и сравнительный межстрановой анализ отсутствуют. Таким образом, для лучшего понимания сути современного маркетинга, его характеристик и перспектив развития необходим сравнительный анализ стран – участниц СМР-проекта.

Краткая характеристика проекта

СМР-проект обладает комплексной методологией и включает несколько уровней анализа [Ветрова, 2014а], в результате которых были выделены пять типов маркетинга: транзакционный маркетинг (ТМ), маркетинг баз данных (DM), интерактивный маркетинг (ИМ) и сетевой маркетинг (NM) [Coviello et al., 1997; 2002]. В 2003 г. была добавлена еще одна практика – электронный маркетинг (eM) [Coviello et al., 2001; 2003]². Транзакционный маркетинг предполагает управление традиционным инструментарием (маркетинг-микс) для привлечения и удовлетворения потребителей. Маркетинг баз данных характеризуется использованием баз данных для сегментации и взаимодействия с клиентами. Интерактивный маркетинг предполагает развитие персональных отношений между представителями компании и потребителями для получения взаимной выгоды. Сетевой маркетинг основан на длительных взаимоотношениях в рамках сети, включающей не только клиентов, но и других партнеров. Электронный маркетинг предполагает развитие отношений с клиентами посредством Интернета и позволяет осуществлять массовую кастомизацию.

Последовательность отбора стран – участниц СМР-исследований для сравнительного анализа

Для сравнительного анализа СМР-исследований на развитых и развивающихся рынках была использована следующая последовательность действий:

1. Выгрузка статей по данной тематике из базы Scopus (по поисковому запросу «Contemporary marketing practices» система выдает 292 статьи).
2. Отбор статей для анализа.
3. Непосредственно сравнительный анализ.

---

² В последующем сравнительном анализе развитых и развивающихся рынков этот тип маркетинга изучаться не будет, так как большинство отобранных исследований не использовали его в анализе.

Большая часть выгруженных статей не имеет прямого отношения к интересующему проекту ввиду несовершенства морфологического поиска. Есть статьи, которые относятся к проекту, но устарели (написаны до 2000 г.) и не были включены в анализ. Есть статьи, описывающие определенный сектор рынка, отрасль или кейс. Так, например, по странам Западной Африки (Гане и Кот-Д'Ивуару) СМР-исследование проводилось только среди предприятий В2В-сектора; достаточно свежее исследование СМР, проводимое в Уругвае [Lado et al., 2013], напротив, основано на потребительском рынке и учитывает только 3% В2В-компаний; индийское исследование проводилось только по рынку банковского ретейла [Kallol, 2009]; исследование по английскому рынку выполнено с помощью кейс-метода [Little, Palmer, 2008] и т.д. Также есть категория исследований, по которым написаны статьи, но они не содержатся в базе Scopus. Кроме того, в анализ не были включены исследования, выложенные в Интернете, но не имеющие ссылки на проект (например, Румыния).

В связи со всеми обозначенными ограничениями для сравнительного анализа были отобраны актуальные публикации, описывающие результаты СМР-исследований по таким странам, как Россия, Аргентина и Бангладеш, США, Канада, Новая Зеландия, Швеция, Финляндия.

Сравнительный анализ включает макроэкономический анализ выбранных стран-участниц, а также содержательный анализ (результаты СМР-исследований в выбранных странах).

Макроэкономические показатели стран – участниц СМР-проекта

Для начала необходимо посмотреть макроэкономические показатели выбранных восьми стран-участниц для последующего содержательного сравнения результатов исследований.

Таблица 1 демонстрирует отдельные макроэкономические показатели, такие как уровень ВВП, доход на душу населения, а также интегрированные индексы, такие как индекс развития человеческого потенциала и индекс процветания стран мира.

Дело в том, что единой классификации для отнесения стран к развитым или развивающимся не существует. Более того, это деление является неформальным. Различные рейтинги экономического развития, ежегодно проводимые различными организациями: Всемирным банком, ООН, Институтом Legatum и пр., включают далеко не весь перечень стран, проводятся по разным основаниям и, соответственно, по-разному классифицируют страны. Под типом экономического развития страны будем понимать объективно сложившийся относительно устойчивый комплекс присущих ей условий и особенностей развития, характеризующий ее роль и место в мировом сооб-

Таблица 1. Макроэкономические показатели стран – участниц СМР-проекта, 2012 г.

Страны	Показатели				
	Тип страны	Размер ВВП, млн долл.	Доход на душу населения (на чел. / год, долл.)	Место в индексе развития человеческого потенциала	Место в индексе «уровень процветания»
Россия	Развивающаяся	3376742	12700	55	61
США	Развитая	15684800	50120	3	11
Канада	Развитая	1821424	50970	11	3
Швеция	Развитая	525742	56210	7	4
Финляндия	Развитая	250024	46940	21	8
Новая Зеландия	Развитая	139768	30620	6	5
Аргентина	Развивающаяся	474865	11557	45	45
Бангладеш	Низкоразвитая	115 610	840	146	103

Источники: Данные Всемирного банка; Института Legatum; Human Development Report.

шестве на данном этапе всемирной истории. Это такая совокупность характеризующих ее показателей, которая в каких-то существенных, подчас решающих типологических чертах, с одной стороны, роднит эту страну с рядом похожих стран, а с другой стороны, выделяет ее из всех других типов стран.

Во всех проанализированных межстрановых рейтингах и отчетах такие страны, как США, Канада, Швеция, Финляндия и Новая Зеландия, относятся к экономически развитым странам, Аргентина – к развивающимся, а Бангладеш – к странам с низким уровнем экономического развития. Россия же не имеет четкой типологизации: ее относят к развитым странам по таким характеристикам, как размер ВВП, уровень дохода на душу населения, а по интегрированным характеристикам – к переходным или развивающимся. В данном обзоре будем относить Россию к развивающимся странам. Анализ характеристик, взятых нами за основу, подтверждает данное разделение.

Так, одним из важнейших показателей экономического развития является размер ВВП (внутренний валовой продукт). По данным Всемирного банка, размер ВВП США превышает совокупный размер всех стран – участ-

ниц выборки. Самый низкий ВВП у Бангладеш, Россия по данному показателю занимает вторую позицию.

Следующая рассматриваемая характеристика – индекс ВНД³ на душу населения, или доход на душу населения, – является одной из базовых в международной статистике. Он рассчитывается как ВНД, деленный на среднегодовую численность населения страны. В нашей выборке все страны, кроме Аргентины и Бангладеш, обладают высоким уровнем дохода на душу населения (от 12,616 долл. и выше), Аргентина – средним (от 1,036 долл. до 12,615 долл.), а Бангладеш – низким уровнем дохода (от 1,035 долл. и ниже).

Следующий показатель сравнения стран-участниц – это индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который разработан в 1990 г. экономистами Махбубом-уль-Хаком (Mahbub ul Haq) и А. Сенем [Sen, 1989] и включает 185 стран – членов Организации Объединенных Наций. Это интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов. Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в отчетах о развитии человеческого потенциала. По данному показателю отстающими в рамках выборки являются развивающиеся страны: Аргентина (45-е место), Россия (55-е место) и Бангладеш (146-е место).

Следующий показатель также комбинированный – индекс процветания стран мира Института Legatum (The Legatum Prosperity Index). Он измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания. Выпускается с 2006 г. британским аналитическим центром The Legatum Institute и охватывает 142 страны. Индекс составляется на основе 79 показателей, объединенных в восемь категорий, отражающих различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: 1) экономика, 2) предпринимательство, 3) управление, 4) образование, 5) здравоохранение, 6) безопасность, 7) личные свободы, 8) социальный капитал. Россия, наряду с Аргентиной и Бангладеш, занимает невысокое 61-е место из-за очень низкого уровня двух из восьми категорий, формирующих индекс, – управления и человеческой свободы.

---

³ ВНД (валовой национальный доход) – это совокупная ценность всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства: ВВП плюс доходы, полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами.

Межстрановой сравнительный анализ результатов СМР-исследования

С учетом изложенной выше информации, для сравнительного анализа были отобраны четыре единицы анализа [Ветрова, 2014б]:

1. Отдельно Россия как представляющая наибольший интерес для российского научного сообщества.

2. Объединенная категория «Развитые страны», куда вошли США, Канада, Новая Зеландия, Швеция и Финляндия. Это связано, во-первых, с их схожими макроэкономическими характеристиками, а также с тем, что в рассматриваемой статье [Coviello et al., 2002] данные по этим странам объединены.

3. Аргентина как наиболее типичный представитель развивающихся стран.

4. Бангладеш как одна из слаборазвитых стран.

Полное сопоставление ввиду отсутствия унифицированного анализа в рамках отобранных статей (нет доступа к базам данных всех стран – участниц СМР-проекта) по всем критериям не представляется возможным. Поэтому есть пропуски или объединенные результаты по ряду показателей.

Начнем наш анализ с описания и характеристик выборочных совокупностей разных стран (табл. 2). Из табл. 2 видно, что выборки стран и их характеристики значительно отличаются. Так, выборки по России и развитым странам были идентичными – 303 и 305 респондентов соответственно, в Аргентине было опрошено 96 представителей организаций, в Бангладеш – 165. Во всех странах, кроме России, исследование проводилось в рамках МВА-программ, где студенты сами заполняли анкету, опрашивая представителей своей компании. В России исследование проводилось методом онлайн и личных интервью, что лучше репрезентирует генеральную совокупность, так как студенты МВА-программ представляют наиболее продвинутую часть бизнес-сообщества (это смещает выборку). Однако есть ряд работ, в которых подход к сбору данных признается обоснованным, так как студенты МВА обладают большим набором компетенций и более информированы о маркетинговой активности. Также существуют различия в географии рассматриваемых исследований: во всех странах данные собирались только в столицах стран-участниц, тогда как в России, в силу значительных региональных различий, в исследование были включены 10 регионов⁴.

---

⁴ География исследования в большей части совпадает с филиальной сетью НИУ ВШЭ и представлена городами: Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Нижний Новгород, Калининград, Екатеринбург, Барнаул, Ижевск, Тверь, Тула.

Таблица 2. Характеристики исследовательских баз разных стран, %

Характеристики		Россия	Развитые страны	Аргентина	Бангладеш
Год проведения		2013 г.	2000–2001 гг.	2002 г.	2009 г.
Выборка		303	305	96	165
География		10 регионов	Столицы стран	Буэнос-Айрес	Дакка
Метод сбора данных		Онлайн-опрос и личные интервью	Самозаполнение во время обучения	Самозаполнение во время обучения	Личные интервью, анкетирование
Целевая					
Отрасль	В2В товары	15	27	17	24
	В2В услуги	30	39	33	27
	В2С товары	32	14	25	10
	В2С услуги	23	20	25	38
Возраст	< 10 лет	43	30	46	40*
	> 10 лет	57	70	54	60*
Количество сотрудников	< 20 человек	22		14	20
	от 20 до 100 человек	28	27	19	23
	от 100 до 1000 человек	31	23	51	24
	> 1000 человек	19	50	16	33
Тип собственности	100% местный капитал	73	–	–	47
	100% иностранный капитал	12	–	–	26
	Совместный капитал	15	–	–	27
Рост прибыли за 3 года	Нет роста	–	14	26	7
	Есть рост	–	86	74	93

Развитые страны отличаются от всех остальных большей долей компаний из сектора В2В, в России же больше компаний, работающих в секторе В2С товаров, в Аргентине – равное распределение между секторами В2В и В2С, с небольшим перекосом в сторону В2В услуг. Что касается такого параметра, как возраст организации, развитые страны отличаются тем, что в них больше компаний, существующих более 10 лет, чем на развивающихся рынках. Что касается количества сотрудников, в развитых странах половина всех компаний выборки – это очень крупные предприятия, со штатом сотрудни-

ков более 1000 человек, в Аргентине половина всех опрошенных компаний принадлежит к крупному бизнесу (от 100 до 1000 сотрудников), в России преобладает малый и средний бизнес. По типу собственности из-за отсутствия данных по развитым странам и Аргентине мы можем сравнивать только две страны: в России в выборке преобладают отечественные предприятия (73%), в Бангладеш было опрошено 47% с местным капиталом, 26% – с иностранным и 27% – со смешанным.

Также в исследовании был показатель роста прибыли за последние три года. В Аргентине четверть компаний (26%) не наблюдали роста за три года до момента опроса, а 40% наблюдали более чем 10%-й рост прибыли. В развитых странах рост был у 86% фирм, причем у большинства более 10%. В Бангладеш большинство опрошенных компаний констатировали рост, но совсем незначительный (до 5%). Российская анкета немного отличалась и вопрос формулировался следующим образом: «Оцените рост продаж за прошлый год (относительно основного конкурента) по 5-балльной шкале, где 1 – намного хуже, 5 – намного лучше». Половина респондентов высоко оценили рост (на 4 и 5 баллов), а другая половина (на 2 и 3 балла).

Далее перейдем непосредственно к сравнению результатов исследований на развитых и развивающихся странах. Наиболее наглядным показателем является индекс использования маркетинговых практик, который представляет собой среднее арифметическое и принимает значения от 0 до 1 (табл. 3). Согласно предыдущим исследованиям, показатель ниже 0,6 считается низким, лежащий в пределах от 0,6 до 0,79 – средним, выше 0,80 – высоким [Coviello et al., 2002].

Таблица 3. Индекс использования маркетинговых практик по странам

	Россия	Развитые страны	Аргентина	Бангладеш
Транзакционный маркетинг	0,70	0,79	0,67	0,62
Маркетинг баз данных	0,67	0,68	0,60	0,55
Интерактивный маркетинг	0,76	0,75	0,69	0,71
Сетевой маркетинг	0,65	0,64	0,63	0,74

Из табл. 3 видно, что индексы стран по всем типам маркетинга относятся к средним значениям. Низкое значение имеет только индекс использования маркетинга баз данных в Бангладеш. Самыми активно используемыми типами маркетинговых практик во всех странах являются транзакционный маркетинг и интерактивный. Неожиданным результатом является высокий индекс использования сетевого маркетинга в Бангладеш.

Более подробный межстрановой анализ маркетинговых практик позволяет определить процент предприятий с высокими, средними и низкими показателями.

Таблица 4. Индекс маркетинговой активности, % по странам

Уровень развития маркетинговых практик		Россия	Развитые страны	Аргентина	Бангладеш
Транзакционный маркетинг	Низкий	16	43	48	18
	Средний	62		40	15
	Высокий	22	57	12	67
Маркетинг баз данных	Низкий	27	66	60	40
	Средний	54		31	24
	Высокий	19	34	9	36
Интерактивный маркетинг	Низкий	11	48	10	25
	Средний	37		21	34
	Высокий	52	52	69	41
Сетевой маркетинг	Низкий	31	67	24	21
	Средний	43		46	28
	Высокий	26	33	30	51

Из табл. 4 видно, что большинство опрошенных компаний Бангладеш имеют высокий уровень транзакционного маркетинга и сетевого (67% и 51% соответственно), в то время как среди российских компаний выше процент тех, кто имеет средний уровень развития транзакционного маркетинга (62%), а также маркетинга баз данных (54%). По всем странам, кроме Бангладеш, большой процент компаний с высоким уровнем интерактивного маркетинга, причем самый высокий процент компаний, осуществляющих персональные коммуникации, — в Аргентине. В то же время в этой стране только 9% компаний считают, что у них высоко развит маркетинг база данных.

Таблица 5 демонстрирует результаты попарного корреляционного анализа⁵ между видами маркетинговых практик.

---

⁵ Коэффициенты корреляции принимают значения от +1 до -1. Положительный знак свидетельствует о значимой связи, отрицательный — об обратной связи (при увеличении одного показателя другой падает). Значения коэффициентов корреляции ниже 0,2 свидетельствуют об очень слабой связи, от 0,2 до 0,5 — о слабой; от 0,5 до 0,7 — о средней; от 0,7 до 0,9 — о сильной, выше 0,9 — об очень сильной связи.

Таблица 5. Корреляции между пятью видами маркетинга в разрезе стран

Корреляции между транзакционным маркетингом и маркетингом взаимоотношений	Россия	Развитые страны	Аргентина	Бангладеш
Между ТМ и ДМ	0,48**	0,51*	0,62*	0,70*
Между ТМ и ИМ	-0,22*	-0,15*	-0,05	-0,21*
Между ТМ и НМ	-0,11	-0,10	0,09	-0,12
Корреляции внутри маркетинга взаимоотношений				
Между ДМ и ИМ	0,15*	0,29*	0,15	0,58*
Между ДМ и НМ	0,38**	0,28*	0,31	0,55*
Между ИМ и НМ	0,47**	0,55*	0,67	0,75*

* Корреляции значимы при уровне 0,05; ** корреляции значимы при уровне 0,01.

По результатам анализа выявлена средняя корреляция между транзакционным маркетингом и маркетингом баз данных во всех странах-участницах, причем самый высокий показатель коэффициента корреляции по данным параметрам – в Бангладеш (0,70). Также между маркетингом баз данных и сетевым маркетингом выявлена сильная связь в Бангладеш и средняя – в России и развитых странах. Кроме того, в исследовании, проведенном в Бангладеш, обнаружена средняя связь между маркетингом баз данных и интерактивным маркетингом. Во всех странах существует обратная корреляция между транзакционным маркетингом и интерактивным, а также между транзакционным и сетевым маркетингом (кроме Аргентины).

Выводы

Проведенный сравнительный анализ выявил значимые макроэкономические и содержательные различия между странами-участницами. Уровень развития страны влияет на развитие маркетинговых практик. Так, самые значительные отличия в маркетинговых практиках в сравнении с другими странами имеет Бангладеш, существенно отличающийся от других стран по уровню экономического развития.

При этом есть и сходство: во всех странах-участницах наиболее распространенными маркетинговыми практиками являются транзакционный маркетинг и интерактивный маркетинг.

Проведенный сравнительный анализ имеет ряд ограничений в силу отсутствия доступа к первичным источникам, различий в методике сбора данных, а также в представлении результатов исследований в изучаемых вторичных источниках. Несмотря на это, предварительный анализ выявил значительные расхождения в используемых маркетинговых практиках разных стран и в необходимости дальнейшего сравнительного изучения результатов СМР-исследований как в развитых, так и в развивающихся странах.

Литература

Ветрова Т.В. Contemporary Marketing Practices: история развития проекта и направления адаптации к современным условиям // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 8. Менеджмент. Вып. 1. С. 117–141.

Ветрова Т.В. Современные маркетинговые практики: первоначальный сравнительный анализ исследований в развитых и развивающихся странах // Вестник БФУ им. Канта. Экономические и юридические науки. 2014. № 3. С. 89–96.

Brodie R.J., Coviello N.E., Winklhofer H. Contemporary Marketing Practices Research Program: A Review of the First Decade // The Journal of Business & Industrial Marketing. 2008. Vol. 23. No. 2. P. 84–94.

Coviello N.E., Brodie R.J., Munro H.J. Understanding Contemporary Marketing: Development of a Classification Scheme // Journal of Marketing Management. 1997. Vol. 13. No. 6. P. 501–522.

Coviello N.E., Milley R., Marcolin B. Understanding IT-enabled Interactivity in Contemporary Marketing // Journal of Interactive Marketing. 2001. Vol. 15. No. 4. P. 18–33.

Coviello N.E., Brodie R.J., Danaher P.J., Johnston W.J. How Firms Relate to their Markets: An Empirical Examination of Contemporary Marketing Practices // Journal of Marketing. 2002. Vol. 66. July. P. 33–46.

Coviello N.E., Brodie R.J., Brookes R.A., Palmer R. Assessing the Role of e-Marketing in Contemporary Practice // Journal of Marketing Management. 2003. Vol. 19. No. 7–8. P. 857–881.

Dadzie K.Q., Pels J. Business-to-business Marketing Practices in West Africa, Argentina and the United States // Journal of Business & Industrial Marketing. 2008. Vol. 23. No. 2. P. 115–123.

Ferdous A.S., Hossain S. Profiling Contemporary Marketing Practices in Bangladesh // Journal of Asia Business Studies. 2011. Vol. 5. No. 2. P. 161–171.

Kallol D. Contemporary Marketing Practices (CMP) in Indian Retail Banking // Journal of Marketing & Communication. 2009. Vol. 5. Issue 1. P. 20–39.

Lado N., Duque L., Bassi D. Current Marketing Practices and Market Orientation in the Context of an Emerging Economy: The Case of Uruguay // Journal of Small Business Management. 2013. Vol. 51. No. 4. P. 602–616.

Little B., Palmer R. Research-informed Teaching and Teaching-informed Research: The Contemporary Marketing Practices (CMP) Living Case Study Approach to Understanding Marketing Practice // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2008. Vol. 23. No. 2. P. 124–134.

Maxim A. Contemporary Marketing Practices in Romania, 2009 <<http://steconomie.uoradea.ro/anale/volume/2009/v4-management-and-marketing/142.pdf>>.

Pels J., Brodie R.J., Johnston W.J. Benchmarking Business-to-business Practices in Emerging and Developed Economies: Argentina Compared to the USA and New Zealand // *Journal of Business & Industrial Marketing*. 2004. Vol. 19. No. 6. P. 386–396.

Sen A. Development as Capabilities Expansion // *Journal of Development Planning*. 1989. Vol. 19. P. 41–58.

Sheth J.N. Impact of Emerging Markets on Marketing: Rethinking Existing Perspectives and Practices // *Journal of Marketing*. 2011. Vol. 75. No. 4. P. 166–182.

Wagner R. Contemporary Marketing Practices in Russia // *European Journal of Marketing*. 2005. Vol. 39. No. 1/2. P. 199–215.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОВЕТОВ ДИРЕКТОРОВ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

В более ранних работах автора [Дуляк, 2011] был представлен обзор эмпирических исследований, российских и зарубежных, в которых поднимается вопрос воздействия состава и структуры советов на финансовые результаты деятельности компаний [Klein, 1988; Millstein, 1998; Black, 2001; Iwasaki, 2008; Долгопятова, 2009; 2007; Ивашковская, 2009]. На основе анализа литературы были выделены ключевые факторы возможного влияния советов на эффективность фирм. В 2012 г. мы провели 15 углубленных интервью с членами советов директоров российских компаний и экспертами в области корпоративного управления с целью определения места и роли российских советов в деятельности как публичных, так и непубличных компаний. На основе результатов интервью мы выявили основные персональные качества членов советов, которые помогают им принимать качественные управленческие решения, оценили роль советов в деятельности российских компаний в современных условиях.

Практика показала, что номинальная роль советов директоров в российских компаниях уходит в прошлое. Меняются внешние условия – бизнес-среда, институциональная среда, меняются и российские советы. Причем изменение это носит осознанный характер: у собственников российских компаний появилась потребность в качественном корпоративном управлении. Ранее мы подробно рассматривали изменение места и роли советов директоров в деятельности российских компаний, опираясь на экспертную литературу [Дуляк, 2012]. Хорошая репутация фирмы, привлечение инвесторов, а главное, рост стоимости компании становятся прямым результатом принятия качественных решений на уровне советов директоров. О значимой роли

советов в корпоративном управлении убедительно свидетельствует и серия углубленных интервью, проведенных в 2012 г. с членами советов и специалистами в области корпоративного управления [Дуляк, 2013]. Было выявлено, что советы как на уровне комитетов, так и на уровне отдельных директоров вносят существенный вклад в увеличение капитализации компаний.

Основной целью данной статьи стало выявление влияния характеристик совета директоров российских компаний на финансовые результаты их деятельности. Мы изучаем воздействие состава, структуры совета и персональных характеристик его членов на эффективность деятельности российских компаний. Информационная основа исследования – данные из отчетов эмитентов, собранные автором вручную в базе данных СПАРК Интерфакс. Выборка представляет собой тысячу наблюдений по 200 российским публичным и непубличным компаниям. В результате анализа выявлены существенные характеристики совета, способствующие повышению эффективности деятельности фирмы.

Выборка и методология исследования

Эмпирический анализ выполнен на основе данных о советах директоров российских промышленных компаний, собранных вручную из отчетов эмитентов в информационно-аналитической базе данных СПАРК Интерфакс. Интерес вызвали все средние и крупные российские открытые акционерные общества (ОАО), за исключением компаний, деятельностью которых является предоставление финансовых услуг (коммерческие и инвестиционные банки, риэлтерские и страховые компании, инвестиционные фонды).

Генеральная совокупность включает ОАО, выручка от продаж которых (за вычетом НДС и акцизов) превышает 400 млн руб. Кроме того, важным критерием при составлении совокупности был возраст фирмы, в нашем случае – больше 5 лет. В совокупность вошли 3789 фирм. Конечная выборка состоит из 200 случайным образом взятых из генеральной совокупности фирм (без учета корректировки).

При этом мы не ограничивались только публичными компаниями, для которых соответствие стандартам корпоративного управления является обязательным требованием. Интересно рассмотрение непубличных компаний: выполнение ими стандартов корпоративного управления подчеркивает значимость этого механизма как инструмента повышения эффективности деятельности компании.

В выборку попали предприятия 13 видов экономической деятельности, расположенные во всех федеральных округах. Данные представлены в виде

панельного ряда с временным промежутком с 2007 г. по 2011 г. Выборка составляет 1000 наблюдений.

Измерение эффективности деятельности фирмы

Большую сложность представляет собой выбор показателя эффективности деятельности компании. В анализируемых нами исследованиях авторы в качестве индикатора эффективности деятельности компании используют бухгалтерские и стоимостные показатели. Стоимостные показатели (EVA, коэффициент Q-Тобина и др.) отражают долгосрочные приоритеты компании, учитывают риски и т.д. Современный финансовый анализ основан, в первую очередь, на принципах экономической, а не бухгалтерской прибыли. Тем не менее исследователи, изучающие воздействие характеристик советов на эффективность компаний в условиях переходных экономик, чаще опираются на бухгалтерские показатели. Финансовые рынки недостаточно развиты, а отчетность компаний далеко не всегда прозрачна. В нашем случае, для российских компаний, эта проблема стоит особенно остро, так как в анализе мы учитываем не только публичные, но и непубличные компании.

Тем не менее именно концепция управления стоимостью (value based management – VBM) компании предполагает координацию интересов всех стейкхолдеров, эффективное использование финансового и интеллектуального капиталов, выстраивание системы корпоративного управления, включая качественное функционирование советов директоров. В рамках концепции управления стоимостью, которая ориентирована на задачу максимизации стоимости капитала, сформировался ряд аналитических решений, среди которых: модель экономической добавленной стоимости Стерна – Стюарта (EVA), модель акционерной добавленной стоимости Раппопорта (SVA), модель экономической прибыли Коупленда – Колера – Муррина (EP), модель добавленной стоимости потока денежных средств (CVA) Левиса, модель анализа экономического срока инвестированного капитала (CFROI). Детальный обзор подходов ценностно-ориентированного управления проведен в работе [Емельянов, Шакина, 2008]. В связи с развитием и усложнением рынка корпоративного контроля число подходов к управлению стоимостью возрастает. Все они обладают рядом ограничений, своими плюсами и минусами.

В наших расчетах в качестве индикатора эффективности деятельности компании будет использован показатель экономической прибыли. Однако распределение значений зависимой переменной отличается от нормального,

поэтому мы трансформируем исходные данные путем извлечения кубического корня.

Исследовательские гипотезы и измерение характеристик совета

В итоге на основании результатов интервью, а также с учетом теоретических подходов и эмпирических работ по изучаемой проблематике, были выделены две ключевые гипотезы, описывающие наличие взаимосвязи между эффективностью компании и характеристиками совета, но не ее характер.

Ключевая гипотеза Н1. Личные характеристики членов СД влияют на эффективность компании. Некоторые исследования доказывают, что поведенческие характеристики членов советов директоров и их личностные особенности напрямую влияют на качество принимаемых решений [Лебланк, 2006]. На основе сделанных выводов авторы формулируют предложения, как структурировать совет, чтобы сделать работу компании максимально эффективной. Проведенная нами серия углубленных интервью также демонстрирует, что совет директоров – это, в первую очередь, живой организм, нечто динамичное. Он состоит из людей, обладающих определенными компетенциями, багажом знаний, опытом. Эффективная коммуникация между данными индивидуальностями, создаваемая грамотным председателем совета директоров, улучшает качество работы совета и предприятия в целом.

Ключевая гипотеза Н2. Эффективность бизнеса зависит от состава и структуры совета директоров. Оптимальный размер совета директоров, также как и верное соотношение исполнительных и внешних директоров, наличие независимых директоров играет важную роль при определении наиболее эффективного состава совета директоров. Оптимальное число членов в составе совета снижает барьеры коммуникации, улучшает координацию и взаимодействие между участниками. Независимые директора вносят свежие и объективные предложения на заседаниях, а исполнительные директора лучше осведомлены о всех тонкостях деятельности своей фирмы.

Ниже приведена детализация ключевых гипотез (табл. 1), сделанная с учетом свидетельств литературы и российской специфики.

В табл. 2 представлены ключевые независимые переменные, характеристики совета директоров и их обозначения.

В табл. 3 названы контрольные переменные, которые будут использованы в модели для контроля размера компании, торгуемости ее акций на биржах и наличия акций у членов совета.

Таблица 1. Исследовательские гипотезы

№	Гипотеза
H1.1	Чем больше в составе совета директоров членов, имеющих опыт работы в федеральных/региональных органах власти, тем лучше результаты деятельности фирмы
H1.2	Существует положительное воздействие количества директоров в составе совета с опытом управленческой работы в западных компаниях на эффективность фирмы
H1.3	Чем больше директоров с высшим образованием в составе совета, тем выше результаты деятельности компании
H1.4	Вовлеченность председателя совета директоров данной компании в работу советов других компаний негативно сказывается на эффективности деятельности
H1.5	Чем больше в составе совета директоров, имеющих в прошлом опыт работы в аналогичной отрасли, тем лучше результаты деятельности фирмы
H1.6	Чем более опытный председатель СД, тем выше эффективность фирмы
H2.1	Чем выше доля исполнительных директоров в составе совета, тем выше эффективность бизнеса
H2.2	Размер совета директоров негативно влияет на эффективность компании

Таблица 2. Независимые переменные (характеристики совета), используемые в анализе

Обозначение	Описание переменной
Bd_num_sm	Дамми-переменная, «маленький» совет директоров
Bd_num_med	Дамми-переменная, «средний» совет директоров
Executives_share	Доля исполнительных директоров в составе совета
Ch_other_f_bd	Дамми-переменная, одновременное участие председателя совета данной фирмы в работе советов других фирм
Gov_exp	Число директоров, имеющих опыт работы в федеральных/региональных органах власти
Abroad_exp	Число директоров с опытом управленческой работы в западных компаниях
Edu	Число директоров с высшим образованием
Field_exp	Число директоров с опытом работы в аналогичной отрасли в прошлом
Ch_age	Возраст председателя совета директоров

Таблица 3. Контрольные переменные модели исследования

Обозначение	Описание переменной
Ltotal_assets	Логарифм совокупных активов, отражающий размер компании
Bd_share	Доля акций в руках совета директоров
Public_dumm	Дамми-переменная, публичная или непубличная компания
fl	Финансовый рычаг, отражающий структуру капитала

Результаты исследования

Исследование проведено на несбалансированной панели. Для определения состоятельности и устойчивости оценок необходимо провести ряд тестов и проверок. Наличие в выборке выбросов дает смещенные оценки. Чрезмерно высокое влияние отдельных наблюдений может быть связано с тем, что данное наблюдение находится далеко от остальных наблюдений в пространстве регрессоров (соответственно обладает большим «плечом» (leverage) в воздействии на данные) или связано с большой ошибкой в данном наблюдении. С учетом сказанного был построен график, позволяющий определить выбивающиеся наблюдения (Outliers). Выборка была скорректирована.

Тест на мультиколлинеарность не показал наличия линейной зависимости между регрессорами (табл. 4).

Таблица 4. Проверка независимых переменных на мультиколлинеарность

Переменная	VIF	1/VIF
bd_num_sm	7,37	0,135619
bd_num_med	5,11	0,195552
Edu	2,90	0,344951
Field_exp	1,79	0,558525
Age_curr	1,54	0,650481
Ch_Age	1,47	0,681540
Gov_exp	1,24	0,806100
Executives_share	1,19	0,837245
Ch_other_f_exp	1,11	0,896969
Abroad_exp	1,08	0,927832
Среднее значение показателя VIF	2,48	

Проверим также гомоскедастичность остатков регрессии. Для выявления наличия гетероскедастичности используем тест Бройша – Пагана. Результаты теста показали наличие гетероскедастичности. Чтобы снять данную проблему, далее при построении модели мы кластеризуем стандартные ошибки. Кроме того, мы проверили предпосылку о нормальности распределения остатков, хотя нормальность остатков не является обязательным условием для несмещенности оценок коэффициентов. Нормальность остатков обеспечивает валидность F-тестов и проверок гипотез с помощью *p-value* значений для *t*-тестов.

Для анализа влияния характеристик совета директоров на эффективность деятельности фирмы мы построили модель регрессии переменной *ep_3* (кубический корень из экономической прибыли) на характеристики совета директоров. Результат теста Хаусмана продемонстрировал, что в нашем случае для оценки данных необходимо использовать модель с фиксированными эффектами. Модель с фиксированными эффектами позволяет элиминировать индивидуальные ненаблюдаемые эффекты. Очевидно, что есть ряд характеристик членов совета директоров, которые не могут быть отслежены с помощью доступной отчетности. Этот факт также позволяет сделать вывод о том, что модель с фиксированным эффектом должна в большей степени отражать природу используемых данных.

Мы сделали контроль на размер фирмы (логарифм совокупных активов), на структуру собственности (доля акций в руках совета директоров), на публичность компаний и на структуру капитала (финансовый рычаг). Для учета временных эффектов, особенно кризисных и первого года выхода из кризиса, в спецификацию модели были добавлены годовые дамми. В итоге в программе STATA была рассчитана регрессия следующего вида:

```
xreg ep_3 bd_num_sm bd_num_med executives_share gov_exp ch_other_f_bd  
abroad_exp edu field_exp ch_age bd_share ltotal_assets public_dumm fl d2008  
d2009 d2010, fe cluster(firm) robust
```

Эмпирические результаты построенных моделей представлены в табл. 5.

Значимыми оказались коэффициенты при таких регрессорах, как доля исполнительных директоров в составе совета, членство председателя совета данной компании в советах других компаний, количество директоров с опытом работы в данной отрасли в прошлом.

В результате эмпирического анализа мы определили существенные характеристики совета директоров, которые влияют на финансовые результаты деятельности фирмы и относятся как к группе персональных характеристик членов совета, так и к группе характеристик, описывающих состав и структуру советов.

Таблица 5. Оценка влияния характеристик совета директоров на финансовые результаты деятельности фирмы

Показатель	Значение коэффициента
Маленький совет директоров	263,3 (225,7)
Средний совет директоров	169,8 (136,5)
Доля исполнительных директоров в составе совета	446,3 (220,3)
Количество директоров с опытом работы в западных компаниях	128,1 (243,1)
Количество директоров с опытом в компаниях с государственным участием	-0,94 (46,3)
Членство председателя совета данной компании в советах других компаний	-468,7 (255,9)
Количество директоров с высшим образованием	24,1 (25,2)
Количество директоров с опытом работы в данной отрасли в прошлом	63,8 (23,1)
Возраст председателя совета директоров	5,3 (3,9)
Логарифм совокупных активов	-108,4 (89,8)
Доля акций в руках совета директоров	-97,2 (56,4)
Дамми на публичность компании	163,5 (237,2)
Финансовый рычаг	-0,009 (0,002)
2008 г.	-12,9 (72,5)
2009 г.	-82,5 (55,2)
2010 г.	123,1 (48,7)

Примечание. Статистически значимым результатом в данной работе считаем результат на уровне как минимум 10% значимости.

По итогам анализа подтверждены три гипотезы, остальные гипотезы подтверждения не получили.

Гипотеза H1.4 (вовлеченность председателя совета директоров данной компании в работу советов других компаний негативно сказывается на эффективности деятельности) подтвердилась. Председатель совета директоров должен обладать рядом качеств (лидерские способности, гибкость в общении, умение слушать), которые способствуют проведению эффективных заседаний, а значит, и принятию качественных управленческих решений. Распыленность председателя и во времени, и в силах на работу в других компаниях сказывается негативно на результатах данной компании. Более того, председатель — это «лицо» СД. Он должен демонстрировать лояльность к данной компании — это формирует образ компании, ее имидж.

Гипотеза H1.5 (чем больше в составе совета директоров, имеющих в прошлом опыт работы в аналогичной отрасли, тем лучше результаты деятельности фирмы) подтвердилась. Знание специфики отрасли является важным фактором принятия качественных управленческих решений: это накопленный человеческий капитал. Знание специфики отрасли — это и знание технологии, и конкурентного окружения, и отраслевых ограничений. Далее можно попытаться проработать в качестве индикатора опыта работы в отрасли не только количество проработанных лет, но и ненаблюдаемые характеристики, такие как владение информацией о конкурентном окружении, данные о качественных изменениях в отрасли и др.

Гипотеза H2.1 (чем выше доля исполнительных директоров в составе совета, тем выше эффективность бизнеса) была подтверждена. По мнению респондентов, неотъемлемым элементом эффективного совета являются независимые директора, способные объективно и беспристрастно оценить качество принимаемых решений. При этом вопреки требованиям регуляторов и положениям агентской теории о максимизации числа независимых директоров в составе СД респонденты говорят о необходимости включения исполнительных директоров в состав советов. Количественный анализ также опроверг положение агентской теории о максимальном количестве независимых директоров в составе совета. Знания исполнительных директоров о специфике функционирования компании являются более глубокими и сфокусированными, в то время как независимые директора дают лишь оценку со стороны. Исполнительные директора имеют прямой доступ к информации об операционной деятельности компании, знают все нюансы ее деятельности и основные риски.

Заключение

В исследовании с применением эмпирического анализа мы определили, что совет директоров является важным механизмом повышения эффективности деятельности российских фирм. Были выявлены значимые характеристики совета директоров, оказывающие влияние на финансовые результаты деятельности компании. Мы убедились, что совет директоров может принимать качественные управленческие решения как в публичных, так и в непубличных компаниях. Мы обнаружили, что эффективность фирмы зависит от некоторых характеристик совета директоров, причем влияние оказывают не только размер и структура совета, но и некоторые личностные особенности самих директоров. В данном случае весомыми факторами стал их отраслевой опыт и наличие исполнительных директоров.

Представленная эмпирическая работа стала одной из первых попыток оценить эффективность деятельности совета директоров в российских компаниях. Продолжение исследования в перспективе мы связываем с поиском более точных измерителей для проверки гипотез, с дополнительными контрольными переменными, характеризующими структуру акционерного капитала, которая может влиять на состав совета, с уточнением зависимой переменной и некоторых независимых, чтобы повысить число включенных в анализ наблюдений и сохранить случайный характер выборки.

Благодарности

Автор благодарит Т.Г. Долгопятову, доктора наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, за комментарии и замечания.

Литература

Долгопятова Т.Г. Корпоративное управление в российских компаниях: роль глобализации и кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 83–96.

Долгопятова Т.Г. Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний (эмпирические свидетельства) // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 84–97.

Дуляк Ю.И. Качественный анализ места и роли совета директоров в деятельности российских компаний: серия углубленных интервью // Корпоративные финансы. 2013. № 2 (26). С. 21–31.

Дуляк Ю.И. Эволюция института совета директоров в российских компаниях: от формальной роли к реальной // Корпоративные финансы. 2012. № 1 (21). С. 24–32.

Дулак Ю.И. Влияние совета директоров на эффективность бизнеса: результаты зарубежных и российских исследований // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2011. № 4. С. 103–124.

Емельянов А.М., Шакина Е.А. Основные этапы эволюции концепций управления стоимостью компаний // Корпоративные финансы. 2008. № 8 (4). С. 79–87.

Ивашковская И.В. Моделирование стоимости компании. Стратегическая ответственность совета директоров. М.: ИНФРА-М, 2009.

Лебланк Р., Гиллис Дж. Совет директоров – взгляд изнутри. Принципы формирования, управление, анализ эффективности. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Black B.S. The Corporate Governance Behavior and Market Value of Russian Firms // Emerging Markets Review. 2001. No. 2. P. 89–108.

Iwasaki I. The Determinants of Board Composition in a Transforming Economy: Evidence from Russia // Journal of Corporate Finance. 2008. Vol. 14 (5). P. 532–544.

Klein A. Firm Performance and Board Committee Structure // Journal of Law and Economics. 1988. Vol. 41 (1). P. 275–303.

Millstein I.M., MacAvoy P.W. The Active Board of Directors and Performance of the Large Publicly Traded Corporation // Columbia Law Review. 1998. Vol. 98 (5). P. 1283–1322.

Н.А. Колесник

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ФУНКЦИИ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ В МЕЖФИРМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Целью бизнеса является создание более высокой ценности, чем у конкурентов. В данной статье мы рассмотрим, каким образом межфирменное взаимодействие позволяет создавать конкурентное преимущество для центральной компании и ее партнеров. В первой части будут рассмотрены участники совместного создания ценности с точки зрения центральной фирмы. Во второй представлена модель интеграции и взаимодействия участников сети при совместном создании ценности. В том числе рассмотрена роль клиента как ключевого участника процесса. Третья часть посвящена рассмотрению межфирменного взаимодействия как важного источника создания ценности. Будут подробно рассмотрены функции создания ценности при межфирменном взаимодействии. Важно отметить, что данные функции используются в качестве метрик для оценки результативности межорганизационных взаимодействий. В четвертой части представлены эмпирические данные по функциям создания ценности в практике российских предприятий.

Участники совместного создания ценности в межфирменной сети

Сегодня компании находятся в поиске инновационных решений, позволяющих им создавать большую ценность. Фирмы ориентированы на поиск внешних источников конкуренции и использование возможностей, предоставляемых партнерами, нежели на использование внутренних ресурсов фирмы. Другими словами, суть заключается в поиске источников создания ценностей через взаимодействие с партнерами. Основной фокус в изучении ценности направлен на анализе ресурсов, транзакций и получаемых в итоге выгод [Werani, 2001].

В межфирменном взаимодействии выделение создателей и получателей ценности не целесообразно. Логичнее представить этот процесс обоюдным. Тогда все участники межфирменного взаимодействия будут и сосоздателями (co-creators), и получателями ценности.

На рис. 1 представлены участники сосоздания ценности за счет инноваций. Для каждой группы указаны источники создания ценности. Координацию взаимодействия с партнерами осуществляет центральная фирма. Авторы [Ritter, Gemunden, 2003] подчеркивают важность компетенций центральной фирмы по управлению межфирменной сетью «network competence», которые позволяют получить доступ к ресурсам партнеров, эффективнее их использовать и максимизировать синергетический эффект. К данным компетенциям они относят навыки, знания и квалификации компании по управлению взаимоотношениями.

Рис. 1. Участники создания ценности на основе инноваций (адаптировано [Ritter, Gemunden, 2003])

В свою очередь, компания также создает ценность для различных групп стейкхолдеров. Хаксевер и др. в модели создания ценности выделяют следующих получателей ценности: акционеры и собственники, работники, клиенты, поставщики, сообщество [Haksever, Chaganti, Cook, 2004].

Каждая группа стейкхолдеров имеет важное значение для выживания и благополучия компании. Акционеры несут финансовые риски за деятельность компании, инвестируя свои ресурсы. Они ожидают получения дохода и роста ценности фирмы.

Сотрудники компании непосредственно участвуют в создании ценности для клиента, вкладывая свои физические и интеллектуальные силы. В качестве основной ценности получают зарплату, социальные гарантии.

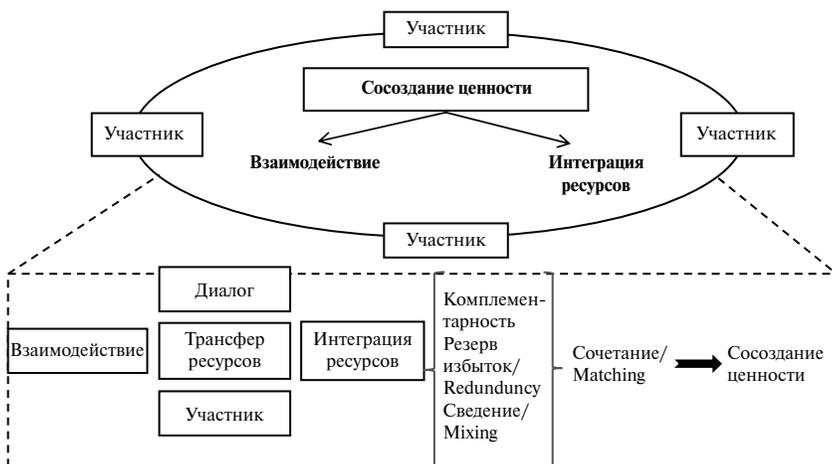
Клиенты рассчитывают получить определенные выгоды от покупаемых продуктов.

Поставщики заинтересованы в благополучии компании, в стабильности сотрудничества как источника их постоянного дохода и устойчивости бизнеса.

Общество в целом получает от компании ценность в форме налогов, наличия рабочих мест, социальной стабильности, инвестиционных проектов в инфраструктуру, благотворительных акций. Общество может влиять на деятельность организации, защищая окружающую среду [Haksever, Chaganti, Cook, 2004].

Модель совместного создания ценности

В последние годы в маркетинге выделяют направление, фокусирующееся на создании ценности за счет взаимодействия участников обмена – «actor-actor value co-creation». Согласно данному подходу, ценность формируется из ресурсного потенциала партнеров сети и процессов взаимодействия между партнерами. Процесс взаимодействия можно описать на основе следующей схемы.

Рис. 2. Сосоздание ценности партнерами через интеграцию ресурсов и взаимодействие [Vargo, 2008]

К ресурсам относятся все активы, способности, организационные процессы, характеристики фирмы, информацию, знания и т.п., которые контро-

лируются фирмой и позволяют ей разрабатывать и реализовывать стратегии, улучшающие экономичность и эффективность [Barney, 1991].

Для анализа ресурсов партнеров используются следующие группы:

- продукт/услуга – контроль качества, в процессе которого особое внимание уделяется входному контролю сырья, полуфабрикатов и комплектующих изделий, спрос на товар;
- физические ресурсы; при этом оцениваются количественные и качественные характеристики (возраст, мощность, степень изношенности, цикличность работы, взаимозаменяемость и т.д.);
- человеческие ресурсы, учитывается квалификация, стаж работы и т.д.;
- финансовые ресурсы;
- нематериальные активы (репутация в деловом мире, патенты, лицензии, «ноу-хау» и т.д.).

Традиционный подход к оценке созданной потребительской ценности осуществляется путем оценки качества и функциональности предлагаемых товаров [Payne, Holt, 2001]. Также используются опросы по удовлетворенности покупателей, составление рейтингов важности [Anderson et al., 1993; 2006]. Однако данные подходы, относящиеся к некумулятивным/non-cummulative, не позволяют выявить ценность, создаваемую за счет взаимоотношений. Для этого используются кумулятивные подходы к оценке ценности (cumulative value approach), анализирующие повторяющиеся взаимодействия между партнерами, которые создают ценность [Vargo, Lusch, 2004; Grönroos, 2011]. В следующем разделе мы рассмотрим кумулятивный подход, основанный на анализе функций создания ценности.

Функции создания и оценки ценности в межфирменных взаимодействиях

Один из зарекомендовавших себя методов основан на анализе функций создания ценности, реализуемых в процессе взаимодействия компаний. Данный метод был разработан в начале 2000-х годов. Преимущество данного метода заключается в наличии системы измеримых показателей, позволяющих получить оценку вклада каждого партнера. На его основе проведен ряд эмпирических исследований, анализирующих взаимоотношения с покупателями [Walter, Ritter, Gemunden, 2001; Ritter, Geersbro, 2013] и с поставщиками [Moller, Torronen, 2003]. Далее кратко опишем функции, которые лежат в основе подхода для анализа ценности, создаваемой и получаемой каждым участником межфирменного взаимодействия сети.

В процессе создания ценностей в межфирменном взаимодействии выделяют прямые (первичные) и косвенные (вторичные) функции. Прямые функции имеют непосредственный эффект на партнера и реализуются в диадах. Косвенные функции имеют косвенный эффект на партнера, потому что их взаимоотношения прямым или косвенным образом зависимы от других отношений [Anderson, Hakansson, Johanson, 1994].

Рис. 3. Функции создания ценности в межфирменных отношениях [Walter, Ritter, Gemunden, 2001; Ritter, Geersbro, 2013]

Далее рассмотрим таблицу показателей, которые были разработаны для оценки ценности от реализации каждой функции в процессе взаимодействия. Стоит отметить, что в процессе использования инструмента на протяжении десяти лет изменялся состав функций и их показателей.

Таблица 1. Показатели функции создания ценности в межфирменных отношениях

Функции	Описание	Показатели*
Функция прибыли (Profit function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует прямой доход от сотрудничества с партнером 	<ul style="list-style-type: none"> доход по продукту общая прибыль
Функция снижения издержек (Cost reduction function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует выгодность сотрудничества с партнером 	<ul style="list-style-type: none"> низкая закупочная цена дешевая закупка и доставка товаров

Функции	Описание	Показатели*
Функция объема (Volume function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует объем сделок с партнером 	<ul style="list-style-type: none"> количество поставок долгосрочные договоры поставок объем продаж
Функция безопасности (Safeguard function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует снижение неопределенности и получение гарантий при работе с партнером 	<ul style="list-style-type: none"> вероятность заказа в короткий срок вероятность заказа сверх производственных возможностей снижение зависимости от других клиентов
Функция инновации (Innovation function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует возможность создания продуктовых и сервисных инноваций в результате взаимодействия с данным партнером 	<ul style="list-style-type: none"> совместная разработка процесса производства совместная разработка продукта освоение новых технологий тестирование опытных образцов
Функция качества (Quality function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует качество товаров и услуг 	<ul style="list-style-type: none"> функциональность поставляемых товаров удовлетворение товаров вашим требованиям
Маркетинговая функция (Market function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует возможность выхода на новые рынки и повышение репутации характеризует возможность приобретения новых клиентов и партнеров по бизнесу через рекомендации партнера 	<ul style="list-style-type: none"> инициирование контактов с новыми клиентами информирование о потенциальных клиентах предоставление рекомендаций новым клиентам
Функция разведки (Scout function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует возможность получения информации о рынке через коммуникацию с данным партнером 	<ul style="list-style-type: none"> предоставление информации об изменениях на рынке и в отрасли, конкурентах и релевантных участниках рынка
Функция доступа (Access function)	<ul style="list-style-type: none"> характеризует возможность получения доступа к участникам рынка через партнера 	<ul style="list-style-type: none"> поддержка через контакт с государственными организациями или влиятельными людьми установление контактов с важными людьми продвижение во влиятельных организациях и комитетах

*Составлено на основе [Walter, Ritter, Gemunden, 2001; Ritter, Geersbro, 2013].

Перечисленные выше показатели, характеризующие взаимоотношения с партнерами, предлагалось оценить от 1 (очень низкий) до 7 (очень высокий). В зависимости от оценки взаимоотношений с партнером за долгосрочный период времени взаимоотношения разделили на четыре группы.

Реализация прямых функций	Высокая	2. Торговые взаимоотношения	3. Высокоэффективные отношения по созданию ценности
	Низкая	1. Низкоэффективные отношения по созданию ценности	4. Сетевые взаимоотношения
		Низкая	Высокая
Реализация непрямых функций			

Рис. 4. Типы взаимоотношений с партнерами

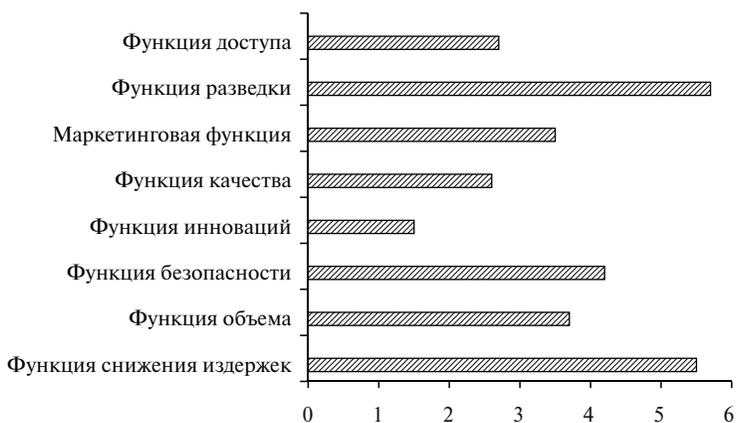
В первом квадранте расположены партнеры с низкоэффективными взаимоотношениями. Сюда могут попадать новые контакты, которые со временем станут более эффективными. Также здесь могут быть и изжившие себя взаимоотношения. Во втором квадранте расположены взаимоотношения, создающие ценность за счет больших объемов продаж, называемые торговыми/selling relationships. В третий квадрант попадают партнеры, создающие максимальную ценность для компании. В четвертом квадранте расположены сетевые/networking взаимоотношения. Они создают высокую ценность за счет сильных связей и реализации непрямых функций.

Функции создания ценности в практике российских компаний

Исследование практик взаимодействия с партнерами позволило получить представление о том, какие функции создают ценность в процессе межфирменного взаимодействия российских компаний. Оценка создаваемой ценности во взаимоотношениях проводится с помощью модифицированной системы показателей вышеописанного подхода.

Респонденты центральной фирмы оценивали степень реализации каждой из функций партнерами согласно показателям, приведенным в табл. 1. Для каждой функции были сформулированы утверждения, отражающие ее показатели. Респондент выбирал вариант ответа от 1 до 7, где 1 – «полностью не согласен»; 6 – «полностью согласен»; 7 – «затрудняюсь ответить».

Согласно проведенному исследованию, российские компании используют потенциал создания ценности за счет межфирменного взаимодействия следующим образом (рис. 5).

Рис. 5. Функции создания ценности за счет межфирменного взаимодействия в практике российских компаний

Функция снижения издержек играет важную роль в создании конкурентного преимущества за счет межфирменного взаимодействия. Среднее значение оценки функции составило 5,5 балла. Получение выгодной цены и хорошего соотношения цены и качества выступает важным условием совместного сотрудничества.

Функция безопасности со средним значением 4,2 балла является важнейшим условием выживания в современной турбулентной среде. Отмечается высокая готовность партнеров гибко изменять условия соглашений и адаптироваться под изменения, происходящие в центральной фирме.

Функция инноваций оказалась наименее востребованной компаниями. Следует отметить, что сфера деятельности компаний мало связана с исследованиями и разработками новых товаров. Среднее значение для данной функции составило всего 1,5 балла. Большинство партнеров компаний не вносят идей новых товаров и не участвуют в создании инноваций. Однако партнеры готовы участвовать в инициативах центральной фирмы по совершенствованию бизнес-процессов (производства, упаковки, дистрибуции) и тестированию новых товаров и услуг.

Маркетинговая функция не получила должного использования в российских компаниях и получила оценку 3,5 балла. Компании не склонны рас-

пространять информацию об опыте сотрудничества с другими партнерами, в том числе редко дают рекомендации. Следует подчеркнуть, что маркетинговая функция (предоставление рекомендаций новым клиентам и партнерам, информирование о новых клиентах, инициирование новых контактов) имеет существенный потенциал для повышения создаваемой ценности во взаимоотношениях партнеров.

Интересный результат получен относительно функции доступа. Ее среднее значение составило 2,7 балла. Таким образом, компании декларируют, что не используют связи для установления контактов с влиятельными людьми, органами власти и другими нужными организациями.

Функция разведки — одна из наиболее эффективно используемых в практике взаимодействия компаний. Ее среднее значение составило 5,7 балла. Интенсивный обмен информацией между партнерами об изменениях на рынке (спросе, предложении, цене и др.) позволяет получать конкурентные преимущества. Отдельным пунктом был выделен обмен информацией о деятельности конкурентов как особо ценных сведений от партнеров.

Таким образом, сегодня фирмы вступают во взаимоотношения с фирмами для создания ценности, которые невозможно создать самостоятельно. Интегрируя ресурсы с другими участниками обмена, компании получают преимущества в операционной эффективности, маркетинге, инновациях. Возникает необходимость формирования стратегий компаний с учетом межорганизационного контекста, основанных на совместном создании (co-creation) ценности и совместной конкуренции (co-opetition), позволяющих создавать инновационные решения.

Литература

Anderson J.C., Håkansson H., Johanson J. Dyadic Business Relationships within a Business Network Context // *The Journal of Marketing*. 1994. P. 1–5.

Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. Vol. 17. No. 1. P. 99–120.

Grönroos C. Value Co-creation in Service Logic: A Critical Analysis // *Marketing Theory*. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 279–301.

Gummesson E., Mele C. Marketing as Value Co-creation Through Network Interaction and Resource Integration // *Journal of Business Market Management*. 2010. Vol. 4. No. 4. P. 181–198.

Haksever C., Chaganti R., Cook R.G. A Model of Value Creation: Strategic View // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 49. No. 3. P. 295–307.

Jansson H. International Business Marketing in Emerging Country Markets: The Third Wave of Internationalization of Firms. Edward Elgar Publishing, 2007.

Jansson H. International Business Strategy in Emerging Country Markets: The Institutional Network Approach. Edward Elgar Publishing, 2008.

Johnson M.W., Christensen C.M., Kagermann H. Reinventing Your Business Model // Harvard Business Review. 2008. Vol. 86. No. 12. P. 57–68.

Payne A., Holt S. Diagnosing Customer Value: Integrating the Value Process and Relationship Marketing // British Journal of Management. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 159–182.

Ritter T., Gemünden H.G. Network Competence: Its Impact on Innovation Success and its Antecedents // Journal of Business Research. 2003. Vol. 56. No. 9. P. 745–755.

Geersbro J., Ritter T. A Conceptualization of Relationship Management Processes: Distinguishing Strategy Implementation Processes and Interaction Processes // The 29th IMP Conference, 2013.

Vargo S.L., Lusch R.F. Evolving to a New Dominant Logic for Marketing // Journal of Marketing. 2004. P. 1–17.

Walter A., Ritter T., Gemünden H.G. Value Creation in Buyer-seller Relationships: Theoretical Considerations and Empirical Results from a Supplier's Perspective // Industrial Marketing Management. 2001. Vol. 30. No. 4. P. 365–377.

Werani T. On the Value of Cooperative Buyer-seller Relationships in Industrial Markets // ISBM Report. 2001. Vol. 2.

А.Т. Юсупова

Новосибирский
государственный
университет,
Институт экономики
и организации
промышленного
производства СО РАН

КРУПНЫЕ КОРПОРАЦИИ: УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНЫХ ПОЗИЦИЙ

Статья посвящена анализу положения крупных корпораций. Рыночную власть корпорации предлагается оценивать с помощью показателей устойчивости и стабильности лидерства. Расчеты выполнены по открытым данным, предоставляемым рейтинговым агентством «Эксперт», использована информация по лидирующим корпорациям России, Казахстана и ряда российских регионов, в частности Сибири, Урала, Северо-Запада, Юга. Для выделения лидеров использованы показатели объема продаж, прибыльности, уровня капитализации, роста объемов реализации. Выявлена неоднородность характеристик лидерства в регионах, сделаны предположения относительно дальнейшего развития и распределения рыночной власти.

Постановка проблемы

Традиционно в формировании основных тенденций развития российской экономики заметную роль играют предприятия крупного бизнеса. Большинство рынков характеризуется наличием таких акторов, которые становятся явно выраженными лидерами, значительно отличаются от остальных по большинству индикаторов поведения, занимают, как правило, доминирующее положение. Именно они определяют структуру и направления дальнейшего развития как отдельных рынков и секторов, так и экономики в целом [Голикова и др., 2012].

В России в силу специфики исторического развития, с одной стороны, и в результате современных интеграционных процессов, с другой, роль лидеров особенно значима [Там же]. Так, согласно нашим расчетам, суммарный объем реализации 20 крупнейших корпораций России в докризисном 2007 г. составлял 37% от национального ВВП, доля десяти лидеров – 28%. В пост-

кризисом 2010 г. эти величины несколько выросли и были на уровне 38% и 30% соответственно¹.

Ведущие игроки любого рынка привлекают внимание исследователей и специалистов, их поведение тщательно отслеживается и анализируется. Перечень крупнейших компаний не постоянен. Существует ряд работ, посвященных исследованию стабильности групп крупнейших американских корпораций [Sherer et al., 1991]. Характер лидирующего положения корпораций, степень доминирования, уровень рыночной власти также меняются, что неизбежно отражается как на положении отдельной фирмы, так и на структуре рынка в целом. Коллинз и Престон [Collins, Preston, 1961] показали, что список лидеров изменчив, движение в нем определяется рядом факторов, в первую очередь характеристиками спроса. С. Фридланд выявил наличие положительной корреляции между темпом роста стоимости активов 44 ведущих корпораций и темпом, с которым менялась их доля по всей промышленности. В целом по США в конце XX в. список лидирующих компаний стал более стабильным. Эту тенденцию можно объяснить действием ряда причин, наиболее значимыми из которых являются следующие: укрепление положения крупнейших фирм, частично достигаемое за счет роста их размера, замедление темпов изменения спроса, высококвалифицированный профессиональный менеджмент, который имеют крупные корпорации, диверсификация деятельности.

Характер лидирующего положения корпораций, степень доминирования, уровень рыночной власти также меняются, что неизбежно отражается как на положении отдельной фирмы, так и на структуре рынка в целом.

Целью нашего исследования стала оценка особенностей позиций крупнейших российских корпораций, выявление характера и динамики их лидерства. Процессы, наблюдаемые в масштабах национальной экономики, сравнивались с аналогичными на уровне отдельных регионов.

Методическая схема исследования

Используя подходы классической теории отраслевых рынков, мы обратились к характеристикам устойчивости и стабильности состава групп лидирующих компаний. Мы отталкиваемся от предпосылки о том, что если компания лидирует на рынке по нескольким критериям, то ее положение можно назвать устойчивым. Наличие таких лидеров является индикатором

---

¹ В расчетах использовались данные Федеральной службы государственной статистики и агентства «Эксперт РА».

того, что структура рынка сформирована, тенденции его дальнейшего развития можно прогнозировать, ориентируясь на поведение ведущих компаний. Взаимодействуя с этими игроками, государство может оказывать влияние на развитие рынка. Если же группы крупнейших фирм не пересекаются, то лидерство на рынке неустойчиво, его структура отличается высоким уровнем неопределенности. Таким образом, для оценки особенностей лидерства мы определяли характер пересечения выбранных множеств. Подробно предлагаемая методология описана в нашей публикации [Юсупова, 2009].

Изменчивость списка крупнейших фирм во времени, т.е. стабильность лидерства, мы оценивали аналогичным образом на основе сопоставления множеств компаний, лидирующих в разные годы. Здесь критерием лидерства выступает один показатель. Конечно, полученные результаты существенно зависят от того, какое количество ведущих компаний и какие именно критерии лидерства выбраны, это учитывается при анализе и интерпретации результатов. Таким образом, особенности лидерства и рыночной власти мы предлагаем исследовать на основе характеристик устойчивости и стабильности положения ведущих игроков. Лидерство компании на рынке можно считать устойчивым, если оно основано на нескольких критериях. Стабильность лидерства отражает его сохранение в долгосрочном периоде. Анализ основывается на сравнении множеств лидеров, сформированных по различным критериям. Безусловно, это не единственная и не исчерпывающая оценка, однако данная информация представляет большой интерес и дает основания для определенных выводов относительно текущего состояния и перспектив развития рынков.

В качестве *количественного индикатора* лидерства на рынке мы предлагаем использовать специальный коэффициент устойчивости (стабильности) SC , рассчитываемый по формуле

$$SC = 1 - \frac{N_{\text{fact}} - N_{\text{min}}}{N_{\text{max}} - N_{\text{min}}},$$

где N_{fact} — фактическое количество лидеров, вошедших во все анализируемые множества; N_{min} — минимально возможное число лидеров, вошедших во все анализируемые множества (например, если рассматриваются пятерки лидеров, то это 5, если двадчатки, то 20); N_{max} — максимально возможное число лидеров, вошедших во все анализируемые множества (например, если рассматриваются пятерки лидеров, выделяемые по трем критериям, то это 15, если двадчатки, то 60); N_{min} совпадает с размером каждой рассматриваемой группы лидеров (пятерка, десятка, двадчатка и т.д.), т.е. с числом крупнейших компаний, выбираемых для анализа по различным критериям.

N_{max} количественно равен значению N_{min} , умноженному на число используемых критериев лидерства.

Значение коэффициента находится в интервале от 0 до 1. Если оно равно 0, то имеет место неустойчивое (нестабильное) лидерство, если коэффициент равен 1, то лидерство является абсолютно устойчивым (стабильным).

Эмпирическая основа исследования: общая характеристика

Описанная схема была применена для анализа позиций корпораций, лидирующих в масштабах национальной экономики в целом и в пределах отдельных регионов. В качестве эмпирической базы были взяты открытые данные ежегодных рейтингов крупнейших компаний, составляемых агентством «Эксперт РА» и региональными агентствами по Казахстану, Сибири, Уралу, Югу, Северо-Западу. Использованы данные за 2007–2011 гг. Для каждой временной точки формировались группы фирм, которые затем сопоставлялись между собой, на основе результатов сравнений рассчитывались описанные выше коэффициенты. Межрегиональные сравнения проводились на основе данных о 10 ведущих корпорациях.

В табл. 1 показана общая характеристика данных, использованных для расчетов.

Таблица 1. Характеристика использованных данных

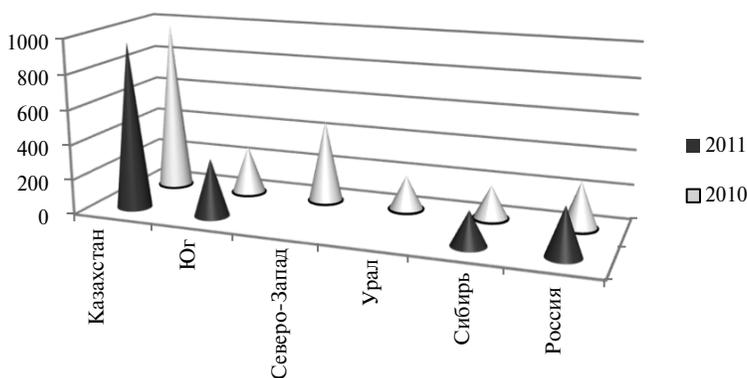
Анализируемые регионы (страны)	Казахстан	Юг	Северо-Запад	Урал	Сибирь	Россия
Количество лидеров, представленных в рейтинге, N	100	250	250	400	400	400
Анализируемый период	2008–2011	2007–2011	2007–2011	2008–2010	2007–2011	2007–2011
Критерии определения лидеров	Объем реализации, чистая прибыль, динамика			Объем реализации, рентабельность, динамика	Объем реализации, динамика, чистая прибыль, рентабельность	Объем реализации, чистая прибыль, балансовая прибыль, уровень капитализации, динамика

При определении критериев выделения лидеров учитывались их значимость для анализа рыночного положения корпорации и доступность открытой информации. Показатель динамики означает рост объемов реализации компании по сравнению с предыдущим годом. Для оценки результатов деятельности и прибыльности использовались различные индикаторы, они приведены в таблице. Поскольку итоговые коэффициенты стабильности и устойчивости лидерства являются величинами относительными, проводимые сравнения представляются правомерными. Основной анализ проводился по данным о десяти ведущих игроках.

На рис. 1 показаны значения показателя однородности анализируемых множеств крупнейших компаний – HI – Homogeneous Indicator, который рассчитывался следующим образом:

$$HI = \sum_{i=1}^N S_i^2,$$

где S_i – доля i -й фирмы в общей величине реализации всех N компаний (400, 100 или 250 соответственно), участвующих в рейтинге. По существу, этот аналог индекса Херфиндала – Хиршмана содержательно отражает, насколько компании, вошедшие в рейтинг, близки друг к другу по объемам реализации.

Рис. 1. Показатель однородности множеств ведущих компаний (HI)

Примечание. Рассчитано автором по данным «Эксперт РА», «Эксперт Сибирь», «Эксперт Урал», «Эксперт Юг», «Эксперт Северо-Запад», «Эксперт Казахстан».

В целом множества ведущих компаний относительно однородны, значения коэффициентов как по России в целом, так и по отдельным регионам далеки от 1000. Подобная структура типична и для многих российских рынков. Неоднородность множества ведущих фирм в Казахстане значительно выше. Однако и российские регионы неодинаковы, можно выделить относительно менее однородные Юг и Северо-Запад и относительно более однородные Урал и Сибирь.

Устойчивость и стабильность лидерства ведущих корпораций

Полученные результаты дают основания утверждать, что характеристики устойчивости лидерства в регионах различны. Данные для десятки лидеров приведены на рис. 2.

Рис. 2. Межрегиональные сравнения устойчивости лидерства

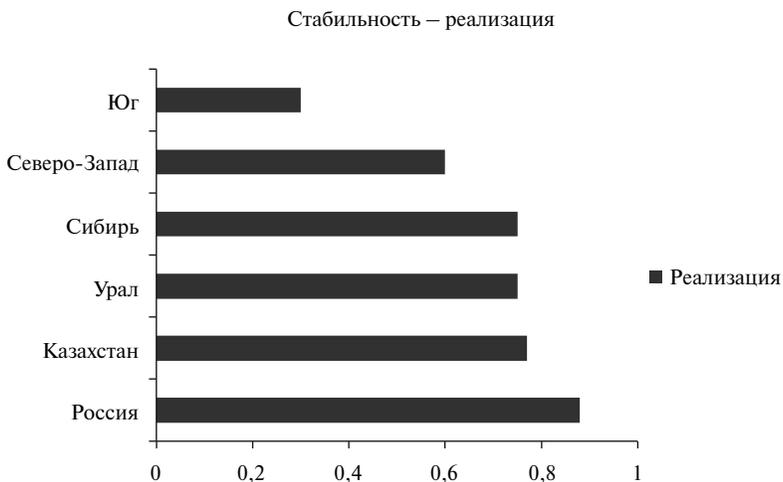
Примечание. Рассчитано автором по данным «Эксперт РА», «Эксперт Сибирь», «Эксперт Урал», «Эксперт Юг», «Эксперт Северо-Запад», «Эксперт Казахстан».

Результаты дают основания утверждать, что характеристики устойчивости лидерства в регионах различны. В Казахстане устойчивость с 2008 г. была выше, чем в России в целом и в каждом из рассмотренных регионов в отдельности. В 2009, 2010 и 2011 г. четко выделяется группа регионов (Сибирь и Урал) с неустойчивым лидерством, сюда же относится Россия в целом, в

ряде случаев имеют место даже нулевые значения коэффициентов. Другая группа включает регионы с более устойчивым лидерством, в нее вошли Юг и Северо-Запад. Именно эти регионы отличаются большей неоднородностью множества крупнейших компаний (данные рис. 1), т.е. можно предполагать наличие в них явно выраженных устойчивых лидеров, обладающих высокой рыночной властью. В 2007 г., отражающем результаты благополучного развития растущей экономики, устойчивость лидерства по России в целом была достаточно высока (0,8). Относительно высокой (по сравнению с последующими годами) она была и на Урале, и в Сибири. В 2008 г. под влиянием кризиса в этих регионах ситуация резко изменилась, произошло существенное падение коэффициентов, в России в целом этот спад проявился на год позже, что можно объяснить наличием дополнительных резервных возможностей у национальных гигантов. Интересно отметить, что на Юге, наоборот, под влиянием кризиса произошел резкий рост устойчивости лидерства в 2008 г., что могло быть результатом как поведения ведущих фирм, так и политики региональных органов государственной власти.

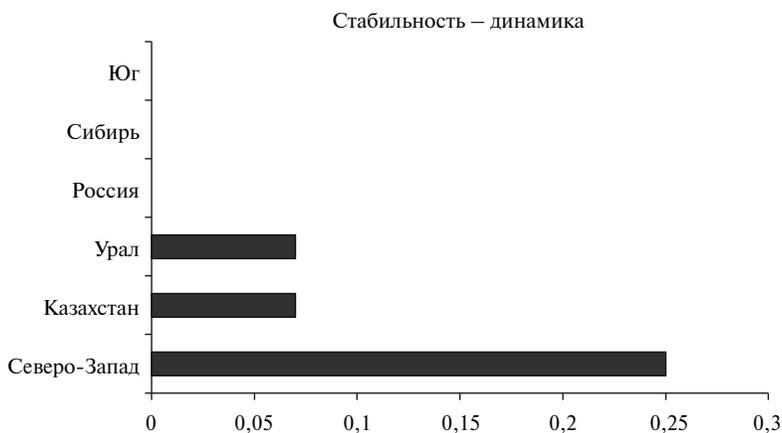
Результаты расчетов показали, что наиболее *стабильным* оказалось лидерство по объемам реализации по России в целом. Регионы, которые вошли в группу с более высокой устойчивостью лидерства (Юг и Северо-Запад), по показателю стабильности демонстрируют, наоборот, самые низкие значения коэффициентов (рис. 3, 4). Можно предположить, что в ближайшие годы распределение рыночной власти на этих территориях изменится. Относительно высоки показатели стабильности в Казахстане. В сочетании с отмеченной ранее высокой устойчивостью лидерства это дает основания предполагать, что сложившаяся ситуация будет сохраняться в течение ближайшего времени, на рынке в перспективе будут заметны те же лидеры, что и сейчас. Лидерство по показателю динамики объема реализации значительно менее стабильно, что вполне ожидаемо и объяснимо: одни и те же компании крайне редко являются лидерами по темпам роста объемов реализации в течение длительного периода.

На рис. 4 показано, что стабильность лидерства по критерию роста реализации равна нулю по России в целом, Сибири и Югу. Это означает, что каждый год разные компании становятся самыми динамичными. Наиболее высокое значение коэффициента было получено для Северо-Запада (хотя абсолютная величина показателя равна всего 0,25). Учитывая данные предыдущих рисунков, можно предположить, что компании-лидеры в данном регионе одновременно являются и растущими, и прибыльными (относительно высокие показатели устойчивости), что отражает благоприятную общую ситуацию. Конечно, рассчитанных коэффициентов недостаточно для окончательных выводов относительно особенностей развития ведущих компаний.

Рис. 3. Межрегиональные сравнения стабильности лидерства по критерию величины реализации, 2007–2011 гг.

Примечание. Рассчитано автором по данным «Эксперт РА», «Эксперт Сибирь», «Эксперт Урал», «Эксперт Юг», «Эксперт Северо-Запад», «Эксперт Казахстан».

Рис. 4. Межрегиональные сравнения стабильности лидерства по критерию динамики величины реализации, 2007–2011 гг.

Примечание. Рассчитано автором по данным «Эксперт РА», «Эксперт Сибирь», «Эксперт Урал», «Эксперт Юг», «Эксперт Северо-Запад», «Эксперт Казахстан».

Особенности лидерства и рыночной власти складываются под воздействием множества факторов. С нашей точки зрения, большое влияние оказывает отраслевая принадлежность лидеров, которая отражена в табл. 2. Компании-лидеры в основном работают в стратегически значимых отраслях, прежде всего в нефтяной и нефтегазовой промышленности. Эта сфера присутствует в отраслевой принадлежности лидеров во всех рассмотренных регионах и в России в целом. При этом наиболее диверсифицированной оказалась отраслевая структура десятки лидеров по объемам реализации в Сибирском регионе, наименее диверсифицированной – в Казахстане. По величине чистой прибыли отраслевое представительство в группе десяти ведущих корпораций в целом более разнообразно, чем по объему реализации. Исключение составляет Сибирь, здесь наиболее прибыльные фирмы относятся к пяти отраслям, а самые крупные по объемам реализации – к девяти.

Таблица 2. Отраслевая специфика десятки лидеров по регионам

Регион	Число отраслей, к которым относятся лидеры по объемам реализации	Число отраслей, к которым относятся лидеры по величине прибыли
Казахстан	3	5
Юг	6	6
Северо-Запад	7	7
Урал	5	4
Сибирь	9	5
Россия	5	8

Заключение

Мы провели анализ положения корпораций, занимающих лидирующие позиции на уровне национальной экономики и в отдельных регионах. В качестве основного индикатора рыночной власти использовались показатели устойчивости и стабильности лидирующего положения. Результаты показали, что в условиях стабильной и растущей экономики показатели устойчивости лидерства достаточно высоки. В кризисной ситуации крупнейшие корпорации не могут сохранять ведущее положение по ряду критериев одновременно, уровень рыночной власти снижается. Ситуация в регионах неодинакова, есть примеры более и менее устойчивого лидерства. Одновременное сочетание устойчивого и стабильного лидерства дает основание предпола-

гать, что существующие тенденции экономического развития и распределение рынка сохранятся. К таким регионам, по нашим данным, может быть отнесен Северо-Запад. В остальных случаях ситуация отличается большим уровнем неопределенности. Представленные данные отражают общую ситуацию на уровне регионов и интегральные характеристики лидерства. Значения рассчитанных коэффициентов складываются в результате изменений положения отдельных компаний в списке лидеров, которые определяются результатами деятельности и поведением этих компаний. Соответственно для понимания особенностей и природы рыночной власти важно провести анализ этих изменений, что и предполагается выполнить на следующем этапе исследования.

Литература

Голыкова В.В., Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. Влияние глобализации на поведение российских промышленных предприятий // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 4. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 21–30.

Ежегодный рейтинг крупнейших компаний России, 2013 (электронный ресурс) <<http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/http://expert.ru/siberia/>>.

Крупнейшие компании Северо-Запада в рейтинге ТОП-250, 2013 <<http://expert.ru/northwest/2012/43/>>.

Крупнейшие компании ЮФО, 2013 <<http://expert.ru/south/2012/45>>.

Предприятия и рынки в 2005–2009 гг.: итоги двух раундов обследования российской обрабатывающей промышленности: доклад к XI Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.

Рейтинг крупнейших компаний Казахстана. 2013 <<http://expertonline.kz/mag/2013/47/>>.

Рейтинг крупнейших компаний Урала и Западной Сибири по объему реализации продукции, 2013 <<http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-urala-i-zapadnoj-sibiri/>>.

Российская корпорация: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития / под ред. Т.Г. Долгопятовой, И. Ивасаки, А.А. Яковлева. 2-е изд. М., 2009.

Юсупова А.Т. Структурные особенности современных российских отраслевых рынков // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 175–194.

Collins N.R., Preston L.E. The Size Structure of the Largest industrial Firms // American Economic Review. 1961. Vol. 51.

Scherer M., Ross D. Industrial Market Structure and Economic Performance. Boston: Houghton Mifflin Company, 1991.

НАУКА
И ИННОВАЦИИ

Е.С. Куценко,
Е.Г. Нечаева

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Одной из серьезных проблем, с которой сталкиваются органы государственной власти, ответственные за стимулирование инновационной активности хозяйствующих субъектов, является недостаток информации о состоянии и динамике инновационных процессов в регионах. Информационный голод не позволяет адекватно оценивать эффективность тех или иных мероприятий инновационной политики государства и дифференцировать их исходя из существующего регионального контекста.

В последние два десятилетия стали появляться разнообразные работы, авторы которых ставили своей целью комплексную оценку инновационного развития регионов. Практически каждое такое исследование обладает преимуществами и недостатками, однако далеко не все из них хорошо известны. Это обстоятельство не позволяет комплексно учесть накопленный опыт, разглядеть существующие тренды и в конечном счете серьезно замедляет процессы совершенствования методологии оценки инновационной деятельности. Настоящая работа призвана восполнить пробел в сфере сравнительного анализа подходов, посвященных анализу инноваций на региональном уровне. В орбиту исследования попали 13 зарубежных [Clarysse, Muldur, 1999; ESPON, 2006; De Bruijn, Lagendijk, 2005; Fraunhofer ISI / MERIT, 2005; Hollanders, 2006; Флорида, 2007; Navarro et al., 2008; Hollanders et al., 2009; U.S. Economic Development Administration, 2009; Wintjes, Hollanders, 2010; Marsan, Maguire, 2011; Capello, Lenzi, 2012; Hollanders et al., 2012a] и 8 отечественных работ [Желтова, 2007; НИСП, 2008; Гусев, 2009; Киселев, 2011; НАИРИТ, 2011; АИРП, 2012; Финансовый университет, 2012; Гохберг и др., 2012].

Настоящий обзор призван стать «навигатором» в области измерения инноваций на региональном уровне, который позволит повысить осмысленность и научную обоснованность будущих исследований, повысив их роль в реализации инновационной политики государства. В рамках данного доклада будут отдельно рассмотрены общие черты и различия между зарубежными и отечественными исследованиями.

Общие черты отечественных и зарубежных исследований в сфере оценки инновационного развития регионов

Всего можно выделить четыре фундаментальные характеристики, которые роднят зарубежные и отечественные исследования.

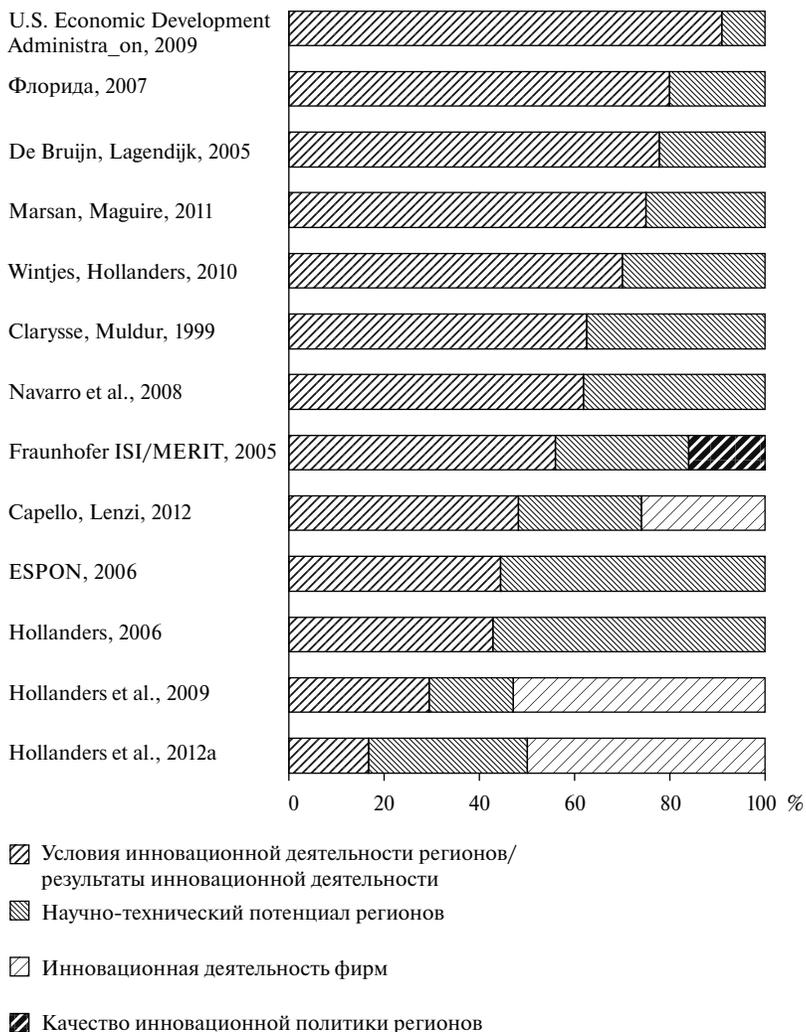
Во-первых, несмотря на наличие ранних работ (прежде всего, за рубежом), в основе которых лежат качественные методы [Cooke, 1998; Braczyk, Heidenreich, 1998; PWC Consulting/Tsagaris Consult, 2002; Tödtling, Trippel, 2005], в настоящее время наблюдается однозначный рост интереса к количественным методам оценки инноваций в региональном разрезе.

Во-вторых, практически для всех авторов характерно широкое понимание инноваций и признание многообразия влияющих на них факторов, что привело к использованию достаточно большого количества показателей для их оценки и необходимости создания комплексных, непротиворечивых, сбалансированных, хорошо интерпретируемых систем показателей. Суммарно 106 показателей использовались хотя бы в одном из зарубежных исследований. В среднем зарубежная система показателей, оценивающая инновации в региональном разрезе, включает 14 индикаторов, отечественная — 15 (без учета системы Финансового университета).

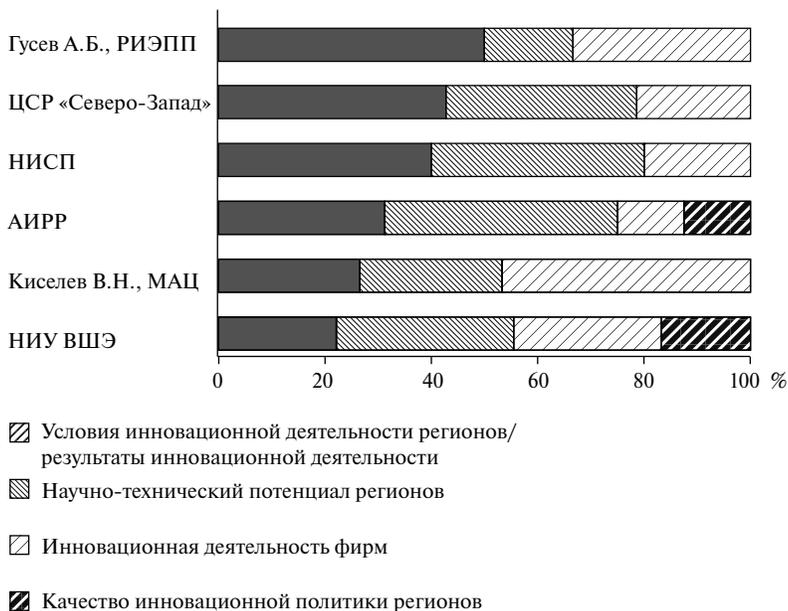
Третьей общей особенностью является преимущественное использование официальных статистических данных. Например, такую сферу, как качество инновационной политики в регионах, решились оценить авторы лишь одного зарубежного исследования и двух отечественных (рис. 1, 2).

В-четвертых, любопытным сходством является отсутствие консенсуса по поводу того, какие именно показатели следует использовать для оценки тех или иных аспектов инновационных процессов, протекающих в регионах. На это указывает огромная доля показателей по всем анализируемым работам, которые были использованы только в одной из них: 75% в зарубеж-

ных исследованиях и 73% – в отечественных. Определение инноваций по-прежнему остается темой для экспертных дискуссий.

Рис. 1. Доли тематических блоков по частоте использования показателей в зарубежных исследованиях инноваций в регионах, %

Рис. 2. Доли тематических блоков по частоте использования в отечественных исследованиях инноваций в регионах, %

Различия между отечественными и зарубежными исследованиями в сфере оценки инновационного развития регионов

Выделим наиболее существенные, бросающиеся в глаза различия между зарубежными и отечественными исследованиями.

Во-первых, отметим разный уровень обеспеченности профильной статистической информацией. Большинство зарубежных исследователей указывают на серьезные ограничения в этой сфере. Прежде всего речь идет о статистике инновационной активности фирм и, в несколько меньшей степени, научно-технического потенциала региона. Оказалось, что данная статистика либо вообще не формируется во многих странах мира, либо недоступна / ограниченно доступна на региональном уровне. Например, данные на уровне регионов для Regional Innovation Scoreboard 2006 оказались доступными только для семи из двадцати шести показателей European Innovation Scoreboard 2005 [Hollanders, 2006], а авторы Regional Innovation

Scoreboard 2009 смогли найти в региональном разрезе лишь 16 из 29 показателей European Innovation Scoreboard. При этом они отдельно подчеркивают, что используют все показатели по инновациям, которые были первоначально отобраны для European Innovation Scoreboard и оказались доступными на региональном уровне [Hollanders et al., 2009].

Еще большие сложности возникли у разработчиков типологии регионов по уровню инновационного развития в странах ОЭСР. Оказалось, что ряд стран не рассчитывают в региональном разрезе даже базовую статистику по инновациям. Например, данные по затратам на исследования и разработки по регионам недоступны для таких стран, как Япония, Швейцария, Мексика, Турция. Вследствие отсутствия необходимого минимума статистической информации из исследования были полностью исключены Австралия, Чили, Эстония, Исландия, Израиль, Мексика, Новая Зеландия, Турция, Словения и Швейцария [Marsan, Maguire, 2011].

Прослеживается закономерность, согласно которой чем выше уровень региональной детализации, тем меньше доступных статистических данных для оценки инноваций. Например, если спуститься с уровня TL2 (соответствует размеру штата в США или региону NUTS 2 в странах Европейского союза) на уровень TL3 (соответствует уровню NUTS 3 в ЕС) по классификации ОЭСР, то из показателей, связанных с инновациями, мы обнаружим только статистику по патентам [Ibid.].

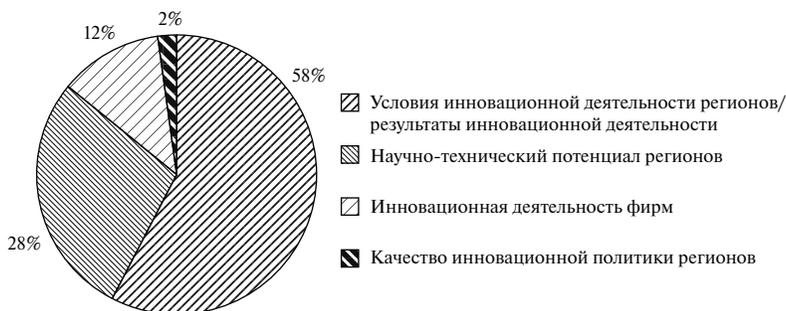
Не удивительно в этой связи, что количество исследований, посвященных рейтингованию или типологизации территорий по инновационному развитию, снижается при увеличении уровня пространственной детализации. Например, исследований, посвященных сравнительной оценке инновационного развития городов, практически нет. Исключение составляет Innovation Cities Global Index, который регулярно выпускается австралийской консалтинговой компанией 2THINKNOW [Hire, 2011]. Симптоматично, что автор данного исследования не использует данные официальной статистики.

Российские исследователи имеют больше статистических данных, отражающих инновационные процессы на региональном уровне. Прежде всего, это данные федерального статистического наблюдения инновационной активности предприятий по форме № 4 – инновация. В Европе существует подобное обследование Community Innovation Survey, однако оно несколько менее информативно¹, данные по нему доступны не по всем регионам Европейского союза и собираются не ежегодно, а один раз в два года. Более того,

---

¹ Большая часть вопросов в Community Innovation Survey рассчитана на ответ «да» или «нет», в то время как форма № 4 – инновация предполагает количественные изме-

анализируемые зарубежные исследования включают в оценку регионы из разных стран (не обязательно входящих в Европейский союз), что в отличие от отечественных работ, изучающих сугубо регионы России, порождает дополнительные трудности, связанные с сопоставимостью данных, различиями в периодах обследования и пр. Поэтому отечественные системы показателей оказались в большей степени сфокусированными на инновационных процессах, чем зарубежные. В целом распределение показателей по тематическим блокам в отечественных системах гораздо более равномерное, чем в зарубежных (рис. 3, 4).

Рис. 3. Суммарные доли тематических блоков по частоте использования входящих в них показателей в зарубежных исследованиях инноваций в регионах, %

рения (объемы инновационной продукции, затраты на технологические инновации, количество совместных проектов и пр.).

В обследовании Community Innovation Survey предприятия указывают лишь долю инновационной продукции в общей выручке, тогда как по форме № 4 – инновация от них требуется привести данные по объему инновационной продукции. В форме № 4 – инновация введен специальный раздел, характеризующий технологический обмен (приобретение и передачу новых технологий), который отсутствует в Community Innovation Survey. Также в форме № 4 – инновация глубже рассматривается вопрос о затратах на инновации: предложен детализированный перечень таких затрат, разработаны дополнительные пункты по источникам их финансирования. Помимо этого, в российской форме шире представлен раздел по патентованию объектов интеллектуальной собственности (поданные заявки на получение охранных документов, число действующих охранных документов), раздел по кооперационным связям, видам организационных и маркетинговых инноваций, дополнительно исследуется экспорт инновационной продукции, наличие научно-исследовательских подразделений и др.

Рис. 4. Суммарные доли тематических блоков по частоте использования в отечественных исследованиях инноваций в регионах, %

Во-вторых, различаются процедуры обработки показателей. Отсутствие достаточных статистических данных приводит к тому, что большинство зарубежных исследователей отказываются от конструирования интегрального индекса и ранжирования регионов по его убыванию. Предпочтение отдается кластерному анализу, по результатам которого формируются типы регионов, похожих не столько по уровню, сколько по особенностям инновационного развития.

В то же время отечественные авторы создают практически исключительно рейтинги регионов. В принципе, рейтинги являются более понятным для потребителей информационным продуктом². Они позволяют лучше отслеживать динамику регионов, отражающую в том числе усилия региональных органов власти по стимулированию инновационной деятельности. Тем более что в России отсутствуют специфические для зарубежных исследований пробелы в статистических обследованиях, которые делают невозможным построение рейтингов.

Вместе с тем типологизация (как правило, на основе кластерного анализа) также является полезной процедурой, так как она позволяет регионам сравнивать себя со структурно близкими регионами, определять общие закономерности и заимствовать те инструменты, которые показали свою эффективность в регионах со схожей моделью развития инновационных процессов. Мы полагаем, что распространение и углубление анализа, направленного на

² Так, например, Аналитический доклад ВШЭ [Гохберг и др., 2012] собрал большое количество отзывов, в целом подтвердивших адекватность предложенной методологии и результирующих оценок той реальной ситуации, которая сложилась в отдельных регионах.

поиск типов инновационного развития российских регионов, является крайне перспективным направлением будущих отечественных исследований.

В-третьих, серьезно отличаются цели количественного описания регионов в зарубежных и отечественных исследованиях. Для последних характерно представление информации в справочном формате, в то время как авторы зарубежных исследований, напротив, предпочитают не столько предоставлять информацию об инновационном развитии регионов, сколько анализировать ее, выделяя типы регионов; измеряя влияние тех или иных аспектов инновационности на параметры социально-экономического развития, конкурентоспособности и пр.; оценивая эффективность использования государственных средств, выделяемых на развитие инноваций в регионах; пытаясь с помощью качественных исследований (например, форсайта) расширить сферу полезного применения результатов количественного анализа.

Например, в рамках исследования Regional Innovation Scoreboard 2012 авторы не просто сравнивают европейские регионы по показателям инновационного развития, но и оценивают эффективность использования средств ЕС, направленных на развитие инноваций в регионах (Структурный фонд и Рамочная программа). Другой интересной находкой авторов было сравнение результатов Regional Innovation Scoreboard 2012 и Innovation Union Scoreboard 2011. В целом анализ показал, что наиболее инновационные регионы располагаются в странах с высоким уровнем инновационного развития. И наконец, европейские исследователи оценили связь результатов Regional Innovation Scoreboard 2012 и рейтинга конкурентоспособности европейских регионов (European Regional Competitiveness Index) [Annoni, Kozovska, 2010], в основе последнего лежит методология глобального рейтинга конкурентоспособности Мирового экономического форума³. Эконометрическая оценка показала наличие сильной связи между двумя индексами: уровнем инновационного развития региона и его конкурентоспособностью.

В некоторых случаях результаты анализа «твердых» данных дополняются качественными исследованиями. Например, в работе одного из постоянных авторов Regional Innovation Scoreboard Уго Холлендерса в качестве такой дополнительной опции реализовано форсайт-исследование, главной целью которого было определение возможных траекторий развития до 2020 г.

---

³ Отличие состоит в том, что система показателей European Regional Competitiveness Index в большей степени опирается на существующие статистические данные [Annoni, Kozovska, 2010, p. 28], хотя также вовлекает показатели, получаемые в результате социологических исследований, в том числе рассчитываемые Мировым банком: показатели Удобства ведения бизнеса (Ease of Doing Business Index) и показатели качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators).

в регионах, принадлежащих к различным инновационным типам [Wintjes, Hollanders, 2010]. Форсайт-исследованием было охвачено около 3500 экспертов по всей Европе, которым было предложено заполнить онлайн-форму. Всего было получено 408 заполненных анкет, из которых 329 были заполнены полностью. Эксперты, приславшие полностью заполненные анкеты, представляют 123 региона в 26 странах Европейского союза. Помимо интернет-опроса, была организована серия семинаров с целью выявления ключевых драйверов развития и основных проблем в регионах каждого типа.

Рекомендации по дальнейшему развитию отечественных исследований

Сопоставление зарубежных и отечественных исследований позволяет сформулировать ряд предложений по дальнейшему развитию отечественных исследований инноваций в региональном разрезе:

1. Переход от единичных исследований к ежегодному выпуску рейтинга с конвенциональной и стабильной системой показателей, позволяющей объективно измерять динамику развития инновационных процессов в регионе не только в сравнении с предыдущими периодами, но и с учетом динамики развития других регионов и страны в целом.

2. Типологизация регионов исходя из особенностей инновационного развития и разработка по каждому из выделенных типов регионов рекомендаций в сфере научно-технической, инновационной, инвестиционной политики, а также политики поддержки малого и среднего предпринимательства.

3. Совмещение количественных и качественных исследований, в том числе реализация форсайт-исследований, а также совершенствование подходов к анализу качества инновационной политики в регионах.

4. Увязка информации об инновационной активности предприятий, эффективности сектора науки и качестве региональной инновационной политики с данными о мерах, объемах и сроках федеральной поддержки регионов в инновационной сфере.

Литература

АИРР Рейтинг инновационного развития регионов России для целей управления (данные 2009–2010 гг.) // Официальный сайт Ассоциации инновационных регионов России, 2012 <<http://www.i-regions.org/materials/regional-research/2732/>>.

*Бортник И.М., Сенченя Г.И., Михеева Н.Н., Здунов А.А., Кадочников П.А., Со-
рокина А.В.* Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов
России // *Инновации*. 2012. № 9 (167). С. 48–60.

Гохберг Л.М., Грачева Г.А., Дитковский К.А. и др. Рейтинг инновационного
развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред.
Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Гусев А.Б. Формирование рейтингов инновационного развития регионов
России и выработка рекомендаций по стимулированию инновационной актив-
ности субъектов Российской Федерации // *Официальный сайт «Капитал стра-
ны»*, 2009 <<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/2574>>.

Желтова В.В. Научно-технологический форсайт РФ: региональные аспекты.
Некоторые выводы исследования. Презентация доклада на III Российском вен-
чурном форуме, Санкт-Петербург // *Официальный сайт ЦСР «Северо-Запад»*,
2007 <http://csr-nw.ru/upload/file_category_171.pdf>.

Киселев В.Н. Сравнительный анализ инновационной активности субъек-
тов Российской Федерации, 2011 <[http://www.i-regions.org/association/structure/
Kiselev_final.doc](http://www.i-regions.org/association/structure/Kiselev_final.doc)>.

Михеева Н.Н., Семенова Р.И. Инновационный потенциал регионов: пробле-
мы и результаты измерения // «Новая экономика. Инновационный портрет Рос-
сии». М.: Центр стратегического партнерства, 2011. С. 311–318.

НАИРИТ Рейтинг инновационной активности регионов России 2010 // *Официальный сайт Национальной ассоциации инноваций и развития информа-
ционных технологий*, 2011 <<http://www.nair-it.ru/news/17.05.2011/217>>.

НИСП. Социальный атлас российских регионов. Индекс инновативности // *Официальный сайт Независимого института социальной политики*, 2008 <[http://
www.socpol.ru/atlas/indexes/index_innov.shtml#rating](http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index_innov.shtml#rating)>.

ОЭСР/ЕС. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по
инновациям. 3-е изд / пер. с англ. ЦИСН, 2006.

Пилясов А., Хомич Ю. Изучение региональных инноваций в России // *Си-
нергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и пере-
токи знания* / отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012.

Пилясов А.Н., Колесникова О.В. Оценка творческого потенциала российских
региональных сообществ. Новый масштаб творческого процесса как главное от-
личие постиндустриальной и агроиндустриальной трансформации экономики
России // *Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов
России*. М.: ИГ РАН, 2011.

Финансовый университет. Концепция формирования индекса инновацион-
ного развития регионов России. Презентация Института инновационной эконо-
мики // *Официальный сайт Финансового университета*, 2012 <[http://www.fa.ru/
institutes/efo/Documents/Индекс_Презентация_2012.pdf](http://www.fa.ru/institutes/efo/Documents/Индекс_Презентация_2012.pdf)>.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ.
М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007.

Annoni P., Kozovska K. EU Regional Competitiveness Index 2010. Institute for the Protection and Security of the Citizen. European Commission, 2010 <<http://www.urenio.org/wp-content/uploads/2010/09/Regional-Competitive-Index-EU-JRC2010.pdf>>.

Braczyk H.-J., Cooke P., Heidenreich M. Regional Innovation Systems. L.: UCL Press, 1998.

Capello R., Lenzi C. Territorial Patterns of Innovation: A Taxonomy of Innovative Regions in Europe // *Ann Reg Sci.* 2013. No. 51. P. 119–154.

Clarysse B., Muldur U. (2009) Regional Cohesion in Europe? An Analysis of How EU Public RTD Support Influences the Techno-economic Regional Landscape. Directorate General for Science, Research and Development, European Commission, 2013 <ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/indicators/docs/ind_wp_um1.pdf>.

Crescenzi R., Rodríguez-Pose A., Storper M. The Territorial Dynamics of Innovation: A Europe-United States Comparative Analysis // *Journal of Economic Geography.* 2007. No. 7. P. 673–709.

De Bruijn P., Legendijk A. Regional Innovation Systems in the Lisbon Strategy // *European Planning Studies.* 2005. No. 13 (8). P. 1153–1172.

ESPON Territorial Impact of EU Research & Development Policy. ESPON Project 2.1.2. 2006. Final Report <http://www.espon.eu/export/sites/default/Documents/Projects/ESPON2006Projects/PolicyImpactProjects/RDPolicyImpact/fr-2.1.1_final.pdf>.

Fraunhofer ISI / MERIT Enlarging the ERA: Identifying Priorities for Regional Policy Focusing on Research and Technological Development in the New Member States and Candidate Countries. 2005. Final Report <http://www.edis.sk/ekes/regions_finalreport_300505.pdf>.

Hire C. Innovation Cities Analysis Report: Global Innovation Review. Annual Series. 2011. 2THINKNOW.

Hollanders H. European Regional Innovation Scoreboard. 2006. Brussels: European Commission, DG Enterprise <<http://arno.unimaas.nl/show.cgi?fid=16269>>.

Hollanders H., Arundel A. Global Innovation Scoreboard. Maastricht Economic and Social Research and Training Center on Innovation and Technology, 2006 <<http://arno.unimaas.nl/show.cgi?fid=15491>>.

Hollanders H., Rivera León L., Roman L. Regional Innovation Scoreboard // European Commission, 2012 <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/policy/regional-innovation/index_en.htm>.

Hollanders H., Tarantola S., Loschky A. Regional Innovation Scoreboard 2009. INNO Metrics Thematic Paper. Brussels: European Commission, DG Enterprise, 2009 <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ris-2009_en.pdf>.

Hollanders H., Derbyshire J., Lewney R., Tijssen R., Tarantola S., Rivera León L. Regional Innovation Scoreboard 2012 – Methodology report. Brussels: European Commission, DG Enterprise, 2012a.

Hollanders H., Rivera León L., Roman L. Regional Innovation Scoreboard 2012. INNO Metrics 2011–2012 Report. Brussels: European Commission, DG Enterprise, 2012b <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ris-2012_en.pdf>.

Hollanders H., Cruysen A. van Design, Creativity and Innovation: A Scoreboard Approach. INNO Metrics 2008 Report. Brussels: European Commission, DG Enterprise, 2009.

Marsan A.G., Maguire K. Categorisation of OECD Regions Using Innovation-Related Variables // OECD Regional Development Working Papers. 2011/03. OECD Publishing. <http://www.oecd-ilibrary.org/governance/categorisation-of-oecd-regions-using-innovation-related-variables_5kg8bf42qv7k-en>.

Martin Prosperity Institute Creativity and Prosperity: The Global Creativity Index, 2011. <<http://martinprosperity.org/media/GCI-Report-reduced-Oct%202011.pdf>>.

Navarro M, Gibaja J.J., Aguado R., Bilbao-Osorio B. Patterns of Innovation in the EU-25 Regions: A Typology and Policy Recommendations // Orkestra Working Paper Series in Territorial Competitiveness, 2008 <http://www.orkestra.deusto.es/images/publicaciones/archivos/000283_WPS2008-04_English_version.pdf>.

PWC Consulting/Tsagaris Consult. Involving Regions in the European Research Area. Tuning the territorial conditions to optimise knowledge creation and transfer in Europe. Final Report to the European Commission, 2002 <ftp://ftp.cordis.lu/pub/era/docs/era_reg_pcw_0102.pdf>.

Tödting F., Trippi M. One Size Fits All? Towards a Differentiated Regional Innovation Policy Approach // Research Policy. 2005. No. 34. P. 1203–1219.

U.S. Economic Development Administration. The Innovation Index. In Crossing the Next Regional Frontier: Information and Analytics Linking Regional Competitiveness to Investment in a Knowledge-Based Economy, 2009 <http://www.statsamerica.org/innovation/reports/crossing_regional_frontier_full_report.pdf>.

Wintjes R., Hollanders H. The Regional Impact of Technological Change in 2020. Synthesis Report, 2010 <http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/2010_technological_change.pdf>.

World Economic Forum The Global Competitiveness Report 2012–2013: Full Data Edition. Geneva, 2012.

И.С. Никифорова,
А.А. Вейхер

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»,
Санкт-Петербург

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ: ПОЧЕМУ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ НЕ НАГРАЖДАЮТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИЕЙ?

Введение

Нобелевская премия в XX в. обрела невероятную ценность. Количество Нобелевских премий воспринимается как национальный вклад в развитие мировой науки и как знак успеха национального образования и экономики. Однако все чаще наблюдатели отмечают редкое присуждение Нобелевских премий российским ученым [Аргументы и факты, 2013; Бичурин, 2011; Лукашов, 2013; Кулакова, 2011; Образцов, 2007; Тютюнник, 2008]. Утверждения, что премий «незаслуженно мало» (11 человек из 640 всех лауреатов в науках) по сравнению с вкладом России в науку [Лукашов, 2013], мало подкрепляются объективным анализом и исследованием причин таких неравномерностей в присуждении премий. Мы провели оценку тенденций и закономерностей распределения Нобелевских премий в области наук (физика, химия, медицина и экономика) в разрезе стран на протяжении последних 67 лет (с 1947 г., после Второй мировой войны, когда сложились основы современного мироустройства, и до 2013 г.) и рассмотрели ряд факторов, влияющих, во-первых, на положение науки в разных странах и, во-вторых, на формирование репутации в научной среде.

Многочисленные исследования показывают, что российские ученые и деятели искусства давно относятся с недоверием к Нобелевской премии, отвергая награду по личным и политическим причинам [Бояринцев, Самарин, Фионова, 2010], ссылаясь на неблагоприятное положение в приоритетных спорах [Бояринцев, Самарин, Фионова, 2010; Лесков, 2006; Миронин, 2006; Singh, Riess, 2001], ставя под сомнение объективность процесса отбора [Бояринцев, Самарин, Фионова, 2010; Миронин, 2006].

Попытки предсказать нобелевских лауреатов предпринимались с начала существования базы цитирования ISI (WoS) [Brynko, 2010], и до сих пор являются излюбленной темой исследования самих ученых [Doi, Heeren, Mauge, 2014]. Однако в своих попытках улучшить предсказания к данным о цитируемости исследователи были вынуждены добавить ряд других переменных, таких как область специализации и предыдущие награды, в то время как закономерности выдвижения и выбора Нобелевских премий остаются мало исследованными [Ashton, Oppenheim, 1978; Brooks, 2008; Gingras, Wallace, 2010; Garfield, Malin, 1968; Garfield, 1998].

Будучи международной премией, которая распространяется на ученых, независимо от их национальности, Нобелевская премия стала «мерилом» качества работ [Бичурин, 2011; Zuckerman, 1977] и национального успеха. Даже сама номинация на Нобелевскую премию возводит ученого в ранг научной элиты. Способно ли международное научное сообщество признать вклад в науку выдающихся ученых независимо от страны, где они работают? Ряд исследователей отмечают, что российские ученые часто неизвестны международному сообществу [Кирчик, 2011; Kirtchik, Gingras, Larivière, 2012]. В России, как и в некоторых других европейских странах, существует «национально ориентированная» модель научной коммуникации [Кирчик, 2011], в рамках которой ученые публикуются в первую очередь в России в национальных журналах, имеющих очень ограниченную представленность в международных библиометрических базах данных [Kirtchik, Gingras, Larivière, 2012]. Ученые, которые уезжают работать в другие страны, тем самым решают и материальные проблемы, они получают возможность продолжать научную деятельность, а также увеличивают свои шансы на международное признание результатов этих работ.

Не принимая во внимание многочисленную популярную литературу, посвященную истории и спорам, окружающим награду, можно выделить несколько весомых факторов, влияющих на получение Нобелевских премий, которые предлагались в печатной литературе. В первую очередь *внутренние* факторы: 1) отсутствие в России условий (финансирование, место для лабораторий, закупка оборудования и материалов, бюрократизация организаций, достойная зарплата и жилье) для эффективной работы ученых, вынуждающих ученых эмигрировать, а энтузиастов продолжать работать в стране; 2) статус и неуважение к науке в России; 3) плохо развитая инфраструктура научной коммуникации, где коллеги не замечают открытий российских ученых; и 4) самокритичность по отношению к отечественным ученым, которые не продвигают достижения своих коллег, что сказывается на малом числе номинаций российских ученых на Нобелевскую премию. По сравнению с американцами, англичанами, французами и немцами русские не так часто

номинаруют русских кандидатов, а наоборот — номинируют своих иностранных коллег [Радзеецкая, 2006; Küppers, Ulitzka, Weingart, 1982].

Также имеется ряд *внешних* факторов: 1) периферийный статус русского языка в мировой науке — журналы на русском языке не читают, поэтому иностранные ученые не в состоянии оценить вклад русскоязычных ученых; 2) малая известность российских ученых, которых, возможно, редко встречают на конференциях; 3) небольшое число российских лауреатов, имеющих право представления номинаций на Нобелевскую премию; 4) политические факторы и идеология, согласно которой наука может развиваться свободно только в определенных политических [Merton, 1973] (и экономических) системах.

Метод и данные

В настоящей статье приводятся результаты трех анализов Нобелевских премий:

- 1) распределение по странам, миграция и структура сотрудничества нобелевских лауреатов;
- 2) временные тенденции в присуждении Нобелевских премий;
- 3) модели регрессии, исследующие факторы влияющие на количество Нобелевских премий, полученных учеными разных стран.

Исследование основано на данных, собранных о нобелевских лауреатах ($N = 494$) с 1947 г. по 2013 г. в области физики, химии, медицины и экономики из официального источника — Нобелевского фонда (Nobelprize.org), а также отчетах цитирования стран по всем дисциплинам, извлеченных из Essential Science Indicators (Thomson Reuters' Web of Science), и экономических показателей ОЭСР (Organization for Economic Co-operation and Development, OECD) и Всемирного банка (World Bank). Библиометрические показатели публикационной активности особенно подходят для анализа, поскольку они показывают уровень интернационализации науки и ее полей [Кирчик, 2011].

Гипотезы

В присуждении международных Нобелевских премий можно выделить три составляющих процесса: 1) развитие и достижения национальной науки; 2) слияние и интеграция национальных достижений в международную научную среду; и 3) работа Нобелевского комитета (сбор номинаций, оценка, выбор на основании согласия или путем других средств) над рассмотрением

заявок на награду. В данном исследовании мы предлагаем оценить первые две составляющие процесса — развитие национальной науки и интеграцию национальных достижений в международную научную среду — и рассмотреть две модели: социоэкономическую и соционаукометрическую, а также факторы, влияющие на получение Нобелевской премии за определенный промежуток времени.

В социоэкономической модели мы рассматриваем Нобелевские премии как результат экономических и политических инвестиций в науку — финансирования и количества ученых. Мы предлагаем учесть (*H1*) *расходы на ученого*, предполагая, что чем выше расходы, тем больше вероятность, что ученые этой страны сделают открытие и будут признаны; (*H2*) *распространенность исследователей* в структуре занятости страны (research positions perthous and labour force), что свидетельствует о наличии научно-технологической среды и научной политики, положительно влияющей на шансы получения Нобелевской премии; и (*H3*) *общее количество ученых в стране* (total researchers, FTE), предполагая, что чем больше ученых, тем больше открытий, возможных номинаций и, следовательно, шансов на Нобелевскую премию (табл. 1).

В соционаукометрической модели мы рассматриваем результаты инвестирования в науку — сформировавшийся статус и видимость страны на международной арене. В этой модели мы учитываем (*H4*) *научное лидерство* на международной арене до 1947 г. (и до 1981 г.), чем больше уже признанных нобелевских лауреатов в стране (до 1947 г. и до 1981 г.), тем больше у них шансов выдвинуть коллегу из своей страны; (*H5*) *научный статус*, так как высокий рейтинг цитирования обеспечивает видимость и способствует признанию Нобелевской премией; а также (*H6*) *распространенность исследователей* (research positions perthous and labour force) в структуре занятости страны (табл. 1).

Наши гипотезы предполагают, что рассматриваемые факторы влияют на число Нобелевских премий, но не являются исключительной причиной их получения. Временной лаг (time lag), существующий с момента инвестиции в науку (и ученых) до совершения открытия, а также с момента открытия до признания, важен с точки зрения причинно-следственных связей, но в нашем исследовании не имеет большого значения, потому что: 1) мы рассматриваем общую тенденцию финансирования и признания на протяжении 67 и 33 лет; 2) присуждение Нобелевской премии может случиться как спустя год, так и десятилетиями позже при условии, что ученый жив; и 3) результаты научной деятельности в большей степени зависят от научной политики и инвестиций, предопределенных историческим контекстом. Таким образом, несмотря на то, что динамика развития науки менялась локально во времени, на длительных промежутках ранги и научная политика стабильны и устойчивы (рис. 1).

Таблица 1. Описательная статистика

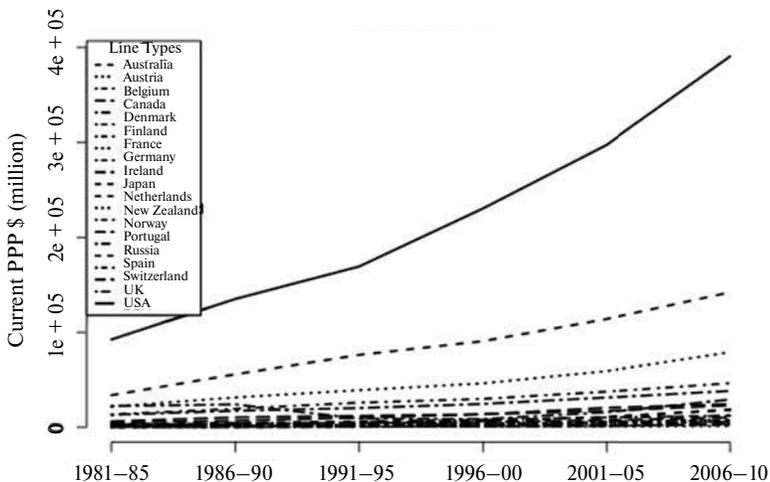
Переменная	Описание	Min	Max	Mean	Median	SD
GERD per researcher	Среднее расходов (million current PPP \$) на науку с 1981 по 2010 г. на ученого (OECD): внутренние затраты и финансирование всех компаний, научно-исследовательских институтов, университетов, лабораторий, занимающихся научной деятельностью	33,28	261,84	138,63	143,12	59,35
Total Researchers (FTE)	Среднее число ученых в стране с 1981 по 2010 г. (OECD): кадровые данные по полной и частичной занятости ученых	2159	883060	136879	36134	230315
Research Positions in Labor Force	Среднее количество научных работников на тысячу занятости в стране с 1981 г. по 2010 г. (OECD)	0,7	11,855,07	5,35	2,47	
Prior Nobel Awards	Количество лауреатов Нобелевской премии в науках в стране до 1947 г. (Nobelprize.org)	0	38	4,3	0,5	9
Prior Nobel Awards 81	Количество лауреатов Нобелевской премии в науках в стране до 1981 г. (Nobelprize.org)	0	137	11	2	27
Citation Ranking	Рейтинг цитирования (Web of Science) страны во всех областях (2003–2013 гг.)	1	82	21,09	19	

Результаты

Распределение по странам, миграция и структура сотрудничества

а) *Распределение по странам*

Распределение Нобелевских премий во второй половине XX в. – с 1947 г. и до 2013 г. (рис. 2) – свидетельствует о лидерстве европейских стран во всех областях науки (физике, химии, физиологии и медицине). В четверку лидеров входят: США ($N = 302$), Великобритания ($N = 60$), Германия ($N = 28$) и Франция ($N = 18$). Теперь только США держит уже 61% всех наград, в то время как в первой половине XX в. (до 1947 г.) европейские страны в целом завоевали 79% всех наград и лидировала та же четверка: Германия ($N = 38$),

Рис. 1. Расходы ряда стран на научную деятельность (GERD, OECD), 1981–2010 гг.

Великобритания ($N = 26$), США ($N = 25$) и Франция ($N = 15$). Награждение неевропейских и несевороамериканских стран выросло всего лишь с 1,4% до 6,5%. Количество премий, присужденных российским ученым до Второй мировой войны и после нее, увеличилось с 1 до 11, примерно с 0,7% до 2% от всех премий, присужденных за соответствующий период.

б) Миграция Нобелевских лауреатов

Нобелевские лауреаты второй половины XX в. родились в 43 странах мира (23 страны Европы, восемь Азии, четыре Южной Америки, четыре Африки, две Северной Америки и Океании). Около трети будущих нобелевских лауреатов эмигрировали и получили Нобелевскую премию, работая в другой стране: 33% по физике, 31% по химии, 32% по медицине и 26% по экономике. В большинстве случаев, будущие лауреаты Нобелевской премии эмигрировали в США и Великобританию, как показано на рис. 3.

в) «Сотрудничество»

«Сотрудничество» нами используется в свободном смысле и определяется получением совместной Нобелевской премии учеными из разных стран за признанный в тот год вклад в открытие новых знаний, при этом не имеет значения, работали они вместе или нет. Модели сотрудничества также сильно смещены в сторону участия США (рис. 4). Ученые из США не только чаще

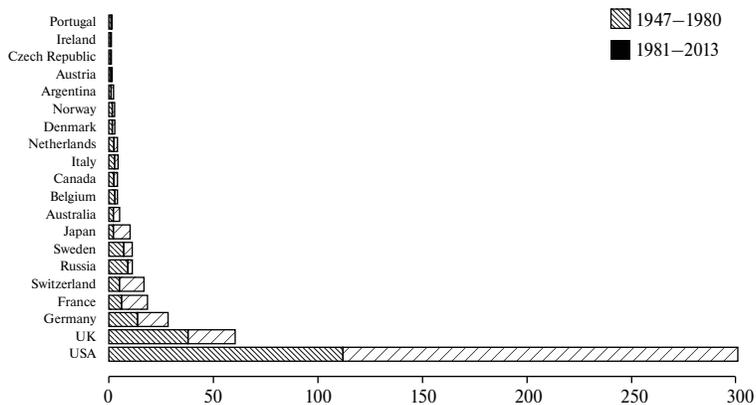

Рис. 2. Распределение Нобелевских премий по странам, 1947–2013 гг.

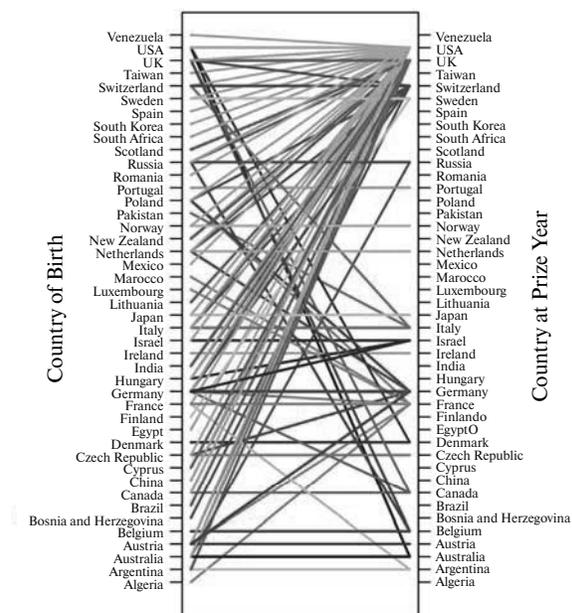
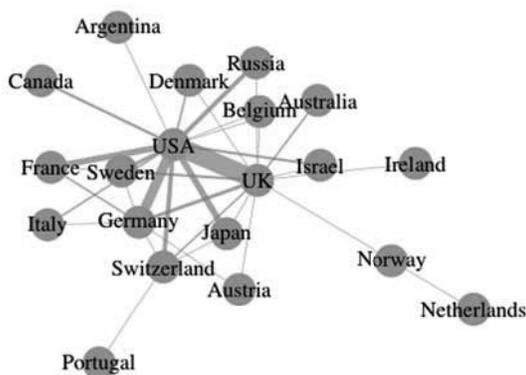

Рис. 3. Миграция нобелевских лауреатов, 1947–2013 гг.

всех получают совместные премии, но и чаще всех получают их, сотрудничая с учеными из других стран ($N = 72$). Далее с некоторым отрывом следует межстрановое сотрудничество ученых Великобритании ($N = 40$), Германии ($N = 21$), Франции ($N = 10$) и Швейцарии ($N = 10$). Российские ученые (6 из 10) чаще получали премии в межстрановом (а не внутристрановом или индивидуально) сотрудничестве, в большинстве случаев с учеными из США и один раз с ученым из Великобритании. Следует также отметить, что с 1990-х годов Нобелевская премия присуждается чаще группам ученых (формальное ограничение – до трех человек), а не индивидуально [Тютюнник, 2008].

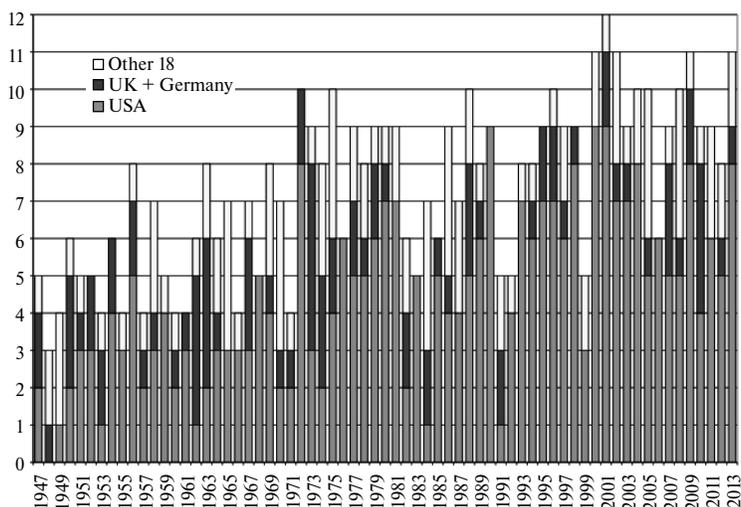

Рис. 4. Сеть «сотрудничества» между лауреатами при получении совместной Нобелевской премии, 1947–2013 гг.

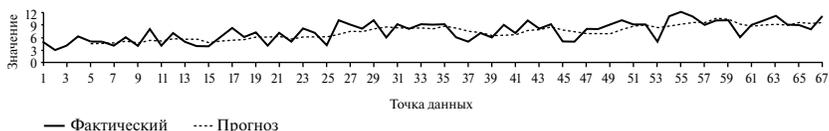
Временные тенденции в присуждении Нобелевских премий по дисциплинам

Став в XX в. социальным институтом, Нобелевская премия сформировала свои правила отбора кандидатов. Результаты этих отборов, разбитые на три группы (США, Великобритания и Германия, другие страны), представлены на рис. 5. Как видим, только США начиная с 1948 г. имели лауреатов каждый год, более того, после 1993 г., когда скользящая (интервал 5 лет) средняя количества присуждаемых премий достигла 9 единиц, правилом стало получение номинантами из США не менее пяти премий (лишь один раз – три из пяти и еще один раз четыре из девяти (рис. 6). Великобритания и Германия (вместе взятые) только один раз не получали премий

два года подряд и четыре раза имели перерыв в получении премии один год (из 30). Все остальные страны (вместе взятые) получили за 30 лет 34 премии.

Рис. 5. Временные тенденции в присуждении Нобелевских премий, 1947–2013 гг.

Рис. 6. Скользящее среднее

По данным анализа серий по всем четырем научным номинациям за последние 20 лет (с 1992 г.), вероятность получения трех Нобелевских премий у США составляет 1,0, четырех – 0,95, пяти и более – 0,85. У Великобритании и Германии (вместе взятых) вероятность получить одну премию – 0,68 (есть тенденция к росту), две и более – 0,27. Для других стран (вместе взятых): получить одну премию – 0,86, две и более – 0,45. Для отдельной страны этой группы получение премии ее представителем – результат стечения такого числа неустойчивых обстоятельств, что о закономерностях и рассуждать нельзя.

Модели регрессии

Регрессионный анализ проводился для двух промежутков времени 1) 67 лет – премий, полученных с 1947 г. по 2013 г., и 2) 33 года – премий, полученных с 1981 по 2010 г. Результаты отрицательной биномиальной регрессии (negative binomial regression) (табл. 2 и 3) показывают, что соционаукометрические факторы значительно лучше, чем социально-экономические, моделируют количество Нобелевских премий. Лучшими предикторами в период с 1947 г. по 2013 г. являются ранг цитирования и количество Нобелевских премий, полученных до 1947 г. (сложившаяся научная иерархия)¹.

Таблица 2. Результаты отрицательной биномиальной регрессии по Нобелевским премиям, 1947–2013 гг.

Independent variables (scaled)	Модель 1 Социоэкономическая			Модель 2 Соционаукометрическая		
	Coef- ficient	S.E.	Odds Ratio	Coef- ficient	S.E.	Odds Ratio
Constant	0,454	0,276	4,283	1,059	0,252	2,884
GERD per researcher	0,783	0,289	2,189**			
Research Positions in Labor Force	0,592	0,286	1,806*	0,410	0,243	1,507
Total Researchers (FTE)	–895	0,262	2,448***			
Prior Nobel Awards				0,944	0,234	2,571***
Citation Ranking				1,013	0,392	2,755**
Model Evaluation						
–2 Log likelihood		164,56			162,12	
AIC		174,56			152,12	
N		32			32	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$ (two-tailed tests).

Мы видим, что в период с 1981 г. по 2013 г. расходы на науку и число ученых в стране положительно и значимо связаны с количеством Нобелевских премий, но более всего усилилось влияние цитируемости страны на количество Нобелевских премий.

¹ Результаты регрессии были подтверждены методом hierarchical partitioning, который используют при подозрении на мультиколлинеарность, которую мы тоже тестировали.

Таблица 3. Результаты отрицательной биномиальной регрессии по Нобелевским премиям, 1981–2013 гг.

Independent variables (scaled)	Модель 1 Социоэкономическая			Модель 2 СоционаукOMETрическая		
	Coef- ficient	S.E.	Odds Ratio	Coef- ficient	S.E.	Odds Ratio
Constant	0,372	0,335	1,45	−0,40	0,387	0,297
GERD per researcher	1,229	0,334	3,417***			
Research Positions in Labor Force	0,769	0,324	2,157*	0,432	0,236	1,54,
Total Researchers (FTE)	0,904	−280	2,47**			
Prior Nobel Awards 1981				0,618	0,386	1,855***
Citation Ranking				2,117	0,158	8,31***
Model Evaluation						
−2 Log likelihood		127,3			107,96	
AIC		117,3			97,96	
N		32			32	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$ (two-tailed tests).

Обсуждение результатов

Результаты показывают, что научное лидерство по количеству Нобелевских премий на протяжении всего XX в. резко не изменилось, слегка поменялись только позиции лидеров. Теперь четверку лидеров возглавляет США, а не Германия, далее следует Великобритания, Германия и Франция². Причем по количеству ученых-лауреатов неравенство значительно увеличилось:

² Однако если соотнести количество премий с численностью жителей стран, то по числу нобелевских лауреатов на миллион жителей самыми «одаренными» странами становятся Швейцария и Швеция, и только после них следуют США, Великобритания и Израиль (считая страну по месту жительства в год получения премии). По этому показателю Россия сопоставима не с европейскими странами, а только со «случайными»

США обгоняют Великобританию более чем в 3 раза. Безусловно, это связано с послевоенным восстановлением Европы и развитием науки в США. Незначительное присутствие ученых из других стран (неевропейских и не из стран Северной Америки) настораживает.

Высокий уровень миграции (31%) среди нобелевских лауреатов подтверждает, что талантливые исследователи часто мобильны и переезжают туда, где открываются возможности и создаются условия, способствующие научной работе. Во второй половине XX в. лауреаты чаще переезжали в США, Великобританию и Швейцарию. Россия, в свою очередь, потеряла минимум семь Нобелевских лауреатов, которые переехали работать в другие страны.

Регрессионный анализ показал, что исторические тренды в действительности устойчивы. Подтвердились наши гипотезы ($H1-H5$) о факторах, влияющих на количество премий за 33 и за 67 лет. Модели, построенные на данных последних 33 лет не сильно отличаются от моделей, построенных для 67-летнего периода, с небольшим увеличением роли финансирования науки («передовая наука стоит дорого») и увеличением значимости рейтинга цитирования – объективной оценки вклада и лидерства в науке.

Заключение

Изменится ли положение российских ученых в ближайшем будущем? Некоторые ученые сомневаются [Лукашов, 2013], но соглашаются, что надо повысить уровень науки [Дмитрук, 2004; Аргументы и факты, 2011]. Для этого государственная научная политика должна быть направлена как на внутренние, так и на внешние факторы: на укрепление национальной науки и содействие интеграции национальных достижений в международную научную среду. Намного тяжелее изменить работу Нобелевских комиссий (увеличить число номинационных писем, выделенным российским ученым; убедить коллег в их заслугах). Однако неспособность Нобелевских процедур признать заслуги ученых за пределами европейских и североамериканских стран может привести к подрыву международной репутации и укреплению национальных систем награждения, как намерен сделать Иран для мусульманских ученых [Московские новости, 2012].

призерами, к которым можно отнести Аргентину, Чехию, Италию и стремительно поднимающуюся в научных достижениях Японию.

Литература

Аргументы и факты. Почему нам редко дают Нобелевскую премию? 2013. № 46.

Бичурин М. Человек-невидимка. Почему российским ученым нечасто присуждают Нобелевскую премию? // Новгородские ведомости. 2011.

Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Кому и за что дают Нобелевские премии? 2010 <http://www.za-nauku.ru//index.php?option=com_content&task=view&id=2466&Itemid=39>.

Дмитрук М. Премия раздора // Гудок. 2004.

Иран намерен учредить для мусульманских ученых премию, аналогичную Нобелевской // Московские новости. 2012.

Кирчик О.И. «Незаметная» наука: паттерны интернационализации российских научных публикаций // Форсайт. 2011. Т. 5. № 3. С. 34–42.

Кулакова Т. Альфред Нобель наших не балует // Весть. 2011.

Лукашов М. Новосибирский ученый: «Россия получила незаслуженно мало Нобелевских премий!» // Комсомольская правда в Новосибирске. 2013.

Миронин С. Почему русским ученым не дают нобелевские премии. 2006 <<http://www.contrtv.ru/common/2061/>>.

Образцов П. Элементарно, Нобель! // Известия. 2007.

Радзеецкая Е. Экспертиза событий. В ожидании гениев // Тамбовская жизнь. 2006. № 290.

Тютюнник В.М. Нобелевские лауреаты: наукометрические исследования // Фундаментальные исследования. 2008. № 5. С. 10–13.

Ashton S.V., Oppenheim C. A Method of Predicting Nobel Prizewinners in Chemistry // Social Studies of Science. 1978. Vol. 8. P. 341–348.

Brooks T. Can You Predict Nobel Prize Winners by Counting Citations? 2008 <<http://symmetrymagazine.org/breaking/2008/08/27/nobel-prize-citations.html>>.

Brynco B. The Science of Predicting Nobel Prize Winners // Information Today. 2010. P. 43.

Doi H., Heeren A., Maurage P. (2014) Scientific Activity is a Better Predictor of Nobel Award Chances than Dietary Habits and Economic Factors // PLoS ONE. 2014. No. 9 (3).

Garfield E. Random Thoughts on Citationology // Scientometrics. 1998. Vol. 43 (1). P. 69–76.

Garfield E., Malin M. Can Nobel Prize Winner Be Predicted? Paper Presented at 135th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science, 1968. Dec. 26–31.

Gingras Y., Wallace M. Why it has Become More Difficult to Predict Nobel Prize Winners // Scientometrics. 2010. Vol. 82. P. 401–412.

Kirtchik O.I., Gingras Y., Larivière V. Changes in Publication Languages and Citation Practices and Their Effect on the Scientific Impact of Russian Science (1993–

2010) // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 63. No. 7. P. 1411–1419.

Küppers G., Ulitzka N., Weingart P. The Awarding of the Nobel Prize: Decisions about Significance in Science // Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel / C.G. Bernhard, E. Crawford, P. Sörbom (eds). 1982. N. Y.: Pergamon Press, 1982. P. 332–351.

Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Ritter K. Nobel Prize: The Art and Science of Guessing a Winner. Huffington Post, 2012. May 10.

Singh R., Riess F. The 1930 Nobel Prize for Physics – A Close Decision? // Notes and Records of the Royal Society of London. 2001. Vol. 55. P. 267–283.

А.С. Фролов

Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Основные направления и результаты государственной инновационной политики в России в 2000-е годы

В последнее десятилетие в России государство проводило активную политику в области научно-технологического и инновационного развития. Однако значительных экономических эффектов, сопоставимых с объемом наращивания ресурсной поддержки научно-технологического сектора со стороны государства, не наблюдалось.

Формирование современной российской национальной инновационной системы¹ (НИС) стартовало еще в начале 1990-х годов, однако особенно активно процесс шел в предкризисные 2006–2007 гг., когда появились такие структуры, как Российский венчурный фонд (РВК), «Роснано», «Росатом», особые экономические зоны (ОЭЗ), началась программа поддержки технопарков.

В кризисный и посткризисный периоды (2008–2013 гг.) деятельность Правительства РФ в области выстраивания инновационной системы продолжала набирать обороты (НИЦ «Курчатовский институт», инноград «Сколково», 7 федеральных университетов (ФУ) и 29 национальных исследовательских университетов (НИУ), технологические платформы). В 2012–2013 гг. прошел отбор инновационных кластеров, был принят закон о реформировании РАН и о создании Российского научного фонда (РНФ) (рис. 1).

---

¹ В данной работе для определения национальной инновационной системы используется «узкая» трактовка Лундвала, согласно которой в «ядро» НИС входят фирмы, взаимодействующие между собой и с внешней инфраструктурой, генерирующей знания [Lundvall, 2007]. Таким образом, в область государственной инновационной политики попадает как политика, нацеленная на создание институтов развития, так и частично научно-технологическая и промышленная политика.

1990	1995	2000	2005	2010	2013	
Инициативные институты госкорпорации	Фонд содействия развитию МФП НТС Фонд технологического развития РФФИ РТНФ	Учреждение статуса ГИЦ Создание РАН Учреждение статуса ФНИК «Наукоград»	Российская сеть трансфера технологий 19 региональных венчурных фондов ОЭЗ Инициативные мегапроекты (ВИМ)	РВК Федеральная программа поддержки высокотехнологичных кластеров (технопарков) Роскано Банк развития (ВЭБ) Создание Госкорпораций (Росатом, Ростехнологии, ОАК)	Технологические платформы Инициативные кластеры Сколково РФР ФПИ	Инициативные кластеры
Институты генерации знания	Учреждение статуса ГИЦ Создание РАН Учреждение статуса ФНИК	Учреждение статуса «Наукоград»		Поддержка инициативных образовательных программ вузов ННУ и ФУ Постановления №218, 219, 220 (кооперация вузов и предприятий, инициативная инфраструктура, мегагранты)	Учреждение статуса НИЦ (Курчатовский институт) реформа РАН Создание РНФ	реформа РАН Создание РНФ
Система лицензирования и координация	Учреждение статуса ГИЦ	ФЦНТИ (1996-2000)	ФЦНТИ (2002-2006)	ФЦНТИ (2007-2013)		
Система лицензирования и координация	Министерство науки, высшей школы и технической политики Министерство науки и технологий Министерство науки и технологий промышленности, науки и технологий	Министерство науки и технологий Министерство образования и науки Министерство промышленности, науки и технологий	Основа развития РФ в области развития науки и технологий до 2010 г. Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям Президентские приоритеты и перечень критических технологий	Совершенство законодательства по ИС Ф3-217 (6 малых инновационных предприятий при вузах) КДР Президентская комиссия по модернизации и технологическому развитию Президентские приоритеты и перечень критических технологий	Новое налоговое законодательство по научным исследованиям и патентам Совет при Президенте по модернизации экономики и инновационному развитию НИИЭГ госкомпаний Президентские приоритеты и перечень критических технологий	Новое налоговое законодательство по научным исследованиям и патентам Совет при Президенте по модернизации экономики и инновационному развитию НИИЭГ госкомпаний Президентские приоритеты и перечень критических технологий
Портативная база		ФЗ «О науке и научной политике»				Траектор РЭЦЮБ

Рис. 1. Основные элементы научно-технологической и инновационной политики в России, 1991–2013 гг.

ИС – интеллектуальная собственность;
ГНЦ – Государственный научный центр;
МФП НТС – малые формы предпринимательства в научно-технической сфере (Фонд Бортника);
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований;
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд;
РАН – Российская академия наук;
ФНПК – Федеральный научно-производственный центр;
ВИПы – важнейшие инновационные проекты;
НИИ – научно-исследовательские институты;
РВК – Российская венчурная компания;
ОЭЗ – особые экономические зоны;
НИЦ – национальный инновационный центр;
ПИРы – программы инновационного развития;
КДР – Концепция долгосрочного развития;
НИУ – Национальный исследовательский университет;
ФУ – Федеральный университет;
ВЭБ – Внешэкономбанк;
ОАК – Объединенная авиастроительная корпорация;
ОСК – Объединенная судостроительная корпорация;
ФПИ – Фонд перспективных исследований;
РИДы – результаты интеллектуальной деятельности;
РФТР – Российский фонд технологического развития;
РНФ – Российский научный фонд.

В целом можно говорить о том, что в России к настоящему времени сформированы практически все основные элементы НИС, представленные в мировой практике.

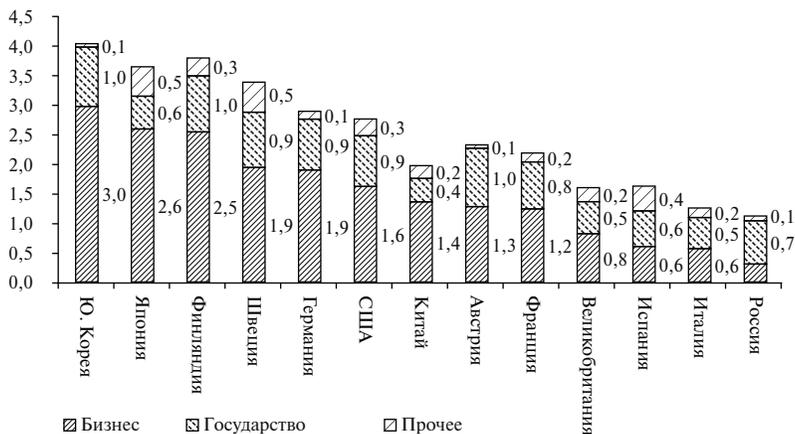
Формирование НИС подкреплялось также существенным наращиванием финансирования со стороны государства (с 2000 г. по 2012 г. расходы на гражданскую науку из федерального бюджета в постоянных ценах 1991 г. выросли почти в 4 раза и в 3 раза – по доле в ВВП). Однако при этом общий уровень внутренних затрат на исследования и разработки с середины 2000-х годов оставался относительно стабильным – на уровне 1,1% ВВП (рис. 2).

В итоге по доле финансирования исследований и разработок за счет государства в ВВП Россия практически сравнялась с такими развитыми странами, как Франция, Германия, Швеция, США. При этом разрыв в общем уровне внутренних расходов на исследования и разработки между Россией и развитыми странами объясняется, в первую очередь, низким уровнем расходов на НИОКР со стороны бизнеса (рис. 3).

Рис. 2. Доля расходов на гражданскую науку из федерального бюджета и доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП России

Источник: Росстат.

Рис. 3. Структура внутренних затрат на исследования и разработки в России и в других странах мира в 2011 г., % ВВП

Источник: ОЭСР.

Однако наращивание государственного финансирования и внедрение импортных институтов поддержки инноваций до сих пор не вылились в какие бы то ни было существенные (сопоставимые с ростом финансирования)

изменения в показателях научно-технологической деятельности (количество поданных в РФ патентных заявок, баланс платежей за технологии) или в показателях структурных изменений экономики (доля обрабатывающей промышленности в ВВП, доля высокотехнологичной продукции и машиностроения в экспорте) (табл. 1).

Таблица 1. Показатели результативности научно-технологического развития России и отдельные показатели, характеризующие динамику сырьевых секторов

Показатель		Единица измерения	2000 г.	2011 г.	Изменение, %
Количество патентных заявок, поданных в России	Всего	шт.	28688	41414	144
	Отечественными заявителями	шт.	23377	26495	113
	Иностранцами заявителями	шт.	5311	14919	281
Баланс платежей за технологии	Поступления от экспорта технологий	млн долл.	203,5	584,7	287
	Выплаты по импорту технологий	млн долл.	182,9	1862,6	1018
	Сальдо платежей за технологии	млн долл.	20,6	-1277,9	
Доля в ВВП	Добавленная стоимость, произведенная в обрабатывающей промышленности	%	15,2*	12,9**	85
	Добавленная стоимость, произведенная в добыче полезных ископаемых	%	5,9*	9,3**	158
Доля в совокупном экспорте	Минеральные продукты	%	53,8	70,3	131
	Металлы, драгоценные камни, изделия из них	%	21,7	11,1	51
	Машиностроительная продукция	%	8,8	4,5	51
	Высокотехнологичная продукция	%	1,9	0,8	44

* Данные за 2002 г.

** Данные за 2012 г.

Источники: [Индикаторы науки..., 2013]; Росстат, ОЭСР.

Несоответствие усилий и результатов научно-технологической и инновационной политики в последнее десятилетие отражает противоречия, присутствующие в государственной инновационной политике в России.

Противоречия государственной инновационной политики в России

Противоречия государственной инновационной политики в России имеют концептуальный характер и связаны с недостаточным уровнем комплексного анализа функционирования НИС.

Противоречия проявляются, прежде всего, на уровне институтов. Импортированные из зарубежных стран институты и принципы развития НИС имеют свои специфические черты и слабо подходят к существующим условиям инновационного развития в России.

Так, модель исследовательских университетов оказалась наиболее удачным вариантом для развития биотехнологий в США². Венчурная модель финансирования наиболее распространена в отношении ИТ-бизнеса. Новые материаловедческие технологии, продвинутые производственные технологии развиваются в основном в рамках производственных сетей, центрами в которых выступают крупные компании-интеграторы.

Таким образом, Россия, сделав ставку на импорт институтов, сформировавших «инновационный лифт», фактически параллельно сделала выбор и в тематической направленности исследований, ориентированных, в первую очередь, на ИТ, биотехнологии³ и прочие «новые технологические области» (нанотехнологии, возобновляемая энергетика и т.д.).

Однако, так как основная часть российской экономики связана прежде всего с традиционными технологическими областями (машиностроение, традиционная энергетика и др.), напрямую «инновационный лифт» на области российской специализации не работает. А так как в России ощущается явный дефицит компаний-интеграторов, которые могли бы построить новейшие технологические решения в производство, то в результате не удается скоординировать интересы бизнеса, работающего в области традиционных технологических областей, и исследовательских организаций, нацеленных на новые технологические области.

---

² При общей доле патентов, приходящихся на университеты США, в размере примерно 2%, доля университетских патентов по отдельным биотехнологическим направлениям достигает порядка 15% (по данным USPTO).

³ Это, в частности, подтверждается тем, что на долю ИТ и биотехнологий в России приходится почти 90% венчурных инвестиций [Money Tree..., 2013].

В итоге противоречия на уровне институтов оказываются ярко выраженными в области приоритетов государственной инновационной политики.

С одной стороны, одним из приоритетов государственной политики в области научно-технологического развития является привлечение частного бизнеса к процессу модернизации экономики России⁴.

В 2011–2012 гг. государство уже вышло на уровень финансирования ведущих развитых стран (рис. 3). В условиях «жесткого» бюджета в ближайшие годы государство, по-видимому, не сможет продолжить наращивание быстрыми темпами финансирования научно-технологического комплекса. При этом существует значительный потенциал наращивания финансирования исследований и разработок со стороны частного бизнеса⁵.

С другой стороны, дефицит государственных ресурсов на дальнейшее наращивание финансирования научно-технологического развития ведет к стремлению сконцентрировать ресурсы на ограниченном количестве приоритетных направлений, при этом создав предпосылки для более широкого вовлечения бизнеса в процессы технологической модернизации экономики России.

В 2011 г. на уровне президента были утверждены приоритеты в области развития науки и технологий [Указ президента..., 2011]. В число приоритетных направлений вошли: «новые направления» (индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни), «традиционные направления» (транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика; рациональное природопользование⁶), оборона и безопасность (безопасность и противодействие терроризму; перспективные виды вооружений, военной и специальной техники). Эти приоритеты (в гражданском секторе) в итоге оказались директивно спущены практически на все элементы национальной инновационной системы:

- РВК⁷;
- «Роснано»;

---

⁴ Необходимость расширения участия частного бизнеса в научно-технологическом развитии отмечается практически во всех стратегических документах, касающихся инновационного развития.

⁵ Так, доля финансирования НИОКР в ВВП со стороны бизнеса в России в 2 раза меньше, чем в Италии и Испании, в 3 раза – по сравнению с Францией и более чем в 5 раз – по сравнению с США.

⁶ В состав направления «рациональное природопользование» помимо экологических технологий входят технологии добычи полезных ископаемых.

⁷ Приоритетные направления инвестирования определены в соответствии с Перечнем критических технологий <<http://www.rusventure.ru/ru/company/brief/>>.

- национальные исследовательские университеты (НИУ)⁸;
- академии наук, РФФИ, РГНФ⁹;
- технологические платформы¹⁰.

Несмотря на кажущуюся логичность отдельных блоков государственных приоритетов научно-технологического развития, в комплексе они приводят к противоречию, которое во многом и является причиной низкой эффективности работы российской НИС.

Это противоречие можно сформулировать следующим образом:

- для ускорения научно-технологического развития необходимо увеличение затрат частного бизнеса на исследования и разработки;
- научно-технологические приоритеты ориентированы, во-первых, на отрасли, где доминируют госкомпании (ОПК, авиация, ТЭК), во-вторых, на «новые отрасли», которые (за исключением ИКТ¹¹) находятся на этапе становления и, наоборот, требуют вливаний государственных средств для развития (фармацевтическая отрасль, новые биотехнологические производства, компании, занятые разработкой новых материалов);
- на отрасли, где доминирует частный бизнес и у него имеются средства на развитие (железнодорожное, грузовое автомобильное машиностроение, оборудование для нефтегазовой отрасли, малотоннажная химия, отрасль строительных материалов, пищевая промышленность и др.), не нацелено практически никаких инструментов поддержки инновационного развития.

---

⁸ Так, в Указе Президента РФ от 7 октября 2008 г. «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов» говорится об их создании «в целях реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, научного и кадрового обеспечения потребностей отраслей экономики и социальной сферы...».

⁹ В ГП «Развитие науки и технологий» указано, что тематика Единой программы фундаментальных научных исследований РФ будет учитывать в том числе «технологические приоритеты государства», под которыми, видимо, понимается список «Приоритетных направлений и критических технологий» (с. 87).

¹⁰ Тематика большей части технологических платформ прямо или косвенно связана с президентскими приоритетными направлениями.

¹¹ Информационно-телекоммуникационная отрасль является исключением — в ней присутствует большое количество частных компаний, в том числе и крупных. При этом именно в области ИКТ и идет активный процесс инновационного развития и вложения частных средств в технологическое развитие, в то время как остальные «новые отрасли» пока являются не донорами, а реципиентами ресурсов на технологическое развитие.

Формирование концептуальной модели развития «ядра» НИС, позволяющей проводить сбалансированную государственную инновационную политику

В настоящее время наиболее распространенным подходом к формированию государственной инновационной политики, как в теории, так и на практике, является концепция национальной инновационной системы (НИС), зародившаяся в рамках эволюционного подхода к изучению экономических процессов.

Концепция НИС является в большей степени описательной, что определяет ограниченность ее применения для решения конкретных задач и не позволяет формулировать рекомендации для государственной политики, адаптированные к конкретной страновой ситуации.

Однако нам представляется, что на основе эволюционного подхода к изучению НИС можно сформировать общую концептуальную модель развития «ядра»¹² НИС в долгосрочном периоде. Основными составляющими «ядра» НИС являются предприятия высоко- и средневысокотехнологичных отраслей, а также высокотехнологичных знаниеемких секторов услуг¹³ и исследовательские организации, входящие в сектор генерации знаний.

Ключевой особенностью технологически сложных отраслей является их организационная структура, которая для большинства отраслей близка к модели «ядро – периферия», построенной на концепции «доминирующего дизайна» [Murtmann, Frenken, 2006].

Соответственно, в технологически сложных отраслях можно выделить компании-интеграторы, которые, с одной стороны, определяют и поддерживают «доминирующий дизайн» в отрасли, с другой – благодаря перераспределению в свою пользу добавленной стоимости из остальных звеньев цепочки добавленной стоимости (ЦДС) они финансируют крупные исследовательские проекты, приводящие к смене поколений «доминирующих дизайнов» в отрасли.

Прочие компании формируют производственную сеть в различных звеньях ЦДС, что благодаря конкуренции позволяет наиболее гибко и бы-

---

¹² В узком определении по Лундвалю в «ядро» НИС входят предприятия, взаимодействующие между собой и с сектором генерации знаний.

¹³ На эти отрасли в совокупности приходится большая часть общих расходов на НИОКР в бизнес-секторе.

стро интегрировать в производственную сеть передовые технологии, в первую очередь — улучшающие.

В секторе генерации знаний также наблюдается деление на крупные специализированные научные центры, ведущие исследования на мировом уровне по узкому научному направлению (например, национальные лаборатории или исследовательские институты), и исследовательские организации, модель работы которых опирается на значительное количество небольших исследовательских групп, работающих по различным направлениям (модель исследовательских университетов).

При этом крупные исследовательские центры предназначены для опережающего развития по конкретным узким направлениям, требующим значительной концентрации ресурсов, а университеты — для разработки широких быстрорастущих технологических направлений.

В зависимости от этапа развития технологического уклада [Глазьев, 1993] существенно различаются основные каналы появления и распространения новых знаний и технологий, что во многом соотносится с моделью жизненного цикла технологий Уттрбека [Abernathy, Utterback, 1978].

Так, на начальном этапе развития технологического уклада проводниками новых технологий становятся малые инновационные фирмы, выходящие на еще только формирующиеся свободные технологические рынки. При этом развитие на этих рынках характеризуется быстрой сменой технологий и отсутствием устойчивых «доминирующих дизайнов». Ключевую роль на данном этапе играют крупные исследовательские центры, формирующие технологический прорыв и распространяющие новые знания по сети исследовательских университетов.

На втором этапе развития технологического уклада, после формирования устойчивого «доминирующего дизайна» происходит быстрый рост рынка и расширение масштабов компаний, использующих доминирующий дизайн. Также формируется сложная сетевая структура из компаний-интеграторов и поставщиков отдельных комплектующих или услуг. Ключевым каналом распространения технологий выступает трансфер технологий из университетов по сети периферийных компаний.

На третьем этапе развития происходит насыщение рынков и замедление развития технологий, что ведет или к деформации отраслевой структуры при дальнейшем углублении технологического развития, которое обходится все дороже, или к повышению сегментации рынков с формированием специализированных компаний. На данном этапе происходит концентрация ресурсов в крупных передовых компаниях и крупных исследовательских центрах, что приводит к формированию технологического прорыва, соответственно, и нового технологического уклада.

В большинстве случаев прослеживаются взаимосвязи между технологическими укладами – новый технологический прорыв формируется в системе старого технологического уклада, достигшей предельного уровня сложности, но являющейся приоритетной с точки зрения социально-экономического развития, обороноспособности и др.

Таким образом, полная структура «ядра» НИС состоит из взаимосвязанных подсистем «предприятия – исследовательские организации» текущего и предыдущих технологических укладов, каждая из которых состоит из компаний-интеграторов и сети периферийных компаний, а также крупных исследовательских центров и сети исследовательских университетов.

Однако в результате развития международных взаимодействий и глобализации производственных цепочек для большинства развитых и развивающихся стран такая «полная» структура «ядра» НИС не характерна. Развивающиеся страны активно пытаются встроиться в новые технологические системы (например, Китай), ряд развитых стран, наоборот, концентрируется на повышении конкурентоспособности производств предыдущего технологического уклада (например, Германия). Соответственно, государственная инновационная политика в этих странах направлена на воссоздание «полной» структуры «ядра» НИС в новом технологическом укладе.

В то же время попытка простого копирования элементов НИС из других стран зачастую не дает результатов, так как не получается воспроизвести эволюционно сформировавшиеся взаимосвязи, характерные для других стран. Поэтому возникает проблема формирования сбалансированной государственной политики, направленной на последовательное выстраивание «полной» самовоспроизводящейся структуры «ядра» НИС.

Для изучения различных вариантов эволюции структуры «ядра» НИС и соответствующих им вариантов государственной инновационной политики автором были проанализированы исторические траектории развития, с одной стороны, ключевых технологий 5-го технологического уклада – ИКТ и биотехнологий, с другой – государственной инновационной политики в США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Корее, Китае и СССР/России в 1945–2013 гг.

На основе изученного исторического опыта на базе модели развития «ядра» НИС нами делается вывод, что в настоящее время для российской НИС, характеризующейся недостатком инвестирования и дефицитом бизнеса в технологически сложных отраслях, основное направление государственной инновационной политики должно быть направлено не на стимулирование малых инновационных компаний, а на формирование крупных компаний в технологически сложных отраслях, которые смогли бы высту-

пить интеграторами для вовлечения в технологически сложные отрасли новых технологий.

Литература

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.

Индикаторы науки: 2013: стат. сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2013.

RwC, RBK, Money Tree: Навигатор венчурного рынка. Обзор венчурных сделок за 2012 г. в России, 2013.

Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

Abernathy W.J., Utterback J.M. Patterns of Industrial Innovation // *Technology Review*. 1978. No. 80 (7).

Lundvall B.-A. National Innovation Systems – Analytical Concept and Development Tool // *Industry and Innovation*. 2007. No. 14/1.

Murmann J.P., Frenken K. Toward a Systematic for Research on Dominant Designs, Technological Innovations, and Industrial Change // *Research Policy*. 2006. No. 35.

С. Халимова

Институт экономики
и организации
промышленного
производства СО
РАН

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оценка инновационного развития на региональном уровне является важной частью разработки региональной и национальной инновационной политики, в том числе формирования мер по стимулированию инновационной активности. Данная статья исходит из предположения, что даже в инновационно развитых регионах инновационная активность проявляется по-разному: в одних регионах инновации больше создаются, в других – внедряются в производство.

В статье предлагается методический подход к оценке региональных различий развития инновационной деятельности, основывающийся на построении композитного индекса. Идеология построения индекса опирается на методологию Европейского инновационного табло [European Union Scoreboard, 2011], методологию Независимого института социальной политики [Россия регионов..., 2005], рейтинг инновационного развития регионов России, представленный НИУ «Высшая школа экономики» [Рейтинг инновационного развития..., 2012].

То, как именно оценивать инновационную деятельность, во многом определяется тем, какие признаки или атрибуты инновации считать существенными. Выбор показателей определяется тем, что находится в фокусе внимания исследователя. Если затраты, то используется показатель затрат на исследования и разработки; если результаты, то число патентов, продуктов; если процесс, то сети, кластеры, и т.д. [Кравченко, 2010]

В большинстве исследований по развитию инновационной деятельности на региональном уровне, которые нам встречались, рассматривается временной период в один, реже – два года. Во многом это вызвано недостаточным количеством накопленной статистики. В настоящее время статистика уже располагает значительным объемом данных. Здесь мы будем анализировать гораздо более длительный промежуток времени – 2000–2010 гг. На наш взгляд, это позволит выбрать действительно наиболее инновационно развитые регионы России, лидерство которых устойчиво, так как позволит исключить влияние случайных, несистемных причин на итоговый результат.

Выбор показателей, описывающих состояние инновационной деятельности на региональном уровне

Инновационная деятельность есть сложный вид экономической активности, включающий множество различных элементов. Согласно концепции, предложенной П. Куком и др. [Cooke, Boekholt, Tödtling, 2000], любая функционирующая инновационная система состоит из двух подсистем: подсистемы, применяющей и использующей знания, и подсистемы, их генерирующей и распространяющей. Об этом же говорят и Дж. Доси и др. [Dosi, Fagiolo, Roventini, 2010], но уже на микроуровне. Есть отрасли, производящие машины и оборудование, именно в них сосредоточен процесс исследований и разработок. И есть отрасли, производящие потребительские товары, они покупают машины у первых и с их помощью выпускают различные потребительские продукты.

В российской практике также отмечается, что в разных регионах инновационная деятельность носит разный характер. Есть территории, где интенсивно разрабатываются инновации, в других они распространяются и применяются, есть регионы, где новшества активно и создаются, и используются [Казанцев, 2012].

Таким образом, говоря об инновационно развитых регионах, мы будем рассматривать отдельно регионы, специализирующиеся на *«создании инноваций»*, и регионы, специализирующиеся на *«использовании инноваций»*.

Несмотря на то что процессы «создания инноваций» и «использования инноваций» взаимосвязаны, мы предполагаем, что высокий уровень инновационной активности в регионе в каком-то одном аспекте не является гарантией того, что другие аспекты также будут высокоразвиты. Использование одного интегрального индекса, описывающего инновационную деятельность в общем, может привести к исключению из рассмотрения регионов, в которых инновационная система несбалансированна и развита только какая-то одна сторона инновационного процесса.

Официальная государственная статистика предлагает достаточно широкий набор индикаторов, описывающих состояние инновационной деятельности с разных сторон. При оценке дифференциации регионального инновационного развития необходимо учесть следующие основные моменты: характеристики субъектов, занимающихся инновационной деятельностью, объем вкладываемых ресурсов и конечный результат инновационной деятельности. Поскольку мы хотим оценить уровень развития инновационной деятельности без учета влияния масштаба региона, мы рассматриваем относительные показатели.

С помощью факторного анализа (метод главных компонент) мы объединяем показатели инновационного развития, предоставляемые государственной статистикой, в две группы (в табл. 1 приведены результаты факторного анализа для 2010 г., в остальные периоды наблюдается схожая картина).

Таблица 1. Результаты факторного анализа (метод главных компонент)

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки	0,874	
Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками	0,948	
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % ВРП	0,774	
Число созданных передовых производственных технологий	0,913	
Число используемых передовых производственных технологий	0,832	
Инновационная активность организаций		0,532
Затраты на технологические инновации, % ВРП		0,704
Объем инновационных товаров, % от общего объема отгруженных товаров		0,570

На наш взгляд, используемые при построении индексов показатели должны быть однозначно трактуемы. Именно поэтому здесь мы не будем использовать показатели числа созданных передовых производственных технологий и числа используемых передовых производственных технологий.

Таким образом, мы берем следующие показатели в качестве индикаторов «создания инноваций»:

- доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП;
- доля организаций, выполнявших исследования и разработки, в общем числе предприятий и организаций;
- доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем числе занятых.

В качестве индикаторов «использования инноваций» – следующие:

- объем инновационных товаров, в процентах от общего объема товаров;
- удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации;
- доля затрат на технологические инновации в ВРП.

Массив данных состоит из наблюдений по 70 субъектам Федерации за 2000–2010 гг. (из рассмотрения были исключены автономные округа, в рассматриваемый период начался процесс укрупнения регионов и соединения некоторых автономных округов с субъектами Федерации, в состав которых они входили).

Построение индексов инновационного развития

Используя обозначенные выше индикаторы, для каждого года из рассматриваемого промежутка времени были построены интегральные индексы, описывающие инновационную деятельность с разных сторон, – *индекс «создания инноваций»* и *индекс «использования инноваций»*.

Оба индекса строились по одинаковой методике, основанной на применении методологии Независимого института социальной политики [Россия регионов..., 2005]. Построение интегральных индексов начинается с расчета промежуточных индексов в каждый момент времени (в данном случае – год) для каждого из рассматриваемых индикаторов. Промежуточный индекс показывает отношение превышения значения показателя в данном регионе над минимальным уровнем к разнице между максимальным и минимальным уровнями данного показателя. Таким образом, промежуточные индексы для разных показателей имеют одинаковую размерность, и их можно складывать в один интегральный индекс.

Далее необходимо объединить полученные промежуточные индексы в обобщающий показатель. Ключевой момент здесь – выбрать удельные веса, с которыми промежуточные индексы будут входить в интегральный. При объединении различных показателей в единый индекс необходимо учитывать взаимосвязи между ними, чтобы исключить ситуацию, когда влияние одного фактора на общий индекс оказывается переоценено или недооценено из-за влияния факторов друг на друга. Для определения удельных весов промежуточных индексов были рассчитаны коэффициенты корреляции между ними.

Для показателей «создания» инноваций было получено, что в среднем за период коэффициент корреляции между *долей внутренних затрат на ИР в ВРП* и *долей организаций, выполнявших ИР*, составил 0,36; между *долей внутренних затрат на ИР в ВРП* и *долей персонала, занятого ИР*, – 0,89; а между *долей организаций, выполнявших ИР*, и *долей персонала, занятого ИР*, – 0,32. Таким образом, мы получили, что доля внутренних затрат на ИР в ВРП и доля персонала, занятого ИР, положительно связаны между собой. Тогда

в общем индексе «создания инноваций» мы уравнием удельный вес скоррелированных промежуточных индексов с третьим, а скоррелированные – возьмем с равными удельными весами.

Рассчитанные коэффициенты корреляции между показателями «использования» инноваций говорят об отсутствии какой бы то ни было корреляции: в среднем за период коэффициент корреляции между *долей инновационных товаров* и *долей организаций, осуществлявших технологические инновации*, составил 0,31; между *долей инновационных товаров* и *долей затрат на технологические инновации в ВРП* – 0,34; а между *долей организаций, осуществлявших технологические инновации*, и *долей затрат на технологические инновации в ВРП* – 0,37. Таким образом, в интегральный индекс «использования инноваций» промежуточные войдут с равными удельными весами.

Учитывая изложенное выше, интегральные индексы выглядят следующим образом:

$$I_{\text{создания } j}^t = 0,25 \times I_{1j}^t + 0,5 \times I_{2j}^t + 0,25 \times I_{3j}^t,$$

где I_{ij}^t – промежуточные индексы: (1) доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП; (2) доля организаций, выполнявших исследования и разработки; (3) доля персонала, занятого исследованиями и разработками в общей численности занятых.

$$I_{\text{использования } j}^t = \frac{I_{4j}^t + I_{5j}^t + I_{6j}^t}{3},$$

где I_{ij}^t – промежуточные индексы: (4) объем инновационных товаров, в процентах от общего объема товаров; (5) удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации; (6) затраты на технологические инновации по отношению в ВРП.

Выделение групп инновационно активных регионов с учетом их специализации на том или ином виде инновационной деятельности

Какие же регионы считать инновационно активными? Как определить ту границу, ниже которой экономика региона уже не является столь инновационно развитой? На наш взгляд, использование для этого жестко заданных границ изменения интегральных индексов малопригодно. Во-первых, в этом случае встает вопрос о том, как задать эти границы. Во-вторых, разброс показателей развития инновационной деятельности в регионах меняется в разные

периоды времени, соответственно, меняется разброс между самими индексами, их максимальные и минимальные значения, однако это не всегда будет означать изменение дифференциации уровней инновационности регионов.

Для выделения инновационно развитых регионов мы предлагаем сравнивать значения интегральных индексов для региона со средним значением соответствующего индекса в данном периоде. Так, инновационно развитыми регионами в области «создания инноваций» (в каждый конкретный момент времени) мы будем считать те регионы, для которых значение индекса «создания инноваций» выше среднего по стране. При этом, если имеет место превышение более чем на 0,1, то такие регионы мы будем называть регионами-лидерами в области «создания инноваций», а остальные инновационно развитые регионы – регионами второго эшелона в области «создания инноваций». Точно так же будем определять инновационно развитые регионы в области «использования инноваций» [Халимова, 2011].

Таким образом, в каждый момент времени с 2000 г. по 2010 г. мы выделили четыре группы инновационно активных регионов – регионы-лидеры и регионы второго эшелона в области «создания инноваций», а также регионы-лидеры и регионы второго эшелона в области «использования инноваций».

Заключительный шаг методики – формирование итоговых групп.

Регион может считаться лидером, если он входил в соответствующую группу более половины времени (в данном случае он должен попадать в соответствующую группу не менее 6 раз, так как рассматриваемый период охватывает 11 лет). Если же при этом хотя бы один раз соответствующий интегральный индекс оказывался ниже его среднего значения, то такой регион попадал в итоговую группу второго эшелона. Точно так же, чтобы считаться регионом второго эшелона, региону необходимо попадать в соответствующую группу более половины времени.

Анализ длительного временного периода (2000–2010 гг.) позволяет выделить группы инновационно развитых регионов, лидерство которых устойчиво – стабильно во времени. В данном случае в итоговые группы не будут включены те регионы, которые могли бы попасть в выборку в отдельные моменты времени, когда по тем или иным причинам показатели развития инновационной деятельности в них оказывались достаточно высокими. Высокие значения показателей в один период времени еще не говорят о высоком уровне развития инновационной деятельности. Высокий уровень развития инновационной активности означает системный (в противовес случайному) характер осуществления деятельности, который предполагает стабильно высокий уровень статистических показателей.

Применение описанного алгоритма позволило выбрать 34 развитых региона в области «создания инноваций», удовлетворяющих требованиям

лидерства. В выборку инновационно развитых регионов в области использования инноваций попали 25 регионов, удовлетворяющих требованиям лидерства.

Полученные группы имеют пересечения между собой, часть регионов являются инновационно развитыми как в области «создания инноваций», так и в области «использования инноваций» (табл. 2).

Лишь один регион – Нижегородская область – является лидером как в «создании инноваций», так и в «использовании инноваций». Остальные регионы лидируют в чем-то одном, а в другом – попадают, в большинстве случаев, в группу второго эшелона. Таким образом, в этих регионах и «создание инноваций», и «использование инноваций» представлено шире, чем в среднем по стране, их региональные инновационные системы являются достаточно сбалансированными. Тем не менее высокий уровень развития в какой-то одной части инновационной деятельности еще не является показателем сбалансированного функционирования региональной инновационной системы. В целом ряде случаев, особенно это касается регионов второго эшелона, регионы попадают в выборку в одной области, а развитие другой – находится ниже среднего по стране.

Чтобы оценить корректность нашего выбора, посмотрим, насколько типичным является такой выбор инновационно активных регионов. Из 43 регионов, которые попали в нашу выборку, возьмем 15 наиболее инновационно развитых – это клетки С1И1, С1И2 и С2И1 матрицы инновационного развития (см. табл. 2), и сравним этот список с работами, посвященными аналогичной проблематике. В качестве примеров для сравнения возьмем исследования, опубликованные в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов¹.

Из 15 наиболее инновационно развитых регионов нашей выборки семь (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Пермский край, Московская, Нижегородская и Самарская области) также называются инновационно активными во всех пяти исследованиях, с которыми проводится сравнение. Два региона – Воронежская и Ульяновская области – попадают в перечень лидеров в четырех исследованиях. Оставшиеся шесть – включаются в списки как минимум в одном из исследований.

---

¹ Здесь в качестве примера для сравнения мы используем пять работ, в которых применяются различные аналитические и статистические методы, – это работы Э.П. Амосёнок и В.А. Бажанова [Амосёнок, Бажанов, 2008], Н.Н. Волковой и Э.И. Романюк [Волкова, Романюк, 2011], С.В. Казанцева [Казанцев, 2012], В.Н. Киселева [Киселев, 2010], Г.А. Унтуры [Унтура, 2012].

Таблица 2. Матрица инновационного развития регионов России

<p>«Создание инноваций» – Лидеры (С1)</p>	<p>Нижегородская область</p>	<p>Владимирская область Воронежская область г. Москва г. Санкт-Петербург Калужская область Московская область Мурманская область Томская область Ульяновская область</p>	<p>Камчатский край Новосибирская область Пензенская область</p>
<p>«Создание инноваций» – Второй эшелон (С2)</p>	<p>Орловская область Пермский край Республика Татарстан Самарская область Свердловская область</p>	<p>Ярославская область</p>	<p>Архангельская область Астраханская область Брянская область Ивановская область Кабардино-Балкарская Республика Красноярский край Курская область Магаданская область Омская область Приморский край Республика Саха (Якутия) Ростовская область Саратовская область Тамбовская область Тверская область</p>
<p>«Создание инноваций» – Остальные регионы (С0)</p>	<p>Волгоградская область Новгородская область Челябинская область</p>	<p>Вологодская область Курганская область Республика Мордовия Тульская область Хабаровский край Чувашская Республика</p>	<p>Остальные регионы</p>

Мы видим, что предложенный нами список инновационно развитых регионов России имеет широкие пересечения с рейтингами, построенными различными методами. Таким образом, сделанный нами выбор корректен: мы рассматриваем действительно наиболее инновационно активные регионы страны.

Литература

Амосёнок Э.П., Бажанов В.А. Методические подходы к анализу и оценке инновационного потенциала регионов // Регион: экономика и социология. 2008. № 4. С. 186–202.

Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Уровень развития инновационной системы и специализация регионов России // Вопросы статистики. 2011. № 9. С. 38–47.

Казанцев С.В. Динамика инновационной активности в регионах России // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 212–231.

Казанцев С.В. Оценка масштабов инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации // Регион: экономика и социология. 2012. № 4. С. 111–138.

Киселев В.Н. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации // Инновации. 2010. № 4. С. 44–55.

Кравченко Н.А. К проблеме измерения и оценки национальных инновационных систем // ЭКО. 2010. № 1. С. 61–75.

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2012 <<http://www.hse.ru/primarydata/rir2012>>.

Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М.: Пома-тур, 2005.

Унтура Г.А. Стратегическая поддержка регионов России: проблемы оценки статуса территорий инноваций // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 123–141.

Халимова С. Инновационная деятельность российских регионов. Анализ развития региональных инновационных систем. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Pub., 2011.

Cooke P., Boekholt P., Tödtling F. The Governance of Innovation in Europe: Regional Perspectives on Global Competitiveness. L.: Pinter, 2000.

Dosi G., Fagiolo G., Roventini A. Schumpeter Meeting Keynes: A Policy-friendly Model of Endogenous Growth and Business Cycles // Journal of Economic Dynamics and Control, 2010. Vol. 34. Issue 9. P. 1748–1767.

European Union Scoreboard 2011 <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2011_en.pdf>.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
СЕМИНАР:
ДОЛГОСРОЧНОЕ
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ
И ИННОВАЦИЙ:
ВЫЗОВЫ
ДЛЯ НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
(Подготовлен
Институтом
статистических
исследований
и экономики знаний
НИУ ВШЭ)

Ю.В. Симачев,
М.Г. Кузык,
В.В. Фейгина

Межведомственный
аналитический центр

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ: МОЖЕТ ЛИ ГОСУДАРСТВО ПОМОЧЬ И КАК?

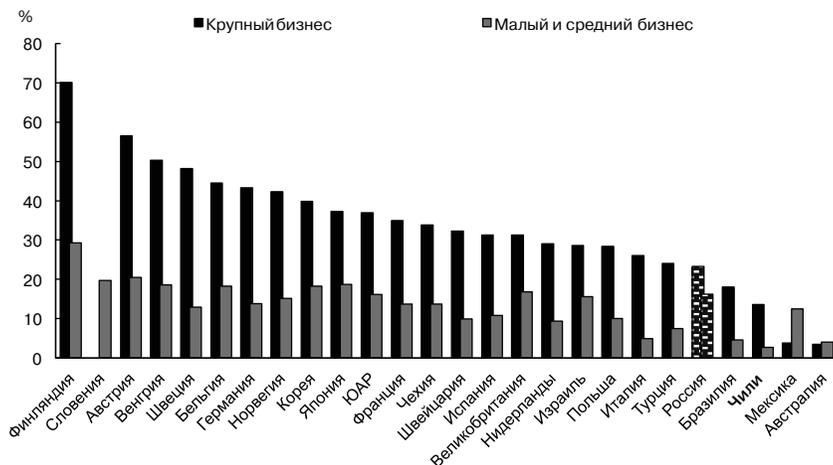
Признанной тенденцией сегодня является отказ от использования жестких иерархических систем и переход к горизонтальной, сетевой модели организации на всех уровнях управления. В этой связи научно-производственное сотрудничество, кооперация и координация выступают одним из ключевых факторов, обуславливающих инновационное развитие экономики [OECD, 2011]. Взаимодействия между агентами инновационной системы имеют множественные позитивные эффекты на ее «здоровье»: повышают восприимчивость к новому знанию, способствуют процессам взаимного обучения, наращивают познавательный потенциал экономики в целом [Pavitt, 1998; Smith, 1995; Vjerregaard, 2009].

В то же время известно, что у производственных компаний и организаций сектора исследований и разработок коренным образом отличаются цели и ценности, приоритеты и временные рамки выполнения работ, а также мотивы, подталкивающие их к сотрудничеству [Kodcharat, Chaikew, 2012]. Эти расхождения в существенной мере определяют активность третьего игрока – государства.

В соответствии с набирающей популярность моделью «тройной спирали» национальная инновационная система формируется в постоянном сетевом взаимодействии науки, бизнеса и власти [Etzkowitz, Leydesdorff, 2000]. Предполагается, что классические попарные взаимодействия с обратной связью больше не являются достаточными в современной экономике, где технологический прогресс носит непрерывный характер [Etzkowitz, 2008]. При этом в рамках концепции «тройной спирали» государство уже не занимает доминирующее положение (ключевая функция по созданию нового

знания выполняется научным сектором), а скорее отвечает за организацию, создание благоприятных условий и стимулирование более интенсивных взаимодействий в парной связи наука – бизнес.

В системе российской инновационной политики функционирует ряд мер, направленных на смягчение барьеров к научно-производственной кооперации, создание благоприятной среды для взаимовыгодного сотрудничества. Тем не менее данные международной статистики свидетельствуют о недостаточном развитии научно-производственных связей в российской экономике (рис. 1), причем никаких существенных позитивных изменений в последние годы не наблюдается. Отсутствие системности и целостности государственной инновационной политики, в том числе в области стимулирования различных горизонтальных взаимодействий, неоднократно отмечалось российскими исследователями [Дежина, Киселева, 2008; Смородинская, 2011].

Рис. 1. Удельный вес предприятий, взаимодействующих с высшими учебными заведениями и исследовательскими организациями, в общем числе предприятий, осуществляющих продуктовые либо процессные инновации, каждой категории, 2008–2010 гг.

Источник: OECD Scoreboard 2013.

Основной целью работы, таким образом, является анализ на микроуровне современного состояния и проблем научно-производственной кооперации, ключевых факторов и препятствий на пути развития взаимодействия российских научных и научно-образовательных организаций с бизнесом,

в том числе в сфере совместной реализации комплексных проектов, а также экономических механизмов государственной поддержки развития партнерств и сетей в инновационной сфере.

Эмпирическая база

Эмпирическая база исследования сформирована на основе:

- 1) данных двух раундов анкетирования руководителей более чем 600 российских компаний, проведенных в 2011 г. и 2012 г.;
- 2) данных анкетирования руководителей более чем 350 российских организаций исследовательской сферы и вузов, проведенного в 2012 г.

Отметим, что классические исследования в данной области оценивают эффекты от взаимодействия либо со стороны бизнеса [Fontana, Geuna, Matt, 2005; Liu, 2009], либо со стороны научно-исследовательских организаций [Каумаз, Егызит, 2011]. Ключевой же особенностью данного исследования является «двухсторонний» подход к анализу кооперации – как со стороны научных организаций и вузов, так и со стороны бизнеса.

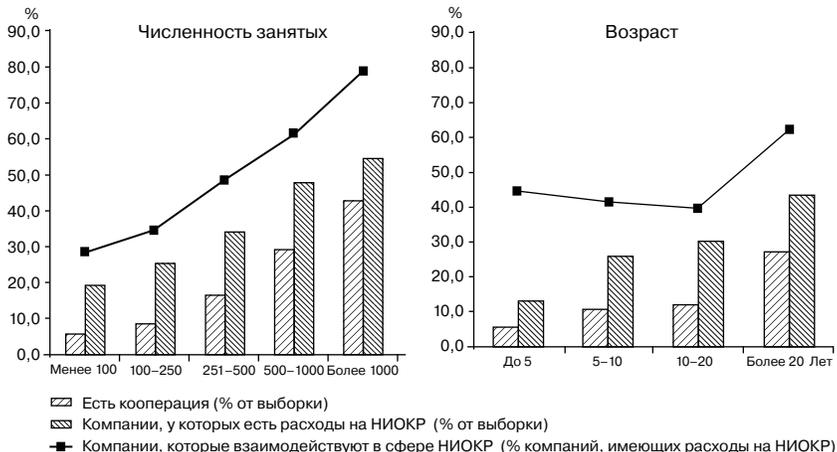
Факторы и барьеры для аутсорсинга

В основу исследования лег вопрос: какие фирмы чаще кооперируются с научными организациями, какие внутренние и внешние факторы подталкивают их к кооперации, какие – повышают интенсивность и эффективность такого взаимодействия.

Вопрос выявления факторов научно-производственной кооперации широко представлен в экономической литературе. В ряде исследований было получено, что к взаимодействию более расположен крупный бизнес [Arundel, Geuna, 2004; Fontana, Geuna, Matt, 2005]. Крупные компании располагают достаточным трудовым и организационным ресурсом, позволяющим поддерживать сотрудничество с научными организациями.

На наших данных наблюдается взаимосвязь между масштабом бизнеса и фактом наличия контрагентов при выполнении исследований и разработок. Причем по мере увеличения размера организации увеличивается не только число фирм, финансирующих исследования в принципе, но и доля тех из них, кто кооперируется с научными организациями.

Если выявление положительной зависимости между вероятностью аутсорсинга и масштабом бизнеса подтверждает результаты большинства проведенных исследований в данной области, то характер взаимосвязи с возраст-

Рис. 2. Спрос промышленных компаний на кооперацию в сфере НИОКР: факторы масштаба и возраста

том является нетипичным и не вполне вписывается в общую колею. Скачок кооперационной активности наблюдается в старшей «возрастной группе» — среди предприятий, образованных более 20 лет назад, у которых сотрудничество с наукой происходит по привычке, сложившейся еще в советские времена при принципиально иной конфигурации производственного процесса.

Для выявления факторов научно-производственной кооперации был проведен регрессионный анализ в нескольких спецификациях. Зависимая переменная — факт наличия контрагентов при выполнении исследований и разработок. Анализ проводился на подвыборке компаний, финансирующих НИОКР.

Таблица 1. Наличие контрагентов в сфере НИОКР — результаты расчетов параметров модели бинарной логистической регрессии (по выборке промышленных предприятий)

		Наличие контрагентов по НИОКР		
		Модель 1	Модель 2	Модель 3
Возраст	до 5 лет	0,505 (0,909)	0,991 (0,895)	0,555 (0,776)
	свыше 20 лет	1,156 *** (0,384)	1,2 *** (0,396)	0,9 *** (0,340)

		Наличие контрагентов по НИОКР		
		Модель 1	Модель 2	Модель 3
Численность занятых	до 250 чел.	-1,007 * (0,598)	-0,691 (0,57)	-1,172 *** (0,349)
	свыше 1000 чел.	1,227 *** (0,451)	1,308 *** (0,461)	
Структура собственности	отсутствие иностранных акционеров	0,205 (0,433)	0,182 (0,431)	0,195 (0,398)
	участие государства	-0,125 (0,567)	0,328 (0,575)	0,254 (0,521)
Экспорт		0,161 (0,506)	0,164 (0,507)	-0,312 (0,401)
Финансовое состояние	плохое	-0,804 (0,62)	-0,916 (0,632)	-0,692 (0,550)
	хорошее	0,121 (0,399)	0,04 (0,395)	0,203 (0,359)
НИОКР (% выручки)		0,446* (0,247)		0,149 (0,217)
Новая (для страны или мира) продукция			0,807 ** (0,382)	
Динамично развивающаяся компания ^a				0,692 (0,373)*
Контроль на отраслевые различия		есть	есть	есть
Константа		-1,171 (1,604)	-1,102 (1,318)	1,012 (1,702)
Число наблюдений		220	220	220
R ² (Nagelkerke)		0,314	0,387	0,204

Примечание. Здесь и далее: приведены знаки значимых коэффициентов; *** значимость на уровне 1%, ** значимость на уровне 5%, * значимость на уровне 10%.

^a Переменная принимает значение 1, если хотя бы один из двух показателей – объем выручки или доля инвестиций в основные фонды – увеличился за последний год более чем на 20%.

Положительное влияние масштаба и возраста подтверждается во всех спецификациях. Кроме того, выявлено еще несколько факторов, влияющих на вероятность взаимодействия с научными организациями.

Так, уровень затрат на исследования и разработки (удельный вес в процентах от выручки) значимо влияет на объясняемую переменную. Это же наблюдение подтверждено в ряде зарубежных эмпирических исследований:

[Schartinger et al., 2001; Arundel, Geuna, 2004]. За значимостью регрессионного коэффициента при этой переменной можно предположить следующий механизм: чем больше организация «вкладывается» в НИОКР, тем более активно она следит за возникновением передовых разработок и технологий на рынке и тем более восприимчивой становится к притоку внешнего знания.

Наконец, еще один значимый фактор – уровень новизны производимого продукта. Поскольку удельный вес НИОКР коррелирует с показателем радикальности (новизны) инновационной активности, модель была рассчитана для двух различных спецификаций. Был получен следующий результат: компании, создающие новую продукцию для страны и мира, с большей вероятностью заказывают НИОКР вовне, нежели те, чья продукция является новой исключительно в масштабах предприятия. Бизнес чаще привлекает научные организации в качестве партнеров при выполнении проектов, задействующих передний край науки, требующих применения самых новых и прорывных технологий [Hall, Link, Scott, 2000].

В третьей спецификации была добавлена объясняющая дамми-переменная, отвечающая за быстрорастущий и развивающийся бизнес. Такой фактор кооперационной активности фирм был выявлен в ряде эмпирических исследований, где авторы показали, что в фазе роста фирмы постоянно наращивают стоимость, обращаются к внешним источникам технологий и имплементируют их в производство [Fontana, Geuna, Matt, 2005]. Коэффициент при данной переменной значим на 10%-м уровне, что можно трактовать как неспособность быстро развивающегося бизнеса самостоятельно обеспечивать растущие потребности по разработке технологий.

Нам представляется важным также рассмотреть барьеры на пути научно-производственной кооперации, оценить различия в восприятии барьеров бизнесом и наукой, выделить смягчающие и отягощающие факторы для каждого типа барьеров.

К наиболее распространенным барьерам научно-производственной кооперации исследователи относят несовместимость целей и мотиваций, несовпадение временных рамок, различия «культур» [Casey, 2004] и неясность правового регулирования [Barnes et al., 2002]. Кроме того, выделяют такие барьеры, как сложность справедливого распределения прав на интеллектуальную собственность [Bowie, 1994], недостаточное планирование и неэффективный менеджмент [Ghani, 1991], недостаток информации [Schibany et al., 1999], а также технические трудности, возникающие при передаче и адаптации нового знания [Freitas, Verspagen, 2009].

На нашей исследовательской выборке было проведено зеркальное сопоставление представлений о препятствиях к взаимодействию, выявлены основные различия в позициях науки и бизнеса.

Таблица 2. Значимость барьеров к кооперации: сопоставление ранжирования среди выборки промышленных предприятий и выборки исследовательских организаций

	Промышленные компании	Исследовательские организации
Более дешевые и качественные зарубежные аналоги	7	2
Отсутствие необходимого комплекса услуг	5	6
Недостаток информации о конкурентоспособных организациях	6	3
Несоответствие качества разработок потребностям	3	7
Слабая ориентация на нужды заказчика	2	4
Завышенные цены	1	5
Недостаток информации о перспективных разработках	4	1

Действительно, бизнес и наука по-разному оценивают значимость различных препятствий на пути к эффективному сотрудничеству: для представителей бизнеса ключевыми препятствиями являются факторы, связанные с недостаточной эффективностью исследовательских организаций (завышенный уровень цен на отечественные разработки, недостаточная ориентация на нужды компании, несоответствие качества разработок потребностям), а представители научного сообщества в числе основных выделяют скорее внешние препятствия к взаимодействию (слабая восприимчивость компаний к инновациям, недостаток информации о перспективных разработках и организациях, более удачные зарубежные решения).

Отметим, что наиболее распространенный барьер при совокупном рассмотрении научной и промышленной выборки – недостаток информации о перспективных разработках. По причине взаимной неосведомленности науки и бизнеса потенциально успешное и плодотворное сотрудничество в действительности оказывается нерализованным [Каумаз, Егугит, 2011]. Организациям научного сектора пресущее следование интровертной модели поведения и намеренное неафиширование своих исследовательских возможностей, в результате чего потенциальные заказчики не способны объективно оценить предложение НИОКР на рынке.

Влияние на исследовательскую деятельность и кооперацию компаний механизмов стимулирования

Перейдем к рассмотрению основных инструментов российской инновационной политики, направленных на развитие инновационной и кооперационной активности участников инновационной системы, в том числе на преодоление различных барьеров, препятствующих естественному выстраиванию горизонтальных связей, и на создание дополнительных стимулов к кооперации.

Как известно, меры налогового стимулирования охватывают наиболее широкий круг получателей, для получения налоговой льготы достаточно удовлетворять узкому ряду заранее известных критериев. На нашей выборке подтверждается преобладание налоговых стимулов в числе наиболее распространенных на практике инструментов государственной поддержки инноваций (табл. 3).

Таблица 3. Механизмы стимулирования бизнеса к инновациям: распространенность и эффективность

	Инструмент применялся, удельный вес в общем числе компаний, имеющих расходы на НИОКР, %	Инструмент применялся и оказал позитивное влияние, удельный вес от числа компаний, применявших инструмент, %
Амортизационная премия	28	62
Освобождение от НДС ввозимого технологического оборудования	15	69
Полуторакратное списание расходов на НИОКР	13	54
ФЦП	10	67
Институты развития	8	62
Субсидирование процентных ставок по кредитам на экспорт	7	40
Субсидирование процентных ставок по кредитам на технологическое перевооружение	6	62

	Инструмент применялся, удельный вес в общем числе компаний, имеющих расходы на НИОКР, %	Инструмент применялся и оказал позитивное влияние, удельный вес от числа компаний, применявших инструмент, %
Списание расходов на формирование предстоящих затрат на НИОКР	6	31
Постановление № 218	6	83
Техническое регулирование	6	50
Освобождение от налога на имущество (энергоэффективное оборудование)	4	67
Инновационные кластеры	4	44
Программы инновационного развития	4	88

В то же время меры финансовой поддержки благодаря принципу «ручного управления» позволяют оказывать помощь точно и селективно, что выражается в высоких значениях показателя, измеряющего долю компаний, для которых применение инструмента было сопряжено с позитивными изменениями. «Лидерами» в таком разрезе можно назвать программы инновационного развития и постановление Правительства № 218 о субсидиях по комплексным проектам.

Вообще говоря, возможны различные трактовки понятия позитивных эффектов от господдержки, начиная от прямого роста инвестиционных и исследовательских расходов и заканчивая глубокой поведенческой перестройкой, изменением качества управления инновациями, расширением горизонтальных взаимодействий и пр. При помощи корреляционного анализа были оценены взаимосвязи между фактом применения той или иной меры и последовавшими в результате господдержки изменениями (табл. 4).

Ряд мер, напрямую не связанных со стимулированием расходов на НИОКР (освобождение от НДС, льгота по налогу на имущество), сочетается с существенными позитивными эффектами по увеличению расходов на НИОКР, коммерциализации, развития научно-производственной кооперации. Кроме того, применение льгот по налогу на прибыль (списанию расходов на НИОКР) и налогу на имущество отрицательно связано с присутствием эффекта замещения, чаще сопутствующего инструментам финансового характера. Важно понимать, что налоговые льготы реализуются посредством

Таблица 4.

Эффекты на уровне компаний от механизмов стимулирования инноваций – результаты расчета корреляционных коэффициентов

	Расходы на НИОКР	Кооперация	Управление инновациями	Коммерциализация НИОКР	Высвобожденные средства
Амортизационная премия					
Освобождение от НДС ввозимого технологического оборудования	+***	+**			
Полуторакратное списание расходов на НИОКР	+***	+***	+***	+***	—***
ФЦП			+***		
Институты развития	+***	+**		+***	
Субсидирование процентных ставок по кредитам на экспорт					
Субсидирование процентных ставок по кредитам на технологическое перевооружение	—*				+***
Списание расходов на формирование предстоящих затрат на НИОКР					
Постановление № 218		+*			
Техническое регулирование					
Освобождение от налога на имущество (энергоэффективное оборудование)				+**	—**
Инновационные кластеры		+*			
Программы инновационного развития	+***	+**	+***		

двух основных механизмов: (1) как некоторый «приз» за успешную инновационную деятельность, при использовании корпоративной прибыли в качестве базы для определения размера льготы; (2) как компенсация за усилия по поиску новых идей, когда база льготы определяется зарплатой исследовательского персонала [Busom, Corchuelo, Ros, 2012].

Несмотря на высокий общий уровень общего позитивного влияния субсидий на комплексные проекты, взаимосвязь между применением этой меры и наличием значимых эффектов от поддержки выражена незначительно. Наиболее успешным инструментом по наличию позитивных эффектов

на уровне компаний (в том числе по развитию кооперационных связей) можно назвать списание расходов на НИОКР.

В заключение хотелось бы предложить некоторые краткие соображения и рекомендации по совершенствованию государственной инновационной политики в контексте первичных результатов настоящего исследования.

1. Для здоровья экономики критическое значение имеют механизмы поддержки партнерств и сетей в инновационной сфере, поскольку они способствуют процессам обучения, передаче навыков, повышению уровня восприимчивости к знаниям. Однако внешне неблагоприятные институциональные условия не могут быть компенсированы мерами поддержки.

2. Любые барьеры, преференции, квоты вредят взаимодействиям и, соответственно, инновациям.

3. Спектр воздействия механизмов стимулирования весьма широк. При оценке результативности мер необходимо анализировать не только прямые эффекты, но и сопутствующие поведенческие изменения. Существенно различаются эффекты в ближнесрочной и дальнесрочной перспективе. Кроме того, возможны скрытые эффекты «автоселекции», нужно учитывать барьеры доступа и издержки применения инструментов государственной политики.

4. Различные участники инновационной системы по-разному реагируют на меры господдержки в зависимости от набора специфических внутренних характеристик. Инструменты инновационной политики, таким образом, должны быть реализованы в комплексе, создавая множественные стимулы к кооперации и для стороны спроса, и для стороны предложения.

Литература

Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП, 2008.

Сморodinская Н. Тройная спираль как матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 66–78.

Arundel A., Geuna A. Proximity and the Use of Public Science by Innovative European Firms // Economics of Innovation and New Technologies. 2004. No. 13. P. 559–580.

Barnes T., Pashby I., Gibbons A. Effective University – Industry Interaction: A Multi-case Evaluation of Collaborative R&D Projects // European Management Journal. 2002. No. 20 (3). P. 272–285.

Bjerregaard T. 2009. Universities-Industry Collaboration Strategies: A Micro-level Perspective // European Journal of Innovation Management. 2009. No. 12 (2). P. 161–176.

Bowie N. University-Business Partnerships: An Assessment. Lanham, MD: Rowman and Little Field, 1994.

Casey J. Developing Harmonious University-Industry Partnership. University of Dayton Law Review. 2004. No. 30 (2).

Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government in Action. L.: Routledge, 2008.

Etzkowitz H., Leydesdorf L. The Dynamics of Innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. 2000. No. 29 (2). P. 109–123.

Fontana R., Geuna A., Matt M. Factors Affecting University-Industry R&D Collaboration: The Importance of Screening and Signaling. Document de travail. 2005. No. 2005–07.

Freitas I.M.B., Verspagen B. The Motivations, Organization and Outcomes of University-Industry Interaction in the Netherlands. UNU-MERIT Working Papers No. 2009–011. 2009.

Ghani N. European Collaborative Research Projects // Engineering Management Journal. 1991. No. 1 (2). P. 63–70.

Hall B.H., Link A.N., Scott J.T. Universities as Research Partners. 2001. NBER Working Paper No. 7643.

Kaymaz K., Eryigit K.Y. Determining Factors Hindering University-Industry Collaboration: An Analysis from the Perspective of Academicians in the Context of Entrepreneurial Science Paradigm // International Journal of Social Inquiry. 2011. No. 4 (1).

Kodcharat Y., Chaikew A. University and Industrial Sector Collaboration: The Key Factors Affecting Knowledge Transfer // International Journal of Business and Social Science. 2012. No. 3 (23). P. 130–137.

Liu W.H. Academia-Industry Linkages and the Role of Active Innovation Policies – Firm-level Evidence in Hong Kong. Kiel Working Paper No. 1577. 2009.

OECD. OECD Reviews of Innovation Policy: Russian Federation 2011. OECD Publishing, 2011.

Pavitt K. The Social Shaping of the National Science Base // Research Policy. 1998. No. 27 (8). P. 793–805.

Schartinger D., Schibany A., Gassler H. Interactive Relations Between Universities and Firms: Empirical Evidence for Austria // Journal of Technology Transfer. 2001. No. 26. P. 255–269.

Schibany A., Lorg L., Polt W. Towards Realistic Expectations. The Science System as a Contributor to Industrial Innovation; tip-Studie, Wien, 1999.

Smith K. Interactions in Knowledge Systems: Foundations, Policy Implications and Empirical Methods // STI-Review. 1995. No. 16. P. 69–102.

СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

М.В. Ефремова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СТРАТЕГИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ¹

В последнее десятилетие мы стали свидетелями всплеска интереса к анализу факторов, определяющих успешность межкультурного взаимодействия. На социокультурную и субъективную адаптацию иммигрантов влияет множество факторов, которые не всегда являются универсальными для разных этнических и религиозных групп. Эти факторы зависят как от социокультурных особенностей принимающего общества, так и от особенностей самих мигрантов, как внутренних, так и внешних.

Вместе с тем усиление внешних миграционных процессов, стабильные внутренние миграции российских граждан и увеличение количества межнациональных конфликтов и конфликтов на религиозной почве на территории Российской Федерации, а также в московском регионе, подчеркивают актуальность исследований роли религиозности в межкультурном взаимодействии. Изучение влияния религиозности на особенности поведения внутренних мигрантов (особенно исповедующих ислам) в новой культурной среде позволит выявить закономерности успешного межкультурного взаимодействия, определить универсальные и культурно-специфичные взаимосвязи религиозной идентичности в стратегиях межкультурного взаимодействия.

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Социокультурные факторы взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения в регионах России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Предыдущие эмпирические и теоретические исследования показали, что в качестве одного из факторов, влияющих на адаптацию и аккультурацию мигрантов, выделяют религиозность. Действительно, религиозная принадлежность такая же немаловажная составляющая социальной идентичности, как и этническая принадлежность [Berry, 1997; Лебедева, 1993; Солдатова, 1998, Гриценко, 2002]. Более того, в условиях миграции и жизни в новом сообществе религиозность способна оказать значительное влияние на адаптацию [Navara, James, 2005; Rubin et al., 1994; Abu-Rayya et al., 2009]. Качество этого влияния до конца не изучено, поэтому невозможно с уверенностью сказать, обладает ли религиозность конструктивным потенциалом или, наоборот, препятствует адаптации. В связи с тем, что исследования на тему этнической идентичности более развиты и наблюдается недостаточность эмпирического материала в области религиозной идентичности и адаптации, изучение данного конструкта в контексте миграции представляется нам особенно важным.

В нашем исследовании мы опираемся на положения наиболее влиятельной при изучении проблем психологической адаптации мигрантов теории аккультурации Дж. Берри. Согласно данной теории, процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными задачами, которые решает мигрант: поддерживать ли собственную культуру в новой среде (насколько сохранять культурную идентичность) и участвовать ли в межкультурных контактах (насколько включаться в новую культуру).

В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации мигрантов: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция [Berry, 1990]. Ассимиляция – вариант аккультурации, при котором мигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит.

Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Интеграция характеризуется идентификацией как с родной, так и с новой культурами.

Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом является этнокультурная маргинализация. Это может быть следствием отсутствия (или интереса) поддержания культурной идентичности и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (например, из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации).

Теория предполагает, что сам межэтнический контакт будет преимущественно зависеть от того, какой аккультурационной стратегии придержива-

ется мигрант. Поэтому решение двух главных задач, преследуемых в процессе аккультурации мигрантом, изначально рассматривалось только с точки зрения недоминирующих этнокультурных групп. Однако определение процесса аккультурации указывает на то, что в него включены обе контактирующие группы. Так, Р. Линтон и Р. Редфилд (1936) отмечают, что аккультурация означает феномен, проявляющийся тогда, «когда группы лиц, имеющие разные культуры, приходят в непрерывное общение с последующими изменениями в оригинальной модели культуры одной или обеих групп» (цит. по [Лебедева, 1999]).

Поэтому позже было добавлено измерение влияния доминирующей группы на процесс взаимной аккультурации [Berry, 1974; 1980]. Введение этого измерения привело к появлению дублирующей (иными словами, зеркальной) структуры стратегий аккультурации. Ассимиляция, проводимая принимающим обществом, получила название стратегии плавильного котла. Сепарация в терминах доминирующей группы становится сегрегацией, а маргинализация – исключением. В случае интеграции, когда культурное разнообразие становится целью общества в целом, говорят о стратегии взаимного приспособления или мультикультурализма (цит. по [Лебедева, 2009]). Так, мы видим сходство данных стратегий для групп принимающего общества и этнического меньшинства.

В случае с доминирующей группой стратегии аккультурации получили название аккультурационных ожиданий [Berry, 2003], а вместе данные установки можно определить как стратегии межкультурного взаимодействия.

Важно отметить, что существующее предположение о том, что этническое меньшинство свободно в выборе стратегии аккультурации, не всегда верно. Выборы стратегий аккультурации, как и установки на них, могут широко варьировать [Berry, 1990] и зависеть от аккультурационных ожиданий принимающего общества.

Несмотря на то что аккультурация понимается как взаимный процесс, исследований аккультурационных ожиданий представителей доминирующих групп гораздо меньше, поэтому в нашем исследовании рассматривается роль религиозной идентификации в аккультурационных ожиданиях и стратегиях аккультурации как у принимающего населения, так и у этнического меньшинства (внутренних мигрантов). Мы предполагаем, что стратегии межкультурного взаимодействия внутренних мигрантов Москвы будут отличаться от стратегии межкультурного взаимодействия принимающего общества; а также, что существуют различия во взаимосвязи уровня религиозности со стратегиями межкультурного взаимодействия у мигрантов и представителей принимающего общества. Данные различия будут объясняться принадлежностью к группе большинства и меньшинства. Следует отметить, что

в нашей работе при измерении религиозности внимание акцентируется на субъективной оценке собственного уровня религиозности, исключая другие измерения (религиозные знания, чувства респондента по отношению к религиозным институтам, поведение), часто используемые в различных исследованиях. Соответственно, мы используем понятия религиозности и уровня религиозности как синонимы.

Участники исследования. В исследовании анализируются результаты социально-психологического опроса, который проводился Международной лабораторией социокультурных исследований в 2009–2010 гг. в Москве. В выборку вошли представители принимающего населения, исповедующие православие (русское население), и внутренние мигранты, исповедующие ислам (карачаевцы). Подробные характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1. Характеристики выборки

Группы		Пол	Возраст
Принимающее население	Русские; <i>религия: православие</i> <i>N</i> = 388	Муж. 100 (25,8%) Жен. 288 (74,2%)	Среднее 25 Me = 20
Внутренние мигранты	Карачаевцы; <i>религия: ислам</i> <i>N</i> = 147	Муж. 73 (49,7%) Жен. 74 (50,3)	Среднее 27 Me = 24
Всего	<i>N</i> = 535	174 муж. 362 жен.	Me = 22

В выборке принимающего общества подавляющее большинство респондентов имеют неоконченное высшее образование (68,8%) и высшее образование (19,1%), соответственно респонденты со средним образованием (3,9%), со средним специальным (3,1%) и неоконченным средним специальным образованием (2,1%), а также с ученой степенью (3,45%) представлены в равном объеме. В выборке внутренних мигрантов уровень образования оказался схожим: подавляющее большинство имеет неоконченное высшее образование (68,6%) и высшее образование (19,1%), в меньшей степени респонденты имели среднее общее образование (3,9%), среднее специальное (3,1%), неоконченное среднее специальное образование (2,1%), ученую степень (3,4%).

В исследовании использовалась методика Дж. Берри, разработанная для изучения установок представителей доминирующей этнической группы по отношению к мигрантам, переведенная на русский язык и адаптированная для России (проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations in Plural Societies,

2006) [Лебедева, Татарко, 2003]. Анализировались шкалы, направленные на измерение стратегий/ожиданий аккультурации (зависимые переменные) и уровень религиозности (независимая переменная).

В данной методике оценки аккультурационных ожиданий оценивались четыре вида аккультурационных ожиданий принимающего общества: сегрегация, исключение, мультикультурализм, плавильный котел. Индекс, характеризующий степень предпочтения каждой из четырех стратегий, вычислялся как среднее арифметическое четырех вопросов, согласие с каждым из которых нужно было выразить в соответствии с 5-балльной шкалой. Аккультурационные стратегии этнического меньшинства оценивались с помощью шкал, направленных на выявление следующих стратегий межкультурного взаимодействия: интеграция, сепарация, ассимиляция, маргинализация. Данная методика содержит как прямые, так и обратные вопросы.

Для измерения уровня религиозности задавался следующий вопрос: «Как бы Вы оценили уровень своей религиозности?», далее предлагалось пять вариантов ответов, где 0 соответствовало значению «Я убежденный атеист», 1 – «Безразличен к религии»; 2 – «Допускаю существование высших сил»; 3 – «Я верующий человек»; 4 – «Я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии».

Обработка результатов проводилась с помощью статистического пакета SPSS 19.0, выявление взаимосвязи производилось с помощью регрессионного анализа (метод stepwise).

Результаты и их обсуждение

Для проверки гипотезы о различии стратегий межкультурного взаимодействия, а именно аккультурационных установок внутренних мигрантов Москвы от аккультурационных ожиданий принимающего общества, был проведен сравнительный анализ. Результаты показали, что аккультурационные ожидания принимающего общества в отношении мигрантов-мусульман значительно отличаются. Наиболее поддерживаемым ожиданием у большинства является ориентация на мультикультурализм (3,93), далее следует ожидание сегрегации (2,27), затем ожидание плавильного котла (2,02) и наименее поддерживаемое ожидание исключения (1,78). Среди аккультурационных установок внутренних мигрантов Москвы доминирует аккультурационная стратегия, направленная на интеграцию (4,13), затем на сепарацию (2,78).

Можно заключить, что у принимающего общества значительно выражено аккультурационное ожидание, направленное на мультикультурализм, а у внутренних мигрантов преобладает стратегия интеграции и сепарации.

Преобладание стратегии интеграции в недоминирующих группах подтверждается ранними исследованиями [Sam, Berry, 2006]. Так, аккультурационные ориентации принимающего общества в отношении этнических групп с низким статусом в Канаде (таких как гаитяне и сикхи) также показали преимущественную поддержку ориентаций интеграции [Montreuil, Bourhis, 2004]. Однако важно учитывать фактор социальной желательности ответов. Возможно, что вторая по значимости стратегия – сепарация – является более предпочтительной. Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности.

Результаты анализа степени выраженности религиозности не показали значимых различий в средних показателях у внутренних мигрантов, исповедующих ислам, и принимающего населения, исповедующего православие. В группе принимающего населения получено среднее значение, соответствующее ответу «Я верующий человек» (2,7), для группы мусульман характерна незначительно большая религиозность (3,4).

Анализ взаимосвязи уровня религиозности с аккультурационными стратегиями/ожиданиями показал, что в обеих группах религиозная идентификация связана со стратегиями аккультурации. В группе принимающего населения религиозная идентификация отрицательно связана со стратегиями аккультурационных ожиданий сегрегации ($\beta = -0,147$ при $p \leq 0,01$, $R^2 = 0,02$) и исключения ($\beta = -0,191$ при $p \leq 0,001$, $R^2 = 0,04$). Религиозная идентификация принимающего населения связана с аккультурационным ожиданием интеграции ($\beta = 0,207$ при $p \leq 0,01$, $R^2 = 0,04$). В группе внешних мигрантов религиозная идентификация значимо связана только с аккультурационной стратегией, направленной на сепарацию ($\beta = 0,325$ при $p \leq 0,01$, $R^2 = 0,10$). Но при этом на уровне тенденций уровень религиозности *отрицательно* связан с установками на интеграцию (для принимающего общества это аккультурационная установка на мультикультурализм), ассимиляцию (для принимающего общества это установка на плавильный котел), маргинализацию (для принимающего общества это установка на исключение).

Результаты исследования частично подтвердили наше предположение о том, что существуют различия в стратегиях межкультурного взаимодействия: аккультурационными установками внутренних российских мигрантов Москвы и аккультурационными ожиданиями принимающего общества. Несмотря на «зеркальность» стратегий, нами обнаружено, что в группе принимающего общества, исповедующей православие, и группе внутренних мигрантов, исповедующих ислам, религиозная идентичность связана с разными стратегиями межкультурного взаимодействия. Так, религиозность доминирующей группы предполагает ценность культурного разнообразия в обществе,

поскольку способствует аккультурационным ожиданиям, направленным на мультикультурализм, и не способствует установкам на сепарацию мигрантов и их исключение. Эти данные расходятся с предыдущими исследованиями, которые подтверждают положительную связь между степенью религиозности и предубеждениями к аут-группе [Altemeyer, Hunsberger, 1992; Saroglou et al., 2009]. Возможно, что в таком поликультурном регионе, как Москва, смягчается влияние религиозности на установки и предубеждения к аут-группам, но это требует дальнейших исследований.

У изучаемых внутренних мигрантов уровень религиозности способствует сепарации, т.е. сохранению культурных и этнических традиций. Чувство идентификации со своей религиозной группой является важным фактором приспособления в новой культурной среде, религия играет важную роль в сообществах этнических меньшинств, что подтверждалось прежними исследованиями [Rubin, 1994]. При этом важно учитывать, что социальное доминирование как фактор, влияющий на межгрупповой контакт, определяет большую значимость социальной идентичности для членов групп меньшинств, чем для группы большинства, т.е. для этнических меньшинств групповые различия и характеристики более явны и более значимы [Sagiv, Shwartz, 1995].

Итак, проведенный анализ данных позволил сформулировать следующие краткие выводы.

1. Аккультурационные установки внутренних мигрантов Москвы, принявших участие в исследовании, отличаются от аккультурационных ожиданий принимающего большинства. Однако у представителей двух групп совпадают предпочтения в ориентации на интеграцию (в группе мигрантов) и ориентацию на аккультурационное ожидание мультикультурализма (в группе принимающего населения).

2. Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу о том, что у внутренних мигрантов и представителей принимающего общества уровень религиозности определяет разные стратегии межкультурного взаимодействия:

- религиозность принимающего общества способствует аккультурационным ожиданиям, направленным на мультикультурализм (для групп мигрантов это аккультурационная установка на интеграцию); степень религиозности принимающего общества не способствует установкам на сегрегацию мигрантов (для групп мигрантов это аккультурационная установка на сепарацию) и их исключение, т.е. показателям негативных установок по отношению к этническим группам;

- у внутренних мигрантов Москвы уровень религиозности способствует аккультурационной установке на сепарацию (для принимающего обще-

ства это аккультурационная установка на сегрегацию), т.е. сохранение культурных и этнических традиций.

Литература

Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Институт психологии РАН, 2002.

Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: ИЭА РАН, 1993.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. Разд. 4. Этническая граница в психологии людей. М.: Смысл, 1998. С. 271–363.

Abu-Rayya H.M., Abu-Rayya M.H. Acculturation, Religious Identity, and Psychological Well-being among Palestinians in Israel // International Journal of Intercultural Relations. 2009. Vol. 33. P. 325–331.

Altemeyer B., Hunsberger B. Authoritarianism, Religious Fundamentalism, Quest, and Prejudice // The International Journal for the Psychology of Religion. 1992. No. 2. P. 113–133.

Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. No. 46. P. 5–68.

Berry J.W. The Role of Psychology in Ethnic Studies // Canadian Ethnic Studies. 1990. No. 22. P. 8–21.

Navara G., James S. Acculturative Stress of Missionaries: Does Religious Orientation Affect Religious Coping and Adjustment? // International Journal of Intercultural relations. 2005. Vol. 29. P. 39–58.

Rubin R.H., Billingsley A., Caldwell C.H. The Role of the Black Church in Working with Black Adolescents // Adolescence. 1994. No. 29. P. 251–266.

Sagiv L., Schwartz S.H. Value Priorities and Readiness for Out-group Social Contact // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. No. 69. P. 437–448.

Saroglou V., Lamkaddem B., Pachterbeke M.V., Buxant C. Host Society's Dislike of the Islamic Veil: The Role of Subtle Prejudice, Values, and Religion // International Journal of Intercultural Relations. 2009.

А.Б. Запольская

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПРОИЗВОДСТВО ВИЗУАЛЬНОГО МЕДИАПРОДУКТА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА (случай международных информантств)

В современном мире стремительно увеличивается количество произведенных визуальных образов, что во многом и приводит к появлению различных философских, социологических и культурологических работ, объединенных в общий корпус визуальных исследований. С появлением средств массовой коммуникации изменился и режим воспроизводства визуального: визуальные образы получили новую материальную базу, новые инфраструктуры своего производства и распространения. На пересечении двух характеристик современности — медиатизации и визуализации — и находится новостная фотография, которую мы предлагаем рассмотреть как продукт, созданный посредством практик профессиональных фотожурналистов.

Несмотря на давнюю популярность в сфере исследований таких тем, как «СМИ» и «фотография», практики фотожурналистики мало освещены в академических текстах. Макроаналитический подход к исследованию медиа, разрабатываемый в классических работах, нацелен на изучение влияния СМИ, на анализ их обусловленности технологическими [Маклюэн, 2007; Кастельс, 2001] или экономико-политическими факторами [Herman, Chomsky, 1988], а также на установление их роли в процессе конструирования реальности и производства социальных смыслов [Луман, 2005]. Кроме того, макроаналитической рамки зачастую недостаточно для понимания специфики отдельных сфер медийного производства, сложной конфигурации агентов, особенность взаимодействия которых определяется производимыми медийными продуктами. Исследования процесса производства медиапродукта предполагают скорее микроанализ, а такой подход присутствует лишь в небольшом количестве исследований по социологии журналистики, антропологии медиа и исследованиях фотографии. Социологические исследования работы журналиста в основном сконцентрированы на изучении

процесса производства новостей [Tunstall, 1971; Tuchman, 1972], условий работы журналистов [Lemieux, 2000; Sedel, 2009; Siracusa, 2001; Кольцова 2001]. Существует также богатая, но давно не обновляемая новыми исследованиями традиция этнографии отделов новостей «нюсрум» [Padioleau, 1985; Fishman, 1980; Gans, 1979]. Фотожурналистика социологами практически не описана, возможно, потому что исследования социологов невольно отражают внутреннюю иерархию самих СМИ, в которых роль фотографии исторически воспринималась как второстепенная: фотография – это приложение, иллюстрация. Двумя важными исключениями являются работы Б. Зелизер, в которых она рассматривает фотожурналистику в контексте истории журналистики, и работа З. Гурсел, посвященная этнографии фотослужбы агентства Франс-Пресс [Zelizer, 1995; Gursel, 2012].

Визуальные исследования, в рамках которых выражен интерес к фотографии, удивительным образом также практически не затронули вопрос о практиках производства новостной фотографии. М. Эммисон с соавторами в своей книге «Исследуя визуальное» (Researching the visual), посвященной визуальным исследованиям, полагает, что сама природа изображений приводит исследователя к прочтыванию их как сообщений, нуждающихся в том или ином декодировании, а сильная семиотическая традиция и cultural studies обеспечивают необходимым для этого инструментарием [Emmison, Smith, Mayall, 2012]. Границы данного подхода были обозначены еще Р. Бартом, который констатировал отсутствие единой знаковой системы для прочтения фотографии [Барт, 2003]. Наиболее заметными стали исследования, которые посвящены выявлению скрытых моделей, определяющих сюжеты конкретных типов фотографий: любительской [Bourdieu, 1990] или профессиональной новостной [Hall, 1973]. Новая тенденция в исследованиях, сфокусированных на произведенных изображениях, связана с переходом от анализа и интерпретации изображений к изучению их функционирования в жизни членов тех или иных обществ. В таких исследованиях применен анализ повседневного и рутинного использования изображений, вплоть до этнометодологического изучения прочтывания изображений и определения их смысла. Однако, несмотря на большой исследовательский потенциал, исследователи данного направления оставляют за пределами рассмотрения изучение процесса производства визуального, концентрируясь на практиках обращения с уже произведенным продуктом.

Мы хотели бы рассказать об исследовании процесса производства конкретного вида визуального – новостной репортажной фотографии – в рамках определенного типа организации – международного информационного агентства. Выбор именно агентской фотографии обусловлен ее возможностью охватывать все глобальные события (за счет разветвленной сети штатных

и внештатных сотрудников), авторитетом достоверной информации, которым ее наделяет агентство мирового уровня, и широким распространением в национальных и региональных СМИ. Нам хотелось бы также наметить теоретические рамки подобного исследования.

Полевое исследование проходило в московских бюро трех крупнейших мировых агентств – Франс Пресс, Ассошиэтед Пресс и Рейтерс – и состояло из интервью с сотрудниками фотослужб, а также наблюдения за их работой. Процесс производства фотографии в фотослужбе можно представить в виде цепочки событий: задание, съемка, редактирование, отправление на ленту подписчиков и/или в архив (также доступный многим подписчикам). На каждом этапе задействованы профессиональные и социальные нормы и правила; цель каждого этапа – способствовать производству продукта совершенно определенного типа: агентской фотографии, представление о которой разделяют все сотрудники фотослужбы. Однако параллельно с магистральными логиками, доминирующими в агентстве, сотрудники могут руководствоваться и альтернативными логиками, связанными с их убеждениями и представлениями об идеале профессии. К магистральным принципам принятия решений при производстве фотографии относятся: новостная значимость, скорость, достоверность, объективность, четкость, легкая считываемость, соответствие изображения информационной повестке. К альтернативным логикам можно отнести расширение представления о стиле фотографии в агентстве, формат историй (фотоочерков), поиск экзотичных сюжетов. Также мы наблюдали, что причины принятия того или иного решения относительно фотографии могут лежать в плоскости журналистики или в плоскости фотографии. Часть решений обуславливается принципами, значимыми для агентства как поставщика информации для СМИ, а часть – принципами, связанными с визуальной составляющей фоторепортажа. Несмотря на то что часто они присутствуют в неразрывной связи, наше исследование показало, что в практике агентской новостной фотографии доминируют принципы журналистики.

Представляется перспективным анализ производства агентских фотографий с учетом того, какие принципы действуют в каждом конкретном случае принятия решения. Для этого нами была разработана аналитическая схема, опирающаяся на идею Р. Чалфена рассматривать практики фотографирования как цепь событий планирования, съемки и редактирования, а с другой – на первые результаты нашего полевого исследования (где мы констатируем наличие разных логик, по которым принимаются решения) [Chalfen, 1984]. Анализируя каждый этап производства новостной фотографии, мы задавали вопрос о ее объекте, времени и месте, теме, жанре и о том сообщении, которое она должна была передать. Мы спрашивали сотрудников

фотослужбы о том, какая работа предшествовала публикации той или иной фотографии: почему и кем принималось решение о съемке, как выбирался сюжет, ракурс и кадр, как и по каким критериям осуществлялось редактирование фотографии. Таким образом, проведя 20 интервью, в каждом из которых анализировалась история производства 5–10 фотографий, мы увидели, что в планировании наибольшую роль играют принципы журналистики, в редактировании – специфически агентские, в съемке решения принимаются исходя из идей, которые представляют собой здравый смысл профессии фоторепортера. Этот здравый смысл фотожурналистики, производящийся в рутинных практиках работы, непросто выявить, так как он не подвергается рефлексии (хотя и осознается). Он представляет собой нефиксированный набор подвижных убеждений о необходимости соответствия фотографии определенным визуальным стереотипам, обеспечивающим наиболее быстрое считывание концептов пишущих журналистов, которые потенциально *могут* сопровождать фотографию. Эти результаты нуждаются в детализации и проверке на большем массиве интервью с сотрудниками фотослужб других (нероссийских) бюро мировых агентств.

В данном исследовании была поставлена цель ответить на «наивный» вопрос, почему мы видим в новостях те фотографии, которые видим. В результате анализа полевых данных нам удалось зафиксировать несколько основных факторов, определяющих конечный вид агентской новостной фотографии. Принципиально важными для нас являлись отказ от макроаналитических объяснений новостного контента и внимание к рутинным практикам тех, кто непосредственно производит фотографию – сотрудников фотослужбы. Множество решений, от которых зависит та или иная фотография, принимается именно этими акторами в их повседневных практиках. Так производится и воспроизводится определенный стандарт новостной фотографии.

Литература

Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Системы моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001.

Кольцова Е. Производство новостей: типы влияний на работу журналистов // Невидимые грани социальной реальности / под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб., 2001. С. 109–123.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

- Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Гипербория, Кучково поле, 2007.
- Bourdieu P.* Photography: A Middle-Brow Art. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Chalfen R.* The Sociovidistic Wisdom of Abby and Ann: Toward an Etiquette of Home Mode Photography // Journal of American Culture. 1984. No. 7. P. 22–31.
- Emmison M., Smith P., Mayall M.* Researching the Visual. Sage, 2012.
- Fishman M.* Manufacturing the News. Austin: University of Texas Press, 1980.
- Gans H.J.* Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time. N.Y.: Pantheon, 1979.
- Gursel Z.D.* The Politics of Wire Service Photography: Infrastructures of Representation in a Digital Newsroom // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. No. 1. P. 71–89.
- Hall S.* The Determinations of News Photographs // The Manufacture of News: Social Problems, Deviance and the Mass Media. Communication and Society. Beverly Hills: Sage Publications, 1973. P. 176–190.
- Herman E.S., Chomsky N.* Manufacturing Consent // The Political Economy of the Mass Media. N.Y.; Toronto: Random House, 1988.
- Lemieux C.* Mauvaise Presse, Metaille. Paris, 2000.
- Padioleau J.G.* Le Monde et le Washington Post. Paris: PUF, 1985.
- Sedel J.* Les Médias et la Banlieue. Le bord de l'eau. Paris, 2009.
- Siracusa J.* Le JT, Machine à décrire. De Boeck Université. Bruxelles, 2001.
- Tuchman G.* Objectivity as Strategic Ritual // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. No. 4. P. 660–679.
- Tuchman G.* Making News by Doing Work: Routinizing the Unexpected // American Journal of Sociology. 1993. No. 79 (1). P. 110–131.
- Tunstall J.* Journalists at Work. L.: Constable, 1971.
- Zelizer B.* Journalism's «Last» Stand: Wire Photo and the Discourse of Resistance // Journal of Communication. 1995. No. 45. P. 78–93.

С.А. Кортаев

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

«КРЕАТИВНОСТЬ»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ, РАБОТАЮЩИХ В СМЕШАННЫХ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ В РОССИИ¹

В качестве одной из причин отставания России в сфере инноваций могут рассматриваться устаревшие управленческие и трудовые практики, препятствующие реализации креативных способностей российских профессионалов [Шкаратан, Карачаровский, 2002]. В то время как отечественные менеджеры проявляют определенный консерватизм, выражая сомнение в эффективности иностранных управленческих практик в российских условиях [Gurkov, 2002], можно предположить, что формирование новых подходов к управлению происходит в смешанных коллективах, состоящих из россиян и экспатов, где осуществляется процесс взаимных трансформаций отечественных и зарубежных практик, приводящий к формированию новой трудовой культуры.

Цели исследования: (1) выявить специфические особенности российской трудовой культуры, препятствующие или, наоборот, способствующие реализации креативного потенциала работников; (2) выяснить, являются ли изменения трудовой культуры российских профессионалов под воздействи-

---

¹ Проект осуществляется в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2013 г.).

ем зарубежных трудовых практик благоприятными или неблагоприятными с точки зрения реализации этого потенциала.

Степень разработанности проблемы

Существует огромное количество работ по проблемам креативности, основанных на эмпирических данных, полученных в условиях культуры развитых стран Запада. Среди факторов, влияющих на креативность поведения сотрудников, выделяются как внутренние (стиль мышления, опыт, социальные навыки, самовосприятие, мотивация, вовлеченность в трудовой процесс), так и внешние по отношению к индивиду (коллеги, стиль управления, сложность работы и др.). К сожалению, данный корпус работ не позволяет выявить влияние национальной культуры, поскольку подавляющее большинство исследований было проведено в единой культурной среде, кроме того, мы не можем быть уверены в том, что приведенные результаты, модели и теории адекватно описывают креативность индивидов, принадлежащих к иным типам культур [Hennesy, Amabile, 2010].

Представленные в литературе кросс-культурные исследования креативности проведены, по большей части, на основе сравнения работников, представляющих такие сильно различающиеся по культуре регионы, как Западная Европа и Северная Америка, с одной стороны, и Восточная Азия, с другой (например: [Hempel, Sue-Chan, 2010; Shane, Venkatarrman, MacMillan, 1995; Erez, Nouri, 2010; Mok, Morris, 2010; De Dreu, 2010]). Мы полагаем, что присущие используемым в данных работах подходам ограничения не позволяют экстраполировать их результаты на условия иной культуры, в частности, российской. Кроме того, критически важным, на наш взгляд, недостатком большинства существующих кросс-культурных исследований креативности является игнорирование того факта, что культура не может быть рассмотрена лишь как атрибут индивида или социального окружения, но само их взаимодействие представляет собой ее наблюдаемое проявление. Она не является константой, а воспроизводится и изменяется в процессе социальной деятельности индивидов.

Методология

Ключевыми категориями представленного исследования являются «креативность» и «культура».

Креативность. Согласно наиболее общепотребительному определению, предложенному Амабиле, креативность – это создание продуктов, идей или

решений, являющихся, во-первых, новыми и, во-вторых, потенциально применимыми в соответствующей сфере [Amabile, 1996]. Как показал наш опыт, значительную трудность представляет поиск и выделение актов креативной деятельности респондентов, подход Амабиле оказывается слишком строгим, ограничивающим долю релевантного эмпирического материала. В работе [Drazin et al., 1999] предложено рассматривать креативность как процесс, в котором индивид в своем поведении, мышлении и эмоциях вовлечен в попытку производства креативного результата. Идеи не обязательно будут признаны креативными, но сам процесс генерации таких идей будет назван «креативностью». Именно такое понимание креативности взято за основу в нашем исследовании.

Культура. Мы полагаем, что наиболее адекватным подходом к операционализации культуры применительно к целям нашей работы является рассмотрение ее как совокупности разделяемых в коллективе практик, под которыми понимаются стереотипные образцы поведения в некоторых стандартных ситуациях. Практики можно рассматривать как инструмент, позволяющий успешно преследовать легитимные в данной культурной среде цели. С другой стороны, имеющиеся практики определяют (и ограничивают) горизонт целеполагания сотрудника. Помимо того, что существующие практики определяют возможности креативного поведения, имеются свидетельства, что именно на уровне практик и через практики происходит столкновение, взаимодействие и взаимопроникновение национальных трудовых культур в смешанных коллективах [Гаськов, 1988].

Данные

Эмпирическая база исследования представлена 150 глубинными интервью. В качестве респондентов выступают высококвалифицированные профессионалы иностранного происхождения, работающие в России, и русские, работающие в смешанных коллективах. Интервьюирование проводится в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске. На данный момент обработана лишь часть интервью с экспатами, на основе анализа которых получены представленные результаты.

Результаты

Понимание креативности респондентами. Блок интервью, посвященный креативности, начинается с вопроса о том, считает ли респондент свою рабо-

ту креативной (творческой). Как в случае положительного, так и отрицательного ответа интервьюер спрашивал, что именно собеседник подразумевает под креативностью (творчеством). Далее предполагалось, что «креативные» профессионалы приведут примеры творческого поведения. Данные кейсы, как ожидалось, послужат исходным эмпирическим материалом для выявления и анализа трудовых практик, способствующих или препятствующих креативной деятельности. Аналогичный блок вопросов был посвящен российским коллегам / подчиненным интервьюируемого. Просьба определить понятие креативности служила двойной цели: помочь респонденту отобрать релевантные примеры из собственного опыта и дать нам возможность выявить имплицитные (бытовые) концепции креативности профессионалов в России. Возможное различие в последних между русскими и экспатами стало бы одним из культурно обусловленных факторов, определяющих специфику реализации креативного потенциала отечественных профессионалов.

Неожиданным для нас результатом стало то, что большинство профессионалов испытывают значительные сложности при попытке ответить на данный вопрос. Зачастую они либо затрудняются дать определение креативному поведению, либо предлагают туманные, противоречивые или крайне специфические трактовки, практически не имеющие пересечения с разделяемыми в академической среде подходами к концептуализации этого понятия.

«...инновационная — это что-то новое... Компании, которые [были созданы] здесь, вначале ничего не делали, а через два года уже каким-то товаром торгуют. Если это — творческое, то, конечно, у нас очень творческая работа.

(Интервьюер): Так что для тебя творчество?

(Респондент): Успех для клиента, если мы решаем его задачу» (бизнес-консультант, Голландия).

В данном случае исходно верный посыл о связи креативности с новизной обесценивается предположением о достаточности физической новизны продукта в рамках одной серии (так как нигде не сказано, были ли созданные компании в чем-то уникальны). Предложенное же резюме, как представляется, вообще не связано с предыдущими рассуждениями.

Другие респонденты ассоциировали креативность со значимостью работы, сложностью, необходимостью преодоления затруднений. Креативной может быть названа деятельность, связанная со сферами искусства и т.п.

«Считаю ли я свою работу творческой? Если можно назвать творческой работу, которая влияет на сознание людей, то — да» (финансовый консультант, коучер, Венгрия).

«В основном я объясняю Россию иностранцам и это требует креативности, чтобы не было оскорбительно» (предприниматель, коучер, США).

(Респондент): «Я считаю свою работу креативной по разным причинам. Иногда текст изначально плохо написан, нужен креативный подход к тому, чтобы его подчинить. Еще мы работаем довольно много с креативными заказчиками: переводим фильмы, иногда музыку.

(Интервьюер): Является ли креативной работа ваших сотрудников?

(Респондент): Частично — да. Они должны получить креативные результаты от фрилансеров, иногда им помочь. Иногда доделать после них» (директор переводческой компании, Великобритания).

Креативность иногда рассматривалась как качество, необходимое лишь на некоторых этапах работы, например, адаптация к новой должности, новым условиям.

«На первых порах, когда я только сюда приехал, да, надо было креативить, нужно было иметь это качество. Но потом (...) это качество перестало быть главным и теперь в моей работе важна внимательность (в подсчетах, аналитике), точность, аккуратность. Работа приобрела оттенок рутины» (банковская сфера, Швеция).

Данные наших интервью существенно отличаются от результатов других работ, посвященных исследованию имплицитных концепций креативности, в которых было получено, что респонденты в подавляющем большинстве все же выделяют оригинальность, новизну, неконвенционность как ключевые аспекты креативности [Lemons, 2010; Petocz, Reid, Taylor, 2009].

Трудности, испытываемые профессионалами при попытке ответить на вопросы, касающиеся креативности, свидетельствуют о том, что данный концепт не входит в их дискурс о профессионализме. Вопросы профессионального творчества или креативности не становились, по всей видимости, предметом их рефлексии до встречи с интервьюером. Следовательно, креативность не является значимой частью самовосприятия большинства профессионалов, трудовая мотивация не связана со стремлением к творческой деятельности.

Кроме того, вывод об отсутствии ясных представлений о творчестве у профессионалов имеет и чисто методологическое значение. Некоторые исследования² основаны на оценке креативности с использованием закрытых вопросов, предполагающих выставление респондентом баллов коллегам или подчиненным, при этом зачастую объектом оценки выступает именно деятельность человека, а не конкретный продукт. Учитывая несформированность представлений интервьюируемых о феномене креативности, можно

---

² Как пример можно привести цитируемую статью [Madjar, Oldham, Pratt, 2002].

предположить, что ее оценки в значительной степени являются следствием гало-эффекта³ и не вполне отражают реальную степень креативности поведения.

Креативность отечественных профессионалов. Несмотря на вышеобозначенные трудности, мы все же можем сделать некоторые предварительные выводы относительно креативности российских профессионалов. Во-первых, иностранные специалисты оценивают отечественную управленческую культуру как жесткую, строго иерархичную, основанную на негативной мотивации (наказании), иначе говоря, обладающую теми качествами, которые препятствуют креативному поведению сотрудников.

«...если вы смотрите на то, как бы наказать людей, говорите делать то или нет, это не поддерживает инновации (...) Первое, что вам следует сделать, – дать возможность делать ошибки [сотрудникам]» (управленческий консалтинг, Израиль).

«Это... основанная на угрозе система (...) В США вы получаете зарплату, но вы можете получить дополнительные деньги за дополнительную работу. Но здесь все наоборот. Они просто забирают часть из ваших выплат как штраф. (...) Если вы беспокоитесь о том, что каждый день можете потерять деньги, вы не можете сфокусироваться на серьезных задачах» (старший менеджер по закупкам, США).

«Власть начальника здесь [в России] какая-то безграничная. Он может накричать на подчиненного ни за что, ни про что, и не важно – заслуженно или нет» (банковская сфера, Швеция).

Соответствующая трудовая культура русских проявляет себя и в условиях западных управленческих практик, что обычно воспринимается экспатами как значительное препятствие для эффективной работы компании. Отечественные профессионалы, согласно данным интервью, избегают проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения, гораздо комфортнее работают при наличии детальных инструкций и правил без возможности действовать автономно.

«Подчиненные в России не любят брать на себя ответственность за свою работу. Ждут, что появится кто-то, кто скажет им, как надо поступить в той или иной ситуации. И от начальника они ждут, что он не будет требовать от них самостоятельных решений, а просто скажет им, что делать. В Европе это совсем иначе» (банковская сфера, Швеция).

«Люди боятся власти, боятся с ней взаимодействовать. Очень важное выражение в России: “инициатива наказуема”. Это совершенно необъяснимо с точки зрения американцев» (бизнес-тренер, США).

---

³ Влияние общего впечатления о человеке на оценку его конкретных аспектов.

«Также русские очень высоко ценят отношения с начальником: все, что говорится начальством, непререкаемо и должно быть выполнено в точности, без обсуждений. Также русские проявляют очень мало инициативы. (...) В Японии, напротив, инициатива очень ценится» (начальник отдела, Япония).

«Люди [здесь] не противодействуют решениям, которые им кажутся неверными, может быть, это история или культура, русские говорят “ок”. В США: “Почему это так? Мы должны изменить это”. (...) Тогда как в России: “Ох, это правило, это то, что мы должны делать”» (старший менеджер по закупкам, США).

Многие иностранцы вынуждены перенимать местные управленческие практики, чтобы добиваться результатов от подчиненных.

«Я выучил ценность крика и давления» (управленческий консалтинг, Израиль).

«Мне было непонятно, почему мои просьбы не выполняют, а потом я понял, что это зависит от того, как ты дашь команду» (менеджер, США).

Что интересно, некоторые экспаты находят удобным работать с подчиненными, представляющими российскую трудовую культуру.

«Я полагаю, я предпочел бы работать с русскими, поскольку им можно просто сказать, что нужно делать, тогда как с французами приходится пытаться договориться» (менеджер по работе с ключевыми клиентами, Франция).

Как видно, в текстах интервью русские предстают, по большей части, не вовлеченными в трудовой процесс сотрудниками. Иначе говоря, они значительно меньше иностранцев интересуются целью и результатами своей деятельности, им не так свойственна рефлексия по поводу наличия возможных альтернативных способов достижения результата или степени адекватности поставленных задач, что внешне проявляется в отсутствии инициативы и стремления к установлению обратной связи с начальством.

Такой тип поведения логически связан с потребностью в жестком контроле со стороны руководства. Сотрудник чувствует ответственность не за достигнутые результаты, а за формальное выполнение распоряжений. Так, например, русские редко стремятся поставить под сомнение или изменить решения руководства, а в случае «бессмысленных» или воспринимаемых как таковые распоряжений пытаются получить наиболее подробные инструкции для их исполнения. При этом, как отмечают иностранцы, русские ответственно относятся к работе, часто перерабатывают.

«Русские – очень трудолюбивые (super-hardworking) люди» (R&D менеджер, Уругвай).

«Отличие [русских] в том, что они допоздна могут оставаться на работе, и это не проблема для них» (технический директор, Франция).

«Для меня дико было, что работают очень много именно русские» (ведущий инженер, Марокко).

Метафорически мы можем противопоставить западный тип восприятия труда — как *совместного достижения цели*, и отечественный — как *служения, где основное внимание направлено на процесс, а не результат*. Работник предоставляет себя менеджеру и выполняет задания исключительно для его [менеджера] «удовольствия». Разумеется, он не может знать, чего именно руководителю хотелось бы от него получить, следовательно, любая инициатива или критика являются абсурдными. Также абсурдным являлось бы стремление брать на себя ответственность в подобной ситуации. Консерватизм в такой системе является важной защитной реакцией, поскольку в условиях отсутствия целерационального планирования любое отклонение может привести к непредсказуемым последствиям.

Обозначенная особенность осознается рядом опрошенных экспатов как существенная проблема, препятствующая эффективной работе сотрудников. Предлагаются пути ее преодоления, включающие индивидуальную работу с сотрудниками, направленную на внедрение практик обратной связи с руководством, а также практик управления, позволяющих привлекать подчиненных к принятию решений.

«Просто трачу кучу времени, сижу с ними. Когда у них проблемы с проектом, я спрашиваю: “Что ты пытаешься сделать?” Я сижу с ними все время. (...) Первое время я весь день тратила на них и только по вечерам делала свою собственную работу. И это часть того, что менеджеру следует делать» (R&D менеджер, Уругвай).

«Мы также пытаемся сократить бюрократию. Мы объясняем, почему нам необходимо изменить бумажную работу. Некоторые люди чувствуют себя комфортно среди бумаг, но мы рекомендуем им покинуть банк. (...) Нам нужны энергичные, полные энтузиазма, инициативные люди. Но (...) необходимо несколько лет для реальных изменений» (советник председателя правления банка, Великобритания).

«Мы видим, что вовлекая сотрудников в дискуссию, обеспечивая обратную связь, помогая менеджерам сфокусироваться на сферах, важных для сотрудников, мы добиваемся того, что сотрудники начинают демонстрировать результаты» (управленческий консалтинг, Израиль).

Однако, как свидетельствуют сами респонденты, используемые меры имеют лишь ограниченный успех.

Проблема низкой инициативы и вовлеченности русских профессионалов далеко не в первый раз поднимается в литературе. В.С. Магун на основе данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) занимался выявлением связанных с работой ценностных синдромов представителей разных

стран на основе факторного анализа. Он выделил два ключевых фактора: первый связан с предпочтением гедонистических интересов в ущерб профессиональной самоотдаче, второй предполагает стремление к тяжелому труду ради материального благополучия. По первому фактору россияне стабильно занимают ведущие места в выборке стран WVS в период с 1990 г. по 1999 г., иными словами, они предпочитают высокий заработок, стабильность и комфорт на работе возможности проявлять инициативу, ответственность и карьерным перспективам. В отношении же второго синдрома наблюдаются значительные перемены за первое пореформенное десятилетие: если в 1991 г. россияне придавали наибольшее значение комфортному времяпрепровождению на работе, то в 1999 г. их интересы сместились к противоположному полюсу – материальному благополучию ценой тяжелого труда [Магун, 2005]. Теперь русские работники стремятся найти «теплое местечко», но в рамках конкретной должности готовы тяжело работать в неблагоприятных условиях. Эти данные хорошо соотносятся с нашими, интервьюируемые отмечают как пассивность и невовлеченность русских коллег, так и их склонность к переработкам.

Заключение

Проведенный качественный анализ интервью экспатов позволил нам сделать следующие выводы: креативность не является значимой частью самовосприятия большинства иностранных профессионалов, работающих в России, трудовая мотивация не связана со стремлением к творческой деятельности; отечественная трудовая культура оценивается экспатами как крайне неблагоприятная для реализации креативного потенциала сотрудников.

Приведенные результаты носят предварительный характер. Тем не менее они позволяют нам уточнить направление дальнейших исследований. Так, одной из ключевых задач при интервьюировании российских профессионалов будет выявление практик, содействующих повышению их вовлеченности в трудовой процесс, осознанию связи собственной работы и результатов деятельности подразделения, компании.

Литература

Гасков В.М. Социальные аспекты международного обмена производственным опытом. М., 1988.

Магун В.С. Трудовые ценности экономически активного населения восьми стран мира / В.А. Мау, А.А. Мордашева, Е.В. Турунцева (ред.) Мы и они: Россия в сравнительной перспективе. М., 2005.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура: опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

Amabile T.M. Creativity in Context. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

De Dreu C.K.W. Human Creativity: Reflections on the Role of Culture // Management and Organization Review. 2010. No. 6 (3).

Drazin R., Glynn M.A., Kazanjian R.K. Multilevel Theorizing about Creativity in Organizations: A Sensemaking Perspective // The Academy of Management Review. 1999. Vol. 24. No. 2.

Erez M., Nouri R. Creativity: The Influence of Cultural, Social, and Work Contexts // Management and Organization Review. No. 6 (3).

Gurkov I. Management Innovations in Russian Export-Oriented Companies: The Results of Large-Scale Surveys Conducted in Russian Enterprises, 2002 <[gurkov.ru/publ_html/publik/2002/Gurkov-JEEMS-2002-revised.htm](http://publ_html/publik/2002/Gurkov-JEEMS-2002-revised.htm)>.

Hempel P.S., Sue-Chan C. Culture and the Assessment of Creativity // Management and Organization Review. 2010. No. 6 (3).

Hennessey B.A., Amabile T.M. Creativity // Annual Review of Psychology. 2010. No. 61.

Lemons G. Bar Drinks, Rugas, and Gay Pride Parades: Is Creative Behavior a Function of Creative Self-Efficacy? // Creativity Research Journal. 2010. No. 22 (2).

Madjar N., Oldham G.R., Pratt M.G. There's No Place like Home? The Contributions of Work and Nonwork Creativity Support to Employees' Creative Performance // Academy of Management Journal. 2002. Vol. 45. No. 4.

Mok A., Morris M.W. Asian-Americans' Creative Styles in Asian and American Situations: Assimilative and Contrastive Responses as a Function of Bicultural Identity Integration // Management and Organization Review. 2010. No. 6 (3).

Petocz P., Reid A., Taylor P. Thinking Outside the Square: Business Students' Conceptions of Creativity // Creativity Research Journal. 2009. No. 21 (4).

Puffer S. Leadership in a Russian Context / Puffer S. (ed.) Business and Management in Russia. Cheltenham: Edward Edgar Publishing, 1996.

Shane S., Venkataraman S., MacMillan I. Cultural Differences in Innovation Championing Strategies // Journal of Management. 1995. Vol. 21. No. 5.

В. Костенко,
П. Кузьмичёв,
Э. Понарин

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ОТНОШЕНИЕ К ГЕНДЕРНОМУ РАВНОПРАВИЮ И К ДЕМОКРАТИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Введение

Исследования гендерного равноправия и демократии в арабском мире многочисленны [Ahmed, 1992; Afary, 2004; Cherif, 2010; Charrad, 2011], но ограничены отсутствием надежных количественных данных, которые появились недавно и открыли новые возможности для кросс-культурных сравнительных исследований. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел и анализирует поддержку гендерного равноправия и демократии в странах, в которых была проведена первая волна проекта «Арабский барометр». Важность либерализации гендерных установок детально описана Р. Инглхарт и П. Норрис в книге «The Rising Tide» [Inglehart, Norris, 2003]. Они доказали на данных из более чем 100 стран мира, что отношение к гендерному равноправию является важным предиктором демократических устремлений.

М. Тесслер, автор проекта «Арабский барометр» и многих авторитетных исследований в этой области, утверждает, что примерно 80% арабского населения поддерживает демократию [Tessler, 2002; Tessler, Jamal, 2006]. Его выводы, казалось бы, подтвердились событиями «арабской весны», когда массовые протесты против старых авторитарных режимов потрясли многие арабские страны [Filali-Ansary, 2012]. Однако большинство этих революций закончились подъемом консервативных исламистских партий, и в настоящее время существующие режимы нельзя считать демократическими в западном понимании этого слова. Это могло быть предсказано исходя из ценностей мусульман в обществах Арабского Востока, поскольку во многих из них отсутствует или слабо развито представление о ценности личности, что находит отражение в низкой поддержке гендерного равноправия.

Мы считаем, что установки по отношению к гендерному равноправию в комбинации с поддержкой демократии являются более точными предикто-

рами либеральных ценностей, чем прямолинейные вопросы о демократии в арабских странах.

Теория модернизации и гипотезы исследования

Ключевой идеей пересмотренной теории модернизации, которая объясняет изменение ценностей в мире в послевоенный период, является положение о том, что молодые поколения, которые живут в более безопасных условиях, не столь заняты вопросами выживания, а потому уходят от консервативных представлений об устройстве общества. В связи с этим молодые люди в обществах, испытавших стабильный рост благосостояния, поддерживают эгалитарные ценности самовыражения во всех сферах жизни; эти ценности противопоставлены ценностям выживания (традиционным) [Inglehart, 1997]. В ситуации стабильности ксенофобия, приверженность традиционной модели семьи и другие консервативные ценности заменяются на эгалитаризм, толерантность, стремление к равноправию, борьбу за права человека и более справедливое общественное устройство. Процесс поколенческих перемен утверждает движение к более эгалитарному будущему. Однако население аграрных стран не всегда демонстрирует такую уверенную и быструю смену ценностей, как в индустриальных и постиндустриальных обществах [Inglehart, Welzel, 2005]. Отсюда первая гипотеза (Г1): более молодые люди в арабских странах более эгалитарны в вопросах гендерного равноправия по сравнению со старшими, хотя эта разница не столь велика, как в более благополучных обществах.

Эмпирические исследования показывают, что женщины на Ближнем Востоке и в Северной Африке стремятся изменить свое положение «граждан второго сорта» [Abu-Lughod, 2002; Moghadam, 2003]. Феминистическое движение расширило права женщин в некоторых странах, особенно в Марокко, Тунисе и Ливане [Moghadam, 1998; Afary, 2004], однако говорить о серьезных сдвигах в общественном сознании еще преждевременно. Мужчины в аграрных обществах, согласно многочисленным количественным исследованиям и феминистической литературе [Keddie, 1990; Moghadam, 1998; Mule, Barthel, 1992], более склонны поддерживать статус-кво, в то же время женщины (особенно молодые и образованные) демонстрируют запрос на равноправие [Jamal, Tessler, 2008; Alexander, Welzel, 2011]. Исходя из этого мы полагаем (Г2), что мужчины будут иметь более низкий уровень поддержки гендерного равноправия, чем женщины, а также (Г3), что люди без образова-

ния или с начальным образованием будут придерживаться самых консервативных гендерных аттитюдов. Мы также контролируем эффекты по уровню религиозности, поскольку в большинстве стран мира [Norris, Inglehart, 2004] она коррелирует с традиционными и консервативными ценностями, т.е. (Г4) религиозные люди будут демонстрировать низкую поддержку гендерного эгалитаризма [Cooke, 2000]. (Г5) Мы ожидаем, что более высокий уровень гендерного эгалитаризма положительно связан с демократическими политическими предпочтениями и либерализмом [Welzel, Inglehart, 2005; Rowley, Smith, 2009].

Данные и методы

Используемая база данных публиковалась в рамках проекта «Арабский барометр» (<http://www.arabbarometer.org>) в 2009 г. Она была собрана в Марокко, Алжире, Кувейте, Палестине (Западный берег р. Иордан и сектор Газа), Иордании, Ливане и Йемене. База данных состоит из 181 переменной и 8122 случаев.

Индекс гендерного равноправия состоит из семи переменных, охватывающих различные вопросы из публичной и частной сфер. В основе этих вопросов лежит один латентный фактор, поэтому из них был сконструирован простой композитный индекс со шкалой от 0 до 1 (0 — очень консервативный, 1 — очень либеральный). Подобным же образом был преобразован индекс поддержки демократии. В качестве измерения религиозности был выбран вопрос «Как часто Вы читаете Коран?», поскольку другие принятые шкалы не имели в этом регионе достаточной дисперсии.

При построчном удалении база данных теряет 2014 случаев из 8122 (24%). Для восстановления пропущенных значений была использована техника множественной импутации, реализованная в пакете Amelia II [Honaker, King, Blackwell, 2011] языка R.

Влияние образования и религиозности на поддержку гендерного равноправия на Арабском Востоке

Для подсчета влияния демографических переменных, а также образования и религиозности на поддержку гендерного равноправия мы используем множественную линейную регрессию. По результатам моделирования на импутированной базе данных женщины на Арабском Востоке — большие

сторонники гендерного равноправия, чем мужчины. Эффект образования линеен: более образованные люди значимо чаще поддерживают равноправие мужчин и женщин. Население Ливана демонстрирует наиболее эгалитарные гендерные аттитюды, в то время как самой консервативной страной в выборке является Йемен (по реальным правам женщин он находится на последнем месте в мире [Human Development Report, 2012]). Частота чтения Корана отрицательно связана с поддержкой гендерного равноправия, т.е. наиболее религиозные мусульмане придерживаются самых консервативных представлений о положении женщин в обществе.

Регрессионный анализ подтверждает, что старшие поколения на Арабском Востоке более склонны поддерживать гендерное равноправие, чем молодежь. Когорта молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет демонстрирует наиболее консервативные взгляды, а самая пожилая группа (те, кому больше 65 лет) – наиболее эгалитарные позиции в отношении гендерного равноправия.

Таблица 1. Линейная регрессия, зависимая переменная – поддержка гендерного равноправия¹

Intercept	0,17 (0,01) ***
Возраст_25–34	–0,01 (0,01)
Возраст_35–44	0,01 (0,01)
Возраст_45–54	0,01 (0,01) *
Возраст_55–64	0,03 (0,01) ***
Возраст_65+	0,04 (0,01) ***
Возраст_18–25 (опорная категория)	–
Образование_начальное	0,05 (0,01) ***
Образование_среднее	0,08 (0,01) ***
Образование_училище	0,10 (0,01) ***
Образование_бакалавр	0,12 (0,01) ***
Образование_магистр и выше	0,14 (0,01) ***
Образование_неграмотный (опорная категория)	–
Пол (женский)	0,12 (0,00) ***

¹ При подсчете R² на десяти импутированных базах данных использовался пакет Zelig в среде R [Kasuke, King, Lau, 2013], в данной операции применялся метод максимального правдоподобия.

Intercept	0,17 (0,01)***
Иордания	0,09 (0,01)***
Палестина	0,10 (0,01)***
Алжир	0,07 (0,01)***
Марокко	0,18 (0,01)***
Кувейт	0,16 (0,01)***
Ливан	0,26 (0,01)***
Йемен (опорная категория)	—
Коран_часто	0,02 (0,00)***
Коран_редко/не читаю	0,05 (0,01)***
Коран_ежедневно (опорная категория)	—
R ²	0,27
Adj. R ²	0,267
N	8122

*** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Как связана поддержка демократии с гендерными аттитюдами в арабо-мусульманских странах?

Для изучения связи поддержки демократии и гендерного равноправия был проведен кластерный анализ², согласно которому респонденты разделились на пять примерно равных категорий по отношению к этим двум вопросам. Результаты анализа (распределение респондентов по предпочтениям в двумерном пространстве) показаны на рис. 1. Кластер С объединяет респондентов, которые не демонстрируют четко выраженных позиций по отношению к демократии и гендерному равноправию. Респонденты, представленные в остальных кластерах, имеют значительный перевес в сторону поддержки или отрицания обоих концептов.

---

² Метод получения кластеров — k -means, оптимальное число кластеров предварительно получено с помощью разведывательного анализа, в данной процедуре принудительно задано как 5. Для стабильности результатов параметр random starts задан как 100.

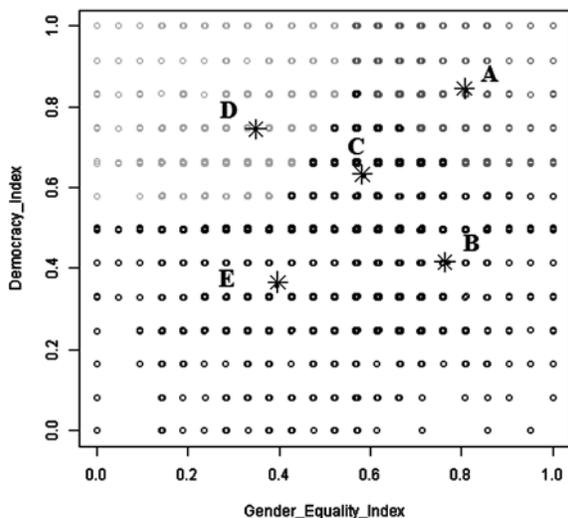

Рис. 1. Результаты кластерного анализа, точки – центры кластеров

Кто поддерживает гендерное равноправие и демократию в арабских обществах?

Для того чтобы определить базовые характеристики типичного представителя каждого из кластеров, были построены две отрицательные биномиальные регрессионные модели, в одной из которых анализировались демографические переменные, а в другой – страновые показатели³.

Распределение стран между кластерами неравномерно. Население Ливана и Марокко, например, демонстрирует схожие паттерны. Многие жители этих стран сосредоточены в верхнем правом кластере А, т.е. их представления о демократии и гендерном равноправии консистентны и либеральны, что приближает эту группу в ценностном отношении к жителям стран Западной

³ Сначала была составлена таблица частот с числом случаев для каждой комбинации демографических переменных. 5 кластеров × 2 пола × 6 возрастных групп × 6 групп по образованию = 360 возможных комбинаций для 8122 случаев. Отдельная отрицательная биномиальная регрессия была вычислена для семи стран и пяти кластеров. Такой тип регрессии был выбран в связи с Пуассоновским типом распределения зависимой переменной (частоты) и наличием избыточной дисперсии. Лучшая модель была выбрана методом step (search parameter = both).

Европы. Эти страны представлены и в других кластерах, кроме самого консервативного (*E*), но в значительно меньшей пропорции. Населения Ливана также практически нет в кластере *D* (поддержка демократии вкупе с отрицанием гендерного равноправия), похожие на Ливан результаты, однако с более слабыми коэффициентами, демонстрирует Кувейт. Палестина и Йемен могут быть объединены в одну группу, противоположную Марокко и Ливану. Эти страны лучше всего представлены в нижнем левом (самом консервативном) кластере. Палестинское население также представлено в центральном кластере *C*, а Йемен – в верхнем левом (*D*). Интересный паттерн наблюдается в Алжире: он появляется в нижнем левом и верхнем правом кластерах, что свидетельствует о значительной поляризации в обществе.

В самом либерально-демократическом кластере *A* ($N = 1384$, 17%) представлены преимущественно женщины старше 45 лет, в основном из Ливана и Марокко. Возрастная когорта 25–34 года в этом кластере почти отсутствует. Люди, поддерживающие и гендерное равноправие, и демократию на Арабском Востоке, чаще всего получили высшее образование. Кластер *B* ($N = 1084$, 13%) характеризуется высокой поддержкой гендерного равноправия и отрицанием демократии. В этой группе женщины встречаются значительно чаще мужчин, возраст незначим. Образование людей, доминирующих в этом кластере, в среднем ниже, чем в кластере *A* (значимо реже встречается высшее образование). Представители этого кластера проживают преимущественно в Иордании, их очень мало в Ливане, Марокко и Йемене.

Самый многочисленный (треть респондентов) центральный кластер *C* ($N = 2615$, 32%) объединяет людей, не тяготеющих ни к одному из полюсов в вопросах поддержки демократии и гендерного равноправия. Это преимущественно мужчины, многие из них принадлежат к аномальной когорте 25–34 года, на которую мы обратили внимание выше. Образовательные и страновые характеристики этого кластера идентичны кластеру *B*. Верхний левый кластер *D* ($N = 1468$, 18%) объединяет тех, кто поддерживает демократию, но выступает против гендерного равноправия. Этот случай не был предсказан теоретически (в рамках теории модернизации), а потому представляет особый интерес. Это преимущественно молодые мужчины от 18 до 34 лет, очень мало представителей поколений 45–65 лет. В этом кластере преобладает неграмотность (т.е. люди не окончили начальную школу), крайне мало людей с высшим образованием. Эти респонденты распределены равномерно между Йеменом и Кувейтом, очень малое число людей с такими взглядами происходит из Ливана, Марокко, Палестины или Алжира.

В самом консервативном кластере *E* ($N = 1571$, 19%) объединены люди, не поддерживающие ни гендерное равенство, ни демократию. Это в основном молодые мужчины в возрасте от 18 до 34 лет, представителей старших по-

колений (старше 55 лет) в нем почти нет. Образование в этой категории низкое (в основном средняя школа и училище), однако все же несколько выше, чем в предыдущем кластере *D*, почти нет людей с магистерской степенью. Представители этого кластера происходят не из Марокко и не из Кувейта, в Ливане их нет.

Также в модели обнаружено несколько интерактивных эффектов с полом – женщины выражают более либеральные взгляды в более развитых странах, тогда как в менее развитых обществах Арабского Востока они консервативнее мужчин.

Обсуждение

В данной статье мы анализировали отношение к гендерному равноправию в семи арабских обществах, используя такие предикторы, как степень религиозности и поддержка демократии, а также контролируя результаты по полу, возрасту и образованию. Результаты исследования показывают положительную связь возраста и гендерного эгалитаризма в изученных арабских обществах (Г1), что противоречит общемировому тренду. Этот эффект может стать отклоняющимся случаем в пересмотренной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Пожилые люди на Арабском Востоке придерживаются эгалитарных представлений о положении женщин, в то время как молодые, особенно люди в возрасте от 25 до 35 лет (на 2006 г., когда проводился опрос), наиболее консервативны. Женщины в арабских странах, включенных в выборку, продемонстрировали потребность в большем равноправии с мужчинами как в общественной, так и в частной жизни (Г2). Вместе с тем женщины демонстрируют такой же уровень поддержки демократии, как и мужчины.

Жители арабских стран, закончившие вузы, демонстрируют наиболее высокую поддержку гендерного равноправия (Г3) как в общественной, так и в частной жизни. Поддержка демократии связана с образованием нелинейно. Люди с самым низким и с самым высоким уровнем образования считают демократию наилучшей формой правления для их страны. Те, кто получил полное школьное образование или окончил двухгодичный колледж (аналог ПТУ), плохо относятся к этой политической системе.

Более религиозные люди (те, кто читает Коран чаще) менее склонны к либерализму в вопросах гендерных установок (Г4). Поддержка демократии (Г5) коррелирует с гендерным эгалитаризмом на очень низком уровне (коэффициент корреляции = 0,19), в некоторых странах связь положительная, в других – отрицательная. Кластерный и регрессионный анализ показали, что

в изучаемых обществах есть группа людей, поддерживающих демократию и гендерное равенство (таких 17%).

Выводы

При первичном анализе данных создается впечатление, что более образованные люди в арабском мире консервативнее по отношению к гендерному равноправию, чем те, кто учился меньше. Однако более глубокий анализ показывает, что этот эффект связан с возрастными различиями. В каждой отдельно взятой возрастной группе более образованные люди демонстрируют более либеральные взгляды на положение женщин. Это говорит о том, что процесс модернизации на Арабском Востоке, хотя и медленно, но происходит, идет урбанизация, молодежь значительно более образованна, чем старшие поколения.

Одновременно в регионе обнаруживается тенденция к архаизации. Молодые поколения, несмотря на более высокий (в целом) уровень образования, консервативнее представителей старших поколений. Этот тренд, противоречащий теоретическим ожиданиям, не наблюдается нигде в мире, кроме обществ этого региона. Особенно традиционалистских взглядов придерживаются люди, принадлежащие к когорте 1972–1982 гг. рождения.

Литература

Abu-Lughod L. Do Muslim Women Really Need Saving? Anthropological Reflections on Cultural Relativism and Its Others // *American Anthropologist*. 2002. No. 104/3. P. 783–790.

Afary J. The Human Rights of Middle Eastern & Muslim Women: A Project for the 21st Century // *Human Rights Quarterly*. 2004. No. 26/1. P. 106–125.

Ahmed L. Women and Gender in Islam: Historical Roots of a Modern Debate. New Haven: Yale University Press, 1992.

Alexander A. C., Welzel Ch. Islam and Patriarchy: How Robust Is Muslim Support for Patriarchal Values? // *World Values Research*. 2011. No. 4/2. P. 40–70.

Arab Barometer, 2012 <<http://www.arabbarometer.org>>.

Charrad M. M. Gender in the Middle East: Islam, State, Agency // *Annual Review of Sociology*. 2011. No. 37. P. 417–437.

Cherif F. M. Culture, Rights, and Norms: Women's Rights Reform in Muslim Countries // *The Journal of Politics*. 2012. No. 72/4. P. 1144–1160.

Cooke M. Women, Religion, and the Postcolonial Arab World // *Cultural Critique*. 2000. No. 45. P. 150–184.

- Filali-Ansary A.* The Languages of the Arab Revolutions // *Journal of Democracy*. 2012. No. 23/2. P. 5–18.
- Honaker J., King G., Blackwell M.* Amelia II: A Program for Missing Data // *Journal of Statistical Software*. 2011. No. 45/7. P. 1–47 <<http://www.jstatsoft.org/v45/i07/>>.
- Human Development Report, 2012 <<http://hdr.undp.org/en/2012-report>>.
- Inglehart R., Welzel Ch.* *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Inglehart R., Norris P.* *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Inglehart R.* *Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Jamal A., Tessler M.* Attitudes in the Arab World // *Journal of Democracy*. 2008. No. 19/1. P. 97–110.
- Keddie N.* The Past and Present of Women in the Muslim World // *Journal of World History*. 1990. No. 1/1. P. 77–108.
- Kosuke I., King G., Lau O.* Normal Regression for Continuous Dependent Variables // Kosuke I., King G., Lau O. *Zelig: Everyone's Statistical Software*, 2013 <<http://gking.harvard.edu/zelig>>.
- Moghadam V.* Engendering Citizenship, Feminizing Civil Society: The Case of the Middle East and North Africa // *Women and Politics*. 2003. No. 25/1, 2. P. 63–87.
- Moghadam V.* The Women's Movement in the Middle East and North Africa: Responding to Restructuring and Fundamentalism // *Women's Studies Quarterly*. 1998. No. 26/3, 4. P. 57–67.
- Mule P., Barthel D.* The Return to the Veil: Individual Autonomy vs. Social Esteem // *Sociological Forum*. 1992. No. 7/2. P. 323–332.
- Norris P., Inglehart R.* *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
- Rowley Ch.K., Smith N.* Islam's Democracy Paradox: Muslims Claim to like Democracy, so why do They Have so Little? // *Public Choice*. 2009. No. 139/3, 4. P. 273–299.
- Tessler M., Jamal A.* Political Attitude Research in the Arab World: Emerging Opportunities // *PS-Washington* 39/3. 2006. P. 433–443.
- Tessler M.* Islam and Democracy in the Middle East: The Impact of Religious Orientations on Attitudes towards Democracy in Four Arab Countries // *Comparative Politics*. 2002. No. 34. P. 337–354.
- Welzel Ch., Inglehart R.* Liberalism, Post-Materialism, and the Growth of Freedom // *International Review of Sociology*. 2005. No. 15/1. P. 81–108.

В.С. Магун

Институт социологии РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»,

Г.А. Монусова

Институт мировой экономики
и международных отношений
РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

ЛИЧНЫЕ УСИЛИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН¹

Введение

Научное сообщество наряду с констатацией успехов и преимуществ социального государства обращает внимание на серьезные проблемы. Растущая социальная нагрузка стала оказывать непомерное фискальное давление, увеличивая бюджетные дефициты и требуя высоких налогов. При этом государственные расходы практически достигли своего возможного потолка. Усугубилась проблема ослабления стимулов для экономической активности. Это сказалось на темпах роста производительности труда и, кроме того, социальное государство породило значительное число своих «клиентов», имеющих слабую заинтересованность в экономической активности и живущих за счет бюджетов [Reforming the State, 2001; Heckman, 2002; Lindbeck, Nyberg, 2006]. Критики социального государства обеспокоены тем, что снижение экономических стимулов разрушает трудовую мораль. Исследования показывают, что основания для беспокойства действительно есть [Corneo, 2012; Halla, Lackner, Schneider, 2010].

В приведенных выше рассуждениях предполагается, что связь между ожиданиями общественных благ от государства и личной трудовой активностью людей носит взаимно обратный характер. Между тем на страновом уровне мы наблюдаем, что сильное социальное государство обычно сопровождается как раз более высокими показателями трудовой мотивации и морали.

Так, Скандинавские страны, известные своей высокоразвитой системой социальной помощи и поддержки, отличаются в то же время и более высокой

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают признательность М.Г. Рудневу за ценные советы и замечания.

долей респондентов, желающих работать, если бы они не нуждались в деньгах; в развитых социальных государствах содержательные трудовые ценности доминируют над инструментальными [Hult, Svallfors, 2002; Gallie, 2007; Магун, 2006; Магун, Монусова, 2014]. Добавим также, что именно работники этих стран выказывают наиболее высокую готовность платить налоги, т.е. вносить свой вклад в (пере)распределяемые государством общественные блага [Монусова, 2012], и именно здесь наблюдается самый высокий уровень занятости, что напрямую свидетельствует о трудовой активности [OECD Stat Extracts].

Население же постсоциалистических стран, где государство обладает значительно меньшими ресурсами для социальной поддержки², вовсе не демонстрирует сильной приверженности труду и высокой трудовой морали. Здесь низкая доля респондентов, соглашающихся работать, если бы они не нуждались в деньгах, высокая доля тех, у кого инструментальные ценности труда преобладают над содержательными, низкий уровень удовлетворенности трудом и слабая готовность к софинансированию государственной социальной политики.

Приведенные факты показывают, что на страновом уровне взаимосвязи между предрасположенностью к получению государственной социальной поддержки и готовностью людей к личной трудовой активности могут быть и прямыми: с ростом ориентации на социальную поддержку готовность к активности может усиливаться и, наоборот, со снижением этой ориентации готовность к собственным усилиям будет ослабевать.

Задача данной работы — проверить это предположение. В качестве показателя ориентации людей на социальную поддержку используются их нормативные высказывания, осуждающие получение незаработанных денег, в качестве показателей готовности к личным усилиям — нормативные суждения о личной (противопоставляемой государственной) ответственности за собственное материальное обеспечение, а также суждения о ценности самореализации и трудовых результатов.

Базы данных, выборки и используемые показатели

Исследование построено на анализе данных межстрановых опросов, их названия указаны ниже вместе с формулировками соответствующих вопросов анкеты.

---

² Согласно данным Eurostat, в 2010 г. расходы на социальную защиту составляли более 33% ВВП во Франции, в Дании, в Нидерландах и около 18% ВВП — в Латвии, Болгарии, Румынии, Эстонии, Словакии.

1. **Европейское исследование ценностей (European Values Study – EVS-2008)**³, все население, $N = 63381$, 43 страны.

Вопрос А) *Люди сами должны нести большие ответственности за то, чтобы себя обеспечить, или государство должно нести большие ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены?* Шкала от 1 – «государство должно...» до 10 – «люди сами должны...»⁴.

Вопрос Б) Скажите, в какой степени Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: «Унизительно получать деньги, не зарабатывая их?» Шкала от 1 – «совершенно не согласен» до 5 – «полностью согласен».

В обоих этих суждениях присутствуют нормативные взгляды, касающиеся роли внешних источников благосостояния. В первом случае они введены, чтобы определить нормативные предпочтения респондентов, которым предлагается сравнить норму личной и государственной ответственности. Во втором же случае респондента просят указать не то, какой из вариантов он предпочитает, а то, в какой мере он осуждает обращение к внешним источникам благосостояния.

2. **Европейское социальное исследование (European Social Survey – ESS-2008)**⁵, все население, $N = 58700$, 30 стран.

Согласие с нормой личного участия в формировании общественных фондов, из которых государство берет ресурсы для осуществления социальной поддержки, измеряется следующим вопросом: «*Многие социальные пособия, льготы и услуги оплачиваются за счет налогов. К какому варианту Вы больше склоняетесь: чтобы у нас увеличили налоги, и государство стало больше тратить на социальные пособия, льготы и услуги, ИЛИ чтобы снизили налоги, и государство меньше тратило на социальные пособия, льготы и услуги?*». Для ответа используется 11-балльная шкала, где «0» означает одновременное уменьшение налогов и социальных расходов («существенно уменьшить налоги и гораздо меньше тратить на социальные пособия, льготы и услуги»), а «10» – их совместное увеличение («существенно увеличить налоги и гораздо больше тратить на социальные пособия, льготы и услуги»).

3. **Европейское социальное исследование (European Social Survey – ESS-2010)**, население, работающее по найму, $N = 18922$, 26 стран.

В анкете ESS-2010 содержался вопрос, нацеленный на фиксацию трудовых ценностей. Респондент должен был выбрать две ценности из шести, вопрос звучал следующим образом: «*Какова основная причина, почему вы ста-*

---

³ См.: <www.europeanvaluesstudy.eu>.

⁴ Для удобства восприятия направление шкалы изменено, в сравнении с анкетой, на противоположное.

⁵ См.: <www.europeansocialsurvey.org>.

раетесь хорошо работать на своей работе?». О ценности личной трудовой активности свидетельствует выбор варианта «желание получить удовлетворение от того, что удалось чего-то достичь».

Результаты

Ценности и нормы личной активности и пользования общественными ресурсами

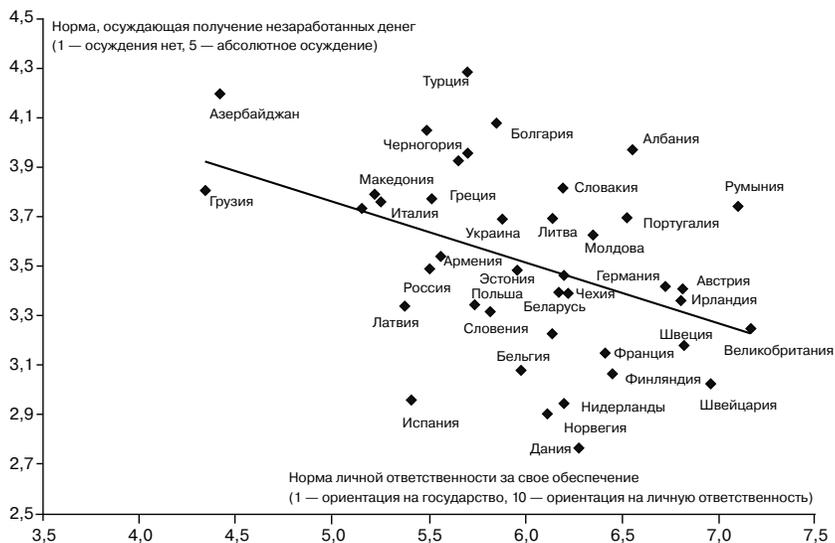
Рассмотрим соотношение нормы индивидуальной ответственности за свое материальное обеспечение и нормы, не одобряющей получение незаработанных денег.

Данные Европейского исследования ценностей показывают, что в среднем респонденты из Скандинавских стран в большей мере, чем респонденты из других европейских стран, ориентированы на индивидуальную ответственность, но меньше других склонны считать унизительным получение незаработанных денег. Респонденты же из постсоциалистических стран ориентированы на государственную ответственность и в то же время получение незаработанных денег считают унизительным.

На рис. 1 европейские страны размещены в пространстве двух переменных: по горизонтальной оси отложены доли респондентов, ориентированных на индивидуальную ответственность, а по вертикальной — доли респондентов, считающих унизительным получать незаработанные деньги. Наблюдается отрицательная зависимость между указанными переменными: респонденты, считающие, что человек сам должен себя обеспечивать, не относятся к возможности получать незаработанные деньги негативно.

Интуитивно кажется, что анализируемые ответы должны быть связаны по-иному: те, кто возлагает ответственность за обеспечение граждан на государство, должны считать, что получать незаработанные деньги неунизительно, и, напротив, те, кто возлагает ответственность на самих людей, скорее, должен оценивать получение незаработанных денег как унизительную акцию.

Для доказательства устойчивости обнаруженных взаимосвязей приведем результаты сопоставления страновых значений еще одной пары переменных. В качестве индикатора личной ответственности в данном случае выбрано «желание получить удовлетворение от достигнутого результата» как причина хорошо работать. На рис. 2 по горизонтальной оси отложены страновые доли респондентов, ценящих трудовой результат и связанные с ним личные трудовые усилия, а по вертикальной — доли респондентов, считаю-

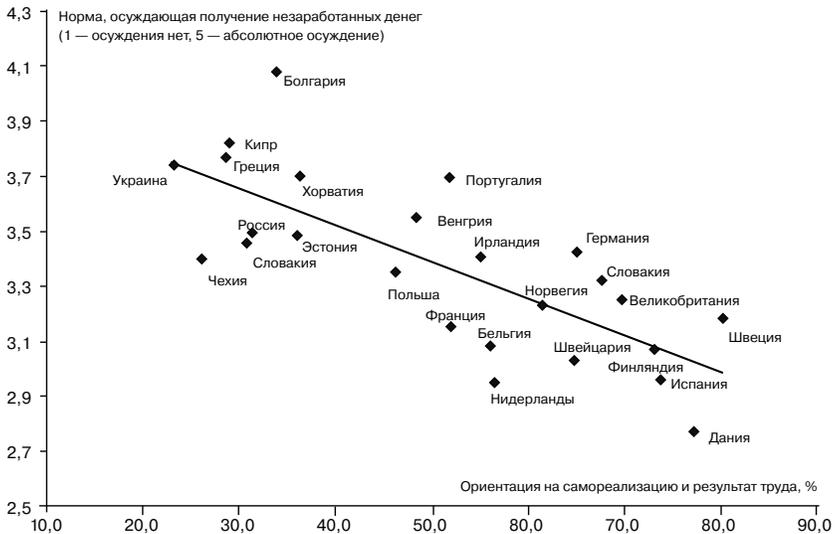
Рис. 1. Норма личной ответственности за свое обеспечение (среднее значение; шкала от 1 — «государство должно...» до 10 — «люди сами должны») и норма, осуждающая получение незаработанных денег (среднее значение; шкала от 1 — «нет осуждения получения незаработанных денег» до 5 — «абсолютное осуждение», EVS-2008), $r = -0,42$, данные по 38 европейским странам, все население

ших унизительным получать незаработанные деньги. И снова наблюдается обратная зависимость между указанными переменными: в странах, где люди существенно меньше ориентируются на результативный труд, более сильно выражено осуждение нетрудовых доходов.

Эта взаимосвязь тоже кажется неожиданной: люди терпимо относятся к нетрудовым доходам и в то же время приоритетным в своем отношении к труду называют удовлетворение от достижения трудовых результатов.

Впечатление неожиданности этих межстрановых взаимосвязей усиливается еще и тем, что внутри стран *межиндивидуальные* корреляции между нормой предпочтения личной/государственной ответственности и нормой, осуждающей получение незаработанных денег, носят вполне ожидаемый характер: большая величина возлагаемой на государство ответственности сопровождается низкой степенью осуждения факта получения незаработанных денег.

Итак, парадоксальные взаимосвязи, отображенные на рис. 1 и 2, при- сущи именно межстрановому уровню, и чтобы понять их причины, следует

Рис. 2. Ценность удовлетворения от результата труда (% выбравших эту ценность, ESS-2010) и норма, осуждающая получение незаработанных денег (среднее значение; шкала от 1 – «нет осуждения получения незаработанных денег» до 5 – «абсолютное осуждение», EVS-2008), $r = -0,75$; люди, работающие по найму из 25 европейских стран

обратить внимание на характеристики тех стран, которым присущи те или иные сочетания рассматриваемых признаков. Ценностно-нормативная ориентация на личные трудовые усилия и личную ответственность в сочетании с готовностью принимать «незаработанную» помощь характерна в основном для Скандинавских и западноевропейских стран, а отказ от личных усилий и негативное отношение к получению незаработанных денег характерны, в основном для постсоциалистических и Средиземноморских стран.

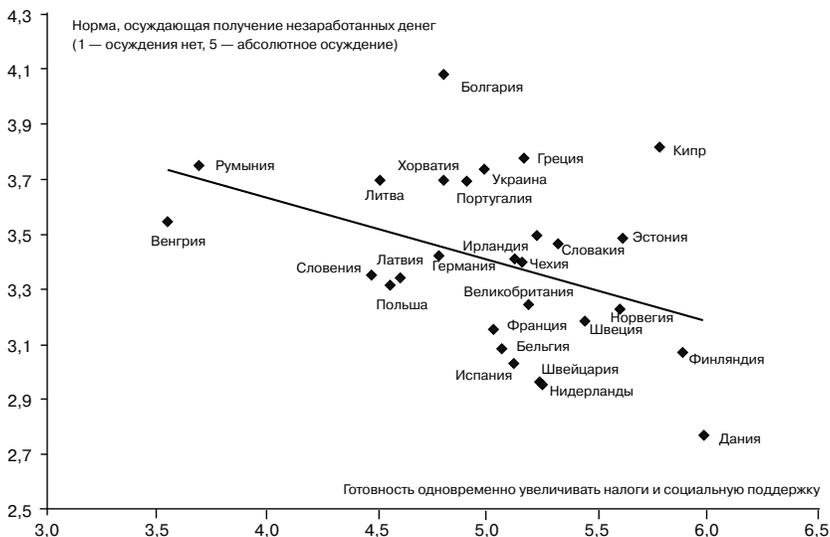
Напомним, что масштабы государственной социальной политики в этих странах заметно различаются, в западно- и североевропейских странах ресурсы, направляемые государством на социальную поддержку, значительно превосходят те ресурсы, которые тратятся на эти цели в постсоциалистических и Средиземноморских странах [EUROSTAT, 2010]. Можно предположить, что данные различия и отражаются в сознании работающих жителей этих стран.

В странах с высоким уровнем государственной социальной поддержки блага, производимые самим работником, и блага, предоставляемые извне, не воспринимаются им как нечто отдельное и противостоящее друг другу. Люди рассматривают свою трудовую деятельность в контексте генерализованного социального обмена, выходящего за рамки конкретной корпорации, с которой они аффилированы, в «большое общество». Они ясно осознают, что часть производимого ими продукта идет в «общий котел» и, соответственно, значительная часть их благосостояния обеспечивается за счет общественных благ, (пере)распределяемых государством. В этой ситуации появление нормы, разрешающей пользоваться этими общественными благами («незаработанными деньгами»), является более чем естественным. С другой стороны, сознание социальной защищенности позволяет человеку меньше беспокоиться о потере работы и заработка и сосредоточить свое внимание на результативности своего труда.

Данное предположение подтверждается прямыми сопоставлениями трудовых ценностей и показателем, характеризующим масштабы предоставления общественных благ. Как и ожидалось, доля социальных расходов в ВВП страны дает значимые положительные корреляции с долей людей, выбравших в качестве приоритетной трудовой ценности удовлетворение от результата труда (0,73), интересной работы и общественной пользы (0,52), и отрицательные корреляции – с ценностью сохранения рабочего места (-0,49), а также заработка/продвижения (-0,80).

Связующим звеном между ценностно-нормативными ориентациями на личные трудовые усилия и нормой, разрешающей использование нетрудовых доходов, выступает представление человека о том, что активно работая для обеспечения своего благосостояния, он в то же время делится продуктами своего труда с другими, внося свой вклад в формирование общественных благ. Готовность делиться выражается в готовности платить налоги, и можно проверить этот ход рассуждений, посмотрев, как жители разных стран связывают в своем сознании готовность платить налоги и норму, разрешающую получение незаработанных денег.

На рис. 3 по горизонтальной оси отложены доли респондентов, выражающих готовность платить большие налоги при условии увеличения государственной социальной поддержки, а по вертикальной – доли респондентов, считающих унизительным получать незаработанные деньги. Как и следовало ожидать, существует обратная зависимость: в странах, где люди склонны платить более высокие налоги в обмен на получение большего объема общественных благ, слабее выражена и норма, осуждающая получение незаработанных денег.

Рис. 3. Готовность к софинансированию социальной политики (шкала: 0 — уменьшить налоги и сократить социальные расходы, 10 — увеличить налоги и увеличить социальные расходы, ESS — 2008) и норма, осуждающая получение незаработанных денег (среднее значение; шкала от 1 — «нет осуждения получения незаработанных денег» до 5 — «абсолютное осуждение», EVS-2008), $r = -0,40$; данные по 27 европейским странам, все население

Ценностно-нормативные феномены и социальное государство: многоуровневый регрессионный анализ

Проверим гипотезы о том, что высокий уровень социальных расходов государства (предположительно через представления людей о «генерализованном социальном обмене» или «социальном контракте») способствует поддержке среди занятого населения высокой значимости трудового результата, нормы личной ответственности человека за свое обеспечение (против нормы возложения ответственности на государство) и ослаблению нормы, осуждающей получение незаработанных денег⁶.

⁶ Мы отдаем себе отчет, что возможно и обратное влияние: готовность людей к личным усилиям приводит к росту благосостояния страны, что дает возможность увеличить социальные расходы.

Многоуровневый регрессионный анализ позволяет проверить влияние интересующей нас страновой характеристики, контролируя индивидуальные свойства респондентов. В качестве зависимых переменных последовательно рассмотрим норму личной ответственности за свое обеспечение, ценность самореализации и результата труда и норму, осуждающую получение незаработанных денег (нетрудовых доходов)⁷.

В качестве независимых переменных на индивидуальном уровне выступают социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, уровень образования, наличие семьи, доход, опыт получения пособий, в том числе по безработице). На групповом уровне используется страновая переменная, позволяющая проверить гипотезу о щедрости социального государства, измеряемой через долю социальных расходов в ВВП страны.

Используя технику многоуровневого регрессионного анализа, мы начали с нулевой (empty) модели для каждой зависимой переменной. Внутриклассовый коэффициент корреляции (ICC), который показывает, в какой мере наши зависимые переменные объясняются межстрановыми различиями, равен 0,07 в случае нормы личной ответственности, 0,15 – в случае ценности трудового результата и 0,10 – в случае нормы, осуждающей нетрудовые доходы.

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Все модели статистически значимы.

Образованные обеспеченные мужчины придерживаются нормы индивидуальной ответственности человека за свое материальное обеспечение, а также привержены ценности трудовых результатов. Таким образом, принадлежность к одним и тем же социально-демографическим группам ориентирует людей и на личную ответственность, и на ценности трудовой активности и самореализации. И эти же группы (за вычетом гендерной составляющей) заявляют о том, что не считают унизительным получать незаработанные деньги.

Опыт получения пособий снижает норму личной ответственности. Аналогичным образом опыт безработицы, которая, как правило, сопровождается получением пособия, снижает значимость самореализации и личного трудового результата.

В то же время опыт получения человеком пособий снижает и значимость нормы, осуждающей получение незаработанных денег, что можно понять,

---

⁷ Норма личной ответственности за свое обеспечение и норма, осуждающая получение незаработанных денег, анализируются на выборке, включающей все население. Ценность самореализации и трудового результата анализируется на выборке, включающей только население, работающее по найму.

поскольку норма, осуждающая подобный процесс, вносила бы в сознание этих людей диссонанс⁸.

Регрессионные коэффициенты, характеризующие влияние доли социальных расходов в ВВП, подтверждают нашу гипотезу о социальном контракте, присутствующем в массовом сознании жителей стран с сильным социальным государством. Увеличение доли социальных расходов, с одной стороны, усиливает ценность результативной трудовой активности и норму индивидуальной ответственности, а с другой – способствует толерантному отношению к получению незаработанных денег. Социальные институты сильных социальных государств «связывают» в представлениях людей норму индивидуальной материальной ответственности, ценность достижения высоких трудовых результатов, готовность платить налоги и, соответственно, готовность с достоинством принимать государственную социальную помощь. Люди трудятся и во имя собственного блага, и на благо государства, понимая, что государство их в случае необходимости поддержит.

Важно подчеркнуть, что два родственных показателя социальной поддержки влияют на норму личной ответственности прямо противоположным образом. *Индивидуальный* опыт получения человеком пособий влияет противоположно тому, как влияет *страновая* доля социальных расходов в ВВП.

На *индивидуальном* уровне анализа, т.е. когда мы изучаем индивидов, как бы освобожденных от влияний, порожденных различиями стран по уровню социальных расходов и другим релевантным страновым характеристикам, подтверждается позиция критиков welfare state, а именно: опыт получения индивидом пособий действительно снижает его приверженность норме личной ответственности и ценности самореализации и личного трудового результата. На уровне же *межстранового* анализа, когда анализируются влияния на нормативные взгляды жителей разных стран, вызванные *межстрановыми* различиями, доля средств, идущих в стране на социальные расходы, сопровождается более высокими значениями нормы личной ответственности и повышением значимости самореализации и личного трудового результата.

---

⁸ Возможны, конечно, и обратные влияния: слабое чувство личной ответственности или сознание правомерности получения незаработанных денег, или слабая ориентация на трудовые результаты могут повышать вероятность получения человеком пособий.

Таблица 2. Коэффициенты многоуровневых регрессий

	Тип модели и зависимая переменная:		Линейная регрессия: норма личной ответственности за свое обеспечение (1 – ответственность государства, 10 – личная ответственность)	Логистическая регрессия: ценность самореализации и трудового результата (1 – выбор ценности самореализации и результата труда; 0 – отсутствие выбора этой ценности)	Линейная регрессия: норма, ожидающая получение незаработанных денег (1 – нет осуждения; 5 – абсолютное осуждение)
	Линейная регрессия:	Логистическая регрессия:			
Фиксированные эффекты					
<i>Эффекты индивидуального уровня</i>					
Пол респондента (муж. – 1, жен. – 0)	0,23***	0,08**			-0,004
Возраст: до 30 лет – контрольная группа					
30–49 лет	-0,10***	0,007			0,05***
50+	-0,08**	0,037			0,23***
Наличие третьего образования					
	0,14***	0,50***			-0,07***
Наличие партнера					
	-0,01	0,56***			0,07***
Статус занятости: занятые – контрольная группа					
Безработные	-0,28***	-			-0,13***
Неактивные	-0,08**	-			-0,03**
Самооценка семейного дохода (1 – доход достаточный; 0 – испытывают финансовые трудности) ^г					
	-	0,40***			-
Сравнительная величина семейного дохода: доход низкий ^{гг} – контрольная группа					
Доход средний	0,23***	-			-0,01
Доход высокий	0,50***	-			-0,05***

Опыт получения пособий (есть – 1, нет – 0)	-0,31***		-0,20***	-0,11***
Опыт безработицы (есть – 1, нет – 0)				
<i>Эффекты странового уровня</i>				
Доля социальных расходов в ВВП	0,05***		0,11***	-0,04***
Общие характеристики модели				
Остаточная межстрановая дисперсия	0,35***		0,29***	0,09***
Остаточная индивидуальная дисперсия	6,73***		–	1,26***
Уровень стран: R ² (% объясненной межстрановой дисперсии)	17%		52%	31%
Уровень индивидов: R ² (% объясненной индивидуальной дисперсии)	2%		–	2%
ICSS	0,07		0,15	0,10
Число наблюдений	42712		18922	42750
Число стран ^{###}	38		26	38
База данных	EVS–2008		ESS–2010	EVS–2008

* $p < 0,10$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

[#] «Достаточный» семейный доход включает два варианта ответов: «живем на этот доход, не испытывая материальных трудностей» и «этого дохода нам в принципе хватает». «Испытывают финансовые трудности» включает два варианта ответов: «жить на такой доход довольно трудно» и «жить на такой доход очень трудно».

^{##} Учитывается сравнительная (внутри страны) величина фактического дохода семьи, сообщенная респондентом.

^{###} Выборка EVS-2008 в регрессионном анализе включает 38 стран, по которым есть сопоставимые данные о доле социальных расходов в ВВП.

Литература

Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 45–74.

Магун В.С., Монусова Г.А. Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / отв. ред. Е.Г. Ясин. Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.

Монусова Г.А. Социальная политика в европейском общественном мнении: субъективный контракт между обществом и государством // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 127–151.

Corneo G. Work Norms and the Welfare State // CESifo Economic Studies. 2012. No. 58 (4). P. 599–625.

EUROSTAT <<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home>>.

Gallie D. Welfare Regimes, Employment Systems and Job Preference Orientations // European Sociological Review. 2007. Vol. 23. No. 3. P. 279–293.

Halla M., Lackner M., Schneider F. An Empirical Analysis of the Dynamics of the Welfare State: The Case of Benefit Morale // Discussion Paper. No. 4165, IZA, May 2009.

Heckman J. The Viability of the Welfare State // UCD Geary Institute Discussion Paper Series. Geary WP/4/2009. University College Dublin. Geary Institute, 2009.

Hult C., Svallfors S. Production Regimes and Work Orientations: A Comparison of Six Western Countries // European Sociological Review. 2002. No. 18. P. 315–331.

Lindbeck A., Nyberg S. Raising Children to Work Hard: Altruism, Work Norms and Social Insurance // Quarterly Journal of Economics. 2006. No. 101. P. 1473–1503.

OECD Stat Extracts <<http://stats.oecd.org/>>.

Reforming the State / J. Kornai, S. Haggard, R. Kaufman (eds). Cambridge University Press. UK, 2001.

А.А. Миронова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ВЛИЯНИЕ ДОВЕРИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ИНДИВИДА

Доверие представляет собой важнейший феномен социально-экономической реальности современного мира. Его значимость трудно переоценить, так как доверие является необходимым условием для любого социального действия, начиная от заключения контракта и заканчивая воспитанием ребенка.

Как показывают исследования [Гудков, 2012], уровень доверия в России остается низким, что препятствует здоровому развитию российского общества. Существует множество подходов к определению понятия доверия, которые варьируются в зависимости от ракурса исследования. С социологической точки зрения доверие можно определить как ожидание относительно поведения индивида или группы лиц в будущем в условиях неопределенности и риска. В данном исследовании доверие рассматривается как элемент социального капитала. Говоря о доверии как о базовом элементе социального капитала, Ф. Фукуяма [Культура имеет значение..., 2002] понимает под ним ожидание членов сообщества того, что остальные его члены будут вести себя относительно предсказуемо и честно, соблюдая некоторые общие правила. Согласно подходу Фукуямы, «социальный капитал можно определить как свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом». Доверие в данном контексте выполняет роль «смазки», которая сглаживает шероховатости и позволяет механизму функционировать более эффективно. Фукуяма отмечает, что хотя определенным запасом социального капитала обладает любое общество, значительные различия между ними обусловлены именно радиусом доверия [Там же]. Радиус доверия включает круг людей (или социальных групп), которые входят в систему доверительных отношений. Чем шире радиус доверия, тем выше экономическая эффективность в данном обществе.

Дж. Коулман, используя методологию рационального выбора в контексте концепции социального капитала, говорит о доверии как одном из типов рационального социального действия. При этом под отношениями доверия он понимает объединение риска при принятии решений. Коулман подчеркивает важность доверия как фундамента общественных институтов. Например, он пишет о том, что «невозможно представить себе существование ассоциаций касс взаимопомощи, успешно функционирующих в городских районах, отличающихся высокой степенью социальной разобщенности или, другими словами, дефицитом социального капитала» [Коулман, 2001]. Когда отношения доверия переходят на макроуровень, они формируют систему доверия, где играют роль нормативных предписаний в системных отношениях.

С другой стороны, доверие является формой адаптации людей к социальной среде. Т.П. Скрипкина отмечает, что «доверие осуществляет функцию связи человека с миром в единую систему, способствует слиянию прошлого, настоящего и будущего в целостный акт жизнедеятельности; создает эффекты целостности бытия человека, личности, взаимодействия человека с миром; устанавливает меру соответствия поведения человека, принятого решения, целей, поставленных задач как миру, так и самому себе» [Скрипкина, 1997]. Другими словами, степень доверия индивида к окружающей социальной среде определяет его восприятие реальности, уровень удовлетворенности этой реальностью.

Влияет ли уровень доверия на степень удовлетворенности жизнью и каково это влияние – вот основные проблемы, затрагиваемые в данной статье.

Таким образом, цель настоящего исследования сводится к тому, чтобы выявить характер влияния доверия как элемента социального капитала на уровень субъективного благополучия. Основная гипотеза исследования состоит в следующем: доверие как важнейший элемент социального капитала положительно связано с удовлетворенностью жизнью.

Методика исследования

Эмпирической основой исследования стало Исследование ценностей в двух федеральных округах Российской Федерации, проведенное Институтом сравнительных исследований (ЦЕССИ) летом 2012 г. Исследование было инициировано Международной лабораторией социокультурных исследований Высшей школы экономики. В рамках данного исследовательского про-

екта осуществлялся сбор информации о взглядах и ценностях россиян в двух федеральных округах – Центральном и Северо-Кавказском.

Полученные данные представляют собой многоступенчатую (три ступени) территориальную случайную вероятностную выборку, которая репрезентативна для населения двух рассматриваемых регионов. В качестве генеральной совокупности выступает все население обоих федеральных округов 18–60 лет включительно, проживающее в местах, предназначенных для постоянного размещения населения – жилых домах, общежитиях и т.п. в период проведения опроса (наличное население). В генеральную совокупность не включаются лица, временно находящиеся на территории федеральных округов, а также институциональные поселения (военные части, места заключения, места временного проживания: гостиницы, дома отдыха, больницы и т.п.).

Эффективный размер выборки составил 2061 интервью: 1026 интервью в Центральном федеральном округе и 1035 интервью в Северо-Кавказском федеральном округе. Выборка строилась независимо в каждом из федеральных округов, но при этом использовался один и тот же дизайн (принципы построения) выборки.

Анкета для опроса была создана авторским коллективом Международной лаборатории социокультурных исследований Высшей школы экономики [Сопроводительная записка..., 2012].

Инструментарий исследования и переменные

Выдвинутая гипотеза проверялась на основе анализа причинно-следственных связей между зависимыми и независимыми переменными. Моделирование осуществлялось с помощью программ AMOS (Analysis of Moment Structure – анализ структур моментов).

AMOS реализует особую методологию анализа данных под названием SEM (Structural equation modeling – моделирование структурными уравнениями или каузальное моделирование). Каузальное моделирование представляет собой дедуктивный метод проверки априорных гипотез на их соответствие эмпирическим данным на основе критерия максимального правдоподобия [Наследов, 2013].

В качестве зависимых переменных измерительной модели выступают:

1. Удовлетворенность жизнью – латентная переменная, основанная на утверждениях анкеты F 1.1, F 1.2, F 1.3, F 1.4, F 1.5 (по шкале Э. Динера [Dinner, 1985]) (табл. 1).

2. *Удовлетворенность работой* – латентная переменная, основанная на утверждениях анкеты G16_new, G17, G18 (опросник European Social Survey) (см. табл. 1). В связи с тем что в модель была включена переменная, измеряющая удовлетворенность работой, выборка ограничивалась только теми респондентами, у которых была работа.

В качестве независимых переменных модели выступили различные виды доверия. Говоря о доверии как элементе социального капитала, можно выделить три основных его вида – общее (всем в целом), социальное (окружению, соседям, коллегам) [Putnam, 2001] и институциональное (различным социальным институтам) [Fukuyama, 1999]. Независимые переменные, так же как и зависимые, являются латентными и строятся на основе наблюдаемых переменных – утверждений анкеты (утверждения анкеты разработаны сотрудниками Международной лаборатории социокультурных исследований). В качестве независимых переменных выступают:

1. *Общее доверие* (доверие людям в целом) – на основе наблюдаемых переменных B1.1, B1.2 (см. табл. 1).

2. *Социальное доверие* (доверие коллегам, соседям, представителям других этнических групп) – на основе наблюдаемых переменных B1.3, B1.4, B1.5 (см. табл. 1).

3. *Институциональное доверие* (доверие органам федеральной, региональной, городской власти) – на основе наблюдаемых переменных B1.6, B1.7, B1.8 (см. табл. 1).

Результаты исследования

В табл. 1 приведена дескриптивная статистика наблюдаемых переменных, включенных в модель. Все переменные являются порядковыми. Чем выше значение переменной, тем в большей степени респондент соглашался с приведенным утверждением.

Проанализируем частотные распределения наблюдаемых переменных, включенных в модель.

Большая часть респондентов с недоверием относится к окружающим людям: 43,3% выразили недоверие и лишь 28,7% согласились с тем, что большинству людей можно доверять. Аналогичная ситуация с уверенностью в честности окружающих – 49,1% респондентов не верят в честность окружающих, 28,7% выразили неоднозначную позицию на этот счет и лишь 22,2% считают, что окружающие люди поступают честно. Таким образом, можно говорить о невысоком уровне общего доверия.

Таблица 1. Основные характеристики наблюдаемых переменных, включенных в модель

	N (число наблюдений)	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
V1.1 Большинству людей можно доверять	2032	1	5	2,79	1,053
V1.2 Большинство людей всегда поступают честно	2028	1	5	2,64	1,012
V1.3 Я доверяю своим коллегам по работе	1823	1	5	3,26	,939
V1.4 Я доверяю своим соседям	2017	1	5	3,25	,979
V1.5 Я доверяю людям других национальностей	2048	1	5		
V1.6 Я доверяю органам федеральной власти	1981	1	5	2,73	1,054
V1.7 Я доверяю региональным органам власти	1976	1	5	2,71	1,061
V1.8 Я доверяю властям города/ района, в котором я живу	1969	1	5	2,70	1,086
V2.1 То, что вокруг живут люди разных национальностей, делает жизнь лучше	1996	1	5	3,12	1,022
V2.2 Я не против того, чтобы жить среди людей разных национальностей	2011	1	5	3,35	1,024
G17 Насколько Вы удовлетворены своей основной работой?	1229	0	10	5,83	2,488
G18 Насколько Вы удовлетворены соотношением времени, которое Вы тратите на работу, и времени, которое Вы посвящаете другим сторонам Вашей жизни?	1224	0	10	5,44	2,493
G16_new Я считаю, что моя зарплата соответствует затрачиваемым мной усилиям и результатам моей работы	1211	1	5	2,87	1,096
F1.1 В целом моя жизнь близка к идеалу	2027	1	7	3,61	1,514
F1.2 У меня отличные условия жизни	2034	1	7	3,82	1,513
F1.3 Я доволен (льна) своей жизнью	2031	1	7	4,24	1,535
F1.4 У меня уже есть все, что я считаю наиболее важным в жизни	2030	1	7	3,97	1,612
F1.5 Если бы я мог(ла) прожить свою жизнь заново, я бы почти ничего не изменил(ла)	1980	1	7	3,88	1,743

Ситуация с социальным доверием обстоит более позитивно: своим коллегам по работе в той или иной степени доверяют 45,5% опрошенных, соседям – 46,2%, людям других национальностей – 32,2%. В той или иной степени не доверяют своим коллегам 20,4%, соседям – 22,6%, людям других национальностей – 30,7%.

Среди ответов относительно институционального доверия преобладают негативные оценки – большинство людей не склонны доверять органам государственной власти различных уровней. Органам федеральной власти не доверяют 43,9% опрошенных, органам региональной власти – 44,4%; с доверием к федеральной власти относятся 25,3% респондентов, к органам региональной власти – 25,4%.

Большинство респондентов в целом скорее удовлетворены своей работой. Удовлетворенность соотношением времени, затрачиваемого на работу и на другие сферы жизни, находится примерно на среднем уровне. Относительно удовлетворенности уровнем заработной платы опрошенные несколько чаще дают низкую оценку – заработной платой не удовлетворены 38,2%, удовлетворены, соответственно, 28,9%, многие респонденты затрудняются однозначно ответить на данный вопрос – 32,9%.

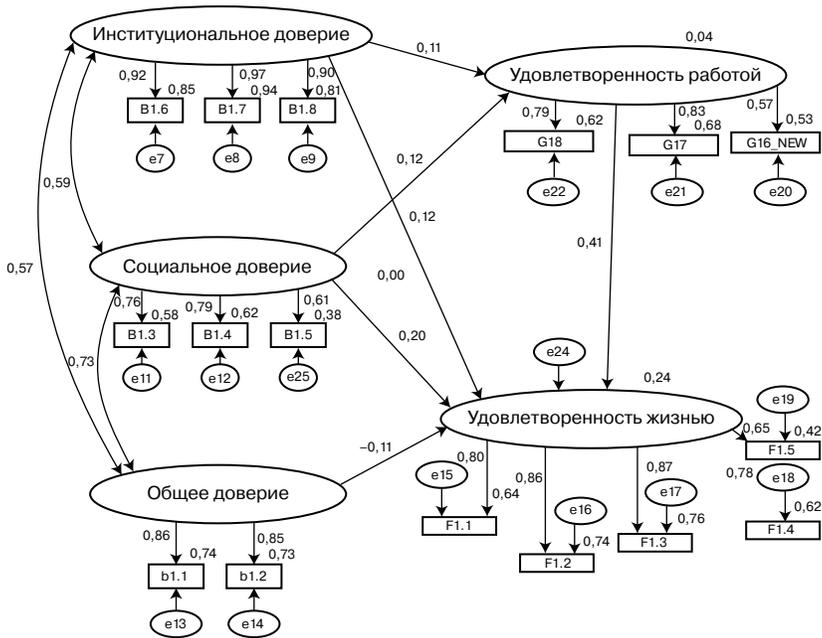
В качестве компонентов удовлетворенности жизнью выступали пять переменных: «В целом моя жизнь близка к идеалу», «У меня отличные условия жизни», «Я доволен своей жизнью», «У меня уже есть все, что я считаю наиболее важным в жизни», «Если бы я мог прожить свою жизнь заново, я бы почти ничего не изменил». Однако частотные распределения по большинству из этих вопросов не дают возможности сделать однозначный вывод. Определенная тенденция прослеживается в распределении переменной, отражающей удовлетворенность жизнью («Я доволен своей жизнью»), – чем выше оценка удовлетворенности жизнью, тем большее число респондентов поддержало данный ответ (за исключением наивысшей оценки удовлетворенности жизнью).

С помощью моделирования структурными уравнениями была проверена *основная гипотеза исследования*: уровень доверия положительно связан с удовлетворенностью жизнью.

Для проверки данной гипотезы были построены две модели: первая – модель частичной медиации (рис. 1), где доверие влияет на удовлетворенность жизнью напрямую, а также через посредство удовлетворенности работой; вторая модель – модель полной медиации (рис. 2), где влияние доверия полностью опосредовано удовлетворенностью работой.

В рамках анализа удовлетворенности жизнью в данном исследовании особая роль отводится удовлетворенности работой. С учетом того, что большую часть времени в состоянии бодрствования человек проводит на рабочем

месте, логично предположить, что удовлетворенность работой сильно влияет на удовлетворенность жизнью в целом. В зарубежной литературе есть исследования, свидетельствующие о том, что такие нефинансовые характеристики работы, как доверие к «рабочему месту», имеют существенное значение для удовлетворенности работой [Helliwell, Huang, 2005]. Важность доверия к «рабочему месту» обусловлена тем, что его высокий уровень обеспечивает чувство безопасности, которое выступает в роли нормального блага для работника.

Рис. 1. Модель связи между уровнем доверия и удовлетворенностью жизнью (модель частичной медиации)

В табл. 2 приведены показатели качества построенных моделей. χ^2 – статистический критерий для проверки гипотезы о том, что наблюдаемая случайная величина подчиняется некоему теоретическому закону распределения. Df (degrees of freedom) представляет собой показатель числа степеней свободы, т.е. число независимых (свободно определяемых) величин в данной статистической задаче. При одном и том же числе переменных модели чем выше Df , тем более экономно и лаконично модель отражает данные, тем

выше объяснительная ценность модели. *CFI* (Comparative fit index) представляет собой критерий согласия модели. При *CFI* не менее 0,95 модель характеризуется хорошим согласием, при *CFI* не менее 0,9 – приемлемым согласием. *RMSEA* (Root mean square error of approximation) – квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации. При *RMSEA* не более 0,05 модель характеризуется хорошим качеством, не более 0,08 – приемлемым качеством. *PCLOSE* – показатель, характеризующий степень точности показателя *RMSEA*. Чем ближе этот показатель к единице, тем выше точность модели. *N* – число наблюдений.

Анализ данных показателей позволяет сделать вывод о том, что модель частичной медиации характеризуется лучшим качеством по сравнению с моделью полной медиации.

Таблица 2. Индексы качества структурных моделей

	χ^2	<i>Df</i>	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i>	<i>PCLOSE</i>	<i>N</i>
Модель частичной медиации	312	94	0,967	0,045	0,948	1170
Модель полной медиации	357	97	0,963	0,048	0,732	1975

Проанализируем модель частичной медиации более подробно. Все рассматриваемые виды доверия положительно взаимосвязаны между собой. В данной модели доверие оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на удовлетворенность жизнью. В качестве медиатора выступает показатель удовлетворенности работой.

Институциональное и социальное доверие демонстрируют положительную связь с удовлетворенностью жизнью, в то время как общее доверие отрицательно влияет на данный показатель. Из анализируемых видов доверия наибольший вклад в изменение показателя удовлетворенности жизнью вносит социальное доверие: коэффициент регрессии показателя социального доверия равен 0,2, общего доверия – (–0,11), институционального доверия – 0,12.

Влияние удовлетворенности работой на удовлетворенность жизнью является статистически значимым. Между данными переменными прослеживается положительная связь, о чем свидетельствует положительный коэффициент регрессии – 0,41. В свою очередь, удовлетворенность работой определяется влиянием доверия. Вопреки исходному предположению влияние общего и социального доверия на удовлетворенность работой оказалось статистически незначимым. В то же время институциональное доверие положительно связано с удовлетворенностью работой.

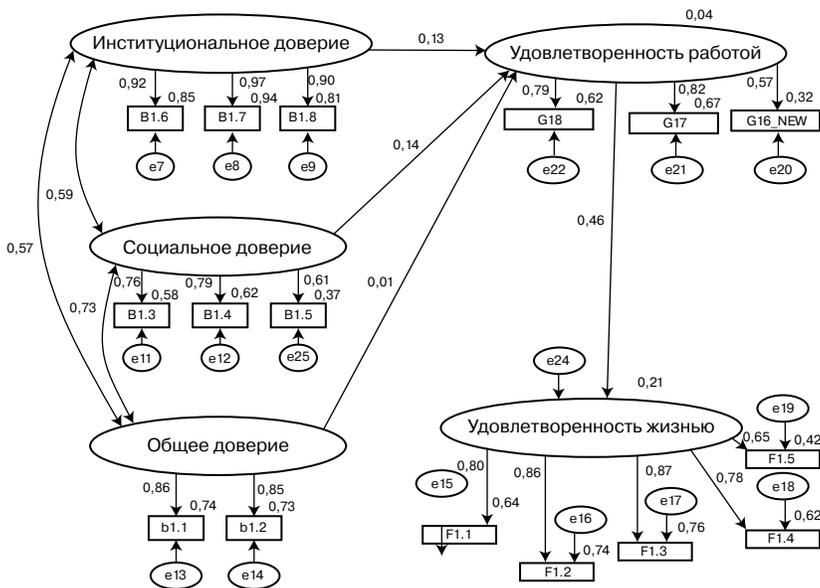

Рис. 2. Модель связи между уровнем доверия индивида и его субъективным благополучием (модель полной медиации)

Обсуждение результатов

По результатам проведенного исследования среди анализируемых видов доверия на самом высоком уровне находится социальное доверие. Ситуация с институциональным и общим доверием обстоит значительно хуже. Это может быть связано с тем, что социальное доверие более конкретизировано, чем другие виды доверия. То есть говоря о социальном доверии, люди оценивают свое отношение не к абстрактному образу, а к конкретным людям.

Уровень общего доверия в России остается на невысоком уровне. Об этом также свидетельствуют результаты других исследований. Например, в исследовании Л. Гудкова, посвященном доверию в России, говорится о низком уровне межличностного доверия. При этом межличностное доверие по своему содержанию соответствует тому, что мы называем общим доверием. Ниже приведен список некоторых стран мира, ранжированных по так называемому Индексу межличностного доверия (ИМД) (табл. 3) [Гудков, 2012]. Данный индекс определяется как соотношение ответов на вопрос «С каким из суждений Вы бы скорее согласились?»:

$$\text{ИМД} = (A + B) / (C + D), \quad (1)$$

где A – людям почти всегда следует доверять; B – людям обычно можно доверять; C – с большинством людей в отношениях следует быть осторожным; D – почти всегда в отношениях с людьми надо быть осмотрительным, людям нельзя полностью доверять.

Как видно из табл. 3, наиболее благополучными с точки зрения данного показателя являются Дания, Швеция, Австрия. Россия занимает одно из последних мест по уровню общего доверия. В еще более затруднительном с точки зрения доверия положении находятся Польша, Латвия, Уругвай. Если для большей наглядности привести результаты нашего исследования к виду аналогичного индекса, то показатели будут сопоставимы. По утверждению В1.1 (Большинству людей можно доверять) соотношение положительных и отрицательных ответов равно 0,66, по утверждению В1.2 (Большинство людей всегда поступают честно) соответственно 0,45.

Согласно результатам нашего исследования, уровень институционального доверия в России также низок. Этот вывод вполне согласуется с результатами других исследований. Например, по данным «Trust Barometer – 2012», 51% россиян не верят в честность органов власти. По сравнению с государственными институтами бизнес пользуется большим доверием в глазах россиян: всего 23% выразили недоверие по отношению к честности бизнесменов [Trust Barometer, 2012]. М. Сасаки, В. Давыденко, Ю. Латов, Г. Ромашкин, Н. Латова, детализируя вывод о невысоком уровне институционального доверия, говорят о том, что в более отдаленных от центра регионах страны (Уральский и Дальневосточный ФО) уровень доверия к власти выше, чем в центральных регионах (Северо-Западный ФО) [Сасаки, 2009].

Один из важнейших и новых результатов данного исследования состоит в том, что уровень доверия в основном положительно связан со степенью удовлетворенности жизнью. Прямое положительное влияние демонстрируют институциональное и социальное доверие. При этом наибольший вес имеет социальное доверие. Это можно объяснить тем, что доверительное отношение к конкретным людям, с которыми человек встречается в повседневной жизни, чаще оказывается важнее, чем отношение к государственным институтам и людям в целом. В данном случае можно говорить о влиянии близости тех феноменов, с которыми встречается в своей жизни человек.

Общее доверие отрицательно связано со степенью удовлетворенности жизнью. Данная, на первый взгляд, парадоксальная закономерность, может быть объяснена тем, что индивиды, относящиеся с большим доверием к людям, с большей вероятностью могут быть обмануты. В этом смысле общее доверие может негативно сказываться на субъективном благополучии.

Таблица 3. Индекс межличностного доверия, 2008 г.¹

Страна	Индекс межличностного доверия
Дания	3,95
Швеция	2,3
Австрия	1,55
Финляндия	1,5
Австралия	1,25
Северная Ирландия	1,06
Великобритания	0,96
Чехия	0,83
Германия	0,75
США	0,74
Венгрия	0,71
Тайвань	0,67
Франция	0,47
Россия	0,40
Польша	0,38
Латвия	0,33
Уругвай	0,30

Источник: [Гудков, 2012].

Особая роль в оценке влияния доверия на субъективное благополучие отводится удовлетворенности работой. Так как трудовая деятельность человека является важной частью его жизни, то выступая в роли медиатора между доверием и субъективным благополучием, удовлетворенность работой в значительной степени влияет на удовлетворенность жизнью.

Подводя итоги, следует отметить, что доверие как элемент социального капитала выступает оценкой интегрированности членов общества. Не-высокий уровень доверия в обществе свидетельствует о наличии барьеров, препятствующих эффективному взаимодействию его членов. Социальная разобщенность и несогласованность социальных порядков является резуль-

¹ Международный проект ISSP «Доверие», осуществленный в 2007 г. исследователями из 24 стран. В России опрос был проведен Аналитическим центром Юрия Левады (руководитель проекта – Л.А. Хахулина) по общероссийской репрезентативной выборке ($N = 1000$). Годом позже, в рамках проекта ISSP «Религия», этот же вопрос был повторен. Полученные результаты подтвердили вывод об устойчивости подобных установок в странах с аналогичным типом культуры.

татом низкого уровня доверия. Все это определяет восприятие человеком его социальной среды, что непосредственно отражается на оценке его субъективного благополучия. Следовательно, повышение уровня доверия в обществе представляет собой важнейшую основу для субъективного благополучия его членов.

Выводы

Проведенный анализ влияния различных видов доверия на степень удовлетворенности жизнью позволил сделать следующие выводы.

1. Для россиян характерен низкий уровень доверия, который варьируется в зависимости от его типа. Так, большинство респондентов с недоверием относятся к окружающим людям (общее доверие) и к органам государственной власти различного уровня (институциональное доверие). В то время как конкретные люди (соседи, коллеги по работе и т.д.), играющие ту или иную социальную роль, пользуются более высоким доверием среди россиян.

2. Среди рассматриваемых видов доверия социальное доверие оказывает наибольшее влияние на оценку субъективной удовлетворенности жизнью. Это может быть связано с влиянием близости тех феноменов, с которыми встречается в своей жизни человек. Доверительное отношение к конкретным людям, с которыми человек встречается в повседневной жизни, оказывается важнее отношения к государственным институтам и людям в целом.

3. В целом можно говорить о положительном влиянии доверия на субъективную удовлетворенность жизнью.

Таким образом, на пути достижения макроцели социальной политики — повышения степени удовлетворенности жизнью среди населения — важнейшим элементом является содействие созданию доверительной среды в обществе. До тех пор пока в российском обществе сохраняется кризис доверия, формальные социальные реформы не будут иметь желаемого эффекта. Возможности и механизмы в сфере повышения доверия среди населения — актуальные проблемы будущих исследований.

Литература

Гудков Л.Д. Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛО. 2012. № 117.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Куррейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Наследов А. IBM SPSS 20 STATISTICS и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. М., 2013.

Сасаки М., Давыденко В., Латов Ю., Ромашкин Г., Латова Н. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1.

Скрипкина Т.П. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). Ростов н/Д, 1997.

Сопроводительная записка (методологический отчет) по исследованию ценностей в двух федеральных округах РФ, 2012.

Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // *Social Science Information*. 1985. No. 24. P. 195–220.

Brehn J., Rahn W. Individual-level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // *American Journal of Political Science*. 1997. No. 41. P. 999–1023.

Burt R. The Network Structure of Social Capital // *Research in Organizational Behavior*. 2000. Vol. 22. P. 345–423.

Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1998. No. 94.

Creed W.E.D., Miles R.E. Trust in Organizations: A Conceptual Framework Linking Organizational Forms, Managerial Philosophies, and the Opportunity Cost of Controls // *Trust and Organizations: Frontiers of Theory and Research* / R. Kramer, T. Tyles (eds). Sage Publications, Thousand Oaks, 1996. P. 16–38.

Dinner E. The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. No. 49.

Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1995.

Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstruction of Social Order. N.Y.: Free Press, 1999.

Glenn L. A Dynamic Theory of Radical Income Differences. In *Women, Minorities, and Employment Discrimination*. Le Mund. Lexington, Mass: Lexington Books, 1977.

Granovetter M.S. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. No. 91. P. 481–510.

Häuberer J. Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011.

Helliwell J.F., Huang H. How's the Job? Well-being and Social Capital in the Workplace // *National Bureau of Economic Research*, 1050, Massachusetts Avenue, Cambridge, MA 02138. 2005.

Helliwell J.F., Putnam R.D. The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359. No. 1449. The Science of Well-being: Integrating Neurobiology, Psychology and Social Science: 1435–1446.

Hjollund L., Svendsen G.T. Social Capital: A Standard Method of Measurement. Aarhus University Working Paper. 2000. Series 9.

Kaasa A., Parts E. Individual-Level Determinants of Social Capital in Europe: Differences between Country Groups // *Acta Sociologica*. 2008. Vol. 51. No. 2. P. 145–168.

Knack, S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. No. 112 (4). P. 1251–1288.

Lin N., Ensel W.M., Vaughn J.C. Social Resources and Occupational Status Attainment // *Social Forces*. 1981. No. 59. P. 1163–1181.

Paldam M. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // *Journal of Economic Surveys*. 2000. No. 14 (5). P. 629–653.

Putnam R.D. Social Capital: Measurement and Consequences // *Isuma*. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 41–52.

Putnam R.D. Making Democracy Work. Civil Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Requena F. Social Capital, Satisfaction and Quality of Life in the Workplace // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 61. No. 3. P. 331–360.

Trust barometer 2012 <<http://trust.edelman.com/trust-download/global-results>>.

Wim van Oorschot, Wil Arts, John Gelissen. Social Capital in Europe // *Acta Sociologica*. 2006. Vol. 49 (2).

С.А. Никитин

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»,

М.Ю. Авдонина

Московский
государственный
лингвистический
университет

ВЕЛОНОЧЬ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА БОЛЬШОГО ГОРОДА

Введение

Исследование посвящено анализу инновационного формата массового мероприятия в мегаполисе – ночной велосипедной прогулки (около 25–30 км, с полуночи до рассвета, тысячи участников) с комментариями историко-культурного содержания и с музыкальным сопровождением, названной «Велоночь Velonotte International» [www.velonotte.com; www.velonotte.com].

Этот новый формат общения с молодым поколением сочетает элементы лекции, спортивной прогулки и художественной акции с мультимедийной поддержкой.

Главная проблема, сформулированная авторами проекта, звучит следующим образом: как открыть город его жителям?

Интенция проекта, его миссия: генерация культурного кода Большого города, валоризация его ценностей, участие в культурной социоурбанистической эволюции с использованием актуального языка общения в движении.

Большие города привлекают развитой инфраструктурой, более комфортной жизнью, стилем и уровнем благополучия. И город с трудом справляется с проблемой мультикультурности, приводящей, согласно Хедли [Headley, 2012], к забвению исторических и культурных фоновых знаний, культурных традиций. Объединение жителей в общность затруднено. В то же время существует тенденция к усреднению, рутинизации жизни горожанина.

Велоночь и похожие проекты могут способствовать формированию восприятия города как кода, который интересно расшифровывать [Hall, 1997], символы которого становятся лично значимыми [Bourdieu, 1993]. Именно этому посвящены Дни национального достояния во Франции, дни городских районов, рождественские ярмарки ноября – декабря, Ночи музеев, проходящие во многих городах мира. С другой стороны, формирование территориальной идентичности сегодня популярно в виде встреч соседей –

субботники, дворовые обеды в европейских столицах (в Москве с 2011 г.). Поверхностное общение, возникающее в рамках этих событий, создает некое новое доверительное отношение: это велосипедист с соседней улицы — мы не знаем его имени, но здороваемся при встрече.

Анализ ответов на вопросы кратких анкет участников «Велоночи» показывает, что люди с высшим образованием хотят как-то разнообразить свою интеллектуальную деятельность. Творческий совет проекта «Велоночь» решил предложить участникам эстетические переживания и интеллектуальные эмоции, которые рассматриваются нами как обязательные компоненты процесса культурно-социальной интеграции.

Проект является частью большой работы коллектива ученых-энтузиастов, заинтересованных в развитии отношений между горожанами, в создании благоприятного климата общения в большом городе на межличностном, межкультурном, межпоколенческом, межкультурном, социальном уровнях. Научные и методические основания практической работы обсуждаются на встречах в разных городах России (см., например, Дни архитектуры и урбанистики Urbanweek в Казани [Михайлов, Никитин, 2014] в апреле 2014 г.).

Эта работа ведется в разных формах с 1998 г.: были проведены пешие культурологические прогулки (около 50) по отдельным историческим местам Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Твери; катание на речном трамвайчике; трамвай «Аннушка»; троллейбус маршрута «Б» (в 2003 г. и в 2014 г.); в 2013 г. обычные московские автобусы ездили по специальному маршруту «Стрит-арт».

Некоторые проекты задумываются за несколько лет до практической реализации.

За семь лет группа под руководством одного из авторов данной статьи реализовала 15 (в Москве, Риме, Лондоне, Нью-Йорке, Санкт-Петербурге, Стамбуле) и готовит еще четыре проекта формата «Велоночь». Проведение каждого из них требует серьезной и длительной подготовки, занимающей — от замысла до исполнения — примерно год.

Постепенно сложился коллектив экспертов-единомышленников, добровольно либо за плату участвующих в подготовке и проведении этих мероприятий: это историки, искусствоведы, архитекторы, дизайнеры, лингвисты, психологи, музыканты, журналисты, специалисты по проведению PR-компаний.

Рассмотрим задачи и этапы реализации, виды и приемы деятельности творческой группы, разрабатывающей этот формат.

Формат проекта

Специфика формата воплощает представления разработчиков о вызовах и требованиях нашего времени. Это сочетание следующих факторов:

- спорт (требуются физические усилия, чтобы преодолеть достаточно большое расстояние, сложный рельеф);
- экологичность (велосипед; тишина для окружающих — участники слушают комментарии или музыку в наушнике);
- ночное время (ночь усиливает тонкость восприятия и создает интимность общения);
- интеллектуальность (спикеры обращаются к подготовленной аудитории, рассказывают о своих исследованиях);
- эстетичность (архитектурные памятники, одежда и украшение велосипедов участников);
- любовь к музыке;
- возможность познакомиться, приобрести новых друзей, войти в новый круг общения, стать причастным к большому событию;
- бесплатность для участников (хотя сам проект затратен);
- участие волонтеров;
- участие городских служб;
- участие частного капитала;
- участие администрации города;
- участие СМИ;
- использование сайтов проекта и страниц в социальных сетях.

За рубежом в проведении мероприятия принимают участие и другие организации: велоночи в Риме и Стамбуле проводились при мощной институциональной поддержке мэрий городов; велоночь в Лондоне проходила в рамках Лондонского фестиваля архитектуры при поддержке посольства Российской Федерации, организаций «Россотрудничество» и Муниципалитета Челси и Кенсингтона (РВКС), который выделил грант на ее проведение, так как часть маршрута проходила по его территории.

Виды деятельности творческой группы проекта

Подготовительный этап — этап мотивации и целеполагания — осуществляется всей творческой группой. Эффективность подготовительного этапа мероприятия основывается на междисциплинарной интеграции, многоуровневости и вариативности презентации материала, использовании современ-

ных информационных технологий. Затем в деятельности группы преобладает регулятивно-организационная функция: роль консультантов по отдельным вопросам, источников дополнительной информации. В ходе основного этапа члены группы — полноправные участники прогулки, координаторы действий служб, радиовещания и т.д.; на заключительном этапе творческая группа выполняет контрольно-оценочную функцию. На этапе последующего обсуждения группа участвует в совместном анализе и самоанализе, организуя переживание успеха и побуждая участников к совместному переживанию события, к ощущению «послевкусия» и к предвкушению участия в следующем событии.

Замысел и образ

Задолго до начала совместной работы выбираются и обсуждаются замысел и образ «Велоночи», специальная тема каждой прогулки. Этот этап проходит в форме e-mail-переписки или бесед по телефону основных членов коллектива. Учитывается контекст мероприятия, вызовы и требования современности. Затем выбирается какое-либо событие, дата, личность, эмблематичная для данного места и данного года.

Образ Велоночи-2012 по Петергофской дороге в Санкт-Петербурге отражен в ее названии — «Зеркало барокко».

Образы победы над войсками Наполеона в 1812 г. стали основой для Московской велоночи 2012 г.: начало у Бородинской панорамы на Кутузовском проспекте; выступление о русских словах, вошедших во французский язык в связи с теми событиями (*bistro* — *бистро*, *berézina* — *разгром, поражение*, *hourrah / hurrah* — *ура!*) [Авдониная, 2011, с. 317–323]; рассказ о строительстве и реконструкции Триумфальной арки, о героях и мифологических персонажах Отечественной войны 1812 г. Маршрут включал ул. Баркляя, метро «Багра-тионовская», храм Покрова в Филях.

Создается художественный образ места: петербургский проспект Стачек для художника А. Дашевского «зеленое море, по которому медленно плывут большие дома-корабли. Между ними тихо-тихо едет трамвайчик, расстояние между этими домами по километру, это роскошное брежневское проектирование для человека, которому некуда, да и не надо спешить. Бесконечное лето, ощущение идеализма и идиотизма».

Маршрут

Каждая «Велоночь» уникальна, маршрут намечается в целом исходя из замысла, однако его детали претерпевают существенные изменения благо-

даря выявившимся историко-культурным связям данного места или в связи с ограничениями, накладываемыми службами города. Так, маршрут «Зеркало барокко» шел «царским путем» от Зимнего дворца до Петергофа, потом был сокращен до Александрии, но пришлось завершить Велоночь в Южно-приморском парке.

Главное — отсечь все лишнее, не перегрузить, выдержать соразмерную пропорцию информации и проезда от одной остановки до другой. Выделяются места-ориентиры, точки в пространстве, к которым все стягивается: в маршруте второй Петроградской академической велоночи это была Тракторная улица, центр архитектурного процесса в 1926—1927 гг. (Никольский, Гегелло и Симонов).

Ставится задача вернуть память места. Шедевры авангарда — Дом культуры им. Зуева, Краснопресненский универмаг, Дом культуры завода «Каучук», Центральный архив Октябрьской революции — обозначили непостроенное в 1920-х годах бульварное кольцо (Велоночь 2008 г.).

Начало маршрута должно быть удобным для сбора большого количества велосипедистов. Они приезжают издалека, многие едут на велосипеде, поэтому биотуалеты в необходимом количестве — важная часть работы организаторов. Но в то же время место встречи должно нести и смысловую нагрузку: например, встреча у стадиона «Динамо» во время Московской велоночи 2011 г. символизировала зачин темы связи двух столиц.

Закончиться проезд также должен в удобном для отдыха и концерта месте. Обычно это парк у озера, у реки (например, склон Коломенского на Москве-реке в 2013 г.). Учитывая климат, в Санкт-Петербурге встреча рассвета состоялась на крыше торгового центра на Пионерской.

Для участников в рамках велоночи организуются специальные дополнительные события: встреча рассвета на барже на Босфоре, пикник с икрой в Лондоне. В 2013 г. велоночь в Москве была посвящена 120-летию юбилею В. Маяковского: совместно с фирмой «Мелодия» был записан компакт-диск «Владимир Маяковский. Послушайте» (тысяча дисков, раздавались бесплатно). Помимо архивных записей поэта и классических исполнений XX в., были записаны И. Костолевский, Д. Спиваковский, А. Лобоккий, Д. Повереннова, Е. Байковский, К. Константинов, В. Гуськов, В. Гребенников, Ю. Коренев, Е. Мольченко, В. Макаров, О. Башилавилли, К. Хабенский.

Эмоциональное наполнение

Важной задачей является создание момента общности, когда участники вместе испытывают чувства и переживания в тех или иных местах. При под-

готовке каждой акции в сценарии прописываются эмоциональные аспекты восприятия города. Например, остановка «Кировский завод» – трагическая, в блокаду завод работал практически на линии фронта.

Сквозные темы

На встрече творческой группы эксперты предлагают сквозные темы для архитектурных и историко-культурологических комментариев. Например, 2011 г. в Санкт-Петербурге была выбрана тема стилизации: убранство Соборной мечети (связь с мавзолеем Тимура в Самарканде), арт-нуво (дом Розенштейна на площади Льва Толстого), конструктивизм Кировского района. В 2013 г. в Лондоне развивалась тема индустриализации, развития научных и коммерческих связей: строительство метрополитена, Всемирная выставка.

Мы считаем, что достаточно иногда лишь упомянуть о какой-либо теме, привязав ее к месту. Например, на площади Репина зачитывается отрывок из «Бедных людей» Достоевского: Макар Девушкин описывает Фонтанку середины XIX столетия – и это главное, но тут же демонстрируется дом, где скончался Карл Росси (Фонтанка, д. 185).

Большое впечатление на участников оказывает коммеморативное действие: возложение цветов на месте дуэли Пушкина на Черной речке, памятная табличка на доме, где жил поэт ОБЭРИУ Александр Введенский.

Спикеры

Отбор спикеров предваряется мозговым штурмом группы и чтением новых трудов по выбранным темам. Среди спикеров велоночи в Москве 2013 г. были главный архитектор столицы С. Кузнецов и археолог А. Векслер. Приглашаются ведущие специалисты по культуре данного города и по эпохе (например, в велоночи 2013 г., посвященной Лондону эпохи принца Альберта (1840–1861), в качестве спикеров участвовали авторы новых книг об этой эпохе инфраструктурной и социоурбанистической революции в Англии: Л. Пикард (L. Picard), Э. Сэйнт (A. Saint), Э. Томпсон (A. Thompson) и Дж. Уайт (J. White). Стамбул комментировали ведущие исследователи: И. Ортайлы (I. Ortaylı), М.С. Мейер, Н. Эргин (N. Ergin), Ф. Мансел (Ph. Mansel).

Каждое интервью проходит нескольких этапов обработки. План интервью готовится с учетом тем Велоночи, иногда вопросы присылаются спикеру заранее, иногда оговариваются в телефонной беседе. Интервью берутся лично С.А. Никитиным (беседа занимает до 1,5 часов). Задача беседы – разгорячить спикера. Так, Э.А. Рязанов получил неожиданный вопрос – расска-

зять об Эйзенштейне, последним учеником которого он был. Затем запись прослушивается экспертами, сокращается до 7–8 минут и в этом виде входит в материал, передающийся на радиостанцию.

Первичные материалы хранятся в архивах проекта и, при нахождении денежных средств, будут выпущены как особого рода путеводители.

Радиотрансляция

Количество участников определило выбор способа передачи информации – с 2011 г. в течение всей ночи ведется прямая радиотрансляция. Мы выбираем ту радиостанцию, которую слушают бодрствующие в ночи: в Москве это радио «Маяк», в Стамбуле – «Açık radyo» (на английском языке с переводом на турецкий), в Лондоне – «Resonance FM», обеспечивающие вещание в течение всей ночи.

Аудитория

Групповой портрет участника Московской велоночи был составлен на основе регистрационных анкет 2010–2011 гг.:

- возраст: 18–40 лет;
- образование: высшее;
- характер занятости: студент, молодой специалист;
- области деятельности: архитектура, экономика, дизайн, IT, наука, арт, журналистика;
- интересы: спорт, путешествия, историческое наследие, архитектура;
- отличительная особенность: владение иностранными языками.

Музыка

Подбор музыкальных элементов определяется, прежде всего, вкусами членов творческой группы, стремящихся создать определенную тональность восприятия: «Под танго Пьяццоллы из фильма “Запах женщины” смотрим все значительные советские постройки, расположенные неподалеку: школу им. 10-летия Октября, в плане которой – серп и молот, ушаковские бани “Гигант”, жилые дома, построенные А.И. Гегелло, Г.А. Симоновым и А.С. Никольским. Колонна велосипедистов объезжает Нарвские ворота, водители выходят из машин, приветствуют всех и кричат: да сколько же вас здесь?! и как же красив был этот “круг почета”!»

Финальный пикник в Лондоне состоялся в хрустальном павильоне East Wintergarden в Кэнэри Ворф, выступил оркестр Консерватории Тринити Колледжа (Лондон). Дирижер оркестра Ник Пенлебэри понял нашу идею рассветной музыки, которая рождается из летних звуков близ Темзы, и развил эту тему, подобрав репертуар: Сэмюэль Барбер, Терри Райли и Summertime Гершвина. Музыканты получили неожиданный эмоциональный заряд – по их словам, они впервые играли музыку о рассвете на рассвете и испытали восторг.

Освещение

Особенно активно этот компонент прозвучал при показе квартала EUR на окраине Рима (целостный архитектурный комплекс эпохи Муссолини) и на Лондонской велоночи 2012 г.: компания iGuzzini, чтобы создать некое эмоциональное напряжение вокруг архитектурного объекта, сделала специальную подсветку. Участник Питерской велоночи выразил свои впечатления так: «Александрино, одна из сохранившихся усадеб Петергофской дороги в черте города. Подъехать к ней можно было только через лес – кочки, ухабы, канавы, и как награда за непростой путь – двадцать минут на чудесной поляне перед главным зданием усадьбы, едва подсвеченным в ночи» (сайт издательского дома «Коло»). Музей «Коломенское» встретил подъезжающую колонну искусной подсветкой дворцов. Иногда мы используем фонари и фары машин.

Вводное научное мероприятие

Перед прогулками организуются лекции-диалоги с С.А. Никитиным профессора Миланского политехнического университета А. де Магистриса «Ленинградский конструктивизм и арт-деко», профессора Принстонского университета Ж.-Л. Коэна «Влияние русского конструктивизма на мировую архитектуру, профессора Гамбургского университета Х. Франка «Петер Беренс и Мис ван дер Рое в Петербурге – 100 лет спустя».

Заключение

Гёте говорил: «Сущее не делится на разум без остатка». Мы не можем объять жизнь большого города, все феномены, но мы можем:

- обучать культурному коду Большого города;

- валоризовать ценности большого города и его культуры;
- заинтересовать и вдохновить местных жителей и туристов, помочь им почувствовать архитектуру, градостроительство и историю города, соединяя это со спортом, с активным и здоровым образом жизни;
- установить дружбу и взаимное доверие, повысить способности к коммуникации между различными сообществами и поколениями, а также людьми с различным культурным бэкграундом;
- дать возможность пережить интеллектуальные эмоции, дать знание о городе, которое передается лишь посвященным (пресловутая Собачья площадь в Москве).

Подводя итоги, выделим функции проекта «Велоночь» как мероприятия, направленного на развитие связей между людьми в Большом городе: научно-образовательная, оздоровительная, социализирующая, воспитательная, эстетическая, сенсibiliзирующая, развлекательная, людическая.

Мы считаем задачей проекта создание представления об отношениях, традиционных для его коренных жителей, формирование этикета общения в Большом городе: умение соблюдать этикет – инструмент для вхождения в новый круг.

В результате, по замыслу организаторов, участники приходят:

- к общекультурным выводам (*«весь путь не исчезало какое-то невероятное ощущение единства, неразрывной связи городского окружения»*, по словам одной из участниц);
- к мысли о необходимости участия в отношениях «город – жители», приятия культурной эволюции, модернизации городской среды;
- к вдумчивому и критическому восприятию культурно-исторического материала, почерпнутого из книг, видеофильмов и Интернета;
- к самостоятельному научению культурному коду города, эстетике мегаполиса: *«Пряжка как всегда удивляла своей загадочной мудростью, словно она знает что-то, чего не знает больше никто, и строчки блоковских стихов всплывали в голове»*.

Актуальность проекта «Велоночь» как средства создания связей между поколениями и сообществами Большого города состоит в том, что благодаря живому перформансу на основе урбанистического активизма объекты города приобретают личностный смысл для участников события. В своих откликах после Велоночи участники подчеркивают, что теперь чувствуют город своим.

Велоночь – это синтез искусств, благодаря которому рассказ становится более рельефным, появляется возможность не только использовать опосредованное словами повествование историко-культурного плана, но и воздействовать на чувственную сферу.

Велоночь становится частью больших творческих и методических замыслов программы культурной политики Москвы, составляемой одним из авторов этих строк под руководством декана Высшей школы урбанистики ВШЭ А.А. Высоковского. Доминанты городского кода будут исследоваться в дальнейшем как институциональные нормы.

Литература

Авдонина М.Ю. Этапы ассимиляции заимствований из русского и украинского языков в английском, итальянском и французском языках // Проблемы зiставної семантики: збiрник наукових статей. Вип. 10 / відп. ред. А.В. Корольова. Киев: Вид. центр КНЛУ, 2011. Ч. 1.

Михайлов К. Сергей Никитин, «Москультпрог»: «Мы занимаемся реформированием культурного кода». 05.04.2014 <<http://www.business-gazeta.ru/article/101110/>>.

Усманова А.Р. Код // Постмодернизм. Энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко). Минск: Книжный дом, 2001.

Bourdieu P. The Field of Cultural Production. N.Y.: Columbia University Press, 1993.

Caliandro S. La vibration Comme Force Morphogénétique de Création, ou le Dynamisme Architectonique dans L'œuvre de Peter Eisenman – Cygne Noir // Revue d'Exploration Sémiotique. 2013. No. 1.

Headley J.M. The Problem with Multiculturalism: The Uniqueness and Universality of Western Civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.

Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. L.: SAGE Publications Ltd, 1997.

Официальные ресурсы международного проекта Велоночь – Velonotte <www.velonotte.com; www.velonotte.com>.

М.Г. Руднев,
А.С. Савелькаева

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ПЕРЕДАЧА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВНУТРИ СЕМЬИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Ценности и ценностные ориентации людей – тема в социологической перспективе крайне популярная и подвергающаяся пристальному изучению со стороны исследователей. Так, широкое распространение получают масштабные проекты исследования ценностей – например, World Value Survey и European Social Survey, – охватывающие многие страны мира и позволяющие осуществлять сопоставление ценностных портретов их представителей, выявляя сходства и различия в ценностных иерархиях, в том числе россиян и европейцев [Магун, Руднев, 2010].

Исследования Инглхарта показали, что изменение жизненных ценностей населения различных стран приводит к существенным социальным и политическим изменениям в стране [Inglehart, Baker, 2000; Inglehart, 1997]. При этом утверждается, что ценности – достаточно устойчивый феномен и, сформировавшись в течение формативного периода (до позднего юношества), слабо меняются в течение жизни [Krosnick, Alwin, 1989].

Поэтому основным механизмом изменения ценностей Инглхарт считает межпоколенную смену ценностей, а главным фактором – улучшение материальных условий существования новых поколений в период формирования ценностей. С развитием экономики происходит переход от традиционных к рациональным ценностям, а также от ценностей выживания – к ценностям самовыражения. Иными словами, макрофакторы нарушают процесс трансляции ценностей между поколениями – от родителей к детям. Те ценности, что носили статус важных и предпочитаемых для поколения родителей, становятся неактуальными для детей, соответственно, их передача является малозначимой или вовсе неосуществимой.

Однако в литературе нет точного ответа на вопрос, каким образом это происходит на микроуровне. Ряд психологов [Knafo, Schwartz, 2004; Tam,

---

¹ Работа первого автора, нашедшая отражение в данной публикации, выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Lee, 2010; Tam et al., 2012] обращались к изучению результатов передачи ценностей от родителей детям, однако редуцировали этот вопрос до простого изучения сходства ценностей родителей и их детей. Ребенок в таких исследованиях рассматривался не как активный участник процесса социализации, а скорее как пассивный «приемник» транслируемых родителями ценностей. Цель данного исследования — построить приближенную схему процесса детско-родительской трансляции ценностей, выстраивая элементы коммуникации ценностей и пытаясь выявить механизмы и факторы передачи ценностей от родителей детям на микроуровне, т.е. в процессе внутрисемейной социализации.

Опираясь на результаты предыдущих исследований [Магун, Руднев, 2014], показавших сдвиг новых поколений россиян в сторону индивидуалистических ценностей, мы предполагаем, что ценностный месседж родителей, касающийся альтруистических ценностей Универсализма и Благожелательности не доходит до детей, а передача индивидуалистических ценностей, таких как Достижение, Власть-Богатство и Гедонизм, нарушена на этапе принятия подростками транслируемых родителями ценностей, т.е. детерминирована не общением родителей со своими детьми, а передается другими агентами социализации.

Данные и метод

Для исследования в 2012 г. был проведен опрос 96 триад — выпускники средних школ (возраст — 17–18 лет) и два (в некоторых случаях один) их родителя, которые выступили в роли объекта исследования. Выборка сократилась до 58 триад, когда были исключены неполные семьи. Выбор выпускников школ не является случайным. Во-первых, к моменту выпуска из школы подросток уже обладает некоторым собственным сформированным набором ценностей, который, если следовать гипотезе формативного периода [Krosnick, Alwin, 1989], не претерпевает существенных изменений впоследствии. Во-вторых, подростки еще достаточно близки с родителями и поэтому более очевидно можно проследить влияние, оказываемое на них ценностями родительской семьи. Очевидно, что такое влияние имеет тенденцию значительно ослабевать после вступления подростка во «взрослую жизнь» и поступления в колледж или вуз, что часто влечет отделение от семьи и смену места жительства.

Подростков спрашивали об их собственных ценностях и о том, какими, по их мнению, хотели бы их видеть родители в ценностном плане; у родителей также измеряли их собственные ценности и спрашивали о том, какими

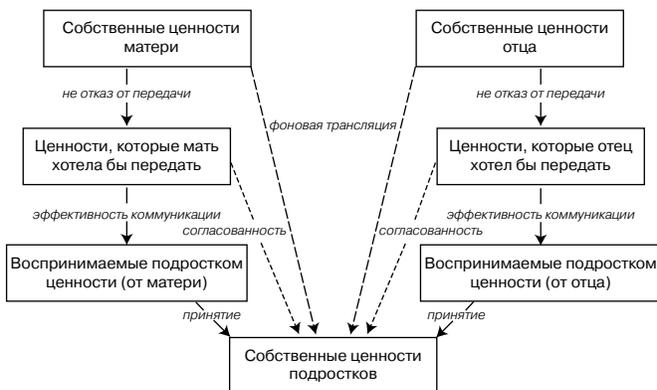
бы они хотели видеть своих детей в плане ценностей. Ценности подростков и их родителей измерялись с помощью Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца [Schwartz et al., 2001], желаемые родителями и воспринимаемые подростками ценности измерялись с помощью модифицированных вариантов этого же вопросника. Методика выявления собственных ценностей подростков и родителей заключается в предъявлении респонденту 21 описания людей – ценностных портретов и дальнейшей их оценки респондентом по степени сходства с собой. Родителям было также предложено оценить желаемую степень сходства их сына/дочери с тем же списком ценностных портретов (ценности, которые родители хотели бы передать детям), а детям – какую, по их мнению, степень сходства с исходными описаниями хотели бы видеть у них их матери и отцы (воспринимаемые подростком родительские ценности). Степень сходства измерялась по 6-балльной шкале, где «6» – очень похож, «5» – похож, «4» – довольно похож, «3» – немного похож, «2» – не похож, «1» – совсем не похож. Список ценностных портретов был одним и тем же во всех вариантах методики. Исходные оценки усреднялись в 10 ценностных индексов: Безопасность, Конформность, Традиция, Гедонизм, Универсализм, Власть-Богатство, Достижение, Самостоятельность, Риск-Новизна, Благожелательность. Кроме того, ответы респондентов на 21 суждение прошли процедуру «центрирования» [Schwartz, 2005], чтобы исключить влияние на получаемые результаты склонности респондента использовать только одну часть шкалы (например, по всем утверждениям проставлять ответ «4» или «5», не используя остальные градации шкалы).

В результате были получены четыре ценностных набора – реальные ценности родителей (матери и отца), желаемые для детей ценности родителей (транслируемые ценности), реальные ценности подростков, а также ценности, которые, по мнению подростков, хотят им передать родители (воспринимаемые ценности). Каждый набор состоял из 10 ценностных индексов, обладающих разным уровнем важности в иерархии респондента (рис. 1).

Результаты

Вычисленные корреляции между четырьмя наборами ценностей представлены в табл. 1.

Во-первых, мы обратились к взаимосвязи между ценностями подростков и их родителей, которую можно обозначить как непосредственную или *фоновую трансляцию ценностей*. Сопоставив *личные* ценности родителей и детей, нам удалось сделать следующие выводы.

Рис. 1. Теоретическая модель трансляции ценностей от родителей детям

Большинство ценностей в небольшой степени подвержены фоновой трансляции, выше всего корреляции по ценностям Гедонизма, незначимы корреляции по ценностям Самостоятельности и Универсализма по обоим родителям, а также Безопасности по матери и Риска-Новизны и Благожелательности по отцу. Однако надо сказать, что Гедонизм для обоих родителей является одной из самых малозначимых ценностей, в то время как Безопасность – наоборот, ценится превыше всего (причем как у родителей, так и у детей). Иными словами, ценность Гедонизма активно транслируется как ценность наиболее неприемлемая, та, которая не должна быть приоритетной для подростка; Безопасность – наоборот, транслируется как ценность крайне положительная и необходимая.

Во-вторых, была прослежена коммуникативная цепь – от собственных ценностей родителей, через желаемые и воспринимаемые – к собственным ценностям подростков (рис. 1).

- Собственные ценности родителей не всегда совпадают с теми ценностями, которые они хотели бы передать своим детям, поскольку возможен *сознательный отказ от передачи* собственных ценностей в пользу социально желательных или нормативных [Tam, Lee, 2010; Tam et al., 2012]. По всем ценностям корреляции между собственными и желаемыми ценностями среди родителей положительны, статистически значимы и достаточно высоки, но по ценностям Достижения и Благожелательности среди матерей зафиксированы корреляции ниже 0,5. Одна из наиболее высоких корреляций для обоих родителей зафиксирована в случае с ценностью Безопасности, которая, как уже говорилось, наиболее приоритетна для родителей (как в качестве личной ценности, так и той, что предназначена для передачи детям).

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между наборами ценностей родителей и подростков

		Власть-Богатство	Достижение	Гедонизм	Риск-Новизна	Самостоятельность	Универсализм	Благожелательность	Традиция	Конформность	Безопасность
Мать	Фоновая трансляция	0,42*	0,32*	0,45*	0,38*	0,19	0,14	0,29*	0,40*	0,48*	0,12
	Решение о передаче	0,66*	0,30*	0,62*	0,64*	0,57*	0,58*	0,39*	0,52*	0,51*	0,64*
	Эффективность коммуникации	0,57*	0,23	0,41*	0,43*	0,07	0,32*	0,50*	0,26*	0,24*	0,49*
	Принятие	0,34*	0,33*	0,56*	0,32*	0,27*	0,36*	0,36*	0,30*	0,46*	0,31*
Отец	Фоновая трансляция	0,28*	0,36*	0,60*	0,14	0,18	0,07	0,18	0,28*	0,35*	0,30*
	Решение о передаче	0,57*	0,54*	0,61	0,74*	0,46*	0,73*	0,68*	0,59*	0,52*	0,63*
	Эффективность коммуникации	0,64*	0,64*	0,57*	0,62*	0,48*	0,25	0,33*	0,46*	0,52*	0,73*
	Принятие	0,49*	0,55*	0,49*	0,22	0,09	0,45*	0,33*	0,47*	0,37*	0,37*

* Корреляции значимы на уровне $p < 0,05$. $N = 58$.

- **Эффективность коммуникации**, или взаимосвязь ценностей, которые родители хотели бы передать, с ценностями, которые подростки воспринимают, выглядит достаточно высокой, поскольку все корреляции положительны, значимы и относительно высоки: в среднем корреляция равна 0,35 для матерей и 0,52 для отцов. Хуже других матерями коммуницируются ценности Самостоятельности и Достижения, а отцами – ценности Универсализма. Лучше всего происходит коммуникация ценностей Власти-Богатства матерями, Безопасности, Власти-Богатства и Достижения – отцами.

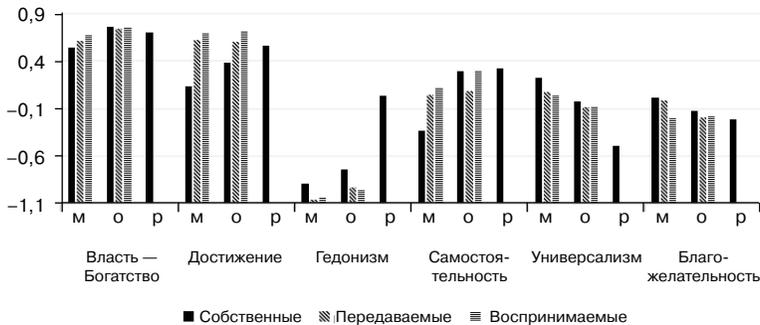
- **Согласованность ценностей**, или, иными словами, соответствие личных ценностей подростка и желаемых с точки зрения родителей, достигает наивысшего своего значения в случае с ценностью Гедонизма, в то время как отсутствует какая-либо связь для ценностей Самостоятельности и Универсализма (от обоих родителей), а также для ценности Безопасности, исходящей от матерей.

- И наконец, последний этап процесса трансляции ценностей – это *принятие подростками ценностей*, которые те воспринимают в качестве передаваемых родителями (воспринимаемые). Источники нарушений на этом этапе могут вне семьи, в более широком социальном контексте, но могут находиться и внутри самих подростков, являясь проявлениями индивидуальных особенностей. Слабее других подвержены трансляции на данном этапе ценности Самостоятельности и Риска-Новизны. При этом от матерей лучше всего принимаются ценности Конформности, Гедонизма и Риска-Новизны, от отцов – Достижения, Гедонизма и Власти-Богатства.

Связь между родительскими и детскими ценностями, рассмотренная выше, показывает, насколько различия в поддержке отдельных ценностей родителями соответствуют различиям в ценностях между детьми, но ничего не говорит о передаче *уровня* субъективной важности тех или иных ценностей. На рис. 2 отражены средневывборочные значения уровня важности некоторых ценностей для матерей, отцов и детей.

Итак, гипотеза, касающаяся нарушения передачи ценностей Универсализма и Благожелательности, подтверждается частично – подростки, родители которых придают большее значение этим ценностям и стремятся передать их своим детям, не обладают, соответственно, большей выраженностью этих ценностей. Это в меньшей степени касается ценностей Благожелательности и в большей степени – Универсализма, трансляция которого нарушена и на этапе фоновой передачи. Можно отметить, что эти ценности передаются преимущественно матерями, связь же с собственными, воспринимаемыми и принятыми ценностями отцов низка или незначима. Отсутствующие или слабые корреляции говорят о нарушении трансляции ценностей, тем не менее это не означает, что у детей не могут сформироваться именно те ценности, которые родители от них ждут, однако это может происходить не «напрямую», а опосредованно, через влияние социума. Именно это мы и наблюдаем в случае Универсализма и Благожелательности: в среднем родители хотели бы видеть в своих детях более низкие уровни ценностей Универсализма и Благожелательности, чем те, которыми обладают сами, и, несмотря на нарушения в коммуникации, сами подростки обладают еще более низким уровнем этих ценностей.

Вторая гипотеза не нашла подтверждения – корреляции показали, что взаимосвязь между различными этапами трансляции индивидуалистических ценностей (Власти-Богатства, Достижения, Гедонизма) достаточно высока. Средняя важность для родителей ценностей Власти-Богатства и Достижения значимо ниже, чем та, которую они хотели бы воспитать в своих детях. Другими словами, здесь имеет место не нарушение трансляции ценностей, а, наоборот, намеренное и успешное воспитание родителями более индиви-

Рис. 2. Средние по выборке показатели важности некоторых ценностей для матерей (м), отцов (о) и детей (р)

дуалистических и менее гуманистических ценностей в детях. Причины таких установок родителей могут находиться в области социальных норм и их представлений о социальной реальности. Хорошо коммуницируемые ценности Гедонизма передаются преимущественно фоновым способом, а коммуницируемые и воспринимаемые уровни Гедонизма значительно ниже собственных ценностей как родителей, так и подростков. Таким образом, коммуникация между родителями и детьми относительно индивидуалистических ценностей сохранна, а межпоколенный сдвиг ценностей формируется в соответствии с ценностными различиями между родителями в разных семьях.

Отдельно следует отметить, что в отличие от других ценностей, для ценностей Самостоятельности коммуникативные цепочки не работают. На данном этапе мы можем предположить, что ценности Самостоятельности формируются строго вне семьи, какими-то внешними агентами социализации.

Как уже отмечалось, исследование носит поисковый и скорее концептуальный характер, однако нам удалось сформировать теоретическую схему анализа процесса передачи ценностей и обосновать и проверить несколько гипотез относительно различий в коммуникации разных ценностей.

Литература

Магун В.С., Руднев М.Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № 7–8.

Руднев М.Г., Магун В.С. Межпоколенная динамика базовых ценностей: пост-социалистические страны в сравнении со странами Западной и Северной Евро-

пы // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. Кн. 3 / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 537–548.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1.

Knafo A., Schwartz S.H. Identity Formation and Parent-Child Value Congruence in Adolescence // *British Journal of Developmental Psychology*. 2004. No. 22. P. 439–45.

Krosnick J.A., Alwin D.F. Aging and Susceptibility to Attitude Change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. No. 57. P. 416–425.

Schwartz S.H. Human Values. European Social Survey EDUNET, 2005 <<http://essedunet.nsd.uib.no/cms/topics/1/>>.

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the Cross-cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. No. 5. P. 519–542.

Tam K.-P., Lee S.-L., Kim Y.-H., Li Y., Chao M.M. Intersubjective Model of Value Transmission: Parents Using Perceived Norms as Reference When Socializing Children // *Personality & Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. No. 8. P. 1041–1052.

Tam K.-P., Lee S.-L. What Values Do Parents Want To Socialize in Their Children? The Role of Perceived Normative Values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2010. Vol. 41. No. 2. P. 175–181.

С.Ю. Тарасова

Психологический
институт РАО

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БУЛЛИНГА. ПРОФИЛАКТИКА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Сегодня психологи и социологи обращают внимание на увеличение количества случаев буллинга – хулиганство, драки, школьная травля – среди подростков [Собкин, Маркина, 2009, с. 48]. Агрессивные действия, совершенные подростками, не достигшими возраста даже относительной уголовной ответственности, в том числе и в стенах школы, вызывают сильный общественный резонанс. Параллельно клинические психологи отмечают наличие проблем самооценки и формирующегося образа *Я* в целом современного школьника уже на момент обучения в 5–6-х классах. Подача новостного материала в СМИ – сообщения о терактах, бедствиях, катастрофах – оказывает подчас негативное влияние на характер страхов и тревог как взрослых, так и детей. Если человеку по 10 телевизионным каналам показать одну и ту же беду, у него вполне может появиться ощущение тотального ужаса окружающего мира. На протяжении последнего десятилетия учащиеся общеобразовательных школ среди страхов указывают войну, физическое насилие, нападение незнакомца, ограбление, увольнение или смерть родителей, бедность, неудачи, неуспех [Прихожан, 2009, с. 48; Тимербулатов и др., 2008, с. 21].

Цель настоящего исследования – выявление взаимосвязей между содержанием страхов и тревог и агрессивностью. Вслед за Л. Берковицем мы понимаем под агрессией любой вид поведения, которое направлено на причинение ущерба или вреда, противоречащее нормам и правилам человеческого сосуществования, приносящее отрицательные переживания, страх и подавленность [Берковиц, 2001, с. 43]. В свою очередь, агрессивность – стабильная готовность человека к агрессивным действиям в разных ситуациях. Буллинг классифицируется как агрессия: физический, эмоциональный, сексуальный, устный; прямой или косвенный. В настоящее время в нашем обществе остро стоит проблема легитимизации агрессии. Агрессоры уверены, что агрессия – допустимый способ разрешения споров, конфликтов, иными

словами, норма поведения. Иногда подростки не стесняются заявить педагогу: «Я имею право ломать стулья, мои родители заплатят». Грубость по отношению к учителю или учительнице — к сожалению, распространенное явление современной школьной жизни. Восьмиклассник на уроке геометрии в ответ на замечание учителя о дисциплине сказал: «Беспорядок, как и во всей стране. Что Вам не нравится?», только вместо слова «беспорядок» употребил более грубое выражение. Рисунок юноши на тему «моя цель» изображает физическое уничтожение конкурентов: мужчины нарисованы символически в виде стрел Амура и тщательно перечеркнуты. Над грудой поверженных соперников стоит крупно и жирно очерченный автор рисунка. Сам юноша назвал творение «Будь первым — жизнь одна». Добавим, на момент подготовки настоящей статьи автор рисунка подрался во дворе с другим подростком и поставлен на учет комиссией по делам несовершеннолетних. К сожалению, подстрекателем может стать и классный руководитель. Проиллюстрируем примером. В психологический центр обратился отец восьмиклассника Пети Иванова (имя изменено) со следующей проблемой. На классном часе учительница попросила детей написать ответы на три вопроса: «Как я отношусь к Пете Иванову?», «Зачем я учусь?», «Каким я буду родителем?». Отцу обратившегося в центр подростка «педагог» выдала на руки (!) эти бумаги, которые по первому вопросу содержали оценочные суждения в нецензурной форме типа: «Иванов — редкостный урод. Я его ненавижу». Ориентируясь на мнение авторов книги «Комплексная гуманитарная экспертиза», рискуем предположить, что подобный поступок классной руководительницы, мягко говоря, непедagogичный. Специалисты отмечают: «Позиция должна выражаться в корректных формах, не вызывающих вражду, рознь и нетерпимость и не исключающих мирного и толерантного сосуществования... оценка, облеченная в форму безапелляционно утверждаемой безусловной истины, делает какой-либо диалог невозможным и ведет к разжиганию розни» [Леонтьев, Иванченко, 2008, с. 65].

Интересно, что рост подростковой агрессивности и жестокости отмечен и в небольших достаточно экономически благополучных странах, как, например, Швейцария или Германия [Гуггенбуль, 2006, с. 5; Walter et al., 2012, p. 372]. Одним из возможных объяснений является то, что сам процесс развития, взросления школьника становится более многогранным в силу научно-технического прогресса [Марцинковская, 2012]. Однако, согласно мнению С.Н. Ениколопова, насилие и агрессия особенно явно проявляются в реформирующихся странах, где идет интенсивный процесс перераспределения ресурсов и социальных статусов [Ениколопов, 2012, с. 137]. Крупные социальные перемены связаны с нарушением традиционного уклада жизни и, как следствие, невозможностью удовлетворения потребности в идентич-

ности. Состояние общества находит отражение в попытках людей, в том числе детей и подростков, любыми доступными способами повысить или сохранить свой статус. Чувствующие себя «проигравшими» люди начинают использовать агрессию для своего «освобождения» [Там же, с. 137]. Еще Л. Берковиц писал о стрессах, обусловленных бытовыми и экономическими причинами, неравенством: «Представители “синих воротничков” часто набрасываются с кулаками на своих жен просто потому, что испытывают раздражение, вызванное нехваткой денег. Озлобленные невозможностью приобрести многие необходимые им и их семье вещи и испытывающие вызванные этим обстоятельством уколы самолюбия, они находятся в состоянии неустойчивого психического равновесия, которое легко может быть нарушено неосторожными поступками жены или детей» [Берковиц, 2001, с. 311]. Попробуем переформулировать классическую теорию «фрустрация – агрессия». Человек ведет себя агрессивно, когда считает, что с ним поступили несправедливо, либо оценивает поступки других людей как направленные персонально против него или его близких. Возникает, соответственно, и ответная агрессия для сохранения существующего положения вещей. Таким образом, одним из основных мотивов совершения агрессивных действий могут быть проблемы самооценки и уровня притязаний. Но известно, что особенности самооценки и образа *Я* в целом сложно оценить количественно. Следует учесть, что образ *Я* подростка находится в стадии формирования. Также нарушениям самооценки и образа *Я* человека обычно сопутствует повышенный уровень самооценочной и межличностной тревожности [Прихожан, 2009, с. 96–97]. Эти виды тревожности доступны количественной оценке и потому могут служить индикатором проблем формирования образа *Я*.

В настоящем сообщении представлены результаты первого этапа лонгитюдного исследования. Исследование выполнено на базе средней общеобразовательной школы с углубленным изучением английского языка (Москва). Перечислим психологические методики: шкала личностной тревожности для учащихся 10–12 лет (А.М. Прихожан), методика Басса – Перри – русскоязычная версия ВРАQ в адаптации С.Н. Ениколопова (А. Buss, M. Perry), социометрический тест. Русскоязычная версия опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри содержит следующие шкалы: *физическая агрессия* – самоотчет о склонности к физической агрессии в поведении (поведенческий компонент); *гнев* – самоотчет о склонности к раздражительности (эмоциональный компонент); *враждебность* – шкала, включающая утверждения двух подшкал: *подозрительность* и *обидчивость* (когнитивный компонент). Кроме того, у классных руководителей взяты оценки необычности поведения (причина в поведении учащегося, а не в его познавательных способностях) и агрессии к окружающим (включая преподавателей и других взрослых,

а также символические действия: ломает стулья, сильно бьет ногами сумку и пр.). Педагог оценивал необычность поведения и агрессию к окружающим ребенка по 3-балльной шкале.

В нашем исследовании приняли участие 70 школьников средней ступени обучения. На данный момент проведено три последовательных измерения показателей личностной тревожности у 70 учеников в процессе их обучения в 5-м, а затем в 6-м классе.

В настоящей работе при обследовании учащихся на 6-м году обучения обнаружены значимые корреляции для психологических тестов (табл. 1).

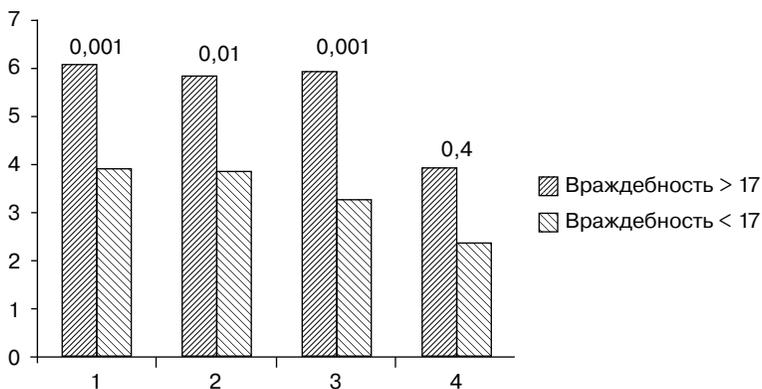
Таблица 1. Результаты корреляционного анализа показателей по шкалам опросника диагностики агрессии и субшкалам определения личностной тревожности

Шкалы методик	Коэффициенты корреляции <i>r</i> -Спирмена			
	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность
	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>
Физическая агрессия	n.s.	0,32**	n.s.	n.s.
Гнев	0,42***	0,41***	0,37**	0,28*
Враждебность	0,45***	0,36**	0,47***	0,29*

Примечание. n.s. – незначимая величина; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Как видно, враждебность и гнев подростков возрастают при актуальном состоянии повышенной школьной, межличностной и самооценочной тревожности. Враждебность – негативная установка личности к другому человеку. Она выражается в неблагоприятной оценке своей жертвы и подразумевает обычно готовность демонстрировать негативную оценку словесно или иным способом. Собственно, враждебная смысловая установка личности включает готовность действовать. Враждебность и агрессивность – факторы предрасположенности к агрессивному поведению, которое преломляется по-разному: физически, словесно, косвенно. Далее рассмотрим, каковы различия между группами враждебных и невраждебных подростков (рис. 1).

В каждом из четырех обследованных классов можно наблюдать сильно изолированных в классе подростков. Их можно описать следующим образом: стабильно свертревожные (10 стеновых показателей), отличаются высоким уровнем враждебности и склонны к агрессии в поведении. Кроме того, у них самые высокие значения социометрического индекса *Фрустрированность* в своем классе. Мы обследовали сильно изолированных в коллективе подрост-

Обозначения: по оси X – порядковые номера субшкал тревожности: 1 – школьная тревожность, 2 – самооценочная тревожность, 3 – межличностная, 4 – магическая; по оси Y – показатели выраженности тревожности. Цифрами над столбцами отмечены уровни значимости.

Рис. 1. Величина уровней тревожности для учащихся, разделенных на две группы по выраженности *Враждебности*: выше или ниже значения 17 баллов

ков дополнительно при помощи методики «Неоконченные предложения». Примеры окончанных предложений: «Мне больше всего хотелось бы, чтобы меня никто не обзывал», «Я считаю, что большинство ребят относится ко мне неуважительно», «Если бы я сделался невидимым, я бы украл деньги у правительства и раздал нищим поровну», «Мои три заветных желания: поступить в Оксфорд, стать президентом Газпрома, стать влиятельным человеком». Добавим, претензии других учащихся к «отверженным» носят выраженный меркантильный характер: «У тебя сегодня та же рубашка, что и вчера», «Мы живем на Кутузе, а ты не на Кутузе (Кутузовский проспект)», «Ты debil, у тебя нет сумки за 50 тыс.». Опишем отдельный случай. Симпатичный внешне мальчик из интеллигентной семьи подвергался систематической травле со стороны трех агрессоров-девочек, достаточно хитрых, чтобы скрывать факт травли от учителей. Именно ему периодически говорили, что он бедно живет: плохо одет, квартира не в центре города и т.д. Известен феномен кумуляции аффекта, недавно подросток стащил из школьного гардероба и спрятал дорогую верхнюю одежду своих обидчиц.

В свою очередь буллы (агрессоры), согласно результатам обследования, также демонстрируют наличие конкретных страхов. Эти страхи связаны с си-

туациями подтверждения своего относительно высокого (не «звезды», но и не «отверженные») статуса в коллективе. Примеры завершенных предложений: «Мне больше всего хотелось бы быть умной, чтобы не обижали»; «Мне больше всего хотелось бы часы за 120 тыс. руб.», «Боюсь, у меня не будет друзей».

Предварительные результаты исследования показали: в каждом классе выделяются сильно изолированные школьники. Они же являются жертвами как агрессоров, так и «наблюдателей». «Отверженные» стабильно сверхтревожны, обладают высоким уровнем враждебности и склонны к агрессии в поведении. Можно обоснованно предположить дальнейшее их превращение в агрессоров.

Вторым итогом выполненной работы стал тот факт, что враждебность и гнев положительно коррелируют со школьной, самооценочной и межличностной тревожностью подростка. Однако причины, лежащие в основе агрессивности школьника, требуют более глубокого изучения и связаны с диагностикой проблем формирования образа *Я* подростка.

Важной является такая государственная политика в сферах социальных и экономических отношений, образования, которая способствует высокому уровню социального и экономического неравенства между различными группами общества. Всемирная организация здравоохранения предлагает комплексную, экологическую модель исследования агрессии и насилия. Первоначально данная модель была применена для изучения жестокого обращения с детьми. Модель имеет четыре уровня. Первый – личностный – ориентирован на психологические и даже физиологические факторы риска агрессивного поведения. Например, традиционно выделяют тип личности А – реактивно-агрессивную, с сильным духом соперничества, конкуренции. Второй уровень – взаимоотношения – рассматривает, в частности, агрессию в семье, травматический опыт расставания родителей и т.п. Третий уровень – социально-психологический. Частые переезды с одного места жительства на другое, особенно связанные с угрозой жизни и здоровью, фрустрации в ответ на несправедливое отношение, наличие доступного оружия при отсутствии культуры обращения с ним – вот факторы риска социально-психологического плана. И наконец, четвертый уровень экологической модели – уровень принятых в обществе культурных норм. Трансляция норм, считающих приемлемыми насилие и агрессию для разрешения споров и конфликтов, автоматически ведет к росту агрессии в обществе. Однако это не единственный вариант. Агрессия может перенаправиться вовнутрь личности. Увеличивается риск аутоагрессивного поведения.

Здесь уместно сказать об эффекте Мэрилин Монро – феномене, обсуждаемом в США с 70-х годов прошлого столетия. Смерть популярной актрисы вызвала 12%-й рост суицидов в США и 10%-й – в Великобритании по срав-

нению с нормативом [Берковиц, 2001, с. 244]. Описан подобный феномен подражания агрессивным действиям в отношении других людей, если это действие совершено публично или освещено в СМИ [Прихожан, 2010]. Известно, что подростки и дети предподросткового возраста более конформны, чем взрослые, более зависимы от мнения значимых других людей, обладают категоричными максималистскими установками, что увеличивает риск и аутоагрессии, и отклоняющегося поведения в целом. На протяжении последних 6–7 лет в России частота добровольного ухода из жизни среди подростков составила 19–20 случаев на 100 тыс. подросткового населения, тогда как в мире – 7 случаев на 100 тыс. [Бизина и др., 2013, с. 70]. За аутоагрессией, как правило, скрываются проблемы формирующегося образа Я, слишком нестабильная самооценка детей, образ Я «отвергаемого» или «жертвы». Уже это вполне достаточные основания для появления сложностей и психологического, и социального характера. Если ребенок подвергается травле, прогноз ухудшается. Шестиклассница рассказывает: «Я потратила 13 накопленных тысяч, чтобы они от меня отстали. Я больше так не могу...» (девочка купила своей обидчице наушники, но через две недели ее опять начали очень обидно дразнить).

На психологическом уровне проблему можно решать при помощи группового и индивидуального консультирования подростков [Тарасова, 2011; Тарасова, 2013, с. 129]. Мы разработали примерный тематический план занятий с ребенком предподросткового возраста и подростком [Тарасова, 2013, с. 419]. Мишенью психологической коррекции стали повышенная тревожность как эмоционально-личностное образование и агрессивные тенденции. Данный план был доложен на семинаре «Психологические программы профилактики общественно опасных действий несовершеннолетних» в Центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского в 2013 г.

Литература

Анализ суицидного поведения девушек-подростков, поступивших в ГПБ № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова за период с 2007 по 2012 г. / Л.Н. Бизина, Н.В. Хохлова, Л.В. Авдеева, Т.М. Левшакова, О.В. Чернова / XI Мнухинские чтения «Актуальные проблемы психиатрии, психотерапии, клинической психологии семьи и детства: подготовка специалистов и работа в междисциплинарной команде». СПб., 2013. С. 70–72.

Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб.: Издательский дом НЕВА, 2001.

Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости. М.: Когито-Центр, 2006.

Ениколопов С.Н. Экологическая модель исследования насилия // Тезисы докладов 6-й Российской конференции по экологической психологии. М., 2012. С. 136–138.

Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза. М.: Смысл, 2008.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. № 5 (26) <<http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/766-martsinkovskaya26.html>>.

Прихожан А.М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. М.: Питер, 2009.

Прихожан А.М. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста // Психологические исследования. 2010. № 1 (9) <<http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n1-9/283-prikhozhan9.html>>.

Собкин В.С., Маркина О.С. Влияние опыта переживания школьной травли на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1 (18). С. 48–57.

Структура невротических расстройств у школьников в условиях мегаполиса / И.Ф. Тимербулатов, В.Л. Юлдашев, Т.Р. Зулкарнаев, Р.Б. Сафина, Я.Б. Муратшина // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2008. № 3. С. 21–24.

Тарасова С.Ю. Донозологический контроль психофизиологической дезадаптации на первой ступени обучения // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 3 (19) <<http://vestnik.mednet.ru/content/view/313/30/lang,ru/>>.

Тарасова С.Ю. Психологическое сопровождение детей с трудностями адаптации на основе комплексного междисциплинарного подхода // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 2. С. 127–131.

Тарасова С.Ю. Методологические основания психологического сопровождения детей условной нормы здоровья / XI Мнухинские чтения «Актуальные проблемы психиатрии, психотерапии, клинической психологии семьи и детства: подготовка специалистов и работа в междисциплинарной команде». СПб., 2013. С. 416–422.

Walter G., Nau J., Oud N. Aggression und Aggressionsmanagement. Bern: Verlag Hans Huber, 2012.

A CODE AND AN E-READER: THE EVOLUTION OF READERS' PRACTICES IN THE CONTEXT OF NEW MEDIA

The Web 2.0 generation reader reads texts differently from their predecessors, who did not use any electronic readers, who did not have any experience of existence in the blogosphere and seterature («network literature»), who did not play games of the sandbox type or RPG type. A paper book, or a code, exists for the recipient as a rigid form, guiding his attention and efforts in one direction – from the first page to the last. It is a sequence of characters as a route on which the final result of the reader's efforts depends. And even if, burning with curiosity, he peeps into the end of the book and reads it, anyway this will not change the sequence of «events» and signs which was designed by the author of this book and which is usually denoted by the term «plot». From this perspective the reader is just a passive consumer of the text, and the process is controlled by the author of the text, or the sender (in the terminology of communication theory).

Web 2.0 principles are based on a different principle: according to one of the developers and the main ideologist of Web 2.0 Tim O'Reilly: «The main principle behind the success of the giants born in the Web 1.0 era, the giants, who survived and made Web 2.0 what it is, is that they increased web technologies through collective intelligence» [O'Reilly, 2005]. The basis for the existence of such texts is the interaction of the content creators and users, when the users' activity towards the text becomes a guarantee of multiple checkout and «improvement» of these texts. You could even say that every time the text will have exactly the form and the meaning that will be given by the user: as in the case of a non-linear quest, when the developers of the game design only the game platform, the network of possible moves, and the player, depending on their preferences can either just «saunter» in the game space or solve puzzles and collect artifacts («Freelancer» or «Crackdown» are an example).

«Dynamic websites replaced static pages ten years ago, – says O'Reilly. – However, in the case of the live web it's not the web pages that are dynamic but the links to them. Referring to the weblog, you refer to a page with the constantly changing content that contains permalinks (permanent links) for each individual record and reminds of every change» [Ibid.]. This means that modern experts offer

a completely different type of text than it was before. According to Tom Coates, hyperlinks turned any text «from a simple publication into a talkative set of partially overlapping communities» (quoted from: [O'Reilly, 2005]). The principle «what was written with a pen can never be cut out with an ax» is not working in electronic environment. What is written by one person can be used, reinterpreted, rewritten by another.

It is especially evident in the new phenomenon of encyclopedia – Wikipedia – which is not only dynamic, but it also depends primarily on how the users develop and append it. If we compare wiki webpages with a conventional dictionary, it becomes obvious that normativity as a monological, recorded expert evaluation gives way to a variant text which is being constantly changed thanks to the users.

Even the purely technical parameters of the text can now be changed in accordance with the needs and opportunities of the user: window size, font, number of tabs open at the same time, availability or lack of images, etc. Now the way the reader sees the text, article, book, depends not only on the editor and webpage designer: the user can vary both page size, line spacing, and margins. But the most important thing is that there has appeared a new kind of story in the verbal text, namely non-linear plot. Examples are primarily such phenomena as interactive fiction, that is interactive literature, with its borderline nature between literature itself and acting. Recently I encountered the same phenomenon in a scientific book whose author offers his readers a non-linear way of reading his work: «Chapter 1 and continuing its Chapters 2, 3 and 6 are written mainly for those who are especially interested in the problem of deciphering in connection with the possibilities of comparative linguistics < ... > Those who are eager to know first of all the science of writing (grammatology, in accordance with Gelb), are recommended to start reading from Chapter 4 and continue until the penultimate Chapter 6» [Ivanov, 2013, p. 5–6]. In addition, the monograph is constructed in such a way that in its text there appear tasks for which it is necessary to interrupt the linear reading of the chapter and refer to the appendix, and then again back to the arguments of the author. The reader is offered a choice, and it shows that the reader is expected to behave in a non-linear way within the text.

How does the behavior of the reader, the reader's perception change, when new media means (and sometimes even the old paper sources) offer them such opportunities, actually co-authorship?

In a study of readers' practices there are several research approaches. For example, in art criticism (study of literature in particular) there have developed two models of exploring the artistic text. J. Culler successfully labeled them as «poetics» and «hermeneutics»: «One of them, based on linguistics, considers meaning as something to be explained, and reflects on how this sense was established. The second one, in contrast, refers to the form, presupposes the need to interpret it»

[Culler, 2007]. Hermeneutic or interpretive approach comes from the fact that there can be a number of meanings, since the perception of a work is not the same as its creation and is largely determined by the activity of the perceiver.

The question «What is your understanding?» regarding verbal texts was answered by students majoring in psychology. In Russia the problem of text perception was given attention to in the works of L. Vygotsky, in particular, in his «Psychology of art» [Vygotsky, 1971]. One of the main ideas that he expressed in this work, is that the text can not be reduced either to the sum of artistic means, or to the transfer of feelings and emotions as in the perception of the work they both are subject to «metamorphosis» under the influence of the cultural experience of the recipient, which results in a combination of the individual and the public in this experience, where the final result is not the sum of the components of the text.

Studies of perception – or perceptual research – are widespread in modern Russian and foreign psychology, recently there appeared works highlighting the biological nature of attention and selection criteria for different types of information. And here we come to the problem of meaning and text forms that are produced by the recipient in the perception of the source material.

According to M. Vartofsky, the peculiar properties of perception are mediated by representations and correlated primarily with the technological features of human cultural practices: «Changes and modifications in perception is a function of changes in historical practices. In short, the perception has its history...» [Vartofsky, 1988]. This means that the reader's perception in this case appears primarily as a product of cultural practices that are reproduced in the process of working with text – with the text carrier, which defines the very nature of these practices.

For a long five thousand years of existence of writing the book format has changed radically several times. Clay, papyrus, parchment – materials define the form of the book, and the form of the book defines the procedure and order of the characters. Papyrus book brings to life the book in the form of a roll, and the reader, unfolds the text while reading. For him there are no pages, he does not know what is required from a code reader that is turning the pages, the need for a cover and a table of contents. The text is as infinite and continuous as the roll itself.

Currently a literary text exists for the reader in a new form – in the form of an electronic reader, and fundamentally it does not matter whether it's a computer or a special device for reading books. What is important is the screen. New forms of artistic text generate new cultural practices and affect the reader's perception. E-reader requires different skills than a bound book, a laptop screen forms certain bodily habits which result in such motor skills that users of traditional codes do not have. The modern reader feels literature and other visual verbal forms differently, because electronic media dictate different rules and fundamentally different expectations from verbal texts.

As a result, there appear new forms of interaction of verbal texts with cinema, animation, because in comparison with a code, an electronic medium makes it possible to include much more visual information in the «body» of the book, and now practically it is possible incorporate a film, a game, a test, a network of hyperlinks, etc. into a text. Using the terminology of McLuhan [McLuhan, 1962], the resident of the modern global village is not content with just words: he needs illustrations. In principle, we can say that the mechanism of the modern reader's perception started by a verbal sign is different from the one 20 years ago.

«The modern reader» is the recipient, who from the very beginning of the reader's practice works with two types of media – paper and electronic (for example, in the format of MS Word). Therefore the object of my study were the people who have lived from their birth with these two carriers: they are born in the nineties of the last century, so readers and computers for them are an integral part of the world, along with a paper book, or a code.

In this study there were used materials obtained during seminars in groups of first-year students majoring in different subjects in Samara State University in 2011–2013. The main condition of the text work was minimal involvement of the teacher: no commenting or complementing the text, no explaining obscure parts of the text, so that the text understanding was formed the recipients.

Groups of informants were offered three options for dealing with verbal texts (it will be shown on the example of «Poetics» of Aristotle (excerpt) [Aristotle]). The main task was to explain what is art in terms of Aristotle (the answer is – in the form of a coherent verbal text).

Different groups were offered different order of dealing with the text. In the first case, the text had to be read at home, brought to class (it made it possible to determine what carriers were used by the students). The workshop was held in the classic question-answer form: the teacher asked questions, the students responded. The student were asked the following questions:

1. What is «mimesis»? In what meaning is it used by Aristotle?
2. What three types of imitation are distinguished by Aristotle? Describe each of them.
3. What are the grounds for art origin, according to Aristotle?
4. How does Aristotle connect iambic metre, dithyrambs, tragedy and comedy? Why does he do that?

At the end of the lesson, students wrote a response to a question about the art.

In the second case, the text by Aristotle was proposed in print: these were scanned pages of book . The text was divided into 6 parts. They were actually related to the questions from the first part of the experiment: 1) the introduction by Aristotle about mimesis, 2) types, 3) methods, and 4) the objects of imitation, 5) the grounds for the origin of art, 6) the evolution of genres. Next, the students were also divided

into six groups so that each group got acquainted with only one part of the text. Each group had to demonstrate the results of their work by presenting their extract in the form of a diagram or picture (Fig. 1).

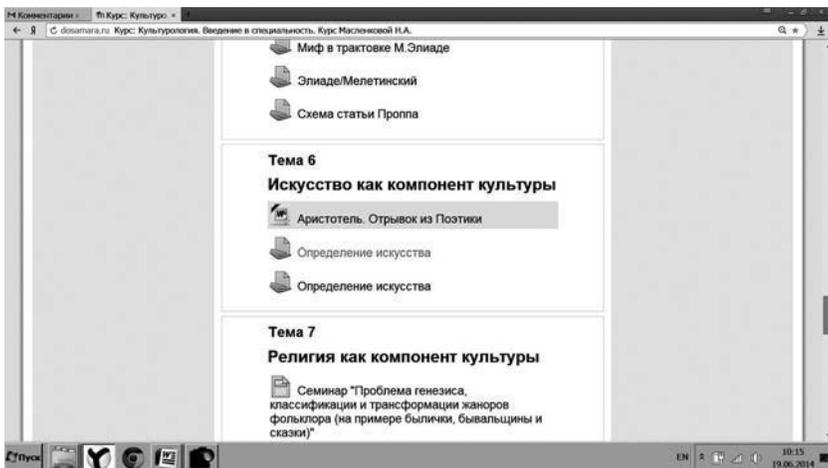
Fig. 1. Schematic diagram of the extract from «Poetics» by Aristotle in the interpretation of the 1st year students majoring in physics

It is obvious that here the students had the opportunity to discuss with one another what they had read, offering their own versions of understanding a rather complex text, as while they are still freshmen, as experience shows, they do not have enough erudition for adequate deciphering the translation from the Ancient Greek.

And in the last part of the session, each student as well as the in the first case, independently wrote the answer to a question.

For the third case, I had to use the facilities of remote education, in particular the MOODLE system (students have to be registered in this system anyway, as this remote version of the work is actively used by me in the process of their studies). Once logged in, students find the necessary resource (Fig. 2).

Accordingly, the text was available for the students only in electronic form. The task and form of the work were the same as in the second case: the text inside the file was also divided into six parts, each group read their extract and draw it on the board. But in this case there was a significant difference. Almost immediately, the students began to actively surf the Internet: for clarifying unfamiliar words and names (like «avletics», «kifaristics», «Sophrone with Ksenarh», etc.), they sometimes looked at

Fig. 2. Print Screen of the page from the course «Cultural Studies. Introduction to the profession»

images depicting Aristotle and Ancient Greek subjects, and during the response of other groups they often looked into the other groups' parts.

In this way the recipients created their own versions of some of the text on the basis of what was proposed by the teacher: in the first case keeping within verbal encoding, and in the second and third case – changing verbal to visual code, and then again transforming the visual code into verbal. Only the third group read the text in electronic form.

Retelling the text (the first case) usually shows a higher percentage of communication failures (recipients produce meaningless, fragmentary texts, that they themselves do not understand). Working with drawings (the second and third option), on the contrary, provokes more active interest of the informants to the text, greater fun from read and own production of meanings: they willingly draw, explain and discuss their own and others' drawings. Purely pedagogically these variants are more acceptable both as methods of studying texts and as a means to remove the fear of complicated and incomprehensible text (due to its being «scientific» or archaic). The perception of a word works much more effectively when it is implemented in parallelly in a visual image, and it does not matter whether the recipient himself produces this image or this image is offered by the authors of the text.

Furthermore, the drawings analysis makes it possible to single out the main patterns of text perception strategies and methods of «treatment». So, one of the main strategies of understanding abstract scientific texts becomes their «instantiation,»

has an active character — there is both an exchange of views and transcoding, and students enjoy this work, the third variant still gives the students greater freedom of behavior.

The modern reader does not simply need to duplicate the verbal information by the visual, they feel much more comfortable when the verbal text is accompanied by other types of information (audio or video) or when the reader has the opportunity to interact actively with the text.

References

Aristotle. Poetics. Written 350 B.C.E / transl. by S.H. Butcher // The Internet/Classic Archive <<http://classics.mit.edu/Aristotle/poetics.html>>. (Рус. пер.: *Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1064–1112.) <http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm>).

Culler J. The Literary in Theory. Stanford University Press, 2007. P. 69–70.

Ivanov V. (*Иванов Вяч.Вс.* От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 5–6.)

McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962 <<http://bookre.org/reader?file=823333>>.

O'Reilly T. What Is Web 2.0 Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // O'REILLY <<http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>>.

Vartofsky M. Russian Translation (*Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. С. 191.)

Vygotsky L. The Psychology of Art. The MIT Press, 1971 <<http://www.marxists.org/archive/vygotsky/works/1925/>>.

ОБЩЕСТВО
И СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Е.М. Авраимова

Российская академия
народного хозяйства
и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: ГОРОДСКИЕ ПИЖОНЫ ИЛИ ПОКОЛЕНИЕ ОПТИМИСТОВ

Стабильность социально-экономического развития связана как с осуществлением мер социальной поддержки уязвимых слоев населения, так и с интенсивной социальной динамикой, благодаря которой социальные слои, находящиеся внизу социальной иерархии, могут подниматься вверх, опираясь на собственные ресурсы развития. Определяя характер действующих в обществе механизмов вертикальной мобильности, важно определить, на каких ресурсах этот механизм держится. Иными словами, многое зависит от того, какие ресурсы население готово рассматривать в качестве ключевых в сформировавшихся социально-экономических условиях, т.е. какие ресурсы наилучшим образом востребованы и дают лучшую отдачу. Именно к таким ресурсам различные группы населения ищут доступ и стремятся инвестировать в их приобретение.

Традиционным ресурсом, обеспечивающим подъем по социальной лестнице и лестнице материального благосостояния, является получение высшего образования. Выделение этого ресурса развития в качестве основного важно еще и потому, что высокий уровень образования влечет за собой не только адекватные статусные позиции и уровень материального благосостояния, но и позитивные модели социально-экономического поведения населения. Между тем механизмы вертикальной мобильности, успешно действовавшие с начала периода реформ, в качестве основных инструментов базировались, скорее, на социальном капитале и энергии, чем на образовании и профессионализме. На протяжении всего периода постсоветского развития роль социального капитала не снижалась, но наполнялась различными смыслами. В последнее время ему придается все большее значение, причем и с положительной, и с отрицательной коннотациями. Положительная связана с масштабом доверия (простирается ли оно вплоть до базовых государственных институтов или ограничивается друзьями и родственниками (Ф. Фукуяма), отрицательная – с ролью «замещающего ресурса», в качестве которого выступает социальный капитал, когда индивид действует, используя зарабо-

танные социальные связи, замещающие или компенсирующие дефицит прямых ресурсов – образования, квалификации и пр. (Д. Коулман).

В рамках исследования, проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2013 г¹, было важно установить, какое значение люди придают двум основным социальным ресурсам – высшему образованию и социальным связям, и какой ресурс считают наиболее эффективным «здесь и сейчас». В конечном счете требовалось определить, с каким типом общества мы имеем дело: с обществом, базирующимся на транспарентных механизмах вертикальной мобильности (массовая ориентация на получение качественного образования) с хорошими перспективами развития человеческого потенциала и основанного на нем роста конкурентоспособности национальной экономики, или с обществом, в основе которого лежат неформальные социальные связи и взаимодействия, и тогда не следует рассчитывать на прозрачные конкурентные механизмы, что будет тормозить экономический рост.

Те или иные механизмы вертикальной мобильности формируются в определенном институциональном пространстве и имманентны ему, поэтому мы старались определить, как различные группы респондентов воспринимают внешний контекст, по отношению к которому выстраивают собственные стратегии. В данном исследовании мы не имели возможности задать полноценный блок вопросов, ответы на которые характеризовали бы сложившиеся представления населения об условиях экономической и социальной активности. Тем не менее в анкете присутствовали вопросы, в которых операционализирован ряд показателей, характеризующих внешнюю рамку социально-экономического поведения. Одним из таких индикаторов является оценка экономического положения региона. Выяснилось, что чуть менее половины респондентов считают, что проживают в регионе с хорошим или скорее хорошим экономическим положением, а чуть больше половины – в регионах с плохим или скорее плохим положением.

Как показано в табл. 1, по мере взросления респондентов снижается доля позитивных оценок состояния региона, причем самые бодрые оценки дает самая младшая возрастная когорта. Среди нее и меньше всего тех, кто оценивает уровень развития региона сугубо негативно.

Респонденты, как это обычно и фиксируют социологические опросы, дают своему экономическому положению более высокие оценки, чем внешним условиям. Тем не менее около 40% опрошенных считают свое (своей семьи) положение скорее плохим или плохим, что совсем немало при условии длительного экономического роста, правда, в последние годы прекратившегося. Возрастные распределения дают следующую картину.

---

¹ Опрошены 4 тыс. респондентов по репрезентативной всероссийской выборке.

Таблица 1. Мнение респондентов разного возраста о положении региона, %

Положение региона	18–29 лет	30–39 лет	4–49 лет	50–59 лет	60–69 лет
Хорошее	27,0	22,0	15,5	15,2	16,8
Скорее хорошее	30,8	26,2	25,7	24,2	28,5
Скорее плохое	30,3	30,0	33,1	30,4	30,7
Плохое	11,9	21,7	25,6	30,2	24,0
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 2. Оценки экономического положения семьи в зависимости от возраста респондентов, %

Положение	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	Старше 60 лет
Хорошее	33,8	21,6	14,9	13,4	16,2
Скорее хорошее	29,8	20,2	16,1	16,5	17,4
Скорее плохое	16,4	18,2	20,0	22,6	22,8
Плохое	12,7	18,5	20,0	25,0	23,8

Респонденты средних возрастов склонны давать более нейтральные оценки – положение семьи скорее хорошее или скорее плохое, причем возрастная когорта 30–39 лет дает перевес позитивным оценкам, а следующая (40–49 лет) – негативным. Самые низкие оценки дают старшие возрастные группы, причем не только самая старшая, включающая пенсионеров, но и группа в возрастном интервале 50–59 лет, включающая как пенсионеров, так и занятых. А молодежь (18–29 лет) демонстрирует необыкновенный оптимизм, отличающий ее от всей остальной выборочной совокупности.

Выяснилось, что в целом большинство респондентов с оптимизмом смотрят в будущее. О том, что их семью ждут позитивные изменения, сообщает 39,6% респондентов; не ожидают изменений 42,4% и лишь 18% настроены пессимистически.

Рассмотрим возрастные различия.

Прежде всего, в каждой возрастной когорте выделяется доля респондентов (19–24%), не ожидающих никаких изменений, касающихся экономического положения их семей в ближайшем будущем. А вот те, кто ожидает перемен, явным образом делятся на оптимистов и пессимистов, причем оптимизм отличает в основном младшие когорты. В самой младшей группе около 40% ожидают позитивных изменений в ближайшем будущем, а, например, в старших возрастах подобных оптимистов в 6 раз меньше. Наоборот,

Таблица 3. Мнения респондентов разного возраста о возможных изменениях экономического положения семьи в ближайшие несколько лет, %

Экономическое положение семьи	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	Старше 60 лет
Скорее улучшится	39,7	27,0	15,1	10,6	7,5
Скорее ухудшится	8,5	9,4	13,4	34,9	33,8
Не изменится	19,0	17,6	19,7	19,6	24,1

в старшей возрастной когорте отмечена самая большая доля тех, кто готовится к изменениям к худшему. От них только незначительно отличаются в более позитивную сторону представления респондентов, находящихся в возрастном интервале 50–59 лет.

Субъективное социальное позиционирование – саморасположение внутри социальной иерархии – является важным индикатором социальной динамики. Анализ социальной диспозиции, определенной по признаку субъективной социальной идентификации, позволяет уяснить, имеются ли в обществе слои и группы, способные к саморазвитию, становятся ли они или могут стать в перспективе «локомотивом» общественного развития, т.е. являются ли они динамическим слоем, способствующим переходу страны на инновационный путь развития. К таким слоям обычно относят элиту и средний класс. Их базовое отличие – развитый «человеческий капитал», позволяющий добиваться больших успехов в непростых и быстро меняющихся условиях. Представляется, что не только объективные социально-демографические характеристики продвинули представителей средних и верхних слоев в социальный авангард. За этими объективными признаками угадывается иное отношение к жизни, иные мотивации, расширяющие представления о собственных возможностях и, соответственно, позволяющие выстраивать более сложные, но и более эффективные стратегии социально-экономического поведения.

Выделяется, как мы видим, самая молодая возрастная группа, в которой наименьшее число позиционирующих себя внизу социальной лестницы, и наибольшая – наверху. Возрастной интервал, в котором находится данная группа, не предполагает, что составляющие ее респонденты уже добились в жизни устойчивых позиций, с которых они оценивают себя по отношению к другим слоям и группам. Скорее всего, в понимании респондентов, речь

идет о возможностях или надеждах, и они, как мы видим, преимущественно позитивны.

Таблица 4. Социальная идентификация, в зависимости от возраста респондентов

Группы	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	Старше 60 лет
Нижняя	12,7	9,9	15,8	26,3	35,7
Ниже среднего	20,7	18,9	19,7	21,6	19,1
Средняя	25,5	22,0	18,2	17,8	16,,5
Выше среднего	31,8	22,7	17,2	14,7	13,6
Верхняя	29,2	20,4	14,1	17,8	18,5

Теперь вернемся к основным ресурсам социальной динамики. Ориентация на те или иные ресурсы вертикальной мобильности тестировалась с помощью измерения степени согласия с некоторыми утверждениями, смысл которых можно рассматривать в качестве индикаторов соответствующего выбора.

Проанализирована мера согласия с утверждением, что респонденты «имеют достаточно хорошее образование, чтобы получить высокооплачиваемую работу». В целом с этим утверждением согласны 47,5%, не согласны – 45,5%, 6,6% респондентов затруднились с ответом. Молодежная когорта при этом несколько выделяется своими ответами: здесь в пользу роли образования высказываются на 7% респондентов больше, чем по выборке в целом.

Теперь рассмотрим степень согласия респондентов с утверждением, что «на высокооплачиваемую работу берут только по знакомству». Уже линейное распределение ответов говорит о том, что большинство отвечавших согласны с этим утверждением (63,8%). Попробуем установить, какие возрастные характеристики влияют на сложившееся массовое представление о доминирующем механизме социальной динамики.

Хотя понимание чрезвычайной роли социальных связей превалирует во всех возрастных группах, все же прослеживается определенная зависимость повышения ориентаций на этот признак по мере взросления.

Представлялось важным в контексте исследования ориентаций на формальные (образование) или неформальные (социальные связи) ресурсы вертикальной мобильности посмотреть, какие стратегии успеха присутствуют

Таблица 5. Мнение респондентов о значимости социальных связей, в зависимости от уровня образования, %

	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласны с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству	24,7	19,9	17,8	18,8	18,9
Не согласны с тем, что на хорошую работу берут только по знакомству	27,9	22,7	16,6	17,4	15,4

в массовом сознании. Была протестирована степень согласия с утверждением, что «много получают те, кто много работает». Важным это представляется потому, что согласие с этим утверждением одновременно с ориентациями на социальный капитал может свидетельствовать о том, что социальный капитал рассматривается как необходимое, но недостаточное условие вертикальной мобильности.

Данные опроса показывают, что в целом определилось больше противников (52,2%), чем сторонников (41,1%) данного утверждения при 6,6% затруднившихся ответить. На степень согласия с тестируемым утверждением мало влияет качество полученного респондентами образования. Так, если среди тех, кто получил, по собственной оценке, хорошее образование, 41,7% считают, что много получают те, кто много работает, то среди тех, кто получил образование низкого качества, таких 47,3%.

Незаметны и особенные возрастные отличия.

Таблица 6. Согласны с мнением «Много получают те, кто много работает», в зависимости от возраста респондентов, %

	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласны	27,1	21,4	15,4	16,9	19,2
Не согласны	24,1	19,8	18,8	19,5	17,8

Скорее всего, несмотря на относительно небольшую долю затруднившихся ответить, этот вопрос не проблематизирован в общественном сознании в отличие от другого аспекта данной проблемы – источников материального благополучия элиты. Здесь, как следует из многочисленных опросов, проведенных на эту тему, ясно, что в обществе распространено убеждение, что «все состояния нажиты нечестным путем». При переходе к внеэлитным

группам, как мы видим, такого однозначного мнения не сложилось, как не сложились внятные результаты рефлексии по поводу связи содержания труда, его эффективности и производительности с размером оплаты. Видимо, мы имеем дело со следствием дисфункций и перекосов на сформировавшемся в России рынке труда с его чрезмерной отраслевой и сегментарной дифференциацией.

Теперь протестируем массовые ориентации на меритократический принцип: связь образования с «успехом». Понятие успеха в опросном листе не раскрывалось, поэтому имплицитно в это понятие вложены и карьерные продвижения, и продвижения по шкале материального достатка. Всего 17% респондентов согласны с тем, что «обеспеченные люди добиваются успеха за счет хорошего образования», а 82% опрошенных с этим не согласны. Вместе с тем признак уровня образования респондентов оказывает значительное влияние на соответствующие умонастроения.

Таблица 7.   Согласны с мнением «За счет хорошего образования можно добиться успеха», в зависимости от уровня образования респондентов, %

Согласны	Уровень образования				
	Нет профессионального образования	Начальное профессиональное образование	Среднее профессиональное образование	Неоконченное высшее	Высшее
	16,0	3,9	42,7	7,6	30,4

Здесь важно, что отрицают значимость образования преимущественно те, кто не имеет ни высшего, ни среднего профессионального образования. В то же время наибольшие надежды на образование высказывают получившие среднее профессиональное, им, видимо, представляется, что не освоенная ими образовательная ступень отделяет их от более образованных и успешных сограждан. Респонденты, имеющие высшее профессиональное образование, примерно в каждом третьем случае (но не больше!) считают, что добились успеха, благодаря полученному диплому.

Интересно, что согласие с мнением, что за счет хорошего образования можно добиться успеха, практически никак не зависит от качества полученного образования. Похоже, что факт наличия образования (символическое значение образования) важнее его качества.

Согласие с данным утверждением находится в следующей зависимости от возраста респондентов: если в каждой возрастной группе, кроме самой младшей, с этим утверждением согласны 16–18% респондентов, то в млад-

шей (от 18 до 29 лет) – 26%. То есть наименее опытные респонденты, менее знакомые с «правилами игры», в большей степени возлагают надежды на реализацию меритократического принципа социальной динамики.

Наконец, протестируем уровень согласия с утверждением, что успех главным образом зависит от личных качеств. В целом по выборке с этим утверждением согласны 31,5% респондентов, почти вдвое больше, чем тех, кто связал успех с образованием.

Интересно, что опора на личные качества в большей степени проявилась у тех, кто достиг более высоких образовательных ступеней, и таким образом можно предположить наличие связи между уровнем образования и усилиями, затраченными на его достижение, т.е. личными качествами.

Молодежная возрастная группа (18–29 лет) выступает иначе, чем представители других возрастных групп, больше ориентируясь на личные качества.

Таблица 8. Согласны с мнением, что успеха можно добиться благодаря личным качествам, в зависимости от возраста респондентов, %

	18–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Согласны	28,6	21,8	15,7	17,1	16,7

И вот, наконец, утверждение, с которым согласны более половины всех опрошенных: обеспеченные люди добиваются успеха за счет связей и знакомств. Как мы видим, такое представление о природе успеха в сложившейся институциональной среде не только является наиболее распространенным в российском обществе, его сторонники численно преобладают над теми, кто считает, что главным фактором успеха является образование или работоспособность и другие качества. Таким образом, приходится признать, что в основе восходящей мобильности лежит отнюдь не меритократический принцип, а все тот же социальный капитал, характеризующий не масштаб доверия, что имманентно обществу, основанному на открытой конкурентности, а масштабы трайбалистского социума.

Остановимся на выявлении того, кто в наибольшей степени становится адептом таким образом толкуемых социальных связей. Больших различий в уровне образования респондентов, являющихся сторонниками данной идеи, мы не обнаружили: если среди тех, кто имеет только начальное профессиональное образование, их максимальная доля составляет 13,7%, то минималь-

ная доля – среди имеющих высшее образование – 8,6%. Да, разница существует, и можно сказать, что с ростом образования число настаивающих на исключительном значении социальных связей существенно уменьшается, но эта разница составляет только 5%, что едва превышает доверительный интервал. Признак качества образования вообще не воздействует на значение тестируемого признака, так же как и фактор возраста.

По результатам анализа была сконструирована итоговая типология ориентаций на накопление и реализацию тех или иных ресурсов вертикальной мобильности. Логика классификации состояла в выделении типов по мере убывания принципа меритократии в ориентациях респондентов:

- 1-й тип – ориентация на личные усилия (получение высшего образования, работоспособность, другие личные качества);
- 2-й тип – ориентация на личные усилия и социальные связи;
- 3-й тип – ориентация исключительно на социальные связи.

Распределение по типам вертикальной мобильности, преобладание в них самого массового типа, включающего респондентов, ориентирующихся в своих трудовых и социальных перемещениях исключительно на социальные связи, разумеется, свидетельствует о наличии серьезных дисфункций механизма вертикальной мобильности. Подобные дисфункции, во многом являющиеся следствием качества сложившейся институциональной среды, самым серьезным образом влияют на конкурентоспособность национальной экономики, поскольку, не являясь стимулом роста профессионализма и ответственности, воспроизводят непродуктивные модели социально-экономического поведения.

Но мы не можем не отметить, что самая молодая возрастная когорта вновь выделяется на общем фоне, поскольку содержит самую большую долю респондентов, принадлежащих к первому типу, т.е. ориентирующихся на накопление образовательного ресурса и личные усилия.

Наши данные не дают возможности ответить на вопрос, следствием чего является оптимизм и меритократические установки молодой генерации – формирующейся новой системы ценностей и установок или невключенностью в реальную жизнь и вследствие этого отличными от более зрелых и опытных респондентов взглядами. Представляется, что обе гипотезы имеют право на существование.

С.С. Бирюкова

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

СЕМЕЙНОЕ УСТРОЙСТВО ДЕТЕЙ-СИРОТ: СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО ПОДХОДА В СРАВНЕНИИ С ОПЫТОМ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН¹

Введение

Вопросы профилактики сиротства и развития различных форм – в данный момент, как правило, семейных – устройства детей-сирот находятся в России в центре общественного и политического внимания не так давно. В советский период институциональное воспитание, интернатное, получило существенное распространение по ряду причин. Среди них можно указать следующие:

- 1) широкая распространенность биологического сиротства как результат Второй мировой войны;
- 2) широкая распространенность биологического сиротства как результат политики репрессий второй половины XX в.;
- 3) убеждение общества в целом и работников социальной сферы в частности в том, что государство, институт, т.е. детский дом, в состоянии обеспечить более качественное, профессиональное, идеологически верное и в то же время равное воспитание и уход.

Если первые два фактора являются объективной исторической реальностью и к настоящему времени не оказывают влияния на состояние сиротства

---

¹ Представленные результаты получены в ходе реализации исследовательского проекта Независимым институтом социальной политики по заказу благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко в 2013 г. и в ходе проведения исследований в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг.

в России, то полностью преодолеть последний фактор не удается и по сей день.

Краткий обзор российских статистических данных

В соответствии с данными официальной статистики распространённость сиротства в России сокращается не так давно. Общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, начала уменьшаться с середины 2000-х годов (в 2004 г. она составляла 726,9 тыс. человек, в 2005–2006 гг. – 726,6 тыс. человек, в 2012 г. – уже 649,6 тыс. человек). Однако доля детей-сирот в численности детского населения впервые сократилась только в 2009 г. (всего с 2009 г. по 2012 г. она уменьшилась с 2,8% до 2,4%).

Рис. 1. Динамика распространённости сиротства в России, 2000–2012 гг.

Система устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также начала изменяться с середины 2000-х годов, когда на политическом и законодательном уровне в России была определена приоритетность семейного устройства. Проживание в семьях, а не в институциональных учреждениях, способствует более здоровому физическому, психологическому и умственному развитию детей, повышает возможности их своевременной

социализации и интеграции в общество, снижает риски воспроизводства семейного неблагополучия и социального сиротства в следующих поколениях. Об этом свидетельствуют данные многочисленных европейских и американских исследований. Статистические данные свидетельствуют о том, что обозначенная приоритетность семейных форм постепенно находит отражение в практике: если в начале 2000-х годов институциональное устройство детей было второй по распространенности формой, и в учреждениях различных типов в 2000 г. находились 27% детей-сирот, то в 2012 г. на институциональном устройстве пребывали уже 15,7% сирот.

Рис. 2. Динамика структуры устройства детей-сирот в России, 2000–2012 гг.

Однако что стоит на самом деле за обозначенной деинституционализацией?

Происходящая деинституционализация сопровождается изменениями в структуре семейного устройства. Всего в России можно выделить три основных формы семейного устройства детей-сирот: (1) опека (в возрасте до 14 лет) и попечительство (в возрасте от 14 до 18 лет), (2) устройство в приемные семьи и семейные детские дома, (3) усыновление (удочерение). Описанное выше сокращение доли институционального устройства детей-сирот в основном произошло благодаря возникновению и развитию института при-

емных семей, доля которых в структуре устройства выросла с начала 2000-х годов от уровня менее 2% до 15,5% к 2012 г. Рост числа приемных семей в первую очередь обеспечивается принятием в 2008 г. Федерального закона «Об опеке и попечительстве», в рамках которого приемная семья была определена как одна из разновидностей возмездной опеки и получила право на пакет мер государственной помощи: финансовую поддержку государства (ежемесячная заработная плата приемным родителям, выплаты на питание, одежду и другие расходы, связанные с содержанием приемного ребенка), а также право на профессиональное психолого-педагогическое сопровождение. Однако необходимо отметить, что рост числа приемных семей частично произошел в результате переоформления в эту форму устройства опеки и попечительства с целью получения доступа к указанным мерам государственной поддержки. При этом опека и попечительство являются наиболее распространенной формой семейного устройства на протяжении всего рассматриваемого периода. На их долю (начиная с 2001 г.) приходится около половины всех случаев устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Наконец, доля усыновлений, на которые вплоть до 2007 г. приходилось 21–23% от общего числа устроенных детей, к 2010–2012 гг. снизилась до 19%.

Важно отметить, что происходящие изменения практически никак не влияют на положение таких групп детей, как дети-инвалиды, дети старших возрастов, дети, проживающие в сиротских учреждениях с родными братьями и сестрами. Несмотря на попытки государства вводить меры дополнительной материальной поддержки семей, принимающих таких детей на воспитание, они по-прежнему остаются в институциональных учреждениях.

Деинституционализация сиротства в странах мира

История перехода от институционального содержания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и развития семейных форм устройства в развитых странах насчитывает более полувека. Принципиальными отличиями зарубежной системы фостерных (приемных) семей от российской практики является, во-первых, строго временный характер помещения ребенка в приемные семьи с широким распространением краткосрочного (кризисного) устройства и, во-вторых, обязательность восстановления или поддержания контактов ребенка с кровными родителями. При этом в практике развитых стран в отношении так называемых социальных сирот, как правило, вообще не применяется усыновление.

Исследования, проведенные в странах с длительной историей существования фостерных (приемных) семей, показали, что семейное устройство само по себе не является гарантией успешной социальной адаптации ребенка. Более того, для отдельных, очень узких категорий детей — детей с серьезными физическими или психическими отклонениями в развитии — институциональное устройство показало более высокую эффективность даже в странах с хорошо развитой системой приемного родительства. В то же время дети, покинувшие приемные семьи, во взрослой жизни часто испытывают те же трудности, что и выпускники институциональных учреждений. Такие выводы показали необходимость усиления профессиональной подготовки родителей, сопровождения и мониторинга семей на всех этапах воспитания ребенка. При этом для решения этой задачи в части развитых стран был осуществлен переход к профессионализации института приемного родительства.

Проведем далее краткий обзор зарубежных практик, систем, обращая внимание на четыре характеристики устройства: (1) существующие формы размещения детей; (2) длительность и задачи размещения; (3) применяемые технологии сопровождения и контроля пребывания детей на семейных формах воспитания и (4) формат поддержания контактов с кровными родственниками (родителями) или же отсутствие таких контактов.

При подготовке обзора зарубежных практик были выделены также четыре группы регионов:

- 1) США и Великобритания;
- 2) Скандинавские страны (Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания);
- 3) Страны Южной и Западной Европы (Испания, Италия, Греция);
- 4) Страны Центральной и Восточной Европы (Болгария, Беларусь, Молдова, Румыния, Украина, Сербия, Хорватия, Эстония, Польша и др.).

Обобщение результатов, полученных в ходе анализа всех обозначенных вопросов в каждом из регионов, приведено в табл. 1.

Что же представляет собой российская система семейного устройства?

Все существующие в российской практике формы семейного устройства ориентированы на длительное пребывание ребенка в замещающей семье — как правило, вплоть до его совершеннолетия. Одной из главных причин этого является то, что возврат ребенка кровным родителям не входит в число основных задач системы опеки и устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; после изъятия ребенка у родителей работа

Таблица 1. Обзор зарубежных подходов к устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

<p>Регион</p> <p>США и Великобритания</p>	<p>Формы размещения детей, длительность и задачи размещения</p> <ul style="list-style-type: none"> Системы замещающего устройства этих стран ориентированы на постоянное устройство через усыновление. <ul style="list-style-type: none"> <i>США</i>: кроме этого, основные формы – фостерные (приемные) семьи, реабилитационные центры и групповые дома. Все формы устройства детей считаются временными, фостерная (приемная) семья является наиболее предпочтительной формой устройства; целью размещения детей в учреждениях является подготовка ребенка к передаче в приемную семью, к усыновителям или возвращение к родным родителям. <i>Великобритания</i>: кроме этого, основные формы – фостерные (приемные) семьи, детские дома или школы-интернаты (для детей старшего возраста и детей с особыми потребностями) и специализированные общежития или проживание на условиях частичной независимости в своем жилье (для детей с 16 лет); существует множество временных форм пребывания в фостерных семьях, от срочного кратковременного пребывания (несколько дней) до долгосрочного пребывания – в зависимости от потребностей ребенка 	<p>Технологии сопровождения и контроля пребывания детей на семейных формах воспитания</p> <ul style="list-style-type: none"> В США усыновление осуществляется через Агентства по усыновлению или в независимом порядке, если усыновление невозможно, ребенок попадает в государственную Программу других постоянных форм устройства. <ul style="list-style-type: none"> В Великобритании вопросы замещающего ухода за несовершеннолетними детьми находятся в ведении муниципальных образований. Ответственность за ребенка несет социальный работник, который прикреплён к каждому ребенку в течение всего пребывания ребенка в системе замещающего ухода. Социальный работник составляет индивидуальный план по уходу за ребенком, который поддается регулярной оценке. Фостерные (приемные) родители в течение первых 12 месяцев после получения официального одобрения от муниципального совета или агентства должны выполнить так называемые Стандарты подготовки, поддержки и развития. Муниципальный совет или агентство осуществляют проверку и оценку деятельности фостерных (приемных) семей каждый год. В обеих странах замещающие семьи получают существенную финансовую поддержку в форме денежных выплат и льгот 	<p>Поддержание контактов с кровными родственниками (родителями)</p> <ul style="list-style-type: none"> Как правило, в британской и американской системах всегда, когда это возможно, при помещении в фостерную (приемную) семью или учреждение по уходу сохраняется контакт ребенка с родной семьей. Существует правило, что братья и сестры должны быть помещены в одну семью. <ul style="list-style-type: none"> В обеих странах практикуется тайное усыновление
---	--	---	---

Регион	<p>Формы размещения детей, длительность и задачи размещения</p> <ul style="list-style-type: none"> • Помещение ребенка в институциональную среду рассматривается как крайняя мера, применяемая в тех случаях, когда не сработали другие способы вмешательства в ситуацию. • В основе системы по работе с детьми в этой группе стран лежат принципы профилактики, предотвращения кризисных ситуаций, превентивного вмешательства, «мягкого» вмешательства. • Приоритетной формой устройства детей, изъятых из семьи, являются fosterные (приемные) семьи. • Институт лишения родительских прав и/или усыновления в ряде Скандинавских стран отсутствует, регион в наибольшей степени ориентирован на развитие временного замещающего родительства. • В некоторых Скандинавских странах в последние годы происходит возврат к частичной институционализации детей. • С точки зрения длительности и задач в этих странах существует широкий набор форм fosterного пребывания, однако наибольшей вариативностью обладают формы краткосрочного и кризисного размещения 	<p>Технологии сопровождения и контроля пребывания детей на семейных формах воспитания</p> <ul style="list-style-type: none"> • В этой группе стран государство играет значительную роль с точки зрения развития института замещающей семьи и его профессионализации. • Fosterные родители в этих странах заключают официальные контракты или соглашения с социальными службами или иными агентствами, проходят специальную подготовку или обучение, получают вознаграждение за свой труд, а также получают сопровождение со стороны социальных работников/служб. • Во всех Скандинавских странах постепенно внедряется технология так называемых «семейно-групповых конференций», которая предполагает вовлечение в процесс выработки решения о наилучшем формате работы с ребенком и его родителями расширенной семьи – при непосредственном сопровождении и консультировании специалистов социальных служб 	<p>Поддержание контактов с кровными родственниками (родителями)</p> <ul style="list-style-type: none"> • Контакты с кровной семьей поддерживаются, в отдельных Скандинавских странах – даже в случае передачи ребенка на усыновление, их сохранение и развитие входит в обязанности fosterных (приемных) родителей
Страны Южной и Западной Европы	<ul style="list-style-type: none"> • Широкое разнообразие форм замещающего родительства существует в Испании, что связано с давней историей развития института fosterных (приемных) семей. • В странах этой группы существуют как долгосрочные и постоянные формы замещающего родительства (родственные приемные семьи, традиционные приемные семьи), так и формы краткосрочного и кризисного размещения. • Развитие fosterного (приемного) родительства пока что в наименьшей степени происходит в Греции, где основная часть детей до настоящего времени попадает в институциональные учреждения (детские центры и «Детские города») 	<ul style="list-style-type: none"> • В Испании требуется высокий уровень обязательной подготовки родителей и декларируется необходимость прохождения специализированных курсов. • В Италии обязательным требованием к fosterным (приемным) родителями является посещение групповых курсов подготовки. • При необходимости приемные родители в этих странах могут получать помощь квалифицированных специалистов 	<ul style="list-style-type: none"> • Серьезный акцент на поддержании связей с кровными родственниками не делается, за исключением отдельных форм fosterного (приемного) устройства в Испании

Регион	<p>Формы размещения детей, длительность и задачи размещения</p>	<p>Технологии сопровождения и контроля пребывания детей на семейных формах воспитания</p>	<p>Поддержание контактов с кровными родственниками (родителями)</p>
Страны Центральной и Восточной Европы	<ul style="list-style-type: none"> • Наиболее распространенной формой семейного устройства детей-сирот в странах этого блока остается (преимущественно родственных) опека и попечительство. • В целом виды временного семейного устройства, развивающиеся в регионе, включают: опеку (попечительство), fosterные (приемные) семьи², в том числе – профессиональные fosterные (приемные) семьи³, патронаж⁴. • Развитие альтернативных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в большинстве стран региона происходит очень медленными темпами. • Наиболее давнюю и развитую традицию существования fosterных (приемных) семей из стран этого блока имеет Польша. • В целом во многих странах региона fosterные (приемные) семьи рассматриваются как долгосрочное решение проблемы устройства детей-сирот, а не как временная форма семейного устройства 	<ul style="list-style-type: none"> • Сопровождение и надзор за содержанием ребенка в fosterных (приемных) семьях осуществляется специализированными органами опеки и попечительства, действующими на местном уровне. • В ряде стран замещающим семьям предоставляется дополнительное государственное содержание, в основном в виде пособия на детей (Беларусь, Молдова, Украина) 	<ul style="list-style-type: none"> • Поддержание и восстановление связей с кровными родителями является слабо развитой практикой. • Выход из системы опеки / попечительства или fosterных (приемных) семей лишь в незначительной доле случаев происходит для воссоединения с кровной семьей, зачастую же дети-сироты покидают приемных родителей (опекунов/попечителей) в силу возраста или возвращения в систему детских учреждений (вторичное социальное сиротство)

¹ Это, наряду с усыновлением, одна из старейших форм семейного устройства, доступная еще при социализме, поэтому она существует в большинстве стран региона, кроме тех, которые отказались от этой формы в пользу «родственных приемных семей».

² Болгария, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Сербия, Хорватия, Эстония; Беларусь, Грузия, Молдова, Украина и др. В стадии становления – в Армении, Киргизстане.

³ Болгария, Польша, Румыния, Беларусь, Украина.

⁴ Беларусь, Молдова, Узбекистан.

с кровной семьей практически никогда не ведется. Еще одной важной особенностью российской системы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является то, что в институциональные учреждения хотя бы на непродолжительное время попадают все без исключения дети, и не существует механизма, позволяющего избежать этого. Однако даже кратковременное пребывание в учреждении негативно влияет на психологическое и эмоциональное состояние ребенка, травмирует его. Третья проблема российской системы устройства детей-сирот — это распространенность вторичного сиротства. Основная часть возвратов детей из замещающих семей в институциональные учреждения происходит по инициативе замещающих родителей или вследствие ненадлежащего выполнения усыновителями обязанностей по воспитанию детей, что свидетельствует о недостаточной развитости системы подготовки и отбора приемных родителей, а также социально-психологического и педагогического сопровождения семей.

Что можно и нужно заимствовать из зарубежной практики?

Несмотря на то, что в развитых странах до настоящего времени не выработан универсальный подход к решению задачи по формированию наиболее сбалансированной системы семейного устройства детей-сирот и не существует единых для всех стран форм замещающих семей, примеры отдельных успешных практик или, наоборот, показавших свою неэффективность решений могут быть учтены при развитии семейного устройства в России.

Прежде всего, перспективным направлением дальнейшей трансформации российской системы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, можно считать развитие и углубление профессионализации замещающего родительства. На практике это будет означать постепенную переориентацию системы на подход «от ребенка к семье», предполагающий подбор и наём социальными службами родителей для каждого ребенка в соответствии с его специфическими потребностями. Практика же «выбора» потенциальными родителями или опекунами детей, широко распространенная в настоящее время, постепенно должна уходить.

Одновременно с этим создание и развитие полноценного профессионального сообщества, разработка и внедрение на уровне практики критериев профессионализма, методик профессиональной подготовки и переподготовки замещающих родителей, выработка методик сопровождения и специалистов соответствующих служб — все это позволит привести систему замещаю-

шего родительства в большее соответствие с фактическими запросами детей, попадающих в нее.

Следует также обратить внимание на уже сформировавшуюся зарубежную практику создания малокомплектных институциональных учреждений для тех групп детей, которые требуют особого медицинского или психологического наблюдения и по этим причинам чаще испытывают затруднения с передачей на семейные формы устройства. В данном случае практическую пользу, возможно, может принести подробное изучение конкретного опыта в их организации, вплоть до юридической и экономической составляющих процесса.

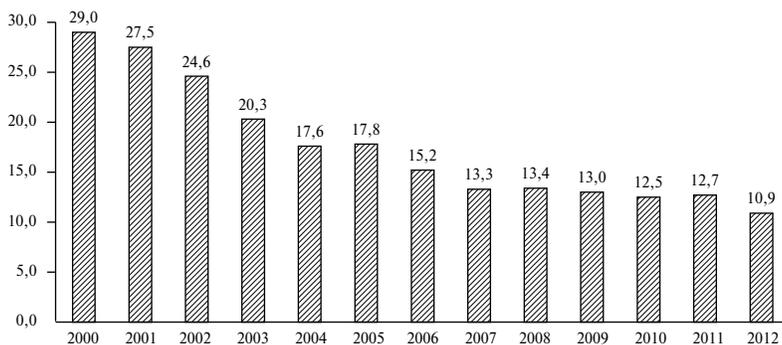
Е.Е. Гришина

Российская академия
народного хозяйства
и государственной
службы
при Президенте
Российской Федерации

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОИМУЩИХ В РОССИИ

Рост экономики в 2000-х годах привел к существенному снижению уровня бедности: с 29% в 2000 г. до 10,9% в 2012 г. (рис. 1).

Рис. 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, 2000–2012 гг., %

Источник: Данные Росстата <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#>>.

Постепенно в нормативно-правовых актах на федеральном уровне адресной социальной поддержке населения, направленной на помощь бедным, уделяется все более пристальное внимание.

Так, в рамках Государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»¹ ключевым направлением дальнейшего развития системы социальной поддержки является расширение сферы применения адресного подхода к предоставлению мер социальной поддержки, основанного на оценке нуждаемости заявителей, что будет способствовать

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2553-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан».

снижению бедности, сокращению неравенства, улучшению социального климата в обществе, оптимизации и повышению эффективности расходов бюджетов субъектов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 12.1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» с 1 января 2010 г. проживающим на территории Российской Федерации неработающим пенсионерам, в том числе детям-инвалидам, в целях доведения общей суммы их материального обеспечения до величины прожиточного минимума пенсионера, установленной в субъекте Российской Федерации по месту его жительства или по месту его пребывания, предусмотрено установление федеральных и региональных социальных доплат к пенсии. Данная мера адресной социальной поддержки пенсионеров внесла существенный вклад в сокращение уровня бедности среди пенсионеров в период с 2009 г. по 2010 г.: если в целом с 2009 г. по 2010 г. доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сократилась лишь на 0,5 п.п. (а среди детей до 16 лет эта доля даже увеличилась на 0,6 п.п.), то среди лиц старше трудоспособного возраста доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сократилась в тот же период на 1,4 п.п. (рис. 2).

Рис. 2. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по возрастным группам, %

Источник: Росстат, статистический бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности в 2009–2012 гг.»

Федеральным законом от 25.12.2012 N 258-ФЗ в Федеральный закон № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» была внесена ст. 8.1, определяющая основные принципы предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта.

Однако на практике адресные программы социальной поддержки не получили широкого распространения. Так, подавляющая часть социальных трансфертов предоставляется на категориальной основе без учета нуждаемости населения. Расходы на адресную социальную помощь в общем объеме расходов на выплату пособий и социальную помощь составляют не более 5% [Стратегия-2020..., 2013]. В 2013 г. доля расходов консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки малоимущих граждан в среднем по России составляла 1,8% (рис. 3).

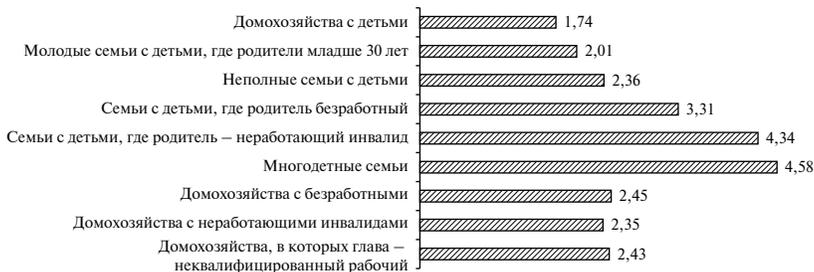

Рис. 3. Доля расходов консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки граждан по различным категориям, 2013 г.

Источники: Росстат; ЦБСД; Расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки граждан.

Несмотря на снижение уровня бедности в целом по Российской Федерации, отдельные социально-демографические группы домохозяйств продолжают испытывать существенные риски бедности. Проведенные расчеты на данных Обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата за 2012 г. показывают, что повышенный риск бедности имеют домохозяйства с детьми (риск бедности выше в 1,74 раза), особенно молодые (в 2,01 раза), неполные семьи с детьми (в 2,36 раза), семьи с детьми, в которых родитель является безработным (в 3,31 раза), а также многодетные семьи (в 4,58 раза) (рис. 4). Кроме того, повышенные риски бедности имеют домохозяйства с безработными, неработающими инвалидами, а также домохозяйства, глава которых является неквалифицированным рабочим.

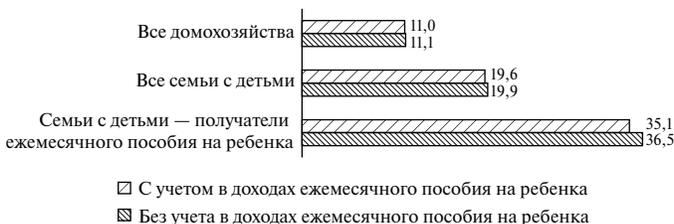
Используемые в субъектах Российской Федерации подходы к принципам формирования, категорированию получателей, формам предоставления мер социальной поддержки не позволяют им оказывать значимое влияние на снижение бедности. В частности, проведенные на данных Рос-

Рис. 4. Индекс риска бедности, по социально-демографическим группам домохозяйств, 2012 г., раз

Источники: Расчеты на данных Обследования бюджетов домашних хозяйств; Росстат, 2012 г.

сийского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2012 г. расчеты показывают, что снижение уровня бедности получателей ежемесячного пособия на ребенка² после получения указанного пособия составляет лишь 1,4 п.п., что соответствует снижению бедности среди всех домохозяйств на 0,1 п.п. (рис. 5).

Рис. 5. Уровень бедности по денежным доходам по различным категориям домохозяйств, %

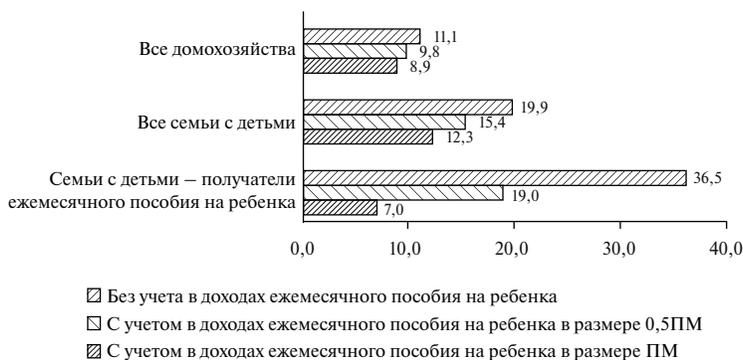
Источник: Расчеты на данных РМЭЗ, 2012 г.

В то же время результаты проведенного сценарного моделирования свидетельствуют о том, что существенное снижение уровня бедности в субъектах Российской Федерации может быть достигнуто за счет увеличения среднего

² Здесь и далее — ежемесячное пособие на ребенка, устанавливаемое ст. 16 Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

размера регулярных адресных социальных выплат малоимущему населению, а также увеличения в структуре расходов консолидированного бюджета регионов на реализацию мер социальной поддержки граждан доли расходов, приходящейся на регулярную адресную социальную помощь малоимущему населению.

В частности, расчеты показывают, что при увеличении размера ежемесячного пособия на ребенка до половины величины прожиточного минимума для детей в субъекте Российской Федерации уровень бедности по денежным доходам среди получателей данного пособия сократится на 17,5 п.п. (с 36,5% до 19%), а при увеличении размера ежемесячного пособия на ребенка до величины прожиточного минимума для детей в субъекте Российской Федерации уровень бедности по денежным доходам среди получателей данного пособия сократится на 29,5 п.п. (с 36,5% до 7%) (рис. 6).

Рис. 6. Уровень бедности по денежным доходам по различным категориям домохозяйств, %

Источник: Расчеты на данных РМЭЗ, 2012 г.

Проведенный на региональных данных регрессионный анализ зависимости уровня бедности в субъектах Российской Федерации от структуры расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию мер социальной поддержки граждан, среднего размера выплат малоимущим гражданам и семьям с детьми, а также факторов, отражающих социально-демографическую ситуацию в регионе, позволил выявить, что уровень бедности в субъекте РФ уменьшается при росте:

- доли регулярных денежных выплат малоимущим гражданам в расходах консолидированного бюджета субъекта РФ на реализацию мер социальной поддержки граждан;

- отношения среднего размера регулярных денежных выплат малоимущим гражданам к прожиточному минимуму в субъекте РФ;
- отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к прожиточному минимуму в субъекте РФ;
- доли лиц старше трудоспособного возраста в субъекте РФ.

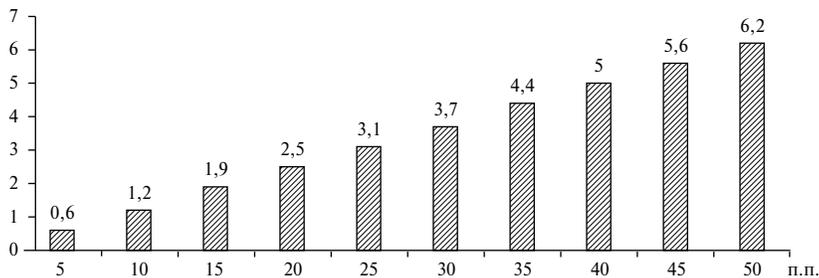
Регрессионный анализ также показал, что уровень бедности в субъекте РФ увеличивается при проживании в Сибирском федеральном округе и росте доли лиц младше трудоспособного возраста в субъекте РФ.

Для построения независимых переменных использовались данные статистического бюллетеня Росстата «Реализация мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в 2012 г.» на основе формы федерального государственного статистического наблюдения № 3-соцподдержка. В целях преодоления проблемы мультиколлинеарности были рассмотрены четыре регрессионных модели с различным набором независимых переменных. Кроме того, для переменных «Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к прожиточному минимуму в субъекте РФ», «Доля лиц младше трудоспособного возраста в субъекте РФ» и «Доля лиц старше трудоспособного возраста в субъекте РФ» использовались их центрированные значения, получаемые путем вычитания из переменных их средних значений по всем рассматриваемым регионам.

На основании полученных оценок коэффициентов регрессионных моделей были смоделированы эффекты изменения уровня бедности от повышения доли расходов на адресные выплаты в консолидированных бюджетах субъектов РФ и роста среднего размера адресных выплат малоимущим гражданам в субъектах РФ. Результаты сценарного моделирования свидетельствуют о том, что при увеличении в субъекте РФ доли регулярных денежных выплат малоимущим гражданам в расходах консолидированного бюджета данного региона на реализацию мер социальной поддержки граждан на 10 п.п. приведет к снижению уровня бедности в среднем на 1,2 п.п. (рис. 7). А при росте среднего размера регулярных денежных выплат малоимущим гражданам по крайней мере до 30% от уровня прожиточного минимума в регионе доля бедного населения в среднем по регионам снизится на 2,8 п.п. (рис. 8).

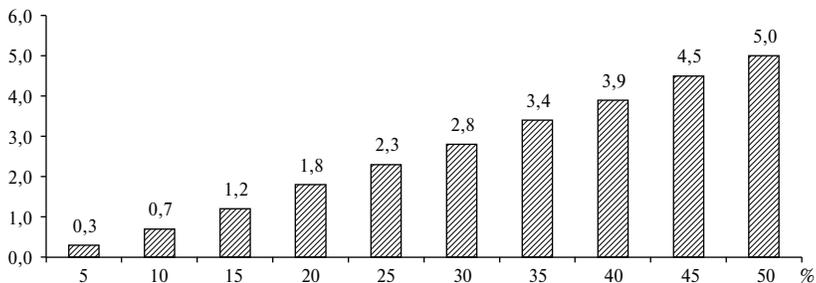
Анализ данных Росстата позволяет сделать вывод о том, что проблема предоставления социальной помощи небедным домохозяйствам в рамках адресной программы ежемесячных пособий на ребенка продолжает оставаться достаточно острой (рис. 9).

Это может быть связано как с учетом доходов только членов нуклеарной семьи для определения права на получение социальной помощи, так и с отсутствием ежегодной перерегистрации получателей пособий на ребенка

Рост доли адресных выплат в расходах консолидированного бюджета региона на реализацию мер социальной поддержки граждан, п.п.

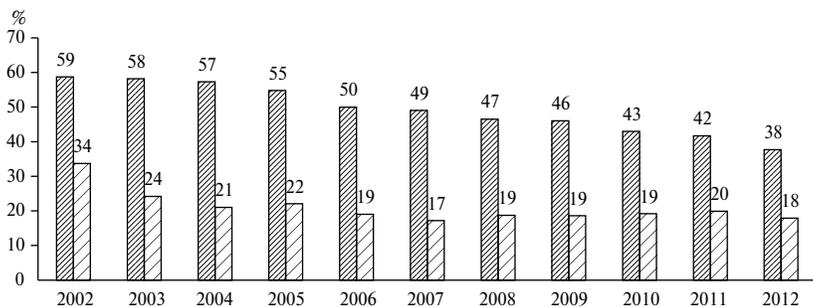
Рис. 7. Среднее ожидаемое снижение уровня бедности при увеличении в регионах доли регулярных денежных выплат малоимущим гражданам в расходах консолидированного бюджета данного региона на реализацию мер социальной поддержки граждан, п.п.

Увеличение отношения среднего размера регулярных денежных выплат малоимущим гражданам к прожиточному минимуму до целевого значения, % от ПМ

Рис. 8. Среднее ожидаемое снижение уровня бедности при увеличении до целевого значения отношения среднего размера регулярных денежных выплат малоимущим гражданам к прожиточному минимуму в данном регионе, п.п.

и невозможностью учета всех доходов домохозяйства. Проведенные на данных РМЭЗ за 2012 г. расчеты показывают, что при учете доходов всех членов домохозяйства, а не только членов нуклеарной семьи, для определения права на получение ежемесячного пособия на ребенка, уровень бедности среди заявителей сокращается в 1,5 раза, а крайней бедности – в 2,4 раза, а при учете в доходах случайных заработков, денежных доходов от ведения личного подсобного хозяйства и других трудно верифицируемых денежных поступле-

▨ Доля детей, на которых назначено ежемесячное пособие, в общей численности детей до 16 лет
 □ Доля бедных среди детей в возрасте до 16 лет

Рис. 9. Уровень участия в программе ежемесячных пособий на ребенка и уровень бедности среди детей в возрасте до 16 лет, %

Источник: Расчеты на данных статистических сборников Росстата «Социально-экономические индикаторы бедности» и «Социальное положение и уровень жизни населения России».

ний уровень бедности среди заявителей еще дополнительно сокращается в 1,2 раза, а крайней бедности – в 1,5 раза (рис. 10).

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что снижение уровня бедности в субъектах Российской Федерации может быть достигнуто за счет переориентации структуры расходов консолидированного бюджета региона на реализацию мер социальной поддержки граждан в сторону регулярной адресной социальной помощи малоимущему населению, а также увеличения среднего размера регулярных адресных социальных выплат малоимущему населению.

Повышение бюджетной эффективности адресных социальных программ возможно за счет учета расширенного перечня доходов заявителей, доходов всех членов домохозяйств, претендующих на получение адресной социальной помощи, а также за счет использования технологии социального контакта, направленной на преодоление социального иждивенчества и предполагающей активные действия получателей помощи по выходу из трудной жизненной ситуации.

Для эффективного внедрения технологии социального контракта в субъектах Российской Федерации было бы целесообразно внести изменения и дополнения в Методику оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта, утвержденную приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики от 30 сентября 2013 г.

Рис. 10. Уровни бедности и крайней бедности среди семей с детьми, являющихся получателями ежемесячных пособий на ребенка, без учета ежемесячного пособия на ребенка, при различных показателях доходов семьи/домохозяйства, %

Примечание. Стандартный перечень доходов включает заработные платы, пенсии, пособия по безработице, пособия на детей (за исключением ежемесячного пособия на ребенка), стипендии, субсидию на оплату жилья и коммунальных услуг, дотацию на топливо. Расширенный перечень доходов помимо указанных в стандартном перечне источников доходов включает любые другие виды денежных поступлений, получаемых членами домохозяйства, включая денежные доходы от ведения личного подсобного хозяйства.

№ 506н/389, с целью обеспечения оценки долгосрочного эффекта от применения технологии социальных контрактов (по крайней мере через полгода по окончании действия социального контракта). Кроме того, субъектам Российской Федерации было бы целесообразно разработать и принять межведомственный документ, утверждающий межведомственный порядок реализации адресной программы социальной помощи на основе социального контракта. Для поддержания и эффективного развития технологии социального контракта в субъектах Российской Федерации необходимо обеспечить выделение средств федерального бюджета на софинансирование региональных программ адресной социальной помощи на основе социальных контрактов. Поскольку формальное выполнение регионами поставленной правительством Российской Федерации задачи по расширению охвата малоимущего населения программой социальных контрактов при отсутствии увеличения финансирования по данному направлению в связи с напряженностью региональных бюджетов может привести к существенному сокращению совокупного объема помощи, предоставляемого каждому участнику программы социальных контрактов, и снижению административных ресурсов на данную

программу, что негативно отразится на эффективности оказываемой помощи в рамках данной программы и, в конечном итоге, приведет к выхолащиванию самой технологии социального контракта.

Литература

Стратегия-2020: новая модель роста – новая социальная политика: итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / под науч. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М.: Дело, 2013.

О.А. Кракашова

Научно-исследовательский
центр экономики,
математики и менеджмента,
Ростов-на-Дону

О КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКЕ ДОСТУПНОСТИ ПРИБРЕТЕНИЯ, ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Потребность в жилище является одной из базовых потребностей человека, а качество жилья и жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) – важной составляющей качества жизни населения. Право на жилище для каждого гражданина России закреплено в Конституции, и основная задача государственной жилищной политики – разработка механизмов повышения доступности жилья для различных категорий населения. Для достижения этой цели, количественного и качественного обоснования принимаемых решений необходим постоянный мониторинг рынка жилья и рынков услуг, связанных с его приобретением, владением и использованием. При этом особенно важны индикаторы, отражающие изменение доступности жилья для населения, что обуславливает актуальность темы данной работы.

Проблеме доступности жилья и отдельных ее составляющих посвящены работы многих российских ученых, среди них: С. Глазунов, А. Ермишина, Н. Косарева, А. Кудрявцева, Г. Литвинцева, М. Морковкина, В. Самошин, А. Старовойтов, А. Туманов, С. Хачатрян и др.

Несмотря на множество работ, посвященных этой теме, набора индикаторов, полностью характеризующих уровень доступности жилья, в России до сих пор не существует.

Целью данной работы является разработка методики комплексной оценки доступности для населения единовременных и текущих платежей, связанных с приобретением, владением и использованием жилья.

Концепция комплексной оценки доступности жилья для населения

В большинстве исследований оценка доступности жилья сводится к оценке доступности его покупки. В этой связи акцентируется расчет двух коэффициентов, предложенных в ФЦП «Жилище», – коэффициента до-

ступности жилья, который показывает период времени, за который семья (часто используют среднестатистическую семью из трех человек) сможет расплатиться за приобретение жилья; и доли семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств. Вместе с тем остаются без должного внимания проблемы оценки текущих затрат, связанных с содержанием собственного или арендой жилья, оплатой ЖКУ и прочих услуг.

На наш взгляд, доступность жилья для населения следует понимать несколько шире, нежели просто как способность к его приобретению, и рассматривать в совокупности трех основных составляющих доступности: приобретения жилья в частную собственность, найма жилых помещений (социального и коммерческого) и оплаты текущих (периодических) затрат, связанных с содержанием, ремонтом и эксплуатацией жилья (рис. 1) [Кракашова, Ниворожкина, 2009].

Каждый из блоков комплексной оценки доступности жилья для населения, представленный на рис. 1, детально рассмотрен на отдельных схемах, в результате чего получена иерархия факторов, определяющих каждую из составляющих, и набор показателей для ее оценки.

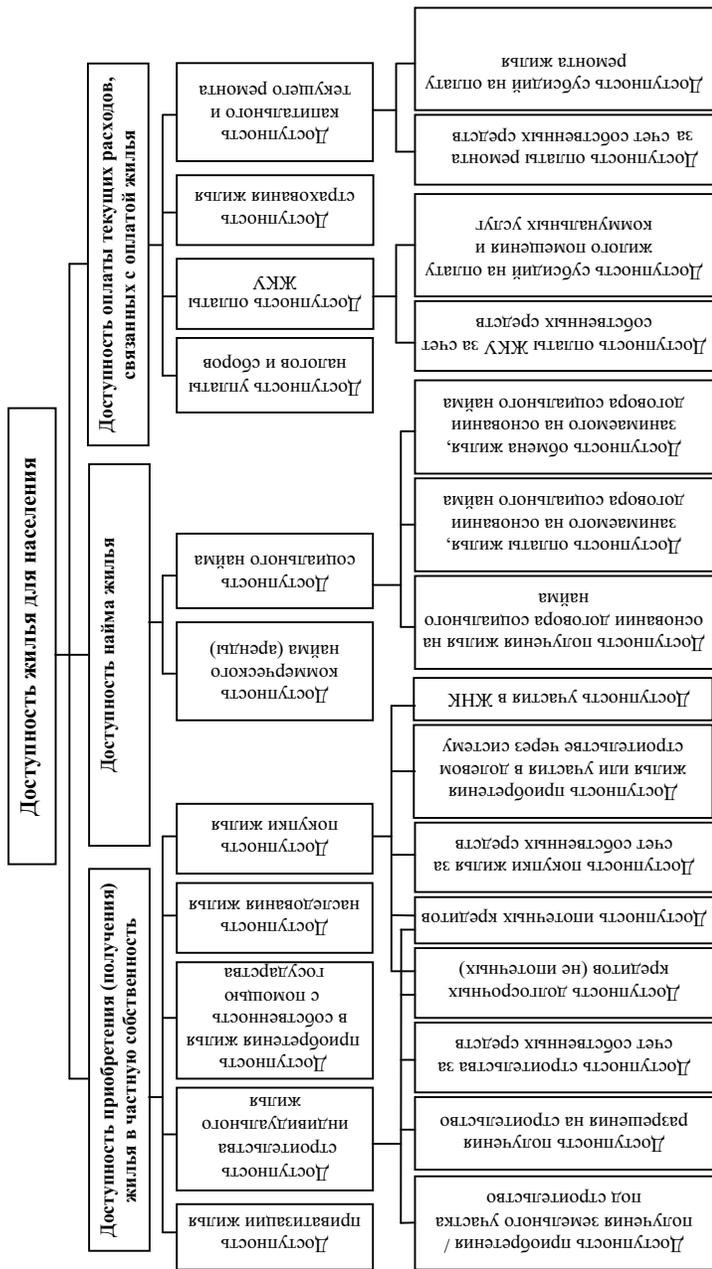
Анализ факторов, определяющих доступность приобретения и строительства жилья, нами произведен и подробно описан ранее, также получена система показателей для ее оценки и проведен сравнительный анализ на примере Ростовской области [Кракашова, Борщова, 2010].

Оценка доступности для населения периодических платежей за жилье

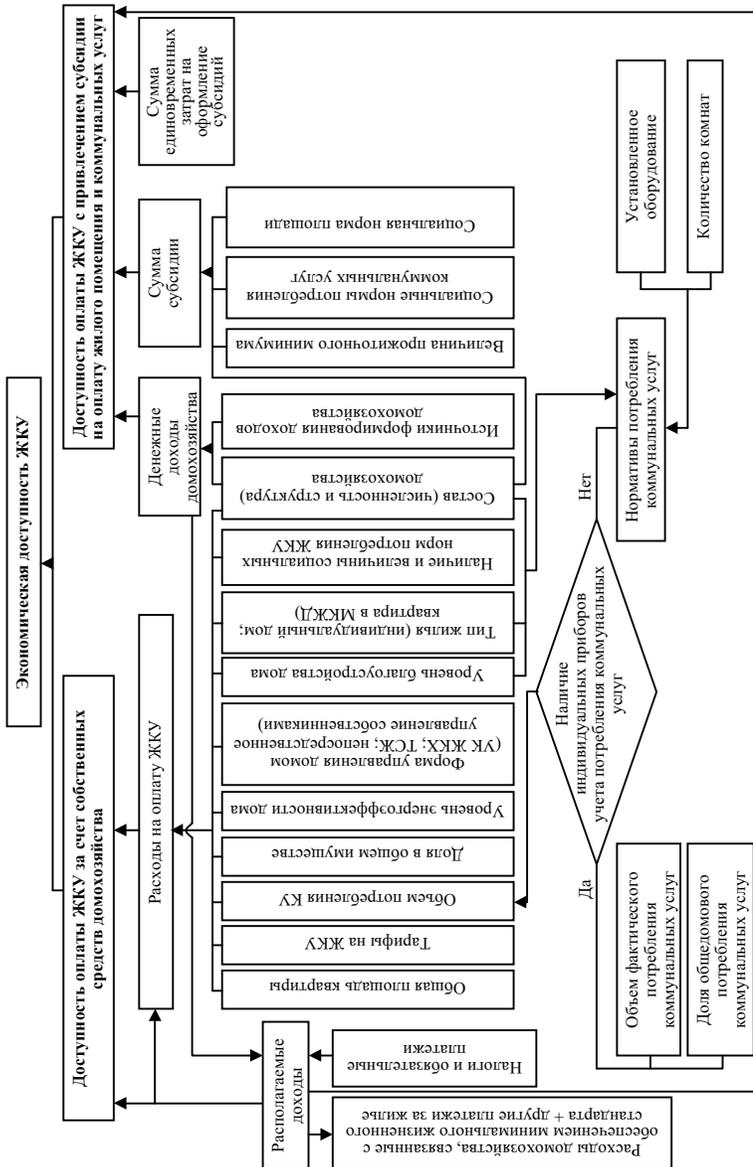
Оценивая доступность жилья для населения, на наш взгляд, необходимо уделить внимание именно комплексной оценке экономической доступности периодических платежей, связанных с приобретением, владением и использованием жильем, так как если данные платежи окажутся непосильным бременем для домохозяйства, то оно утратит права не только владения, но и пользования жильем.

Анализ факторов, определяющих доступность периодических платежей, связанных с жильем, рассмотрим на примере платежей за ЖКУ (рис. 2), так как очевидно, что если домохозяйство не в состоянии оплачивать ЖКУ, то оно не может оплачивать занимаемое им жилье вне зависимости от формы собственности или условий найма.

Построение иерархической схемы факторов, определяющих доступность ЖКУ для населения, позволяет определить частные показатели для ее

Рис. 1. Составляющие доступности жилья для населения

Рис. 2. Факторы, определяющие экономическую доступность ЖКУ

оценки, а также, при необходимости, используя стандартные методы сверки, получить интегральные показатели экономической, физической и информационной составляющих доступности. Кроме того, детальный анализ полученных схем позволил выделить управляемые (прямо или косвенно) на государственном, региональном или муниципальном уровне факторы и определить при помощи экспертных методов, иерархий и приоритетов, функционально-стоимостного анализа наиболее эффективные направления государственного регулирования (институциональных и финансовых воздействий) [Кракашова, 2013].

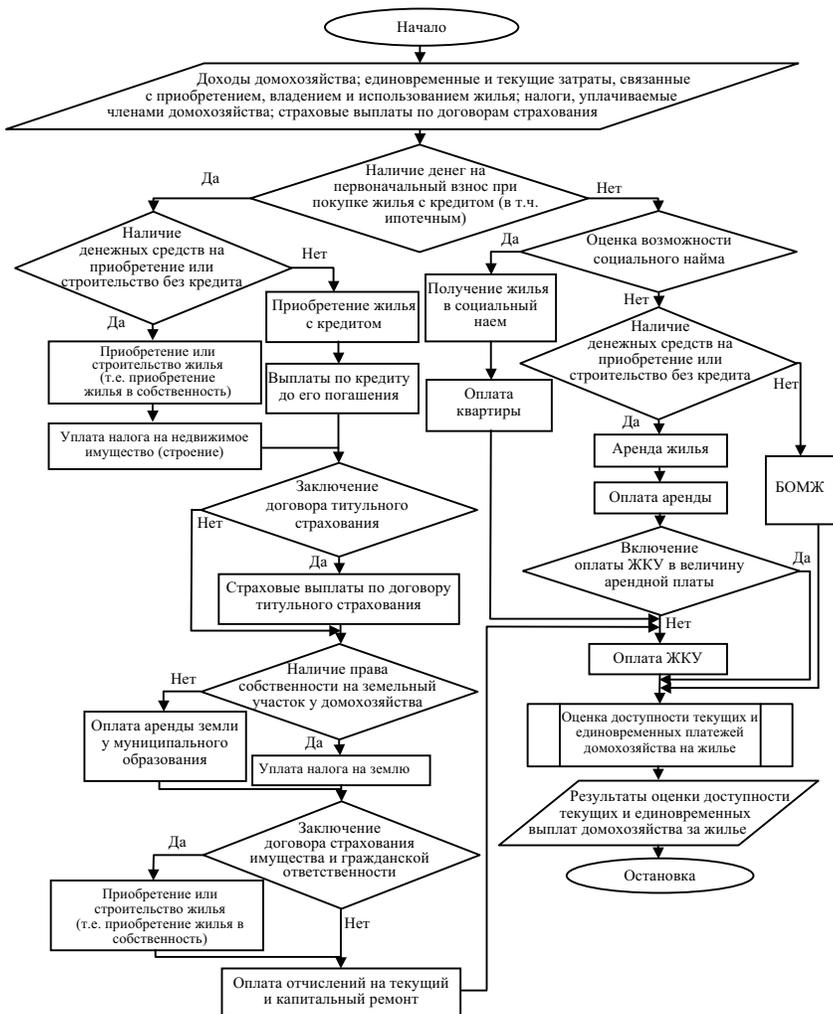
В зависимости от того, в собственном или съемном жилье проживает домохозяйство, имеется ли непогашенный кредит за его приобретение, типа жилья и других условий, совокупные текущие издержки домохозяйства, связанные с оплатой жилья, можно рассчитать по алгоритму, представленному на рис. 3.

На наш взгляд, важно не только и не столько то, какую долю совокупного дохода семья тратит на оплату ЖКУ, сколько то, какая сумма свободных денежных средств останется в распоряжении домохозяйства после уплаты налогов и обязательных сборов и оплаты ЖКУ, хватит ли ее для обеспечения хотя бы минимального стандарта жизнеобеспечения.

Поэтому, рассуждая об экономической доступности жилья, следует оценивать не только возможность домохозяйства получить и оплачивать занимаемое им жилье, но и обусловленные этим депривации, т.е., с одной стороны, соотношение затрат на жилье и доходов домохозяйства, а с другой — достаточность оставшихся свободных денежных средств для физического выживания и обеспечения хотя бы минимального стандарта качества жизни.

Региональная дифференциация населения по уровню доступности жилья

Следует отметить, что имеет место довольно существенная региональная дифференциация населения не только по доходам, но и по жилищным условиям, тарифам (табл. 1) и установленным нормативам потребления ЖКУ (табл. 2). При этом тарифы в разных муниципальных образованиях в пределах одного региона также весьма сильно дифференцированы (табл. 3). В частности, по официальным данным Администрации Ростовской области, тарифы на водоснабжение различались в 11,27 и 21,57 раза соответственно для городских и сельских муниципальных образований [Администрация Ростовской области, 2013], притом что влиянием объективных факторов (температурный режим, способ очистки питьевой воды и т.д.) обосновывается отклонение в тарифах в пределах 30–50%.

Рис. 3. Алгоритм определения текущих платежей домохозяйства за жилье и оценки их доступности

На основе данных табл. 1–2 рассчитаем платежи за ЖКУ для стандартной однокомнатной квартиры общей площадью 33 кв. м, при отсутствии индивидуальных приборов учета потребления коммунальных услуг для домохозяйств, состоящих из 1–3 человек (табл. 4).

Используя данные табл. 4 о средней стоимости аренды стандартной однокомнатной квартиры в Ростове-на-Дону, оценим сумму свободных денежных средств, оставшихся в распоряжении одиноко проживающего работающего жителя Ростова-на-Дону, арендующего жилье (табл. 5). Показательно, что для работников среднего и дошкольного образования, как и в случае средней заработной платы, сумма свободных денежных средств окажется ниже установленной величины прожиточного минимума.

Таблица 1. Тарифы для населения на ЖКУ по регионам России в первом полугодии 2013 г.

	min	max	РФ	РО	ЮФО
Содержание и ремонт жилого помещения в жилых домах со всеми видами благоустройства, имеющих лифты и мусоропроводы (руб./м ²)	10,03	62,71	17,89	14,13	15,5
Содержание и ремонт жилого помещения в жилых домах со всеми видами благоустройства, не имеющих лифты и мусоропроводы (руб./м ²)	7,28	29,82	12,69	10,39	10,31
Плата за наём (руб./м ²)	0,61	5,56	1,95	0,68	1,14
Отчисления на кап.ремонт (руб./м ²)	0,23	7,91	3,69	—	2,2
Вывоз (утилизация) ТБО населения (руб./м ²)	1,07	5,42	1,97	1,88	1,95
Содержание мусоропроводов, контейнеров и контейнерных площадок (руб./м ²)	0,03	4,65	1,11	0,62	0,61
Водоснабжение (руб./м ²)	15,14	42,22	21,82	31,22	25,63
Горячее водоснабжение (руб./м ²)	46,11	252,34	95,66	124,72	109,62
Водоотведение (руб./м ³)	10,87	37,82	18,71	24,06	22,14
Отопление (руб./Гкал)	796,16	3388,99	1403,33	1510,12	1618,45
Электроснабжение в домах с газовыми плитами (руб./кВт.ч)	0,67	4,02	2,54	2,92	2,76
Электроснабжение в домах с электроплитами (руб./кВт.ч)	0,67	3,59	1,95	2,26	2,21
Газоснабжение сетевым газом (руб./м ³)	3,2	15,35	4,45	4,34	4,12

Источник: Цены и тарифы в ЖКХ. 2013. № 3 (57).

Примечание. min – минимальное значение показателя по регионам РФ, АО и республикам; max – максимальное значение показателя; РО – Ростовская область, ЮФО – Южный федеральный округ.

Таблица 2. Социальная норма площади жилого помещения (ЖП) и нормативы потребления услуг по регионам России в первом полугодии 2013 г.

	min	max	РФ	РО	ЮФО
Соц. норма площади ЖП на 1 чел (м ² /чел.)	18	22	19	18	19
Водоснабжение (м ³ /чел.)	3,26	7,26	5,46	6,11	6,35
Горячее водоснабжение (м ³ /чел.)	2,08	4,75	3,47	3,17	3,46
Водоотведение (м ³ /чел.)	5,8	11,68	8,2	8,37	8,86
Отопление (Гкал/м ² общ.пл. ЖП)	0,0151	0,0542	0,0228	0,02	0,0183
Электроснабжение в домах с газовыми плитами (кВт.ч/чел.)	44,21	326	82,98	91	78,15
Электроснабжение в домах с электроплитами (кВт.ч/чел.)	54,47	373	114,74	112	104,78

Источник: Цены и тарифы в ЖКХ. 2013. № 3 (57).

Примечание. min – минимальное значение показателя по регионам РФ, АО и республикам; max – максимальное значение показателя; РО – Ростовская область, ЮФО – Южный федеральный округ.

Таблица 3. Диапазон изменения тарифов для населения по муниципальным районам и городским округам Ростовской области в 2013 г.

Тарифы для населения	Диапазон изменения тарифов для населения:	
	с 01.01.2013	с 01.07.2013
Тепловая энергия		
Тарифы по городским округам от и до (руб./Гкал с НДС)	728,53–1987,81	834,9–2110,67
Тарифы по муниципальным районам от и до (руб./Гкал. с НДС)	717,84–2599,43	822,64–3066,80
Водоснабжение		
Тарифы по городским округам от и до (руб./м ³ с НДС)	6,63–74,75	7,04–80,51
Тарифы по муниципальным районам от и до (руб./м ³ с НДС)	4,02–86,75	4,33–93,43
Водоотведение		
Тарифы по городским округам от и до (руб./м ³ с НДС)	5,64–54,62	5,99–58,82
Тарифы по муниципальным районам от и до (руб./м ³ с НДС)	10,56–92,05	11,12–102,07

Источник: Краткие итоги работы по тарифному регулированию в 2012 г. и основные цели и задачи на 2013 г. // Администрация Ростовской области (официальный сайт) <<http://www.donland.ru>>.

Таблица 4.

Расчет затрат на оплату ЖКУ для домохозяйства в месяц в первом полугодии 2013 г.

	Собственная или арендованная квартира			Квартира, полученная по договору соц. найма		
	РФ	РО	ЮФО	РФ	РО	ЮФО
Затраты на оплату ЖКУ за 1-комн. кв-ру 33 м ² , в которой проживает 1 человек	2630,83	2726,8	2689,05	2695,18	2749,24	2726,67
Затраты на оплату ЖКУ за 1-комн. кв-ру 33 м ² , в которой проживают 2 человека	3513,78	3908,14	3732,14	3578,13	3930,58	3769,76
Затраты на оплату ЖКУ за 1-комн. кв-ру 33 м ² , в которой проживают 3 человека	4396,73	5089,48	4775,23	4461,08	5111,92	4812,85
Отчисления на капремонт	121,77	Н. д.	72,6	—	—	—

Источник: Цены и тарифы в ЖКХ. 2013. № 3 (57).

Примечание. min – минимальное значение показателя по регионам РФ, АО и республикам; max – максимальное значение показателя; РО – Ростовская область, ЮФО – Южный федеральный округ.

Таблица 5.

Оценка свободных денежных средств, оставшихся в распоряжении одиноко проживающих работающих граждан в Ростове-на-Дону в 2013 г.

	Заработная плата, руб.	НДФЛ, руб.	Аренда 1-комн. кв-ры, руб.	ЖКУ, руб.	Остаток, руб.
Средняя заработная плата по РО	21617	2810	10000	2726,8	6080
Средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее образование, предоставляющих медицинские услуги (обеспечивающих их предоставление)	30121	3916	10000	2726,8	13478
Средняя заработная плата в сфере общего образования	18675	2428	10000	2726,8	3520

	Зарботная плата, руб.	НДФЛ, руб.	Аренда 1-комн. кв-ры, руб.	ЖКУ, руб.	Остаток, руб.
Средняя зарботная плата педагогических работников дошкольных образовательных учреждений	19964	2595	10000	2726,8	4642
Средняя зарботная плата педагогических работников образовательных учреждений общего образования	22381	2910	10000	2726,8	6744
Средняя зарботная плата преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования	31901	4147	10000	2726,8	15027

Источники: Росстат (официальный сайт) <www.gks.ru>; Цены и тарифы в ЖКХ. 2013. № 3 (57).

Основные выводы

Показатели доступности текущих платежей, в частности ЖКУ, являются одними из основных составляющих комплексной оценки, так как, по сути, формализуют необходимое, но не достаточное условие обеспечения доступности жилья.

Несмотря на наблюдающийся в последние годы рост зарботной платы во всех отраслях экономики, платежи за ЖКУ растут опережающими темпами, что усугубляется высокой дифференциацией тарифов и установленных нормативов потребления услуг по регионам России. Причем регионы, отличающиеся наибольшими тарифами на ЖКУ, далеко не всегда совпадают с регионами с наиболее высоким уровнем средней зарботной платы.

Меры социальной поддержки в сфере ЖКХ продолжают демонстрировать свою неэффективность. В частности, на сегодняшний день субсидиями по оплате жилого помещения и коммунальных услуг пользуются не все домохозяйства, имеющие совокупный доход ниже величины прожиточного минимума, что во многом объясняется сложностью оформления и малой суммой субсидий, а также частым отсутствием временной регистрации на занимаемой площади у арендаторов жилья.

Одним из способов оптимизации расходов бюджета на обеспечение доступности ЖКУ для низкодоходных домохозяйств считается введение со-

циальных норм потребления коммунальных услуг, в рамках которых население оплачивает их по сниженным тарифам, а сверх — по завышенным. Идея сама по себе достаточно правильная при условии обеспечения адекватности «обоснованных» величин социальных норм потребления, глубокой проработанности механизма их применения и гарантии исключения девиантного поведения госчиновников, ответственных за их оценку и утверждение (коррупционные схемы с целью лоббирования интересов отдельных групп, попытки получить «красивые» показатели доступности ЖКУ и «сэкономить» на льготах и субсидиях по оплате жилья и коммунальных услуг для населения и т.д.).

О недостаточной проработке предлагаемого механизма гарантии соблюдения интересов социально незащищенных групп населения в явном виде свидетельствует непринятие в расчет того, что: 1) существуют группы пенсионеров, доходы которых превосходят величину среднедушевых доходов в регионе, например, отставные госчиновники, военнослужащие в чине подполковника и выше, сотрудники Министерства юстиции и т.д., да и просто работающие пенсионеры; 2) энергопотребление бедных домохозяйств, пользующихся старой бытовой техникой и не имеющих возможности ее заменить, может оказаться значительно выше, чем богатых, так как наиболее энергоэффективные электробытовые приборы — самые современные и дорогие модели в своем классе; 3) в наиболее уязвимом положении оказываются семьи с детьми, особенно многодетные (увеличение социальной нормы осуществляется только до 5-го человека включительно) и неполные семьи, а также семьи, где на одного работающего приходится несколько иждивенцев (наиболее частые случаи — разведенная женщина или мать-одиночка, проживающая с детьми и родителями-пенсионерами).

Литература

Администрация Ростовской области (официальный сайт) <<http://www.donland.ru>>.

Кракашова О.А. О роли государственного регулирования в обеспечении доступности жилищно-коммунальных услуг для населения // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2013): материалы седьмой междунар. конф., Москва, 30 сентября — 2 октября: в 2 т. / ИПУ им. В.А. Трапезникова РАН. Т. 2. Секции 4—10. М.: ИПУ РАН, 2013. С. 235—238.

Кракашова О.А., Борщова Н.С. Концепция оценки приобретения и строительства жилья в России // Экономика и управление жилищной сферой: современные проблемы и перспективы развития: материалы I Всерос. науч.-практ.

конф., Москва, 22 февраля 2010 г. / НИЦ «Стратегия». М.: МАКС Пресс, 2010. С. 12–16.

Кракашова О.А., Борцова Н.С. Сравнительный анализ доступности приобретения жилья населением Ростовской области // Учет и статистика. 2010. № 1 (11). С. 58–68.

Кракашова О.А., Ниворожжина Л.И. Концептуальный подход к оценке доступности жилья для населения // Економіка і регіон. Науковий вісник Полтавського національного технічного університету імені Юрія Кондратюка. 2009. № 4 (23). С. 159–169.

А. Лауринавичюс

Университет
им. Миколаса Ремериса,
Вильнюс (Литва)

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ ЛИТВЫ¹

Введение

Для чего экономисты, правоведы и представители других социальных наук, анализируя благосостояние населения, изучают образ мышления и действия человека? Как полагает С. Дурлауф, человек сам для себя определяет свои предпочтения, ограничения и планы на будущее [Дурлауф, 2014]. Другими словами, самоутверждение в социальной среде является результатом определенного образа мышления и действия.

Однако зачастую наш выбор и наши предпочтения определены тем, как ведут себя другие люди вокруг нас, какие ценности доминируют в окружающем нас обществе, социальной среде. Это во многом предопределяет ограничения и выбор каждого индивида. Поэтому важно сосредоточиться на влиянии социальных факторов, которые предопределяют решения, действия по достижению личного благосостояния. Эта тема очень широкая, комплексная. В настоящей статье основное внимание уделяется анализу положения, сложившегося в Литве.

Цель статьи — на основе анализа данных социологических исследований (анализ реального положения, принципов достижения благосостояния жителей Литовской Республики) способствовать всестороннему научно-практическому обсуждению модернизации экономики общества в сфере повышения благосостояния.

---

¹ Статья подготовлена при осуществлении проекта Научного Совета Литвы «Системы измерения показателей качества жизни в Литве и создание модели по определению уровня жизни» (This research is funded by the European Social Fund under the Global Grant measure. No. VP1-3.1-ŠMM-07-K-03-032), а также используется итоговый отчет (2012–2013 гг.) по результатам проекта «Основные направления формирования осознания категории социально-экономической справедливости у граждан и потребителей».

В статье предпринята попытка представить общую картину, создать представление о таком явлении, как социальная детерминированность индивидуальных решений в сфере благосостояния. Еще один вопрос, поднимаемый в рамках статьи, — почему и каким образом возникают конфликты интересов, создается социальная напряженность. Нам представляется важным способствовать дискуссии о важности принципов повышения качества жизни, реального благосостояния в выработке государственной социально-экономической политики.

***

Сегодня уже нет сомнений в том, что глобализация оказывает воздействие на жизнь народов, обществ и каждого индивида. Глобализацию можно назвать продолжением модернизации, созидающей или двигающей силой прогресса, стимулирующей создание благоприятных условий для творчества и развития интеллекта. Она отворяет двери в пространство возможностей — в «новый» мир информационного общества и общества знаний.

Хотя глобализация и может расцениваться как увеличение функциональной интенсивности во многих областях жизни, однако нельзя не заметить и поднимаемые ею проблемы: во многих случаях процессы глобализации представляют собой реальную угрозу для сбалансированного развития (*sustainable development*)², усугубляют социально-экономическое развитие стран, в особенности молодых демократий. Например, требования интенсивности международной экономики часто противоречат социальным потребностям общества [Лауринавичюс, Реклаитис, 2011]. В 2013 г. нами было проведено исследование реальной ситуации в рамках проекта «Основные направления формирования осознания категории социально-экономической справедливости у граждан и потребителей» (*Socio-economic justice perception for citizens and customers formation guidelines*)³. Анализ данных репрезентативного опроса, изучение соответствующих источников показали, что неуправляемая глобализация в отдельные промежутки времени и при определенных условиях может посягнуть на то или иное «место» социального развития всего обще-

---

² Философия гармоничного развития (*sustainable development*) предполагает, что человек может удовлетворить свои потребности, не нарушая гармонии природы, т.е. понимая ответственность перед будущими поколениями. В международном масштабе понятие «гармоничное развитие», или «устойчивое развитие», закреплено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию, основанной ООН в 1983 г. (*World Commission on Environment and Development*).

Одним из первых понятие глобализации использовал профессор Гарвардской школы бизнеса (*Harvard Business School*) Т. Левит в статье «Globalization of Markets», опубликованной в журнале «Harvard Business Review» (май—июнь 1983 г.).

³ А. Лауринавичюс является соавтором проекта.

ства или отдельного сообщества и, таким образом, поощрять формирование и распространение социального разделения, образовывать ситуации социального конфликта — увеличивать социальную напряженность. Таким образом, глобализация увеличивает ответственность государства за реализацию принципов устойчивого развития, непосредственно влияющих на качество жизни жителей страны. Наше мнение подкрепляет анализ данных: в литовском обществе в условиях растущего социально-экономического неравенства появляются признаки конфликта интересов, социальной напряженности.

Рассуждая о феномене социальной напряженности, необходимо отметить, что это системное и содержательно структурированное понятие. В научной литературе, как правило, при анализе факторов социальной напряженности выделяются объективные и субъективные аспекты. Объективные в основном вытекают из государственной экономической политики, определяются социальной системой, типом общественного устройства и социальной структуры общества, которые порождают структурные противоречия и могут вызвать противоположность интересов социальных групп, общностей.

В дискурсе больше внимания уделяется анализу субъективных факторов социальной напряженности, которые определяются непосредственным содержанием интересов, потребностей, прав, норм и ценностных ориентиров социальных общностей и индивидов. Эти факторы могут быть связаны не только с объективными причинами возникновения социальной напряженности, но и с ее субъективной оценкой участниками соответствующих отношений. Даже теория саморазвития, выдвигающая принцип самоформирования, утверждает, что феномен социальной напряженности — это неизбежное явление, обладающее и положительными, и отрицательными аспектами. Он представляет собой положительную потенциальную силу развития и является одним из источников самодвижения индивида, социальной общности, региона в процессах достижения определенных целей социально-экономического развития, улучшения качества жизни.

Однако это явление требует пристального внимания и со стороны ученых, и со стороны управленцев, лидеров общества, а в особенности при создании стратегической концепции социально-экономического развития в масштабе государства, крупных регионов. Без сознательного влияния на процессы саморазвития в качестве реальной угрозы может возникнуть деструкция системы социальных отношений. Таким образом, по словам С.Г. Ларченко, основной задачей социального управления является преодоление всевозможных конфликтов, вызывающих социальную напряженность. Необходимо повернуть ход событий так, чтобы они благоприятствовали эволюционным изменениям посредством реструктуризации, но без глубокой социальной дезорганизации. Ученые согласны в том, что при установлении

уровня социальной напряженности одним из самых надежных индикаторов является доверие к организациям (табл. 1), а также межличностное общение и доверие (рис. 3).

Таблица 1. Доверие к государственным организациям⁴

Организации	Государственные			Организации	Негосударственные		
	2009 г.	2014 г.	Тенденция		2009 г.	2014 г.	Тенденция
Правительство	22	21	Стабильно	Церковь	73	58	–15
Парламент (Сейм)	18	7	–11	Пресса	51	37	–14
Президентура	52	49	Стабильно	Профсоюзы	45		Стабильно
Правосудие	28	24	–4	Бизнес		33	Стабильно
Прокуратура	36	23	–13	Политические партии	3	6	Стабильно
Гос. контроль	44	25	–19				
Оборона страны	64	54	–10				
Местное самоуправление	41	30	–11				

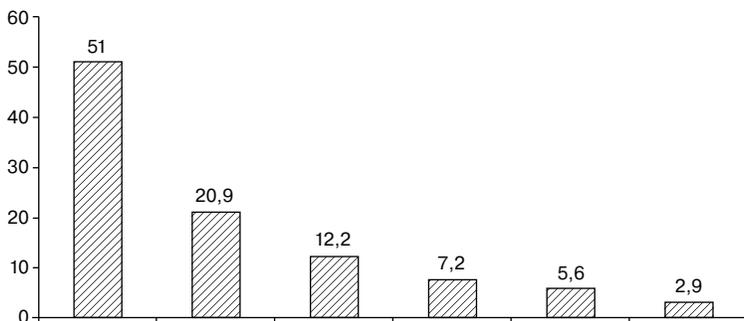
Источник: Данные репрезентативных исследований, систематически проводимые специальными компаниями, центрами, в частности «Spinter tyrimai», «Baltijos tyrimai», «Vilmorus» и др.

Ученые, анализирующие фактор уровня жизни (М. Бонд, К. Леунг, Е.Г. Ясин и др.), раскрывают причины и следствия появления эгоцентризма и равнодушия к согражданам, которые могут вызвать настроение так называемого социального цинизма. Если люди уверены в том, что они окружены условно враждебными, эгоистичными и властными индивидами, группами и организациями, притесняющими и подавляющими их, они выбирают «единственно разумный» способ поведения – ограничить связи в обществе или самим быть такими же [Ясин, 2013, с. 274]. Можно предположить, что социальный цинизм материализуется в самых экстремальных формах, таких как эмиграция, контрабанда, а значительная часть социальных циников попадает в группы наркоманов, алкоголиков и т.п. Это предположение также подтверждается данными аналогичных исследований, проведенных в соседней Латвии. Доверие к правительству, парламенту, правосудию, а также прессе,

⁴ Погрешность результатов допустима на уровне не более 3%.

телевидению в Латвии выше на 5–15%, соответственно, к примеру, меньше и эмиграция населения.

Не имея возможности подробно анализировать феномен социальной напряженности, мы ограничимся более широким рассмотрением проблемы на индивидуальном уровне жителей Литвы. Статистика, которой мы располагаем, показывает, каким образом неравенство, фактор социальной напряженности проявляются в разных средах (интересах, потребностях, правах, ценностных ориентирах и т.д.) социальных общностей и индивидов в литовском обществе.

Рис. 1. Жители Литвы считают, что благосостояние часто достигается нечестным путем

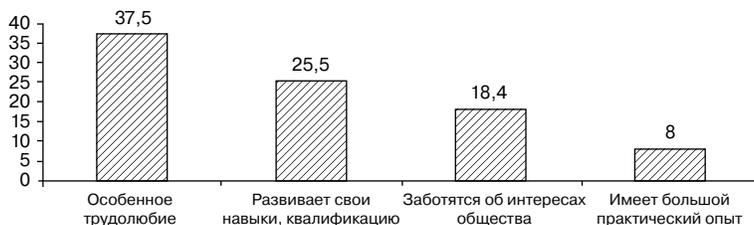
Почти две трети респондентов считают (рис. 1), что большая часть населения Литвы добилась процветания коррумпированными методами, включая ложные и незаконные сделки, соглашения (более 70%). Это значит, что главным вопросом является уменьшение социального неравенства путем снижения уровня «социального цинизма». Из сказанного выше следует, как важно учитывать результаты социологических исследований и вводить их в экономическую теорию и практику. Согласно теории Дж. Стиглица и его единомышленников, основополагающей задачей XXI в. является создание сбалансированного механизма рыночной экономики и государственного мониторинга. В контексте глобализации возникают две сложные проблемы:

1. Социальный фактор приводит к экономической стратификации, возникает разделение по социальным группам, даже по районам, по городам. Экономическая стратификация сама по себе становится фактором социальной напряженности.

2. Интуитивное ощущение того, как мы видим стратификацию. Оно выходит за пределы экономических показателей.

Собственно говоря, без сознательного влияния на процесс саморазвития намечается тенденция увеличения недоверия ко всему и вся, углубляющая социальную напряженность в отрицательном смысле. Социальные структуры эволюционируют таким образом, что занимаемая позиция в социальных отношениях становится фактором, поощряющим социальный цинизм.

Ученые в процессе реализации указанного проекта (2013 г.) пытались найти ответ на вопрос, каковы потенциальные возможности для преодоления, уменьшения социальной напряженности в обществе. Был задан вопрос, каким образом должно создаваться благосостояние?

Рис. 2. Жители Литвы считают, что благосостояние должно достигаться честным путем

Подавляющее большинство (около 70%) респондентов понимает и осознает, что процветание должно строиться на тяжелом, кропотливом и творческом труде (рис. 2). Особенно хорошим индикатором является то, что двое из десяти опрошенных понимают социальное значение созидательной человеческой деятельности. Мы предполагаем, что при изучении конкретных вопросов выявилась не менее сложная проблема — господство двойных стандартов в общественных отношениях. Например, анализ социологических опросов общественного мнения по проблеме распространения контрабанды и контрафактных товаров выявляет печальную картину. Более 60% участников опроса назвали контрабанду и торговлю фальсифицированной продукцией положительным явлением.

Вопрос социальной напряженности, двойных стандартов очень актуален для молодых демократий, хотя подобная социальная проблема возникает и в других, экономически более развитых странах. Это приводит к выводу о необходимости менять отношения между государством и личностью, модернизировать политику и стиль государственного управления — реально уменьшать уровень социального цинизма, способствовать развитию социальных структур, развивать состояние самоопределения, наличие твердой позиции — соответственно, реагировать на социальные проблемы, с кото-

рыми они сталкиваются, на ограничения и надежды, которые в них возникают.

В социологическом исследовании был поставлен вопрос о том, как в социальном окружении взаимодействуют люди, как они чувствуют себя в окружающей среде? Понятно, что появляются новые формы, новые условия взаимодействия между людьми, порожденные рынком, процессами глобализации. Анализ данных показал, что общественность раздроблена и не располагает возможностями формирования групп по интересам (рис. 3). После проведения анализа данных возникает риторический вопрос: какова вероятность того, что семья, индивид, относящиеся к тем 30% населения, которые находятся на самом нижнем уровне распределения доходов, «вырвется» за пределы этого уровня?

Рис. 3. Самочувствие людей в окружающем социуме

Обобщая изложенное выше, отметим: ошибочно полагать, что государство в условиях глобализации утратило определенный контроль в наднациональных сферах, а также утрачивает власть при управлении вопросами качества жизни жителей на своей территории, не имеет возможностей активного сотрудничества с различными секторами при решении вопросов общественного благосостояния. На самом деле, меняются цели и идеи, которые защищает и представляет государство. Таким образом, государство в состоянии принимать участие в разных процедурах: определять истинную стоимость товаров и услуг, в системе производства и продаж, взаимодействовать с предпринимательскими, общественными структурами, общинами и т.д.

Председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу, представляя Европейскую стратегию 2020 г.⁵, обратил внимание на то, что последний финансово-экономический кризис выявил основные проблемы, главная среди них – тенденция неустойчивости развития. Наибольшим вызовом данного периода является то, что мы должны создать новую модель экономики, так как необходимо решительно устранять выявившиеся недостатки⁶. Ученые в своих научных трудах тоже доказывают, что существует реальная необходимость изменения взгляда на понятие социально-экономического развития, на принципы развития качества жизни, на интеллектуальную деятельность людей в целом.

Заключение

Научные открытия всемирно известных экономистов, таких как Дж. Стиглиц [Stiglitz, 1976, р. 630–649; 2002, р. 460–501], Р.Б. Рейх [Reich, 2012] и др., доказывают необходимость увеличения роли государства в экономике. Только государство (а не общины граждан и тем более отдельный человек) в состоянии влиять на последствия и тенденции «рыночного фундаментализма». Философ К. Майнзер (*K. Mainzer*) предупреждает о том, что доминирующее линейное мышление все чаще терпит неудачу в установлении правильной диагностики реального мира. Необходим синергетический подход к изучению сложных систем, социальных процессов. Надо использовать креативные методы прогнозирования социально справедливых, морально обоснованных отношений [Майнцер, 2009].

Сказанное выше не является основанием для выдвижения бесспорных утверждений. Краткий дискурс лишь ведет к рассуждениям, определенным выводам как в области экономики, так и в области социологии, социальной этики. Высказанные идеи – это приглашение к тому, чтобы по-другому посмотреть на ситуацию с неравенством, особенно в обществе новой демократии:

---

⁵ В Европейской стратегии 2020 г. изложено видение создания европейской экономики, общественного благосостояния наступающего десятилетия, опирающегося на три приоритетные области, которые являются взаимосвязанными и взаимодополняющими: прогрессивный рост, развитие инновационной экономики и экономики знаний, устойчивый рост.

⁶ Delivering on the Europe 2020 Strategy // Handbook for Local and Regional Authorities <http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm>.

- Причина достижения благосостояния заключается в определенной манере мышления и действия, т.е. созидающей, а не рутинной среде, в которой мы живем.

- Социальная структура общества обладает большим экономическим потенциалом. Однако, в зависимости от того, как формируются социальные структуры, она может иметь и обратный эффект, т.е. социальный цинизм может стать доминирующей силой благосостояния.

Анализ социологических исследований приводит к выводу, что в стране образовалась замкнутая схема взаимосвязи качества жизни, уровня благосостояния и незнания реальной социальной перспективы. Основной вопрос научно-практической дискуссии состоит в том, как обществу, индивиду выйти из этого замкнутого круга.

Литература

Дурлауф С. Зачем экономисты изучают поведение человека?: лекция / Российская экономическая школа; Фонд Егора Гайдара «Homo Socialis – кто он?». 2014. 29 января. <<http://lectures.gaidarfund.ru/articles/1882>>.

Ларченко С.Г. Социальная напряженность в общественном развитии <http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/1_98/15_LARCHE.htm>.

Лауринавичюс А., Реклаитис И. Корпоративная социальная ответственность. (На литовском языке: Darnaus verslo socialinė atsakomybė.) Вильнюс: МРУ, 2011.

Майцгер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез / пер. с англ. М.: Либроком, 2009.

Отчет по результатам проекта Научного Совета Литвы (2012–2013 гг.) «Основные направления формирования осознания в категории социально-экономической справедливости у граждан и потребителей».

Ясин Е.Г. Модернизация и общество: доклады 2006–2008. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

Communication from the Commission «Europe 2020» COM (2010) 2020 final. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth.

Delivering on the Europe 2020 Strategy // Handbook for Local and Regional Authorities <http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm>.

Levitt T. Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983 (May–June).

Reich R.B. Beyond Outrage: What has Gone Wrong with our Economy and our Democracy and How to Fix It <<http://www.amazon.com/Beyond-Outrage-Expanded-Edition-democracy/dp/0345804376>>.

Reich R.B. Supercapitalism: The Transformation of Business, Democracy, and Everyday Life. N.Y.: Vintage Books, a division of Random House <<http://www.amazon.com/Supercapitalism-Transformation-Business-Democracy-Everyday/dp/0307277992>>.

Stiglitz J. Information and the Change in the Paradigm Economics // American Economic Review. 2002. Vol. 92. P. 460–501.

Stiglitz J. Equilibrium in Competitive Insurance Markets: An Essay on the Economics of Imperfect Information // The Quarterly Journal of Economics. 1976. Vol. 90. P. 630–649.

С. Лефевр

Университет Париж
Сорбонна,

И. Корчагина,
Л. Прокофьева

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ И МНЕНИЯ О НЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИИ

В последнее десятилетие вопросы семейной политики, ее совершенствования находятся в центре внимания в развитых странах в связи с новыми реалиями брачно-семейного и репродуктивного поведения, трансформацией модели семьи. Предлагаемые направления реформирования зависят не в последнюю очередь от характера существующей системы поддержки семей, которая значительно различается в странах с уже сложившимися традициями активной семейной политики, такими как Франция, в странах, где они заново возрождаются в новых социально-экономических условиях, примером которых служит Россия. Кроме того, предлагаемые и реализуемые изменения в концепции семейной политики соотносятся с кризисным этапом развития мировой экономики, требующим усиления адресности, поддержки семей в трудной жизненной ситуации.

Социально-демографические проблемы, решаемые каждой из стран, имеют разный вектор: во Франции относительно благополучная демографическая ситуация (уровень рождаемости на уровне воспроизводства населения, высокая продолжительность жизни), но в то же время острые проблемы с занятостью, рост безработицы и бедности семей с детьми. В России демографические проблемы, связанные со снижением численности населения, выходят сегодня на первый план, активно обсуждаются в экспертном сообществе и на уровне правительства, но в результате оказывается в тени проблема низкого уровня жизни и бедности семей с детьми, которая не становится менее острой.

Франция создала свою систему, откликаясь на вызовы XX в. для развитых стран, такие как старение населения, индустриальная революция, рост занятости женщин, постоянно совершенствует свою семейную политику. Семейная политика во Франции основана на большом количестве предлагаемых мер в виде пособий (более 15 видов), налоговых льгот и прямого финансирования детских учреждений, бесплатного для семей начального и среднего школьного образования. Одни меры вводились государством в рам-

ках системы социального обеспечения, другие — прямым финансированием (налоговые льготы и детские учреждения). По новому закону о децентрализации важным действующим лицом в предоставлении социальной поддержки семьям с детьми становятся региональные и муниципальные власти. Государство принимает активное участие в поддержке семей с детьми, в том числе и через обеспечение бесплатного или льготного обучения, начиная с детских дошкольных учреждений, через систему налоговых льгот для семей, в которых есть ребенок (вычисление «семейной доли») и т.д.

Важным элементом семейной политики является предоставление реального выбора женщине — работать или воспитывать детей. При этом предпочтение отдается мерам, позволяющим совмещать работу и уход за детьми. Размер пособий во Франции дает возможность семьям не «проваливаться» в бедность после рождения детей. Доля бедных детей во Франции составляет 7%. По официальным оценкам, в отсутствие социальной поддержки семей с детьми она составляла бы около 27%.

Каждый из многочисленных видов социальной помощи семьям призван решать свои специфические задачи, но вместе они составляют то «поле поддержки» семей, которое позитивно влияет на демографическую ситуацию в стране, а также на снижение социального напряжения и выравнивание уровня жизни разных слоев населения. Благодаря сбалансированной системе социальной поддержки семей с детьми и политике, направленной на рост занятости и доходов населения, показатели рождаемости во Франции стабильно увеличиваются в течение последних двух десятилетий, практически независимо от экономической ситуации. Примечательно, что столь хорошие результаты рождаемости достигнуты в стране с невысоким уровнем религиозности, который обычно оказывает сильное воздействие на демографические показатели.

Франция тратит на семейную и в целом социальную политику огромные средства, только семейная политика — это 5% ВВП страны (материальная поддержка в виде пособий, льготы на жилье, налоговые льготы, развитая инфраструктура материнства и детства). Вместе с тем существующие проблемы экономического характера заставляют переориентировать семейную политику на большую адресность в оказании социальной поддержки семьям с детьми, постепенный отход от принципа «универсальности», который уже пятьдесят лет является базовым и активно поддерживается населением.

В России кардинальные изменения в основах функционирования экономики и социальной сферы, произошедшие в последние два десятилетия, наложили отпечаток на характер социальных ожиданий населения, уровень предъявляемых претензий обществу в случае необходимости поддержки детей или престарелых. Даже в эпоху государственного патернализма совет-

ского типа роль государства не виделась всеобъемлющей, всегда оставались области, где семья, межсемейная поддержка действовали более эффективно, будь то уход за детьми или престарелыми, не способными себя обслуживать. В период социально-экономических трансформаций система государственного патернализма была разрушена, в то время как доля семей и групп населения, нуждающихся в социальной поддержке, значительно выросла.

В связи с тем, что в середине «нулевых» годов поддержка материнства и детства провозглашена одним из приоритетов современной социальной политики России, с 2007 г. были существенно пересмотрены размеры некоторых видов материнских и семейных пособий, а также введен комплекс новых мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей, имеющих детей.

Анализируя состояние семейной политики в России, можно заключить, что она носит фрагментарный характер, концептуальный подход к ее развитию отсутствует, принимаемые меры зачастую половинчатые и непоследовательные, а финансовые ресурсы не соответствуют глубине проблем, которые она призвана решать. Семейная политика остается, во-первых, неравномерной на разных этапах жизненного цикла, излишне сфокусированной на стимулировании рождения ребенка, а не на оказании поддержки в процессе его последующего воспитания. Во-вторых, соотношение величины затрат на поддержку семей с детьми к объему ВВП в России по-прежнему остается существенно более низким, чем в большинстве стран Европы: несмотря на проведенные в 2007 г. реформы, первоначальные объемы расходов на материнские и детские пособия, характерные для середины 1990-х годов, так и не были восстановлены (сегодня это 1,5%, из них расходы федерального бюджета составляют 0,8%).

Семейная политика России менее значима для семей с детьми, чем во Франции, и существующий сегодня пронаталистский дискурс призван скорее расширить круг получателей поддержки, а это означает отход от принципа адресности. Таким образом, сохраняется потребность в межсемейных сетях материальной поддержки и поддержки услугами по уходу за детьми и престарелыми.

На этом фоне важным представляется изучение мнения россиян и французов о роли общества в решении проблем семьи и его изменение под влиянием намечаемых и реализуемых реформ в области семейной политики. Эмпирической базой исследования для России явились результаты трех волн (2004 г., 2007 г. и 2011 г.) панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), являющегося составной частью международного проекта «Поколение и гендер». Во Франции этот проект проводился в 2005, 2008 и 2011 г. под названием «Исследование межсемейных

и межпоколенных отношений» (ERFI – GGS). Объем выборки в каждой из стран – 11 тыс. семей, в том числе 6 тыс. семей составили панельный блок, который и явился базой для анализа изменения мнений о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых в России и Франции.

Мнения об ответственности общества за детей и престарелых, о межсемейной сети поддержки

Насколько население готово разделить заботу о слабых членах общества с государством? Насколько направление социальной политики влияет на формирование общественного мнения о необходимости взаимной поддержки среди близких родственников?

В целом в массовом сознании, как в России, так и во Франции, сформированы довольно устойчивые стереотипы: забота о детях и престарелых – это в основном прерогатива семьи, а материальная помощь этим группам населения, наоборот, поручается обществу. При этом забота о детях (как дошкольниках, так и школьниках вне занятий в учебном учреждении) чаще возлагается только на семью, а заботу о престарелых они чаще готовы разделить с государством.

Так, по вопросу помощи пожилым людям с ограниченными возможностями жители двух государств довольно единодушны: ответственность за престарелых обязательно должна брать на себя семья (45,2% во Франции и 47,8% в России) или в равной мере семья и общество (41,7% во Франции и 42,7% в России)¹.

Что касается заботы о детях, то респонденты в большей степени вверяют ответственность за них семье, однако по данному вопросу наблюдаются определенные межстрановые различия (табл. 1).

Российское население чаще ожидает помощи государства в вопросах воспитания детей, но при этом не снимает с себя ответственности за их судьбу (ответ «и общество, и семья в равной мере»). Так, по мнению россиян, заботиться о детях дошкольного и школьного возраста должны и семья, и государство – так считают 36,3% и 40% респондентов соответственно. Среди французов таких только 24% и 29% соответственно. Требования к обществу в заботе о детях выше у россиян из-за непростой ситуации с доступностью до-

---

¹ Анализируются ответы на вопрос: «Кто должен заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому?»

школьных учреждений в стране, а также заведений для внешкольного досуга детей – спортивных групп и кружков детского творчества.

Таблица 1. Кто должен заботиться о детях дошкольного возраста и школьниках вне школы, % ответов респондентов в России и Франции, 2011 г.

Кто должен заботиться	Забота о дошкольниках		Забота о школьниках	
	Россия	Франция	Россия	Франция
Преимущественно общество	0,7	4,0	3,9	4,5
Скорее общество	3,1	6,5	9,6	7,1
Общество и семья в равной степени	36,3	24,0	40,1	29,0
Скорее семья	32,1	27,0	27,6	28,2
Преимущественно семья	27,8	38,5	18,9	31,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Материальная поддержка молодых и пожилых, наоборот, практически полностью перекладывается на общество. Половина респондентов в обеих странах считает, что материальная поддержка пожилых – это забота общества и еще 29% французов и 36,7% россиян делят эту ответственность в равной мере между семьей и обществом. В то же время во Франции материальную поддержку пожилых делегируют семье в 2 раза чаще, чем в России, а поддержку молодых – почти в 3 раза чаще (табл. 2).

Таблица 2. Кто должен обеспечивать денежную помощь бедным пожилым и молодым семьям с детьми, % ответов респондентов в России и Франции, 2011 г.

Кто должен обеспечивать	Денежная помощь бедным пожилым		Денежная помощь бедным молодым семьям с детьми	
	Россия	Франция	Россия	Франция
Преимущественно общество	25,9	34,2	28,2	27,0
Скорее общество	28,1	16,3	28,3	18,2
Общество и семья в равной степени	36,7	29,0	35,6	31,3
Скорее семья	5,9	11,8	4,9	14,7
Преимущественно семья	3,4	8,7	3,0	8,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Большие различия между ответами респондентов двух стран проявляются в вопросах о необходимости взаимной поддержки среди близких родственников. Забота о молодом поколении и в части помощи в воспитании внуков, и в материальном плане должна быть частью жизни старшего поколения – так считают и в России, и во Франции (65–78%) (табл. 3).

Что же касается заботы о пожилых со стороны молодежи, то здесь мнения респондентов двух стран разделились: в России чаще соглашаются, что эта помощь является обязательной. Так, в России большинство (95%) опрошенных согласны с утверждением, что дети должны брать ответственность за престарелых родителей, в то время как во Франции таких ответов только 65% (табл. 4).

Таблица 3. Должны ли родители и старшие родственники помогать своим взрослым детям, % ответов респондентов в России и Франции, 2011 г.

		Полностью согласны	Согласны	И да, и нет	Не согласны	Совсем не согласны
Бабушки/дедушки должны заботиться о внуках	Россия	14,5	55,6	19	7,8	3,1
	Франция	37,6	34,5	14,8	6,4	6,7
Родители должны оказывать денежную помощь взрослым детям	Россия	11	54	25,7	6,6	2,6
	Франция	37	40,8	14,6	4,1	3,5
Родители должны изменить свою жизнь, чтобы помогать взрослым детям	Россия	14,5	55,6	19	7,8	3,1
	Франция	14,7	24	22	18,7	20,5

Различия в менталитете жителей двух стран наиболее ярко проявились по ответам на вопрос «*Дети должны жить с родителями, если те не могут больше жить одни*»: во Франции только 37% респондентов согласны с этим утверждением, а в России – в 2 раза больше.

Более патриархальное сознание российских граждан проявилось и в ответе на вопрос «*Должны ли родители изменить свою жизнь так, чтобы помогать взрослым детям?*»: с этим утверждением согласны 70% россиян и чуть менее 40% французов.

Таким образом, в обеих странах люди ориентированы на взаимную поддержку, но, по мнению французов, она не должна ущемлять свободу гражданина любого возраста. Самопожертвование старшего поколения, служение своей семье в широком смысле слова является основой патриар-

Таблица 4. Должны ли взрослые дети помогать своим престарелым родителям, % ответов респондентов в России и Франции, 2011 г.

		Полностью согласны	Согласны	И да, и нет	Не согласны	Совсем не согласны
Дети должны брать на себя ответственность за престарелых родителей	Россия	31,1	63	5,3	0,5	0,1
	Франция	26,8	38,6	17,5	8,4	8,8
Дети должны оказывать финансовую помощь родителям	Россия	16,8	61,1	19,8	2	0,4
	Франция	22,9	39,8	18,4	8,5	10,3
Дети должны жить с родителями, если те не могут больше жить одни	Россия	17	47,2	26,7	7,9	1,2
	Франция	14,7	22,3	26,2	15,4	21,4

хального общества. В последние десятилетия в российском обществе происходит трансформация в сознании людей в сторону большей ориентации на индивидуальное благополучие, часто в ущерб межсемейной поддержке, но традиции самопожертвования в молодом поколении уходят в прошлое более быстрыми темпами, чем традиции приоритета семейных обязанностей у пожилых людей.

Эволюция мнений, 2004–2011 гг.

Насколько неустойчивость социально-экономической системы влияет на изменение мировоззренческих и ценностных установок в современном обществе? В каком направлении происходят сдвиги в мировоззрении в нестабильных системах?

Полученные результаты межстранового анализа показали относительную стабильность мнений французов и значительные сдвиги в мнениях россиян о распределении ответственности семьи и общества в поддержке детей и престарелых. Несмотря на начавшийся отход от «универсальности», во Франции стабильно сохраняется развитая система бесплатных детских садов для всех семей с детьми, система детских пособий, лишь частично увязанная с доходами семей-получателей, льготное пенсионное законодательство для матерей и налоговые льготы на семью в зависимости от числа детей (хотя и в уменьшенной сегодня форме). Развитая и стабильно работающая система

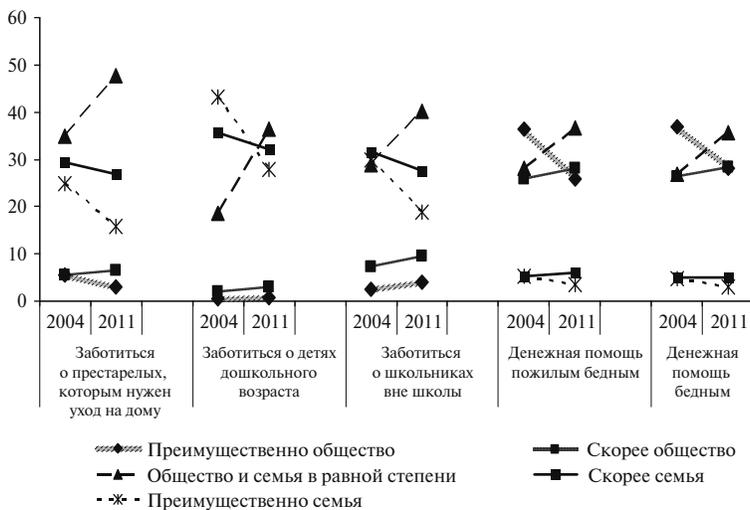
поддержки престарелых дает французам свободу выбора в случае возникновения потребности в уходе за пожилыми родителями с ограниченными возможностями жизнедеятельности.

Такая стабильность влияет на неизменность мнений во Франции по всем вопросам об ответственности общества и семьи за детей и престарелых и взаимной поддержке в «большой» семье. Что касается России, то по большинству вопросов о социальной и межсемейной поддержке в массовом сознании российских жителей произошли определенные трансформации, что объясняется глубокими социально-экономическими изменениями, происходящими в России в последние десятилетия (рис. 1).

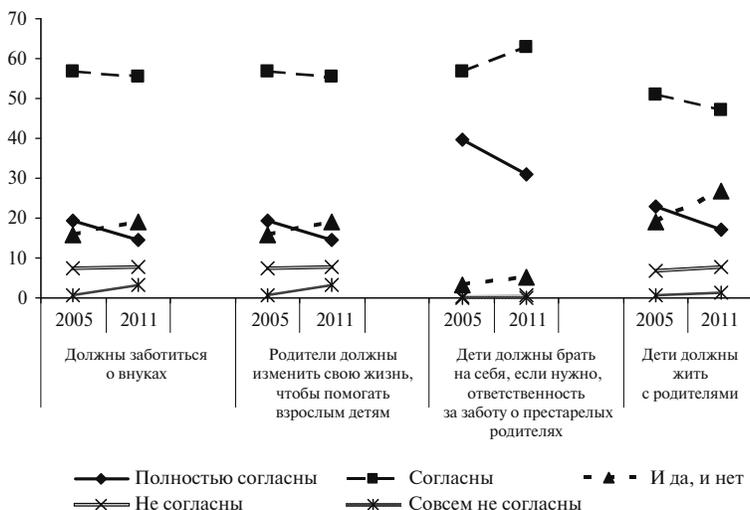
Проблемы выживания в постоянно меняющемся мире, отсутствие развитой сети услуг в уходе за детьми и престарелыми заставляют людей искать поддержки у государства, что приводит к росту ответов признающих совместную ответственность государства и семьи за слабых членов общества (детей и престарелых). Так, за семь лет доля респондентов, считающих, что ответственность за престарелых обязательно должны брать на себя и семья, и государство в равной степени, выросла в России почти на 13 п.п. (с 39,9 до 47,8%), за детей школьного возраста на 11% (с 28,8% до 40,1%), за детей дошкольного возраста почти в 2 раза (с 18,5% до 36,3%). Рост ответов, признающих совместную ответственность государства и семьи за слабых членов общества, происходит в основном за счет трансформации мнений респондентов, которые в предыдущем обследовании однозначно высказывались за семью.

На вопрос об ответственности за материальную поддержку бедных семей с детьми доля признания совместной ответственности увеличилась с 27% до 36% и при этом резко сократилась доля тех, кто считал общество единственной стороной, которая должна реагировать и помогать нуждающимся, хотя таких ответов по-прежнему большинство (63% в 2004 г., 56% в 2011 г.). Аналогичные результаты дает анализ распределения ответственности между семьей и государством по вопросу денежной помощи нуждающимся пожилым людям. Эти изменения могут объясняться тенденцией к отходу от иждивенческих позиций в отношении государства в сторону признания необходимости более активной позиции самих семей по изменению своего положения, но и крайней недостаточностью сегодня государственной помощи бедным.

Что касается межсемейной поддержки, то здесь изменения не столь явные, хотя и статистически значимые. Все большая ориентация на совместную с государством заботу о слабых членах общества коррелирует с усилением сомнений в полном принятии постулатов о необходимости внутрисемейной помощи. В основном за счет роста сомневающихся сократилась доля

Рис. 1. Эволюция мнений по вопросам социальной поддержки уязвимых категорий граждан, % ответов респондентов в России

Рис. 2. Эволюция мнений по вопросам межсемейной поддержки, % ответов респондентов в России

респондентов, согласных с утверждениями: *«Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи»* (на 8,5 п.п.), *«Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы»* (9 п.п.), *«Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой»* (8 п.п.) (рис. 2).

Доля уверенных в том, что старшее поколение должно помогать младшему, тоже несколько сократилась. Если в 2004 г. доля полностью согласных с тем, что бабушки и дедушки должны заботиться о внуках, а также должны изменить свою жизнь, чтобы помогать взрослым детям, была на уровне 20%, то в 2011 г. она сократилась до 15%.

Таким образом, материалы панельного опроса показывают относительную стабильность общих распределений мнений французов об ответственности общества за поддержку детей и престарелых, но при этом и некоторый сдвиг в мнениях россиян по этому вопросу в сторону необходимости совместных усилий семьи и общества в уходе и материальной помощи этим уязвимым категориям населения.

С.В. Мареева

Институт социологии
РАН,
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКИХ БЕДНЫХ

К настоящему времени процесс структурной перестройки российской экономики практически завершился. В рамках этой новой структуры проблемы бедности выглядят в России уже не так, как это было еще десять лет назад. Фактически вопрос стоит сейчас уже не просто о численности бедных, сколько о том, как далеко зашел в России процесс превращения их из нижнего по доходам сегмента российского общества в его «новую периферию», характеризующуюся не только иными, нежели остальное население, возможностями и характером занятости, но и специфическими нормами и ценностями, т.е. собственной субкультурой, анализу чего и посвящено данное исследование. Подобный анализ дает возможность понять, насколько отличаются ценностно-нормативные системы бедных от норм и ценностей остального населения и происходит ли формирование в их среде особой культуры бедности, закрепляющей их «периферийный» статус в обществе.

Эмпирической базой для анализа послужили данные нескольких репрезентативных общероссийских исследований, проведенных в 2003, 2012 и 2013 г. ИКСИ РАН и ИС РАН¹.

Следует отметить, что в исследованиях, посвященных проблеме бедности, ключевыми вопросами всегда выступают особенности методологии и используемых для измерения бедности индикаторов. В ходе исследования Института социологии РАН 2013 г. были использованы как абсолютный подход к бедности (при котором к бедным относятся имеющие доходы ниже прожиточного минимума), так и депривационная версия относительного подхода. Это позволило, кроме «бедных по доходам» (доля которых составила 13%, т.е. практически совпала с данными Росстата на конец 2012 – начало

---

¹ Речь идет об общероссийских исследованиях, репрезентировавших население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения: «Богатые и бедные в современной России» (Институт комплексных социальных исследований РАН, март 2003 г., $N = 2106$); «О чем мечтают россияне» (Институт социологии РАН, март 2012 г., $N = 1750$), «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» (Институт социологии РАН, март 2013 г., $N = 1600$ плюс дополнительная выборка по бедным 300 человек).

2013 г.), выделить также бедных «по лишениям»². Как показали расчеты, к числу бедных «по лишениям» в 2013 г. относилось 25% населения России. При этом бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» оказались скорее дополняющими, чем дублирующими друг друга группами, составляющими в сумме 30% населения России. Обе они выступали зоной формирования «новой периферии» российского общества.

Что же показал анализ нормативно-ценностных систем бедных россиян? Первое, что нужно отметить, комментируя эти данные, — *отсутствие качественных различий как между бедными и небедными, так и между бедными «по доходам» и бедными «по лишениям» по степени распространения тех или иных ценностных установок.* В отношении к свободе, совести, морали бедные россияне выражают ценности, характерные и для небедного населения (табл. 1).

Посмотрим теперь на те нормы и ценности, которые ассоциируются обычно с обществами модерна (нонконформизм, внутренний локус-контроль, выбор общества равенства возможностей в противовес обществу равенства доходов и т.п.). Из табл. 2 видно, что внутренний локус-контроль и другие ценности модерна в меньшей мере характерны для обеих групп бедных. Так, только 46% бедных, выделенных по каждому из подходов, согласны с тем, что успех и неудачи находятся в руках самого человека, в то время как среди небедных с этим согласны более половины. Практически идентична и ситуация с нонконформизмом. Наконец, еще ярче проявляются различия

---

² Методически к бедным по лишениям относились те, кто испытывал многомерную депривацию при удовлетворении своих базовых физиологических и социальных потребностей. Показатели этих лишений были отобраны с учетом представлений россиян о признаках бедности. Было выделено восемь групп лишений, замеряемых 11 индикаторами, в том числе: 1) невозможность нормально питаться; 2) невозможность приобрести новую одежду; 3) бедный набор товаров длительного пользования по месту проживания (общее количество товаров длительного пользования в домохозяйствах ниже их медианного значения для россиян в целом; количество товаров длительного пользования не старше 7 лет в домохозяйствах ниже медианного значения для россиян в целом); 4) невозможность оплатить любые формы платных социальных (образовательных, медицинских и рекреационных) услуг для себя или детей за последние три года; 5) недоступность нормальных жилищных условий (отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; наличие в жилище менее 12 кв. м общей площади на человека — порога, с которого доля оценивающих свои жилищные условия как плохие превышает число тех, кто оценивает их как хорошие; вынужденное проживание в общежитии, служебной квартире, части дома); 6) недоступность жизни без множественных долгов; 7) отсутствие любых значимых улучшений в жизни в последние три года; 8) отсутствие любых форм платного досуга вне дома. При наличии четырех и более из 11 показателей депривации респондент относился к категории бедных по лишениям, так как это означало многомерную депривацию.

Таблица 1. Некоторые ценностные установки разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	«по доходам»	«по лишениям»	
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	63	57	64
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	37	43	36
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	48	49	51
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	52	51	49
Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	35	32	28
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	65	68	72
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония	81	74	76
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	19	26	24

между этими группами в вопросе выбора между обществом равных возможностей и обществом равных доходов: для 71% небедных россиян приоритетным вариантом выступает общество равных возможностей, в то время как среди бедных «по лишениям» эта доля сокращается до 58%, а среди бедных «по доходам» – даже до 54%.

Таким образом, *ценности и установки, характерные для обществ модерна, а именно нонконформизм, внутренний локус-контроль и приоритет равенства возможностей, оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения.* Однако нужно отметить, что сама группа бедных россиян не является однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются и сторонники модернистских, и сторонники традиционалистских ценностей.

Посмотрим теперь, каким при таких ценностных установках бедные россияне видят дальнейший путь развития России. Интересно, что по этому вопросу качественных расхождений между бедным и небедным населением не наблюдается. Две трети бедных «по доходам», как и две трети бедных «по лишениям» (по 66%) и 62% небедных россиян, уверены, что Россия – особая

Таблица 2. Ценностные ориентации разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	«по доходам»	«по лишениям»	
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	46	46	58
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	54	54	42
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	46	44	57
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	54	56	43
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	54	58	71
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	46	42	29

цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни. И лишь около трети каждой из этих групп (34% среди бедных и 38% среди небедных) считают, что наша страна должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны. Таким образом, *несмотря на разную степень принятия ценностей современных обществ бедными и небедными россиянами, среди населения страны существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и невозможности слепо скопировать в ней западные образцы.*

Отдельно нужно остановиться на том, что молодежь, в том числе и молодежь из бедных слоев, характеризуется определенной спецификой своих ценностей и установок в других отношениях. Так, молодые бедные чаще, чем бедные старших возрастов, считают, что без свободы жизнь теряет смысл, а материальное благополучие по сравнению со свободой второстепенно, чаще разделяют ценности нонконформизма и стремление выделяться среди других, чаще характеризуются внутренним локус-контролем и считают, что их успех и неудачи – в их руках. Таким образом, *ценности современных обществ свойственны молодым бедным в большей степени, чем бедным из старших возрастных когорт.* С другой стороны, *молодые бедные одновременно считают допустимыми любые доходы независимо от способа их получения и характери-*

зуются готовностью при необходимости переступить через нормы морали. По ряду из этих позиций молодые бедные демонстрируют качественные отличия от бедных старших возрастов, что в очередной раз свидетельствует о высокой ценностной гетерогенности группы бедных. Однако при всех этих различиях, оценивая возможные пути России, и молодые, и пожилые бедные сходятся во мнении, что западный путь развития не подходит для нашей страны.

Отдельный интерес представляет представление бедных о справедливости. Нужно сказать, что мнение населения о неравенствах в российском обществе в настоящий момент действительно отражает сложившуюся в нем реальную картину избыточности социальных неравенств — лишь 4% бедных, как и 4% небедных, считают, что острых неравенств в нашем обществе сегодня нет. Подавляющее же большинство представителей бедного населения — как, впрочем, и небедного, — не только фиксируют болезненные неравенства в российском обществе, но и отмечают, что они лично от них страдают. При этом на первом месте с большим отрывом оказывается *неравенство доходов, от которого, по мнению бедных, в наибольшей степени страдают сегодня и они сами (58%), и общество в целом (72%).*

Говоря практически о всех типах неравенств, даже бедные россияне значительно чаще отмечают болезненность этих неравенств для всего общества, чем для них самих. При этом рейтинг остроты отдельных неравенств для общества и для них лично в оценках бедных «по доходам» и «по лишениям» в целом также совпадает. После лидирующего неравенства «по доходам» следуют неравенство в доступе к медицинской помощи (44%) и неравенство жилищных условий (34%) — причем обе эти характеристики играют достаточно важную роль в представлениях как бедных, так и небедных россиян о ключевых отличиях жизни бедных семей в России. По степени болезненности для самих бедных на одном уровне с неравенствами по жилищным условиям оказывается еще один тип неравенства, связанный с рынком труда, — неравенство в доступе к хорошим рабочим местам (34%). Причем значимость этой позиции, в отличие от практически всех остальных типов неравенств, оказывается для них самих выше, чем для общества в целом. Это свидетельствует об особой остроте данной проблемы для бедных в современной России — особенно для тех, кто находится в трудоспособном возрасте. Это неудивительно, так как именно проблемы на рынке труда, связанные с длительной безработицей, являлись, по мнению самих бедных, основной причиной, приводящей к бедности их личных знакомых (так считали 35% из них). При этом неравенство, связанное с возможностями накопления человеческого капитала посредством доступа к образованию (20%), как и консервация неравенства жизненных шансов неблагополучного населения в связи с разными возможностями у детей из различных социальных слоев (23%), отходят для них на второй план (нельзя

не отметить в этой связи, что такие их установки способствуют дальнейшей маргинализации молодежи из бедных слоев российского общества).

В силу того, что большинство бедных страдает от целого ряда неравенств, неудивительно, что *две трети (66%) из них считают, что в справедливом обществе различия в уровне жизни людей должны быть небольшими*. Впрочем, это отражает и мнение остального населения – 60% небедных также выразили согласие с этим утверждением. Отсюда логично следует и *запрос бедного населения к правительству на сокращение избыточных неравенств* – 70% бедных считают, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. Среди небедных эта доля составила 62%, а среди населения в целом 64%, что, впрочем, если судить по данным международного исследования ISSP³, очень близко к показателям по Германии (66% в 2009 г.), Великобритании (66%) или Китаю (71%), и в этом отношении россияне отнюдь не уникальны и не склонны к уравнительности.

Если сравнить ответы бедных с ответами остального населения, то видно, что *хотя бедные в целом в меньшей степени согласны с теми или иными основаниями неравенств, качественно их ответы отражают картину, характерную для представлений в этой области всех россиян вообще и небедных в частности* (табл. 3).

Таблица 3. Представления бедных и небедных россиян о справедливых и несправедливых основаниях неравенств, 2013 г., %

Суждения	Бедные: согласны / не согласны	Небедные: согласны / не согласны
Справедливо, что те, кто работает быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	67 / 8	77 / 6
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	54 / 18	69 / 10
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	55 / 17	64 / 9
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	39 / 28	49 / 21

Примечание. В таблице не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

³ Ежегодное международное сравнительное исследование ISSP – International Social Survey Programme, <<http://www.issp.org/>>. Данные приводятся по 2009 г.

Что же касается таких конкретных проявлений неравенств в современном российском обществе, как *лучшее жилье, большая пенсия, доступ к качественной медицине и лучшему образованию, то толерантность к ним оказывается ниже*, чем к тем неравенствам, о которых мы говорили выше — причем как среди бедных россиян, так и среди населения в целом. Однако при этом готовых принять как справедливый тот факт, что люди с большими доходами могут покупать себе лучшее жилье, даже среди бедных все же оказывается заметно больше, чем не готовых к этому (41% и 27% соответственно); аналогичная ситуация наблюдается и в оценке справедливости большей пенсии у тех, кто имеет более высокую зарплату (38% согласных против 30% несогласных).

В то же время практически неприемлемо для бедных россиян неравенство в доступе к медицинским услугам и к образованию. То, что люди с высокими доходами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, считают несправедливым 68% бедных. Что же касается возможностей людей с высокими доходами дать своим детям лучшее образование, то ощущение несправедливости такой ситуации они испытывают еще чаще — о нем говорит 71% бедных. Для небедных россиян эти доли оказываются заметно ниже, свидетельствуя о более высокой их толерантности к этим неравенствам, но они также превышают половину (51% и 56% соответственно).

Динамика отношения населения к неравенствам за последние 10 лет свидетельствует о том, что *толерантность бедных к конкретным проявлениям неравенств, за некоторыми исключениями, снижается — по всей видимости, в результате роста ощущения их нелегитимности и избыточности, а также все большего обострения проблемы неравенств разных типов*, затрагивающих их лично и общество в целом — прежде всего, проблем в сферах образования и здравоохранения. В итоге все меньшая доля бедных (как «по доходам», так и «по лишениям») согласна с тем, что ситуация, когда более обеспеченные люди могут позволить себе доступ к образовательным и медицинским услугам лучшего качества, справедлива, и все выше доля несогласных с этим.

Подведем итоги. Нормативно-ценностные системы, характерные для бедных, не отличают их качественно от небедного населения и схожи у бедных «по доходам» и бедных «по лишениям». Сами бедные при этом неоднородны по своим нормативно-ценностным представлениям. Поэтому говорить о ценностном расколе между бедным и небедным населением или о формировании особой культуры бедности в России пока не приходится, хотя по ряду позиций количественные различия между бедными и небедными достаточно заметны, и в случае их нарастания вопрос о наличии в России особой субкультуры бедных и ее роли в закреплении их маргинального положения может актуализироваться.

В отношении к свободе, совести, морали бедные выражают ценности, характерные и для небедных россиян; что же касается ценностей и установок, характерных для современных обществ, — неконформизма, внутреннего локус-контроля, приоритета равенства возможностей, то они оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения, чем среди небедного. При этом, несмотря на разную степень распространенности тех или иных ценностей и установок как среди бедных и небедных, как и среди разных возрастных когорт, у большинства россиян существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и неприемлемости для нее западного пути развития.

Даже в условиях явно избыточных неравенств в современной России, от которых страдают, прежде всего, именно бедные россияне, последние не являются безусловными противниками большой разницы в доходах. Однако столкновение нормативных представлений о необходимости неравенств, основанных на легитимных основаниях (эффективности работы, уровне образования в условиях равенства возможностей для всех), с реалиями современной России, где неравенства слишком глубоки и имеют своими источниками зачастую совсем иные основания, приводит к запросу на снижение этих неравенств, обращенному к государству, а также к снижению толерантности к ним.

Л.И. Ниворожкина,
Т.Г. Синявская,
Т.В. Торопова

Ростовский
государственный
экономический
университет (РИНХ)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК БЕДНОСТИ С КРЕДИТНОЙ НАГРУЗКОЙ ДОМОХОЗЯЙСТВ¹

Значительный рост потребительского кредитования в России стал предметом интереса широкого круга исследователей, поскольку этот социально-экономический феномен, представляющий механизм преодоления разрыва между желаемым уровнем жизни населения и его действительными доходами, имеет как позитивные, так и негативные последствия во всех сферах жизнедеятельности российских домохозяйств. Позволяя домохозяйству получить в пользование блага, накопление денег на покупку которых потребовало бы не менее года, кредитование снижает уровень отложенного спроса, удовлетворяя насущные нужды населения. В то же время растущее предложение широкого спектра кредитных услуг на фоне низкого уровня финансовой грамотности и потребительской культуры населения порождает рост задолженностей по кредитам, которые стали серьезной проблемой для многих российских семей. Задолженность россиян перед банками постоянно растет: сегодня почти каждый второй экономически активный гражданин – заемщик. Так, по данным Банка России, на 1 января 2014 г. общий объем выданных физическим лицам кредитов составил 8,778 трлн руб.², что на 1,552 трлн руб. (или на 21,5%) больше, чем год назад. Параллельно с ростом кредитного рынка увеличивается и доля непогашенных в срок ссуд, что увеличивает уровень кредитного риска заимствующих организаций. По данным Банка России, общая задолженность физических лиц по кредитам по состоянию на 1 февраля 2014 г. составляет около 9,9 трлн руб.³, что равно приблизительно

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания № 2014/176 (код проекта 2245).

² См.: <<http://cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2014&TblID=302-02M>>.

³ См.: <<http://cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=02&Year=2014&TblID=302-02M>>.

2 тыс. долл.⁴ на каждого жителя России. Задолженности по потребительским кредитам растут гораздо быстрее, чем доходы домохозяйств.

Погашение долга за кредит занимает значительное время и уменьшает располагаемый денежный доход домохозяйства. Более того, кредитный долг включает и существенную долю средств, которые получают кредитные и другие организации в виде процентной ставки и дополнительных расходов, включающих комиссии, обслуживание кредита, штрафы, страховки и др. Рост стоимости кредитов в последнее время стал предметом серьезной критики со стороны экономистов. По состоянию на конец 2013 г., кредиты физическим лицам составляли 17% от совокупного размера активов банковского сектора Российской Федерации. Однако вклад в чистую прибыль банковской системы за счет кредитов физических лиц составил более 30%⁵. Заемщикам приходится отдавать все большую часть дохода на уплату процентов, помимо основного долга за приобретенное благо, и все меньше остается у них денег на покупку товаров и услуг. Высокая полная стоимость кредитов означает, что располагаемые доходы значительного числа российских домохозяйств ниже, чем об этом говорят официальные цифры, а уровень бедности – выше.

Деньги, взимаемые в качестве платы за пользование приобретенным в кредит благом, являются потребительскими расходами, поскольку домохозяйство извлекает из него полезность, в то же время деньги, которые домохозяйство платит кредитной организации за пользование кредитом, не могут быть использованы на приобретение товаров и услуг, которые необходимы домохозяйству для поддержания жизнедеятельности. Следовательно, средства, которые домохозяйство выплачивает в виде процентов по кредиту и за его обслуживание (полная стоимость кредита), должны вычитаться из располагаемых доходов домохозяйств, что, несомненно, повлияет на картину распределения доходов и увеличит индексы неравенства и бедности.

Исследование воздействия процентных выплат по потребительскому кредитованию на распределение доходов населения, рост неравенства и бедности осуществлено в работах Р. Скотта и С. Прессмана [Scott, Pressman, 2010], анализирующих ситуацию в США. Авторы на основе данных «Обследования потребительских финансов» с 1983 г. по 2006 г. нашли, что вычитание процентов за обслуживание кредита из располагаемых доходов домохозяйств увеличивало в этот период уровень бедности на величину от 0,5% до 1,1% (до 4 млн человек) и уменьшало доход, который домохозяйство могло бы

---

⁴ Рассчитано по данным о численности населения России <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2014.xls>.

⁵ См.: Обзор банковского сектора Российской Федерации <http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1303.pdf>.

направить на расходы и поддержание определенного жизненного стандарта. Они также утверждают, что доходные шоки, связанные с потерей работы, рождением ребенка или проблемами со здоровьем, могут вести к обращению за займами, которые ухудшат жизненный стандарт домохозяйства в будущем, поскольку, хотя доход может возрасти, экономические обстоятельства семьи не улучшатся, если основная часть этих дополнительных доходов должна идти на выплату процентов по кредиту для погашения долга.

Как воздействуют выплаты за пользование кредитами на уровень жизни российских домохозяйств? Насколько реально подрастет уровень бедности, если располагаемые доходы домохозяйств уменьшить на величину выплат кредитным и иным организациям за пользование кредитом? В представляемой работе исходными данными для оценки воздействия процентных ставок по кредитам на уровень бедности послужила информация «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 2007–2012 гг.

В качестве черты бедности был использован прожиточный минимум, являющийся официальной чертой бедности по РФ и представляющий собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы⁶.

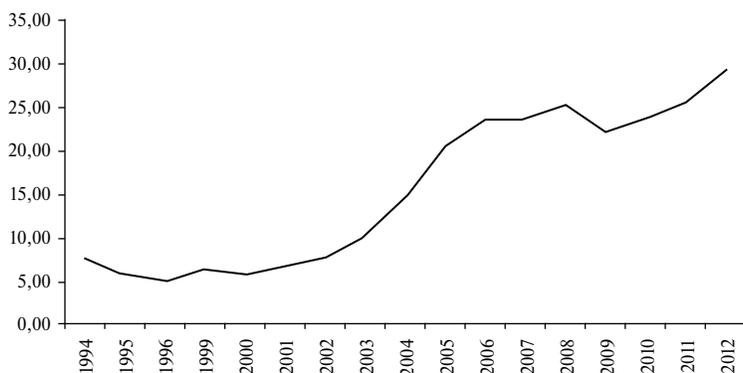
Мы также полагаем, что имеет смысл и оценка того, как много домохозяйств оказываются за чертой бедности, после того как они внесли очередной взнос за кредит. С одной стороны, как отмечалось выше, плата за приобретенные в кредит блага, приносящие пользу, относится к потребительским расходам, однако, с другой стороны, если домохозяйство, которое вступает в кредитные отношения, оказывается вследствие этого за чертой бедности, то полезность приобретенного в кредит блага или услуги становится весьма сомнительной, а кредитная нагрузка — непосильным бременем. Хотя кредитные организации применяют процедуры проверки материального положения заемщика, в действительности имеет место довольно распространенная практика, когда заемщик предоставляет документы, завышающие его располагаемые доходы, и в результате немалая доля домохозяйств, выплачивающих кредиты, оказывается за чертой бедности. Для многих видов потребительских кредитов и для микрокредитов не требуется предоставления никаких документов, подтверждающих доходы, достаточно только предъявления пас-

---

⁶ Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 27.05.2000 № 75-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 24.07.2009 № 213-ФЗ, от 30.11.2011 № 363-ФЗ).

порта. К таким кредитам прибегают домохозяйства, которые не являются кредитоспособными с точки зрения формальных проверок, т.е. относящиеся к наиболее бедным, а полная стоимость таких кредитов наиболее высока вследствие значительных рисков их просрочки или непогашения.

Для оценки кредитной нагрузки использовались ответы на вопросы «Тратила ли Ваша семья в течение последних 30 дней деньги на погашение кредита, возврат ссуд?» и «Сколько всего рублей Ваша семья истратила на погашение кредита, возврат ссуд?». Динамику ответов по числу займствований можно отследить с 1994 г. На рис. 1 виден рост этого показателя, резко ускорившийся с начала 2000-х. Некоторое падение в 2009 г. было вызвано, скорее всего, негативными ожиданиями, связанными с кризисом 2008 г., который был успешно преодолен, и число кредитующихся домохозяйств вновь пошло вверх.

Рис. 1. Доля домохозяйств, выплачивающих кредиты в течение последних 30 дней, 1994–2012 гг.

Среди целей, на которые брался кредит, указывались следующие варианты: ипотечный кредит на покупку жилья, недвижимости; на покупку автомобиля; на оплату образования; на покупку конкретного товара в магазине; на оплату конкретной услуги в фирме; потребительский кредит в банке на любые цели.

К сожалению, в случае наличия в домохозяйстве нескольких кредитов выделить суммы, которые идут на погашение каждого кредита, невозможно. Также респонденты не выделяли в сумме выплат по кредиту ту ее часть, которая составляет процент за пользование кредитом и другие платежи по его обслуживанию. В наших оценках мы не смогли разделить ипотечное

и потребительское кредитование, хотя они выполняют различные экономические функции.

Поскольку полная стоимость кредита неизвестна, нами был применен сценарный подход: из располагаемого дохода домохозяйств были вычтены суммы, составляющие 15, 25 и 35% от выплат по погашению кредита за последние 30 дней как возможный эквивалент полной стоимости кредита. Выбор сценарных вариантов был сделан на основании информации по средневзвешенным процентным ставкам по потребительским кредитам, представленным кредитными организациями физическим лицам, публикуемым Центральным банком Российской Федерации⁷ и обзора литературы по теме. Статистика ЦБ публикует данные по средневзвешенным ставкам за год, а в опросе присутствуют данные о платежах и доходах за месяц, предшествующий опросу, но поскольку информацией о полной стоимости кредита для каждого домохозяйства мы не располагали, то исходили из предположения, что выплаты по кредиту распределены равномерно в течение года, а вмененные оценки отразят определенный срез бедности, возникающей из-за роста кредитной нагрузки.

Как видно (табл. 1), уровень бедности, рассчитанный по выборочным данным RLMS, не совпадает с официальным уровнем бедности, что вполне резонно, поскольку мы рассчитали его не для отдельных лиц, а для домохозяйств, кроме того, официальные расчеты включают дооценку доходов маргинальных групп, теневых доходов и др. Однако тенденции снижения уровня бедности за исследуемый период как по официальным, так и по выборочным данным совпадают, что дает основания заключить, что выводы о воздействии кредитных выплат на уровень бедности домохозяйств, полученные по данным RLMS, можно распространить на население России в целом.

После вычета всей суммы денег, истраченной домохозяйством на погашение кредита в текущем месяце, уровень бедности в различные годы возрастал на величину от 2,5% до 3,6%, демонстрируя усиление негативной тенденции роста кредитной нагрузки на население.

Имитация полной стоимости кредита (15, 25 и 35%) и вычитание ее из располагаемых доходов домохозяйств также увеличивали уровень бедности. И хотя представленные расчеты имеют оценочный характер, полученные результаты близки к тем, что приведены в исследовании Р. Скотта и С. Прессмана по США.

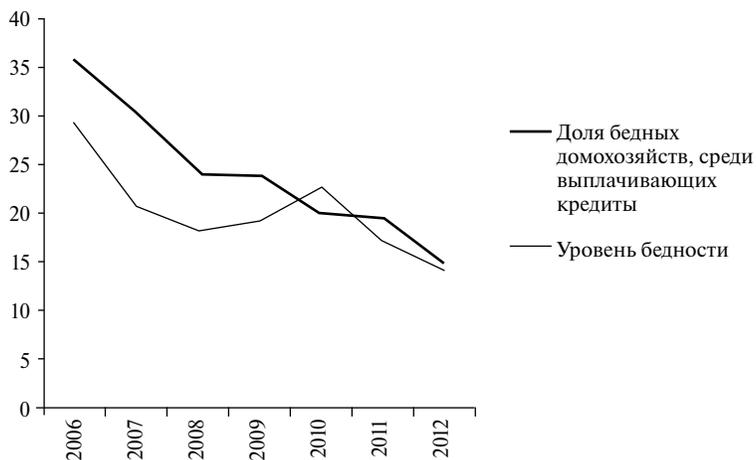
Что же происходит с бедностью в домохозяйствах, выплачивающих кредиты?

---

⁷ См.: <http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=b_sector/rates_cr-fl-r_14.htm&pid=procstavnew&sid=itm_3163>.

Таблица 1. Уровень бедности, рассчитанный по прожиточному минимуму, в сравнении с оценкой бедности, основанной на учете дополнительного числа бедных по кредитам

Год	Официальный уровень бедности, %	Уровень бедности по RLMS, %	Прирост уровня бедности после оплаты кредитов и погашения ссуд, %			
			Имитация полной стоимости кредита	35% стоимости кредита	25% стоимости кредита	15% стоимости кредита
2006	15,2	35,7	2,8	1,0	0,9	0,3
2007	13,3	30,3	3,6	1,0	0,6	0,3
2008	13,4	24,1	2,9	0,9	0,7	0,4
2009	13,0	24,0	3,2	0,9	0,6	0,2
2010	12,5	20,0	2,5	0,8	0,5	0,3
2011	12,7	19,4	3,3	1,2	0,8	0,5
2012	11,2	14,9	3,6	1,0	0,7	0,4

Рис. 2. Доля бедных домохозяйств среди выплачивающих кредиты, 2006–2012 гг.

Рисунок 2 указывает на то, что хотя в последние годы уровень бедности сокращался, доля бедных домохозяйств среди выплачивающих кредиты все быстрее приближалась к среднему уровню бедности. Это указывает на то, что

доступ к кредитам все чаще стали получать малообеспеченные домохозяйства.

В 2012 г., по данным RLMS, кредиты имели 29,6% домохозяйств⁸. Уровень бедности составил 14,9%, но среди бедных кредиты имели 28,1% домохозяйств. Вычитание из доходов домохозяйств суммы равной выплатам по кредиту увеличивало уровень бедности на 3,6%, а среди бедных домохозяйств доля имеющих кредиты возрастала на 14,0%!

Если обратиться к кризисному 2008 г., то при уровне бедности в 24,1% кредиты среди бедных имели 19,2% домохозяйств. При сокращении доходов на сумму, равную выплатам по кредиту, уровень бедности увеличился на 2,9%, а среди бедных доля домохозяйств с кредитами возрастала на 11,5%.

В 2006 г., по данным RLMS, кредиты имели 23,6% домохозяйств, а уровень бедности составил 35,7%. Кредиты среди бедных имели 19,9% домохозяйств. При сокращении доходов на сумму, равную выплатам по кредиту, уровень бедности вырос на 2,8%, а среди бедных доля домохозяйств с кредитами увеличивалась на 5,32%.

Прирост в группе бедных после операций по вычитанию из располагаемого дохода домохозяйств сумм, потраченных на погашение кредита, либо вмененных как проценты за пользование кредитом, является результатом воздействия кредитных заимствований на бедность. Рисунок 3 представляет прирост домохозяйств с кредитами среди бедных домохозяйств, после того как уровень их доходов был скорректирован на сумму выплат по кредитам, либо на возможные варианты полной стоимости кредита.

Как видно, доходы домохозяйств становятся все более чувствительными к размерам выплат по кредитам и процентам по кредитам, а прирост бедности вследствие воздействия этих факторов ускоряется.

Таблица 2 дает представление о том, как распределены различные виды кредитов между бедными и небедными домохозяйствами.

Уделом малоимущих домохозяйств являются преимущественные заимствования на покупку потребительских благ относительно невысокой стоимости, куда не входит, например, покупка автомобиля. Что же касается инвестиций в недвижимость, то здесь налицо преобладание более зажиточных домохозяйств.

Из общих тенденций заметно снижение доли кредитов на покупку конкретного товара в магазине и рост доли многоцелевых потребительских кредитов в банке.

---

⁸ Учитывались лишь те домохозяйства, которые ответили о среднемесячных доходах и произведенных выплатах за кредит.

Рис. 3. Прирост бедности вследствие кредитных заимствований

Таблица 2. Доля домохозяйств по видам кредитов (первая строка – небедные домохозяйства, вторая строка – бедные), %

Виды кредитов	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Ипотечный кредит на покупку жилья	3,96 3,66	5,04 4,06	5,06 3,00	7,37 3,90	4,86 3,09	4,99 4,96	6,20 2,95
На покупку автомобиля	11,4 8,38	13,89 7,72	16,12 8,00	11,73 6,49	13,20 6,79	15,96 9,57	18,06 6,27
На оплату образования	2,80 2,88	2,66 1,63	1,76 2,5	2,17 3,89	2,13 1,23	1,69 0,35	0,89 0,74
На покупку конкретного товара в магазине	58,84 64,14	55,09 67,89	49,38 63,5	50,92 61,04	47,53 62,65	40,37 51,06	35,12 45,76
На оплату конкретной услуги в фирме	2,22 1,83	1,9 0,81	1,96 1,00	1,51 1,95	1,96 2,78	2,11 1,42	2,24 2,21
Потребительский кредит в банке на любые цели	20,77 19,11	21,41 17,89	25,72 22,00	26,30 22,73	30,32 23,46	34,88 32,62	37,49 42,07

Рост кредитных заимствований, начавшийся в 2000-е годы, был спровоцирован, с одной стороны, массовой рекламой потребления, призывающей приобрести все и сразу в кредит, помноженной на финансовую неграмотность населения, с другой стороны, для населения кредитование стало механизмом закрепления и пролонгирования роста реальных заработ-

ков, доходов в этот период. Доступность же кредитов сделала эту процедуру проще.

Публикуемые данные о бедности игнорируют выплаты процентов по кредитам для физических лиц, хотя, как показано выше, они являются факторами роста бедности и должны учитываться официальной статистикой при расчетах располагаемых доходов и уровня бедности. Мы использовали консервативные оценки для подсчета роста доли бедных в России в течение семи лет, используя сценарные варианты величины полной стоимости кредита. По нашим расчетам, более 1,5 млн домохозяйств являются фактически бедными вследствие выплат процентов по кредитам, хотя официально таковыми не считаются, и их число, вероятно, по-прежнему растет. Число домохозяйств, которые, приобретая какие-либо предметы потребления в кредит, опускаются вследствие этого за черту бедности, еще выше. Существенную опасность роста бедности представляет также кредитование с целью погашения ранее полученных кредитов, что вводит домохозяйства в долговую зависимость и дополнительно повышает стоимость кредита.

Таким образом, процессы, протекающие в сфере кредитования населения при слабо контролируемой или отсутствующей проверке доходов домохозяйств и постоянном росте процентных ставок по кредитам, становятся факторами роста бедности и напряженности в обществе, искажающими социально-экономическую сущность кредитования населения.

Литература

Scott R., Pressman S. Debt-Poor Kids // Journal of Poverty. 2013. No. 17. P. 356–373.

Scott R., Pressman S. Consumer Debt and Poverty Measurement // Focus. 2010. Vol. 27. No. 1.

Scott R., Pressman S. Consumer Debt and Measurement of Poverty and Inequality in the US // Review of Social Economy. 2009. Vol. LXVII. No. 2.

А.И. Пишняк

Институт
гуманитарного
развития мегаполиса
(ИГРМ),
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

ОБРАЗ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА В МОСКВЕ

I

Россия миновала период доминирования стандарта жизни бедного населения и находится на этапе формирования новой массовой потребительской модели. Считается, что в развитых экономиках основную часть общества составляют представители среднего класса, и именно их повседневные практики оказываются наиболее популярными. Пока в России наблюдается иная картина.

Определяя средний класс по трем основным критериям – материальная обеспеченность, социально-профессиональный статус и самоидентификация (подробнее о методологии см. [Средние классы в России..., 2003]), – мы обращаемся к группе, составляющей примерно пятую часть российского общества (см. [Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»]), для которой характерна не только материальная обеспеченность, но и высокая компетентность (основанная, в частности, на высоком уровне образования). Ее представители добиваются успехов в карьере, получают вследствие этого большую ресурсную обеспеченность и при этом осознают, что располагают относительно большими возможностями. Но приводит ли синергия трех «о» – обеспеченность, образованность и ответственность – к формированию в России специфических стандартов поведения, которые можно было бы назвать образом жизни среднего класса? И имеют ли соответствующие стандарты потенциал стать массовыми для россиян? Однозначный ответ на эти вопросы дать нельзя. Тем не менее некоторые различия в повседневных практиках и восприятии реальности среднего класса и остального населения удастся зафиксировать на уровне микро-данных социологических опросов населения.

В подтверждение этого тезиса обратимся к результатам обследования «Москва и москвичи», проведенного в столице в 2012 г.

II

«Москва и москвичи» — комплексное обследование, включающее блоки вопросов по образованию, занятости и качеству жизни населения столицы [Москва и москвичи]. В настоящий момент проведены две волны опроса, в ходе каждой из них опрошены более 3 тыс. респондентов. Информация собиралась как о самом респонденте, так и о членах его семьи, что позволило в полной мере реализовать трехкритериальный подход для идентификации домохозяйств, относящихся к среднему классу.

III

Будучи финансово-экономическим центром России, Москва предоставляет условия для получения высокого заработка, а инфраструктурное устройство столицы позволяет развиваться всевозможным повседневным практикам. И именно здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляется специфика образа жизни отдельных групп населения. Но даже в Москве средний класс не стал самым массовым элементом стратификационной композиции общества и составляет примерно 30% (согласно трехкритериальному подходу), а характеристики его образа жизни и социального самочувствия не позволяют вести разговор о наличии общепринятого стандарта.

Тем не менее представители среднего класса в столице оказываются более вовлеченными во всевозможные досуговые практики, чем остальные. Это справедливо в контексте анализа включенности как в культурные, развлекательные мероприятия, социальные интеракции, так и в спорт. Например, среди представителей среднего класса вдвое больше тех, кто регулярно посещает театры и концерты (16% против 7% и 18% против 8% соответственно), и в 1,5 раза больше тех, кто ходит в кино (32% против 21%), музеи и на выставки (16% против 10%). Представители среднего класса регулярнее встречаются с друзьями и гораздо чаще находят возможность сделать это за пределами дома — доля бывающих в ресторанах и кафе несколько раз в неделю среди них в 3 раза выше, чем среди остального населения (10% против 3%).

Средний класс оказывается в большей степени вовлечен в массовую коммуникацию: как доли ежедневно слушающих радио, пользующихся Интернетом, так и сегменты ежедневно читающих прессу и книги в числе среднего класса превосходят аналогичные показатели по остальным респондентам. При этом основным источником новостей для себя представители этого слоя общества считают Интернет, тогда как остальные по-прежнему ориентируются на телевидение.

Средний класс в Москве отличается большей лояльностью к власти, чем остальное население столицы. Представители этого слоя активнее принимают участие в выборах — 66% из них отмечают, что обычно ходят голосовать (среди других жителей столицы таких 58%). При этом удовлетворенных результатами последних президентских выборов в их числе несколько больше, чем в составе остальных опрошенных (52% против 45%).

Что касается социального самочувствия московского среднего класса, здесь также просматриваются некоторые расхождения с представителями других слоев общества. В целом средний класс чувствует себя более защищенным во всех отношениях, чем остальные. Улицы города представляются ему более безопасными, проблемы безработицы, коррупции, преступности заботят меньше, чем остальных. Реже среди представителей среднего класса встречаются и обеспокоенные невозможностью улучшить жилищные условия и получить медицинскую помощь, что косвенно свидетельствует о том, что качество жизни у среднего класса выше, чем у остальных.

И только две темы из повседневной жизни современного мегаполиса волнуют средний класс больше, чем остальных, — качество дорог и пробки на дорогах. Эти проблемы считают очень актуальными 56% и 62% представителей среднего класса (против 45% и 53% среди остального населения).

Приведенное описание, разумеется, носит характер обобщений. Но надо заметить, что сам средний класс неоднороден, и внутри него можно выделить различные подгруппы, значительно отличающиеся друг от друга. Например, при детальном изучении рейтинга актуальных для представителей этого слоя проблем обнаруживается, что одни обеспокоены вопросами смены условий жизни, экономической и политической обстановкой, другие — личной безопасностью, а третьих и вовсе ничего не волнует. Немного подробнее рассмотрим этот вопрос.

В ходе анализа актуальности различных проблем для представителей среднего класса удалось выявить пять различных факторов обеспокоенности:

1. *Безопасность*: выражена обеспокоенность гарантиями личной безопасности, угрозой преступности и терроризма, качеством среды и доступностью медицинской помощи.

2. *Смена условий жизни*: выражена обеспокоенность необходимостью улучшать жилищные условия и получать образование, темами свободы слова и возможности эмиграции из страны.

3. *Экономическая и политическая обстановка*: выражена обеспокоенность взятками и коррупцией, митингами и народными волнениями, безработицей, а также изменением курсов валют и инфляцией.

4. *Среда обитания*: выражена обеспокоенность экологической обстановкой, чистотой и ухоженностью города.

5. *Миграция*: выражена обеспокоенность притоком в столицу мигрантов из стран СНГ и бывшего СССР и приезжих из других городов России.

Перечисленные факторы в разной степени проявляются у представителей среднего класса, что позволяет идентифицировать четыре основные группы в составе этого слоя общества. *Первую* волнует смена условий жизни, политическая и экономическая обстановка. Для *второй* актуальна проблема безопасности, но при этом не важна экономическая и политическая обстановка. *Третью* волнует безопасность, но не беспокоит смена условий жизни. Наконец, для *четвертой* оказываются не актуальны все перечисленные факторы.

IV

Подытоживая, перечислим некоторые ключевые выводы.

Можно выделить элементы образа жизни и суждения о социальном самочувствии, которые в большей степени характерны для представителей среднего класса, — средний класс отличается от других по этим критериям.

Жизнь среднего класса характеризуется наличием больших возможностей, при этом сложно говорить о каком-либо едином маркирующем потребительском стандарте или образе жизни среднего класса.

В целом позиция современного среднего класса представляется довольно аморфной, а повседневные практики хотя и обладают некоторыми отличительными особенностями, не могут быть названы новым стандартом и на данном этапе характеризуют не столько приверженность среднего класса к принципиально иному образу жизни, сколько его большую платежеспособность по сравнению с остальными.

Литература

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии: монография / под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.

Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) <<http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>>.

Москва и москвичи <<http://igrm.info/moscow/about.php>>.

О.Г. Ракаускиене

Университет
им. Миколаса Ромериса,
Институт экономики
равных возможностей
и сплоченности общества,
Вильнюс (Литва)

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: ЛИТВА – ЛИДЕР В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ¹

Введение

В современном мире все чаще высказывается сомнение в том, что рост ВВП и другие макрофинансовые показатели исчерпывающим образом отражают достигнутый уровень социально-экономического развития страны, и утверждается, что прогресс необходимо измерять совершенно другими индикаторами, характеризующими качество и удовлетворенность жизнью населения.

По мнению известных экономистов, лауреатов Нобелевской премии Дж. Стиглица, А. Сена, а также Ж. Фитусси, Дж. Сакса, Л. Туроу, К. Шваба, Р. Райха и ряда других, несмотря на научно-технический прогресс, рост ВВП и материального благосостояния, все большее число людей подвержено депрессии, пессимизму и чувству неудовлетворенности.

По мнению Дж. Сакса, непрестанное стремление к более высокому доходу ведет к беспрецедентному неравенству и тревоге, а не к большему счастью и удовлетворенности жизнью. Для выяснения истинного положения, глубинных причин происшедшего мирового кризиса эффективность проводимой экономической политики необходимо измерять иными показателями, отражающими условия жизнедеятельности населения. Таким образом, в центре внимания ученых и аналитиков, а также многих международных организаций оказался вопрос исследования и измерения характеристик качества жизни населения.

Вопреки современным мировым тенденциям Литва не отличается особым вниманием к исследованию вопросов качества жизни населения, в которых исчерпывающим образом нашли бы отражение глубинные проблемы

---

¹ This research is funded by the European Social Fund under the Global Grant measure (No. VP1-3.1-ŠMM-07-K-03-032).

перманентного кризисного состояния страны. На протяжении более чем 20 лет государством настойчиво провозглашаются иные приоритеты – снижение бюджетного дефицита, государственных расходов, борьба с инфляцией. Целью данного исследования является как раз восполнение пробела в этой области знаний.

Острые социально-экономические диспропорции, а также негативные демографические процессы – низкая продолжительность жизни и увеличивающаяся эмиграция, высокий уровень безработицы, продолжающийся снижаться уровень человеческого и социального капитала сегодня представляют серьезную угрозу сложившейся социально экономической ситуации в стране. В основе ее лежат несколько фундаментальных причин, которые не осознаются обществом и не принимаются во внимание при осуществлении государственной социально-экономической политики. Именно это определяет ее низкую эффективность, в то время как решение проблемы лежит в другой плоскости.

1. Концепция и методология исследования качества жизни населения

На базе многочисленных научных исследований качества жизни населения, проводимых в мире, и наших изысканий мы предлагаем системный подход к определению концепции качества жизни населения.

Качество жизни населения представляет собой степень удовлетворения потребностей в области здоровья, здоровой окружающей среды, демографии, а также материальных, культурных и духовных потребностей на *макроуровне* (по стране в целом) и на *микроуровне* (по социальным группам или отдельным индивидам).

Следует подчеркнуть, что категория качества жизни в нашем представлении базируется на модели индивидуума-потребителя в расширенном понимании, т.е. *человек – это не только потребитель благ и услуг, но и производитель, создатель, творец не только этих же благ и услуг, но и собственной жизни, собственной личности.*

Потребитель – это тот же производитель тех же товаров и услуг. В этом утверждении заключаются два глубинных аспекта. Первый: у потребителя должна быть возможность приобрести то, что он производит. Иными словами, средний класс должен получить вознаграждение за свой вклад в ВВП (базовая посылка по Р. Райху). Если это условие нарушено, средний класс не получает зарплату за свой вклад в БВП, которая идет к немногочисленной

верхушке, экономика становится неэффективной и приходит в кризисное состояние.

Второй аспект, потребитель – творец, он должен иметь возможность реализовать свой творческий потенциал. Если такой возможности нет или она ограничена, экономика движется к провалу, в кризисное состояние.

Из этого следует главный акцент в нашем понимании качества жизни: анализ качества жизни должен включать *изучение потребностей личности в реализации своих творческих способностей, творческого потенциала, т.е. потребностей реализовать себя.*

Мы предлагаем системное представление понимания качества жизни населения (рис. 1). Качество жизни населения – это интегрированная характеристика индикаторов, описывающих три основных блока: здоровье, окружающую среду и демографические характеристики; материальные показатели, т.е. показатели уровня жизни населения; и систему морально-этических ценностей, в большой степени формируемых уровнем образования и культуры как страны, так и отдельного человека.

Рис. 1. Системное представление качества жизни населения

Методология оценки и факторов, определяющих качество жизни населения, основывается, во-первых, на разработанном теоретическом системном подходе к построению концепции качества жизни, отличающемся

от многочисленных предложенных подходов зарубежных исследователей, включающем такие неэкономические факторы, как удовлетворенность жизнью, морально-этические ценности, социально-экономическое неравенство и гендерное равенство.

Во-вторых, оценка качества жизни населения проводилась на двух уровнях — на основании изучения субъективного мнения населения и на основании определенных объективных критериев. (Для получения субъективных оценок в 2011–2012 гг. совместно с Центром изучения общественного мнения и рынка Литвы «Вильморус» было проведено социологическое исследование материального положения и душевно-эмоционального состояния населения Литвы.)

В-третьих, в целях оценки физического и душевно-эмоционального состояния общества, материального положения населения, среды проживания и других сфер качества жизни были рассчитаны интегрированные индексы (например, индексы здорового образа жизни, уровня здравоохранения, экономических условий, уровня жизни, условий жизни, дифференциации доходов и потребления и др.), которые, несмотря на их «синтетичность», при исследовании изменений качества жизни являются намного более красноречивыми, чем значение сводного индекса качества жизни. Данные индексы были использованы в анализе тенденций социально-экономического развития Литвы в рыночных условиях, а также в целях выяснения нынешней позиции Литвы в контексте членства в ЕС.

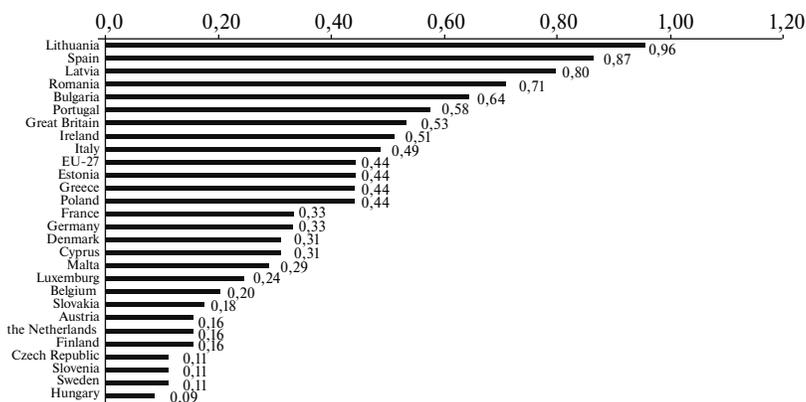
В-четвертых, на основе рассчитанных интегрированных индексов были выявлены критические показатели качества жизни населения Литвы, требующие безотлагательного решения.

2. Проблема социально-экономического неравенства населения Литвы

На основе концепции качества жизни населения и ее системного понимания, которое предоставляет возможность измерения и оценки этого сложного феномена, был осуществлен анализ тенденций и структурных изменений в области качества жизни литовского населения за прошедший 23-летний период (1990–2013 гг.) в условиях рыночной экономики. К позитивным изменениям, произошедшим в социально-экономической жизни Литвы, которые способствовали улучшению качества жизни населения, можно отнести динамические темпы экономического роста, потребления, сбережений населения и банковских кредитов, рост рынка недвижимости (бум строительства жилья — квартир и особенно частных домов). Негатив-

ное воздействие на качество жизни населения оказывало резкое ухудшение демографических показателей и индикаторов здоровья населения (особенно средней продолжительности жизни), а также создавшаяся модель гипертрофированного потребления, беспрецедентный упадок культуры, морально-этических и духовных ценностей.

Основной итог наших изысканий заключается в следующем. По результатам проведенного исследования основополагающей причиной создавшейся неблагоприятной ситуации в социально-экономической жизни страны и неудовлетворенности жизнью населения является превосходящее разумные пределы социально-экономическое неравенство населения Литвы. По рассчитанному интегрированному индексу социально-экономического неравенства (квантильному коэффициенту дифференциации) Литва является лидером в ЕС, т.е. по величине неравенства занимает первое место среди 28 стран ЕС. Наиболее благоприятные условия по данному показателю в Скандинавских странах (Норвегии, Швеции), а также в Австрии, Чехии, Венгрии (рис. 2).

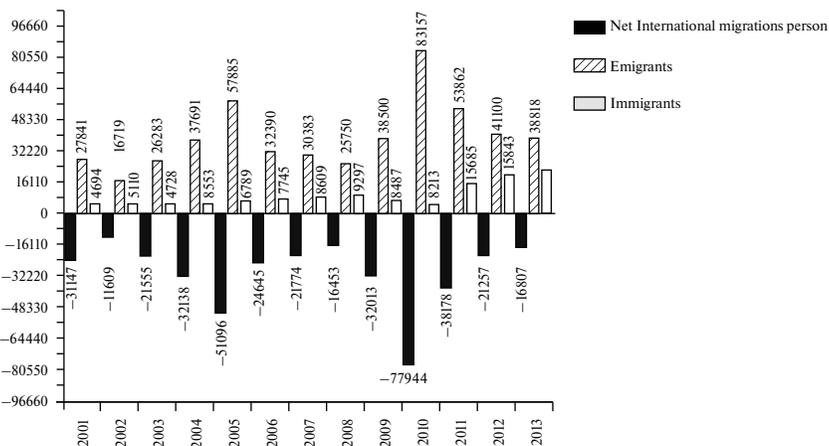
Рис. 2. Интегрированный индекс дифференциации доходов и потребления по странам ЕС

Источник: Расчеты автора.

Наряду с этим полученные результаты субъективного исследования по распределению литовского населения в зависимости от социального статуса свидетельствуют о крайне неудовлетворительном самоощущении людей в сложившихся рыночных условиях. Так, согласно представляемой жителями Литвы оценке своего социального статуса, почти две трети населения относят себя к ступени ниже среднего социального слоя. Только 2,4% населения

причисляют себя к высшему слою. Средний слой в Литве как бы отсутствует, что свидетельствует о крайне высокой поляризации населения. Это острейшая проблема, требующая безотлагательного решения, она представляет угрозу для социально-экономического развития Литвы.

Как к следствию вопиющего социально-экономического неравенства и отсутствия перспектив улучшения своего положения в определенном смысле можно отнести и проблему эмиграции литовского населения. За годы действующей рыночной экономики страну покинула четвертая часть населения: если в предрыночный период в 1989 г. в Литве проживало 3,7 млн жителей, то в 2013 г. — только 2,9 млн человек. Обвальные масштабы эмиграции представляют собой угрозу социальной и экономической безопасности страны: родину покидает перспективная и мотивированная молодежь, специалисты, квалифицированные работники: ученые, медики, специалисты по информационно-коммуникационным технологиям, строители. В среднем годовой эмиграционный поток в последние годы, особенно в послекризисный период, удвоился и составляет 40–50 тыс. человек (рис. 3).

Рис. 3. Миграция в Литве (численность мигрантов)

Источник: Департамент статистики Литовской Республики.

Социально-экономическое неравенство в Литве — результат проводимой неэффективной государственной экономической политики, нацеленной не на повышение качества жизни основной массы населения и создание среднего класса, а на соблюдение интересов узкой прослойки, — является основополагающей причиной высокого уровня безработицы в стране, во-

пьющих масштабов эмиграции, т.е. политики выталкивания из страны собственных граждан, и низких темпов экономического роста.

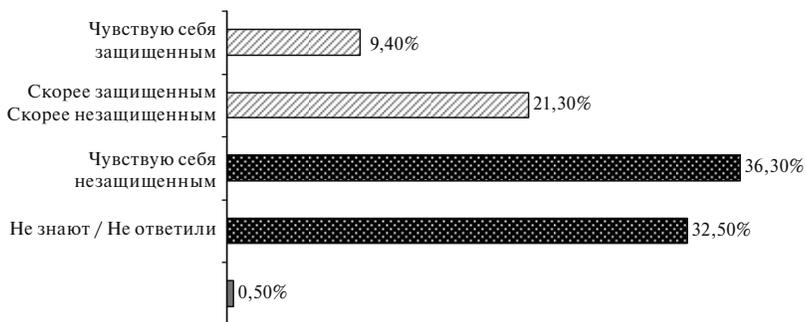
Невмешательство государства в перераспределение доходов, стимулирование роста доходов весьма незначительной верхушки отрицательным образом влияет на качество жизни населения, снижает ощущение удовлетворенности жизнью. Решение данной проблемы требует детальной проработки, определения конкретных мероприятий по реформированию распределительных отношений. Ключ к ее решению лежит не только в плоскости структурной политики, а главным образом в реформировании макроэкономической (в первую очередь, бюджетной и налоговой) политики. В целях улучшения экономической ситуации в Литве следовало бы менять стратегические цели и приоритеты социально-экономической политики, ориентированные на повышение качества жизни населения, и принимать меры, направленные на преодоление общего кризиса, в том числе на повышение профессионального и эффективного управления страной.

Наиболее ошеломляющие результаты в ходе данного исследования были получены при оценке социальной защищенности (рис. 4). У респондентов спрашивали, чувствуют ли они себя социально защищенными, т.е. чувствуют ли они, что государство поддержало бы их, например, в случае потери работы, болезни, временной нетрудоспособности и при иных подобных обстоятельствах. Только 9,4% респондентов отметили, что в таком случае они были бы уверены, что государство позаботится об их социальной защите, еще 21,3% опрошенных также склонны оценивать ситуацию более положительно. Однако две трети респондентов утверждали, что в случае несчастья чувствовали бы себя социально незащищенными.

Следует обратить внимание на тот факт, что чувство незащищенности отметили как молодые, так и более старшие респонденты, жители как с низким уровнем образования, так и с высшим образованием, крайне пессимистично оценивают ситуацию предприниматели (негативно оценивают ситуацию 84%, и ни один из них не чувствует себя защищенным) и неквалифицированные рабочие (83,5%).

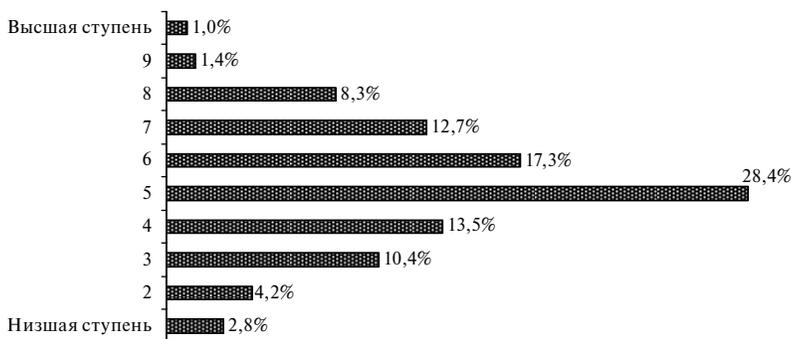
Результаты опроса позволили выяснить распределение по социальному статусу, представляемое литовскими жителями и оцениваемое по 10-балльной шкале (рис. 5).

Более половины жителей относят себя к социальному слою ниже среднего (59,3% респондентов оценивают свое положение ниже 5 баллов), что является показательным результатом в негативном смысле. Однако следует отметить, что большинство из них (28,4%) оценивают свое социальное положение на 5 баллов. Это отчасти позволяет считать, что они причисляют себя все-таки к среднему классу. На низших ступенях (от 1 до 4 баллов) оказалось

Рис. 4. Оценка социальной защищенности

Источник: Расчеты автора.

Рис. 5. Субъективная оценка социального статуса

Источник: Расчеты автора.

30,9% жителей, заметим, что более одной трети относят себя к бедным – это крайне удручающий результат. А наивысшие позиции (9–10-ю ступени) занимают всего лишь 2,4% опрошенных. Данные исследования по дифференциации литовского населения в зависимости от социального статуса показывают крайне неудовлетворительное самоощущение людей в сложившихся рыночных условиях, и эта проблема требует безотлагательного решения, так как является возрастающей угрозой для социально-экономического развития Литвы.

Следует отметить, что большая часть безработных (42,7%) оценивает свой социальный статус также на 5 баллов. На более высокие ступени социального статуса ставят себя жители в возрасте до 29 лет, лица с высшим

образованием, студенты, специалисты высшего или среднего уровня, руководители высшего или среднего звена, жители с более высоким уровнем доходов. Довольно критически свое положение оценивают предприниматели, не склонные относить себя ни к низшей, ни к высшей ступени (50,5% поставили себя на 5-ю ступень, как и безработные). Две трети пенсионеров также ставят себя на 1–5-ю ступени (большинство, т.е. 26,9%, поставили себя на 5-ю ступень).

Представленные показатели из года в год не демонстрируют положительной динамики, поэтому их можно смело назвать критическими показателями качества жизни населения Литвы.

Выводы

1. В современном мире все чаще усиливается сомнение в том, что рост ВВП и другие макрофинансовые показатели исчерпывающим образом отражают достигнутый уровень социально-экономического развития, и утверждается, что прогресс необходимо измерять совершенно другими показателями, отражающими характеристики качества жизни, благосостояния, удовлетворенности жизнью населения. В соответствии с этим следует формировать систему показателей, связывающих в единое целое экономические, социальные, средоохранные, демографические параметры, а также учитывающих индикаторы физического и душевно-эмоционального состояния населения.

2. Изменение показателей качества жизни населения отражает эффективность проводимой государством экономической политики. Для ответа на вопрос о том, каким образом следует стимулировать экономический рост, социально-экономическое развитие страны, в первую очередь необходимо изучение характеристик и тенденций качества жизни населения, физического и душевно-эмоционального состояния общества на субъективном и объективном уровне как последствий проводимой государством экономической политики.

3. При оценке материального благосостояния особенно заметно отставание Литвы по уровню социального неравенства и доходов – в результате ранжирования стран ЕС по интегрированному индексу дифференциации Литва, согласно данным последних лет, занимает первое место среди стран ЕС по социально-экономическому неравенству. Пессимистическое настроение населения в отношении будущего раскрывают и неумещающие масштабы эмиграции, а также поведение, ориентированное на самоповреждение (самоубийства, дорожные происшествия, алкоголизм и т.п.).

Социально-экономическое неравенство в Литве – результат проводимой неэффективной государственной экономической политики, нацеленной не на повышение качества жизни основной массы населения и создание среднего класса, а на соблюдение интересов узкой прослойки – является основополагающей причиной высокого уровня безработицы в стране, вопиющих масштабов эмиграции, т.е. политики выталкивания из страны собственных граждан, и низких темпов экономического роста.

5. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что субъективное благосостояние людей наиболее сильно взаимосвязано не только с материальным благополучием, но и с душевно-эмоциональным самочувствием. Субъективный метод оценки удовлетворенности жизнью и качеством жизни, основанный на прямых вопросах о том, как респондент оценивает свою удовлетворенность, является прекрасной альтернативой традиционным измерениям эффективности экономической политики, которые в большинстве случаев ограничиваются лишь макроэкономическими показателями. Несмотря на значимость материального благосостояния, при оценке качества жизни оно становится всего лишь одним из факторов.

6. Субъективное мнение отражает удовлетворенность населения Литвы отдельными компонентами качества жизни: удовлетворенные душевным состоянием составляют 64,8%, однако крайне плохую оценку получает социальная защищенность: две трети респондентов утверждали, что в случае потери работы или временной нетрудоспособности в Литве они чувствовали бы себя социально незащищенными. Следует обратить внимание на тот факт, что чувство незащищенности было отмечено как молодыми респондентами, так и респондентами старшего возраста, жителями как с более низким уровнем образования, так и с высшим образованием. Согласно представляемой жителями Литвы оценке своего статуса, более половины отнесли бы себя все-таки к более низкой социальной ступени, чем средний социальный слой.

7. Системный подход к качеству жизни, а также субъективные и объективные оценки качества жизни в ракурсе различных аспектов должны использоваться не только наукой, но и на практике при проведении оценки эффективности проводимой правительством экономической политики. Таким образом, систематическое и последовательное проведение исследований способствовало бы выяснению критических показателей и наиболее уязвимых сфер управления, а также помогло бы соответствующим образом реагировать при принятии решений.

Литература

Комиссия Европейских сообществ. Сообщение комиссии Европейскому парламенту и Совету: ВВП и прочие показатели для оценки прогресса в изменяющемся мире. Брюссель, 2009.

Anderson R., Litske H., Krieger H. Quality of Life in Europe. European Foundation for the Improvement and Living and Working Conditions, 2004.

Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Nations and Housholds in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz. N.Y.: Academic Press, Inc., 1974.

Ferrans C., Powers M. Quality of Life Index: Development and Psychometric Properties // Advances in Nursing Science. 1985. No. 8. P. 15–24.

Inglehart R. Culture Schift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Okun M.A., Stock W.A., Haring M.J, Witten R.A. Health and Subjective Well-being: a Meta-analysis // International Juornal of Aging and Human Development. 1984. No. 19. P. 111–132.

Rakauskienė O.G., LISAUSKAITĖ V. Quality of Life of the Population of Lithuania: The Conception, Development and Prospects // Ekonomika. Mokslo darbai. 2009. No. 88.

Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, 2010 <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf>.

Veenhoven R. The Cross-national Patern of Happiness: Test of Predictions Implied in Three Theories of Happiness // Social Indications Research. 1994. No. 34. P. 33–68.

В Российской Федерации пенсионеров почти 40 млн человек. Но об этих миллионах общество судит исключительно с позиции величины пенсии и обеспечения содержания пожилых его членов. Между тем пенсионер – сложный субъект общественных отношений в системе развития страны во всех областях: от экономики до семейной политики. Наше исследование впервые за много лет на базе обширного статистического массива оценивает уровень жизни пенсионеров на сегодняшний день и показатели на будущее в формате предстоящей реформы.

Итоги исследования

Актуальность проблемы понятна. Пенсионная система – особый институт со своей внутренней и внешней спецификой и закономерностями, он отражает интересы, по сути, всего взрослого населения и потому не может быть простым придатком общерегулирующих механизмов, у него свои цели, принципы, контингенты, взаимосвязи, правовые, организационные, экономические составляющие. В то же время пенсионное обеспечение – важнейший аспект социально-экономических отношений, прежде всего сферы труда и доходов, уровня и качества жизни¹, а также государственных финансов, бюджета и налогов. Такой комплексный статус системы, безусловно, осложняет сопряжение объема пенсионных прав населения с достаточностью Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР) уже сегодня и тем более в будущем.

До налоговой реформы 2005 г. бюджет ПФР не только обеспечивал полную финансовую устойчивость, но и сформировал значительный резерв (свыше 135 млрд руб.) для дальнейшего совершенствования пенсионной системы. Однако с 2005 г. отчисления в ПФР были снижены, что заложило основу современного дефицита ПФР. Попытка повысить пенсионные взносы в 2010 г. практически не удалась. И перспективы его наполнения не очень

---

¹ Трудовая пенсия – не просто пособие по нетрудоспособности; в параметрах социального страхования она – часть цены рабочей силы, отложенный на старость заработок работника. Отсюда ее серьезное регулирование должно базироваться на закономерностях и процессах сферы труда и заработной платы.

хороши — сокращается численность работающих относительно нетрудоспособных, вряд ли изменится сопротивление работодателей оптимизации социальных платежей, вступление России в ВТО обострит вопрос снижения издержек на оплату труда. Задача усложняется тем, что признана необходимость достижения международных норм, имеющих в виду соблюдение стандартов уровня жизни пенсионера. Поэтому проведенное нами исследование на эту тему является эксклюзивным для последних лет и очень важным в обосновании пенсионной политики.

1. Как сегодня живут пенсионеры

Располагаемые ресурсы. Из-за сложившегося в государственном управлении отношения к пенсионеру исключительно как к получателю пенсии, а не сложному социальному субъекту, вопрос давно не изучался. Но когда это было нами сделано, выяснилось, что *пенсионеры сейчас живут лучше, чем позволяет им пенсия.*

Данное утверждение базируется на разработке бюджетных обследований Росстата за 2010 г. и 2005 г. Изучались домохозяйства (семьи) с различным составом семьи и уровнем доходов (располагаемых ресурсов), в том числе бедные, среднеобеспеченные и обеспеченные пенсионеры. Трудность работы заключалась в том, что в действующей отечественной статистике, в отличие от советских времен, отсутствует категория «бюджеты семей пенсионеров». В результате вывод: пенсия — далеко не единственный и не главный их доход.

Самый высокий душевой доход (ресурсы) оказался у семей с работающими пенсионерами — на треть больше, чем в семьях, где нет пенсионеров, а самый низкий — в домохозяйствах, где главой семьи является неработающий пенсионер и есть иждивенцы. Но и у тех, и у других статистика демонстрирует значительный рост и доходов, и пенсий. Сказались такие факторы, как валоризация пенсий для пожилых, компенсации вкладчикам Сбербанк, пострадавшим от либерализации цен, федеральные и региональные доплаты до прожиточного минимума, расширение применения региональных доплат к федеральным пенсиям, пересчет пенсий работающим пенсионерам на базе общего повышения уровня заработной платы в экономике, введение выплаты пенсий бывшим военным, продолжающим трудиться «на гражданке» и т.п.

Но если по стране кое-что еще можно узнать о жизни пенсионеров, то по регионам практически нет информации. Вся статистика здесь сводится к мониторингу среднего размера назначенной пенсии. Остается только сравнить пенсии по регионам, выстроить их ранжирование — от самой низкой к самой высокой. Задача неблагодарная, ибо пенсия — наименее дифференци-

Таблица 1. Располагаемые ресурсы (доходы) по видам домохозяйств, 2010 г.

	Домохозяйства					
	все	пенсионеров (глава – неработающий пенсионер по старости)	одиноких пенсионеров (все – пенсионеры по старости)	работающих пенсионеров (глава – работающий пенсионер по старости)	в составе которых имеются пенсионеры (любые)	в составе которых нет пенсионеров
Располагаемые ресурсы в среднем на члена домохозяйства, руб. в месяц	14670,3	11850,6	16348,8	20438,5	13629,6	15430,7
Соотношения по группам (домохозяйства без пенсионеров = 100) – %	95,1	76,8	105,9	132,5	88,3	100
Доля пенсии в среднем на члена домохозяйства	12,0	63,2	49,0	36,0	30,7	0,0

рованный доход гражданина РФ, территориальные различия в пенсиях ниже, чем в заработной плате и других видах доходов. Если по заработной плате они составляют на январь 2011 г. 5 раз (50,2 тыс. руб./мес. Ямало-Ненецкий АО и 10 тыс. руб./мес. Дагестан), то по пенсиям – менее 2,5 раз (13,8 тыс. руб./мес. Чукотка и 5,7 руб./мес. Ингушетия). Типичная пенсия отличается внутри федерального округа по регионам на 500–1000 руб. (притом, что веер зарплаты больше). Такое положение обуславливается порядком исчисления, действующим до 2002 г., когда применялся индивидуальный коэффициент пенсионера с ограничением средней заработной платы в экономике по сумме уплаченных страховых взносов, а также по стажу работы. Этот эффект стоит учесть при выборе новой пенсионной формулы.

Но настоящая сенсация ждет аналитика при исчислении регионально-го коэффициента замещения. При исключении таких гигантов по размерам оплаты труда, как столицы (Москва и Санкт-Петербург), добывающие территории (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО), Дальневосточного ФО с его высокой региональной составляющей за счет северных

надбавок, получаем действующий региональный коэффициент замещения 40% и нередко 50%, и, таким образом, многие из них уже вышли за пределы целевого норматива для пенсионного обеспечения по старости к 2020 г. – 40% заработной платы за 30 лет стажа. Учесть подобные данные следует и тем специалистам, которые чрезмерно педалируют вопрос о значении коэффициента замещения в пенсионной системе – все же живет пенсионер на соответствующий доход, а не на степень потери заработка.

Изменения в потреблении. Естественно, на фоне повышения доходов реально выросло потребление пенсионеров. В 2010 г. по сравнению с уровнем 2005 г. в семьях, где глава семьи пенсионер, и семьях одиноких пенсионеров потребительские расходы увеличились номинально в 2,8–2,9 раза, тогда как в домохозяйствах без пенсионеров – в 2,3 раза. При индексе цен 1,5 раза за последние пять лет реально это увеличение составило 1,9 раза.

Соответственно изменилась структура их потребления: сократилась доля затрат на питание, хотя по-прежнему у пенсионеров она выше. Несколько увеличились траты на промышленные товары и, понятно, выросла оплата услуг, прежде всего ЖКХ (это и у всего населения без исключения). В наибольшей степени выросла доля расходов на лекарства и медицинские товары, платные медицинские услуги, несмотря на постоянно декларируемую бесплатность и льготы. То же относится и к поездкам на городском транспорте.

Тем не менее пенсионеры, несмотря на несомненные улучшения, по-прежнему идентифицируются как *бедная категория*, признаком которой является доля их затрат на питание, на которую уходит большая часть дохода. Так, в «чистых» семьях пенсионеров затраты на покупку продуктов превышают 43% (хотя у многих есть продукты из личного подсобного хозяйства), а в семьях, где нет пенсионеров, этот показатель составляет 27%.

Еще одна характеристика для оценки жизненной ситуации – обеспеченность предметами длительного пользования. У пенсионеров их хотя и меньше (на одно домохозяйство чистых пенсионеров 7,8 изделия при 11,5 в среднем по всему населению), но основные и главные в хозяйстве, тем не менее, имеются. Но в их домохозяйствах почти полностью отсутствовала современная техника – компьютеры, плееры, музыкальные центры, видеокамеры, микроволновые печи, даже с мобильниками было много хуже, серьезное отставание имеет место и в наличии легковых автомобилей, что свидетельствует об отставании в качестве жизни, относительной бедности, хотя показатели 2010 г. по «новым» предметам улучшились против 2005 г.

Главный итог изменений. Полученные данные (при всех их недостатках) подводят к следующему выводу: пенсионеры сегодня в массе своей живут не на пенсию, а на доход. Так, в семьях одиноких пенсионеров по старости

пенсия составляет половину располагаемых ресурсов. Это и позволяет пожилым иметь более или менее сносные условия жизни (особенно по питанию, которое не ниже, чем у всего населения), одна зарплата или тем более одна пенсия этого не обеспечивают.

Доходы, дополнительные к пенсии, безусловно, связаны с экономической активностью людей старшего возраста. Она разнообразна – оплаченный труд, сдача в аренду жилья, земли, ведение подсобного хозяйства, ремесло на дому, проценты на сбережения в банках и пр. Согласно статистике, занятые члены семьи есть и в домохозяйствах одиноких пенсионеров (работают 32%), и особенно там, где глава семьи – работающий пенсионер (работают 70%).

С учетом фактора занятости повышение пенсий на фоне увеличения пенсионного возраста потребует гораздо больше средств и времени. Людям придется возместить тот приработок, на который они живут помимо пенсии: либо на протяжении дополнительных трудовых лет зарабатывать много больше, что весьма проблематично, либо продолжать трудиться во время возраста дожития, чтобы поддержать материальные стандарты. Как на это посмотрят работодатели (с позиции производительности труда в возрасте) и медики (с позиции возможностей здоровья, которое у нас, судя по продолжительности жизни в развитых странах, хромает вовсю)?

Наше исследование по доходам весьма актуально при решении вопроса о последствиях повышения пенсионного возраста. Оно показывает, что *выходящие на пенсию в 63 года* (как сейчас предлагается рядом экспертов) *будут жить значительно хуже, чем при действующей системе «пенсия плюс заработная плата»*. Тем самым ухудшается перспектива для миллионов пожилых граждан на фоне серьезного отставания России по показателю соотношения пенсии и заработной платы в системе социального страхования от Запада: в ОЭСР – 57,2%, в ЕС – 61,6%, в РФ – 35% (2011 г.).

Социальное самочувствие пожилых. О социальном самочувствии пожилых можно получить представление из систематически проводимого Росстатом опроса граждан об их финансовых возможностях и, таким образом, их материальном положении. В советские времена большинству на пенсии жилось лучше – копеечная квартплата, дешевый проезд на транспорте, отечественные лекарства, медицина, за которую не надо платить, недорогой загородный отдых на заводской турбазе и т.п. С нынешним ростом платности всего и вся именно пожилые люди, помнящие жизнь в прежних координатах, почувствовали себя дискриминируемыми, особенно в условиях гигантской дифференциации и демонстративного потребления узким кругом богатых.

Даже во многом приспособившиеся к рыночным реалиям пенсионеры все же *чувствуют себя ущемленными*. Так, в 2010 г. среди самых бедных семей

одиноких пенсионеров с доходами до 5 тыс. руб. в месяц на душу 28% заявили, что им не хватает денег даже на продукты, 54% — на покупку промтоваров, оплату жилья, 0% из них «имеют средства, чтобы купить то, что считают нужным». Показателя душевых доходов здесь недостаточно, покупательная способность определяется общесемейными доходами. А они у пенсионеров в 1,5–2 раза ниже, чем у остального населения, из-за малочисленности семьи, тогда как риски в связи с возрастом выше (болезнь, похороны, нужда в уходе и пр.).

Ориентиры и стандарты. В сложившемся формате социального самочувствия пожилых граждан представляется неконструктивной официальная ориентация властей на прожиточный минимум (ПМ) в процессе развития пенсионной системы. Лежащая в основе такой идеологии потребительская корзина нетрудоспособного на фоне объективно измеренной ситуации не отражает его минимальных потребностей. Мы выявили прямые дефекты действующей потребительской корзины. Прежде всего, в ней занижены расходы на самые востребованные лекарства, предметы первой необходимости, транспорт, телефон. По расчетам, ПМ при самом элементарном уточнении должен быть повышен на 15%. И число бедных пенсионеров должно реально увеличиться на 1 млн человек.

Но за этим действием должно последовать другое, связанное с определением величины минимальной пенсии на перспективу. Такой величиной может быть забытый ныне, но существующий в российском законодательстве *минимальный потребительский бюджет (МПБ)*. Этот норматив категории материального достатка имеет в виду более качественное питание, разнообразие промышленных товаров, рост доли услуг по более широкому кругу, включая социальные и культурные, наконец, такой признак достатка, как появление заметных сбережений. Он был обозначен в 1992 г. в Указе Б. Ельцина о минимальных потребительских бюджетах в РФ. Тогда же специалисты разработали соответствующий бюджет; часть предложенных ими подходов и нормативов мы использовали в данной работе. И, по нашим расчетам, МПБ пенсионера к 2020 г. должен составлять 2,8 нынешнего ПМ, это и есть будущая минимальная пенсия², при которой средняя пенсия по старости (исходя из действующего соотношения) должна составить 4,5 ПМ³.

---

² В РФ категория минимальной пенсии отсутствует, о минимальной выплате судим по величине прожиточного минимума, который ныне установлен в качестве гарантии для пенсионера.

³ При проектировке Минздравсоцразвития – 2,5 ПМ, а Экспертного совета по Концепции-2020 – 2,17.

2. Диспропорции действующей пенсионной системы

Оценка ситуации. Пенсии – суперпроблемная зона для российского населения. Человек, выходящий на пенсию, теряет более 60% своего уровня жизни, до того обеспечиваемого весьма скромной заработной платой. Поэтому 12 млн пенсионеров официально продолжают работать, а неформальная занятость, без сомнения, еще выше. Число пожилых и инвалидов, получающих доплату (свыше 1 тыс. руб. в месяц) до прожиточного минимума, составляет почти 5 млн, хотя он чрезвычайно мал – менее 5 тыс. руб. в месяц в 2011 г. Размер средней трудовой пенсии в РФ в 2011 г. – около 8,5 тыс. руб. – соответствует всего лишь минимальной норме Международной организации труда и Европейского кодекса социального обеспечения. Там минимум определяется как 40% от заработной платы квалифицированного работника, у нас же это соотношение по средней оплате – 36%, а по самой низкой – 20%⁴.

История вопроса с пенсиями в новой России просто трагична, поскольку, как известно, каждый год неблагополучной жизни пожилого человека может оказаться последним, и он, как никто другой, живет сегодняшним днем.

Уже в 1991 г. реальный размер пенсии резко сократился, и в 1999–2000 гг. он составлял, по данным Росстата, примерно треть от 1990 г. Заметные изменения начались в 2008–2009 гг. И если пенсия в реальном выражении с учетом цен еще в 2009 г. составляла, по данным Росстата, всего 94% от 1990 г., то в 2010 г. на основе роста страховых тарифов и других перечисленных выше мер она вышла ориентировочно на 128–130% к дореформенному уровню и в среднем стала составлять 1,66 к ПМ. Это означает, что за 20 лет новой России пенсионеры получали фактически по 1,5% прибавки в год, что очень похоже на статистическую погрешность за столь длительный и столь радикально изменившийся по всем параметрам период.

Но что дальше с повышением пенсий и выходом на европейские нормы: за 30 лет стажа – 40% замещения заработка? В условиях сохранения ориентации на ее страховой характер и сложившегося дефицита Пенсионного фонда (0,9 трлн руб. в 2011 г. и 1,5 трлн руб. в 2012 г. и т.д.) недостаточность тарифа составляет 10–11%, что требует изменения правил пенсионирования.

Поэтому, чтобы не повторять ошибок, понимая структурообразующую роль пенсии для экономических и социальных отношений (она затрагивает интересы не только 39 млн старых пенсионеров, но и 67 млн работающих, и даже более 2 млн детей, потерявших кормильца и детей-инвалидов), учитывая органическую связь ее с рынком труда, дифференциацией населения по

---

⁴ Прожиточный минимум на пенсионера к заработной плате в экономике в 2011 г.

доходам, образом жизни, демографическими коллизиями и пр., необходимы продуманные, научно обоснованные, актуально просчитанные комплексные решения⁵, в том числе:

- выделение досрочных пенсий по условиям труда в особый раздел страхования профессиональных рисков с собственным источником средств;
- индексация пенсий по заработной плате с тем, чтобы минимизировать ухудшение соотношения между ними;
- учет страхового стажа работы в формировании пенсий, что усилит принцип трудовой эквивалентности страхования;
- увязка ряда условий назначения пенсии с демографическими и иными национальными проблемами (в частности, родительские льготы);
- передача базового размера страховой части пенсий в бюджет или введение полного страхового тарифа, который учитывал бы обязательства государства в этой части;
- трансформация накопительного элемента пенсий в систему добровольного страхования;
- увязка повышения возраста выхода на пенсию с продолжительностью жизни населения;
- возможность увеличения поступлений в Пенсионный фонд за счет расширения круга плательщиков, а также использования новых источников финансирования пенсий, помимо фонда оплаты труда и трудовых доходов.

Формат общественной дискуссии. Среди перечисленных проблем к нашей теме об уровне жизни пенсионеров больше всего относятся вопросы о пенсионном возрасте и пенсии работающим пенсионерам.

Пенсионный возраст. Аргументы «против» повышения пенсионного возраста: нет финансовой выгоды, существует возрастная безработица, в том числе предпенсионная и молодежная, есть проблема здоровья нации и демографическое отставание по продолжительности жизни, несопоставимы рабочие нагрузки (Европа – 36 часов, мы – 40 часов в неделю, худшие условия труда), имеется риск снижения производительности труда пожилых занятых, велики социально-политические издержки (до 80% в опросах общественного мнения «против»), наконец, отрицательные высказывания руководства страны. Аргументы «за»: пенсионеры продолжают работать, можно сэкономить средства бюджетной поддержки ПФР. В итоге по данной позиции экспертное сообщество резко расколото, и заявления предварительного доклада Рабочей группы экспертов, созданной правительством в связи с корректировкой Стратегии-2020, об общем согласии на повышение возраста до 63 лет не соответствуют действительности. Расчеты показывают, что при комплексном

---

⁵ В формате Доклада по теме Минздравсоцразвития.

рассмотрении данного вопроса вместо экономии государственных средств потребуются дополнительные расходы из федерального бюджета. При постепенном повышении возраста экономия в средствах в 2015 г. составит 50 млрд руб., в 2020 г. — столько же. Затем, в 2035–2040 гг. резкий рост расходов и непреодолимые финансовые трудности для государства, отягощенные «демографическим провалом».

Неоднозначна и позиция по повышению пенсионного возраста, в первую очередь для женщин. В Великобритании, Австрии, Франции и ряде других стран разница между ожидаемой продолжительностью женской жизни и датой выхода на пенсию выше, чем в России. И вообще, женщины у нас живут меньше, чем на Западе. ПФР также считает, что с учетом выхода женщин на пенсию на 5 лет раньше продолжительность жизни на пенсии соответствует европейской.

Поэтому пенсионный возраст рационально повышать не сегодня, а исходя из актуарно обоснованного дожития, к 2035–2040 гг. до 65 лет для обоих полов без шокового увеличения нагрузки на пенсионные права: по нарастающей (1–3–6 месяцев, затем 1 год) за каждый календарный год.

Вопрос о возрасте поднимает за собой тему *о работающих пенсионерах* и их правах на получение пенсии сверх оплаты. Здесь предложения на перспективу сводятся к трем позициям. Это 1) сохранение выплаты пенсии для малооплачиваемых категорий; 2) ужесточение требований к ее получению в части стажа или границ возраста, с которого она назначается; 3) частичное ограничение выплаты пенсии во время работы и возвращение накопленной суммы отложенных пенсий после окончания трудовой деятельности (доклад МЗСР и ПФР).

Более правильно *не ограничивать выплаты работающим пенсионерам*. Рекомендация МОТ допускает выплату пенсии в период работы, если размер пенсии недостаточен для нормального существования пенсионера. Это 40% утраченного заработка, которого пока нет, причем это не в среднем, как ПФР и МЗСР планируют, а по минимуму. Отсюда отмена выплаты пенсии работающим пенсионерам будет правильной только по достижении достойных и пенсии, и заработной платы. Как один из компромиссных вариантов балансирования доходной и расходной частей бюджета ПФР обсуждается ограничение выплаты пенсий работающим пенсионерам до определенного уровня дохода. В качестве условия выплаты пенсии в период работы может быть также установлено требование выработки нормативного страхового стажа и др.

Однако по духу Конституции нельзя снижать уровень жизни населения. К тому же здесь сходятся не только проблемы бедности (низких пенсий, низкой заработной платы бюджетников), кадров в социальных отраслях, но и человеческого капитала и профессионализма, передача опыта молодому по-

колению, сохранение здоровья пожилых трудящихся и т.д. Особенно возражает против экономии на выплатах работающим пенсионерам сообщество научных и образовательных работников с его особенностями возрастного состава, спецификой формирования квалификации. Тогда в НИИ, вузах потребуется компенсационная мера, например, создание отраслевых профессиональных пенсионных систем за счет государства как работодателя.

3. Реализация пенсионной реформы

Общие принципы. Наиболее важные меры пенсионной реформы непопулярны среди населения, поэтому во многих странах они наталкиваются на активное сопротивление. Поэтому требуется большая осторожность при подготовке и проведении реформы. Необходимо соблюдение нескольких общих принципов. Нельзя лишать граждан уже назначенных им государством выплат. Любые изменения могут касаться только правил назначения и изменения пенсий в будущем.

Желательно показать, что государство вносит вклад в решение пенсионных проблем, не перекладывая всю их тяжесть на население. Надо было бы начать мероприятия по изменениям с повышения прожиточного минимума пенсионера, тем более что истекли сроки по пересмотру закона «О повышении минимальной потребительской корзины в РФ». В итоге будут увеличены доплаты до ПМ самым нуждающимся пенсионерам, произойдет расширение зоны получения жилищных пособий.

Не дожидаясь остальных поправок, следовало бы объявить прямо сейчас стимулирующие льготные режимы – например, снизить требуемый стаж для женщин в зависимости от числа детей, это есть в сегодняшнем законодательстве, но следует снять применяемые там ограничения только рождением и уходом за двумя детьми.

Необходимость совершенствования управления системой. Недостатком современной дискуссии о перспективах пенсионной реформы ИЭ РАН считает отсутствие постановки вопроса о совершенствовании системы управления пенсионным страхованием. Было бы рационально разработать закон о фондах социального страхования, предусмотрев публично-частную собственность на страховые средства и механизм ее реализации в пользу страхователей и застрахованных. На этой основе возможно ввести уплату страховых взносов с участием работников, подобно положению в европейском обязательном страховании.

Исключительно важно разработать целостную концепцию социального (пенсионного) страхования, использовать новые подходы и технологии, такие как стандарты экономической обеспеченности пенсионера, новая ин-

формация в статистике. Следует наладить ситуационный мониторинг общественного мнения, в том числе самих пенсионеров, об их положении и проводимых мерах — это лучшая экспертиза эффективности государственных расходов. Методом измерения эффективности может быть также расчет так называемого пенсионного бюджета, в котором будут собраны все расходы государства на пенсионеров (включая льготы на жилье, транспорт и, что особенно важно, на медицину для пожилых, а не только расходы собственно на пенсии).

А.К. Соловьев

Пенсионный фонд
Российской Федерации,

М.А. Коржов

ДО АО Банк ВТБ
(Казахстан),

А.М. Курманов

Государственный фонд
социального страхования
Казахстана

ВЕКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НОВОЙ ПЕНСИОННОЙ СТРАТЕГИИ НА ТРУДОВОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Пенсионная система Российской Федерации вступила в третье десятилетие в принципиально новом институциональном формате. За прошедший период окончательно утвердился курс на создание страховой пенсионной системы и ускоренное преодоление советских (солидарно-бюджетных) механизмов материального обеспечения граждан, утративших трудоспособность. Однако, несмотря на неоднократные эксперименты, направленные на институциональные и параметрические изменения пенсионной системы, до сих пор не решена ни одна проблема ее устойчивого долгосрочного развития.

Причина этого заключается в отсутствии теоретических основ формирования новой пенсионной системы, адекватной рыночным механизмам социально-трудовых отношений. Принятые в целом ориентиры на создание в России страховой пенсионной системы не обеспечены ни правовыми, ни экономическими инструментами для последовательной реализации.

Наглядным примером методологической неподготовленности пенсионной реформы может служить проблема «пенсионной формулы», которая в последнее время заняла центральное место в контексте реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы (на период до 2030 г.). Государственная стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России (далее – Стратегия-2012) направлена на реализацию принципов обязательного солидарного пенсионного обеспечения для всех граждан нашей страны. Чтобы достичь целей новой пенсионной реформы, необходимо сбалансировать доходы и расходы пенсионной системы, привести в соответствие пенсионные права, формируемые застрахованными лицами в течение всей трудовой деятельности, и государственные обязательства по выплате пенсий. Однако ее нельзя сбалансировать путем реформы внутри нее самой, например, механическим регулированием размеров тарифа

страхового взноса, поскольку все резервы стабильности системы лежат вне самой этой системы.

Функционирование пенсионной системы зависит от многих факторов, при этом негативное влияние одних из них практически всегда может быть компенсировано позитивным воздействием других. Изолированное рассмотрение механизма воздействия на пенсионную систему демографических факторов, к примеру, без учета влияния других факторов, в частности макроэкономических, неизбежно закрепляет факт неустойчивости российской пенсионной системы на долгосрочную перспективу.

Это означает, что на фоне успешного преодоления бедности пенсионеров происходит нивелирование размеров всех пенсий, что ставит под угрозу и даже делает невыполнимой главную задачу пенсионной системы – стимулирование формирования каждым работником собственных пенсионных прав.

Объективными экономическими причинами, ограничивающими формирование страховых пенсионных прав, является низкий потолок начисления тарифа, низкий тариф страховых отчислений для неуклонно расширяющихся рыночных сфер хозяйственной деятельности. И, несомненно, главная из них – низкая заработная плата абсолютного большинства работников, застрахованных в системе индивидуального (персонифицированного) учета. Перечень этих объективных причин будет неполным без одного из главных элементов современной экономической действительности – теневой заработной платы, которая достигает, по экспертным оценкам, не менее трети всего легального фонда оплаты труда (ФОТ).

Демографический кризис создал глобальные риски сложившимся институциональным концепциям финансовой обеспеченности государственных пенсионных обязательств. Целью пенсионной реформы стала реализация ряда страховых принципов, которые должны сбалансировать на долгосрочную перспективу пенсионные права застрахованных лиц и обязательства государства по выплате пенсий и обеспечить решение следующих задач:

- обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы;

- повышение реального размера пенсий.

Для решения *текущих задач*:

- была проведена конвертация (денежная переоценка) накопленных застрахованными лицами и пенсионерами по состоянию на 1 января 2002 г. пенсионных прав (в зависимости от продолжительности трудового стажа и величины заработной платы) и их преобразование в расчетный пенсионный капитал;

- изменена структура трудовой пенсии (все компенсационные выплаты, надбавки и повышения объединены в фиксированную выплату);
- в пенсионной формуле учитываются суммы страховых взносов, уплаченных в ПФР за застрахованное лицо, ожидаемая продолжительность периода выплаты пенсии;
- узаконена субсидиарная ответственность государства по всем обязательствам ПФР для обеспечения его текущей бюджетной сбалансированности.

Решение отмеченных и других пенсионных проблем возможно только в рамках одновременного и комплексного воздействия на все группы влияющих факторов с учетом временных лагов, через которые проявятся результаты реализуемых мер. Что касается перечня необходимых мер воздействия на внешние и внутренние факторы развития пенсионной системы, то они вытекают из представленных ниже результатов экономического анализа текущего состояния и долгосрочного прогноза бюджета ПФР в сопоставлении с демографическим прогнозом и прогнозом основных макроэкономических показателей

Применительно к решению практических задач оценки современной пенсионной системы, основанной на *трудовой природе формирования пенсионных прав* каждого гражданина¹, оценка эффективности страховой пенсионной системы должна означать соотношение размера назначенной трудовой пенсии и нормативной *стоимости пенсионных прав* (в сопоставимый временной период).

Объем пенсионных прав в страховой пенсионной системе выполняет функцию стоимости страховой премии в том случае, если она исчисляется исходя из нормативно установленного размера тарифа, уплата которого в течение нормативной продолжительности трудового стажа обеспечивает необходимый уровень материального потребления пенсионера в течение всего периода дожития. Экономическая обоснованность и социальная справедливость пенсионного обеспечения достигается, как показывает мировая прак-

---

¹ Для граждан, не участвующих в трудовых отношениях, современное социальное государство предусматривает в качестве материального обеспечения при достижении определенного возраста, инвалидности или потери кормильца соответствующее социальное пособие. В нашей стране такие граждане также получают аналогичное пособие, которое, однако, содержит в своем определении слово «пенсия», хотя и не соответствует его экономической природе, что с теоретических позиций вносит существенную путаницу в разработку методологии пенсионного обеспечения, а с практических позиций тормозит реализацию страховых принципов пенсионной реформы, поскольку для простых граждан социальная пенсия отождествляется с гарантированным государственным пенсионным минимумом.

тика успешных пенсионных систем, благодаря строгой реализации базовых принципов, которые отражают уникальность социальных страховых систем:

- принцип эквивалентности пенсионных прав и пенсионных обязательств;
- принцип солидарного перераспределения.

Принцип эквивалентности прав и обязательств позволяет устанавливать экономические стимулы для участников пенсионного страхования в соответствии с заданным целевым ориентиром, т.е. получением трудовой пенсии в «установленном размере». При этом сам «установленный размер» формализуется в полном соответствии с объективными «внесистемными» условиями: макроэкономические параметры, принимаемые для долгосрочных бюджетных проектировок, и демографические характеристики населения (показатели гендерные, возрастные, рождаемости и смертности и т.п.).

В современной международно признанной практике установленный размер трудовой пенсии применяется для государственного пенсионного обеспечения, которое гарантирует каждому гражданину «достойный уровень» материального обеспечения при наступлении страхового случая.

Такой установленный уровень рекомендован не менее 40% утраченного заработка пенсионера (конвенция МОТ № 102) и выше: 45% утраченного заработка (конвенция МОТ № 128) и 50% (ЕКСО). Однако во всех случаях этот размер не может быть ниже уровня минимально допустимого потребления пенсионера, что не позволяет непосредственно сопоставлять этот показатель с отечественными количественными аналогами типа ПМП, МРОТ, средне-статистическая зарплата и средний размер трудовой пенсии.

Другой принцип страхового пенсионного обеспечения – солидарность – позволяет расширить охват участников обязательного страхования за счет экономически обоснованного перераспределения как *текущих поступлений* финансовых ресурсов в пользу застрахованных лиц, сформировавших себе пенсионные права в объеме, недостаточном для нормативно установленного потребления (от более обеспеченных граждан), так и *будущих/прогнозных* финансовых ресурсов между трудоспособным и нетрудоспособным поколениями граждан.

Экономический механизм солидарного перераспределения не должен носить произвольный характер, чтобы не нарушать первый страховой принцип: эквивалентность прав и обязательств. Для этого масштабы перераспределения должны законодательно устанавливаться на весь страховой пенсионный период (в отечественных условиях это 70–80 лет), с одной стороны, и, с другой, затрагивать только сегмент формирования пенсионных прав, но не применять различные методы перераспределения самих пенсионных обязательств.

Чтобы достичь целей пенсионной реформы, необходимо сбалансировать доходы и расходы пенсионной системы, привести в соответствие пенсионные права, формируемые застрахованными лицами в течение всей трудовой деятельности, и государственные обязательства по выплате пенсий. Однако ее нельзя сбалансировать путем реформы внутри нее самой, например, механическим регулированием размеров тарифа страхового взноса, поскольку все резервы стабильности системы лежат вне самой системы.

Исходя из институциональной сущности пенсионной системы главной нерешенной проблемой в течение 20 лет реформ является создание устойчивого экономического механизма материального обеспечения всех видов трудовых пенсионеров. Эта проблема в конкретных условиях затянувшегося перехода к рыночной экономике вынужденно подразделяется на две:

- ликвидация бедности для участников пенсионной системы;
- стимулирование трудовой активности каждого ее участника к формированию собственных пенсионных прав в рамках многоукладной институциональной структуры страховой пенсионной системы.

Решение проблемы бедности пенсионеров традиционно для социального государства осуществляется на субсидиарной основе: основную часть своих пенсионных прав гражданин должен зарабатывать самостоятельно, но если их не хватит для получения законодательно установленного пенсионного минимума, то доплата к пенсии производится из госбюджета. Однако в любом случае в страховой пенсионной системе бедность одних не может преодолеваться за счет нестрахового секвестирования пенсионных прав других граждан.

Сложнее обстоят дела с проблемой стимулирования формирования страховых прав. Здесь необходимо обоснованно подойти к целевому критерию этих прав. Понятно, что это не может быть пенсионный минимум, который гарантируется всем. Но это не может быть и произвольный, политически, социально или конъюнктурно установленный размер пенсии (как это было в советское время для людей, выработавших «полный трудовой стаж» и имеющих какие-либо заслуги перед обществом).

Таким критерием для страховой системы в «продвинутой» зарубежной практике обычно принимается уровень замещения утраченного заработка, который позволяет сохранить работнику привычный материальный уровень жизни в старости. Для этого применяется специальный показатель – коэффициент замещения (КЗ) в той или иной модификации, которая не меняет его экономического и социального содержания. Установлен даже международно признанный стандарт – минимум КЗ, равный 40% утраченного заработка работника.

С этих позиций (уровня бедности, размера КЗ и дефицита бюджета ПФР) следует оценивать современное состояние российской пенсионной системы, что особенно актуально в свете начавшегося очередного этапа пенсионной реформы. При условии ориентации на прожиточный минимум пенсионера (ПМП) проблему бедности пенсионеров практически удалось решить еще в 2010 г., когда была установлена социальная доплата к пенсии для всех категорий пенсионеров, размер трудовой пенсии которых не достигает ПМП в регионе.

Вторая проблема по причине и вследствие существенного повышения нижней границы пенсионных выплат резко обострилась, о чем наглядно свидетельствует размер вновь назначаемых пенсий, которые оказываются все ниже и ниже по сравнению с предшествующими. На фоне успешного преодоления бедности пенсионеров происходит нивелирование размеров всех пенсий, что ставит под угрозу и даже делает невыполнимой главную задачу пенсионной системы – стимулирование формирования каждым работником собственных пенсионных прав.

Третий приоритет пенсионной реформы – проблема дефицита собственно пенсионной системы – также наглядно раскрывает в процессе факторного анализа свое объективное экономическое содержание. Так, в 2013 г. дефицит ПС запланирован на уровне 1,07 трлн руб., в 2014–2015 гг. он составит 1,7–1,8 трлн руб. По отношению к объему ВВП недостаток собственных средств сохранится в долгосрочной перспективе на уровне 2,2–2,4%. С макроэкономических позиций размер такого дефицита может быть оценен как вполне управляемый недостаток средств в обязательном пенсионном страховании, который не может послужить сколь-нибудь значительной причиной финансовой дестабилизации в стране.

Однако ради объективности следует признать, что сохранение вышеуказанного уровня недостатка собственных средств ПФР обеспечивается в результате постепенного снижения солидарного коэффициента замещения трудовой пенсии с нынешних 38% до 23% средней заработной платы в экономике.

Пенсионная система России – многокомпонентная динамически меняющаяся экономическая система, стабильное функционирование которой зависит от комплекса факторов: демографических, макроэкономических, трудовых, формы (модели) государственного пенсионного обеспечения (солидарно-страховой, накопительной, бюджетной).

На современном этапе, с учетом предусмотренных Стратегией пенсионной реформы целевых ориентиров, существенно возрастает функция государства по регулированию внешних факторов развития пенсионной системы, которые оказывают непосредственное влияние на финансовые стратегии

поведения работников и работодателей, в особенности – молодого поколения работников:

- *в сфере демографии:*

- 1) повышение рождаемости,
- 2) снижение смертности в детском и трудоспособном возрастах,
- 3) контролируемое привлечение внешней трудовой миграции,
- 4) улучшение качества здравоохранения и профилактика заболеваемости;

- *в сфере макроэкономики:*

- 1) опережающее повышение производительности труда,
- 2) увеличение заработной платы,
- 3) снижение уровня инфляции,
- 4) ликвидация «теневой» экономики;

- *в сфере рынка труда:*

- 1) недопущение сокрытия зарплаты,
- 2) создание новых рабочих мест и снижение уровня безработицы,
- 3) сокращение рабочих мест с вредными и опасными условиями труда.

Таким образом, развитие пенсионной системы в долгосрочной перспективе должно осуществляться не только за счет параметрических изменений правового и экономического механизма формирования пенсионных прав застрахованных лиц и условий их реализации, но и за счет активного регулирования «внешних» факторов – демографических и макроэкономических. Последнее позволит сократить негативное воздействие на пенсионную систему макроэкономических и демографических рисков, и обеспечит долгосрочную актуарную сбалансированность пенсионных прав каждого застрахованного лица, с одной стороны, и государственных пенсионных обязательств, с другой.

Литература

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утверждены Правительством РФ 31.01.2013) <<http://www.government.ru>>.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.12.2012 № 2524-р «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139981>>.

Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учеб. пособие. М.: Проспект, 2014.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 410-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6975.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6965.

С.А. Тер-Акопов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ДЕТОРОЖДЕНИЮ В СЕМЬЯХ РАЗНОГО ТИПА, НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕКУЩЕГО И РЕТРОСПЕКТИВНОГО СОСТОЯНИЯ СЕМЕЙ С НОВОРОЖДЕННЫМИ ДЕТЬМИ

В 2006 г. был принят пакет мер, направленных на стимуляцию рождаемости и поддержку семей с детьми. Ряд исследователей связывают рост рождаемости с их реализацией, хотя в большом количестве статей это ставится под сомнение. Данная дискуссия обусловлена тем, что крайне тяжело различить демографический эффект, обусловленный вступлением в детородный возраст большей когорты, экономическим ростом или мерами социальной политики. Вместе с тем вопрос повышения рождаемости присутствует в программных документах. В этой связи исследования, позволяющие разделить эффекты влияния на рост рождаемости различных демографических факторов, сохраняют свою актуальность.

Исследованию вопросов, связанных с оценкой влияния мер социальной политики на репродуктивное поведение граждан, посвящен широкий круг экономических, демографических и социологических публикаций. Методологически большинство из них опирается на концепцию, согласно которой анализируются семьи, в которых родились дети в тот или иной период. Более узкий перечень работ посвящен проблеме выделения локальных факторов социально-экономической политики из общего пакета мер, направленных

на стимулирование рождаемости. Ряд работ опирается на экономический аналог анализа выживаемости, рассматривающий в комплексе последовательный ряд экономических и демографических событий, имеющих место в одном и том же домашнем хозяйстве. Методы исследования репродуктивного поведения, базирующиеся на комплексном анализе состояния социально-экономической ситуации, имеющей место накануне рождения детей, в российских научных исследованиях применяются достаточно редко. Примером могут служить публикации, эмпирической базой которых являются лонгитюдные обследования, а методология анализа ориентирована на сравнение данных различных волн.

Основная проблема, возникающая при исследовании репродуктивного поведения семей, связана с тем, что семья до и после рождения ребенка — два разных объекта. На решение завести ребенка влияет множество факторов (спонтанные решения и незапланированные беременности рассматриваться не будут), и если рассматривать домашнее хозяйство после рождения ребенка, то появляются факторы, которые невозможно или, по крайней мере, крайне тяжело прогнозировать. Так, изменяются доходные и расходные характеристики домашнего хозяйства, среднестатистические показатели доходов заметно падают, а жилищные условия существенно ухудшаются. Отсюда распространено заблуждение, что больше детей рождается в бедных семьях, на самом же деле семьи беднеют с рождением очередного ребенка. Таким образом, неверно рассматривать домашнее хозяйство с уже родившимися детьми на предмет социально-экономических факторов, побудивших их к деторождению.

Существует несколько подходов, в рамках которых структура и характеристики домашнего хозяйства корректируются с учетом рождения ребенка таким образом, что оно превращается в это же домашнее хозяйство, но в момент времени до рождения ребенка. У этих подходов есть некоторые недостатки. Часть характеристик домашнего хозяйства восстановить не сложно (жилищную площадь на душу, вычестить все пособия на ребенка), но с остальными могут возникнуть затруднения. Можно предположить, что с некоторой вероятностью изменилась занятость родителей, как следствие, мог измениться денежный доход домашнего хозяйства, причем как увеличиться, так и уменьшиться по причине ухода матери в декретный отпуск или прекращении трудовой деятельности, так и, наоборот, по причине выхода на работу с целью получения дополнительного дохода на содержание ребенка, если есть возможность получения помощи по уходу за ребенком от родственников. Отец, в свою очередь, также может выйти на дополнительную работу, либо, наоборот, работать меньше, помогая супруге.

Очевидно, что должны измениться и расходы домашнего хозяйства — не только количественно, но и структурно. Предсказать, как именно и в какую

сторону в каждом случае они изменятся, тоже непросто. Дополнительный расход на ребенка может варьироваться в разных типах населенных пунктов, различных субъектах Федерации и типах домашних хозяйств, он может варьироваться от почти нулевого до сопоставимого со среднестатистическим денежным доходом. Также могут прибыть либо убыть члены домашнего хозяйства по различным причинам, приехать родственники для оказания помощи в уходе за ребенком или, наоборот, убыть, чтобы освободить жилую площадь. Вычислить такие изменения достаточно тяжело и не всегда возможно в корректной форме. Существуют различные подходы для оценки влияния социально-экономических факторов на решение завести ребенка.

Один из них – эмпирический – моделирование известных социально-экономических и социально-демографических законов на выборочных данных. Некоторые законы очевидны на первый взгляд. Если ребенок родился в семье из N членов, то среднестатистический доход Y изменится на $Y = \left(1 - \frac{N}{N+1}\right)$, но, как было сказано выше, не все так просто, Y и N могут также меняться. Более того, не все законы неизменны, не все описаны однозначно или, по крайней мере, достаточно точно. Неизвестно, насколько склонны родители уходить с работы при рождении ребенка, и останется ли закон распределения вероятности неизменным на протяжении длительного времени.

Второй подход – статистический – основан на получении зависимостей на базе выборочных данных с дальнейшим моделированием. Для реализации этого подхода необходимо иметь лонгитюдное выборочное обследование, причем для получения более достоверной информации об интересующих нас связях обследование должно быть достаточно большого размера.

Постараемся подробнее рассмотреть второй подход. На данный момент существует два достаточно больших панельных обследования – РМЭЗ и РидМиЖ. Каждое содержит информацию по 11 тыс. индивидов. Для корректного моделирования необходимо достаточное разнообразие по различным типам домашних хозяйств и этого можно было бы добиться, используя эти обследования, но было бы гораздо лучше иметь более обширное, регулярное обследование, такое как Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ). Проблема в том, что это не продольный, а поперечный срез общества, но на самом деле оно проводится ежеквартально в одних и тех же домашних хозяйствах, которые меняются каждый год. Объем выборки для каждого квартала в среднем составляет 50 тыс. домашних хозяйств, таким образом, за год опрашивается порядка 200 тыс. домашних хозяйств, а это соответствует 500 тыс. индивидов.

Серьезной проблемой является политика конфиденциальности Федеральной службы государственной статистики (Росстат), согласно которой номера бюджетов изменяются ежеквартально и установить взаимно-однозначное соответствие между парой домашних хозяйств, присутствующих в выборочных совокупностях за разные периоды, основываясь на их порядковых характеристиках, — невозможно, как и отслеживать динамику социально-экономических и демографических показателей на протяжении даже одного года.

Таким образом, необходим алгоритм поиска этого взаимно-однозначного соответствия между домашними хозяйствами в Y_1 году, которые присутствуют и в Y_2 году. Назовем для краткости такие домашние хозяйства «парными». Поиск их будет осуществляться следующим образом: каждое домашнее хозяйство из Y_2 года будет сравниваться с каждым домашним хозяйством из Y_1 года. Можно сравнивать и в обратную сторону (Y_1 с Y_2), но это на количество операций существенного влияния не оказывает. Рассмотрим некоторое j_2 -е домашнее хозяйство, находящееся в выборочной совокупности Y_2 -го года, и множество J_1 — всех домашних хозяйств в выборочной совокупности Y_1 -го года и опишем алгоритм поиска «парных» домашних хозяйств для него.

Так как в обследовании есть информация по субъекту Федерации и типу населенного пункта, в котором проживает домашнее хозяйство, то на первом этапе можно отсеять те из них, которые находятся в разных субъектах РФ и разных типах населенных пунктов. В теории домашнее хозяйство может сменить место проживания внутри субъекта или переехать в другой, но в таком случае оно выбывает из массива опрашиваемых домашних хозяйств и далее не опрашивается. Таким образом, вводится ограничение на «парность» домашних хозяйств.

$$\begin{cases} R_{j_1}^{Y_1} = R_{j_2}^{Y_2} \\ T_{j_1}^{Y_1} = T_{j_2}^{Y_2} \end{cases}, j_1 \in J_1, \quad (1)$$

где $R_{j_1}^{Y_1}$ ($R_{j_2}^{Y_2}$) — субъект Федерации, $T_{j_1}^{Y_1}$ ($T_{j_2}^{Y_2}$) — тип населенного пункта, где проживает j_1 -е (j_2 -е) домашнее хозяйство в Y_1 (Y_2) году. Другими словами, в Y_2 году домашнее хозяйство j_2 проживает в $R_{j_2}^{Y_2}$ регионе и $T_{j_2}^{Y_2}$ типе населенного пункта и это тот же регион $R_{j_1}^{Y_1}$ и тип населенного пункта $T_{j_1}^{Y_1}$, в котором проживает домашнее хозяйство j_1 в Y_1 -м году.

После этого проводится второй уровень отсева по количеству членов в j_1 -м и j_2 -м домашнем хозяйстве. Это связано с тем, что нельзя считать домашние хозяйства «парными», если произошло много структурных изменений, выбыло или прибыло слишком большое количество членов относительно его нынешнего размера. По сути, это не очень большая проблема, если существует возможность однозначного определения «парности». Более того, было бы интересно оценить влияние убытия и прибытия членов на социально-экономические и демографические характеристики домашних хозяйств разного типа, проживающих на различных территориях. Кроме того, стоит задача моделирования различных мер социальной и семейной политики на множестве «парных» домашних хозяйств, и анализ изменения количества членов домашнего хозяйства будет излишним, по этой причине вводится ограничение на изменение количества членов в нем.

$$\left| \frac{\Delta Q_{j_1 j_2}^{Y_1 Y_2}}{Q_{j_2}^{Y_2}} \right| = \frac{|Q_{j_1}^{Y_1} - Q_{j_2}^{Y_2}|}{Q_{j_2}^{Y_2}} \leq K_1, \quad j_1 \in J_1, \quad (2)$$

где $Q_{j_1}^{Y_1}$ ($Q_{j_2}^{Y_2}$) – количество членов в j_1 -м (j_2 -м) домашнем хозяйстве в Y_1 (Y_2) году, $Q_{j_1 j_2}^{Y_1 Y_2}$ – их разница, K_1 – максимальная допустимая относительная разница в количестве членов этих домашних хозяйств. Вопрос выбора значения K_1 – отдельная задача, и будет рассмотрена ниже.

После второго этапа отсеивания можно приступить к поиску «парных» домашних хозяйств в двух совокупностях, первая – домашнее хозяйство j_2 , второе – оставшиеся домашние хозяйства из множества J_1 , обозначим их J_1' ($J_1' \subset J_1$), удовлетворяющие условиям:

$$\begin{cases} R_{j_1}^{Y_1} = R_{j_2}^{Y_2} \\ T_{j_1}^{Y_1} = T_{j_2}^{Y_2} \\ Q_{j_1}^{Y_1} \in [Q_{j_2}^{Y_2}(1 - K_1), Q_{j_2}^{Y_2}(1 + K_1)] \end{cases} \quad (3)$$

Начнем сравнение j_2 -го домашнего хозяйства с множеством $J_1' = \{j_1\}$, для этого каждого члена j_1 -го домашнего хозяйства необходимо сравнить с каждым членом j_2 -го домашнего хозяйства по полу и возрасту, все остальные характеристики будут считаться переменными. Два члена будут считаться одним лицом, если

$$\begin{cases} S_{i_1 j_1}^{Y_1} = S_{i_2 j_2}^{Y_2} \\ \left| A_{i_1 j_1}^{Y_1} - A_{i_1 j_1}^{Y_1} - (Y_2 - Y_1) \right| \leq 1 \end{cases} \quad (4)$$

где $S_{i_1 j_1}^{Y_1}$ ($S_{i_2 j_2}^{Y_2}$) – пол, $A_{i_1 j_1}^{Y_1}$ ($A_{i_2 j_2}^{Y_2}$) – возраст ($A_{i_1 j_1}^{Y_1}$) j_1 -го (j_2 -го) члена в j_1 -м (j_2 -м) домашнем хозяйстве в Y_1 (Y_2) году. Другими словами, пол $S_{i_1 j_1}^{Y_1}$ j_1 -го члена в j_1 -м домашнем хозяйстве в Y_1 году должен совпадать с полом $S_{i_2 j_2}^{Y_2}$ j_2 -го члена в j_2 -м домашнем хозяйстве в Y_1 (Y_2) году, и разница в возрастах $A_{i_1 j_1}^{Y_1}$ и $A_{i_2 j_2}^{Y_2}$ этих членов будет отличаться от разницы во времени проведения опроса не более чем на единицу по модулю. В связи с тем что в выборочной совокупности нет данных о точной дате рождения, приходится смириться с некоторыми вынужденными неточностями при выявлении разницы в возрасте потенциально совпадающих членов домашнего хозяйства.

Рассмотрим пример, у некоторого члена домашнего хозяйства день рождения во втором месяце квартала, ему исполнилось A лет в Y_1 -м году, соответственно в $(Y_1 + 1)$ -м году в том же самом квартале его возраст будет распределен так, как показано в табл. 1, в зависимости от месяца проведения опроса как в Y_1 -м году, так и $(Y_1 + 1)$ -м году. Именно по этой причине в (4) не строгое равенство $\left| A_{i_1 j_1}^{Y_1} - A_{i_1 j_1}^{Y_1} - (Y_2 - Y_1) \right| = 1$, а неравенство $\left| A_{i_1 j_1}^{Y_1} - A_{i_1 j_1}^{Y_1} - (Y_2 - Y_1) \right| \leq 1$.

Таблица 1. Увеличение возраста в зависимости от месяца проведения опроса

Y_2 \ Y_1	1-й месяц квартала	2-й месяц квартала	3-й месяц квартала
1-й месяц квартала	$A + 1$	$A + 2$	$A + 2$
2-й месяц квартала	A	$A + 1$	$A + 1$
3-й месяц квартала	A	A	$A + 1$

Если выполнены условия (4) для i_1 -го члена в i_1 -м домашнем хозяйстве, и $i_1 \in J_j'$ (выполнены условия (3)), то такой член домашнего хозяйства считается совпавшим и индикатор $I_{i_1 j_1}^{Y_1 Y_2} = 1$, иначе $I_{i_1 j_1}^{Y_1 Y_2} = 0$. Если $I_{i_2 j_2}^{Y_1 Y_2} = 1$, то i_1 -й и i_2 -й члены домашних хозяйств i_1 и i_2 с остальными членами не сравниваются, чтобы не посчитать их дважды, между ними установлено взаимно-

однозначное соответствие. Далее производится суммирование всех индикаторов совпадения:

$$I_{j_1 j_2}^{Y_1 Y_2} = \sum_{i_1=1}^{Q_{j_1}^{Y_1}} I_{i_1 j_2}^{Y_1 Y_2} \cdot \quad (5)$$

Будем считать домашнее хозяйство парным, если выполнены условия (3), (4) и (6).

$$\left\{ \begin{array}{l} I_{j_1 j_2}^{Y_1 Y_2} \\ \frac{Q_{j_1}^{Y_1}}{j_1 j_2} \geq K_2 \\ Q_{j_1}^{Y_1} \\ I_{j_1 j_2}^{Y_1 Y_2} \\ \frac{Q_{j_2}^{Y_2}}{j_1 j_2} \geq K_2 \\ Q_{j_2}^{Y_2} \end{array} \right. \quad (6)$$

Вернемся к вопросу выбора коэффициента максимальной допустимой разницы в размерах домашних хозяйств K_1 ($K_1 \in [0,1]$) и коэффициента минимальной доли совпавших членов K_2 ($K_2 \in [0,1]$). Если структура домашнего хозяйства претерпела сильные изменения, например, выбыло или прибыло относительно большое количество членов, то его нельзя считать тем же самым, за это отвечает коэффициент K_1 . Если же на место убывших членов прибыли другие, такое домашнее хозяйство тоже нельзя считать «парным» по причине возможного значительного изменения социально-экономических характеристик, за это отвечает коэффициент K_2 . Возникает вопрос, какие значения коэффициентов выбирать, какое изменение в структуре не изменяет социально-экономических характеристик домашнего хозяйства настолько, чтобы можно было проводить статистический анализ. Для ответа на эти вопросы необходимо анализировать панельные данные – это отдельная задача. При уменьшении K_1 и увеличении K_2 надежность отсева увеличивается, но количество «парных» домашних хозяйств уменьшится, на практике получается, что при выборе разнообразных K_1 и K_2 количество парных домашних хозяйств меняется незначительно. Это говорит о том, что количество и, главное, качество выбранных характеристик обеспечивает достаточное разнообразие домашних хозяйств и надежность. Выберем $K_1 = 1 - K_2$ и рассмотрим домашние хозяйства, в которых родились дети в 2009 г. и которые есть в выборке 2008 г. (табл. 2). При значениях $K_2 \geq 0,9$, $K_1 \leq 0,1$ количество таких домашних хозяйств не меняется с ростом K_2 (уменьшением K_1). При $K_2 < 0,9$,

$K_1 > 0,1$ количество «парных» домашних хозяйств начинает расти. Предлагается выбрать значения $K_1 = 0,2$ и $K_2 = 0,8$, при этом добавится не так много домашних хозяйств (1097 (3,5%)), но сохраняется некоторая гибкость выбора.

Конечно, выбор коэффициентов весьма условен на этом этапе и требует более детального рассмотрения в дальнейшем.

Таблица 2. Количество домашних хозяйств, которые присутствуют в выборочной совокупности 2008 г. и в которых в 2009 г. родились дети

$1 - K_1$ и K_2	Количество совпавших домашних хозяйств
1,00	3115
0,95	3115
0,90	3115
0,85	3132
0,80	3224
0,75	3959

Остается открытым вопрос о лонгитюдности выборочных данных. Наибольшее количество «парных» домашних хозяйств встречается при их поиске в одинаковых кварталах соседних годов, если же кварталы различны, то домашних хозяйств гораздо меньше (не более 20), это подтверждает наличие лонгитюдности в обследовании, а также дает оценку ошибки второго рода, т.е. количеству домашних хозяйств, в которых характеристики, используемые в ходе отбора ((3), (4) и (6)), совпали случайно. По этой причине поиск следует вести в одинаковых кварталах разных годов, несмотря на то, что ошибка не превышает 2%.

Для выяснения предпосылок рождения ребенка в домашнем хозяйстве необходимо сопоставить изменения социально-экономических факторов до соответствующего им принятия решения, в момент принятия решения и после рождения ребенка. Для упрощения исследования характеристик, влияющих на репродуктивное поведение, множество «парных» домашних хозяйств по каждому из кварталов одного года объединяются в одно. В таком случае количество «парных» домашних хозяйств, в которых родились дети, превышает 3 тыс. (табл. 3), а количество домашних хозяйств, в которых не родились дети, более 100 тыс. (табл. 4).

Факт лонгитюдности выборки не дает права считать, что данные можно использовать для проведения статистического анализа (регрессионного, факторного, латентно-структурного или любого другого). Необходимо, чтобы выборка была репрезентативна по исследуемым факторам, т.е. совпадала

Таблица 3. Количество домашних хозяйств, которые присутствуют в выборочной совокупности Y_1 года и в которых родились дети в Y_2 году

$Y_1 \backslash Y_2$	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
2006				
2007	3242			
2008	3733	3733		
2009	3876	3887	3224	

Таблица 4. Количество домашних хозяйств, которые присутствуют в выборочной совокупности Y_1 года и в которых родились или не родились дети в следующем году

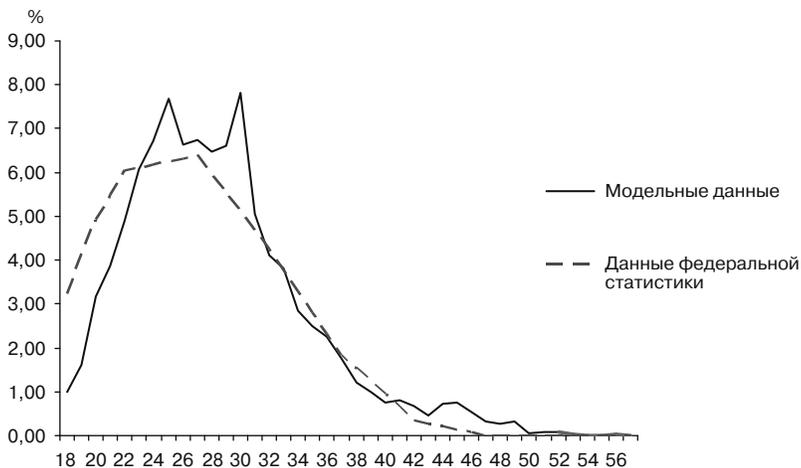
		2006 г.	2007 г.	2008 г.
Домашние хозяйства, в которых ребенок	родится через год	3242	3733	3224
	не родится	119 331	122 098	117 884

или по крайней мере была близка к данным, публикуемым Федеральной службой государственной статистики. Если данные по некоторым показателям не публикуются, то они не должны противоречить здравому смыслу.

Анализ полученных данных показывает, что они вполне репрезентативны относительно федеральной статистики, городское население составляет 65–70%, распределение родившихся по возрасту матери достаточно близко к распределению по данным федеральной статистики (рис. 1).

Некоторые данные невозможно получить из данных федеральной статистики, но это не означает, что их не нужно проверять. При рассмотрении распределения родившихся по возрасту отца (рис. 2) большая часть детей рождается в семьях с отцами в возрасте 24–34 года. Нельзя наверняка сказать, насколько это соответствует действительности, так как не с чем сравнивать, но, по крайней мере, не противоречит здравому смыслу. Другим примером является распределение родившихся по очередности рождения (рис. 3).

Таким образом, в выборочном обследовании выделены домашние хозяйства, которые можно рассматривать как группу, которая переходит из обследования в обследование, т.е. формирует панель. По этой причине мы называем эту группу псевдолонгитюдной, она является репрезентативной по многим показателям. В рамках этого представления становится возможным исследовать некоторые социально-демографические характеристики,

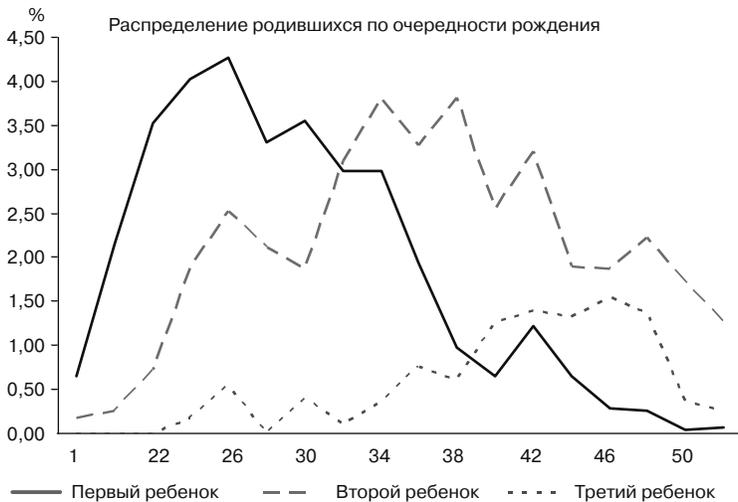

Рис. 1. Распределение родившихся по возрасту матери в 2009 г., % от общего количества рожденных

Рис. 2. Распределение родившихся по возрасту отца в 2009 г., % от общего количества рожденных

значения которых не публикуются или публикуются крайне редко (например, характеристики рождаемости для разных социально-демографических типов домашних хозяйств). Использование этой методики позволяет проводить статистический анализ данных достаточно часто, а в силу того, что

Рис. 3. Распределение родившихся по очередности рождения в 2009 г., % от общего количества рожденных

объем данных достаточно большой, значимость полученных результатов существенно повышается. Выявленные статистические зависимости могут быть использованы для оценки влияния мероприятий социальной политики в области демографии на основе специальных моделей.

- П99 **XV Апрельская** международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Текст] : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 100 экз. — ISBN 978-5-7598-1235-7 (в обл.).
Кн. 3. — 545, [1] с. — ISBN 978-5-7598-1238-8 (кн. 3).

Сборник составлен по итогам XV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, организованной Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда и проходившей 1—4 апреля 2014 г. в Москве.

Рассматриваются следующие темы: демография и рынки труда, медиакоммуникации, менеджмент, наука и инновации, долгосрочное прогнозирование науки, технологий и инноваций, социально-культурные процессы, общество и социальная политика.

Для экономистов, менеджеров, социологов, специалистов по медиакоммуникациям, а также студентов, аспирантов и преподавателей вузов. Книга может быть полезна всем, кто интересуется проблемами и перспективами реформирования российской экономики.

УДК 330.101.5(063)
ББК 65.012

Научное издание

XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества

В четырех книгах

Книга 3

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *А.В. Заиченко*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Ю.Н. Петрина*

Корректор *А.В. Заиченко*

Подписано в печать 23.03.2015. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 33,1. Уч.-изд. л. 35,5. Тираж 100 экз. Изд. № 1828

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

При участии Всемирного банка и Международного валютного фонда

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРЫ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРЫ

ПАРТНЕРЫ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

WWW.HSE.RU